

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Институт культурных программ
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачёва

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е.В. Анисимов*, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- В.Е. Багно*, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г.В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д.А. Гранин*, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачёва
- Д.Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е.Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А.В. Кобак*, руководитель Института Петра Великого, директор Фонда имени Д.С. Лихачёва
- А.Н. Колякин*, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
- Н.Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О.Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачёва
- М.Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- И.Ф. Свидерская*, руководитель программ Института Петра Великого
- Ю.К. Чистов*, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

PETRO primo
CATHARINA secunda

**Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы**

Материалы
VIII Международного петровского конгресса

*Санкт-Петербург
10–11 июня 2016 года*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2017

Издано при поддержке
ПАО «Газпром»

Составители:

Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова

Подготовка текста, указатель имён:

Г.Б. Богуславская

Фото на обложке:

С.К. Ионов

«PETRO primo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2017 — 570 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0384-4

© Институт культурных программ, 2017

© Фонд имени Д.С. Лихачёва, 2017

© Издательство «Европейский Дом», 2017

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>А.В. Гордон</i> (Москва). Формирование образа имперской власти от Петра I к Екатерине II	11
<i>Г.Л. Тульчинский</i> (Санкт-Петербург). Эпохи Петра I и Екатерины II: Факторы успешных российских модернизаций	22
<i>Г.В. Ибнеева</i> (Казань). Идеология «регулярного» государства в реформаторской деятельности Петра I и Екатерины II: Социально-политический аспект	28
<i>Р.В. Реброва</i> (Санкт-Петербург). Реформирование монастырей: От Петра I и его «Положения о монастырях» к Екатерине II и изданию штатов о Духовных имениях	38
<i>Е.В. Бородина, А. Плате</i> (Екатеринбург). Судебные реформы в законодательстве и практике Петра I и Екатерины II	45
<i>А.Н. Пермякова</i> (Санкт-Петербург). «Правосудие с милостию не мешать»: Практики помилования при Петре I и Екатерине II	55
<i>А.Д. Марголис</i> (Санкт-Петербург). Каторга в России при Петре I и Екатерине II	65
<i>Е.Н. Марасинова</i> (Москва). «От кнута последует скорбь, от покаяния – восчувствование»: К истории наказаний за тяжкие преступления в России XVIII века	69

МОНАРХ, НАСЛЕДНИКИ, ФАВОРИТЫ

<i>С.А. Мезин</i> (Саратов). Екатерина II о Петре I	81
<i>Т.А. Лантева</i> (Москва). Наследник престола: Благословение или испытание? Пётр I и Екатерина II о престолонаследии в России	93
<i>Э. Вагеманс</i> (Бельгия). Пётр I – Екатерина II: Длинная тень Петра Великого за спиной цесаревича Павла Петровича	101
<i>О.Г. Агеева</i> (Москва). Миф о монархе-преемнике Петра Великого при Екатерине II	106
<i>Н.Ю. Болотина</i> (Москва). Фаворитизм в XVIII столетии: Неформальный институт управления и его представители	116

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ

<i>Д.И. Раскин</i> (Санкт-Петербург). «Источник всех сокровищ и богатств государственных» в законодательстве и политике Петра I и Екатерины II (в контексте европейской экономической мысли XVII–XVIII веков)	125
<i>В.Л. Степанов</i> (Москва). Война и финансы в царствование Петра I и Екатерины II	134
<i>П.В. Лизунов</i> (Архангельск). Биржа, купечество и торговля в России: От Петра I до Екатерины II	140
<i>Н.В. Козлова</i> (Москва). Статус российского купца в общественном сознании и в законодательной практике XVIII века	149
<i>П.М. Демченко</i> (Санкт-Петербург). Внешнеторговая политика при Петре I и Екатерине II: Торговый флот во внешней политике	157
<i>Г.А. Фафурин</i> (Санкт-Петербург). Торговля европейской книгой в России при Петре I и Екатерине II: Рост объёмов и расширение тематики	166
<i>А.В. Крайковский, М.М. Дадыкина</i> (Санкт-Петербург). «Грунляндские торги»: Монопольные сальные компании от Петра I до Екатерины II (1703–1768)	178

НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

<i>М.Р. Масса-Эстева</i> (Испания). Санкт-Петербургская Академия наук от Петра I до Екатерины II: Леонард Эйлер	190
<i>Г.И. Смагина</i> (Санкт-Петербург). Екатерина II, Академия наук и школьная реформа	203
<i>М.В. Шкаровский</i> (Санкт-Петербург). Духовное образование в Санкт-Петербурге при Петре I и Екатерине II	213
<i>М. Пфаффенбихлер</i> (Австрия). Искусство коллекционирования	224
<i>Г.Н. Питулько</i> (Санкт-Петербург). Книга в России XVIII века как инструмент просвещённой монархии: От Петра I до Екатерины II	233
<i>Ю.Г. Клименко</i> (Москва). Французский классицизм в архитектурных программах Петра I и Екатерины II	242
<i>С.И. Баранова</i> (Москва), <i>А.Е. Ухналёв</i> (Санкт-Петербург). Екатерининский дворец в Коломенском и московское дворцовое строительство в первой половине царствования Екатерины II	254
<i>И.Н. Юркин</i> (Москва). Двое великих: Образы власти в зеркале мирового кинематографа	266

РОССИЯ И ЕВРОПА

<i>Э. Вагеманс</i> (Бельгия). Пётр I и Екатерина II глазами европейцев	279
<i>Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич</i> (Франция). Иностранцы в России в Петровскую и Екатерининскую эпохи	283
<i>М.Ю. Люстров</i> (Москва). «PETRO Primo CATHARINA Secunda»: Взгляд из густавианской Швеции	295
<i>М.Г. Талалай</i> (Италия). Итальянский вектор внешней политики России в XVIII столетии	302
<i>У. Спаджари</i> (Италия). Пётр Великий, Екатерина II и «Миланская школа»	310
<i>А.М. Сальваде</i> (Италия). Екатерина II и итальянские поэты второй половины XVIII века	320
<i>Т.П. Мазур</i> (Санкт-Петербург). Иностранцы моряки екатерининского призыва на службе в Российском военно-морском флоте и их роль в защите интересов России на западных и южных рубежах	331

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

<i>М.Н. Микишатев</i> (Санкт-Петербург). От Леблона до Квасова: Итоги градостроительного развития Петербурга в XVIII веке	340
<i>П.Е. Сорокин, Н.В. Новосёлов</i> (Санкт-Петербург). Летний сад от Петра I до Екатерины II: Общие тенденции развития	355
<i>Е.А. Андреева</i> (Санкт-Петербург). Меншиковский дворец: От Петра I к Екатерине II	369
<i>Д.Я. Северюхин</i> (Санкт-Петербург). Художник в Санкт-Петербурге XVIII века	379
<i>Н.Р. Славнитский</i> (Санкт-Петербург). Коменданты Санкт-Петербургской крепости в царствование Петра I и Екатерины II	391
<i>И.О. Пащинская</i> (Санкт-Петербург). Празднование Петрова дня в Петергофе в годы царствования Екатерины Великой	400
<i>В.М. Пирогов</i> (Кронштадт). Кронштадт в деяниях двух «Великих» — Петра и Екатерины	414
<i>Александр Берташ, прот.</i> (Санкт-Петербург — Германия). От Петровского наследия — к Екатерининскому царствованию: Благовещенская церковь на Васильевском острове и храмостроительство её времени	425
<i>А.Д. Ерофеев</i> (Санкт-Петербург). Имена двух Великих на карте Петербурга	441

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

<i>В.М. Марасанова</i> (Ярославль). Региональное измерение реформ государственного управления Петра I и Екатерины II	447
<i>П.А. Аваков</i> (Ростов-на-Дону). Наследие Петра I в политике Екатерины II в Приазовье-Причерноморье	456
<i>А.М. Пашков</i> (Петрозаводск). Metallургические заводы Олонецкого края при Петре I и при Екатерине II: Две стадии одного процесса	473
<i>Н.С. Корепанов, С.А. Корепанова</i> (Екатеринбург). Особенности территориального управления на горнозаводском Урале при Петре I и Екатерине II	483
<i>С.Н. Третьякова</i> (Северодвинск). Освоение Северного морского пути в государственных планах российских правителей — от Петра I к Екатерине II	491
<i>А.Н. Акиншин</i> (Воронеж). Петровский и екатерининский Воронеж: Поиск вектора направленности реформ	500
<i>В.В. Аристов</i> (Кингисепп). Ямбург: От «новопостроенного города» Петра I к «возобновлённому городу» Екатерины II	509
Список сокращений	528
Указатель имён	530

Предисловие

10–11 июня 2016 года в Санкт-Петербурге состоялся VIII Международный петровский конгресс «PETRO primo CATHARINA secunda»: два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы». Ежегодные петровские конгрессы проходят с 2009 года и приурочены ко дню рождения Петра Великого, который отмечается 9 июня.

В название конгресса вынесены слова, выбитые по приказу Екатерины Великой на постаменте Медного всадника и как бы устанавливающие линию преемственности между деяниями Петра I и царствованием Екатерины II.

В торжественной церемонии открытия конгресса приняли участие заместитель Министра культуры РФ А.Ю. Манилова, вице-губернатор Санкт-Петербурга В.В. Кириллов, директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский, писатель Д.А. Гранин, российские и европейские учёные, представители учреждений культуры и гуманитарной науки.

Организаторами конгресса выступили Министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд имени Д.С. Лихачёва.

В числе участников конгресса были гости из многих городов России: Петербурга, Москвы, Архангельска, Воронежа, Екатеринбургa, Казани, Кингисеппа, Кронштадта, Липецка, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Северодвинска, Тольятти, Ярославля, а также делегации зарубежных стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции, Эстонии.

Вечером 10 июня 2016 года в Эрмитажном театре в честь Дня рождения Петра Великого и открытия Петровского конгресса состоялся спектакль-дивертисмент «Были и небылицы», посвящённый основательнице Эрмитажа и Эрмитажного театра Екатерине Великой.

* * *

В сознании россиян два монарха в истории России выделяются безусловно: Пётр I и Екатерина II. Это не случайно. На роль петровских наследников и продолжателей его дела претендовали едва ли не все российские правители. Однако историческая память поставила в ранг, сравнимый с петровским, лишь одну императрицу — Екатерину II. Лишь ей одной был присвоен титул «Великой», по аналогии с Петром Великим.

Между Петром Великим и Екатериной значительно больше связей, чем представляется на первый взгляд — от символических до реальных. Вспомним встречу Петра I с прусским королём Фридрихом Вильгельмом I в только что завоёванном Щецине в 1716 году. Мог ли Пётр тогда знать, что через 13 лет, в 1729 году в этом городе родится девочка, которая в будущем продолжит его реформы и послужит величию его страны — Екатерина II? Или Санкт-Петербург — основанный Петром и получивший свой классический «строгий, стройный вид» при Екатерине?

После напряжения петровских реформ стране был необходим отдых и медленное освоение нового европейского опыта, который должен был стать органичным для государства и правящего сословия. Фактически, в течение сорока лет, прошедших после Петра I, страна двигалась в русле его реформ, доделывала то, что было им задумано: от обследования обширнейших территорий до создания высшего образования, от укрепления мануфактур до развития науки.

Однако лишь Екатерине II удалось решить многие из поставленных Петром Великим задач и пойти дальше: создание системы общего образования, восстановление флота, расширение империи, успешная внешняя политика, реорганизация местного управления, развитие градостроительства, промышленности, торговли, науки и искусства.

Вспомним два литературных образа: «птенцы гнезда петрова» и «екатерининские орлы». Речь идёт не просто о свитах, но о сподвижниках и единомышленниках. Ни одно другое императорское окружение не вошло в историю с такими характеристиками. Эти два монарха не боялись окружать себя яркими, неординарными личностями. Про окружение Екатерины было сказано: «Её орлам прощаются все пороки, кроме одного — бездарности» (Н. Эйдельман).

Екатерина II венчает одну эпоху в истории страны и открывает новую. Всё это и ставит её в ранг наиболее уважаемых в истории России монархов.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Гордон Александр Владимирович

(Москва)

*Заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии
Института научной информации по общественным наукам РАН*

Формирование образа имперской власти от Петра I к Екатерине II¹

В современную эпоху крутых поворотов в жизни страны резко возрос интерес к прошлому. Особое внимание привлекает XVIII век, время глубоких преобразований. Как при всём драматизме реформаторства и противоречивости итогов деятельность основателей Российской империи была воспринята национальным сознанием, усвоена культурной традицией? Одним из подходов может стать анализ «символической политики»².

Такой анализ ориентирует на отправление власти, способы её репрезентации, образный строй политического дискурса, ритуализованность политического процесса. В центре внимания оказываются архетипы, укоренённые в исторической памяти нации и образующие базовый слой национальной идентичности. Каковы эти ар-

---

¹ Ранняя версия опубли.: Canadian American Slavic studies. S. 1. 2004. Vol. 38, № 1–2. P. 11–32. Полный вариант: Гордон А.В. Создание образа имперской власти в России (типическое и архетипическое) // Труды по русистике. Вып. 4. М., 2012. С. 275–296.

² См.: Символическая политика. Вып. 1–2. М.: ИНИОН, 2012–2014.

хетипы, как они утверждались при формировании имперской государственности в России, как при этом происходило сращивание национальной традиции с идеологемами Просвещения?

Основатель Российской империи вошёл в историю в статусе Преобразователя. Пётр I воплощал своей деятельностью и личностью особую привилегию правителя «власть преобразовывать»³. Эта исключительная функция нашла выражение в государственной символике эпохи – сотворения новой России («России молодой»). В размышлениях о своём месте в судьбе страны Преобразователю оказался близок классический мотив Пигмалиона и Галатеи⁴. «Россия вся есть статуя твоя, изрядным майстарством от тебя переделанная»⁵, – провозглашал Феофан Прокопович.

Аллегория царя-скульптора, ваяющего страну по своему замыслу из косной материи, соответствовала европейским канонам, и царь-преобразователь сделался воплощением идеологом «просвещённого абсолютизма» для властителей дум эпохи от Лейбница до Вольтера. Русского царя уподобляли цивилизаторам классической древности, а сама страна сделалась иллюстрацией *tabula rasa*. Очевидно влияние представлений о преимуществах подобной культурной девственности на идеи и сам стиль преобразований.

Тем не менее универсальная модель Просвещения не вполне подходит к преобразованиям Петра I и не учитывает национально-культурные истоки взятой им на себя роли. «Власть преобразовывать» воспроизводила важнейший для национальной традиции архетип Крещения Руси. Неслучайно культуртрегерская деятельность Петра I была названа исследователями «крещением в Просвещение»⁶.

Думал ли Пётр I, что заимствует модель культуротворчества киевского великого князя, провозглашённого «равноапостольным»? Маловероятно. Осознавая свою духовную миссию, царь-преобразователь видел её в распространении в России дохристианской учёности. Он был уверен, что новоевропейская культура – это «прежняя Греческие искусства, науки и образ жизни». Из Греции они распро-

³ Уортман Р. Изобретение традиции в репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. М., 2002. № 56. С. 34.

⁴ См.: Матвеев В.Ю. К истории возникновения и развития сюжета «Пётр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII века. Л.: Искусство, 1981.

⁵ Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого // Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 144.

⁶ См.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Учёные записки Тартуского университета. Вып. 414. Труды по рус. и слав. филологии. № 28. Тарту, 1977.

странились по Европе. «Теперь, — обращался царь к приближённым, — очередь доходит до нас, если только вы поддержите меня»⁷. В таком контексте не было необходимости использовать для легитимации преобразований авторитет крестителя Руси. Это даёт основания полагать, что в основе сходного способа культуротворчества разных эпох — его глубокая укоренённость в традиции. Мы имеем дело с архетипом «власти преобразовывать», а не с манипулированием исходной моделью.

Об укоренённости в сознании российской элиты XVIII века мотива императорского творчества свидетельствует восприятие Медного всадника. Проникшись символикой замещения классического пьедестала «диким камнем», Карамзин восклицал: «Сей камень служит убедительным образом того состояния России, в котором была она до времён своего преобразователя»⁸. С Петровских времён право на радикальное переустройство жизни страны, освящённое радением о её будущем, сделалось частью национального восприятия верховной власти, высшим признанием её легитимности. Обратным образом легитимность «власти преобразовывать» становилась в национальном сознании компонентом сакрализации власти⁹.

При всей радикальности производимых перемен Преобразователь приложил немало усилий, чтобы интегрировать их в национальную традицию. Поражает масштабная ритуальная деятельность царя при основании Петербурга. Пётр I сделал, наверное, всё возможное, чтобы имперская столица воспринималась сакральным центром страны. Можно считать определение «парадиз» — так царь упорно именовал основанный им город — метафорой, доказывающей, однако, как дорого было создателю его детище. Вместе с тем данное понятие органично мышлению Петра I, несомненно, помнившего, какое высокое место оно занимало в религиозно-ценностной иерархии.

Целеустремлённым храмоздательством царь добивался превращения своего «парадиза» в средоточие важнейших ритуалов — Петра и Павла, Казанской иконы Богоматери, Андрея Первозванного. И, вероятно, наиболее значимого в тот исторический момент святого — Александра Невского, культу которого царь придал соответствующий потребностям момента смысл.

---

⁷ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента // Русский архив. № 6. СПб., 1872. Стб. 1073–1075.

⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 199.

⁹ См.: Гордон А.В. Архетипы российской власти // Куда идёт Россия? М.: МВШСЭН, 2000. С. 21–29.

Учреждением Александро-Невского монастыря вскоре после Полтавской победы над шведским королём, одержанной под руководством царя, устанавливалось прямое преемство по военно-героической линии между Петром I и прославленным государственным деятелем Древней Руси. Эта линия была ещё сильнее подчеркнута «подправлением» церковных установлений. Постановлением Синода от 15 июня 1724 года было предписано: «Святого благоверного великого князя Александра Невского... отныне... в монашеской персоне никому отнюдь не писать... а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских»¹⁰.

Сакрализации новой столицы должен был служить и столь значимый в русской православной традиции культ св. Андрея Первозванного¹¹. Учреждением в его честь высшего ордена и военного знамени царь преобразил культ в новый государственный ритуал. Апостол становился заодно небесным покровителем Санкт-Петербурга. При основании города, согласно официальному тексту «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга»¹², был зарыт ковчег с его мощами.

Этот же текст может служить свидетельством актуализации при основании имперской столицы России архетипа «третьего Рима», причём центральной в Петровскую эпоху становится перспектива мировой империи, соответствующей стандартам цивилизации Нового времени (а не идея верного конфессиональной традиции религиозно-сакрального царства). В тексте основание «царствующего

---

¹⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб: Синодальная типография, 1876. Т. 4. С. 148.

¹¹ Интересно предположение О.Г. Агеевой, что Пётр I собирался сделать культ Андрея Первозванного важнейшим в новой столице и всём государстве, поскольку, по убеждению царя, «народ российский первое начало христианской веры от него восприял» (Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб.: Блиц, 1999. С. 286–287).

¹² Этот замечательный с точки зрения собрания архетипов власти текст опубликован дважды: Г.В. Есиповым в 1863 г. в «Русском архиве» и Ю.Н. Беспятым в приложении к книге «Петербург Петра I в иностранных описаниях», оба раза без датировки и комментариев. Использование текста в отечественной научной литературе началось совсем недавно, между тем, как замечает П.А. Кротов, особое значение ему придают личные пометы царя и указание на принадлежность к бумагам из его кабинета (Кротов П.А. Рождение Балтийского военноморского флота // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 211). Ранее упоминание текста см.: Петербург петровского времени / Под ред. А.В. Предтеченского. Л.: Лениздат, 1948. С. 42–43.

града» Петербурга напрямую соотносится символической связью с основанием Царьграда-Константинополя¹³. Новоучреждённая Российская империя провозглашается преемницей предыдущих (Восточной, Греческой и Римской). Обогащённая «всеми добродетельми и науками» она, пророчит анонимный автор, превзойдёт предшественниц и своими делами. Под её властью окажутся «многие языцы» и «многие цари»¹⁴.

Архетип «третьего Рима» отчётливо выявлялся в привлечении для сакрализации новой столицы апостола Петра. Исследователи обращают внимание на разнообразные способы уподобления новой столицы страны Вечному городу (собственно наименование; посвящение главного храма; конфигурация элементов и символика герба)¹⁵.

С привлечением харизмы «верховных апостолов» Петра и Павла происходила ритуализация противостояния нового центра страны прежней столице. Как истинный город св. Петра Петербург противопоставлялся и извращённому «папской ересью» Риму, и «папезной» Москве, олицетворявшей для царя «папское властолюбие» патриархов и ханжескую архаику государственного ритуала Московского царства. Воплощая новую Россию, Санкт-Петербург одновременно как бы заместил прежнюю столицу в важнейшем национально-архетипическом образе нового Рима.

Петербург для царя-реформатора явился не только «окном в Европу», но и «окном в Россию», инструментом и прообразом её обновления¹⁶. «Промыслительная», говоря словами В.Н. Топорова, роль Санкт-Петербурга в «антиэнтропическом» устремлении страны¹⁷ заслуживает специального культурно-исторического анализа в связи с формированием новой российской государственности. Про-

¹³ О сближении Петра I с византийским императором см.: *Вилинбахов Г.В.* Основание Петербурга и имперская эмблематика // Учёные записки Тартуского ун-та. № 664. Труды по знаковым системам 18. Тарту, 1984. С. 49–53.

¹⁴ Цит. по публикации: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991. С. 261–262.

¹⁵ См.: *Успенский Б.А., Лотман Ю.М.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 64.

¹⁶ Пётр, основывая Петербург, «пытался именно не столько на Европу смотреть через окно из России, сколько на Россию из Европы» (*Успенский Б.А.* Россия и Запад в XVIII в. // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.: Университетская книга, 2001. С. 390).

¹⁷ *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст» русской литературы // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 320.

исходил невиданный в истории страны по своим масштабам и форсированности культурный синтез: традиция сплавлялась с идеологемами европейского Просвещения.

Все модернизаторские деяния Петра I – от сооружения новой столицы до введения нового летосчисления, от гражданского шрифта до «Табели о рангах», от чужеземных форм общения до чужеземной одежды – имели не только функциональное, но и глубоко символическое значение¹⁸, сопровождаясь различными обрядовыми церемониями, в центре которых выступал лично государь. Формирование новоевропейской государственности отнюдь не снижало значение архетипической легитимности. Переплетением обеих линий ознаменовался и второй этап российского Просвещения, связанный с именем Екатерины II.

Екатерина II продолжила преобразовательную деятельность Петра I в новое культурно-историческое время, когда отождествление прошлого страны с *tabula rasa* сделалось предосудительным для пробуждённого петровскими реформами национального самосознания культурной элиты. М.М. Щербатов («О повреждении нравов в России»), И.Н. Болтин («Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка»), Е.Р. Дашкова (в своих «Записках»), как и поздний Карамзин, автор «Записки о древней и новой России», развивали – каждый по-своему – тему «повреждения нравов» в ходе реформ, обращая внимание в частности на несоответствие методов преобразований просвещенческим идеалам. Особой темой в критике реформ сделались избыточность европеизации в культурной сфере (не стоило вторгаться в сферу нравов и обычаев, оскорбительно было европеизировать одежду и брить бороды, достаточно было заимствовать научные знания и технические приёмы) и необходимость сохранения преемственности с национальной традицией.

Желая сохранить сам дух преобразований, царица искала для них обоснование одновременно в идеях Просвещения и в национальной традиции. Объявив себя преемницей Преобразователя, Екатерина II закрепила курс на европеизацию России. Она ввела в национальный политический обиход важнейший постулат, что Россия была европейской страной ещё в допетровское время. Заглавная статья «Наказа», программного документа российского Просвещения, звучала как манифест: «Россия есть европейская держава». К этому следовало красноречивое обоснование: «Пётр Первый, вводя

---

¹⁸ См.: *Артемова Т.В.* Утопические архетипы в русской культуре // Философский век. 13. СПб.: С-Петербургский центр истории идей, 2000. С. 15–21.

нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашёл тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»¹⁹.

Написанный по-французски и по французским источникам «Наказ» — продукт увлечения императрицы политической мыслью эпохи Просвещения — должен был придать России вид «регулярной» европейской монархии. И не случайно историки до сих пор спорят, чего было больше в этом документе: реальных планов государственного переустройства или «репрезентации», задача которой продемонстрировать «просвещённость» императрицы и одновременно утвердить ритуально-архетипическую «власть преобразовывать»?

То же направление переосмысления национальной традиции в духе и терминологии времени прослеживается в выдающемся произведении контрпропаганды эпохи Просвещения «Антидоте». Отвергая распространявшиеся путешественниками из более просвещённых европейских стран стереотипы «варварства», «деспотизма», «крепостного рабства», Екатерина II защищала историческое и культурное своеобразие России с просвещенческих позиций как своеобразии страны европейской²⁰.

Именно при Екатерине II был со всей отчётливостью поставлен вопрос об исторической самобытности России. Со становлением имперской государственности и появлением просвещённой элиты варяжский «след» стал возмущать национальную гордость и отчаянно оспаривался патриотическими историками, начиная с М.В. Ломоносова. Между тем легендарный сюжет укоренился в историческом сознании. В этих условиях Екатерина II проявила себя замечательным культурным комбинатором. Не отказываясь от «варяжского» сюжета, она деликатно обошла тему этнической идентичности первых русских правителей. Архетипический сюжет «призвания» стал служить обоснованием своеобразия происхождения государства в России. В отличие от истории с Крещением Руси, которая в начале XVIII века «вспомнилась» спонтанно, при восприятии пет-

¹⁹ *Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения* / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Изд-во имп. Академии наук, 1907. С. 2–3. Царица почти буквально воспроизвела оценку Монтескье, полагавшего, что преобразования Петра означали восстановление подлинно-европейской природы России и «облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены» (*Монтескье III. О духе законов // Монтескье III. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 417*).

²⁰ См.: *Каррер д'Анкосе Э. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и Шаппа д'Отероша. М.: Олма-пресс, 2005. 401 с.* См. также: *Гордон А.В. Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции. М.: ИНИОН, 2012. С. 11–46.*

ровских преобразований, в данном случае мы имеем дело с сознательным использованием летописной версии в идеологических целях.

В «Наказе» императрица обосновывала самодержавие географическим детерминизмом в стиле Монтескье. «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит», — писала Екатерина II, указывая на необходимость компенсации трудностей коммуникации оперативностью в принятии решений²¹. Однако прагматических доводов показалось недостаточно. Для их поддержки был привлечён известный от Средних веков «генеалогический метод», переживавший в век Просвещения второе рождение. В результате удалось не только расширить легитимность российской монархии, но и «подтвердить» исключительность российского общества.

Акт «призвания» идеологи екатерининского века представили антитезой акта «завоевания» как свидетельства насильственного характера генезиса государства в Западной Европе²². Поначалу Екатерина II и её окружение популяризовали антитезу «призвания/завоевания», отрицая необходимость конституционной реформы. Со вступлением Европы в эпоху революционных потрясений к ней обратились в поисках идеологической (и психологической) защиты от революции. В особом происхождении верховной власти в России екатерининская элита видела историческую гарантию от судьбы, постигшей французскую монархию.

Так просвещённая элита, руководствуясь рационалистической логикой, подвела под существовавшую в России форму правления своеобразную идейно-теоретическую базу, которую М.А. Алпатов назвал «теорией двух закономерностей»²³. Уделом Западной Европы, представленной Францией, объявлялись изначальные раздоры и насилие, которые и привели к революции. России «изначальное

---

²¹ *Екатерина II*. Указ. соч. С. 3.

²² Классический случай столкновения идеологем. Идеологемой «право завоевания» (покорения франками галлов) освящались привилегии дворянства в монархической Франции. Она оформилась лишь в начале XVIII в., выражая протест аристократии против абсолютизма Людовика XIV. И представляла разрыв с предшествовавшей традицией, которая, как и в России, происходила из «старого мифа... изначального единства народа и его королей» (*Bourguière A. L' historiographie des origines de la France: Genèse d' un imaginaire national // Annales HSS. Paris, 2003. № 1. P. 50. См. подробнее: Гордон А.В. Историческая традиция Франции. М.: Контент-Пресс, 2013. С. 94–122*).

²³ *Алпатов М.А. Русская историческая наука и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.)*. М.: Наука, 1985. С. 159–160.

согласие» правителей и народа сулило благодетельное монархическое правление на вечные времена.

При всех разногласиях историков того времени определяющее значение для конструирования «первоначала» истории России имел архетип «призвания». Карамзин допускал возможность сомнений: «Так ли было действительно, мы не знаем; но так говорит Летописец. Истину знали верно одни современники»²⁴. С тем большей полемической страстью и убеждённостью историк подчёркивал архетипическое значение версии «Повести временных лет». «Начало Российской Истории, — писал Карамзин, — представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай... Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие... В России оно утвердилось с общего согласия граждан». И заключал: «Отечество наше... обязано величием счастливому введению монархической власти»²⁵.

Архетип «призвания князей» послужил своего рода исторической основой для российского варианта общественного договора. Летописный архетип истолковали в духе концепции, которая в эпоху Просвещения утвердилась в качестве постулата государственно-правовой теории. При этом общественный договор в российской версии (точнее, в версии «просвещённого самодержавия») соответствовал доктрине «регулярного государства», но отнюдь не радикальной концепции гражданского соглашения Руссо. Государствообразующий акт изображался соглашением между правителем и подданными, по которому русский народ как бы раз и навсегда избрал себе самодержавную государственность. В итоге постулировались исконность монархизма в России и его столь же исконная демократичность («призвание» как акт народного волеизъявления).

Впечатляют усилия Екатерины II придать российской государственности «регулярный» характер, причём заметно, что она выступала преемницей Петра I во всех направлениях, включая символично-ритуальную сферу. При ней отчётливо выявился градостроительный облик «Петра творенья» как прообраза устройства всей страны. «Регулярней» становился сам Петербург, черты «петербургского стиля» стали проникать в российскую глубинку. Учреждению губернского управления сопутствовало заложение в губернских городах основ планомерного градостроительства. Символами новой России

²⁴ Карамзин Н.М. История государства российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 240.

²⁵ Там же. С. 93.

становились геометрическая планировка центральных улиц и признаки благоустройства городской жизни. Стремясь одновременно повысить ритуальный статус городов, Екатерина II озаботилась присвоением им гербов, в значительной степени ею же, вместе с окружением, и сочинённым. В результате геральдическая кампания придала возрождению традиции черты типичного для Нового времени её «изобретения».

Параллельно с варяжско-скандинавским был актуализован греческо-византийский «след» в генезисе российской государственности. Осью внешней политики Екатерины II стало важнейшее с точки зрения архетипов российской государственности южное направление, и в состоявшемся продвижении Российской империи в этом направлении духовные потребности соединились с экономическими интересами, устроительные замыслы Петра I с новыми возможностями, стремление утвердить европейскую принадлежность с обретением особого положения в Европе.

С обращением в цивилизацию Нового времени Россия оказалась во власти присущего той миссионерского экстаза. В общем движении на Восток национальное сознание искало поддержку для отставания самобытности, и опорой для самоутверждения делалось осмысление России преемницей Византии. Воспроизводя архетипы Московского царства, императорская власть провозглашала себя исключительной претенденткой на духовное и территориальное наследие этой имперско-православной цивилизации. Вместе с тем предъявление прав на византийское наследство являлось частью начатой Петром I политики активного воссоединения с европейско-цивилизированным миром. Русско-турецкие войны велись под флагом защиты христианства и торжества европейской цивилизации над азиатским варварством. Провозглашались просветительские принципы свободы народов и образования национальных государств (молдаво-валашского, славянского, греческого, крымско-татарского).

Порождением и одновременно своеобразным выражением общеευропейского эллинизма эпохи Просвещения можно считать знаменитый «греческий проект», оказавшийся для просвещённой самодержицы такой же душевной отрадой, как для Преобразователя «парадиз» на берегах Невы. Сплавление в «проекте» просвещенческих веяний с национальными архетипами рельефно выявляется при сопоставлении первоначальной идеи, подсказанной Екатерине II Вольтером, с «восточной системой», вынашивавшейся Г.А. Потёмкиным. С одной стороны, царица внимала призыву «нести свет цивилизации варварским народам», с другой – внимательно просле-

живала перспективы «восстановления Восточной империи»²⁶. Так патриархальная мифологема инока Филофея сплавилась с идеей цивилизаторской миссии России в Азии, которую настойчиво внушал Екатерине II классик Просвещения.

Можно заключить, что в идеологемах царствования Екатерины II было прочувствовано тонкое соотношение между европеизацией России и обретением национальной идентичности. Правомерным выглядит и другое умозаключение — о том, что в царствование Екатерины II закрепился идейно-символический синкретизм российской имперской власти.

---

²⁶ См.: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 39–64.

Тулъчинский Григорий Львович
(Санкт-Петербург)

*Профессор департамента прикладной политологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург*

Эпохи Петра I и Екатерины II: Факторы успешных российских модернизаций

В российской истории царствования первого российского императора и четвёртой российской императрицы выделяются как ключевые эпохи свершений, которые вывели Россию на фронт мировой истории. Недаром только Пётр I и Екатерина II — единственные российские властители, удостоенные не только современниками, но и потомками квалификации как «Великие». Иначе как великими и не назвать свершения, связанные с их именами.

От кончины Петра I воцарение Екатерины II отделяет 37 лет — срок по меркам российской истории немалый. Однако при всём различии исторической конкретики, эти исторические эпохи объединяет многое.

Это не только длительность царствований (36 лет — Петра Алексеевича и 34 года — Екатерины Алексеевны), но и неоднозначный путь восшествия на престол. Пётр I из 43 лет царствования 6 лет правил страной только номинально, а 14 лет — пусть последние годы и формально, но делил престол со своим братом Иваном. И все эти непростые годы фактической ссылки в Преображенское, пережитые два стрелецких бунта, приход к реальной единоличной власти в 1689 году только благодаря полкам, верным лично Петру I, не только оставили неизгладимый след в сознании самодержца, опре-

делили его отношение к московскому боярству. Эти обстоятельства расставили явные и неявные акценты в задуманных и реализованных реформах. Приход к власти Екатерины Алексеевны, урождённой Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской, не имевшей формальных прав на русский престол, был ещё более неоднозначным — устранение её супруга, законного императора Петра III.

Но это только внешние общие черты царствований. Более важными для осмысления являются более глубокие характеристики этих эпох — не просто царствований, а радикальных преобразований российского общества, начатых *PETRO Primo* и продолженных *CATHARINA Secunda* — надпись на Гром-камне Медного Всадника символизирует не только преемственность, но и единство политической воли.

Объединяют эту волю идеи Просвещения в политической практике и общественной мысли, избранный европейский вектор развития страны, а также невиданная ранее открытость России миру.

Более того, сравнение опыта этих эпох выводит на некий инвариант факторов успешности российских модернизаций.

(1) Политическая воля — властная установка на преобразование общества, преодоление традиционных «барьеров» («колеи») развития, выход общества к новым горизонтам и качеству жизни. Пётр I и Екатерина II, их ближайшие сподвижники проявили себя как политическая элита с «длинной волей» и «длинными мыслями», видевшие новые горизонты развития страны и пути к этим горизонтам.

Дерзновенное преобразование («дерзновению подобно», «невозможное возможно»). Речь идёт не об утопическом проекте, разрушающем среду обитания, человеческие ресурсы и личность, а о конструктивном рациональном преобразовании общества, преодолении традиционных «барьеров» развития, выходе общества к новым горизонтам и качеству жизни. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронта» мировой цивилизации. Екатериной Великой преобразования на европейском уровне были продолжены.

(2) Ставка этой воли на освоение самых успешных практик, мастерства в любом деле, на разумное обустройство жизни общества в самых различных сферах.

Важность приобщения к инновациям, освоения самого передового опыта, уважения к науке и образованию, успешному опыту других народов и государств. Активность была направлена на разумное, рациональное обустройство жизни общества в самых различ-

ных сферах, на создание новой просвещённой элиты, способной решать задачи преобразования страны.

(3) Эта открытость миру, успешному опыту других народов, государств закрепились, отложилось в имперском культурном наследии как потенциале открытого общества. Пётр I и Екатерина II — создатели Российской империи, открытой миру не только своей экспансией и заботой о «приращении земель», но и цивилизатора огромных территорий Евразии, интегрирующей её народы и культуры, открывающей эти народы и культуры миру. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями. Не являлась исключением из этого ряда и культура Российской империи.

В постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, гуманитарного развития, личностной реализации. Не случайно М. Уолцер — один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришёл к удивившему его самому выводу, что наиболее толерантными из них были империи¹. В империях представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немислимы в условиях национальных государств. Представляется, что недавно чрезвычайно модная и оказавшаяся столь плохо продуманной тема мультикультуральной толерантности является производной от процесса глобализации и может получить новую глубину и практическое наполнение именно в контексте постимперской политической культуры.

Исторические империи могут рассматриваться как глобалистские проекты, претендующие на общечеловеческую универсальную культуру, выступают ростками («пробами пера») глобализации, создавая надэтническую и надконфессиональную культуру. Тем самым открываются новые перспективы рассмотрения самой глобализации, её содержания — с точки зрения имперской культуры.

Тематика постимперского наследия особенно остра и парадоксальна применительно к современной России. С одной стороны, в

---

¹ Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

политической риторике проявляются новые имперские амбиции («Проект Россия», евразийство и проч.). Одновременно, с другой стороны, демонстрируется явная растерянность и противоречивость перед этой темой сторонников либеральной демократии (хотя сам либерализм возник именно в имперском общественном сознании, порождён соответствующими культурами).

Дилемма «империя — нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государственными нациями. Опросы населения показывают, что за так называемым «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного обустройства жизни. Надуман и вопрос о «кризисе идентичности», реально за которым стоит проблема личностной самореализации в новых цивилизационных условиях. Фактически, речь идёт о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе культурной и гражданской интеграции.

Аналогично и проблема сохранения и развития «русского мира» декларируется, но не переводится в план технологии решения. Между тем, культура и язык выступают мощным ресурсом неполитической интеграции, влияния как в стране, так и за рубежом. И во всех этих случаях речь идёт о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной политики, без решения которых не возможны как внутренняя, так внешняя политика современной России.

(4) Ставка на образование и науку, направление на обучение в крупнейшие центры за рубежом, приглашение ведущих специалистов. Речь идёт об установке на просвещение (образование и наука) и труд.

И это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за её пределами, их поддержке.

(5) Как следствие — создание новой просвещённой элиты, способной решать задачи преобразования страны на основе знаний, умений и заинтересованности в успехе общего дела. Более того, упоминавшийся ранее неоднозначный характер восшествия на престол обоих самодержцев породил новые социальные лифты для новой элиты. Реформы востребовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, раскрыли людям инициативным невиданные ранее в России возможности самореализации.

Достоинны специального внимания петровский и екатерининский «менеджмент»: опыт управления страной, конкретными проектами, опыт организации взаимодействия различных сословий, формирования новой управленческой и интеллектуальной элиты. Как, впрочем, достойны изучения и сами представители этой новой российской элиты.

(6) Заслуживает внимание личностный фактор противостояния старой элите. Подобное личностное измерение связано не только с трагическим одиночеством великих реформаторов, но и с их гражданским и личностным подвигом, на котором могут и должны учиться поколения и поколения российских реформаторов и руководителей.

(7) Фактор «смещённого центра», столицы не в Москве — хранительнице традиций, а в Санкт-Петербурге, основанном Петром I в качестве властного жеста, одновременно — указывавшего новый, смещённый центр молодой империи, и задававшего вектор её развития. Екатериной II этот статус столицы в Санкт-Петербурге, а не в Москве — хранительнице традиций, был закреплён окончательно. И показательно, что эта роль Санкт-Петербурга — как города-инноватора России — сохранилась и действует до сих пор.

Пётр Великий и Екатерина Великая открыли новые горизонты и векторы развития России. Они не занимались «перестройкой», а строили новую Россию, «демоверсией» которой стал Санкт-Петербург — как символ новых устоев российской жизни, ориентированных на «плоды просвещения», представленные в европейской культуре.

Результаты интенсивной рецепции рационализма Просвещения не замедлили сказаться. В технических заимствованиях, в хозяйственной деятельности, в политической жизни, в военном деле результаты были достаточно быстры. По хорошо известным словам А.И. Герцена, «русский народ в ответ на царский приказ образоваться ответил через 100 лет громадным явлением Пушкина»². Не случайно ярчайший период в развитии культуры города носит название «Пушкинского Петербурга» и который отнюдь не заканчивается со смертью великого поэта.

Не менее ярким результатом реформ стали декабристы — молодые офицеры, т.е. — представители наиболее образованного тогда слоя общества, большинство из которых имело опыт победоносной войны 1812 года, поколение победителей, прошедших всю Европу и своими глазами видевших разумное обустройство жизни.

---

² Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 11.

Можно согласиться с М.С. Каганом, что основание и развитие Санкт-Петербурга породило новый для России тип личности — просвещённого аристократа-дворянина как первого российского интеллигента³. Однако представляется, что дело несколько глубже и интереснее. Петербург с его противоречивостью, культурной полифонией перманентной диалогичности не мог не породить и породил двойственный — «двуполусный» — феномен. Речь идёт о двух персоналогических векторах, чутко уловленных тем же А.С. Пушкиным в «Медном всаднике», о противостоянии «медного истукана» (бездушного и антигуманного имперского величия) и «бедного Евгения» (простого «маленького» человека), нашедшего в себе силы для духовного протеста. Так или иначе, но именно и только в Петербурге была сформулирована тема трагедии маленького человека, с которой великая русская литература вошла в мировую литературу в творчестве Гоголя и Достоевского.

Выделенные факторы (1) — (7) взаимосвязаны, дополняют и предполагают друг друга, образуя систему, которая дала мощный импульс развитию страны, выведя Россию к «фронтиру» мировой цивилизации. Это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов, лидеров своего дела, их поддержке. В результате, такая система факторов, имеющая на входе властную волю, акцентированную в установке на просвещённое преобразование, на выходе порождает новое качество жизни общества, его новый социальный и человеческий капитал. Показательно, что как только страна закрывалась, приостанавливалось её развитие. Не менее показательно и то, что по сути та же система факторов сработала и в советской модернизации.

Это позволяет говорить, что петровско-екатерининский инвариант факторов успешности российских модернизаций сохраняет свою актуальность и для нашего времени.

---

³ Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: АО «Славия», 1996. См. также дайджест этой работы // Каган М.С. История культуры Петербурга. СПб.: НПЦ, 2000.

Ибнеева Гузель Вазыховна
(Казань)

Профессор Казанского (Приволжского) федерального университета

Идеология «регулярного» государства в реформаторской деятельности Петра I и Екатерины II: Социально-политический аспект

Это исследование посвящено социально-политическому аспекту реформаторской деятельности двух великих государей — Петра I и Екатерины II. Возможно ли говорить о преемственности в их социальной политике? Обращает на себя внимание, что Пётр I и Екатерина II формально хронологически царствовали почти равное время. Пётр, как отмечают исследователи, начал самостоятельно править после смерти матери в 1694 году (реально вступив в права государя в 1689). Ушёл из жизни в 1725 году. Следовательно, он правил 36 лет. Екатерина процарствовала 34 года (1762–1796). Эта соразмерная хронология царствования даёт некоторые основания для сравнительных рассуждений о социальной политике обоих государей.

Остановимся на 3 аспектах: идеологической основе проводимой социальной политики Петра I и Екатерины II; характере складывающегося сословного строя времени Петра I; особенностях развития сословий в царствование Екатерины II.

1. Вначале следует сказать об идеологической основе проводимых реформ, которая во многом объединяет Петра I и Екатерину II. Политика преобразований, проводимая Петром, определялась идеями теоретиков естественного права (полицеизма), видными пред-

ставителями которого явились немецкие юристы второй половины XVII — первой половины XVIII века — Сэмюэль Пуфендорф (1632–1694), Христиан Томазий (1655–1728), Христиан Вольф (1679–1754). И Пётр, и Екатерина восприняли идеи С. Пуфендорфа, обосновавшего абсолютную монархию как наилучшую форму правления, проповедовавшего необходимость абсолютного подчинения монарху, олицетворявшего собой Государство и действующего во благо своих подданных. Последние, в свою очередь, должны беспрекословно подчиниться монарху¹.

Идеи Пуфендорфа были развиты его последователями — Х. Томазием и Х. Вольфом, в чьих работах обосновывалась цель государства — «общее благо». Согласно положениям их доктрины, государство имеет право широко вмешиваться в личную свободу каждого подданного ради общего благополучия. В их политической системе свобода отступала на второй план. Первостепенной же задачей ставилось всестороннее благосостояние народа, достижимое и при сохранении политических основ старого порядка². Идеи немецкого естественного права, в отличие от индивидуализма и прав личности в англо-французском просвещении, актуализировали социальную солидарность (единство) и обязанности³. Они подходили к русским условиям, поскольку были прочно связаны с традицией слепого повиновения авторитетам и были актуальны для России в течение всего XVIII столетия. В попытках модернизации российской державы, одним из элементов которой было создание «регулярного государства», в своей социальной политике и Пётр I, и Екатерина II руководствовались данными положениями.

Рецепция этих идей привела к тому, что и Пётр, и Екатерина не ослабляли свою хватку в отношении сословий. Они конструировали социальные группы так, как это соответствовало природе их социальных взглядов, прежде всего интересам государства.

2. Одним из дискуссионных вопросов, всегда обсуждавшихся в российской и зарубежной историографии, является вопрос о характере сословного строя в России. Отсутствие полноценных сослов-

---

¹ *Польской С.В.* Истоки российского конституционализма: теория естественного права и русские политики первой половины XVIII века // *Философский вестник*. Альманах 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб., 1998. С. 164–166.

² *Behrens C.B.* Society, Government and the Enlightenment: the Experiences of Eighteenth-Century France and Prussia. New York; London, 1985. P. 179.

³ *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Changes Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven; London, 1983.

ных корпораций позволяет части исследователей делать вывод об отсутствии сословий в России в западноевропейском понимании.

В действительности к концу XVII века социальные группы в Московском государстве приобретали признаки сословий: наследственность социального статуса, различия в правах, самоуправление. Уложение 1649 года явилось важным рубежом в развитии сословного строя в России. Если до этого времени отдельные социальные группы различались преимущественно обязанностями, то теперь также и закреплёнными в законе правами. Уложение предоставило им преимущества в постоянное и наследственное обладание с целью закрепить за ними государственные обязанности и определённое место жительства. Что является наиболее важным, они участвовали в заседаниях представительных учреждений — Земских соборов.

Пётр радикально изменил прежнюю социальную структуру. Из служилых людей по отечеству начало складываться шляхетское, или дворянское сословие, из посадских — мещанское, или гражданское, из низших разрядов государственных крестьян — сословие казённых крестьян, из частновладельческих крестьян и холопов — крепостное сословие, из белого и чёрного духовенства — духовное сословие. Определяющую роль в изменении положения сословия служилых людей сыграло введение Петром нового, отличного от прежнего, критерия службы, а именно — принцип происхождения был заменён принципом личной выслуги. Это усиливало власть императора над дворянством. На смену сословию служилых по отечеству приходил военно-бюрократический дворянский корпус, всем обязанный монарху офицер или чиновник. В петровскую эпоху происходит оформление дворянства не как чина, разновидности прежнего служилого сословия, а как единой корпорации, сословия, обладающего особыми привилегиями. Этому способствовало принятие Табели о рангах, которая укрепляла дворянство как единую сословную корпорацию. Пётр, заметно выделяя дворянство как привилегированное сословие, не был склонен снимать с него типичные для старого сословия служилых обязанности и службы. Дворянское звание могло иметь привилегированное значение только тогда, когда его носитель служил. Именно с этим был связан указ Сенату 1712 года, устанавливающий преимущество офицера перед не служащим дворянином⁴.

В этом отношении для времени Екатерины II эти ценности служения Отечеству продолжали быть актуальными, несмотря на то,

---

⁴ *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 302–304.

что именно в её царствование дворянство окончательно раскрепостилось. Сама Екатерина полагала, что дворянство должно служить. Эту мысль она проводила всегда. Так, например, одной из задач Комиссии о вольности дворянства 1763 года являлась разработка мер по «приохочиванию» дворян к службе. Когда на заседании часть вельмож высказалась за отмену положения получения дворянства путём выслуги по Табели о рангах, нашлись сановники, которые этому возразили. При этом они вспомнили слова Петра: «знатность дворянства по годности считать». В данном случае была выражена точка зрения самой императрицы. Более того, одной из причин не утверждения Екатериной доклада комиссии «Право дворянства Российского» было именно то, что вельможи не разработали положения, которые бы делали для дворян службу привлекательной. К слову сказать, при встречах Екатерины II с населением к ней вначале подвели прежде всего служивших людей (первых шести рангов о Табели о рангах).

Возвращаясь к сословной политике Петра I, следует отметить важную особенность становления социальных групп, а именно регламентацию, что является одной из характерных черт идеологии регулярного государства. Так, на примере дворянства, мы видим, что жизнь дворянства строго регламентировалась — она принадлежала государству. Дворянин должен был вносить свой вклад в преумножение его богатства и могущества. Следует согласиться, конечно, что политика Петра по отношению ко всем сословиям, в том числе и дворянству, была закрепостительной. На первый план в социальном реформировании выдвигались прежде всего обязанности сословий, а не их права.

Однако, несмотря на тяжесть служения в эпоху Петра, именно в его царствование дан импульс развитию дворянского самосознания, что является одним из важнейших признаков сословия. Именно со времени Петра начинается процесс консолидации русского дворянства, суть которого заключалась в постепенном обретении сословных прав и привилегий и освобождении от государственного закрепощения.

Не у всех социальных категорий того времени складывалась единое самосознание, утверждалась единая идентичность. У мануфактуристов-предпринимателей, существовавших в рамках крепостнической системы, например, не возникало корпоративного, сословного сознания. Это было обусловлено крепостнической направленностью политики Петра в области промышленности. Зависимость промышленности от труда крепостных ставила предпринимателей перед необходимостью добиваться повышения своего сословного

статуса до дворянского⁵. Ведь дворянское достоинство определяло не только высокий социальный статус, но и владение особым видом имущества (владение землёй и крепостными душами). Это, в свою очередь, вело к размыванию сословного сознания и сословных интересов.

В ходе реформы Пётр сделал формирующиеся социальные слои ещё более зависимыми. Сам характер функционирования полицейского государства, внедряемая идея служения ему ради «общего блага», означали резкое усиление контроля за всеми сферами жизни подданных, а проведённая податная реформа жёстко прикрепляла каждого подданного или к месту его жительства, или к занятию, или к социальной группе. По сути все социальные слои были закрепощены. Как отмечают исследователи, складывание сословий было не целью реформы, а её побочным результатом. Поэтому менее всего государство было заинтересовано в наделении сословий правами, то есть без чего настоящими сословиями они могли и не стать. Полноценным сословие могло стать при наличии самоорганизации, что определяло и некоторую независимость от государственной власти. Это находилось в явном противоречии с самим принципом полицейского государства. Противостояние государственного и сословного начал стало важным фактором политического развития России⁶.

Российская социальная система времени Петра I, как уже было сказано, была достаточно жёсткой. Предполагает ли эта модель элементы самоуправления? Обращает на себя внимание, что государство готово дать некоторые права самоуправления только тогда, когда это нужно государству, в особенности, когда преследуются фискальные интересы. При этом власть реализует эти элементы в сопряжении со вновь созданными государственными органами и институтами местного управления. Так, при Петре уездное дворянство участвует в местном управлении. Оно выбирало дворянские советы в помощь коронному уездному воеводе для управления уездом, земских комиссаров с разнообразными обязанностями (в том числе и для сбора с крестьян подушной подати) в помощь губернатору⁷. Постепенно дворянство приобретает влияние в местном управлении и некоторые черты самоуправления.

---

⁵ Там же. С. 299.

⁶ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт местного анализа). М., 1999. С. 157–158.

⁷ *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 342–342.

Элементы самоуправления реализуются в деятельности городских магистратов, в которых городское население принимало участие (созданы в 1721 году). В сфере административной на магистратах лежали, прежде всего, обязанности финансовые: они наблюдали за раскладкой и сбором государственных податей и отбыванием повинностей, лежащих на городском населении, и, сверх того, принимали участие в некоторых общегосударственных сборах⁸.

Следует отметить, что при проведении реформы местного управления, в основе которой лежал шведский опыт, Петром была отринута нижняя ступень шведской системы областного управления — приход (киршхшпиль), сформированный путём выборного самоуправления крестьян. Сенат писал по этому поводу: «Киршпильфохту и ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указам из городов, а не от церквей; к тому же и в уезде ис крестьянства умных людей нет». В этом обосновании присутствует понимание того, что всё управление в России должно осуществляться из центра и без какого-либо участия церкви⁹.

По мнению Е.В. Анисимова, Петру I удалось провести лишь унификационные мероприятия. Социальное конструирование Петра шло по ограниченному числу вариантов. Одним из них была юридическая фиксация статуса социальной группы, который уже определился. Другим вариантом социальной реформы стали перемены, которые вносились в статус социальных групп исходя из общефискальных, податных соображений. Третий путь был определён не очень умелым копированием западных институтов (создание цехов и гильдий в городах)¹⁰.

В результате проведения реформ Петром I была определена социальная структура общества. Однако, несмотря на то, что в ходе преобразований создавались условия для складывания полноценных сословий, социальные группы не получили законодательно оформленных сословных прав и привилегий, сословной организации и системы самоуправления, а также сословного суда, т.е. в сущности, не являлись корпорациями публичного права.

В отличие от Соборного Уложения, который определял статус социальных категорий Московского государства, в эпоху Петра I не

---

⁸ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999. С. 228.

⁹ Каменский А.Б. Указ. соч. С. 137–138.

¹⁰ Анисимов. Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 178.

было создано правового акта, определяющего статус формирующихся сословий. Эти задачи легли на плечи Екатерины II.

3. Эпоха Екатерины II ознаменовалась проведением реформ в различных областях жизни российского общества второй половины XVIII века. Особое значение в деле модернизации империи приобрело реформирование социальной структуры общества.

На политическую доктрину Екатерины II, помимо Ш. Монтескье, существенно повлияли идеи немецких полицеистов, в частности, И.Г. Юсти. Целью её государственного строительства стало создание регулярного, полицейского государства (Polizeistaat) в России, организованного подобно германским протестантским государствам XVII века. Основу этого государства составляло общество «сословий» (Ständegesellschaft), в котором индивиды и сословные корпорации подчинены этому государству¹¹. Ценности «регулярного государства», исповедуемые Петром, таким образом оставались актуальными для Екатерины. Данная концепция впоследствии будет существенно развита в работах М. Раева, показавшего соответствие идей «естественного права» российской почве¹².

Вопрос о типе сословий, которые Екатерина хотела взрастить в России, является дискуссионным. Исследователями часто декларируется положение о том, что она пыталась создать сословия, не только по форме, но и по духу схожие с западноевропейскими сословиями. Однако с какими именно сословиями? Российская императрица вовсе не стремилась насаждать сословную модель, например, Франции или Швеции, где полнота сословных прав предполагала участие в представительских учреждениях. Это было неприемлемым для Екатерины II¹³. Моделью ей служили общества Западной и Центральной Европы (прежде всего немецкие), которые к началу XVIII века уже играли роль не столько противовеса верховной власти, сколько её инструмента, способствующего созданию эффективного управления и экономического процветания в государстве¹⁴.

¹¹ Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвящённых М.Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904. С. 66–70.

¹² Raeff M. Op. cit.; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 48–79.

¹³ Каменский А.Б. Указ. соч. С. 344.

¹⁴ Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 24.

Там власть, сохранив деполитизированные сословные объединения и преобразовав сословные учреждения в государственные, создала себе базу, на которой была основана система управления, подобно прусской, когда сословные корпорации превращаются в «государственные учреждения» — фундамент государства¹⁵. Императрица Екатерина хотела законодательно создать организованное общество как фундамент для государственных институтов. В России должны были возникнуть сословия, способные выполнять волю власти, быть частью государственной структуры и исполнять управленческие функции, а не служить противовесом самодержавию¹⁶.

К моменту воцарения Екатерины II социальные группы, возникшие после распада служилых корпораций и в результате петровских социальных реформ, оставались аморфными и слабо структурированными. Как уже отмечалось, они не имели законодательно оформленных сословных прав и привилегий, сословной организации и системы самоуправления, а также сословного суда. Екатерина в начале царствования поставила перед собой задачу реформировать сословный строй в России, связать его с институтом самодержавия. Но реализовать эти идеи предполагалось с помощью единственного рычага — государства¹⁷.

В 1760-е годы Екатерине были близки мысли о конструировании общества, образовании с помощью законодательства, помимо дворянского сословия, и «среднего рода людей». Этот план был сопряжён с вполне реальными ожиданиями выгод для казны от институционализации положения купцов и ремесленников. Эти мысли перекликались с разрабатываемой в то же время реформой школы, которая бы позволила через качественно новое воспитание образовать «средний род» людей¹⁸. Однако в России не существовало условий для возникновения «среднего рода» людей, ибо он может появиться только при наличии свободы. Этот проект оказался утопичным.

В 60-е годы XVIII века Екатерина серьёзно думает и об улучшении правового положения крепостного крестьянства. Знание расстановки сил в российском дворянстве по отношению к болезненной проблеме крепостного права не давало возможность решить эту социальную проблему. Осознав, что в отмене крепостного права нет

¹⁵ Geyer D. Gesellschaft als Staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert // Wirtschaft und Gesellschaft des vorrevolutionären Rußland / Hrsg. D. Geyer. Köln, 1975. S. 20–52.

¹⁶ Лавринович М.Б. Указ. соч. С. 236.

¹⁷ Анисимов. Е.В. Реформы Екатерины II... С. 168.

¹⁸ Артамонова Л. Самая просвещённая реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45–46.

ни политической, ни государственной необходимости (крепостная Россия при Екатерине процветала, и крепостное право придавало значительную силу государственному устройству) российская императрица в 70–80-е годы склонилась к другому вектору реформирования. Вектор реформирования был направлен не на улучшение положения крепостного крестьянства, а на институционализацию «свободных» сословий: дворянства, городских состояний и государственных крестьян.

Последовательно проведённые реформы в 1770–1780-е годы Екатерины II положили сословный принцип в основу местного управления и судостроительства. Реформа местного управления 1775 года по сути даровала дворянам сословную корпорацию. Она вернула дворян на государственную службу. Дворянские должности, в том числе и по выбору, соотносились с Табелью о рангах и получали классный чин. Таким образом, дворянская сословная организация становилась частью государственного аппарата.

Жалованные грамоты — дворянству и городским сословиям 1785 года завершили процесс оформления сословий, которые приобретают почти все признаки сословий. Они определили права и привилегии дворянского сословия, права и обязанности городского населения, которые закреплены в законе. Жалованные грамоты даровали право участия дворянам в местном управлении, ввели систему самоуправления для городских сословий. Дворянам и городским сословиям давалось право создавать свои корпорации. Обращает на себя внимание то, что общероссийских дворянских и городских корпораций создано не было. Абсолютизм желал держать под контролем российские сословия. В этом состояла особенность политического развития России.

Помимо издания жалованных грамот дворянства и городам, Екатерина II составила проект об устройстве сельских обывателей, реализация которого привела к оформлению третьей жалованной грамотой¹⁹. Проект предполагал наличие крестьянской корпорации, имеющей определённый законом статус. Корпоративность крестьянской общины должна была реализоваться в выборе должностных лиц каждые три года, существовал механизм взаимодействия с представителями государства: сельские общества могли подавать губер-

---

¹⁹ Пакет документов состоял из трёх частей. О сёлах, деревнях, селениях и жилищах ведомства директора экономии // Сб. РИО. Т. 20. С. 456–473; Написание для сочинения и продолжения десятичной описи земли, села, деревни, селения или жилища ведомства Директора Экономии // Там же. С. 473–477; О сельской управе // Там же. С. 478–498.

натору и Директору экономии представления о своих общественных нуждах и пользах. Сельскому обществу позволялось осуществлять сборы для своих собственных нужд. Важным являлось осуществление крестьянской общиной функций сословного суда, что было принципиально важным при создании всех жалованных грамот²⁰. Несмотря на то, что грамота эта не была опубликована, принципы, заложенные в ней, были реализованы в отношении экономических крестьян и Новороссии («Установление сельского порядка в казённых Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных» 1767 года) и ряда российских губерний (Пермской, Тобольской губерний, Вологодской, и Ярославской губерний)²¹.

Восприятие идеологии «регулярного государства» не помешало Екатерине II развить свою сословную доктрину. Екатерина II завершила процесс, начатый Петром I: унифицировала социальные группы Российского государства, институционализовала статус дворянства и городских состояний, придала им корпоративный характер. Дарование властью корпоративной структуры российским сословиям вовсе не противоречило государственным интересам, поскольку правовое оформление сословий проходило в соответствии с учётом ценностей «регулярного (полицейского) государства».

---

²⁰ О сёлах, деревнях, селениях и жилищах ведомства директора экономии // Сб. РИО. Т. 20. С. 458.

²¹ См. *Ибнеева Г.В.* «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях...» 1787 г.: аспект общинного самоуправления // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвёртые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 534–538.

Реброва Роксана Викторовна
(Санкт-Петербург)

*Научный сотрудник сектора архитектурной археологии
Государственного Эрмитажа*

Реформирование монастырей: От Петра I и его «Положения о монастырях» к Екатерине II и изданию штатов о Духовных имениях

Возможно, уже с самой кончины Петра I и до настоящего времени, как светские исследователи, так и церковные историки выражали в своих произведениях противоположные мнения о церковной реформе Петра I и её последствиях. Связаны были подобные суждения как с общеполитической ситуацией в стране, так и с личными пристрастиями авторов. Например, в книге «История Российской Иерархии» архимандрита Амвросия, изданной в Москве в 1810 году, рассказ о событиях столетней давности ведётся спокойным тоном, без малейшего оттенка осуждения царских указов, касающихся устройства монастырей. Исподволь проводится мотив одобрения действий, совершаемых Петром I, и рассказывается о монастырях, тяготившихся своими вотчинами.

С годами это выразилось в двух направлениях — западничестве и славянофильстве. В данном случае имеется в виду большинство печатных трудов, так или иначе затрагивающих проблему и последствия реформ Петра I, а не конкретные литературные течения второй четверти XIX века.

В начале XX века обсуждение петровских реформ отразилось, например, в полемике между Е.Е. Голубинским и П.В. Тихомиро-

вым о восстановлении патриаршества. Голубинский пишет о том, что, «...регламент не столько законодательная книга, сколько памфлет на духовенство и недостатки народной церковной жизни»¹. Со своей стороны, Тихомиров обвинял Петра в неканоничности проведённой реформы. Спор о значении преобразований в церкви в первой половине XVIII века продолжается до сих пор. Как констатировал Александр Шмеман — «Спор о значении, об оценке Петровской реформы, есть, можно сказать, основной русский спор»².

Перестройка российской государственности, производимая Петром I, повлекла за собой коренные изменения в устройении Русской Церкви. Фактически со смертью патриарха Адриана в 1700 году и запретом Петра I выборов нового, в истории Русской Церкви начинается синодальный период. Традиция патриаршего управления, его авторитет равный по влиянию царскому, независимость Церкви умалили абсолютную власть императора. Появление такого института власти, как Синод, заменившего собой Всероссийского патриарха и Освящённый собор, привело к упадку авторитета Церкви и низвело её организацию до уровня одного из министерств, подчиняющихся императору.

Пётр I, пытавшийся модифицировать структуру организации русской православной церкви, изменил ход церковной истории. Но его реформы были подготовлены процессами, начавшимися задолго до рождения Петра I.

Монастыри, предназначенные для спасения души, для молитвы, для отрешения от мира, были владельцами огромных вотчин, деревень с крепостными, угодий. Существующее положение вещей пытался изменить царь Иоанн Васильевич, вслед за ним его постановления подтвердил в «Уложении» Алексей Михайлович. «Патриарху и Митрополитом и Архиепископом и Епископом и в монастыри ни у кого родовых вотчин не покупать и в заклад не иметь и за собою не содержать, и по душам в вечный поминок не иметь ни которыми делы. Так же и постригающимся вотчин своих никаких в монастыри не отдавать и самим теми вотчинами постригшись не владеть». (Уложение. Глава XVII, статьи 42 и 43)³. Но, несмотря на свои же указы,

¹ Голубинский Е.Е. Замечания на статью Тихомирова. Каноническое достоинство реформы Петра Великого / О реформе в быте Русской Церкви. Сборник статей. М., 1913. С. 63.

² Шмеман А., протоиерей. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954; М., 1993. С. 378.

³ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 1 (1649–1675). С. 97.

и сам Алексей Михайлович, и дети его, а с позволения их и некоторые из бояр продолжали жаловать отдельным монастырям и земли, и угодья, и крестьян. Алексеем Михайловичем был так же подтверждён в уложении Монастырский Приказ, учреждённый Патриархом Филаретом. В уложении о Монастырском приказе, в частности, говорилось о его приоритете в совершении суда как над высшими архиереями, так и над принадлежащим им крестьянами, т.е. светские законы на них не распространялись.

Монастырский приказ претерпевает за полвека до его упразднения в 1725 году несколько реорганизаций. 19 (21) декабря 1677 года выходит именной приказ «Об уничтожении монастырского приказа. Монастырского приказа всякие дела с сего числа впредь ведать в приказе Большого дворца»⁴. В 1701 году Пётр I его восстанавливает. Указом от 24 января он становится Патриаршим⁵, управлял им Иван Алексеевич Мусин-Пушкин. Окончательно упразднён именованным указом от 14 (25) января 1725 года, будучи преобразованным в Камер-контору Святейшего Синода.

Помимо реорганизации Монастырского приказа Пётр провёл ряд указов, регламентирующих жизнь церкви и её структуру. Основным был отдельно вышедший в 1721 году 25 января манифест — Духовный Регламент⁶ и позже указ от 31 января 1724 года⁷ «О звании монашеском об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей».

Как первый, так и второй указ боролись за улучшения в жизни церкви. В преамбуле, предшествующей самому положению «о звании монашеском...» Пётр помимо духовных доводов изменения устройства монастырской жизни пишет, что за неимением времени он только сейчас взялся за налаживание церковной жизни. «Ныне же имея свободное время, при расположении правильно всех дел в Государстве и о сем чине пространно объявля людям...»⁸.

Указ «о звании монашеском...» разъяснял в подробностях основы монашеской жизни и должностное поведение монашествующих. Например, духовный регламент просил дворян — «волочащихся попов не принимали б господ к себе в духовники. Ибо Священник изгнан за преступление, или своевольно сам оставив врученную себе церковь, уже почитай и не Священник есть, и великий грех

⁴ Там же. Т. 2 (1676–1688). № 711. С. 148.

⁵ Там же. Т. 4 (1700–1712). № 1829. С. 133.

⁶ Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3718. С. 314.

⁷ Там же. Т. 7 (1723–1727). № 4450. С. 226.

⁸ Там же. С. 227.

приемлет, действуя священническая»⁹. Усиливался также контроль по искоренению мнимых чудодейственных мест. — «<...> нещии Архиереи, для вспоможения церквей убогих, или новых построения, повелевали проискывать явления иконы в пустыне, или при источнице и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворную»¹⁰.

Сам Пётр с лёгкостью относился в определении святости места, определив например местоположение основания Александро-Невской Лавры только удобством расположения и похожими географическими характеристиками¹¹ места битвы Александра Невского со шведами. Петра мало беспокоило то обстоятельство, что сражение произошло на левом берегу Невы, при впадении р. Ижоры, и монастырь, посвящённый важной дате в истории народа, по традиции, должен строиться именно на месте события. Перенос мощей Александра Невского, который был задуман и позднее осуществлен Петром в 1724 году, освящал монастырскую землю и оправдывал выбор территории для монастыря.

Можно сказать, что Пётр I своим указом «О звании монашеском...» разрешил давний спор между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским о нестяжательстве. Причём, Петру удалось вывести золотую середину и обратить монахов на принесение пользы государству — то, за что ратовал Иосиф Волоцкий — за приумножение благосостояния для общественной и церковной пользы, при этом Пётр лишил собственности все монастыри, к чему собственно, и призывал Нил Сорский.

В «Положении о монастырях» предполагалось описать всю монастырскую казну и хлеб, для раскладки на наличное число монахов, нищих, сирот и на училища, и для сего учредить при Святейшем Синоде Камор-Контору. Распоряжения эти объяснялись ещё и «целым рядом жалоб предшествовавшего времени на ослабление нравственности в монастырях и на кочевую жизнь монахов и монахинь, производящих соблазн своим поведением»¹². Петру I не удалось претворить в жизнь Положение о монастырях из-за внезапной кончины.

⁹ Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3718. С. 343.

¹⁰ Там же. С. 320.

¹¹ Александро-Невская лавра возведена на острове, образованном речками Монастыркой и Смоленкой (позднее по руслу Смоленки прошёл участок Обводного канала), где основной комплекс зданий расположен на возвышенной безопасной при наводнениях части острова.

¹² Толстой М.В. История русской церкви. СПб., 1991. С. 638.

Все последующие правители вплоть до Петра III и Екатерины II малодушно игнорировали введение непопулярного положения в жизнь и по экономическим, и по внутривластным соображениям.

Императрицы Екатерина I, Анна Иоанновна и Елизавета Петровна преобразовывали только подчинение Камор-Канцелярии то Сенату, то Святейшему Синоду, не изменяя кардинально своего отношения к существующему Положению. Пётр III, оказался более решительным и указом от 6 апреля 1762 года повелел отобрать все вотчины от монастырей¹³. Екатерина II после переворота приостановила действие указа, но в дальнейшем подтвердила его изданием в 1764 году штатов о Духовных имениях¹⁴. «Мнози монастыри от князь и от бояр и от богатства поставлены, но не тацы, кацы суть поставлены слезами и лощением и молитвою и бдением»¹⁵ — писал преподобный Нестор. В его словах отразились противоречия монастырского устройства накануне его коренного реформирования Екатериной II в 1764 году. Сама императрица в указе неоднократно ссылается на преемственность своих действий и на то, что она «исполняет волю и решения Петра»¹⁶. В связи с преемственностью Екатерина ссылается и на Елизавету Петровну, в указе же называет её тётушкой, и что она, конечно, исполнила бы волю своего «Родителя» «однако блаженная Ея кончина достигнуть того не допустила»¹⁷.

Императрица отделяла все вотчинные церковные имения в особое ведение Коллегии Экономии, за оставлением монастырям малой части земли и служителей и назначила монахам годовое денежное жалование, фактически превратив их в государственных служащих. В этот момент у государства уже нашлись ресурсы и деньги для осуществления этой реформы. В 1797 году Павел I издал новые штаты, не изменяя основных положений, введённых Екатериной II. Предполагалось только передать всем обителям достаточное количество земли, мест для рыбной ловли и мельниц и снабдить штатные монастыри достойным жалованием (т.е. увеличить его), а заштатные ежегодной милостынею.

¹³ ПСЗ. Т. 15 (1758–26 июня 1762). № 11498. С. 969.

¹⁴ Там же. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 12060. С. 549. О разделении духовных имений и о сборе всех Архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек.

¹⁵ *Карташёв А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1993. С. 110.

¹⁶ ПСЗ. Т. 16 (28 июня 1762–1764). С. 550.

¹⁷ Там же.

Введением штатов Екатерина II разорила монастыри, уменьшила их количество, сократила число монашествующих. Казалось бы, нанесла непоправимый урон монашеству России. Но обитатели, существовавшие за счёт податей с крестьян и обязанные управлять имениями, сами тяготились подобным положением вещей. Например, во время непосредственного подчинения Старо-Ладожского Никольского монастыря канцелярии Александро-Невской Лавры, настоятели его были обязаны управлять имениями Лавры, располагающимися в окрестностях Ладоги, состоящими из нескольких приходов и не одной тысячи душ крестьян. Естественно, что на благосостояние самой Староладожской Никольской обители обращалось мало внимания, здания обветшали, монашествующие разошлись по другим монастырям. «Божественная служба отправлялась или приходскими священниками или присылались для совершения оной монашествующие из Александро-Невского монастыря и то большей частью в виде наказания или исправления»¹⁸.

В Успенском Старо-Ладожском монастыре вотчины и угодья, пожалованные царём Михаилом Фёдоровичем, обеспечивая содержание монастыря, в то же время причиняли ему во всё время владения ими много хлопот и неприятностей. «Монастырю, почти во весь период времени с 1621 по 1764 год — год отобрания имений — настояла необходимость обращаться к государям и государыням с жалобами на своекорыстных соседей, присвоивших себе монастырское достояние и вести с ними тяжбы»¹⁹.

Таким образом, сама того и не желая, Екатерина II, реформой 1764 года, с одной стороны, освободила монастыри от мирских забот, несвойственных монашескому образу жизни, а, с другой, очистила монашество от случайных людей, которые уходили в обители от житейских проблем. Обитатели перестали располагать собственными достаточными средствами для строительства, обновления облачений, росписи храмов и т.п. Оказавшись в роли просителей, на скудном государственном обеспечении, монастыри вынуждены были привлекать благотворителей, которые в свою очередь поощрялись и государством, и епархиальным начальством знаками отличия и наградами.

Примером «жизни за собственный счёт» может служить эпизод из истории строительства Троице-Сергиевой пустыни, связанный с проектом её реконструкции. Проект был заказан П.А. Трезини ру-

---

¹⁸ Старо-Ладожский Николаевский монастырь. СПб., 1862. С. 20.

¹⁹ Историко-статистические сведения Санкт-петербургской епархии. Вып. II. СПб., 1871. С. 152.

ководством Троице-Сергиевой Лавры, которое, хоть и под патронажем Елизаветы Петровны, должно было изыскивать основные средства на постройку самостоятельно²⁰.

«Указ от 23 апреля 1756 г. ...Его Пречестность учиненой Троицкой Ново-Сергиевской пустыни план и фасад к построению вновь каменной церкви и протчего строения Ея Императорскому Величеству сего 1756 г. марта 12 дня представлял и соизволила Ея Императорское Величество высочайше повелеть по тому плану надлежащие строения каменные Троицкой Лавры коштом строить»²¹.

Чаяния Петра I о том, что этот указ вольёт здоровую кровь в жизнь монастырей, принесёт средства в казну, оправдались только спустя четверть века, а явно видимые положительные сдвиги произошли только в веке XIX. Как писал историк Антон Владимирович Карташёв, «Слишком крутая, до болезненности революционная реформа Петра В., была благодетельным страданием для Русской Церкви, стимулировавшим её творческие силы»²². «Пётр бросил вызов русскому монашеству, и через 50 лет оно ответило ему явлением святителя Тихона Задонского, старца Паисия Величковского, ещё через 50 лет — св. Серафима Саровского, через новые 50 лет — святителя Феофана Затворника, старца Амвросия Оптинского и целого полка оптинцев»²³. В Санкт-Петербургской епархии этот период ознаменован появлением св. Блаженной Ксении Петербургской, святителя Игнатия Брянчанинова, св. Иоанна Кронштадтского.

Оценивая это время, митрополит Иоанн (Снычёв) вслед за церковным историком А.В. Карташёвым определяет эту эпоху истории Церкви как время «восхождения на значительную высоту почти по всем сторонам её жизни в сравнении с её древним теократическим периодом, время восхождения в “меру полного возраста Христа”»²⁴ (Еф. 4:10).

²⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 810. Л. 331.

²¹ Там же. Л. 333.

²² *Карташёв А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992. С. 318.

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 239.

Бородина Елена Васильевна

(Екатеринбург)

*Доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Плате Алисе

(Екатеринбург)

*Младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Судебные реформы в законодательстве и практике Петра I и Екатерины II

Одним из важнейших аспектов деятельности Петра I и Екатерины II является попытка введения новых принципов управления и суда в административную практику России XVIII века. Несмотря на разделявшее их время оба правителя понимали необходимость выстраивания новой системы органов власти, которая бы смогла отразить их чаяния, дать толчок переосмыслению характера взаимоотношений между государством и обществом.

Созданные двумя властителями административные механизмы базировались на общих принципах рационализации управления и регулярного государства. Несмотря на разделявшее их время, оба правителя стремились создать систему, основанную на принципах камерализма и идее «общего блага»¹. В частности, они понимали

---

¹ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. С. 144–150; Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники

необходимость выделения собственно управленческих функций путём создания специальных органов власти, занимавшихся финансовыми вопросами и судом. Возникновение последних являлось важным шагом для императора и императрицы, отражало их взгляды о необходимости создания эффективной системы правосудия.

Тревога венценосных законодателей об отсутствии в стране «праведного» суда нашла отражение во множестве законодательных актов конца XVII и первой и последней четвертей XVIII века. Например, в указе от 21 февраля 1697 года говорилось следующее: «В судех и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство, и ищут многие истцы исков своих, затевая напрасно, также и ответчики в прямых исках отвечают неправдами ж, составными вымысли своими и лукавством, хотя теми составными затейными затейными ответы прямых исков напрасно отбыть, забыв страх божий. <...> И за теми их воровскими и ябедническими и составными вымысли и лукавства вершенье тех дел правым и маломочным людем во оправдании чинится многая волокита и напрасные харчи, и убытки»². В Наказе Уложенной комиссии тема правильного суда также не раз поднималась Екатериной Великой.

Провозглашённая в одном из указов 1710-х годов Петра I цель судебных преобразований — организовать такую систему судебной власти, чтобы «каждому по их делам суд был праведной и беспродолжительной»³ — являлась важной составляющей процесса создания государства всеобщего благоденствия. По замечанию Р. Уортмана, формирование системы гарантий, требующихся для осуществления «правильного» правосудия, было необходимо не только как средство достижения «общей пользы», но также являлось одним из оснований легитимности власти монарха⁴.

Такой взгляд на судебную сферу способствовал её выделению в отдельную отрасль управления и дал толчок для проведения двух крупнейших судебных реформ XVIII века. Несмотря на тот факт, что ввиду многочисленности административных трансформаций первой четверти XVIII столетия ряд исследователей упускают из вида судебные преобразования Петра Великого, концентрируя вни-

---

исторической мысли, 2009. С. 307–312; *Dixon S.* Catherine the Great. New York: Harper Collins Publishers, 2009. P. 255.

² Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. С. 397–398.

³ Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 342.

⁴ *Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 54.

мание преимущественно на реформах Екатерины II, именно они стали первой серьёзной попыткой создать самостоятельные органы суда в России⁵. На данный момент российские историки и историки права говорят о данных преобразованиях как первых судебных реформах, когда-либо проведённых в истории Отечества⁶.

И петровская, и екатерининская реформы суда характеризовались не только введением новых судебных органов и разработкой порядка прохождения дела по инстанциям, но и определением норм судопроизводства, обозначившими новый взгляд властей на алгоритмы разрешения судебных конфликтов. Невзирая на общие черты, характеризовавшие изменения в суде и государственном управлении, сравнительный анализ трансформированной системы органов власти позволяет говорить о ряде различий как в архитектуре судебных инстанций, так и в организации судопроизводства в них.

Обращаясь к созданным в ходе преобразований структурам, следует обратить внимание на их организационные принципы. Петровская реформа суда разрабатывалась и проходила оформление в течение длительного периода времени, окончательно сложившись лишь в 1723–1724 годах — к концу царствования первого российского императора. В результате дискуссий о необходимости тех или иных звеньев судебной цепи в основу судебной системы был положен принцип инстанционности судопроизводства. Вслед за Д.О. Серовым новую структуру судебных учреждений можно охарактеризовать следующей схемой: «нижние» суды (до 1722 года — городские и провинциальные суды, после 1722 года — суды провинциальных воевод с ассессорами и судебных комиссаров) — надворные суды (существовали в центре практически всех губерний) — Юстиц-коллегия — Сенат — монарх.

Следует отметить, что созданная система не охватывала все роды дел и категории населения. В частности, для крепостных крестьян суд феодала продолжал оставаться судом первой инстанции, в большинстве случаев заменяя систему государственного правосудия. Сами дворяне имели право подавать челобитные минуя многие ступени органов правосудия, обращаясь непосредственно в Юстиц-коллегию или Сенат. Кроме того, государство частично ис-

⁵ Например, см.: *Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Cambridge university press, 1999. P. 129–130.*

⁶ *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 11–20; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.: региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: ЧИ УрАГС, 2008. С. 5.

ключило из общероссийской системы правосудия городское население, создав специальные органы управления городами — магистраты. Духовенство и военные также находились в особой сфере подсудности.

Как можно заметить из приведённой схемы, сложившаяся система правосудия не была независимой и самостоятельной. В ряде случаев главы административно-территориальных единиц — воеводы и губернаторы — получали возможность участия в отправлении правосудия в составе судебных коллегий. Центральные и верховные органы власти также соединяли в себе судебные и административные полномочия. Наряду с судебными функциями Юстиц-коллегия, например, была обязана осуществлять текущее управление деятельностью нижестоящих судебных инстанций, устанавливая требования к организации суда и следствия в подчинённых ведомствах и запрашивая у них разнообразные отчёты. Сенат не только обладал статусом высшей апелляционной инстанции и заслушивал ряд дел в качестве обычного суда, но и являлся высшим правительствующим органом, куда стекалась информация по разнообразным административным вопросам. Кроме того, судебные функции имелись в руках других коллегий и приказов, обладавших как правом суда по роду дел, так и возможностью судить своих служащих.

В отличие от судебной системы первой четверти XVIII века, Екатерина II стремилась создать такую структуру административно-судебных органов, которая бы отвечала требованиям сословности и создавала условия для беспрепятственного течения правосудия⁷. Все региональные суды были выведены из-под контроля Юстиц-коллегии, а основные судебные функции в центре были переданы Сенату⁸. Губернский уровень судов был представлен палатами гражданского и уголовного суда, куда стекались все апелляции и жалобы, связанные с выявлением нарушений в судебном процессе. Все прочие суды губернского и сословного уровней носили сословный характер и были предназначены для решения спорных вопросов представителями различных категорий населения. Для дворян были учреждены уездные суды и верхние земские суды, горожане обращались в городовой и губернский магистраты, крестьяне — в верхние и нижние расправы. Кроме того, были созданы сиротские и совестные суды, разбиравшие дела на основе представлений о справедливости.

⁷ Уортман Р. Указ. соч. С. 60.

⁸ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). Изд. второе. СПб., 1909. С. 308.

Особенностью деятельности сословных судебных органов являлось использование принципа выборности при формировании судебных присутствий. Предполагалось, что все решения будут приниматься на коллегиальной основе. Принцип коллегиальности при создании органов суда последней четверти XVIII века был проведён куда более последовательно, чем при учреждении судебных мест начала столетия.

Подобно Петру I, Екатерина II не создала судебную систему, независимую от органов исполнительной власти. «Учреждение о губерниях» 1775 года оговаривало случаи, когда наместник или генерал-губернатор могли оказывать влияние на деятельность судов, добиваться пересмотра судебных решений. Кроме того, низовой уровень крестьянских судов — нижние расправы — занимался не только осуществлением правосудия, но и выполнял ряд полицейских и административных функций⁹. Для Сената судебные полномочия оставались лишь одной из сфер деятельности. Он был перегружен делами, но продолжал функционировать как судебное учреждение высшей инстанции. В обоих случаях верховным судьёй государства являлся монарх.

Реализация реформ в обоих случаях заняла время. В частности, в годы правления Петра Великого начавшаяся в 1719 году организация судебных структур в регионах затянулась на несколько лет. В Сибирской губернии, например, все судебские назначения состоялись лишь к концу 1721 года, за несколько месяцев до очередной реорганизации регионального уровня судебной системы. Преобразования Екатерины II были более взвешенными, формирование крупных административно-территориальных единиц происходило в соответствии с планом, по которому Пермское наместничество, например, было создано лишь в октябре 1781 года. Организация наместничества стала отправной точкой для учреждения предписанных органов власти¹⁰.

И судьи, и судебные канцелярии 1720-х годов, и региональные органы правосудия последней четверти XVIII века получили в своё распоряжение помещения или часть комнат в зданиях воеводских

⁹ Латкин В.Н. Указ. соч. С. 603–604; Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 450–451.

¹⁰ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб.: Рус. скоропечатаня, 1910. С. 69–73; Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. Пермь: Книжный Мир, 2006. С. 310–318; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 392–393.

канцелярий или упраздненных государственных структур. В целом материально-техническая база самостоятельных судебных органов была далеко не самой блестящей. Нижним расправам Урала, например, доставались помещения, требующие ремонта и совершенно не пригодные для работы. Новые канцелярии были сформированы как за счёт выделения служащих из штата воеводского аппарата, так и при использовании канцеляристов уничтоженных органов власти¹¹.

В обоих случаях решение наиболее важных вопросов организации судебных единиц региона было передано губернаторам/наместникам и созданным при них канцеляриям. Если в годы правления Петра I делегирование полномочий губернаторам и губернским канцеляриям было во многом стихийным, не являлось заранее спланированным действием, то во время судебной реформы Екатерины II оно практически сразу получило законодательное оформление. Так, согласно новым законам, наместник или губернатор по собственному усмотрению имел право на учреждение суда первой инстанции для решения местных гражданских и уголовных дел в тех уездах, где доля свободного сельского населения составляла не менее 30% жителей. По решению генерал-губернатора Е.П. Кашкина в Пермском наместничестве нижние расправы были открыты в 11 из 15 уездов: 4 в Предуралье, 7 — в Зауралье¹².

Это серьёзно отличалось от ситуации в Урало-Сибирском регионе начала столетия, где назначение первых судебных комиссаров в горнозаводские дистрикты Среднего Урала происходило по инициативе Сибирского обер-бергамта, а губернатор делегировал часть полномочий по подбору и назначению кадров на судейские должности Тобольскому надворному суду. Определение числа дистриктов, в которых предполагалось посадить городских судей, носило во многом произвольный характер: ввиду отсутствия большого количества городов на Урале и Сибири судебные канцелярии устраивались в населённых пунктах другого статуса. Основными доводами для их учреждения являлись численность населения, проживающего на территории, и удалённость от крупных городов¹³.

¹¹ *Бородина Е.В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 81–84; ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 261, 286; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 282; Д. 112. Л. 66; Д. 175. Л. 72, 94; Д. 262. Л. 250.

¹² ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 20 (1775–1780). № 14392. Ст. 34, 35, 335, 337; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 22. Л. 122.

¹³ *Бородина Е.В.* Указ. соч. С. 84.

Несмотря на проведённые реформы, ни император, ни императрица не были очарованы своими творениями, так как испытывали недоверие к корпусу судей, осуществлявших правосудие¹⁴. В связи с этим уже в годы правления Петра создаются специальные органы, в обязанности которых входил надзор за деятельностью всех государственно-правовых структур. Так, в 1711 году вводится должность фискала, а в 1722 учреждается прокуратура. Если институт фискалов просуществовал до 1729 года, то прокуратура стала постоянным органом надзора за органами суда и управления, сохранив свои актуальные качества и в период правления Екатерины Великой. При императрице также усиливается ревизионное начало, заключавшееся в дополнительной проверке судебных решений вышестоящими инстанциями. Таким образом правители стремились достичь своей цели — «получения в делах <...> скорого и справедливого по законам решения»¹⁵.

Судебные преобразования сказались и на принципах судопроизводства. Наряду со стремлением обоих монархов ввести порядок строгого прохождения дел по инстанциям оба правителя обратились к реформированию организации судебного процесса. Время правления Петра Великого связывается с несколькими законодательными актами, которые оказали значительное влияние на ведение судебного процесса. Среди них — указ от 1697 года, «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» как часть Воинского устава 1716 года, указ «О форме суда» 1723 года, базировавшийся во многом на положениях Генерального регламента 1722 года. Инквизиционный процесс и использование принципа формальных доказательств к концу петровского времени сосуществовали с процедурами фиксирования всех судебных процедур на бумаге.

Каждая стадия судебного процесса определялась множеством правил. Указ «О форме суда» и «Генеральный регламент» предписывали строгий порядок письменной коммуникации между учреждениями различных рангов, ведение внутренней учётной документации и др. По меткому замечанию М.М. Богословского, «каждый шаг суда должен был оставлять след на бумаге»¹⁶. Существовала строгая отчётность судебных учреждений о количестве вершённых и не вершённых дел перед органами центрального управления.

Несмотря на тщательно разработанные процедуры ведения документации, когда судья или судебное присутствие оказывались в

¹⁴ Уортман Р. Указ. соч. С. 58.

¹⁵ Цит. по: Воронанов В.А. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Цит. по: Уортман Р. Указ. соч. С. 65.

полной зависимости от работы канцелярских служителей, возросшие объёмы внутреннего и внешнего документооборота не способствовали реализации всех требований законодателя. В годы правления Петра многие из них так и остались лишь набросками на бумаге, превратившись в выполняемую, правда, с трудом, норму лишь к концу XVIII века. Так, например, в годы правления Екатерины многие региональные учреждения суда наконец-то смогли организовать собственные архивы, куда попадали судебно-следственные материалы и хранилась переписка с другими ведомствами¹⁷.

Наиболее значимым новшеством в судопроизводстве последней трети XVIII века следует считать разделение этапов собственно суда и предварительного следствия. Как уже было сказано выше, императрицей также были упорядочены процедуры подачи апелляции и ревизионного порядка рассмотрения дел¹⁸.

Несмотря на некоторые изменения в процедуре организации судебного процесса, в первой четверти XVIII века основным способом начать судебное разбирательство являлся частный иск. Неразделённость гражданского и уголовного права позволяла организовать в качестве частноправового иска и уголовное преследование. Основными участниками судебного процесса были как отдельные лица — представители разных сословий, так и органы общинного самоуправления, выступавшие в качестве частного лица, просящего государство о помощи. Данная ситуация хорошо просматривается при анализе судебно-следственных документов периода.

В зависимости от рода дела и тяжести рассматриваемого правонарушения дело могло передаваться в вышестоящие инстанции. Правда, несмотря на ряд указов Петра об укреплении инстанционности в судопроизводстве второй половины 1710-х годов, в качестве суда первой инстанции нередко выступали и надворные суды, и Юстиц-коллегия. Сохранялся принцип подсудности по территории проживания и по роду дел. Основные стадии судебного процесса этого периода — возбуждение дела при помощи челобитной или явки, расследование и слушание дела, вынесение приговора.

Екатерининские «Учреждения о губерниях 1775 г.» устанавливали чёткий порядок судопроизводства. Согласно ему, процесс брал своё начало в низшей инстанции судебной системы, и в зависимости от тяжести преступления выносился на рассмотрение судов пер-

---

¹⁷ *Плате А.* Funktionieren lokaler Archive im letzten Viertel des 18. Jahrhunderts am Beispiel des Archivs in Verchture // Научная мысль: традиции и инновации: Сборник научн. трудов с международным участием. Вып. 4 / Под редакцией С.С. Велликановой, А.К. Макаровой, Н.Ф. Ганцен. Краснодар, 2015. С. 191–196.

¹⁸ *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 619, 621.

вой, второй и третьей инстанций. С принятием решения и вынесением приговора, дело направлялось наместнику, который скреплял подписью приговор и, в случае необходимости, направлял его в Сенат.

Так, например, в соответствии со статьёй 338 нижняя расправа начинала свою работу исключительно «по жалобе, или иску» того или иного лица, а также на основании поручения вышестоящей судебной инстанции «по поведению той губернии наместнического правления, или палат, или верхней расправы». В тех случаях, когда речь шла о незначительном преступлении, отправной точкой процесса могли стать подача дела в соответствующую нижнюю расправу, представление от нижнего земского суда — следственного органа уезда, соединение в себе полицейские и судебные функции.

Наряду с репортом, содержавшим подробное описание всего происшествия, дело, как правило, включало в себя иные материалы, которые могли пролить свет на причины начала судебного процесса, копии писем — корреспонденцию с иными нижестоящими инстанциями, протоколы допросов, а также, в некоторых случаях, описи вышеперечисленных документов. Согласно статьям 231, 232 дела из нижнего земского суда, в который заявления поступали в большинстве случаев от принадлежащих к данному судебному округу волостных судов, потом передавались в нижнюю расправу. Согласно «Учреждениям», процесс также мог быть инициирован вышестоящим судом, который обязывал надлежащую нижнюю расправу, а также подчинявшиеся ей инстанции расследовать случай, если инцидент относился к её судебному округу.

В связи с преобладающим в процессуальной процедуре второй половины XVIII века инквизиционным процессом, при рассмотрении фактов, имеющих в распоряжении суда для расследования дела, признание считалось наиболее весомым доказательством. Независимо от тяжести совершённого преступления в большинстве исследованных случаев обвиняемый делал признание уже на первом допросе, или решался на него в дальнейшем в ходе следствия. Более сложной оказывалась ситуация, когда обвиняемый отказывался от признания, несмотря на проведение повторных допросов всех свидетелей, повального обыска, очных ставок, а также от показания под присягой в присутствии священника. В таких случаях основания для вынесения приговора отсутствовали, и дело считалось нерешённым.

После получения материалов дела из нижестоящих инстанций и их изучения, нижняя расправа выносила приговор или мнение. Последний содержал наряду с повторным обобщением хода преступле-

ния и протоколов допросов, выдержки из действующих законов. В случае незначительного преступления приговор нижней расправы был окончательным. Далее следовала переписка с ответственными за выполнение приговора органами, до того момента, когда дело, считающееся законченным, сдавалось в архив. В случае тяжкого преступления дело направлялось в верхнюю расправу. Дело считалось нераскрытым, если следственные действия оставались безрезультатными, как, например, в случае пойманного в Казани беглеца, ложно указавшего в допросе имя и место жительства. Дело было закрыто после растянувшейся на четыре года переписки между инстанциями разных ведомств и уровней¹⁹.

Таким образом, судебные структуры, созданные в результате реформ начала и конца XVIII века, роднила в первую очередь идейно-политическая основа, повлиявшая на организацию самостоятельных органов суда на местах. Несмотря на разницу во времени появления ключевых для проведения реформ нормативных документов, основные принципы регулирования судебной деятельности были утверждены ещё в годы правления Петра: инстанционность судопроизводства, принцип формальных доказательств при вынесении решения и документирование всех судебных решений и процедур. Схожим было стремление обоих правителей и установить надзор за деятельностью судебных структур. Различия касались особенностей подходов к организации суда для разных категорий населения.

При анализе реализации судебных нововведений императора и императрицы бросаются в глаза различия в интенсивности проведения преобразований, степень продуманности каждого шага реформы, которые можно объяснить личностными особенностями двух правителей. Если в первой четверти XVIII века Петру I так и не удалось внедрить все свои задумки, многие из которых так и остались на бумаге, в последующие периоды ряд процедур организации судебного процесса и ведения документооборота постепенно становятся нормой жизни и в годы проведения административно-судебных реформ Екатерины II уже не воспринимаются как явления, несовместимые с русской практикой. Это позволило правительнице осуществить свои замыслы. Если петровская судебная система просуществовала недолго и не смогла в должной мере продемонстрировать все свои достоинства и недостатки, то ряд судебных новаций Екатерины II сохранились до судебной реформы 1864 года²⁰.

---

¹⁹ ГАСО. Ф. 771 Оп. 1. Д. 81. Л. 2–9.

²⁰ *Мадариага Исабель де*. Указ. соч. С. 447.

Пермякова Алёна Николаевна
(Санкт-Петербург)

*Аспирант отдела древней истории России
Санкт-Петербургского института истории РАН*

«Правосудие с милостию не мешать»: Практики помилования от Петра I к Екатерине II

При восшествии на престол монархом по «высочайшей милости» освобождались из ссылки, каторжных и галерных работ, монастырского и тюремного заключения не только «политические» узники, но и разного рода доимщики, нечистые на руку чиновники (казнокрады и взяточники), и даже уголовники¹. Нередко обнародование «всемиловитейшего указа» могло быть приурочено к празднованию памятных дат², окончанию войны и заключению мирного договора³, поминовению царских особ, рождению наследника и

---

¹ Сб. РИО. Т. 79. Ч. 5. СПб., 1891. № 85. С. 170; ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПЗС). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 8 (1728–1732). № 5243, 5244 (Милостивый манифест по случаю коронации Петра II); № 5596 (Милостивый манифест по случаю коронации Анны Иоанновны); Т. 11 (1740–1743). № 8481 (Милостивый указ по случаю восшествия на престол императрицы Елисавет Петровны); Т. 16 (1762–1764). № 11667 (Милостивый манифест по случаю коронования императрицы Екатерины II).

² См.: ПСЗ. Т. 21 (1781–1783). № 15488; Т. 22 (1784–1788). № 16551.

³ См.: Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3842, 3924; Т. 11 (1740–1743). № 8021 (окончание Турецкой войны); Т. 12 (1744–1748). № 8992, 9074, 9207 (1744, Шведская война); Т. 20 (1775–1780). № 14275, 14294, 14528, 14725 (1775, мир с Португою).

прочее⁴. Так, например, по окончании Северной войны были даны императорские указы об «отпущении вин каторжным и колодникам, кроме смертоубийц и разбойников», и сложении всех доимок с начала войны и до 1718 года, а следом «генеральное прощение» получили дезертиры: «все беглые офицеры, драгуны, солдаты, и прочие служилого чина люди», которые теперь могли беспрепятственно вернуться на Родину⁵.

Подобное проявление высшей политической воли по случаю знаменательных событий в Российском государстве первой половины XVIII века не только восходило к традиционным раздачам милостыни и царских подарков в Московии второй половины XVII века, но и, безусловно, было связано с устоями православного вероисповедания, что обнаруживается в преамбуле данных указов: «для поминовения» души умерших⁶, «для Своего многолетнего здравия»⁷, «для благополучного коронования и государствования»⁸, «для всенародной радости» желая «к народу нашему показать милосердие»⁹, «в показание Своей благодарности за толикую Божью милость»¹⁰ и прочее. Неслучайно и сами просители в своих челобитных звали именно к милосердию монарха, подкрепляя свою просьбу общепринятыми формулировками¹¹. Некоторые прошения содержали в себе сразу все из возможных «резон»¹². Ссылаясь на уже «показанную» к тем или иным лицам «высочайшую милость» как на прецедент, многие челобитчики также просили об «отпущении вин» своим родственникам.

Проявление монаршего милосердия касалось не только личных (освобождения виновных), но имущественных прав и свобод (сложение недоимок, возвращение собственности). Так, на исходе дней

⁴ См: Там же. Т. 3 (1689–1699). № 1407, 1483; Т. 7 (1723–1727). № 4645, 4648, 4655, 4738, 4871; Т. 11 (1740–1743). № 8263, 8297.

⁵ Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3842, 3924.

⁶ Там же. Т. 3 (1689–1699). № 1407, 1483 (поминовение царевны Феодосии Иоанновны в 1691 г. и царицы Натальи Кирилловны в 1694 г.); Т. 7 (1723–1727). № 4645, 4648, 4655, 4738, 4871 (Милостивые указы в поминовение императора Петра Великого); Т. 11 (1740–1743). № 8263, 8297 (Милостивый Манифест от 23 октября 1740 г. в поминовение императрицы Анны Иоанновны и дополнительный указ к нему).

⁷ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 474.

⁸ ПСЗ. Т. 11 (1740–1743). № 8481.

⁹ Там же. № 8263.

¹⁰ Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3842.

¹¹ Сб. РИО. Т. 79. Ч. 5. № 76. С. 160–162; № 104. С. 208.

¹² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 777. Л. 2 об.

Петра I из Сената вышла серия «милостивых указов» (26 и 27 января 1725 года): «... дабы Господь Бог даровал от скорби Его Величеству облегчение»¹³. В связи с чем колодникам была дана свобода, а дворянам, прощённым за неявку на смотр, возвращено право собственности — «имений их движимых и недвижимых не отнимать»¹⁴. В июле 1730 года Анна Иоанновна «для Своего многолетнего здоровья и благополучного коронования» пожелала не взыскивать со своих подданных «положенных штрафов», а ведомость «сколько по тому е.и.в. указу таких штрафов и пошлин будет оставлено и кому именно» Доимочная канцелярия должна была для рассмотрения подать в Правительствующий Сенат¹⁵. В декабре 1752 года Елизаветой Петровной «Богу, вспомоществуящему Нам» в «благодарение» и в оказание «Матернего милосердия» был объявлен «Всемилоостивейший манифест» о прощении недоимок подушного сбора (2 534 008 руб.) с 1724 по 1747 год и возвращении всех «отписанных за подушную доимку... движимых и недвижимых имений», если они не были пожалованы или проданы Канцелярией конфискации¹⁶. В связи с чем в 1753 году в Канцелярии конфискации началась ревизия всех «вступивших» из губерний и провинций ведомостей «отписным, выморочным и конфискованным имениям» на предмет отписки имений за недоимки по подушной¹⁷.

При этом неизменно помилование понималось как исключительное право монарха, проявление «Высочайшей власти», отличной от правосудия. Неслучайно в инструкции Канцелярии конфискации относительно данной практики заявлялось: «правосудие с милостию не мешать»¹⁸. Наиболее полно же эта идея была изложена в манифесте по случаю коронации Екатерины II: «Объявляем всенародно. Чтob познали все Нам верноподданные сколь далеко простирается Наше Матернее милосердие, то при совершившемся Нашем торжественном короновании и миропомазании, сохраняя, сколь возможно, долг наш к правосудию, восхотели Мы участникам сделать общей радости и впадших в разные преступления, дабы и те видев, что Мы не строгостию законов (которая всегда будет в крайности...), но прямым соболезнованием о них и милосердием, жела-

¹³ ПСЗ. Т. 7 (1723–1727). № 4638, 4641, 4642.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 474. Л. 1–1 об.

¹⁶ ПСЗ. Т. 13 (1749–1753). № 10061.

¹⁷ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1658.

¹⁸ ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). № 5601. Пункт 16 «О запрете сложения или облегчения штрафов и долговых обязательств Коллегиями и Судами».

ем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию, и обратить на путь истины»¹⁹.

При этом осуществление милосердия и соблюдение справедливости на протяжении всего XVIII века и первой четверти XIX века понималось как исключительное качество монарха, неотъемлемое от его личности: «Право помилование принадлежит исключительно государю. Он может преступника простить или облегчить его наказание»²⁰, что в итоге (к середине XIX века), по замечанию Ю. Сафроновой, стало считаться одной из обязанностей самодержца, оставшегося символически доступным для каждого из своих подданных²¹.

ОСОБЕННОСТИ ПОМИЛОВАНИЯ «ОПАЛЬНЫХ И ССЫЛЬНЫХ ПЕРСОН»

Однако возвращение ко двору тех, кто прежде был сослан за политические преступления, также могло регламентироваться отдельными е.и.в. указами. В «милостивых манифестах» обычно оговаривалось, что напрямую освобождению подлежат все сосланные, кроме тех, кто «сослан в Государственных винах, приличных к первым двум пунктам», а также виновных в «смертных убийствах и разбое»²². Так, для облегчения наказания «тяжким преступникам» требовалось особое распоряжение монарха. Тем не менее издание «общего» манифеста служило сигналом для подачи прошений от тех, кто теперь мог также рассчитывать на Высочайшее снисхождение.

Случалось, что полного отпущения вин дожидались не сразу. Однако уже однажды смягчённое наказание позднее приводило к полному прощению. Так, в ноябре 1727 года в Совет Фёдором Ивановичем Лопухиным было подано прошение об освобождении из ссылки его брата — царедворца Якова Ивановича, который в 1719 году был осуждён на каторжные работы по «Ревельскому делу» за три «подложных провиантских подряда» общей суммой в 370 руб.²³ По «Милости-

¹⁹ ПСЗ. Т. 16 (1762–1764). № 11667.

²⁰ Государственная уставная грамота Российской империи Н.Н. Новосильцева // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/#sub_para_N_2000 (Дата обращения: 3.04.2016).

²¹ Сафронова Ю. «Высочайшая милость» вне «надлежащего порядка» в первые годы правления императора Александра II // Российская история. № 1. 2016. С. 10.

²² ПСЗ. Т. 7 (1723–1727). № 4638.

²³ Сб. РИО. Т. 79. Ч. 5. № 104. С. 208.

вому манифесту» Петра I «о вечном мире с Шведскою короною» (1721 год) он был освобождён от галерных работ и «за поруками, послан на житье в Сибирь», откуда в марте 1728 года Лопухину разрешено было возвратиться в свои деревни²⁴.

Взывая к императорской милости и справедливости, с прошениями о вспомоществовании обращались и бывшие придворные служители. В своих обращениях на Высочайшее имя просители старались привести какую-либо убедительную причину, чтобы претендовать на оказание «Высочайшей милости», помимо традиционных формулировок. Любая косвенная или мимолетная «личная связь» с нынешним или предыдущим правителем была вполне подходящим основанием. Так, например, бывший служитель при комнатах Алексея Петровича Никифор Богданов, оказавшийся после розыска 1718 года в Орловской провинции канцеляристом, просил наградить его «за службу», «страдания в тайной канцелярии» и «в ссылке», и главным образом, «за хранение высокой вещи — Государя Царевича, главы власов»²⁵.

Предстоящая церемония коронации также являлась вполне удобоваримым поводом для подачи прошения, в особенности для тех, кто «безвинно пострадал» от действий опальных персон, считавшихся нынешней властью преступниками. Так, бывший секретарь походной канцелярии А.Д. Меншикова Фёдор Зелёный, в 1726 году по обвинению светлейшего князя был наказан публично кнутом и приговорён к 10 годам каторги. Однако «по прощению» того же Меншикова в 1727 году был освобождён. В преддверии «ожидаемого всерадостного Коронования» в январе 1728 года он подал Петру II прошение о повторном рассмотрении его дела, которое считал «неправедным», а также просил «об обновлении» его дать е.и.в. указ²⁶. В Совете к данному прошению отнеслись благосклонно и 4 июля 1729 года последовало распоряжение о пересмотре дела, а 24 февраля 1730 года — протокол о «публичном прощении и не порицании его тем наказанием», а также возвращении Зелёному прежнего чина²⁷.

²⁴ Там же. С. 208–209.

²⁵ Там же. № 303. С. 525.

²⁶ Сб. РИО. Т. 101. СПб., 1898. № 175. С. 497.

²⁷ Там же. С. 495.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПОМИЛОВАНИЯ

Сама процедура помилования была определена Петром I в 1715 году в толковании к последней статье Воинского артикула, вошедшего в Военный устав 1716 года²⁸. В данной статье указывалась возможность дальнейшей службы в войсках тех «кто когда ошельмован или в руках палачевых был»²⁹. Однако в разъяснениях данных Петром к артикулу, подчёркивалось, что этот принцип не касается тех, кто «на пытке явится невинен, или от Его Величества, или Фельдмаршала весьма прощён будет» и «высокоповеренный чин свой может конечно паки отправлять»³⁰. Учреждение особой публичной процедуры помилования по мнению Петра должно было искоренить возникающие сложности при возвращении амнистированных на государственную службу. «Однакож иногда в сем деле бывает не без трудности, — отмечает Пётр, — до тех мест, пока над ним публично знамя не возложится. И тако через сие паки за честного причтен, и всем всеконечно запрещено будет, дабы ему сим впредь не попрекать»³¹.

Таким образом, прописанная Петром процедура помилования первоначально состояла из накрытия прощённого знаменем, что по замыслу законодателя должно было символизировать собой общественное забвение совершенных им преступлений, или же иных фактов (пытки, учинённой «политической смерти», ссылки) порочащих его. Выбор такой формы помилования становится ещё более очевидным, если учесть, что офицеров и солдат приводили к присяге при распущенном знамени³², а значит и восстановление пораженных прав должно было происходить с использованием данного государственного символа, окончательно утвердившегося в петровскую эпоху за годы Северной войны. Стоит отметить, что при этом и само содержание процедуры помилования, было понятно её участникам.

Принципы осуществления амнистии позднее были конкретизированы законодательно. В 1720 году последовал сенатский указ об учреждении специального публичного места для обнародования прощений преступникам³³, а в 1722 году Сенат дал разъяснения Военной коллегии «о возложении знамени на лишённых чести

²⁸ ПСЗ. Т. 5 (1713–1719). № 3006. Воинский Артикул 209. Толкование.

²⁹ Там же. С. 382.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 318.

³³ Там же. Т. 6 (1720–1722). № 3635.

офицеров и солдат, когда они прощены будут»³⁴. Правда возникновение последнего из указов было связано с тем, что до конца не оформленная процедура амнистии вызывала вопросы относительно её практического осуществления. В поданном в Сенат из Военной коллегии доношении (в августе 1722 года) указывалось, что офицеры, получившие по е.и.в. указам прощение, не могут быть определены к дальнейшей службе, так как коллегии не известно «при том публичном сказании на них Офицеров знамя возлагается ль»³⁵. Ссылаясь на военный артикул, коллегия указывала на необходимость проведения данной процедуры для «восстановления их [прощённых. — *А.П.*] совершенную честь»³⁶. Относительная путаница возникла в связи с тем, что в выданных офицерам указах об амнистии, с которыми они прибывали в Военную коллегию, не было объявлено об исполнении данного требования. В ответ на это доношение Сенатом было принято решение: «возложено над ними [амнистированными. — *А.П.*] знамени по военному артикулу чинить в Военной коллегии», что по мнению сенаторов непосредственно отвечало её «должности»³⁷.

В действительности же особые разъяснения Сената (в сентябре 1722 года) потребовались в связи с обнародованием «генерального прощения» (в апреле 1722), приуроченного к заключению «вечного мира» со Швецией³⁸, что повлекло восстановление на службе многих осуждённых за дезертирство офицеров и солдат.

Таким образом, к 1722 году процедура амнистии обрела довольно чёткую форму: сперва следовал указ е.и.в. о сложении вин, затем в общественном месте «о прощении сказку сказывали», после чего амнистированным выдавался указ об «их публичном прощении... за подписанием Правительствующего Сената», на основании которого в Военной коллегии происходило возложение знамени³⁹.

Примечательно, что в указах петровского времени ещё не обнаруживается упоминаний о возвращении помилованным шпаги, которая непременно подлежала изъятию при оглашении обвинительного приговора. В записке графа П.А. Толстого к своему племяннику читаем: «кавалерии и шпаги с меня снять»⁴⁰. Однако в веренице

³⁴ Там же. № 4083.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. № 3924.

³⁹ Там же. № 3635, 4083.

⁴⁰ *Пермякова А.Н.* Записка графа Петра Толстого о ссылке в Соловецкий монастырь // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. № 2 (10). 2016. С. 166–174.

прошений, поданных уже на имя Петра II, такие упоминания встречаются повсеместно. Так, например, в 1728 году Фёдор Зелёный просил отдать ему шпагу «имеющуюся в Военной коллегии»⁴¹. В феврале того же года стольник Степан Иванович Лопухин констатировал: «ныне... из ссылки освобожден я, а шпага мне не отдана», о том же к императору писал и князь Семён Иванович Шерба-тов⁴². Вероятно амнистированные дворяне первыми напомнили государству о своём праве ношения шпаги, как атрибута дворянского достоинства, на что власть отреагировала резолюцией: «тем шпаги, кому надлежит, носить позволить»⁴³. Так, на хранение в Военную коллегию поступали шпаги всех «в вины ввавших», которые подлежали возвращению дворянам при наступлении амнистии. С воцарением же Елизаветы Петровны распоряжения об отдаче шпаги прочно вошли в формуляр указов о помиловании.

Говоря о публичных местах, где должны были оглашаться указы «что им [прощённым. — *А.П.*] быть в числе с добрыми людьми»⁴⁴, следует отметить, что в Москве в соответствии со сложившейся традицией обнародования царских актов амнистия объявлялась в Кремле на Красном крыльце⁴⁵. В то время как в Санкт-Петербурге решением Сената (в августе 1720 года) было определено «впредь для впадших в вины публичного прощения сделать место особое перед Сенатскою Канцеляриею»⁴⁶, которая изначально находилась на Троицкой площади⁴⁷. Выбор места для оглашения амнистии вблизи сенатских присутствий в обеих столицах удовлетворял интересам их представителей, которым было поручено лично принимать участие в проведении церемонии. Так, например, (19 апреля 1742 года) для объявления помилования бывшему в Придворной конторе секретарю Александру Яковлеву в Москве от Правительствующего Сената присутствовали секретарь Семён Орлов и канцелярист Степан Фёдоров, к кругу ведения которых относилось данное дело. От сенатской роты был направлен поручик Фёдор Сазонов⁴⁸.

Основываясь на сохранившихся отчётах Сената об исполнении милостивых указов е.и.в. и визуальном образе с гравюры Михаила

⁴¹ Сб. РИО. Т. 101. № 175. С. 497.

⁴² Там же. Т. 79. Ч. 5. № 76. С. 160–161.

⁴³ Протокол Верховного тайного совета от 19 февраля 1728 г. // Сб. РИО. Т. 79. Ч. 5. № 76. С. 160.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). № 4083.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1372. Л. 481.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). № 3635.

⁴⁷ Анисимов *Е.В.* Петербург времён Петра Великого. М.; СПб., 2010. С. 390.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1372. Л. 480–481.

Махаева «Проспект Государственных коллегий с частию Гостиного двора с Восточною сторону» не сложно представить себе, как в конечном счёте к середине XVIII века выглядела данная процедура на практике. В публичном месте (в Кремле на Красном крыльце или на Троицкой площади у столба с балдахином) ставилась команда солдат, кем-либо из сенатских служащих под барабанную дробь «при собравшемся тогда народе» зачитывалось вслух объявление об отпущении вины и не порицании ссылкой, после оглашения указа прощённого прикрывали знаменем и возвращали шпагу. Затем Сенату предстояло «для известия в народ» и «публикования» составить печатные указы и разослать «ведения» в Святейший Синод, коллегии, канцелярии и их конторы, приказы, губернии и провинции, и «всякого чина и достоинства людям о том ведать и о не порицании по оному е.и.в. Всемилостивейшему указу чинить»⁴⁹. Губернские канцелярии в свою очередь рассылали копии на места — к воеводам. Об исполнении по оным указам требовалось отрапортовать в Сенат⁵⁰. Так, например, об амнистии князя Юрия Долгорукова (14 мая 1742 года) из Правительствующего Сената в различные государственные учреждения и губернии было отослано 74 указа, не считая экземпляра самого помилованного, для предъявления им при необходимости — «где от него, князь Юрья Долгорукова указ е.и.в. объявлен будет, то прочитая, оный отдавать ему по-прежнему»⁵¹. Без преувеличения можно сказать, что в результате такой массовой рассылки и повсеместного обнародования указа одновременно происходило как официальное информирование общества о свершившемся акте «монаршего милосердия», так и индивидуальное восстановление помилованным утраченного ранее социального статуса и поражённых прав. Тайной канцелярией был даже составлен единый реестр лиц возвращённых из ссылки по данным милостивым указам и манифестам⁵².

Можно заключить, что на протяжении первой половины XVIII века помилование становится распространённой политической практикой. Процедура, первоначально вышедшая из военизированной структуры петровского государства, и распространявшаяся исклю-

⁴⁹ Там же. Л. 438–482.

⁵⁰ Там же. Л. 442.

⁵¹ Там же. Л. 440–441.

⁵² Взглянуть на данный перечень амнистированных сегодня не представляется возможным, так как дело было утрачено, что констатировалось по результатам архивных ревизий 1938 и 1954 гг. (Список лиц, возвращённых из ссылки с 1740 по 1756 год // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 725).

чительно на воинские чины, к середине XVIII века стала применяться к получавшим высочайшее прощение и «отпущение вин» придворным и статским служащим. Формирование процедуры амнистии прошло несколько этапов: от вполне формального (выдача указа), нередко бюрократического акта к церемониальному действию. Участвовавшее же в эпоху «дворцовых переворотов» издание милостивых указов и манифестов, как способов легитимации власти, привело к широкому распространению данных практик и в царствование Екатерины Великой, что позволяло императрице не только следовать в русле сложившейся традиции, но и неизменно демонстрировать милосердие к своим подданным, поддерживать в них чувство справедливости, что позволяло упрочить власть.

Марголис Александр Давидович
(Санкт-Петербург)

Председатель Санкт-Петербургского отделения ВООПИиК

Каторга в России при Петре I и при Екатерине II

Зарождение каторжных работ в России относится к эпохе петровских преобразований¹.

Идея воспользоваться подневольной рабочей силой для российского гребного флота² принадлежит Андрею Виниусу. В 1688 году в записке, поданной в Посольский приказ, он, ссылаясь на пример иностранных государств, предлагал: «<...> всяких воров и бусурманских полонянников мочно на каторги сажать для гребли на цепях, чтобы не разбежались и зло не учинили; и чем таким ворами и полонянникам, которых по тюрьмам бывает много, хлеб туне давать, они бы на каторгах хлеб зарабатывали»³. Инициатива переводчика Посольского приказа была в полной мере реализована Петром I: каторжный труд играл громадную роль на «великих стройках» первой четверти XVIII века.

Этот вид подневольного труда впервые внедрён царским Указом 14 ноября 1699 года, которым и открывается история каторги в Рос-

---

¹ Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М., 1995. С. 7–10.

² Каторга (katergon) — галера, т.е. вёсельный военный корабль, движимый мускульной силой.

³ Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции о преобразовании каторги // Тюремный вестник. 1913. № 12. С. 1954.

сии. Указ предписывал осуждённых «положить на плаху и, от плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады и послать в ссылку в Азов с жёнами и детьми и быть им на каторгах в работе»⁴.

14 января 1704 года Пётр распорядился казнить только виновных в убийстве, измене и бунте; остальных, «которые достойны смерти, тех бить и, запятнав пятнами, посылать вечно на каторгу»⁵. Каторжные работы были введены не только на галерном флоте, но и на строительстве гаваней и крепостей, на мануфактурах и заводах. Ссылка на поселение в Сибирь, которая в конце XVII века была самой массовой, наиболее распространённой мерой наказания, теперь назначалась в исключительных случаях, уступив место ссылке на каторгу в различные места Европейской России: в Азов, Таганрог, Рогервик (позднее Балтийский Порт, ныне г. Палдиски в Эстонии), Ригу, Ревель, Кронштадт и Петербург. Новая столица занимала важное место в этом «Архипелаге ГУЛАГ» первой четверти XVIII века. На крупнейших предприятиях петровского Петербурга (Адмиралтейская и Галерная верфи, Литейный двор) и на общестроительных работах регулярно использовались «каторжные невольники».

Вне зависимости от вины, то или иное число преступников осуждалось на каторгу, исходя из потребности в даровой рабочей силе. Так, Пётр письмом на имя князя Фёдора Ромодановского от 23 сентября 1703 года предписывал: «ныне зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути»⁶. По мнению Н.С. Таганцева, «государство, осуждая на каторжные работы, в сущности, не наказывало, а снабжало разные ведомства даровыми рабочими»⁷.

В царствование Елизаветы Петровны замена смертной казни ссылкой в вечную каторжную работу существенно расширила масштабы каторги. Этому способствовал также екатерининский Указ от 17 января 1765 года, который предоставлял помещикам право ссылать своих крепостных за «предерзостное состояние» на каторгу без суда, произвольно определяя срок наказания⁸. Этот варварский

⁴ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 3 (1689–1699). № 1732.

⁵ Подосёнов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII веке // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 4.

⁶ Марголис А.Д. Указ. соч. С. 9.

⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 2. М., 1994. С. 264.

⁸ ПСЗ. Т. 17 (1765–1766). № 12311.

Указ был признан «не имеющим законных оснований» и отменён только при Александре I.

Во второй половине XVIII века центр российской каторги постепенно сдвигается на восточные окраины страны. Со времени передачи в 1760 году Нерчинских рудников в ведомство Берг-коллегии они становятся главным местом сосредоточения каторжных работ. В 1764 году по Указу Екатерины II забайкальский Нерчинский горный округ становится собственностью императорской семьи, а в 1786 он был отдан в ведомство Кабинета ЕИВ.

Нерчинский сереброплавильный завод был основан в 1704 году. Во второй половине XVIII столетия в Восточном Забайкалье появилось ещё семь серебряных заводов (Дучарский, Кутомарский, Шилкинский, Воздвиженский, Екатерининский, Газимурский, Александровский) и около 400 рудников. В 1789 году основан Петровский железоделательный завод. Максимальный объём производства серебра на Нерчинских каторжных заводах был достигнут в 1770-х годах⁹, когда ими управлял генерал-майор Василий Иванович Суворов (1705–1790), двоюродный брат полководца¹⁰. С конца 1780-х годов объём производства постепенно сокращался.

В конце царствования Екатерины II в Нерчинском горном округе находилось до 4 тысяч «каторжных колодников»¹¹. Именно в это время здесь появилась группа «секретных» каторжан, что можно рассматривать как зачаток политической каторги¹².

Наряду с Нерчинской каторгой труд каторжан во второй половине XVIII века использовался на Тельминской суконной мануфактуре в 60-ти км от Иркутска, на Екатеринбургских рудниках¹³, на Илецком соляном промысле под Оренбургом («соляная каторга»), на строительстве Орской крепости, Александровской крепости на Днепровской линии (ныне г. Запорожье) и в некоторых других местах (Таганрог, Херсон, Троицк на южном Урале и др.). Военный инженер И.И. Князев в 1795 году писал генерал-прокурору Сената

---

⁹ Жуков Н.Н. Возникновение Нерчинских рудников и тюрем при них // Нерчинская каторга: Сб. М., 1933. С. 7–31.

¹⁰ В 1775 его сменил горный советник Е.Е. Барбот де Марни (1743–1796).

¹¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 274; Ведерников В.В. Нерчинская уголовная каторга в системе серебросвинцового производства Восточного Забайкалья (XVIII–XIX вв.) // Вестник СПб. университета МВД России. 2011. № 2 (50).

¹² Крадин Н.П., Тимофеева М.Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 171–174; Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 9.

¹³ Екатеринбургская каторга существовала до 1800 года.

А.Н. Самойлову, что «ссылочные невольники для работ везде нужны, где только крепости инженерного ведомства находятся, наипаче потому, что во многих местах вольнонаёмных людей ни за какие деньги отыскать невозможно»¹⁴.

Наивысшее число ссыльнокаторжных было зарегистрировано в дореволюционный период в 1912 году — 32 000¹⁵. Но максимального масштаба институт каторжных работ, внедрённый в России Петром I, достиг в эпоху «строительства социализма».

---

¹⁴ *Фойницкий И.Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 271.

¹⁵ Каторга в Сибири. Извлечение из отчёта о служебной поездке начальника Главного тюремного управления П.К. Грана в Сибирь в 1913 году. СПб., 1913. С. 4.

Марасинова Елена Нигметовна
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

«От кнута последует скорбь,
от покаяния — восчувствование»:
К истории наказаний за тяжкие
преступления в России XVIII века

Русский XVIII век традиционно ассоциируется в исторической литературе с процессом секуляризации, под которым понимается сужение сферы духовного идеологического, правового и экономического влияния церкви. В то же время многие исследователи отмечают усиливающуюся в этот период тенденцию сакрализации верховной власти, что не могло не привести к использованию догматов веры и религиозных практик в новом социо-политическом контексте имперской России. В статье будет поставлена проблема, с которой власть пыталась справиться на протяжении всего столетия и особенно его второй половины: смягчение наказаний за тяжкие преступления, прежде всего убийства, и как следствие — необходимость совершенствования механизмов социального контроля за мотивацией и поведением подданных. В частности, речь пойдёт о феномене непосредственного использования властью церковных обрядов для наказания преступников без санкции церкви.

«НАКАЗАНИЕ ПОКАЯНИЕМ»:
ОТ УЛОЖЕНИЯ ДО «ВОИНСКОГО УСТАВА»

Традиционно в русской православной церкви существовало как добровольное, восходящее к таинству исповеди, так и принудитель-

ное покаяние, практически отождествляемое с епитимьей. На основании Соборного Уложения 1649 года, «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Адриана в сфере жёсткого духовного контроля были «блудодейние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвёртый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т.п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», т.е. под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов¹. Неверные сведения по судным делам, данные с крестным целованием, также подлежали церковной юрисдикции.

По «правилам святых апостолов и святых отцов» судили беглых холопов, которые, чтобы не возвращаться в прежнее состояние, подстригались в монахи или более того — становились священниками². Разумеется, преследовались попытки прикрыть свою социальную неблагонадёжность монашеской рясой безо всякого пострига: таким была прямая дорога в монастырь, но только уже «на смирение»³. «Для исправления отсылали к патриарху» христиан, обращающихся в другую веру, в то время как своеобразных проповедников, успешно насаждающих свою религию среди православных, «сжигали огнём безо всякого милосердия»⁴.

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые полагались мирянину церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному Уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись лишь дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

Отдельная 22-ая глава Уложения специально посвящалась подробному перечислению преступлений, за которые полагалась смертная казнь. В ней же содержались статьи о «винах, за какие смертью не казнить, а чинить наказание», сводящееся к разнообразным физическим мучениям. О том, что таким «поругателям и забывателям закона Христианского» нужно бы назначить покаяние, в Уложении не упоминалось ни слова.

¹ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1—45. СПб., 1830. Т. 1 (1649—1675). № 1. Гл. XX. Ст. 80. С. 130. 1649, 29 января; № 412. С. 699. 1667, 17 июня; Т. 3 (1689—1699). № 1612. С. 418, 422. 1697, 26 декабря.

² Там же. Т. 1 (1649—1675). № 1. Гл. XX. Ст. 67. С. 128. 1649, 29 января.

³ Там же. Т. 3 (1689—1699). № 1612. С. 416—417. 1697, 26 декабря.

⁴ Там же. Т. 1 (1649—1675). № 431. Ст. 89. С. 794. 1669, 22 января.

В петровском законодательстве всё с большей очевидностью усиливается тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые, мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания⁵. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода 1722 года⁶ светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах. За Синодом оставалось лишь преследование богохульников, еретиков, раскольников, вступающих в «недоуменные браки», «совокупляющихся родственников» и т.д. Симптоматично, что в случае игнорирования духовного суда церковь должна была жаловаться в Сенат на греховодника, который теперь подлежал уже наказаниям «светским началом». Разумеется, над всей этой пирамидой от судьи и епископа до Синода и Сената возвышалась величественная фигура Петра Великого, вещающего: «Ежели духовная персона или весь Синод во учинённой обиде нигде сатисфакции не получит — объявлять Мне»⁷. Мог Великий император в случае необходимости пригрозить своим подданным и Страшным судом. Так он писал в 1717 году: «Господа Сенат, ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»⁸.

С «Воинского устава» покаяние начинает вообще рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство⁹, заговор ружья, блуд между ближними своими, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например, во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т.д.¹⁰ При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник при-

⁵ См. об этом: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 158–159, и др.

⁶ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). № 3963. С. 650–652. 1722, 12 апреля.

⁷ Там же.

⁸ См.: Письмо Петра I в Сенат. 1717, апрель // Сб. РИО. Т. 11. СПб., 1873. С. 348.

⁹ ПСЗ. Т. 5 (1713–1719). № 3006. С. 320–321, 379, и др. 1716, 10 января.

¹⁰ Там же. С. 322, 366–368, 373, 379, и др. 1716, 10 января. Многие положения «Воинского устава» почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава (ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). № 3485. С. 49–50, 78, и др. 1720, 13 января).

говаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой.

Таким образом, Пётр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным покаянием, лишив в то же время это наказание своей самоценности и сделав приговор по нему прерогативой «светских команд»¹¹. Однако это дерзкое решение императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах «Воинского артикула». В отношении правления Анны Иоанновны также можно говорить лишь об единичных случаях принуждения светским судом мирян к церковному покаянию, в частности, в связи с довольно прагматичным указом о беглых. В 1734 году высочайше было объявлено, что всякого звания служилые люди, драгуны, солдаты, матросы, а также посадские и крестьяне, бежавшие за пределы России, получают «генеральное прощение» и приобщаются к числу «верных подданных». Лишь беглые, вышедшие из православной веры, обязаны были принести покаяние, а от прочих наказаний освобождались¹².

ФЕНОМЕН ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО МОРАТОРИЯ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

Период царствования Елизаветы Петровны хотя и не был отмечен фактами «купного» наказания покаянием людей, не принадлежащих к клиру, по решению светских команд, однако оказал принципиальное влияние на уголовное законодательство и практику последующих правлений и, прежде всего, Екатерины II. Речь идёт о двадцатилетнем моратории на смертную казнь, который был выдержан с 1741¹³ по 1761 годы, несмотря на жалобы местных властей, вынужденных кормить помилованных преступников¹⁴, и «великое

¹¹ См.: *Белякова Е.В.* Судьба сборников церковных канонов на Руси // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2000. №1 (5). С. 33–39.

¹² ПСЗ. Т. 9 (1733–1736). № 6534. С. 254–256. 1734. 17 января.

¹³ По всей видимости, стоит признать правоту публициста XVIII столетия князя Михаила Щербатова, который, описывая события дворцового переворота 1741 года, упомянул о молитве императрицы и клятве не лишать ни одного подданного жизни: «Она при шестви своём принять всероссийский престол, пред образом Спаса обещалась, что если взойдёт на прародительский престол, то во всё царствование своё повелением её никто смертной казни предан не будет» («О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1984. С. 55).

¹⁴ Так в 1746 году из Ревельской губернской канцелярии поступила просьба не уничтожать «древние справедливости» местных ландратов и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации

опасение»¹⁵ Сената¹⁶. Указ о приостановке высшей меры наказания, снабжённый расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, публично объявлен не был. На места поступали лишь полусекретные, не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием «осуждённым смертной казни экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа»¹⁷. Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры выносились по-прежнему, но оставались лишь на бумаге.

Однако мораторий изменил социальный ландшафт страны и повлиял на общественное настроение. Ещё несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной. К концу правления Елизаветы Петровны в России выросло два поколения людей, не видевших эшафота¹⁸, а у правящей элиты сформировалась привычка к тому, что публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе. Практическую приостановку смертной казни, предпринятую «нашей тёткой Елизаветой», Екатерина оценила выше «самых блистательных завоеваний»¹⁹. Однако указа о «невершении

в виду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось всё труднее (ПСЗ. Т. 12 (1744–1748). № 9312. С. 583–584. 1746, 5 августа). См. также: *Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004. С. 256.

¹⁵ Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули несколько аргументов против моратория. Во-первых, они полагали, что число оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Во-вторых, подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5об., 10–10об.; Д. 1023. Л. 14–16об.; Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. С. 651; Т. 6. СПб., 1893. С. 62, 642).

¹⁶ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радишева. С. 55.

¹⁷ ПСЗ. Т. 12 (1744–1748). № 8944. С. 114. 1744, 7 мая.

¹⁸ Об отношении толпы к смертной казни см.: *Анисимов Е.В.* Народ эшафота // *Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University.* 1997. С. 52–70. См. также: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2015. С. 42–86, и др.

¹⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Императорская Академия наук. 1907. С. 62.

смертной казни» без санкции Сената императрица сразу не подтвердила, но и распоряжений о приведении в исполнение не вынесенных в предшествующее правление приговоров не последовало. В то же время первая половина её царствования была отмечена тремя громкими казнями, завершившимися отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием.

Сентенции по делу поручика Василия Мировича, виновников московского Чумного бунта 1771 года и участников восстания Емельяна Пугачёва 1773–1774 годов свидетельствуют, что после двадцатилетнего моратория власть вынуждена была развёрнуто аргументировать оправданность возобновления смертных казней. Характерно, что при этом использовалось христианское учение, преступники обвинялись в попрании не только государственных законов, но и закона Божьего, а благостный образ милосердной монархини изолировался от смертных приговоров. Через несколько недель после подавления бунта Пугачёва императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казнённых, а места казни «истребить». Весной 1775 года был официально подтверждён указ Елизаветы Петровны, запрещающий смертную казнь без конфирмации Сената и императрицы.

Таким образом, практически лишившись возможности применения смертных экзекуций, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором взысканий за тяжкие преступления и особенно убийства. Постепенно телесные наказания становились уделом низших слоёв, а преступники из привилегированного сословия обычно лишались своей принадлежности к высшей касте²⁰, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое по законодательству второй половины XVIII века не конфисковалось, а отходило наследникам.

Все эти обстоятельства так или иначе повлияли на активизацию использования государством церковных практик и религиозных мировоззренческих ценностей для борьбы против тяжких преступлений в среде мирян²¹ во второй половине XVIII века²². Неожидан-

---

²⁰ В соответствии с «Жалованной грамотой» 1785 года кнут и плеть не могли «коснуться благородного» (ПСЗ. Т. 22 (1784–1788). № 16187. С. 347. 1785, 21 апреля).

²¹ В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.

²² См. об уникальном факте публичного покаяния в России XVIII века: *Chrissidis N.A. Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, IN. 2011. P. 107–125.*

ное, на первый взгляд, для России века Просвещения и секуляризации использование авторитета веры и церковных обрядов, прежде всего покаяния, для борьбы с уголовными преступлениями светских людей, было обусловлено сложными социальными, идеологическими и духовными процессами, происходящими в русском обществе. Это тема никогда не становилась объектом специального изучения, в то время как обращение к ней позволит по-новому интерпретировать такие важные проблемы, как взаимоотношение власти и церкви, механизмы социального контроля, влияние личности монарха на политику правительства, соотношение закона Божьего и закона государственного в сознании современников.

«ОТ КНУТА ПОСЛЕДУЕТ СКОРБЬ, А ОТ ПОКАЯНИЯ – СЕРДЕЧНОЕ ВОСЧУВСТВОВАНИЕ»

Высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция свидетельствуют, что инициатором распространения «наказания покаянием» была именно Екатерина II. Действительно, по утрам она не только писала послания Вольтеру и барону Гримму, но и выслушивала донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел, в частности и тех, которые остались от правления Елизаветы Петровны. Для собственноручного монаршего утверждения поступали в прямом смысле тысячи бумаг, которые учитывались в специальных «Журналах высочайшим конфирмациям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»²³.

Мнения Сената иногда представлялись императрице с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь», «надлежит

²³ См. напр.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1–10. В ходе работы был проведён сплошной просмотр выявленных в архивных фондах резолюций Екатерины на докладах Сената. Из нескольких тысяч резолюций или так называемых конфирмаций было выделено более 500 высочайших решений, касающихся тяжких уголовных преступлений преимущественно представителей дворянского сословия. Большинство экстрактов следственных дел по этим преступлениям было также привлечено к исследованию. Резолюции императрицы, приходившиеся на вторую половину её правления, после восстания Пугачёва и начала осуществления губернской реформы (1776–1795 гг.), представляют собой компактное собрание, находящееся в Фонде 10 «Кабинет Екатерины II». Резолюции на докладах Сената, относящихся к периоду 1762–1775 гг., рассредоточены в материалах Фонда 248 «Сенат и его учреждения» (см. напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374, и т.д.).

по законам за преступление смертная казнь» или в отношении высшего сословия — «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни». Однако Екатерине ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу, как правило, сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России. Уникальность такого источника, как высочайшие конфирмации, заключается в том, что многие приговоры дополняются самой императрицей «наказанием покаянием».

Характерно, что в 60–70-е годы XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, то есть в высочайших конфирмациях²⁴. Но постепенно эта склонность императрицы привлекать церковь к борьбе со смертными преступлениями была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х годов, особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние всё чаще появляется в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась.

Во время правления императрицы покаяние «сверх и купо» присуждалось в соответствии с представлениями о самом страшном деянии и грехе, т.е. за убийство, вне зависимости от его мотивов. Не только нести наказания по государственным законам, но и вымалывать прощение у Всевышнего должны были преступники, лишившие другого человека жизни как умышленно, так и невольно, «пьяным делом и в беспамятстве». Если по Соборному Уложению 1649 года убийство «пьяным делом» считалось смягчающим обстоятельством²⁵, то в начале XVIII столетия уже сложно было рассчитывать на снисхождение за уголовные проступки «в шумстве». «Когда кто пьян напьётся, — сказано в “Воинском артикуле” и “Морском уставе”, — и в пьянстве своём что злого учинит, <яко смертное убийство и сему подобное>, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящю жестокостью наказан имеет быть»²⁶. Во

²⁴ См. напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374, и т.д.

²⁵ «А <если> с пытки убийца станет говорить, что убил в драке или пьяным делом <...>, сажати в тюрьму до государева указа, а смертию не казнить» (ПСЗ. Т. 1 (1649–1675). № 1. С. 148. 1649, 29 января; № 431. С. 792–793. 1669, 22 января).

²⁶ ПСЗ. Т. 5 (1713–1719). № 3006. С. 333. 1716, 30 марта; Т. 6 (1720–1722). № 3485. С. 65. 1720, 13 января.

время правления Екатерины II убийство в драке, пьянстве и «воспалении гнева» также признавалось умышленным, о чём свидетельствуют и многочисленные сентенции, и высочайшие конфирмации: «Хотя он точного умыслу к убийству не имел, а учинил оное от пьянства, но пьянство, сопряжённое с таковым злом извинить его не может»²⁷.

Сибирь, тягло и покаяние ожидали прапорщика, зарезавшего своего дворового человека; титулярного советника, избившего батогом другого титулярного советника в его собственном доме; недоросля из дворян, убившего купца; отставного поручика, засекавшего крепостную; отставного прапорщика, убившего священника; отставного секунд-майора, заколовшего своего шурина; подпоручика и секретаря Мышкинского уездного суда, избивших старосту вотчины княгини Волконской, который «в третий день умер»²⁸, и т.д. С.М. Соловьёв также приводит многочисленные примеры приговоров к церковному покаянию, вынесенных на основании высочайших конфирмаций. Объясняя столь широкое использование религиозных практик в уголовных делах, историк делает вполне резонный вывод: «Екатерина при своём основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви»²⁹.

В некоторых приговорах, усугубляющих наказание наложением осуждением на церковное покаяние, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловаться», то во время правления Екатерины речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только «скорбь», а покаяние принесёт «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»³⁰.

²⁷ См. напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 429–434.

²⁸ См. напр.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 55об.–57; Д. 6. Л. 41об.–42, 46, 51; Д. 7. Л. 37об.–38; Д. 8. Л. 78; и др.

²⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1965. Кн. XIV. Т. 23–24. С. 126–127; М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 113–116.

³⁰ См. напр.: ПСЗ. Т. 20 (1775–1780). № 15032. С. 958–961. 1780, 9 июля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91об.; и др.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Таким образом, проблема смертной казни и наказаний за убийство в любом обществе выходит за рамки вопросов юриспруденции и наполняется мировоззренческим, философским и даже экзистенциальным смыслом. Для России XVIII века данная тема скрывает в себе большой исследовательский потенциал и затрагивает очень глубокие пласты истории русского и даже древнерусского права, общественного сознания, религиозного чувства, отношений «священства» и «царства». Так в эпохе Просвещения, регулярности и секуляризации обнаруживаются проросшие сквозь толщу столетий традиции церковного законодательства и религиозного мышления.

Набожность могла полностью определять мотивацию личности в критические моменты жизни, а если этой личностью оказывалась правительница самодержавной империи, то кардинальным образом изменять содержание государственной политики. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, повлияли на решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Движимая, прежде всего, собственным пониманием христианского учения императрица ввела негласный мораторий на смертную казнь.

Очевидно, что великая княгиня Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»³¹ почитала не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

С другой стороны, авторитет закона Божьего и институт церкви по-прежнему оставались важными элементами социального контроля со стороны государства, хотя сфера действия религиозного права стремительно сокращалась. Наказание покаянием мирянам за преступления, не направленные против веры и нравственности в сфере семейных отношений, выносились без участия клира, а сами священнослужители допускались лишь до весьма обременительного для них обеспечения исполнения приговоров. Настояте-

³¹ Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 29–31.

ли монастырей обязаны были действовать, прежде всего, в соответствии с грамотами «светских команд», которые находились при доставляемом в обитель арестанте и предписывали порядок его содержания.

Явно наметившаяся в годы Екатерининского правления тенденция к использованию государством религиозных практик для нравственного исправления преступников проявилась в «разумном отношении» к правилам Вселенских соборов и новому взгляде на лишения причастия. Оказалось, что запрет приобщения святых тайн признан был недейственным ввиду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви, с одной стороны, и немалого числа тайных раскольников, с другой: лишение причастия святых тайн «древле была во врачество, яко показующая грехов мерзость; ныне же не токмо не страшна многим, но и желаемая ленивым стала, тайным же раскольникам и весьма любима»³². Как справедливо писала И. Мадариага: «В религии <Екатерина> видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности»³³.

Несмотря на то, что в самодержавной России, как водится, каждый правитель открывает новую эпоху, привлечённый к работе материал позволяет проследить некоторые общие тенденции социокультурной и политической эволюции общества и власти. На протяжении XVIII века происходила постепенная смена набора главных добродетелей монарха: от жесткого воспитания в подданных «потомственного страха», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов³⁴, до милосердия к осуждённым. В отличие от Петра I и Елизаветы, и Екатерина так или иначе пытались дистанцироваться от принятия решений о смертной казни и уж тем более от эшафота и самой экзекуции. Претерпевали изменение и каналы воздействия власти на сознание общества, в частности, такой важнейший механизм социального контроля, как официальный политический язык. Общий контекст употребления понятия смертная казнь трансформировался от лаконичных указов о заслуженном наказании осуждённого через сдержанное забвение периода негласного моратория к развернутой аргументации, подкреплённой авторитетом Священного писания, или же к прославлению милосердия императрицы в торжественных манифестах об амнистии и помиловании.

³² См.: ПСЗ. Т. 20 (1775–1780). № 14996. С. 926–927. 1780, 21 марта; № 15029. С. 954–955. 1780, 2 июля; и др.

³³ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 801.

³⁴ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. X. М., 1964. Т. 19–20. С. 608.

На первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что во время просвещённого правления Екатерины II процесс секуляризации совпадал со всё более активным использованием церковных практик для наказания мирян за тяжкие уголовные деяния по решению светского суда. Многозначность термина «покаяние», так или иначе отождествляемого и с исповедью, и с епитимьей, становилась в данный период особенно заметной. Действуя в «улыбательном» духе, как это было присуще императрице, власть практически через голову духовенства начала использовать силу воздействия религиозного учения для улучшения нравов подданных. Узурпация права на суд Божий опять-таки определялась родовыми особенностями русской государственности. С одной стороны, процесс сакрализации власти не мог не влиять на самосознание любого монарха. С другой стороны, воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Но важнейшим назидательным примером императрицы в данном случае стал опыт воспитания нравственности на основе вечных истин Священного писания без клерикализации общества.

МОНАРХ, НАСЛЕДНИКИ, ФАВОРИТЫ

Мезин Сергей Алексеевич
(Саратов)

*Профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии
Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского*

Екатерина II о Петре I¹

Екатерина вторая пришла после Петра первого...
Д. Дидро

«Петру Первому Екатерина Вторая» — в лаконичной надписи на пьедестале Медного всадника, окончательная редакция которой принадлежит самой императрице², заложена «формула» её отношения к первому российскому императору. Это отношение представляет несомненный интерес, ибо речь идёт о двух крупнейших в истории России реформаторах, строителях империи; речь идёт о политических и исторических взглядах императрицы, оставивших заметный след в истории русской общественной мысли³. В развёр-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-01-00083.

² Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом // Сб. РИО. Т. 17. СПб., 1876. С. 122: «Остаюсь при известной вам [надписи] из четырёх слов» (на фр. яз., здесь и далее перевод с фр. автора статьи); *Шенкер А.* Медный всадник. Памятник и его творцы. СПб., 2010. С. 325.

³ Тема «Екатерина II о Петре I» имеет определённую историографию. Кроме отдельных сюжетов, затронутых в работах А.Н. Пыпина, Е.Ф. Шмурло, В.С. Иконникова, Г.В. Плеханова, Н. Рязановского, А.Б. Каменского, М.А. Рахматуллина и др., ей посвящено специальное исследование К. Расмуссен (США).

нута в виде точка зрения Екатерины II на Петра I проявилась в законодательстве, политических и исторических сочинениях императрицы, её переписке.

Представления Екатерины II о Петре I и его эпохе формировались под влиянием российских политических реалий, с которыми она вплотную столкнулась после приезда в Россию в феврале 1744 года. Другим источником знаний и мнений о Петре были произведения европейских просветителей, которыми Екатерина увлекалась смолоду.

В елизаветинской России царил официальный культ Петра I. Родственная близость к Петру была для Елизаветы (замечу, и для её наследников) первейшим доказательством её прав на престол, а «продолжение дел Петровых» было главным девизом её политики. Как позже отмечала Екатерина II, «в начале царствования государыни императрицы Елизаветы Петровны издано было повеление управлять все дела по указам родителя ея, Петра Великого»⁴. Однако наиболее дальновидные политики (к таковым можно отнести и молодую Екатерину) к концу елизаветинского царствования поняли, что простое следование указам Петра является топтанием на месте и не открывает перспектив для дальнейшего развития страны. В правление Елизаветы Петровны образ Петра I стал олицетворением патристического начала — «петербургского национализма», который Екатерина усвоила в полной мере.

Любимые французские авторы молодой Екатерины — Ш. Монтескье и энциклопедисты не были горячими поклонниками «деспотизма» и насильственных реформ Петра I⁵. Ещё будучи великой княгиней, Екатерина вступила в спор с немецким правоведом на русской службе Штрубе де Пирмонтом по поводу оценок России и русского деспотизма в «Духе законов» Монтескье. При этом она встала на сторону Монтескье. Она готова была признать правление Петра I деспотическим, но вместе с тем отвечающим природно-климатическим условиям России: «Такая обширная империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней была устроена другая форма правления, кроме деспотической, потому что она единственная может обеспечить с необходимой быстротой потребности отдалённых провинций; всякая другая форма своей медлительностью разруши-

---

⁴ *Екатерина II*. Сочинения. СПб., 1907. Т. 12 (2-й полутом). С. 519.

⁵ См.: *Минути Р.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 31–41; *Мезин С.А.* Пётр I и Россия в Энциклопедии Дидро // *Историографический сборник*. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 28–39.

тельна для того активного начала, которое всему даёт жизнь. Итак, остаётся только молить Бога о том, чтобы он нам всегда давал разумных правителей, которые подчиняются законам и ничего не делают, кроме как по зрелому размышлению и только в интересах своих подданных»⁶.

Пётр III, взойдя на престол, традиционно заявил о своём намерении «во всём последовать стопам премудрого Государя, Деда нашего Императора Петра Великого, и тем восстановить благоденствие верноподданных Нам сынов Российских»⁷. Рядом со своим нелюбимым мужем Екатерина поддерживала это стремление «внука Петра Великого», памятуя о том, что в тюрьме императоре Иване Антоновиче. Тогда же она называла «недостаточно предусмотрительным» («mal observée») закон Петра I о принудительной и бессрочной службе дворянства, отменённый Петром III.

Свергнув своего незадачливого мужа, Екатерина II поспешила обвинить его в «разращении» всего того, «что Великий в свете монарх и Отец своего Отечества Пётр Великий, наш вселюбезный дед, в России установил, и к чему он достиг неусыпным трудом тридцатилетнего своего царствования»⁸. Как видим, отношение к петровскому наследию было подвержено политической конъюнктуре.

Официально-благоговейное отношение к «узаконениям» Петра Великого на первых порах казалось полезным императрице. Как известно, Екатерина II сама работала над законами. В начале её правления ссылки на указы Петра Великого, «нашего вселюбезнейшего деда», были особенно частыми. Это можно объяснить и стремлением к легитимизации своего положения со стороны вчерашней немецкой принцессы, и желанием заручиться «политической поддержкой» самого почитаемого государственного деятеля России. Екатерина в начале своего царствования усердно боролась с «лихоимством», чиновничьей волокитой, наводила порядок в государственном делопроизводстве — и всё это представлялось как продолжение петровской политики¹⁰. За образец также брались отдельные

⁶ *Екатерина II. Сочинения*. Т. 12 (2-й полум). С. 674 (на фр. яз.).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. 15. №11390. С. 875.

⁸ *Екатерина II. Сочинения*. Т. 12 (2-й полум). С. 616 (на фр. яз.).

⁹ Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины II // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. М., 1869. Кн. 4. С. 17.

¹⁰ См.: ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 16 (28 июня 1762–1764). С. 22, 30, 52, 105, 158 и др. (№ 11643. С. 51. № 11716, ср. № 11844, 12060).

указы Петра в торгово-экономической сфере, а также в военноморском деле и по вопросам церковной политики. В частности, Екатерине пришлось решать щекотливый вопрос о секуляризации церковных земель, и она заявляла о готовности всё сделать «сходственно с узаконениями церковными» Петра Великого. Постепенно количество ссылок на указы Петра уменьшается. К концу екатеринского царствования ссылки на Петра I в законодательстве сходят на нет. Екатерина уже не ссылалась на Петра даже в тех случаях, когда ссылки были бы уместны. Это свидетельствует о том, что Екатерина II перестала нуждаться в политических «подпорках», осознала себя самодостаточным законодателем, поняла влияние изменившихся условий на законодательную практику. Пётр I перестал быть для неё «современным» политиком, но не перестал быть политическим и историческим героем. Как заметила К. Расмуссен, «образ Петра Великого оставался точкой отсчёта для Екатерины до конца её правления»¹¹.

Екатерина рано задумалась о методах проведения реформ. Петровский путь насилия и «принуждения природы» не казался ей привлекательным, хотя она оправдывала его тем, что царю приходилось действовать в других, гораздо более трудных условиях: «Он сквозь всех трудностей продрался со славою»¹². Для себя она намечала другой путь: «политическая свобода всё бы одушевила. Зачастую лучше вдохновить реформы, чем проводить их по приказу»¹³. Просветительский либерализм Екатерины уже в 1762 году столкнулся с реалиями русской жизни, но от идей молодости она не спешила отказываться.

Об этом свидетельствует екатерининский «Наказ» (1767), в котором она, опираясь на идею Монтескье, указала на естественный характер петровских преобразований: «Россия есть Европейская держава... Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России приял Пётр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Пётр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашёл тогда такие удобства, каких он и сам

---

¹¹ *Rasmussen K.M. Catherine II and the Image of Peter I // Slavic Review. Vol. 37, № 1. P. 57.*

¹² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел // Сб. РИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 179–180 (письмо А.И. Бибикову 20 октября 1771 г.).

¹³ *Екатерина II. Сочинения. Т. 12 (2-й полутом). С. 627 (на фр. яз.).*

не ожидал»¹⁴. Но Екатерина уже не разделяла мысли Монтескье о неустранимости деспотизма в России, и признавала правление своего государства, хотя и абсолютным, но монархическим, а не деспотическим¹⁵.

Тема петровских реформ нередко поднималась в диалоге императрицы с Д. Дидро. Философ считал «цивилизацию» России, начатую Петром I, неудачной — искусственной и подражательной, не опирающейся на естественное развитие общества, оставившей «обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности»¹⁶. Не подозревая, что спорит с Дидро (выступавшем в данном случае анонимно), Екатерина II отвечала на эту критику в письме к Вольтеру: «Иностранные политические резонёры, которые в своих книгах говорят... что Пётр Великий всё испортил, чтобы создать армию, флот, порт; а его наследники завершили всеобщее разрушение, чтобы и дальше хвастаться этими напрасными учреждениями, уверяю вас, не знают того, о чём говорят. Чтобы их уличить, надо лишь сравнить современное состояние России с тем, в котором Пётр Первый нашёл эту империю... Все различные ветви управления в особенности свидетельствовали бы о том, что господа резонёры худо судят с высоты своих чердаков»¹⁷. В словах Екатерины был свой резон: она продолжала реформировать Россию в направлении, заданном Петром I. На этом пути были очевидные успехи. Об издержках она предпочитала не говорить, хотя видела их подчас не хуже, чем иностранные наблюдатели.

В другом случае Дидро писал: «Уважение, которое необходимо воздать памяти Петра I, не должно помешать сказать о том, что ему не удалось увидеть в целом благоустроенного государства. Он был рождён гением. Ему внушили любовь к славе. Эта страсть сделала его деятельным, терпеливым, прилежным, неутомимым, способным побеждать трудности, которые природа, невежество, привычка противопоставляли его предприятиям. С этими добродетелями и иностранцами, которых он призвал к себе, ему удалось создать армию, флот, порт. Он создал множество необходимых регламентов

¹⁴ *Екатерина II*. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1907. Ст. 6–7. См. также статьи 99, 139, 256. Ср.: *Монтескье III*. Избранные сочинения. М., 1955. С. 417.

¹⁵ *Тарановский Ф.В.* Монтескье о России (К истории Наказа императрицы Екатерины II) // Труды русских учёных за границей. Берлин, 1922. С. 211.

¹⁶ (*Raynal G.T.*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Т. 2. Amsterdam, 1770. P. 204.

¹⁷ *Voltaire, Catherine II*. Correspondance 1763–1778. Texte présenté et annoté par Alexandre Stroev. Paris, 2006. P. 264.

для успеха своих смелых замыслов. Но, несмотря на славу и титул законодателя, он едва ли издал два или три закона, которые не несли бы отпечатка жестокости. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства своего народа с личным величием. После его великолепных установлений нация продолжала томиться в бедности, в рабстве и угнетении. Он не хотел ничего ослабить в своём деспотизме, а ужесточил его, и оставил своим преемникам ужасную и губительную идею, что подданные — ничто, а монарх — всё... Так думала Екатерина II»¹⁸. На самом деле так думал Дидро. Однако критика философа доходила до русской императрицы и влияла на её взгляды и политику.

Императрица не оставалась глухой к советам Дидро, хотя подходила к ним выборочно, соотнося с реальным состоянием российского общества. В частности, вслед за Дидро она находила неудобным иметь столицу на берегу Финского залива и полагала, что тёплые берега Чёрного моря были бы более подходящим местом. «Пётр первый, принуждая натуру в Балтических своих заведениях и строениях, имел более препятствий, нежели мы в Херсоне»¹⁹, — писала она Г.А. Потёмкину 30 сентября 1782 года.

Екатерина II ревниво относилась к мнениям о Петре I, которые распространялись в Европе. Она понимала, что имя Петра в европейской общественной мысли тесно сопряжено с понятием России, а кроме того сторонниками русской императрицы в общественное мнение европейцев был внедрён стереотип «Екатерина II — великая продолжательница дела Петра Великого». Поэтому русская императрица внимательно следила за тем, что пишут о Петре европейские авторы. Её не вполне устраивала вольтеровская «История» Петра, но она была благодарна Вольтеру за его пророссийские симпатии. Екатерина выказывала неудовольствие статьями о России и о Петре I, помещёнными в «Энциклопедии» Дидро, она была крайне раздражена тем, что об этом же говорилось в книге «Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша. Последнему она отвечала в полемическом сочинении «Антидот» (1770). Обвинения в деспотизме и «затягивании уз рабства», брошенные французским учёным и путешественником в адрес Петра I, Екатерине отклонить, по сути дела, не удалось. Но она резко выступила против утверждений о невежестве русских до Петра I, оспаривала необходимость противопоставления

¹⁸ *Diderot D. Mélanges et morceaux divers. Contribution à l'Histoire des deux Indes.* Т. 1–2 / Éd. Gianluigi Goggi. Siena, 1977. Т. 2. Р. 383–384.

¹⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел // Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 217.

допетровской и новой России, писала о единстве исторического развития России и Европы: «До царствования царя Фёдора Ивановича мы шли ровным шагом со всеми нациями Европы...»²⁰ Екатерина подхватила идею авторов «Энциклопедии» об исторической подготовленности реформ Петра: «Реформа, предпринятая Петром Великим, была начата царём Алексеем Михайловичем и его старшим сыном, царём Фёдором Алексеевичем. Этот последний уже приступил к изменению одежды и многих других обычаев...»²¹.

Царь Алексей Михайлович (законодатель) и князь Владимир (просветитель) становятся для Екатерины историческими героями, вполне соотносимыми по значению с Петром I²².

Установив памятник работы Э.М. Фальконе с известной надписью, Екатерина II смело поставила и себя рядом с великим преобразователем. Правда, от предложений о сооружении памятника ей самой Екатерина решительно отказалась.

Для Екатерины II Пётр оставался примером монарха, который брался за решение почти всех вопросов государственной жизни. Ей приписывают слова: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, — почти всегда оказывается, что предлагаемое дело было уже им обдумано»²³. Сложные отношения Екатерины с её сыном Павлом заставили императрицу обратиться к историческому прецеденту — делу царевича Алексея, в котором она полностью оправдывала Петра. По свидетельству А.В. Храповицкого, Екатерина изучала «Правду воли монаршей» и соглашалась с главной мыслью этого петровского документа. Изучение дела царевича Алексея привело её к следующей публицистически заострённой характеристике: «...Я почитаю, что премудрый государь Пётр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына. Сей наполнен был против него ненавистью, злобою, ехидною завистью; изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинки

²⁰ *Карер д'Анкосс Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005. С. 392.

²¹ Там же. С. 383.

²² См.: *Rasmussen К.М.* Op. cit. P. 58–60.

²³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 168; см. также: *Грибовский А.М.* Записки о императрице Екатерине Великой. Изд 2-е, с дополнениями. М., 1864. С. 42; Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой // *Русская старина.* 1880. Т. 29, сент. С. 199; *Бильбасов В.А.* Князь де Линь в России в 1780 и 1788 гг. // Там же. 1892. Т. 73, март. С. 546.

худого, слушал ласкателей, отдалял от ушей своих истину, и ничем на него не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он же сам был лентяй, малодушен, двойак, нетвёрд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья»²⁴.

Как и Пётр I, Екатерина считала главной целью своей деятельности «общее народа нашего благо». В своих конкретных действиях императрица перенесла акцент с «государственного блага» (как было при Петре) на благо сословий, в первую очередь — дворянского, получившего права, сопоставимые с общеевропейскими культурными стандартами²⁵. Дворянский либерализм существенно отличал Екатерину-реформатора от Петра I.

По своим личным качествам и культурному уровню «Семирамида Севера» также отличалась от Петра I, которого Вольтер сравнивал с кентавром и тигром. Её спокойная рассудительность, осторожность, стремление следовать определённой теоретической программе могли быть причиной однажды вырвавшегося замечания о Петре-законодателе: «Он сам не знал, какие законы учредить для государства надобно»²⁶. Из этого критического замечания, сохранившегося в памяти мемуариста, едва ли стоит делать далеко идущие выводы. Можно лишь констатировать, что Екатерина, верная традиции европейских просветителей, не была чужда критического взгляда на Петра. Но ей нравилось носить перстень и табакерку с портретом Петра, ей нравились портреты, на которых она была изображена рядом с бюстом царя. По свидетельству того же Грибовского, «невозможно было никогда говорить пред нею худо о Петре I»²⁷. И совершенно невозможно заподозрить лицемерие в личной переписке Екатерины II и Г.А. Потёмкина, в которой Пётр нередко упоминался как мудрый государственный деятель и даже цитировалась поэма М.В. Ломоносова «Пётр Великий»²⁸. По-видимому, уважение к Петру I было частью натуры Екатерины. Как отмечает А.Б. Каменский, «политическое кредо Екатерины Второй не может быть понято... без учёта того, что своего рода политическим идеалом для неё был Пётр I»²⁹.

²⁴ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 216.

²⁵ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещённый абсолютизм в России. М., 1993. С. 16–17.

²⁶ Грибовский А.М. Указ. соч. С. 95.

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ См.: Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 37, 153, 372.

²⁹ Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 129.

Во второй половине XVIII века Россия вела частые наступательные войны, укрепляла свои позиции европейской и морской державы. Екатерина II не без оснований считала себя наследницей военной славы Петра I, продолжательницей его внешней политики.

Празднование Чесменской победы русского флота Екатерина превратила в апофеоз Петра Великого. Императрица писала П.А. Румянцеву 17 сентября 1770 года: «Мы 14-го числа сего месяца [сентября] Богу приносили благодарение, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для России славы. Мы плодом его трудов пользуемся...»³⁰. Архиепископ Платон (Левшин) во время панихиды произнёс похвальное «Слово» Петру Великому³¹, в котором не преминул сказать, что «божественный дух Петра сияет в монархине нашей». В кульминационный момент проповедник, подойдя к гробнице Петра, воскликнул: «Но восстань теперь, Великий монарх, отечества нашего отец! <...> Восстань и наслаждайся плодами трудов своих». По словам Екатерины из письма к Вольтеру, «не было никого, кто бы в тот день не показал умиления благодарности к памяти этого великого человека»³². Однако предание сохранило пример не такого благоговейного отношения присутствующих к происходящему. Граф К.Г. Разумовский в ответ на возгласы Платона якобы тихо заметил с украинским акцентом: «Чего вин его кличе? Як встане, то всем нам достанется»³³. Получившее вольность дворянство, как видно, вполне сознавало разницу в отношении к нему Петра и Екатерины.

Екатерина II соблюдала петровскую традицию ежегодного салюта 27 июня в память о Полтавской победе. А во время её путешествия в Крым (1787) Г.А. Потёмкиным был разыгран спектакль битвы под Полтавой. Как писал граф Сегюр, «Полтавское сражение явилось перед нами в живой, движущейся, одушевлённой картине, близкой к действительности. Русская армия разделилась на две половины, из коих одна заняла русские окопы, другая шведские редуты. По распоряжению Потёмкина, чрезвычайно согласно, отчётливо и скоро перед взорами царицы произведены были все те манев-

³⁰ Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сб. РИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 139.

³¹ Платон (Левшин), архиепископ. Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великого... Б. м., б. г.

³² Voltaire, Catherine II. Correspondance 1763–1778. P. 197.

³³ Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. 1. С. 93.

ры, какие могли изобразить нам подобие этой решительной битвы... Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины; казалось, кровь Петра Великого струилась в её жилах»³⁴.

В отношении Екатерины II к Петру I нельзя не заметить и некоторой доли честолюбивого соперничества. Пример Петра Великого был постоянным вызовом для императрицы, которую тоже называли Великой. Правда, когда ей в 1762 году предложили принять по примеру Петра титул Матери отечества, она отказалась: «сей проект ещё рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие»³⁵. Но потягаться с Петром в государственных делах она была не прочь. Так, в одной из записок Екатерина с гордостью отмечала, что в 1765 году казна не имела долгов, чего в России не было ни при Петре, ни при Анне, ни при Елизавете³⁶. В другой раз она сообщала Вольтеру об успехах русской политики в Причерноморье и замечала, что в своё время Пётр связывал с Чёрным морем далеко идущие планы, но обстоятельства вынудили его переключить своё внимание на Балтику: «Мы остались не в выигрыше с точки зрения климата; там нет зимы, между тем как у нас она очень продолжительна»³⁷.

В официальных сочинениях второй половины XVIII века имена Петра и Екатерины было принято называть рядом, они составляли что-то вроде идеологической связки. Многие авторы ставили государственные заслуги Екатерины выше петровских. Например, её статс-секретарь А.М. Грибовский писал: «...она была, без сомнения, выше Петра I, и никогда бы не сделала известной его капитуляции при Пруте»³⁸. Едва ли без участия Екатерины сложилось мнение, что она не просто продолжает дело Петра, но идёт дальше, вносит свой вклад в русскую историю. «Пётр Великий создал в России людей, Ваше Величество влагаете в них души», — писал И.И. Бецкой³⁹. «Екатерина II кротко и спокойно закончила то, что Пётр Великий

³⁴ (Сегюр Л.Ф.) Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствовании Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 231.

³⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел // Сб. РИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 157 (на фр. яз.).

³⁶ *Екатерина II*. Сочинения. Т. 12 (2-й полутом). С. 568 (на фр. яз.).

³⁷ *Voltaire, Catherine II. Correspondance 1763—1778*. P. 181.

³⁸ *Грибовский А.М.* Указ. соч. С. 35; Примечательно, что оппозиционно настроенный князь М.М. Щербатов, хотя и писал о почитании Екатериной памяти Петра, но считал, что «не прилично... делать сравнение между сими двумя государями». См.: Тетради записные всяким письмам и делам... Петра Велико-го. СПб., 1774. К читателю. Б. п.

³⁹ Генеральный план московского воспитательного дома. СПб., 1767. С. VIII.

принуждён был учреждать насильственно», — констатировал современник⁴⁰.

Наконец, следует отметить, что Екатерина II прямо и косвенно способствовала историческому изучению петровской эпохи, приведению в порядок архивов того времени. Уже в 1763 году она писала Вольтеру: «Совершенная правда, что нет границ удивления гению этого великого человека. Я приказала собрать повсюду его оригинальные письма и хочу их издать. Он в них рисуется сам собой»⁴¹. Екатерина, по-видимому, несколько поторопилась, заявив, что письма Петра уже собираются и что она познакомилась с ними. По её приказанию, М.М. Щербатов приступил к разборке бумаг Кабинета Петра Великого не ранее 1768 года. Более внимательное знакомство с письмами Петра I, которые начали появляться в различных изданиях в 70–90 годах XVIII века, несколько изменило её мнение. В переписке с Сенаком де Мельяном (письмо от 8 сентября 1791 года) она очень сдержанно отзывалась об источниковой ценности бумаг Петра I: «Не думаю, чтобы письма его, обыкновенно очень краткие, могли быть полезны истории. Печатный журнал императора указывает факты»⁴². Действительно, сугубо прагматичные письма Петра могли бы показаться странными утончённому французскому аристократу. Екатерина же не видела в них источниковедческой пользы потому, что у неё были собственные представления об исторических трудах: они должны были служить прославлению России. А из писем Петра I трудно было извлечь нечто «блистательное».

Что же можно сказать в итоге об отношении Екатерины II к Петру I? В нём преобладало искреннее уважение к первому императору. Екатерина не без оснований считала себя продолжательницей важнейших сторон петровской политики: европеизации, просвещения, секуляризации русского общества. Сходное понимание внешнеполитических задач России сближало двух крупнейших государственных деятелей России XVIII века.

Однако новые взгляды на методы проведения реформ и иное понимание «общего блага» позволяли Екатерине дистанцироваться от несомненного деспотизма Петра.

Отношение к Петру I, достигавшее уровня государственного культа, Екатерина II перевела из плоскости политики в плоскость общественного мнения и истории. Пётр уже рассматривался не в каче-

⁴⁰ *Рубольер А.И.* Записки // Русский архив. 1877. Кн. 1, вып. 4. С. 477.

⁴¹ *Voltaire, Catherine II.* Correspondance 1763–1778. P. 40.

⁴² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел // Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 200.

стве идеала действующего политика, а как наиболее выдающийся исторический герой в ряду других достойных уважения исторических деятелей. Такой подход позволял критиковать отдельные стороны деятельности реформатора и говорить о продолжении его дел в новых условиях.

Екатерина постоянно сравнивала себя с Петром и, возможно, ей иногда представлялось, что она превзошла его как государственный деятель. Историки также сравнивали двух русских реформаторов. Но в большинстве случаев признаётся, что Екатерина была более слабой фигурой в этой могучей паре⁴³. Ведь как заметил Д. Дидро, «Екатерина вторая пришла после Петра первого...»⁴⁴.

---

⁴³ *Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford, 1985. P. 38.

⁴⁴ *Diderot D.* Correspondance, publiée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1968. Vol. XIV. P. 80.

Лаптева Татьяна Александровна
(Москва)

*Заместитель начальника отдела
Российского государственного архива древних актов*

Наследник престола: Благословение или испытание? Пётр I и Екатерина II о престолонаследии в России

Вопрос о престолонаследии можно назвать одним из ключевых вопросов политической жизни России на протяжении веков. В начале XVII века нерешённость этого вопроса едва не стоила России суверенитета. Поэтому в дальнейшем после утверждения на престоле династии Романовых правильности престолонаследия уделялось самое серьёзное внимание. Болезненность мужского потомства Романовых могла привести к политическому кризису в стране, и по сути уже явилась причиной трагических событий в Кремле в мае 1682 года. Политические причины побудили царицу Наталью Кирилловну настаивать на скорейшей женитьбе сына для того, чтобы ослабить позиции Милославских в их претензиях на престол. Пётр стал отцом двух сыновей — Алексея (род. 1690) и Александра (род. 1691), вскоре умершего. Казалось бы, вопрос о престолонаследии был разрешён, однако примерно через десятилетие стало ясно, что это была лишь видимость. На поверхностный взгляд всё выглядело хорошо — несмотря на удаление от двора матери воспитание царевича Алексея продолжилось под присмотром сестры царя — Натальи Алексеевны, для него были приглашены учителя-иностранцы: М. Нейгебауэр и затем Г. Гюйссен. Гофмейстером царевича

стал А.Д. Меншиков. Однако сын не желал находиться под руководством отца или его сподвижников и предпринимать какие-либо усилия на пути как собственного совершенствования, так и реформирования, и модернизации страны. В течение почти трёх лет царевич находился в Дрездене, его брачный союз с принцессой Брауншвейг-Вольфенбюттельской Шарлоттой Христиной Софией, заключённый в 1711 году, также должен был повысить статус государства: отныне наследник престола стал родственником самого императора. Однако брак оказался неудачным вследствие известных слабостей царевича: любви к пьянству и лени. Любое порученное ему дело он проваливал, окружая себя льстивыми «попами и чернецами». В октябре 1715 года, вскоре после рождения сына царевича и в ожидании рождения собственного сына, Пётр I написал царевичу письмо, где прямо потребовал ответа на вопрос: хочет ли он быть его наследником или желает отказаться от наследства? Пётр писал о том, что царевич не лишён ни разума, ни «крепости телесной», однако не имеет никакой охоты к военному делу, которое являлось в тот момент наиважнейшим делом в государстве, не имеет он желания заниматься другими государственными вопросами. Пётр угрожал лишить сына престола, если он не изменит своего поведения, и писал о том, что кровные узы не имеют для него значения, когда речь идёт о благе для страны: «Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный»¹. В этом письме ясно видна готовность изменить порядок престолонаследия. После совета со своим окружением, в частности, А.В. Кикиным и Н. Вяземским, царевич решил отречься от престола, ссылаясь на здоровье. Царь, однако, подозревал, что Алексей скорее надеялся на состояние здоровья отца, которое внушало опасения. Оправившись от болезни, Пётр направил сыну второе послание, в котором выразил сомнение в искренности его желания отречься от престола. В этом же письме царь ясно выразил своё понимание смысла наследования престола: «...ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь». Он ставил перед сыном жёсткую альтернативу: «... так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или отмени свой нрав и неллицемерно удостой себя наследником, или будь монах, ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал».

Советники царевича внушали ему, что «клобук не гвоздём к голове прибит», и царевич согласился уйти в монастырь. Пётр, в нача-

---

¹ Объявление розыскного дела и суда ... на царевича Алексея Петровича. СПб., 1718. С. 4.

ле 1716 года отправившийся в Данию для участия в международной военно-морской операции против Швеции, дал царевичу ещё шесть месяцев на размышление и затем предложил приехать к нему в Копенгаген. Однако наследник предпочёл снова обмануть отца и под предлогом поездки к нему решил бежать за границу, надеясь прибегнуть под покровительство своего родственника императора Карла VI. Пётр предпринял решительные действия по поиску местонахождения царевича, и уже в Неаполе Алексею Петровичу было вручено письмо отца от 10 июля 1717 года, в котором дана уничтожающая оценка действий наследника: «...Ушел и отдался яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не точию между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отчеству своему учинил!...»². После увещаний и обещаний избавления от наказаний царевич дал согласие вернуться домой. Царь обещал прощение, однако о наследовании престола речи уже не могло быть. Алексей просил лишь о том, чтобы жениться на своей любовнице Евфросинье и жить в деревне. В случае смерти отца и получения престола царевич намеревался уничтожить флот, перенести столицу в Москву, отрешить от власти всех сподвижников Петра и приблизить новых людей и прочее.

3 февраля 1718 года царевича привезли в Москву. Манифест о лишении его наследия престола уже был подготовлен, в нём описывались события и поступки царевича с самого детства, также говорилось о том, что царь не может допустить оставить такого наследника, который «испроверг бы честь и славу народа российского, для которого отец и здоровье своё истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего»³. Царь, однако, несмотря на причинённые ему «бесчестие» и клеветы, за которые «достоин был лишения живота», сохраняет ему жизнь, но лишает престола в пользу другого сына, Петра. Царевич подписал и присягу новому наследнику престола и отказ впредь этого престола домогаться. После отречения от престола и начала розыска, в ходе которого вскрылось немало новых обстоятельств, а также сообщников царевича, он оказался в положении обыкновенного подданного, находящегося под следствием, к которому может быть применена пытка. Более того, по приговору суда Алексей Петрович подлежал смертной казни. По этому поводу отдельное мнение было у духовенства, которое предлагало царю примеры прощения недостойного наследника из Священного писания.

---

² Там же. С. 7.

³ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3151. С. 536.

После смерти царевича Алексея недолго прожил и другой наследник — царевич Пётр. Царь должен был принять решение о наследовании престола уже в третий раз. После заключения Ништадтского мира в 1721 году и принятия титула императора состоялся торжественный вход царя в Москву, затем было объявлено об издании новой декларации (устава) о порядке наследования престола. Устав о престолонаследии царь подписал в Преображенском 5 февраля 1722 года. В документе подчёркивалась пагубность старого обычая утверждения наследником старшего сына. Приводились примеры из Священного писания и русской истории, в частности, упоминался великий князь Иван Васильевич, назначивший наследником сначала внука Дмитрия, а затем сына Василия. Отныне устанавливался закон, по которому правящий государь мог назначать наследника по своему желанию и отставлять уже назначенного в случае неспособности. Данный указ должен был приниматься подданными под присягой и закрепляться их подписями. К нему прилагался текст клятвенного обещания⁴. Эта присяга породила волнения, в частности Тарский бунт мая—июня 1722 года.

Дело царевича Алексея побудило Петра ускорить преобразования, например, ввести коллегиальность управления правительственными учреждениями, отставить местоблюстителя патриаршего престола и учредить Священный Синод, ограничить в правах духовенство и монашество. Учреждена была Тайная канцелярия во главе с одним из основных участников дела царевича П.А. Толстым.

Однако вопрос с наследником так и не был решён. Формально наследницей престола должна была считаться императрица Екатерина Алексеевна, коронация которой была задумана ещё в ноябре 1723 года, однако из-за болезни царя состоялась только 18 мая 1724 года. Но события осени 1724 вынудили царя вновь задуматься о том, кому необходимо было «отдать всё». Пётр умер, так и не назвав имени наследника. Это привело не только к замедлению начатых им реформ, но в ряде вопросов к отказу от них и возвращению к программе, намеченной ещё царевичем Алексеем: флот был заброшен, столица фактически перенесена в Москву, сподвижники Петра отставлены от дел, примером чему может быть судьба некогда всеильного князя А.Д. Меншикова. Ситуация была изменена лишь спустя полтора десятилетия с помощью государственного переворота, приведшего к власти дочь Петра Елизавету.

Неопределённость и непредсказуемость порядка наследования престола порождала один кризис за другим. В июне 1762 года после

⁴ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). № 3893. С. 496–497.

ещё одного государственного переворота на престол вступила Екатерина II, иностранка, с твёрдой волей и желанием продолжить реформы государственного управления. В первые десятилетия её царствования вопрос о престолонаследии не поднимался вследствие неопределённости положения самой императрицы. Однако после женитьбы наследника Павла Петровича и появления внуков, а также осуществления ряда коренных реформ управления императрица решила ознаменовать 25-летие своего царствования созданием всеобъемлющего кодекса, или свода законов. Важнейшей частью свода стал «Наказ Сенату», в котором была сделана попытка ввести в правовое поле самодержавие (абсолютизм) как форму государственного права и обосновать её исключительность. В главе 4 «Наказа Сенату», носившей название «О роде и наследстве» определялся порядок наследования престола. Основой послужило произведение петровской эпохи «Правда воли монаршей», однако в положения петровского законодательства были внесены существенные изменения. Екатерина II сделала не только выписки из «Правды воли монаршей», но и проанализировала их, сформулировав новые положения⁵. Помимо этого произведения, для работы над главой она привлекла английское законодательство, в частности Акт о наследовании престола 1688 года⁶. Наследник, как объявил ещё Пётр, определялся волей монарха, но наследование закреплялось только в роде императорского величества. Наследник не мог быть допущен к престолу в случае обвинения его в попытках незаконного захвата власти, если он был лишён необходимых «душевных и телесных качеств», а также «нравных и естественных способностей». В случае отсутствия потомков мужского пола к наследованию допускались и женщины. Предусматривалась и опека несовершеннолетнего наследника правителем империи. Ответственность за соблюдение правил престолонаследия и процедуры возлагалась на Сенат⁷. Таким образом, в этом труде Екатерина II дополнила и переработала один из фундаментальных указов Петра I, однако эти её идеи так и остались на бумаге.

Около того же времени в ходе работы над материалами к проекту всеобщего законоположения Российской империи «О узаконениях

⁵ РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 2. Ед. хр. 325. Л. 11–20.

⁶ Там же. Л. 21–26.

⁷ Там же. Л. 2–10; *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии. Вторая половина XVIII века. М., 1989. С. 122–123. Текст «Наказа Сенату» также опубликован Омельченко: *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С. 43–62.

вообще» Екатерина II составила и проект манифеста о наследовании престола. Императрица была сторонницей неограниченного самодержавия, а также единства и неделимости империи. Порядок наследования престола в данном документе должен был обеспечить сохранение целостности империи. Пункты о единстве империи и правах губерний предшествуют пункту о порядке наследования: «... по кончине наши принять самодержавство Корону сея державою любезнейшему сыну и наследнику [нашему] цесарев. И велик. Князю Павлу Петровичу и царствовать до кончине его. По нем принять самодержавие и корону его старшему... сыну (любезнейшему нашему внуку) великому князю Александру Павловичу и царствовать ему до кончину его. По нем принять Самодержавие и корону его старшему... сыну и царствовать ему до кончину его. Буде же законное потомство великого князя Александра пресеклось, тогда по нем принять самодержавие и корону второму сыну (любезнейшему нашему внуку) Константину Павловичу и царствовать до кончину его...»⁸ В случае пресечения мужского потомства престол переходил к старшей сестре и затем к другим сестрам. От наследования престола отрешались лица иностранного вероисповедания или женатые и вступившие в брак с такими лицами, а также монархи других стран. Этот манифест должен был вновь утвердить старый, твёрдый и определённый порядок престолонаследия. Однако он не был обнародован. Екатерина II, как известно, колебалась и одно время хотела назначить наследником внука Александра в обход непредсказуемого Павла Петровича.

Она ясно сознавала, что её труды по реформе законодательства могут быть напрасны. К концу 1787 года относится её записка «для себя», в которой императрица выражает желание заняться реформой «сенатского порядка», полагая, что в случае возникновения затруднений положит эту работу «в долгий ящик», «ибо не веем, ради кого тружусь и мои труды, попечение и горячее к пользе империи радение не будут ли тщетны», потому что «своё уположение» императрица не может «учинить наследственным»⁹. Екатерина повторяет рассуждения Петра I об опасности разрушения неусыпных и тяжких трудов на пользу государства в случае прихода к власти недостойного наследника, но и углубляет их, ссылаясь на невоз-

⁸ Григорьев В. Проект манифеста Екатерины II о престолонаследии // ЖМНП. Новая серия. Часть L. 1914 (март). С. 124–125.

⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 295. Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 376.

возможность наследования мировоззрения. Среди выписок из «Правды воли монаршей» находится переписанный рукой Екатерины отрывок из Книги Екклесиаста, глава 2: «И возненавидех аз всяческая мира и труд мой, в нем же трудихся аз под солнцем, яко оставляю его человеку будущему по мне, и кто вестъ, мудр ли будет, или безумен; и обладати имать всем трудом, в нем же трудихся и мудровах под солнцем, и се же суета. И обратихся аз отрещися сердцу моему о всем труде, в нем же трудихся под солнцем, яко есть человек, его же труд его в мудрости и в разуме, и в мужестве, и человек, иже не трудится о нем, даст ему часть его: и сие есть суета и лукавство велие, яко бывает человеку в сем труде его и в изволении сердца его, иже труждается под солнцем...»¹⁰. Возможно, Екатерина II имела в виду не только умонастроение наследника престола Павла Петровича, а те мысли и идеи, которые внушали ему воспитатель Н.И. Панин и близкие ему лица, в первую очередь П.И. Панин и Д.И. Фонвизин. В записках декабриста М. Фонвизина, племянника Д.И. Фонвизина, о Н.И. Панине сказано следующее: «Граф Никита Иванович Панин, воспитатель великого князя наследника Павла Петровича, провёл молодость свою в Швеции. Долго оставаясь там посланником и с любовью изучая конституцию этого государства, он желал ввести нечто подобное и в России; ему хотелось ограничить самовластие твёрдыми аристократическими институциями. С этою целию Панин предлагал основать политическую свободу сначала для одного дворянства, в учреждении верховного сената, которого часть несменяемых членов назначались бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц»¹¹. По сведениям М. Фонвизина, Н.И. Панин руководил созданием проекта конституции, которую писал Д.И. Фонвизин. Этот документ призывал истинно просвещённого монарха отказаться от «самовластия», а именно от неограниченного самодержавия, которое приносит России неисчислимые беды. В другой работе Фонвизина, «Рассуждение о непременных государственных законах» содержалось положение о взаимном договоре нации и государя и обосновывалось право нации на восстание и свержение тирана¹². В 1784 году Пётр Панин подготовил «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол» и проект манифеста при начале царствования. В этом документе ничего не говорилось об ограничении самодер-

¹⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 325. Л. 15–15 об.

¹¹ Цит. по: *Эйдельман Н.* Секретная династия. М., 2006. С. 132.

¹² Там же. С. 136.

жавия, говорилось лишь о временщиках и лихоимцах и новых фундаментальных законах. Однако эти идеи и рассуждения невольно заставляют вспомнить советников царевича Алексея, людей из старой аристократии, тайно желающих ограничить реформаторские замыслы Петра, его волю и ввести события в более привычное для них русло. Тем не менее в конце XVIII века ситуация имела и существенные отличия, связанные с осуществлением тех же реформ Петра: просвещение выдвигало на первый план именно права личности. Но в дальнейшем ситуация развивалась самым парадоксальным образом: именно царствование Павла I ознаменовалось самым грубым попранием прав личности, что относилось прежде всего к дворянству.

Подводя итог, можно сказать, и Пётр I, и Екатерина II, осознавали опасность для государства существовавшего порядка престолонаследия и хотели изменить его. Пётр закрепил это желание законодательно, но этот закон так и не был воплощён в жизнь. Екатерина II дополнила и расширила его, но не решилась обнародовать. Проблема порядка наследования престола продолжала оставаться одним из камней преткновения для российского самодержавия и в XIX веке.

Вагеманс Эммануэль

(Бельгия)

*Профессор, завкафедрой славистики
Католического университета города Лёвена*

Пётр Первый — Екатерина Вторая: Длинная тень Петра Великого у цесаревича Павла Петровича

В 1781–1782 годах великий князь Павел Петрович, сын Екатерины Второй и будущий царь Павел Первый, путешествовал по Европе. Везде великий князь был встречен на самом высоком уровне и со всеми почестями. Западные хозяева были в восторге от образованного сына Екатерины Второй, которая с радостью послала нелюбимого сына подальше от российского двора.

Павел Петрович и его супруга, великая княгиня Мария Фёдоровна, были также в Бельгии, в так называемых австрийских Нидерландах. Они побывали в Остенде, Генте, Брюсселе, Антверпене, после чего путешественники проследовали в Голландию (Заандам, Лейден, Маастрихт) и обратно в Россию¹.

В Бельгию великокняжеская чета приехала из Франции. 8–9 июля 1782 года они были в Остенде, из которого на лодке плыли в Брюгге, 9–10 июля в Генте, 10–12 в Брюсселе, после чего отправились в Антверпен, где они ночевали 13 июля. 14-го они поехали в Голландию, где находились по 21 июля. После посещения Голландии, где

¹ Путешествие цесаревича подробно описывается в (неопубликованной дипломной) работе моей студентки Аахье Вейнантс: *Weynants A. Paul Petrovič in de Oostenrijkse Nederlanden in 1782*. KUL, Faculteit Letteren (Фил. фак.), 2002. Там же приводятся все документы официальных лиц (хозяев) Австрийских Нидерландов о визите великого князя, а также много отзывов в современной прессе.

они, конечно же, заехали в Заандам, святое место для русских царей и голландских русофилов, они вернулись в Южные Нидерланды, в курорт Спа (22–24 июля), где в своё время — летом 1717 года — прадед Пётр Великий отдыхал от непростых политических и дипломатических переговоров и интриг в Голландии и Франции, которые в 1721 году приведут к заключению Ништадтского мира.

Везде граф Северный (под таким именем ездил Павел Петрович) был принят доброжелательно и со всеми возможными почестями как сын российской императрицы. В Брюсселе один стихотворец сочинил хвалебные строки Графу Северному:

Какое счастливое созвездие нас сегодня освещает
И в сих местах распространяет самую живую тонкость!
Присутствие и уважение счастливой четы, которую вселенная почитает,
Заполняют наше счастье.

(...)

Этот принц, чья кровь так обилует мудростью (...)

Принц, чья добродетель является уникальной,

Покровитель талантов и человечества².

Такими подобными высказываниями и бесконечно лестными отзывами в местной прессе можно составить объёмистую хрестоматию. Ограничусь одной цитатой из фламандской газеты о посещении Павла Петровича и Марии Фёдоровны Антверпена и местных художников:

«Граф и графиня Северные показывают усердие к изящным искусствам, что является хорошим признаком, если его можно найти в персонах, как они, которым суждено властвовать и управлять самой большой империей мира. Ясно было видно, что граф и графиня Северные чувствовали сердечное удовольствие в созерцании произведений искусства. Счастливое предвестие для их народов, потому что кто любит искусства, тот и любит людей»³.

---

² *Coudray A.-J. du. Anecdotes intéressantes et historiques de l'illustre voyageur pendant son séjour a Paris (1744–1790). Paris, 1777. P. 107.*

Quel astre favorable aujourd'hui nous éclaire,

Et répand en ces lieux la plus vive douceur!

D'un Couple fortuné que l'Univers révere,

La présence et l'aspect comble notre bonheur.

(...) Ce Prince, dont le sang but abondant en sages (...) Prince, dont la vertu fait l'unique apanage / Protecteur des talents et de l'humanité (...).

³ Газета *Wekelyks nieuws uit Loven*, [Leuven], 1782. P. 142–144.

Само путешествие Павла Петровича подробнейшим образом описывается в только что изданной прекрасной книге Наталии Зазулиной «Миссия великого князя: путешествие Павла Петровича в 1781–1782 годах» (М. 2015). Зазулина приводит массу документов о воспитательном путешествии (Bildungsreise) цесаревича, цитирует сотни свидетельств и отзывов о пребывании великого князя в Европе. Поистине, великолепная книга. Жалко, что один на мой взгляд весьма интересный эпизод в Брюсселе бегло упоминается, но почему-то не перерассказывается. На этом мне хотелось бы остановиться.

10 июля 1782 года Павел Петрович находился в Брюсселе. То есть как раз в тот день, в который ровно 20 лет назад от престола отрекся Пётр Третий. Не исключено, что в этот день Павел отслужил заупокойную панихиду по отцу. Вечер 10 июля великий князь проводил в обществе хозяев Австрийских Нидерландов, среди которых была баронесса Оберкирх, которая оставила подробные воспоминания о визите Павла Петровича. Она рассказывает, что в этот вечер разговор шёл о призраках, привидениях и таинственных персонах. Все участники застолья рассказали по одной истории, Павел же молчал, на что принц Де Линь спросил Павла: разве в России не случается чудес? По настоянию бельгийских хозяев великий князь начал рассказывать следующую историю.

Как-то в поздний час цесаревич с Куракиным решили побродить по Петербургу. Стояла светлая ночь. Тепло. Можно было читать. Вдруг в одном подъезде Павел увидел фигуру человека высокого роста, в испанском плаще и военной шляпе. Вдруг он пошёл слева от Павла, который не мог разглядеть черты его лица. Павел оборотился к Куракину и сказал, что в их компании прибавление. Куракин никого не видит. Вдруг незнакомец позвал великого князя глухим и печальным голосом: Павел! На что тот спрашивает: Что тебе надобно? Призрак отвечает: Павел! Бедный Павел! Бедный царевич!

На вопрос великого князя что тебе надобно, кто ты таков? призрак отвечает: Бедный Павел! Кто я таков? Я часть той силы... я тот, кто хочет тебе добра. Чего мне надобно? Прими мой совет: не привязывайся сердцем ни к чему земному, ты недолгий гость в этом мире, ты скоро покинешь его. Если хочешь спокойной смерти, живи честно и справедливо, по совести; помни, что угрызения совести — самое страшное наказание для великих душ.

После этого великий князь вместе с Куракиным ещё шли час по городу. Вдруг оказались перед зданием Сената. Тут призрак остановился и говорит: Прощай, Павел! Ты меня ещё увидишь. Здесь, на этом месте. И только здесь Павел увидел, что перед ним стоит его

прадед Пётр Великий. Прежде чем он пришёл в себя, призрак исчез бесследно⁴.

Сам великий князь за столом в Брюсселе рассказал, что именно на этом месте императрица Екатерина воздвигает монумент, где Пётр сидит на коне и вдаль простёрта его рука, и ещё добавил, что он никогда не рассказывал матери о своей встрече с прадедом и никому не показывал этого места.

Вот потрясающая исповедь великого князя и будущего царя-императора, сделанная в Брюсселе всего за несколько недель до открытия памятника Петру Первому Екатериной Второй.

Возникает масса вопросов. Лукавая ли это мистификация? Высосанная из пальца пикантная история — с целью забавить требовательных сотрапезников? Вряд ли это продуманная мистификация, слишком уж серьёзно, без иронии (что существенно для словесной игры). Очень серьёзно рассказан угрюмый финал князя. Самоопиание? Доказательство понимания самого себя? Пророчество?

В богатом фольклоре города Петербурга есть легенда о том, что это именно Павел Петрович подсказал матери на каком месте поставить памятник его прадеду⁵. Из истории рассказа в Брюсселе явствует, что сон-кошмар имел место между 1773 и 1781 годами, так что не исключено, что Павел говорил об этом с матерью. Через месяц после того как Павел рассказал своим хозяевам в Брюсселе о приснившемся ему кошмаре, Екатерина открыла памятник Петру на Сенатской площади (7 августа 1782).

Понравился ли монумент Фальконе Павлу Петровичу — неизвестно. Во всяком случае, Павел боготворил своего прадеда и может быть считал, что его мать имела меньше право на создание памятника основателю новой России. Поэтому он решил поставить первую в России статую, сделанную скульптором Бартоломео Растрелли, которая больше полвека простояла в сарае. В 1800 году памятник был поставлен перед строящимся Михайловским замком⁶.

⁴ Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789. Bruxelles, 1854. P. 241–244. Русский перевод см. в книге: Пескова А.М. Павел I. М., 1999. С. 310–315 (ЖЗЛ); также см.: Шильдер Н. Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. М., 1996. С. 164–169; Кобеко Д. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). Историческое исследование. СПб., 2001; Сергеев В.И. Павел I (гроссмейстер мальтийского ордена). Ростов-на-Дону, 1999. Ни Кобеко, ни Сергеев не приводят рассказа об исповеди великого князя.

⁵ Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997. С. 147.

⁶ Малиновский К.В. Памятник Петру I Растрелли // Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. СПб., 2001. С. 86–87; Петровские памятники России. Свод

Зачем поставил царь памятник своему прадеду, который уже был увековечен прекрасным монументом Фальконе? Не хотел ли Павел отомстить матери, которую он считал недостойной поставить памятник великому преобразователю России? Может быть, он хотел предотвратить пророчество Петра в Брюсселе? Что бы то ни было, пророчество прадеда сбылось: Павел умер молодым, в возрасте 46 лет, вблизи от Петра Первого, стоявшего перед замком, в котором Павел был убит заговорщиками.

исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. С. 83–85.

Агеева Ольга Гениевна
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

Миф о монархе-преемнике Петра Великого при Екатерине II

Сравнительное рассмотрение политики монархов в правление Петра Великого и Екатерины II может показать много схожих черт в образовании, военном деле, науке и других областях общественной жизни. Но также оно покажет и существенное различие в стиле управления и самом содержании «деяний», обусловленном разной исходной обстановкой преобразований. Между тем устойчивое бытование представления, что Екатерина II является достойной наследницей Петра I показывает, что мы имеем дело с мифом, широко распространённым в общественном сознании. Под мифом подразумевается «особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания»¹. Отличительными чертами мифологического сознания является склонность к упрощённому и одновременно целостному восприятию мира, его чёрно-белое видение, неразличение «должного» и «наличного».

Миф, связывающий двух выдающихся государственных деятелей, появился в XVIII веке, причём сама идея продолжения дел Петра правящим монархом, а более широко — преемственность на троне через родство с царём-преобразователем и ссылки на его за-

¹ *Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу: Становление греческой философии. М., 1971. С. 41.

конодательство, активно муссировались в официальной идеологии практически всех преемников первого российского императора. На акт «нашего деда и государя» Петра Великого от 5 февраля 1722 года, которым была установлена новая форма наследования российского трона, ссылался в своём манифесте о восшествии на престол от 7 мая 1727 года Пётр II². В 1730-е годы активно создавала и продвигала в общественное сознание идею преемственности дел великого государя и своего крёстного отца Анна Иоанновна. В манифестах и указах императрицы не раз встречается упоминание Петра I, которым она показывала, что действует в русле политики дяди-императора. Такого рода ссылки имеются в манифесте о восстановлении Сената от 4 марта 1730 года («мы... для правления определили сенат, на таком основании..., как при дяде нашем... Петре Великом... был»), в указе Сенату об основании Сухопутного шляхетного корпуса от 27 июля 1731 года («Хотя вечнодостоянная памяти дядя наш государь Петр Великий ... все младое шляхетство в гвардию яко в школу... указом определил... и на последок академии учредил... того ради указали мы учредить корпус кадетов...»)³ и др. Вслед за Анной Иоанновной на учреждения и указы Петра I не раз ссылалась и правительница Анна Леопольдовна⁴.

Упоминание Петра Великого, естественно, было характерно для указов его дочери Елизаветы Петровны. Причём сначала, совершив переворот, в манифесте «О вступлении на престол...» от 25 ноября 1741 года она характеризовала престол как «отеческий нам» и делала акцент на право на него «по близости крови к... всеражайшим родителям государю императору Петру Великому и государыни императрице Екатерине Алексеевне». В дальнейшем же дочь Петрова апеллировала уже не только к кровному родству, но и к продолжению просветительских дел своего родителя. Например, в её указе об учреждении Московского университета от 24 января 1755 года после настоящего панегирика «любезнейшему нашему родителю и государю», представшего «обновителем Отечества своего, погружённого во глубине невежеств», и приведшего «ослабевшую в силах Россию к познанию истинного благополучия», императрица сообщала, что после вступления на престол имела «всечасное... попечение и труд как о исполнении всех его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества слу-

² ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 7 (1723–1727). № 5070. С. 788–789.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1730. № 23. От 19 марта 1730. С. 91.

⁴ ПСЗ. Т. 11 (1740–1743). № 8262. С. 276; № 8279. С. 293–296; и др.

жить может», и только после этого, рассуждая о «всяком добре», которое «происходит от просвещенного разума», перешла к теме учреждения университета⁵.

Разумеется, манифесты и именные указы рассылались по стране и публиковались как отдельные «летучие издания», так и в прессе (например, в «Санкт-Петербургских ведомостях»). Благодаря этому тексты, подчёркивавшие преемственность текущей политики с деяниями Петра Великого, слушались или читались в самых отдалённых уголках страны. В результате, образ Петра Великого, популярный среди народа и близкий «просвещённой» публике XVIII века, «работал» на правящее лицо. При этом фигура преобразователя не была единственной при апелляции к династическим предкам. Та же Анна Иоанновна в начале правления в манифесте от 17 марта 1730 года о «сохранении и защищении» в России православия делала отсылку на продолжение дел её деда царя Алексея Михайловича и отца царя Иоанна Алексеевича. По манифесту, культовые действия следовало отправлять «...благочинно и порядочно... так, как прежде сего блаженные памяти при их величестве деде и отце нашем было...»⁶.

Сказанное означает, что Екатерина II и её окружение использовали стереотип, уже бытовавший в сознании русского общества. Но, быть может, при ней эта мифологема получила исключительное разнообразие форм выражения.

Традиционно с самого начала правления Екатерины II в её манифестах и указах подчёркивалось принадлежность монархини к династии Романовых как через упоминание «тётки» Елизаветы Петровны, так и «деда» Петра Великого. Скрытно это упоминание родства указывало и на преемственность в делах. Однако, когда это было необходимо, Екатерина могла делать «комплексные» ссылки сразу на нескольких правителей-предков. Например, в манифесте о духовных имениях от 26 февраля 1764 года имеются отсылки к законодательству Алексея Михайловича, Петра Великого, Екатерины I и Анны Иоанновны⁷. Очевидно, предпринимая такую серьёзную политическую акцию, как секуляризация церковных земель, императрица смягчала удар по своей репутации в русском обществе, «прикрываясь» именами предшественников.

⁵ Там же. № 8473. С. 537; Т. 14 (1754–1757). № 10346. С. 284–285.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. Суплемент. СПб., 30 марта 1730. С. 1–10б. Автором манифеста скорее всего было первое лицо русской православной церкви, первенствующий член Синода Феофан Прокопович.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление к № 25. От 26 марта 1764.

В развёрнутом виде тема Екатерины II как продолжательницы преобразований Петра Великого присутствует в торжественных речах и проповедях. Так, три месяца спустя после переворота во время коронационных церемоний 22 сентября 1762 года в Успенском соборе была произнесена краткая поздравительная речь. Обращаясь к императрице, архиепископ Новгородский Димитрий (Сеченов) произнёс следующее пожелание: «<...> поздравляем убо тебе, благословенная богом... Достигни мудрости и славы в делах и щастия в победах деда твоего Петра Великого, достигни мира и тишины. Дабы твоя Екатерина Алексеевна и тетки твоей, Елисаветы Петровны, врази твои да устрашатся»⁸.

С появлением реальных успехов в войнах с Османской империей, в частности, в войне 1768–1774 годов, тема получила дальнейшее развитие. Императрице произносились настоящие панегирики, и сама она использовала выгодный момент для распространения в обществе положительных оценок своей персоны. В 1770 году после ярких побед на суше и на море сразу после получения известия о победе в Чесменском сражении Екатерина устроила необычную акцию. 14 сентября при собрании высших чинов государства прошло торжественное богослужение и молебен в петербургском морском Никольском соборе, а на следующий день, 15 сентября, в Петропавловском соборе у гроба Петра Великого в присутствии императрицы и двора была устроена панихида по императору как основателю русского флота и виновнику морских побед. Во время этого торжественного собрания яркую речь-проповедь произнёс член синода архимандрит Платон (Левшин).

В своей речи архимандрит прославлял Петра как основателя всех достижений России и нынешних побед и декларировал, что «Пётр Великий воскрес... в Великой преемнице своей Екатерине Второй», что нынешние дела, «коими ныне отечество наше прославляется... или воскресший Пётр, или паче вселившаяся в Екатерину Петрова душа... производит», что «воинство, Петром учреждённое, а Екатериной правимое, прослыло непобедимым», и далее пространно говорил о победах России и их значении⁹. Благодаря публикации речи

⁸ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в... град Москву и освященнейшего коронования... Екатерины Вторья... 22 сентября 1762 года // КФЖ. СПб., б.г. С. 94–95.

⁹ Платон (Левшин), архимандрит. Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великаго по причине одержаннаго флотом российским над оттоманским флотом в архипелаге славной победы, 1770 июня 24 дня. Б.м., [1770]. С. 3–4.

архимандрита в отдельной брошюре образ Екатерины — преемницы Петра Великого вышел за пределы Петербурга и оказался широко распространён в сознании подданных императрицы.

Пять лет спустя мифологема «Екатерина II — преемница Петра Великого» прозвучала в ходе главного официального «торжества мира во всей Российской империи». Оно было устроено 10 июля 1775 года во многих городах страны, но особенно торжественно проходило в Москве. Здесь после торжественной службы и молебна в Успенском соборе в Грановитой палате состоялось поздравление императрицы-победительницы и объявление милостей отличившимся в войне лицам.

В присутствии высших чинов генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский от имени всего народа произнёс поздравление, обращённое к императрице, сидевшей в малой короне на троне. Описав ход войны, князь перешёл к воспоминанию «просветителя нашего» и далее почти треть речи посвятил теме «Екатерина II — преемница Петра I». Примечательно, что эту характеристику, напоминая об акте осени 1770 года в Петропавловском соборе, он дал от имени самого Петра, который «видит тя, престола своего и духа геройскаго достойную преемницу, полагающую... при гробе его знаки побед». Как образец сентенций, произнесённых князем Вяземским, приведём следующие выражения из его речи: «Тебе, премудрая монархиня! предоставил промысел божий докончить предприятия великаго сего мужа; тобою пресеклися потоки слез, коими толь праведно оплакивала Россия рановременную и тем прискорбнейшую его утрату; в Тебе, в твоих дарованиях воскрес, возвращен нам Петр Великий; подобнаго ему видим мы и в тебе свыше смертнаго человека. От посеянных им благоденствия нашего семен, подаешь ты уже нам богатую жатву...» и т.д.

В последней части речи князь Вяземский живописал свершения «благодетельницы»-Екатерины в области гражданских дел и благотворительности, после чего завершил своё выступление примечательной фразой. В ней Екатерина представала «украшением рода человеческого» и «удивлением века нашего»¹⁰. Речь князя Вяземского была воспроизведена в брошюре, опубликованной в том же году.

Справедливости ради нужно сказать, что развёрнутое описание связи деяний Петра Великого и Екатерины II было явлением редким. Чаше имели место упоминания Петра Великого и его дел,

¹⁰ Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшаго в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшая потом числа. М., [1775]. С. 8–9, 14–18.

формирующие ассоциативную связь двух монархов. Впрочем, это также «работало» на образ Екатерины, продолжавшей дело петровского просвещения. Примечательно, что часто к деяниям царя-преобразователя апеллировала сама императрица. Например, несколько упоминаний Петра присутствует в её «Наказе уложенной комиссии»¹¹. Встречаются они и в переписке Екатерины с французскими просветителями и, прежде всего, с Вольтером. К образу монарха при этом в своих письмах обращались оба корреспондента. При этом Вольтер, автор «Истории России при Петре Великом», оценивал военные действия Екатерины в сравнении с действиями против Турции Петра I. К примеру, при упоминании строительства Азова и Таганрога (который «Пётр Первый основал и разрушил пристань») философ писал, что эти «два драгоценные ваших камня..., выпавшие из короны Петра Великого, будут самым лучшим украшением вашей короны». Высокую оценку французский просветитель дал и действу у гроба Петра Великого, совершённому в честь Чесменской победы. «День священной сей церемонии, — отмечал Вольтер, — почитаю я прекраснейшим днём вашей жизни — жизни прошедшей, потому что Вы будете иметь славнейшие дни». В том же письме он сообщал, что от Е.Р. Дашковой получил слово архиепископа тверского Платона, произнесённое в соборе, и что «сия речь, обращённая к основателю Петербурга и флотов ваших, есть, по моему мнению, один из превосходнейших памятников во вселенной». В переписке императрицы и философа содержится и общая оценка её правления, которая заключается в том, что Екатерина «приводит к совершенству» империю, являющуюся «творением» Петра Великого¹².

Упоминание царя-преобразователя и сравнение двух монархов имеется в переписке Екатерины с Д. Дидро. В письме от 13 сентября 1774 года, поздравляя Екатерину с победой над Турцией, Дидро рассуждал о том, что «хорошие преобразователи» всегда редки и «являются после долгих промежутков времени», а далее приводил сентенцию-сравнение: «Екатерина вторая явилась после Петра Первого; но кто заменит Екатерину Вторую?»¹³

¹¹ *Екатерина II*. Наказ комиссии о составлении проекта новаго уложения. М., 1767. С. 2, 23, 33, 73.

¹² *Екатерина II*. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером: В 2-х ч. М., 1803. Ч. 1. № 21. Екатерина II — Вольтеру. От 14 июля 1769 г. С. 57; № 24. Вольтер — Екатерине II. От 30 сентября 1769 г. С. 64; № 72. Вольтер — Екатерине II. От 15 мая 1771 г. С. 212; № 4. Вольтер — Екатерине II. От 24 января 1766 г. С. 11.

¹³ Сб. РИО. Т. 33. СПб., 1881. С. 515.

Ещё одной церемониальной акцией, получившей международную известность, стало оригинальное действо с участием двора и иностранных дипломатов, проведённое в 1787 году под Полтавой. Это была устроенная Екатериной II прямо на историческом поле реконструкция главного сражения Петра Великого — Полтавской битвы 1709 года. В 1787 году, когда императрица в сопровождении многочисленной свиты совершала поездку в новозавоёванный Крым, на обратном пути 7–9 июня она специально остановилась в Полтаве.

7 числа при торжественной встрече Екатерина получила от черниговского губернатора А.С. Милорадовича символические ключи города Полтавы. На следующее утро посетила место сражения и в Крестовоздвиженском монастыре выслушала литургию, после которой была провозглашена вечная память Петру I и его победоносному воинству.

Вечером в присутствии императрицы на полтавском поле под командованием генерала-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потёмкина, генерал-аншефов Ю.В. Долгорукова, А.В. Суворова и других военачальников (среди них был и М.И. Голенищев-Кутузов) проводились манёвры войск, представлявшие собой инсценировку Полтавской битвы. В грандиозной реконструкции были задействованы 50 000 человек и 40 орудий полевой артиллерии. Сведения о ходе боя организаторам представления сообщил 98-летний участник сражения старец Галайда. После окончания манёвров в Полтаве довольная Екатерина в честь присоединения Крыма пожаловала Потёмкину звание Таврический, повысила в чине губернского предводителя и наградила чинами и орденами св. Владимира 2-й, 3-й, 4-й степени около 30 человек. Суворову в этот день была пожалована бриллиантовая табакерка с вензелем¹⁴.

Полтавская реконструкция получила международную известность. Русскими властями это предполагалось изначально, так как было обеспечено присутствие на поле дипломатического корпуса. Примечательно, что при описании действия мемуаристы связывали имена Петра Великого и Екатерины II. Так, один из дипломатов (французский посланник Л.Ф. Сегюр) отмечал в своём дневнике, что при воспроизведении боя «удовольствием и гордостью горел взор Екатерины; казалось, кровь Петра Великого струилась в её жилах». Другой (представитель Вены князь де Линь) писал: «Кто видел Екатерину при обозрении сего поля Полтавского, тот убедился, что она достойная наследница скипетра и духа Петра Великого.

¹⁴ КФЖ за 1787 г. СПб., 1886. С. 524–538. Дополнения. С. 72; *Бессарабова Н.В.* Путешествие Екатерины II по России. М., 2005. С. 252.

Взглянув на место, где должна была решиться участь двух царств, императрица сказала: “Смотрите от чего зависит жребий государств. Один день, несколько часов решают их судьбу. Одна легкомысленная самонадеянность уничтожила всю славу, все успехи Карла XII... а без того и нас здесь не было бы”¹⁵.

Помимо слова и символических церемоний распространение мифологемы о Екатерине II — преемнице Петра Великого велось средствами изобразительного искусства. Пожалуй, самым известным художественным произведением, посвящённым этой теме, в годы правления Екатерины стал памятник Петру I Э.М. Фальконе, а его церемониальное открытие — важной вехой в утверждении идеи преемственности между двумя монархами.

История создания монумента и популяризация этого «предприятия» хорошо освещена в литературе¹⁶. Кратко она выглядит следующим образом. Идея поставить памятник Петру Великому была озвучена Екатериной осенью 1763 года. В 1766 году по рекомендации Д. Дидро в Россию был приглашён известный в Европе скульптор француз Э.М. Фальконе, проработавший в Петербурге до 1778 года. В 1769 году он создал большую модель памятника, голову к которой сделала скульптор М.А. Колло. Весной 1770 года модель перевели в гипс и выставили на всеобщее обозрение. В мае «Санкт-Петербургские ведомости» поместили объявление о допуске публики для осмотра модели монумента в течение двух недель с 19 мая в строении на углу Невского проспекта и Мойки¹⁷.

К 1770 году местом для памятника была выбрана площадь перед Сенатом, куда в 1769—1770 годах публично из-под Лахты перевезли гром-камень, предназначенный для постамента. Осуществление этого сложного с технической стороны предприятия сопровождалось созданием памятной медали с надписью: «Дерзновению подобно» и изданием в 1777 году в Париже альбома с чертежами, гравюрами и историей перевозки камня. Автором альбома являлся граф Карбури-Ласкари, являвшийся в России посредником между Фальконе и курировавшей его работу Конторой строений е.и.в. домов и садов¹⁸. В 1774—1777 годах модель была отлита, и началась её чеканка. В 1778 году

¹⁵ *Сегюр Л.Ф.* Записки графа Сегюра о его пребывании в России. СПб., 1865. С. 231; *Павловский И.Ф.* Полтавская битва и ее памятники. Полтава, 1909. С. 170.

¹⁶ См. библиографию: *Каганович А.Л.* Медный всадник: история создания памятника. Л., 1982. С. 177—181.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1770. № 40. От 18 мая. [С. 5].

¹⁸ *Carburi de Ceffalone.* Monument élève á gloire de Pierre-le-Grand... Paris, 1777.

Фальконе уехал за границу. Завершал же создание памятника архитектор Ю. Фельтен.

Во время работы Фальконе Екатерина вела с ним активную переписку, в 1768 году посетила его мастерскую, обсуждала создание памятника со своими французскими корреспондентами. Десятки лиц, в том числе дипломаты и иностранные «вояжиры», осматривали модель в мастерской скульптора и описывали её в своих письмах и мемуарных сочинениях. Особое символическое значение имела надпись на памятнике «Петру Первому — Екатерина Вторая», в которой ясно отразилось видение себя императрицей в роли продолжательницы дел Петра Великого. Надпись была предложена Фальконе и отредактирована самой Екатериной¹⁹.

Открытие памятника 7 июля 1782 года прошло как торжественное столичное действо. Для него был создан особый церемониал, утверждённый императрицей, и 4 августа проведены все подготовительные действия²⁰. В день праздника после обеда вокруг монумента и по близлежащим улицам были выстроены в параде гвардейские и столичные полки — гвардейские Преображенский во главе с князем Г.А. Потёмкиным, Семёновский, Измайловский, Конный, 2-й Артиллерий, пехотный Киевский и др. Общая численность полков составила 15 тысяч человек. В 5 часов дня по Неве прибыла императрица со свитой, встреченная у пристани командовавшим действом генерал-фельдмаршалом князем А.М. Голицыным и сенаторами. Она смотрела открытие памятника с балкона здания сената. Для остальной публики у монумента, исключая сторону к Неве, были построены специальные трибуны. Толпы горожан смотрели зрелище с близлежащих домов, Адмиралтейства, с противоположного берега реки.

При открытии памятника по сигналу ракеты с монумента снят изображавший гору покров, и присутствующим явился «герой» «с простёртою повелительно десницею». Войско отдало ему «честь ружьём и укоренением знамён», полковой музыкой, ружейной и пушечной пальбой. В конце действия прошёл парад войск, который принимала сама императрица. Вечером город был иллюминирован. Особое внимание современников в иллюминации привлекли освещённый вокруг монумент, который был «также виден, как днём», и домик Петра Великого на Петербургской стороне, «весь покрытый огнями». (Отметим, что ещё в 1765 году по указу Екатерины домик Петра был отреставрирован, а в 1785 году под него подвели

¹⁹ Каганович А.Л. Указ. соч. С. 160.

²⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 35. Л. 108–109 об., 110–113, 223–227.

прочный фундамент и установили сверху каменный шатер-футляр с крышей²¹).

В память о событии отлили медали и жетоны, которые раздавались присутствовавшим на торжестве. Наконец, празднество было описано в «Санкт-Петербургских ведомостях», где «великолепный монумент» был назван «достойным приношением герою от Екатерины Вторья», а в журнале «Утро» помещена ода на открытие монумента²².

И последнее. Пропаганда образа Екатерины — преемницы Петра Великого нашла отражение, пусть и не такое значительное, как в монументальном искусстве, в графике и живописи. Примером этого служит аллегорическая гравюра Ж.Ж. Авриля-старшего, посвящённая путешествию на юг Екатерины в 1787 году. Гравюра была создана в Париже в 1790 году по рисунку находившегося на русской службе Фердинанда де Мейса. Затем неизвестным художником по ней была написана картина. В многофигурной композиции этих произведений, включающих реальные и вымышленные образы, в центре помещена Екатерина II на колеснице, а в облаках над ней — Пётр Великий, вззирающий на успех своей преемницы.

Представленный материал показывает, что мифологема «Екатерина II — преемница дел Петра Великого» являлась одним из ключевых мифов в идеологии екатерининского времени и была связана прежде всего с военными успехами России. Распространялась она на протяжении длительного времени в различных формах — законодательных актах, торжественных речах и проповедях, церемониальных действиях, художественных произведениях, и, наконец, особую роль в формировании образа играла сама Екатерина Великая.

---

²¹ Булгаковский Д. Домик Петра Великого и его святыня. В Санкт-Петербурге. СПб., 1894. С. 11–12.

²² Санкт-Петербургских ведомости. № 79. 4 октября 1782. С. 625–628; КФЖ за 1782 г. СПб., 1882. С. 372–376; Ода на торжественное открытие монумента Петра Великого 7-го августа 1782 г. // Утро. 1782. IV. С. 89.

Болотина Наталья Юрьевна
(Москва)

*Главный специалист
Российского государственного архива древних актов*

Фаворитизм в XVIII столетии: Неформальный институт управления и его представители

В новейшей отечественной историографии неизменным остается интерес исследователей и к одному из ключевых этапов развития российской государственности — XVIII столетию. Изменение характера власти было связано с нарастанием личного начала в системе государственного управления. Императорская власть, вытесняя традиционные институты управления учреждениями, непосредственно подчинёнными императору, создавала вместе с тем своего рода «дублирующую систему» — фаворитов, людей близких к императору и выполнявших его прямые указания, как через руководство государственными учреждениями, так и непосредственно. Фаворитизм — это своего рода универсальная характеристика системы управления абсолютистского государства, которую, в полной мере, следует считать неформальным институтом власти.

Государственный деятель, как человек, в силу своего служебного положения и важной роли в системе государственного управления, способный и обязанный принимать решения, имеющие общегосударственное значение, оказывался в системе абсолютистского государства тем более эффективен, чем больше был приближен к императорскому двору и лично к монарху. Отсюда следует такое специфическое состояние, связанное с государственной деятельностью, как положение фаворита. Фаворит, как правило, находился в тес-

ных личных отношениях с государем и в связи с этим получал возможность распоряжаться частью его неограниченной власти. Уже в самом переводе французского слова *favori*, *favorite*, как любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды и преимущества от его покровительства, заложено отличное от толкования фаворитки, как любовницы, значение. Фаворитизм, таким образом, не обязательно состояние любовника. Это понятие значительно шире. Фаворитизм является одним из существенных инструментов в системе государственного управления абсолютизма. Его следует определять как назначение на государственные посты, исходя из личной заинтересованности монарха в деятельности того или иного человека. При этом фаворитизм — всегда нарушение общего принципа определения на должности. В некоторых случаях фавориты, не занимая конкретных постов, участвовали в управлении государством опосредованно, а благосклонность монархов распространялась на их родственников.

Если формально при прохождении ступеней государственной службы действовали как писанные законы, в частности — «Табель о рангах», так и неписанные, предусматривающие занятие должностей в зависимости от возраста, соотношения со служебной карьерой своих коллег, то фаворитизм был нарушением обычного порядка чиновничества. Вместе с тем он сам являлся принципом функционирования абсолютистского государства. Он не имел статусного характера, не предусматривался юридически. Следовательно, лица, пользующиеся такой властью, не имели на неё формального права, и их положение было всегда не стабильно. Впрочем, это нарушение тоже регламентировалось обычаем и имело свои определённые традиции. Фаворитизм — права немногих избранных, был тем самым исключением, которое лишь подтверждало обязательность служебных правил для остальных.

Исходя из этого, фаворит мог ограничиться устройством своих личных дел, представляя собой тип «случайного человека». В то же время, обладая определёнными личными качествами: умением рисковать, политической интуицией, предприимчивостью и, наконец, стремлением служить царю и Отечеству, — фаворит мог осуществлять свою государственную деятельность, соотнося её с объективными потребностями страны и внести значительный вклад в реализацию политического курса. Существование института фаворитизма давало возможность членам их семей не только приобрести должности, социальный статус и богатство, но и реализовать свои управленческие способности. Таким образом, благоволение монаршей особы распространялось не только на персону фаворита, но и

на его родных и наследников, что видно на примере Разумовских, Шуваловых, Орловых.

Институт фаворитизма традиционно характеризовался как элемент частной жизни монархов и критически оценивался и нередко сейчас оценивается как признак слабости власти и распущенности женщин-императриц. Одним из первых обличителей стал князь М.М. Щербатов, который гневно писал: «начели люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений <...>, сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государственной была, но к собственным своим пользам»¹. К началу XIX века относится всплеск традиционализма, выдающимся представителем которого был Н.М. Карамзин, выступавший за монархию, которая действовала в тесном контакте с аристократией и правила без каких бы то ни было ломок устоявшегося веками уклада жизни. Идеал государственного деятеля, по Карамзину — вторая половина царствования Екатерины II, но при этом историк даже не упоминал имени всесильного фаворита Потёмкина в своих работах.

Формирование во второй половине XIX века в рамках исторической науки «государственной школы» благоприятно сказалось на изучении государственных институтов и системы управления XVIII столетия. В основу всего исторического процесса, на первое место историки ставили государство и его деятельность, а, следовательно, и деятельность отдельных людей, занимавших высокие посты в системе государственного управления. Государство рассматривалось ими как движущая и единственно могущественная сила в стране, а прогрессивное движение виделось в складывании и развитии государства и государственности. Оценивая личность Екатерины II и время её правления, В.О. Ключевский довольно критически писал о политике императрицы, называя её «системой нарядных фасадов с неопрятными задворками»; особо историк обращал внимание на «полную порчу нравов в высших классах», таким образом, высказываясь о фаворитизме. В то же время Ключевский отмечал, что власть при Екатерине II, «оставаясь военно-политическим стражем внешней безопасности и внутреннего благочиния», «стала ещё проповедницей свободы и просвещения»².

Революция 1917 года и последовавшие за ней годы изменили принципы исторической науки и отодвинули царей и их фаворитов,

¹ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // Электронный ресурс: http://imwerden.de/pdf/scherbatow_o_nrawach.pdf (Дата обращения 13.10.2016).

² *Ключевский В.О.* Соч. в 8-ми т. М., 1956. Т. 5. С. 370.

как классово чуждых и научно неактуальных, на второй план. Изучение фаворитизма в советской историографии использовалось для разоблачения самодержавия и основывалось, как и вся историческая наука, на оценках В.И. Ленина³. Ведя настойчивую борьбу против «государственной» теории, М.Н. Покровский выдвигал на первый план значение классовой борьбы в истории и с этой точки зрения оценивал роль Русского государства и самодержавия. Истоки фаворитизма он видел в XVII веке, когда «антиномия феодального общества, где король не мог посадить маркиза ниже графа, но где и граф, и маркиз низко кланялись королевскому камердинеру, целиком воспроизводилась московским придворным обществом времён царя Алексея»⁴. При этом, говоря о личности, например, Г.А. Потёмкина, Покровский считал, что он из всех любимцев Екатерины II был наименее фаворитом «в тесном смысле этого слова». Фаворитизм в трактовке Покровского — разврат, в котором Екатерина II «чуть ли не обогнала самое Елизавету». Эта точка зрения стала главенствующей в советской историографии. В предисловии к подготовленной в 1930-е годы для печати переписке Екатерины II и Потёмкина исследователь Я.Л. Барсков говорил о фаворитизме как о явлении в государственной жизни второй половины XVIII века. Учёный считал, что в царствование Екатерины II «фаворитизм — своего рода учреждение, с огромным, хотя и неустойчивым кругом дел, с обширным, хотя и неопределённым бюджетом»⁵. Корни этого явления Барсков видел в нестабильности абсолютизма как формы правления.

Историографические исследования последнего десятилетия XX века зафиксировали смену приоритетов в освещении историками тех или иных проблем отечественной истории. Пристальное внимание обратилось к изучению России XVIII—XIX веков, представленной с точки зрения теории модернизации единым периодом, и особую популярность приобрело её изучение через главных действующих лиц, среди которых должное место заняли монархи и выдающиеся государственные деятели, в том числе фавориты.

Эмоциональной стороне фаворитизма, связи чувственной сферы с политической были посвящены работы известного американ-

³ См.: *Троицкий С.М.* В.И. Ленин об абсолютной монархии в России // *Троицкий С.М.* Россия в XVIII в. М., 1982. С. 5–18.

⁴ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён // *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 441.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. Собр. Бонч-Бруевич В.Д. К. 375. № 29. Л. 9–10.

ского историка Дж. Т. Александера⁶. Признавая, что явление фаворитизма не ново для XVIII столетия, автор делал попытку определить функции фаворитов при императрицах. На первое место он ставил обеспечение половой и эмоциональной опоры, то есть некоторые из качеств, связанных с супружескими отношениями. Любопытно, что в связи с этим Александр замечал: «Если истинно, что фавориты выполнили половые функции, прежде всего мы должны признать, что такие услуги могут редко документироваться непосредственно»⁷. Кульминация фаворитизма, по его мнению, приходилась на время правления Екатерины II, когда фавориты занимали политические и административные посты на самом высоком уровне.

Современный российский историк А.Б. Каменский считал фаворитизм элементом культуры эпохи Просвещения, когда любовник становился неперенным атрибутом светской женщины. Характеризуя отношения Екатерины II с Потёмкиным, историк пришёл к выводу, что последний стремился захватить как можно больше власти. «Хотя он преуспел в этом значительно более других фаворитов, — писал Каменский, — всей полноты власти Екатерина не уступала ему никогда. В конечном счёте, именно власть была... её главной любовью и привязанностью. Уважая ум и способности Потёмкина, она постоянно советовалась с ним, уступала в мелочах, чтобы польстить его самолюбию, отдавала в руки возлюбленного решение второстепенных вопросов, однако важнейшие оставляла себе»⁸. Эта точка зрения довольно спорная, но необходимо учитывать, что Каменский не ставил своей целью анализировать суть власти Потёмкина и её реализацию в государственной деятельности.

По мнению известного историка Н.И. Павленко, три силы управляли государством Российским: бюрократия, фавориты и вельможи. Рассматривая подробнее деятельность фаворитов, историк заключал, что фаворитизм — неперенный спутник монархической формы правления, не раскрывая сущности этого явления. Павленко заключал, что «фаворитизм сопутствовал предшественникам и преемникам Екатерины и являлся своеобразной визитной карточкой абсолютной монархии. Но, ни до Екатерины, ни после неё распут-

⁶ См.: *Alexander J.T. Catherine the Great // Life and legend. New York Oxford. 1989; Он же. Favourites, favouritism and female rule in Russia. 1725–1796 // Russia in the Age of the enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga / ed. by Roger Bartlett, Janet M. Hartley. London, 1990. P. 106–124 и др.*

⁷ *Alexander J.T. Favourites ... P. 110.*

⁸ *Каменский А.Б. «Под сению Екатерины ...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 294.*

ство не достигало столь широких масштабов и не проявлялось в такой откровенно вызывающей форме»⁹.

Изучение политико-правовых взаимоотношений абсолютизма и дворянства, формирования и взаимодействия с властью политической элиты, исследование социальной психологии русской аристократии позволяют анализировать государственную деятельность крупных чиновников в системе власти¹⁰. К сожалению, рассматривая принципиальные вопросы кадровой политики, авторы не уделяли в этой связи должного внимания статусу фаворита в системе власти и сущности этого явления.

Одной из первых статей, в которой предпринималась попытка на примере А.Д. Меншикова, Э.И. Бирона, И.И. Шувалова, А.И. Остермана, Г.А. Потёмкина исследовать институт фаворитизма, стала статья О.П. Володькова¹¹. Определяя фаворитизм в проблеме связи личности и власти как не имеющий статусного характера, автор пришёл к выводу, что фаворит, благодаря личным связям с государем, получал и часть его власти. Володьков связывал явление фаворитизма с эволюцией абсолютизма и с утверждением в хозяйственной жизни России признаков рыночной экономики. Исходя из этого, он заявлял, что «фаворитизм, авантюризм и т.п. идут рука об руку с корыстными устремлениями, в их основе лежит не только удовлетворение каких-то частных претензий, но и определённый экономический интерес»¹². Авантюризм фаворитов подчёркивал и другой исследователь А.Ф. Строев, но говорил о том, что они «не только мечтают, но и действуют», претворяя самые немыслимые идеи в жизнь¹³. Теоретические положения о сущности института фаворитизма в XVIII веке впервые в современной исторической науке были сформулированы нами на основе изучения государственной деятельности Г.А. Потёмкина, затем включены в учебные издания и монографии¹⁴.

⁹ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 351.

¹⁰ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 196–198; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999 и др.

¹¹ Володьков О.П. Фаворитизм в России XVIII века // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Омск, 1996. С. 47–64.

¹² Там же. С. 48.

¹³ Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 243.

¹⁴ См.: Отечественная история. Учебник. М., 2005; История государственного управления в России. Учебник. 3-е изд. М., 2006. С. 121–122; Болотина Н.Ю. Деятельность Г.А. Потёмкина в области внутренней политики (по новым

В начале XXI века тема фаворитизма становится популярной, и появляются работы как об отдельных фаворитах XVIII века, так и сборники, обобщающие их биографии. Можно назвать работу Вьюнова Ю.А. и Манько А.В. о фаворитах XVII–XVIII веков, имеющую популярный описательный характер. Авторы отмечали, что «отечественный фаворитизм своими корнями уходит во времена Древней Руси и Московского царства» и связан с природой русского абсолютизма¹⁵. Опираясь на незначительный круг литературы, авторы выделяли две категории фаворитов: тех, кто вносил значительный вклад в развитие России, и тех, кто её разорял, и представляют популярные биографические сведения о них, нередко граничащие с историческими анекдотами.

Например, о А.Д. Меншикове, которому посвящён в настоящее время уже значительный корпус научных работ, хлёстко сказано, что у него «были такие негативные черты, как эгоизм, тщеславие и властолюбие, корыстолюбие, но, в то же время, это был крупный военачальник и администратор, тонкий политик и неутомимый поборник развития просвещения, науки и искусств в России»¹⁶. Научного анализа явления фаворитизма, его механизма осуществления на различных этапах, как и исследования деятельности фаворитов, в работе нет.

Изучение различных аспектов фаворитизма было предпринято современным исследователем И.Н. Курукиным в биографии Э.И. Бирона и в специальной работе, посвящённой анализу современной отечественной историографии по этому вопросу¹⁷. Автор вполне справедливо отмечает, что в отечественной публичной интерпретации фаворитизм представляется явлением преимущественно негативным и классификация фаворитов основана более на эмоциональном восприятии исторических персонажей, чем на научном анализе их личности и деятельности. При такой градации схема проста: Меншиков — любимец Петра I и казнокрад, Бирон — расхититель государства, Разумовский — могучий бас, Шувалов — бес-

---

архивным материалам). Диссерт. Канд. ист. наук. М., 2000; *Она же*. Князь Потёмкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006; *Она же*. Деятельность Г.А. Потёмкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М., 2010; *Она же*. Потёмкин. М., 2014.

¹⁵ Вьюнов Ю.А., Манько А.В. Верховная власть и фаворитизм в России. М., 2010. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Курукин И.В. Бирон. М., 2006; *Он же*. Фаворит в России XVIII века: человек и механизм // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 9. М.: Собрание; Наука, 2014. С. 181–195.

корыстный человек, Орлов — красавец, Потёмкин — присоединил Крым, Зубов — признак упадка власти Екатерины II и т.п.

Курукин, проведя сравнительный анализ эволюции фаворитизма в России и Европе, говорит о том, что в XVIII веке в европейских государствах на первый план выходят «первые министры», которые являлись не институциональными фигурами, а традиционными, лично связанными с монархом, и их полномочия зависели не только от занимаемой должности, но и от доверия государя¹⁸. Утверждение института «случайных людей» в России, как элемент её европеизации, Курукин относит к времени после смерти Петра I, когда у «некомпетентных и непригодных к повседневному труду правителей» возникла необходимость облегчить груз государственных забот. На наш взгляд, эта версия довольно спорная, поскольку оценка монархов периода «дворцовых переворотов», ещё полностью не освободилась от стереотипного к ним отношения как к случайным и неспособным людям, оказавшимся на российском престоле. Помимо этого, институт фаворитизма следует в первую очередь считать инструментом управления абсолютной монархии, его представители реализовывали государственную политику, без сомнения оказывая влияние на её формирование, но «границы дозволенного» фаворитам определяли монархи.

По мнению Курукина, при Петре I сама должность «министра-фаворита» была невозможна, и Меншиков после его смерти это временщик на заре формирования российского фаворитизма¹⁹. Позволим себе не согласиться с таким заключением. На наш взгляд, именно личное отношение Петра I к Ф.Я. Лефорту и А.Д. Меншикову, оценка их деловых качеств и преданность, стали причиной их возвышения и назначения на государственные посты. «Настоящим фаворитом», влиятельным посредником между императрицей Анной Иоанновной и заинтересованными лицами, Курукин называет Эрнста Бирона, который, по его мнению, превратил «должность ночного “временщика” в настоящий институт власти с неписаными, но чёткими правилами»²⁰.

Ярчайшим образцом фаворита — государственного деятеля можно считать светлейшего князя Г.А. Потёмкина, который сумел успешно реализовать себя на государственной службе и оказал неоспоримое влияние на развитие и реформирование Российской империи второй половины XVIII века. Исполняемые им обязанности

¹⁸ См.: Курукин И.В. Фаворит в России XVIII века... С. 3.

¹⁹ См.: там же. С. 5.

²⁰ Там же. С. 7.

сложно разнести по конкретным сферам государственной деятельности. Занимая определённые посты, Потёмкин в то же время участвовал в обсуждении и решении практически всех вопросов законодательства, внутренней и внешней политики, реформирования государственного аппарата и армии, создания Черноморского флота и т.п. По сути, он являлся вторым лицом в государстве, а по мнению некоторых биографов, даже соправителем императрицы. Фигура Потёмкина — одна из ключевых в истории России XVIII столетия, «золотого века» российской государственности. По масштабам, роли, значению и результатам деятельности его можно поставить рядом с Петром Великим и Екатериной Великой.

Следует констатировать возросший интерес исследователей политической истории России к институту фаворитизма, наличие различных подходов к определению его сущности и механизма, этапов эволюции и характеристик главных действующих лиц. Более глубокое понимание этих вопросов возможно при изучении административных практик кадровой политики XVIII века, продолжении исследования фаворитизма как элемента государственного управления, причём не только на высшем уровне, исходя из схемы государь-фаворит, но, исключая интимную сферу, на всех уровнях государственного аппарата анализировать взаимоотношения монарх-государственный деятель-чиновник, т.е. можно говорить о том, что элементы фаворитизма при назначении на должности и продвижении по карьерной лестнице мы можем увидеть на всех уровнях администрации.

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ

Раскин Давид Иосифович
(Санкт-Петербург)

*Профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

«Источник всех сокровищ и богатств государственных» в законодательстве и политике Петра I и Екатерины II (в контексте европейской экономической мысли XVII–XVIII веков)

Правители — будь то мореплаватель и плотник на троне или даже философ на том же троне — никогда не могут руководствоваться и не руководствуются в своей деятельности чистой теорией, даже если они эту теорию полностью разделяют. Политика складывается и из теоретических представлений и соответствующего им стратегического целеполагания, и из множества тактических ходов, и из необходимости реагировать на привходящие обстоятельства. Точно так же законодательство отражает не только теоретические воззрения законодателя, но и множество практических задач, решаемых им при управлении государством. Но, конечно, эти воззрения весьма важны для характеристики двух великих царствований. Тем более, что для законодательства как Петра I, так и Екатерины II характерно декларирование их намерений и стремление объяснить подданным эти намерения.

Экономические идеи, отразившиеся как в законодательстве, так и в практике Петра I и Екатерины II, необходимо рассматривать, во-первых, в контексте европейской экономической мысли, а во-вторых, в рамках парадигмы «регулярного» государства, созданного Петром I, получившего развитие при Екатерине II и достигшего апогея в дореформенной России 1-й пол. XIX века. Западноевропейским аналогом этого типа государственности является полицейское государство, но в России оно имело свои особенности (прежде всего, в силу более длительного исторического периода, в течение которого оно сохраняло способность быть активным двигателем модернизации)¹.

То, что идеи и в особенности практическая политика Петра I во многом воплотили учение меркантилистов, не является секретом для историков уже более 100 лет².

Меркантилисты считали главной мерой богатства деньги, а основным его источником — внешнюю торговлю. Поскольку деньги (золото и серебро) являлись в глазах меркантилистов единственной формой богатства, то целью внешней торговли они считали приток благородных металлов (денег) из-за границы или — в наиболее «продвинутой» версии этого учения — положительный торговый баланс. Стоимость в соответствии с этой концепцией представлялась как продукт обмена. Меркантилизм не отделим от политики государственного вмешательства в экономику, направленного на развитие национальной промышленности и торговли, ориентированных прежде всего на экспорт (и на, выражаясь современным языком, импортозамещение)³.

---

¹ О характеристике выстроенной Петром I империи как «регулярного государства» см.: *Сыромятников Б.И.* «Регулярное государство» Петра Великого и его идеология. Ч. 1. М.; Л., 1943. Распространение этой характеристики на российскую имперскую государственность всей дореформенной, а в значительной степени и пореформенной России см.: *Раскин Д.И.* Российская империя XIX — начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.

² Начиная с известной публикации российско-германского экономиста Вильгельма Штиды (*Stieda W.* Peter der Große als Mercantilist // *Russische Revue: Monatschrift für die Kunde Russlands*. Н. 3. SPb., 1874. S. 193–246), в настоящее время практически все исследователи экономической политики разделяют этот взгляд. Различаются только оценки степени осознанности и планомерности этой политики.

³ Всемирная история экономической мысли: В 6 томах / Гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 1. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. М.: Мысль, 1987. С. 378–413.

Многие из этих идей тогда просто носились в воздухе. Достаточно указать на идеи И.Т. Посошкова, явно не находившегося под влиянием западноевропейской мысли и, кстати, едва ли оказавшего непосредственное влияние на взгляды Петра I⁴. Можно сказать, что меркантилизм Петра находился в общем русле преобладавших в то время экономических взглядов.

Говоря о меркантилизме в политике Петра I, обычно принято указывать на его законодательные акты, направленные на поощрение развития торговли (от учреждения Бурмистерской палаты до регламента Коммерц-коллегии), поощрение промышленности, особенно горной и мануфактурной (в том числе с целью отказа от импорта), ярко выраженный протекционизм в таможенной политике (вершиной которого стал таможенный тариф 1724 года), его фискальную политику (казённая монополия на торговлю рядом товаров, налоги и т.д.). Все эти факты широко известны и в целом вполне укладываются в концепцию меркантилизма петровской экономической политики.

Характерно, что, создавая систему центрального отраслевого управления, Пётр I предусмотрел наличие в ней Мануфактур-коллегии и Коммерц-коллегии (а в дальнейшем и Берг-коллегии), но в этой системе не нашлось места для коллегии, ведающей сельским хозяйством. Это было обусловлено как иерархией его представлений о значимости этих отраслей народного хозяйства, так и объективными условиями, в которых осуществлялись петровские реформы. Если промышленность можно и нужно было создавать путём поощрения и насаждения сверху, можно было регламентировать указами, то сельское хозяйство, во-первых, было в основном источником обеспечения модернизации (включая, прежде всего, создание регулярной армии, флота, строительство новой столицы и т.д.), а, во-вторых, сколько-нибудь эффективное его совершенствование было невозможно как в силу крайней затруднительности управления этим процессом не только в помещичьей и монастырской, но и в казённой деревне, так и в силу отсутствия явной заинтересованности в этом со стороны даже самых передовых по тому времени помещиков.

В русле новейших теорий находились и взгляды Екатерины II, позиционирующей себя в качестве продолжательницы дела Петра,

---

⁴ См.: *Кафенгауз Б.Б.* И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Пашков А.И.* Экономические взгляды И.Т. Посошкова // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 4; *Платонов Д.Н.* Иван Посошков. М.: Экономика, 1989 и др.

но в области взглядов на «источник богатств народов и государств» явно полемизирующей с ним.

Последним словом экономической мысли на момент воцарения Екатерины II было учение физиократов, в отличие от меркантилизма гораздо более оформленное теоретически.

В основе учения физиократов лежало убеждение в необходимости основывать экономические отношения на естественных законах природы. В силу этого они выступали против всех искусственных запретов в области торговли и промышленности и вообще любого вмешательства государства в экономику. Главным (и единственным) источником богатства физиократы считали земледелие. Земля в их учении выступала в качестве основного фактора производства, только земледельческий труд они считали производительным. И обрабатывающая промышленность, и тем более торговля рассматривались в качестве производных от сельского хозяйства, бесплодной, не производящей сферой, т.к. промышленный труд лишь изменяет форму получаемого от природы «чистого продукта», а не увеличивает его объём (хотя пользы от промышленности и торговли физиократы и не отрицали)⁵.

Это учение, сформулированное в сочинениях Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.-П. Мерсье де ла Ривьера, П.С. Дюпон де Немура и В. Мирабо (старшего), стало во 2-й половине XVIII века преобладать в европейской общественной мысли. Сложнее обстояло дело с его практическим применением. Отдельные попытки применить теории физиократов имели место в Австрии, Бадене, Тоскане, Польше. В этом ряду необходимо рассмотреть и политику Екатерины II.

Широко известен анекдот о том, как Мерсье де-ла Ривьер был вызван в Петербург для помощи в составлении нового уложения и на вопрос о том, какие законы нужны, ответил, что он воздержался бы от всякого законодательства, т.к. нужно лишь предоставить природе вещей свободу деятельности, после чего императрица пожелала ему доброго пути⁶. Известны и презрительные отзывы Екатерины II об «экономистах» (т.е. физиократах), высказанные ею

⁵ Жид Ш. История экономических учений / Авт. перевод В. Серёжникова. Под ред. В.В. Тотомианца. М.: Труд, 1915. С. 1–28; Всемирная история экономической мысли. С. 442–451.

⁶ Раскин Д.И. Идеи физиократов в российском законодательстве XVIII–XIX вв.: Западноевропейские теории и российская практика // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методического семинара 28–30 июня 2004 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004. С. 233–234.

в частной переписке⁷. Однако влияние учения физиократов и на идеи (в том числе декларированные), и на практику Екатерины II несомненно, причём это влияние продолжало действовать и при наследниках императрицы.

В качестве практических мероприятий Екатерины II, соответствующих теории физиократов, можно указать на введение в 1766 году менее протекционистского (хотя и не полностью фритредерского) таможенного тарифа, уничтожение привилегий, дававшихся отдельным фабрикам, отмену монополий на открытие различных производств, в том числе отмену казённой монополии на ряд производств, провозглашение в 1775 году принципа свободы конкуренции в торговле и промышленности и т.д.

В ещё большей степени в этом ряду необходимо отметить приглашение иностранных колонистов (целью которого было в первую очередь освоение свободных земель и импорт прогрессивных сельскохозяйственных технологий), и, конечно, учреждение в 1765 году Вольного экономического общества, первый период деятельности которого был предметом многих исследований.

Как в экономической политике Петра I многое определялось не столько теоретическими взглядами законодателя, сколько практическими потребностями государства, так и меры Екатерины II по отмене монополизма и предоставлению промышленности и торговле большей свободы, а также деятельность Вольного экономического общества были вызваны насущными потребностями экономического развития страны. Аграрный характер российской экономики и особые интересы землевладельцев служили социально-экономической базой для жизнеспособности некоторых идей XVIII века (в частности идей физиократов) и впоследствии. Условия для активного влияния государства на усовершенствование сельского хозяйства при Екатерине II не отличались радикально от времени Петра I (разве что было несколько упорядочено управление казённой деревней, к которой добавились также экономические крестьяне), а учреждение Екатериной II образцовых ферм и т.п. было только первым робким шагом на пути государственного воздействия на земледелие. Но потребность в таком усовершенствовании начинали понимать и частные владельцы. Именно поэтому деятельность Вольного экономического общества не сводилась к теоретическим дискуссиям (например, о праве земледельца на собственность), но внесла определённый вклад в усовершенствование сельского хозяй-

---

⁷ Миллюков П.Н. Физиократы в России // Энциклопедический словарь. СПб.: изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1902. Т. XXXVa, полутом 70. С. 694–695.

ства. Этот вклад и предопределил жизнеспособность Вольного экономического общества в конце XVIII — первой половине XIX века.

Специального центрального ведомства для поощрения земледелия не появилось и при Екатерине II. Это произошло лишь в 1837 году при учреждении Министерства государственных имуществ, создание которого было не только первым подступом к отмене крепостного права, но и, несомненно, первой серьёзной попыткой создания системы государственных учреждений, т.е. специального ведомства, отвечавшего в том числе и за совершенствование и развитие сельского хозяйства. Но отраслевые центральные учреждения при Екатерине II вообще в большинстве своём были в результате её губернской реформы упразднены. Перенесение отраслевого управления в наместничества, сопровождавшееся упразднением большинства коллегий, включало в себя возложение соответствующих обязанностей на наместников и органы губернского управления. Губернатор как «хозяин губернии» (не в смысле владения, а именно в смысле заведования хозяйством) должен был заботиться о развитии сельского хозяйства.

Ещё в 1764 году в наставлении губернаторам им предписывалось заботиться, прежде всего, о земледелии как о «источнике всех сокровищ и богатств государственных, и о размножении свойственных каждой губернии и провинции продуктов, отпускаемых за моря, поощряя к тому обитателей разумными увещеваниями»⁸. В этой формулировке можно усмотреть как влияние идей физиократов, так и связь с прежней, петровской политикой.

Но наиболее очевидно влияние идей физиократов (включающих в том числе полемику с меркантилизмом, а, следовательно, и с некоторыми идеями, которыми руководствовалось законодательство Петра I) заметно в главной «декларации о намерениях» Екатерины II — в её знаменитом Наказе.

«Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твёрдо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или нерачительно производится», — провозглашает 293-я статья Наказа⁹.

«Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно; второй есть рукоделие из собственного произращения», говорится в 313-й статье¹⁰.

⁸ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 12137. 21.04.1764.

⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Подготовка текста и вступит. статья Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 89.

Но наиболее заметно использование идей физиократов в Дополнении к большому Наказу, а именно в главе XXII («О расходах, доходах и о государственном оных управлении, сиречь о государственном строительстве, инако камерным правлением нарицаемом»).

«Здесь земледелие, само собою, занимает первое место. Ибо оно одно, питая людей, может их привести в такое состояние, чтоб у них и всё прочее было. Без земледелия не будет первых веществ на потребу рукоделиям и ремеслам» (ст. 606)¹¹.

«Должность строительства есть найти средства ободрить владельцев: 1) чтоб они пользовались доброю земель всякого рода, какое бы их употребление ни было и какие бы произведения оные ни приносили; 2) чтоб старались о растении и размножении плодов, лесов, дерев и всех прочих растений, поверхность земли покрывающих; 3) чтоб распложали животных всякого рода и всякого вида ползущих по земле и парящих по воздуху, которые служат к удобрению земли, и которым она взаимно даёт пищу; 4) чтоб в пользу свою употребляли металлы или крушцы, соли, камни и прочие минералы внутри земли крыющиеся, и трудами нашими из недр её извлекаемые; 5) также и рыбы и вообще всё, что ни находится в водах» (ст. 607). «Вот основание и корень торговли. Чрез торговлю все сии вещи приходят в обращение внутри государства или отвозятся в чужие страны». (ст. 608). «Внутренняя торговля собственно не может торговлею назваться; она не что иное есть, как простое круговое обращение» (ст. 609). «Прямая торговля есть та, посредством которой Государство достаёт себе из чужих земель нужные вещи, коих у себя не имеет, а лишние свои вне пределов отсылает» (ст. 610)¹².

«Приметим здесь, что золото и серебро, которые суть попеременно товары и знаки, представляющие всё то, что в мену употребить можно, достаются или из рудокопных ям, или чрез торговлю» (ст. 633). «Золото и серебро приемлется в рассуждение либо как первое простое вещество, либо как вещь, искусством выработанная» (ст. 634). «Товары и всякое движимое имение суть часто предлогом внутреннего кругового обращения и торговли, с иностранными государствами производимой» (ст. 635). «И в сём случае, а особливо в последнем, весьма нужно испытать, первое ли простое вещество и совершенная отделка вместе, или одно что-нибудь из них производится нашим народом» (ст. 636)¹³.

---

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Там же. С. 607–609.

¹³ Там же. С. 162–163.

Ещё Н.Д. Чечулин отмечал, что ст. 604–607 Наказа «вполне совпадают по основным идеям» со статьёй «économie» в Энциклопедии, а ст. 608–613 соответствуют мыслям, выраженным в статье «commerce»¹⁴. Он же указывает на совпадение ст. 626 Наказа («Частных людей богатства суть те, коими они владеют как граждане, которых имения суть основанием существенных государства богатств двумя способами: 1) произведениями всякого рода, вступающими от них в торговлю и в круговое обращение; 2) налогами, которые частный человек уплатить иначе не может, как посредством сих же самих произведений») с мыслями, высказанными Ф. Кенэ в его статье «Китайский деспотизм», опубликованной в 1767 году¹⁵.

Упомянутые и другие статьи Наказа не только воспроизводят главные положения экономического учения физиократов, но и содержат попытку внедрения в язык русского законодательства их терминологии. В частности, упомянутые в ст. 606 «первые вещества», а в ст. 636 — «первое простое вещество» — это не что иное, как «чистый продукт»¹⁶ (одно из ключевых понятий учения физиократов), который, по учению физиократов, есть порождение природы (в том числе результат земледелия), и не может быть получен в результате обработки даров земли.

Идеи, отразившиеся в Наказе, Наставлении губернаторам 1764 года и некоторых других законодательных актах Екатерины II, продолжали влиять на российское законодательство и впредь. В частности, в 1810 году в «Манифесте о разделении государственных дел на особые управления с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» главным предметом Министерства внутренних дел называлось «попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности», причём в детальном перечислении первым пунктом стояли «дела о поощрении земледелия, колоний, внутренние переселения и разные ветви хозяйства, к сей части принадлежащие», а фабрики и внутренняя торговля лишь вторым и, соответственно, третьим»¹⁷.

В умах высших российских сановников идеи физиократов продолжали соперничать с новейшими теориями классической экономической науки, прежде всего А. Смита. Это соперничество отразилось и в российском законодательстве.

¹⁴ Там же. С. XCLI.

¹⁵ Там же. С. XCLIII.

¹⁶ Характерно, что во французской версии Наказа «первые вещества» переведены как «matière première».

¹⁷ ПСЗ. Т. 31 (1810–1811). № 24307. 25.07.1810.

Последний отголосок внедрённых Екатериной II в российский государственный дискурс идей физиократов мы находим в Инструкции генерал-губернаторам 1853 года: «Следуя коренному убеждению, что земледелие есть главнейшая и самая прочная основа народного богатства, генерал-губернатор пользуется всяким случаем для указания истинных и прямых способов к развитию и улучшению сельского хозяйства во всех его многообразных и разнообразных отраслях, покровительствуя, поощряя и ободряя все полезные в сем отношении предприятия»¹⁸.

Инструкция 1853 года, составление которой первоначально предлагалось поручить II отделению Собственной е.и.в. канцелярии, была разработана в Канцелярии Комитета министров (под непосредственным руководством председателя¹⁹ Комитета министров)²⁰. «Коренное убеждение» здесь — не просто механическое воспроизведение формулировок Екатерины II, но, очевидно, выражение действительных взглядов по крайней мере части управленческой элиты дореформенной России.

Таким образом, рассматривая Екатерину II как крупнейшего продолжателя петровской политики модернизации страны, необходимо отметить и те различия в их экономических взглядах, которые оказали существенное влияние как на государственную идеологию, так и (в конечном счёте) на практическую политику двух великих монархов.

Эти различия, отразившие противоречивость задач и условий российской модернизации, сохраняли актуальность и на дальнейших этапах этой модернизации. Спор за первенство между земледелием и промышленностью неоднократно находился в центре программ развития страны (С.Ю. Витте и П.А. Столыпин). Решение этого спора было судьбоносным для России вплоть до революции 1917 года, а в известном смысле и в советский период (индустриализация).

---

¹⁸ ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 1–55. СПб., 1830–1884. Т. 28 (1853). № 27293. 29.05.1853.

¹⁹ Светл. кн. А.И. Чернышёва. Управляющим делами Комитета министров был в это время А.П. Суковкин. Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917: В четырёх томах. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. С. 65.

²⁰ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2 / Отв. ред. Д.И. Раскин, А.Р. Соколов. Отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 230.

Степанов Валерий Леонидович
(Москва)

Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Война и финансы в царствование Петра I и Екатерины II

При Петре I Россия вела войны против Швеции, Турции и Ирана, сражаясь на северном, южном и западном фронтах. Финансовое обеспечение этих тяжёлых и продолжительных кампаний потребовало колоссальных расходов, причём, не только на армию и флот, но и на внешнеполитическую деятельность — дипломатическую службу, привлечение союзников, подкуп должностных лиц и т.п. Если в 1680 году затраты на вооружённые силы составляли приблизительно 700 тыс. руб. (62% бюджетных расходов), то в 1701 году — 1 840 тыс. руб. (82,9%). В 1703 бюджет был сведён с огромным дефицитом, а в 1705 году военные издержки достигли 3,205 млн руб. (95,9%)¹. Рост расходов сопровождался сокращением поступлений в казну из-за массового разорения плательщиков. В стране начался острый финансовый кризис. Для продолжения военных действий была необходима полная мобилизация всех ресурсов государства. В инструкции учреждённому в 1711 году Сенату Пётр I приказал: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерию войны».

Однако в экстремальной внешнеполитической ситуации конца 1690-х годов — первых двух десятилетий XVIII века царь и его окружение не имели возможности рационально реформировать налого-

---

¹ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 103, 234, 235.

вую систему, основанную на подворном принципе обложения. Поэтому для сбалансирования бюджета постоянно взимались чрезвычайные налоги — на создание флота и формирование новых армейских частей. Кроме того, из года в год вводились многочисленные экстраординарные сборы на конкретные военные нужды — содержание союзных саксонских войск, снаряжение для кавалерии, фураж для лошадей, финансирование русско-турецкой войны 1710–1713 годов, сооружение крепостей, прокладку каналов и дорог, строительство и заселение Петербурга и др. С целью экономии средств казны широко использовались натуральные сборы (продовольствием, различного рода материалами, лошадьми и т.п.), а также всевозможные повинности — дорожная, подводная, постоянная, строительная, которые тяжёлым бременем ложились на крестьянство. С введением в 1705 году системы рекрутских наборов на местное население были возложены экипировка, питание и дорожные расходы новобранцев.

Однако правительство не могло до бесконечности повышать старые налоги и вводить новые. В связи с падением платежеспособности податных сословий было необходимо искать другие источники доходов и объекты обложения. В 1699 году вышел указ о выпуске специальной бумаги с государственным гербом для оформления документов частными лицами и взимания гербового сбора. Казна широко использовала систему оброков со всякого рода угодий, промыслов и занятий населения, взимала плату с печей, бань, мельниц, мостов, переправ, лавок, постоянных дворов, харчевен, пекарен, пивоварен, воскобоен, кузниц, сенных покосов, рыбных ловель, прорубей, пасек, с торговцев, извозчиков, ремесленников, мастеровых, рабочих людей и др. В 1705 году последовал знаменитый указ о бритье бород и усов дворянами, государственными служащими, купцами и всеми городскими жителями, а не желавшие расставаться с «естественным украшением» должны были платить специальный налог.

Значительный доход казна получала с обложения внутреннего товарооборота. В 1700 году были отменены все льготы на беспошлинную торговлю. С 1704 года пристани и места возов для разгрузки отдавались с торгов на оброк. Откупившие этот сбор лица брали плату с владельцев судов и возов, а в казну вносили оброк в установленном объёме. С 1705 года в местах торговли стала взиматься плата за взвешивание товара на весах. В 1705–1714 годах существовала так называемая новоуравнительная пошлина — 5% с рубля платил не только продавец товара, но и покупатель, приобретавший товар с целью его перепродажи в этой местности. Монополией казны была

объявлена торговля многими широко востребованными товарами. К ним относились корабельный лес, дубовые гробы, парусное полотно, воск, железо, юфть, смола, поташ, пенька, клей, деготь, щетина, мел, рыбий жир, льняное семя, ревень, сало, икра и ряд других продуктов. В 1696–1716 годах действовала винная монополия, в 1705–1724 годах — соляная и табачная монополии. Большинство монопольных товаров отдавались на откуп торговым компаниям или состоятельным купцам. Даже после отмены в дальнейшем ряда монополий казна не осталась в убытке, т.к. последовало повышение пошлин с частных лиц².

В 1712 году была введена откупная система в сборе ввозных таможенных пошлин, которая сохранилась и после заключения мира — казне предстояла уплата огромной компенсации Швеции за присоединённые территории (1,3 млн руб.). В 1724 году император утвердил протекционистский тариф, который резко усилил таможенную охрану. Он установил высокие заградительные пошлины на товары, производившиеся в достаточном количестве в России (75%), чтобы защитить отечественную промышленность от иностранной конкуренции. Товары, производство которых внутри страны ещё не достигло должного уровня, облагались умеренно-охранительными пошлинами в размере 50% и 25%. Для поощрения экспорта с российских купцов взимались льготные вывозные пошлины в размере 3–6%. Вместе с тем устанавливались высокие пошлины на отдельные товары, пользовавшиеся особым спросом за границей. Сумма доходов со всего товарооборота по новому тарифу была в 2,3 раза выше, чем сумма, рассчитанная на прежних основаниях³.

Правительство всячески пыталось «заработать» и в области денежного обращения. В начале царствования Пётр I приступил к реформе архаичной монетной системы, ориентируясь на европейские образцы. Серебряная копейка, превратившаяся к тому времени в совсем мелкую монету, была неудобна в обиходе и не удовлетворяла потребности рынка. Поэтому в 1700–1724 годах в большом количестве чеканились новые медные монеты: пятак, копейка, деньга (0,5 коп.), полушка (0,25 коп.), полуполушка (0,125 коп.). Однако из-за нужды в деньгах на ведение войны казна неоднократно сни-

² Козлов С.А., Дмитриева З.В. *Налоги в России до XIX в.* СПб., 2001. С. 123–150; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. *История налогов в России. IX – начало XX в.* М., 2006. С. 73–96; Спиридонова Е.В. *Экономическая политика и экономические взгляды Петра I.* М., 1952. С. 250–276.

³ Козинцева Р.И. *Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения.* Т. X. М., 1962. С. 154–194; Струве П.Б. *Торговая политика России.* Челябинск, 2007. С. 61–70.

жала норму содержания меди в монетах, которые со временем значительно потеряли в весе и цене. В 1701–1713 годах сложилась серия номиналов серебряных монет: рубль, полтина (50 коп.), полу-полтинник (25 коп.), гривенник (10 коп.), пятак (5 коп.), алтын (3 коп.), копейка. Учитывая небольшие объёмы добычи серебра, правительство запретило его вывоз за границу и всячески пыталось привлечь этот металл из Европы. Тем не менее, серебра для чеканки монет не хватало, а для его закупки за рубежом казна не располагала достаточными средствами. Государству приходилось негласно сокращать в деньгах содержание чистого серебра. Порча медной и серебряной монеты (уменьшение веса и пробы) привела к падению курса рубля, росту товарных цен и снижению реальной ценности денежных поступлений в казну⁴.

В последние годы войны со Швецией начался переход к новой системе обложения, т.к. подворный принцип изжил себя и не отражал реальное количество плательщиков. В 1724 году была установлена подушная подать для содержания армии, ассигнования на которую составляли около 4 млн руб. в год. Эта реформа обозначила новый этап финансовой истории России. Она унифицировала податную систему, заменила десятки различных мелких сборов единым прямым налогом, расширила круг плательщиков и обеспечила значительный прирост доходов казны. Вместе с тем резко возросло налоговое бремя. По расчёту на 1725 год с подушной подати в казну должно было поступить 4,6 млн руб., в то время как отменённые сборы должны были дать 1,8 млн руб., т.е. произошло повышение прямого обложения более, чем в 2,5 раза. Это вызвало стремительный рост недоимок, недовольство населения и массовое бегство из деревень и посадов.

Податная реформа имела существенные социальные последствия. Она консолидировала две основные группы податного населения — крестьян и посадских людей, чётко разграничила податные и неподатные сословия. Свобода от налогообложения стала одной из основных привилегий и отличительных черт дворянства. Вместе с тем реформа усилила прикрепление плательщиков к тяглу и привела к установлению строгого полицейского режима, который выражался в паспортной системе и контроле над передвижением населения. Тем самым произошло ужесточение крепостничества, что имело далеко идущие последствия для судеб страны⁵. Однако сами иници-

⁴ История денежного обращения России. Т. I: Деньги России с древнейших времен до наших дней. М., 2011. С. 111–122.

⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728. СПб., 1982.

аторы преобразования вряд ли отдавали себе в этом отчёт. По замечанию П.Н. Милюкова, «Пётр не был социальным реформатором», поэтому, «вводя подушную подать, он совсем не предполагал, что затягивает окончательно узел крепостного права»⁶.

Цель податной реформы заключалась в обеспечении армии, поэтому все полки были расквартированы по губерниям и провинциям, налог с которых поступал на содержание соответствующих воинских частей. Полковое командование должно было не только участвовать в сборе подушной подати, но и взыскивать недоимки, контролировать перемещения крестьян, разбирать споры и жалобы, наказывать виновных, поддерживать порядок. Тем самым воинские штабы превращались в полицейские органы, дублирующие функции местных властей. Жесткие действия армейских подразделений в сельских округах, сопровождавшиеся актами произвола и экзекуциями, вызывали панику среди крестьян и поток жалоб в высшие инстанции. «Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоёванной России татарские баскаки времён Батгя, — писал В.О. Ключевский. — ... Создать победоносную полтавскую армию и под конец превратить её в 126 разнuzданных полицейских команд, разбросанных по 10 губерниям среди запуганного населения, — во всём этом не узнаёшь преобразователя»⁷. Вскоре после смерти императора финансово-административные дела были изъяты у воинских частей и переданы губернской администрации.

Итогом финансовой политики первой четверти XVIII столетия стало резкое увеличение доходов казны. Но в не меньшей степени возросли и военные затраты. В мирном 1725 году они составили 6,541 млн руб. (64,5% бюджетных расходов)⁸. Постоянное закручивание налогового «винта» происходило без учёта реального состояния экономики. Следствием этого стали подрыв благосостояния населения, ужесточение крепостного права и нарастание социального протеста. По словам В.О. Ключевского, «в своей финансовой политике Пётр походил на возницу, который изо всей мочи гонит свою исхудалую лошадь, в то же время всё крепче натягивая вожжи». Знаменитый историк указал на катастрофические последствия для России военных кампаний царя-преобразователя: «Упадок переутомлённых платежных и нравственных сил народа ... едва ли

⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 734.

⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. От Петра Великого до Александра Освободителя (лекции LX—LXXXVI). М., 2015. С. 63.

⁸ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 243.

окупился бы, если бы Пётр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, даже пять Шведий»⁹. Не менее драматично сложившуюся ситуацию в стране оценил и П.Н. Милоков: «Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало ещё достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие. Устроение податных тягостей (с 25 до 75 млн на наши деньги) и одновременная убыль населения по крайней мере на 20% — это такие факты, которые сами по себе доказывают выставленное положение красноречивее всяких деталей. Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»¹⁰.

Рост военных расходов продолжился и при преемниках Петра I, особенно в царствование Екатерины II. Для финансирования кампаний второй половины 1760-х — первой половины 1790-х годов правительство использовало привычные средства — повышение подушной подати, косвенного обложения и сборов с торгово-промышленной деятельности, введение экстраординарных военных налогов, увеличение натуральных повинностей. Новыми способами пополнения казны стали внешние займы и выпуск бумажных ассигнаций. Последствиями этой политики, как и в петровскую эпоху, стали хронический дефицит бюджета, возрастание государственного долга, расстройство денежного обращения и падение курса рубля, снижение жизненного уровня крестьянства. Видный дореволюционный историк Н.Д. Чечулин писал о «печальных финансовых результатах Екатерининского царствования»: «Безотрадная картина развернулась пред нами. Казна испытывает сильнейший недостаток в деньгах; население бедно и отягощено налогами; экономическое развитие страны почти неподвижно на очень низком уровне»¹¹.

---

⁹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 102, 103, 104.

¹⁰ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 735.

¹¹ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 374.

Лизунов Павел Владимирович
(Архангельск)

*Заведующий кафедрой философии и культурологии
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова*

Биржа, купечество и торговля в России: От Петра I до Екатерины II

Одним из важных элементов придания российской коммерции общепринятых в Европе цивилизованных форм являлось учреждение Петром I Петербургской коммерческой биржи.

Точная дата основания биржи неизвестна, как неизвестен и указ об её учреждении¹. Впервые в официальных документах она упоминается в «Регламенте Главного магистра», изданном в 1721 году, но к этому времени биржа в Петербурге уже существовала, и тому есть немало свидетельств. Без всякого сомнения, можно лишь утверждать, что Петербургская биржа возникла по инициативе Петра I и по его личному повелению, почти одновременно с основанием самого города.

Заложив в 1703 году Петропавловскую крепость, Пётр I повелел неподалёку от неё, на Городском острове, на центральной площади, построить гостиный двор, а при нём выделить особое место для

---

¹ В бумагах Петра I упоминание о бирже встречается в его Записной книжке № 2, с заметками, не имеющими законодательного характера, без обозначения даты: «Чтоб бирж зделат в Питербурхе из Коммерц-коллегии». Н.А. Воскресенский эту запись датирует 1718–1719 г. См.: *Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, дополнения, челобитья и иностранные источники. Акты о высших государственных установлениях.* М.; Л., 1945. Т. I. № 64. С. 68–69.

биржевых собраний купцов. Здесь же стояла временная деревянная церковь св. Троицы, давшая название всей площади. По свидетельству первого историка Петербурга А.И. Богданова, первая биржа (в виде собраний купцов) уже существовала в 1704 году и располагалась внутри гостиного двора, недалеко от Троицкой пристани. Богданов писал, что «сперва, за гостиный двор почитались просто ряды, в которых продавались товары всякие смешанные» прямо под открытым небом. Здесь же собирался «первоначальный сход купечества для коммерческих сделок»².

«Летописец деяний Петра Великого» И.И. Голиков в своих записках о царе писал, что случайно пришедший в 1704 году в Петербург первый иностранный купеческий корабль был проведён по фарватеру Невы самим Петром I, переодетым лодчманом, и доставлен к Троицкой пристани, прямо к бирже³.

28 июля 1710 года страшный пожар за один час уничтожил дотла все постройки, торговые ряды и лавки первого гостиного двора⁴. Лишь через три года, в 1713 году гостиный двор отстраивается на Троицкой площади заново, на этот раз — немного дальше от Невы. К нему начали даже строить канал «дабы сквозь оный могли всякие торговые суда проходить»⁵.

Пётр I бывал на бирже, где общался с русскими и иностранными купцами. О посещении Петром I биржи в Петербурге упоминал Яков Штелин. При этом он ссылаясь на рассказ «знатного купца и банкира» Германа Мейера, выполнявшего некоторые поручения царя по переводу денег и других торговых дел⁶.

Заведование биржей, как и всей торговлей, Пётр I возложил на учреждённую в 1717 году Коммерц-коллегию. Им были установлены некоторые начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные из западных торговых обычаев. Так, именным указом Петра I от 17 марта 1717 года учреждалась должность гоф-маклера: «Великий Государь указал: от казённых товаров быть гоф-

---

² *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 108, 125.

³ *Голиков И.И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1807. С. 113–114.

⁴ Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг. // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Октябрь. С. 41–42; *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 51, 82.

⁵ [*Чулков М.Д.*] Историческое описание российской коммерции... СПб., 1787. Т. IV. Кн. 1. С. 744.

⁶ См.: [*Штелин Я.*] Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом... СПб., 1786. С. 136–137.

маклером Самойлу Мюксу и будучи у того дела, к стороне Его Величества чинить всякую верность и казённой прибыли прилежное рачение»⁷.

16 января 1721 года был издан «Регламент или Устав Главного магистрата». В XVIII главе Регламента «О биржах или схожих местах» говорилось: «Такожде надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах, со временем же в удобных местах недалеко от Ратуши, по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которыя б сходилися торговые (люди) граждане для своих торгов и постановления векселей, також и для ведомостей о приходе и отпуске кораблей и коммерции: понеже в таком месте каждой купец и продавец в один час по вся дни тех может найти, с которыми ему нужда есть видетися»⁸.

XIX глава Регламента «О маклерах или торговых сводчиках» гласила: «Понеже определённых и присяжных маклеров дело весьма есть потребное, и касается до установления доброго в купечестве порядка... и какие торги и векселя через такого человека заключаются, те надежны от всякого обмана и обмена товаров суть безопасны»⁹. Главному Магистрату было велено «в приморских и других знатных городах, в тех, где торги есть, маклеров выбрать Магистратом из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей, и приведчи к присяге (или вере) содержать их... снесишь с Камер и с Коммерц-коллегиями»¹⁰.

Деятельность маклеров определялась Регламентом весьма точно: никакие договоры на бирже не должны были заключаться без их посредничества, а маклерские записки при сделке должны были гарантировать купцов от возможного убытка в торговых операциях. Маклеры являлись не только посредниками при заключении сделки, но отчасти и заменяли нотариусов, так как по закону «вседневная записка маклеров, такую силу имеет, как протокол в суде»¹¹. Маклер избирался от Магистрата, но согласно Регламенту «никакого жалования не имеет; токмо получает за труды свои определенные деньги от купеческих людей, что ему от Магистрата определено будет...»¹². Нововведение имело успех. Из-за постоянного недостат-

⁷ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). Ст. 3074. С. 490; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.

⁸ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). Ст. 3708. С. 301.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 546. Л. 364–366.

¹¹ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). Ст. 3708. С. 301.

¹² Там же.

ка денег купечество было вынуждено прибегать к услугам маклеров, которые «сводили товары» по «меновой цене».

6 февраля и 13 ноября 1724 года указами из правительствующего Сената было «определено купцам собрание иметь на бирже в 11 часов и продолжать оное сколько похотят»¹³. Аналогичный указ был издан 13 декабря 1725 года, в котором «велено купецким людям на биржу приходить в одиннадцать часов, а выходить в час пополудни, а кто желает быть и более»¹⁴.

Можно отметить постоянное стремление правительства оградить интересы русского купечества в сношениях с иностранцами. Ещё при Петре I иностранным купцам было запрещено торговать друг с другом на том основании, что вследствие такой торговли «государя казне чинятся большие недоборы, а русским людям в торгах их помешка и изнищание чинятся». Повторное требование неукоснительности исполнения этого указа было подтверждено Коммерц-коллегией в 1733 году. Всякая торговля между иностранными купцами воспрещалась под страхом конфискации всех товаров в пользу казны. На практике, однако, запрещение торговли иностранных купцов друг с другом не соблюдалось.

Сенатским указом от 17 февраля 1775 года объявлялось об ужесточении наказания за подлоги в торговле «по всей строгости законов, но и для сведения о таковых и в страх другим выставлять на бирже с именем преступника и с описанием вины его, печатные листы»¹⁵. Именным указом Екатерины II от 27 мая 1788 года, данным столичному губернатору, подтверждались прежние указы «о запрещении на бирже, в клубах и трактирах говорить о делах политических»¹⁶.

В конце XVIII века современники к «биржевому (негоциантам) купечеству» причисляли купцов, производящих внешнюю торговлю при Петербургском порте¹⁷. Обычно русские купцы с началом навигации приезжали из разных городов в Петербург, где заключали договоры на поставку товаров и сделки купли-продажи. После приезда купцов начинали подходить и товары. Они, как правило, осматривались на бирже присяжными браковщиками и принимались уже по браковке (стандартам), а холст брали и по клейменым образцам. Многие русские купцы привозили свои товары и без подряда,

¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 29 об.

¹⁵ ПСЗ. Т. 20 (1775–1780). Ст. 14255. С. 59.

¹⁶ Там же. Т. 22 (1784–1788). Ст. 16673. С. 1080.

¹⁷ [Вавилов И.] Беседы русского купца о торговле. СПб., 1846. Ч. 1. С. 41.

продавая их по торговой стоимости, или ожидали более прибыльных цен. Их товары также браковались на бирже¹⁸. Часть товаров обычно продавалась иностранцам «в контракты» в течение зимы на поставку будущей весной, летом или даже осенью.

Большинство современников разделяли мнение о засилье на российском внешнем рынке иностранцев. Приведём высказывания по этому поводу министра коммерции графа Н.П. Румянцева, неизвестного автора (возможно, чиновника) и простого купца, относящиеся к одному времени. Так, министр коммерции приводил сложившееся в обществе суждение, что «давно уже... иностранцы держат наше купечество в порабощении»¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживался и неуставленный автор записки о включении иностранных и иногородних купцов в петербургское мещанство. Констатируя особое положение в России иноземных негодантов, он отмечал: «Чтож касается до иностранных купцов, кои здесь биржевым торгом занимаются; и без коих признаться должно, по малому еще знанию наших, и внешний весь наш торг не в таком бы цветущем состоянии был...»²⁰. Русские купцы в большинстве своём были единодушны: «...российская коммерция притеснена, разорена, и во истребление приходит стала». В качестве доказательства приводилась практика заключения контрактов на поставку товаров, при которой русские купцы получали от комиссионеров задаток «по три и по четыре копейки с рубля... да и в разговорах (английские купцы. — П.Л.) употребляют пословицу: аглицкие де деньги всё перемогут»²¹.

Развитие биржевой торговли в России в XVIII веке сдерживалось отсутствием учреждений коммерческого кредита как государственного, так и частного. В петровскую эпоху в некоторых случаях суммы выдавались разными государственными учреждениями, например, с 1717 года Берг-коллегией и с 1723 года Мануфактур-коллегией. Позже ссуды можно было получить в Адмиралтейств-коллегии, Главном комиссариате, Канцелярии главной артиллерии и фортификации и даже в Главном почтамте и Иностранной коллегии²².

В 1720—1750-е годы вопрос о создании казённого банка неоднократно поднимался разными лицами и обсуждался в правительстве.

¹⁸ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга... СПб., 1794. (324. С. 206.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 549. Л. 354.

²⁰ Там же. Л. 337.

²¹ Там же. Д. 546. Л. 457 об.

²² *Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 37.

Лишь в мае 1754 года правительство «для уменьшения во всём государстве процентных денег» создает Государственный Заёмный банк в виде двух специальных кредитных учреждений: «первой для дворянства в Москве и Санктпетербурге, второй для попавления при Санктпетербургском порте коммерции и купечества»²³.

На необходимость учреждения банков обращала внимание в своём Наказе Екатерина II. Императрица писала: «Во многих государствах учреждены с хорошим успехом банки, которые, доброю своею славою изобретши новые знаки ценам, сих обращение умножили. Но чтоб в единоначальном правлении таковым учреждениям безопасно верили, должно сии банки присовокупить к установлениям, святости причастным, независящим от правительств и жалованными грамотами снабденным, к которым никому не можно и не должно иметь дела, как-то: больницы, сиротские дома и прочее, чтобы все люди были уверены и надежны, что государь денег их не тронет никогда и кредита сих мест не повредит»²⁴. О расширении коммерческого кредита говорили депутаты Уложенной комиссии. В своих наказах они предлагали для общей пользы создать в губерниях и уездах из казённых денег банки, из которых давать займы необходимые купечеству суммы с процентами на 5 лет за магистерским одобрением и верными поруками²⁵. В 1768 году в связи с выпуском в России первых бумажных денег (ассигнаций) в Петербурге и в Москве были учреждены Ассигнационные банки²⁶. В 1786 году они были преобразованы в единый Государственный ассигнационный банк, который получил чисто кредитные функции (приём вкладов, учёт векселей и пр.). Открытие Ассигнационного банка и предполагаемое производство при нём учёта векселей вызвало среди биржевого купечества самый живой отклик.

В 1723 году ввиду увеличения значения Петербургской биржи, роста её оборотов и уделяемого ей Петром I особого внимания, последовали два именных указа о немедленной постройке вместо сгоревшего здания биржи нового. А до тех пор велено было отдать под биржу «бывший кофейный дом или трактир на Троицкой пристани, где купечество собрание имело»²⁷.

²³ ПСЗ. Т. 14 (1754–1757). Ст. 10235. С. 87.

²⁴ Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 72; ПСЗ. Т. 18 (1767–1769). Ст. 12949. С. 249–250.

²⁵ Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923. С. 244.

²⁶ ПСЗ. Т. 18 (1767–1769). Ст. 13220. С. 792–793.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 29; Чулков М.Д. История краткая российской торговли. СПб., 1788. С. 102.

В указе от 8 ноября 1723 года, говорилось: «На Санктпетербургском острове, ныне где пристойно, сделать биржу, а на Васильевском острове, на Гостин дворе биржу ж сделать каменную»²⁸. Деревянная биржа строилось как временное помещение до завершения каменного здания. Коммерц-коллегия уже 31 января 1724 года по сему указу велела «архитектора Трезини призвать в коллегия и требовать от него чертежа: каким образом оную биржу надлежит строить».

В течение всего XVIII столетия, по словам Г.А. Немирова, «построение новых биржевых зданий в Петербурге практиковалось в виде весьма удобного знака выражения правительственных забот о нуждах российской коммерции; ... что ни царствие, то появляется указ об устройстве или построении новой биржи в Санкт-Петербурге»²⁹. Развитие торговли, постоянно растущий приток товаров, увеличение количества купцов и маклеров требовали расширение и переоборудование биржевых помещений. Новые здания для коммерческой биржи возводились в 1704, 1724, 1731–1745, 1781–1796 годах, привлекались самые знаменитые архитекторы — Доменико Трезини, Жан-Батист Леблон, Джакомо Кваренги, пока в 1810 году не было построено известное здание биржи по проекту Тома де Томона на стрелке Васильевского острова.

В указе Петра I от 8 ноября 1723 года говорилось о постройке не одной, а сразу двух бирж — на Троицкой площади, рядом со старым гостиным двором, и на Васильевском острове при новом гостинном дворе, постройка которого началась ещё в 1721 году.

Первое каменное здание биржи было построено рядом с портовой таможней в 1745 году и передано в её ведение. Что представляло собой это здание — не совсем ясно, так как через 10 лет, в 1755 году, биржевые купцы вновь просили построить для них здание биржи или хотя бы галерею. В своей просьбе они жаловались, «что во время дождя, а особенно же в осеннее и зимнее время, во вьюжные и ненастные дни на бирже для торговых их дел быть им, купцам, никак не возможно...»³⁰. Новое здание, по плану архитектора Трезини, было закончено в декабре 1755 года. Здесь биржевые купцы собирались до 1816 года.

Вскоре и эта биржа стала мала. В Комиссию о коммерции поступила «Записка о разных неудобствах и недостатках по здешней тор-

²⁸ ПСЗ. Т. 7 (1723–1727). Ст. 4354. С. 156.

²⁹ Немиров Г.А. Опыт описания истории Санкт-Петербургской биржи в связи с историей Санкт-Петербурга, как торгового порта. СПб., 1888. Вып. 4. С. 4.

³⁰ Там же. С. 38.

говле требующих мероприятий», в которой отмечалось: «Торги здешнего государства множатся..., а ... биржа так тесна, что в хороший торговый день купечество никак не может в ней измещаться». В записке предлагалось «построить вновь биржу приличную и сходную с знатностью города и порта его»³¹. А «для порядка и управления биржи надлежит также некоторые сделать учреждения», вроде органов управления, которые существовали на европейских биржах³².

Осенью 1779 года Екатерина II поручила генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому и президенту Коммерц-коллегии графу А.Р. Воронцову осмотреть Петербургскую биржу с принадлежащими ей амбарами для складирования товаров и предоставить о том отчёт. В своём всеподданейшем докладе они писали: «Нашли мы что пристань при бирже столь мала в рассуждении приходящих кораблей, что не токмо во время большого прихода оных, но и в осень видели мы что нагружающиеся суда по тесноте места принуждены были стоять в три и четыре ряда от чего неоспоримо явное оказывается затруднение и великое неудобство в выгрузке привозимых и нагрузке отпускаемых отсюда разных товаров, продуктов и всего того, чем изобилует наша коммерция»³³. Инспекторы указывали также на «беспрестанные жалобы купечества» на нехватку складских помещений. В качестве примера они приводили случаи, когда на освободившееся место претендовали сразу до десятка купцов. А многим приходилось вообще держать свои товары в обывательских домах близ биржи³⁴.

В 1781 году именованным указом Екатерины II от 17 декабря повелевалось в Васильевской части, близ Академии наук, построить новую каменную биржу. Архитектором был определён Д. Кваренги. Он расположил здание биржи не на оси Стрелки, а под острым к ней углом. Строительство продолжалось почти шесть лет, пока в 1787 году казённая палата не получила уведомление, что из-за отсутствия денег в казне, в связи с начавшейся русско-турецкой войной, ассигнование на строительство биржи временно прекращено. Некоторые работы продолжались вплоть до 1796 года: была возведена даже временная крыша, но здание так и не было достроено. В таком виде биржа простояло почти 20 лет.

³¹ Записка о разных неудобствах и недостатках по здешней торговле требующих мероприятий // Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 42.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Л. 482–482 об., 492.

³⁴ Там же. Л. 483, 492.

И хотя во времена Петра I биржи существовали в немногих столицах Западной Европы, только в Лондоне и Амстердаме (Парижская биржа официально правительством была признана в 1724 году, функционируя до этого полулегально, Берлинская была учреждена в 1739 году, а Венская в 1771), появление биржи в Петербурге ещё не означало, что в XVIII столетии русский торговый капитал проявлял значительную активность и организованность. Просто и здесь сказалась своеобразная экономическая политика Петра I — собрать «рассыпанную храмину» всего российского купечества. Петровская биржа возникла исключительно по воле и желанию «царя-преобразователя», когда естественные предпосылки для этого ещё не сформировались. Биржа учреждалась как своеобразная купеческая ассамблея.

Не удалось также превратить биржу в действующий механизм оптовой внешней и внутренней торговли. Ещё долго приходилось применять внеэкономические меры для поддержания бирж в России, прежде чем те стали необходимым элементом в хозяйственной жизни страны. Однако начало было положено, и постепенно биржи в России стали приживаться. В течение почти всего XVIII столетия Петербургская биржа оставалась единственной в России. В 1789 году была учреждена вторая российская биржа в Архангельске. Не ранее 1796 года появляется третья биржа в Одессе.

Бесспорно, что в течение всего XVIII века постепенно увеличивалось значение русского купечества во внешней торговле. Начав лишь с посреднической торговли в кредит в начале XVIII века, приобретая опыт, накопив достаточные средства, к концу века русские купцы стали торговать и на свои капиталы. Немаловажное значение имели возросшие в XVIII веке экономические, политические и культурные связи России с Западной Европой³⁵. Тем не менее, сохранялось колоссальное отставание. Одним из доказательств тому является недостаточное развитие, в частности, биржевой, а в целом и всей внешней и внутренней торговли России на протяжении всего XVIII века.

---

³⁵ См.: *Миронов Б.Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII — начале XIX века // *История СССР.* 1973. № 6. С. 139.

Козлова Наталья Вадимовна

(Москва)

*Профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Статус российского купца в общественном сознании и в законодательной практике XVIII века

XVIII столетие, вместившее в себя две великие эпохи, Петровскую и Екатерининскую, отмечено значительными качественными изменениями в различных сферах жизни общества и государства. Особое место в общей политической доктрине верховной власти занимала социальная политика, в том числе по отношению к городу и городскому населению. Можно сказать, что городское законодательство Екатерины II предстаёт как часть реализованных замыслов императрицы по преобразованию социальной структуры России. Назову только два принципиально важных рубежа в истории русского города этого времени. Первый связан с обретением городом в 1775 году статуса самостоятельного административно-территориального центра. Это было непосредственно связано с изменением природы административной власти на уровне уезда, произошедшем в результате той же областной реформы. Она заменила централизованное воеводское управление на дворянские структуры, формируемые на основе выборного принципа. Вторым рубежом стало законодательное оформление единого правового статуса городских жителей, «городских обывателей» в Городовом положении 1785 году. В это же время происходит законодательное определение структуры и прав гильдейского купечества. В результате в основных чертах завершается процесс его формирования в качестве особой сословной группы.

Благодаря новейшей литературе, посвящённой изучению социальной политики екатерининского царствования, можно говорить о влиянии на программные и законодательные документы, вышедшие из-под пера императрицы, в том числе по отношению к городу и горожанам, идей западноевропейской политико-философской мысли, в частности, английской сословной модели У. Блэкстона, теории И.Г. Юсти и других¹. Вместе с тем, важно понять, в какой степени власть, используя некую политико-философскую модель при формировании городской социальной среды, в том числе «третьего чина людей», сопрягала эти идеи с реалиями социально-экономического развития России и запросами самого купечества.

Сделать это позволяют многочисленные записки, «прожекты» и предложения, адресуемые как отдельными купцами, так и большими группами, а также посадскими обществами в центральные и высшие учреждения страны. Можно сказать, что это было одним из основных средств выражения общественной активности купечества. За середину 20-х — начало 60-х годов XVIII века известно не менее 250 таких доношений, проектов, челобитных и предложений купцов и городских обществ о своих нуждах². Со своей стороны правительство поощряло купцов к таким обращениям, разрешая присылать и анонимные предложения. Их рассмотрение позволяет проследить процесс формирования гильдейского купечества как особой сословной группы со свойственным ей менталитетом и социальной идентичностью.

Формирование гильдейского купечества сначала как сословной группы, а позднее и как сословия началось в 1720-х годах с изменением социальной структуры посада первоначально в составе двух, а с 1742 года трёх гильдий³. В 1728 году к купеческой верхушке посада были причислены прежде привилегированные группы гостей и гостиной сотни⁴. До 1775 года не было единообразия в распределении

---

¹ См.: *Лавринович М.Б.* Концепция городского развития в «Наказе» Екатерины II и её источники // Политические институты и социальные страты России (XVI—XVIII вв.). Материалы международной конференции. Москва, 2–3 октября 1998 г. Историко-архивный институт РГГУ. М., 1998. С. 73–77; *Она же.* Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // *Философский век: Альманах.* Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 60–73 и др.

² *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М.: Археологический центр, 1999. С. 38–40.

³ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 6 (1720–1722). № 3708. Гл. VII. Т. 11 (1740–1743). № 8504.

*Д.Г. Левицкий. Портрет купца
Андрея Ивановича Борисова. 1788.
Государственный музей
изобразительных искусств
Республики Татарстан*

купцов по гильдиям в зависимости от величины капитала. В каждом городском посаде складывались свои критерии оценки степени состоятельности тяглецов. По материалам Комиссии о коммерции 1760-х годов основную массу купечества составляли купцы третьей гильдии (68,2 %), на долю купцов второй гильдии приходилось 24,7 %, первой гильдии — 7,1 % (12,2 тыс. душ м. п.)⁵. В итоге, когда по сословно-податной реформе 1775–1785 годов, завершившей законодательное оформление структуры и привилегий купеческого сословия, лица, обладавшие капиталом свыше 500 рублей (1 тыс. рублей с 1785 года), вошли в состав гильдейского купечества, в него не попала большая часть прежних купцов третьей гильдии. В 1799 году лица, получившие привилегии гильдейских купцов, в общей массе городского гражданства составляли 31 % против 69 % посадских⁶. Таким образом, формирование сословия гильдейского купечества происходило на основе консолидации верхушки посадского населения.

Условием этой консолидации и фактором, способствовавшим ей, было формирование общих черт сознания купеческой верхушки, осмысление ею общности интересов в противостоянии как с дворянско-чиновничьей средой, так и с основной массой посадского люда.

Для экономической мысли XVIII века характерно признание роли купечества и торговли в благосостоянии государства. «Купечество есть твердое основание для богатства всех государств», — писал в

⁴ Там же. Т. 8 (1728–1732). № 5300.

⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 74.

⁶ История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2000. С. 216.

начале столетия комнатный стольник, сын боярина Фёдор Степанович Салтыков (?—1715), основываясь на своих непосредственных наблюдениях западноевропейской жизни. Ему вторил крестьянин по происхождению и купец по роду занятий Иван Тихонович Посошков, почти не знакомый с западноевропейской культурой и целиком исходивший из изучения и критики русской действительности. «Без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стояти не может», — писал он в «Книге о скудости и богатстве»⁷. Подобные высказывания были типичны и для представителей экономической мысли середины — второй половины XVIII века, начиная от купцов и кончая правительственной верхушкой. Каким же образом этот тезис преломлялся в сознании купечества? Какие выводы оно из него делало? Какие требования выдвигало?

Первое, что хотелось бы отметить, это то, что проекты и записки купцов свидетельствуют о происходившем на протяжении многих десятилетий XVIII века процессе обособления купеческой верхушки, стремившейся к укреплению своих позиций во внутренней и внешней торговле. В первую очередь её интересы выражались в разнообразных экономических вопросах, что затрагивались в проектах и доношениях купцов. В 20—60-х годах XVIII века в них поднимались вопросы условий и организации внутренней и внешней торговли, таможенной политики и таможенной системы, отношений и условий торговли с иностранными купцами, торгово-промышленных прав и привилегий купечества, развития отечественной промышленности. Часть из выдвигаемых купцами предложений в указанные десятилетия получила законодательное разрешение. В числе наиболее значимых были следующие: введение браковки отечественных и иностранных товаров (1727), отмена взыскания внутренних и портовых таможенных недоимок по 1724 году (1730), сумма которых с 1696 составила почти 92 тыс. руб.; принятие Вексельного устава (1729); закрепление за российскими купцами лихтерного промысла между Кронштадтом и Санкт-Петербургом. Устав о лихтерах был подготовлен в Комиссии о коммерции и утверждён Верховным тайным советом в 1727 году, он позволял содержать перевозные суда как российским, так и иноземным купцам. И только в 1754 году перевозка всяких товаров между российскими портами и доставка их с кораблей, остававшихся на рейде в Кронштадте, в Санкт-Петербургский порт была предоставлена петербургским

---

⁷ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козловой, Л.Н. Вдовинной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 120.

купцам. Важным элементом кредитования торговых операций, ориентированных на Санкт-Петербургский порт, стал Купеческий банк, учреждённый в 1754 году. Таможенная реформа того же года положила конец существованию внутренних таможенных пошлин, за частичную отмену которых купеческая верхушка выступала ещё в XVII веке.

Второе. Процесс обособления городской торговой верхушки от остальной части посадского люда отразился также в предложениях по созданию общества «настоящих купцов». По мнению неизвестного прожектёра начала 1760-х годов, прежде чем предпринимать какие-то меры по развитию коммерции, необходимо «постараться о заведении кем оное делать». При зачислении в общество «настоящих купцов» следовало учитывать вид промысла и размер капитала, который не должен быть менее 500 рублей. Будучи освобождены от подушной подати, рекрутчины, казённых служб и других повинностей, гильдейские купцы наделялись исключительным правом торговли. «Оставшим маломощным впредь не писаться купцами, но посадскими и остаться в нынешнем положенном на них окладе»,⁸ — подчёркивал неизвестный автор.

Эти предложения купцов в целом соответствовали проектам представителей правительственных кругов о создании «третьего чина» людей с выделением в его составе привилегированной верхушки из числа немногочисленного, но экономически крепкого купечества, торгующего в портах и за границей, владеющего заводами и фабриками⁹. Они были созвучны и идеям «правовой монархии», характерным для политической доктрины Екатерины II, выраженной в её Наказе в Уложенную комиссию. Бытовавшие в разной среде предложения нашли законодательное воплощение в сословно-податной реформе 1775–1785 годов по отношению к городскому населению. Она не только изменила систему налогового обложения для гиль-

⁸ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 39–41.

⁹ Проекты чиновников отличались от предложений, выдвигаемых купечеством, по широте охвата посадского населения, включаемого в привилегированное купечество, по набору предоставляемых ему привилегий. Член Комиссии о коммерции князь Я.П. Шаховской, например, предложил определить минимальную сумму, необходимую для включения купцов в привилегированные разряды, в 5 тысяч рублей, а фискальные издержки реформы переложить на верхушку купечества, обязав её за своё освобождение от подушной подати и казённых служб заплатить от 600 до 1 000 рублей. Это во много раз превышало сумму прямого налога, уплачиваемого посадским человеком в течение всей жизни. См.: *Троицкий С.М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 232–233.

дейского купечества, заменив для него подушную подать 1% сбором с объявляемого ежегодно размера капитала, но и заменила натуральную форму рекрутской повинности денежным взносом, отменила казённые службы и закрепила отдельные виды торгово-промышленной деятельности.

Третье. Осознание купечеством своей экономической силы, а вместе с тем и значимости своей деятельности в условиях дальнейшего развития сословного строя и расширения привилегий дворянства вызывало стремление к возвышению собственного сословного статуса. Низкий сословный статус купцов, связанный с их тяжёлым состоянием, не обеспечивал защиты их капиталов, жилища, благосостояния в целом, а также здоровья и даже жизни. Ни материальный достаток, ни положение бургомистра или земского старосты не гарантировали купцу уважения со стороны лиц, защищённых привилегированным статусом¹⁰. Осознание купечеством такого положения пришло не сразу. Сначала купцы через подаваемые в разные учреждения записки стремились привлечь внимание правительства к конкретным случаям причинённых им обид с целью пресечения возможности их повторения. Но уже в 1760-х годах крупные купцы выступают за отмену телесных наказаний, за неприкосновенность их жилищ, требуют значительного увеличения платы за бесчестье, предоставления почётных прав купеческой верхушке. В 1785 году телесные наказания были отменены для первых двух гильдий.

Мимо внимания купцов не прошли и сюжеты городского управления. Они обращали внимание на ведомственную подчинённость городских учреждений, на материальные условия их существования, затрагивали сферу их деятельности и функции в области управления. Более того, в отдельных проектах отчётливо звучала претензия купеческой верхушки на участие в разработке и осуществлении той области государственной политики, которая была связана с деятельностью торгового и промышленного купечества. В частности, в 1761 году неизвестный прожектер, обосновывая купеческий состав администрации единой Коммерц-, Мануфактр-коллегии и Главного магистрата, сомневался не только в возможности ограждения купечества дворянскими чиновниками «от всяких обид и разорений», но и в их компетенции в этой области: «А бес купцов одни дворяне всего полезного знать для купечества не могут, ибо они в том не обращаютца и им купчески нужд и надобностей всех знать не по чему», — писал он в записке, поданной в Комиссию о коммерции¹¹.

¹⁰ Многочисленные примеры на этот счёт см.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. С. 308–311.

¹¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 51–52.

Д.Г. Левицкий. Портрет купца
Ивана Ивановича Билибина.
1780-е годы.

Государственный музей
изобразительных искусств
Республики Татарстан

Источники, в том числе свидетельства современников, содержат порой прямо противоположные оценки предпринимательской этики, личного и профессионального поведения купцов XVIII века, а также уровня их знаний и образования. Однако важно, что в рамках этого столетия происходило формирование черт личности и этики поведения купца-предпринимателя, которые были определены как ценностные категории в купеческой среде и осмыслены в виде образа «совершенного купца», разными каналами закреплявшегося в общественном сознании. Его характеристика даёт возможность представить тот тип личности, что считался достойным подражания, воспринимался в купеческой среде в качестве идеала, хотя, может быть, и не имеющего пока многочисленных примеров реального воплощения. В данном случае важно, что усвоение этих черт личностного образца в общественном сознании прямо связывалось с достижением их носителями делового успеха и процветания¹².

Характеристика черт личностного образца купца уже неоднократно давалась в специальной литературе, что освобождает меня от необходимости подробно останавливаться на них. Назову лишь некоторые. Необходимыми качествами такой личности и поведения предпринимателя были трудолюбие, энергичность и предприимчивость, бережливость и рачительность, скромность в личных расходах, простота в быту, честность и добросовестность с партнерами, профессиональные знания и умения. Известный архангелогород-

¹² Подробнее см.: *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образца купца XVIII века. (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М.: Институт Российской истории РАН, 1996. С. 43–57.

ский купец Александр Иванович Фомин писал в 80-х годах XVIII века: «Весьма противоестественно купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах. Но при том всем купец за самое главное правило почитать должен честность и непоколебимое держание своего слова»¹³. Непременным условием успеха в предпринимательской среде считалось благочестие купца, определяемое как «невещественное богатство» (И.Т. Посошков), а также стремление к достижению посредством своего предпринимательского успеха общественной пользы.

Процесс активного формирования и развития купеческого сословия, его стремление к достижению общественного признания своей деятельности нашёл отражение в уникальном явлении в русском искусстве, каким стал так называемый «купеческий бытовой портрет». От XVIII столетия купеческих портретов дошло немного, и это связано не просто с плохой их сохранностью, а с их изначальной немногочисленностью для этого времени. Такая же ситуация и с мемуарами купцов, основной массив которых относится уже к XIX столетию. Портрет, как и написание воспоминаний о своей жизни, — явления одного порядка. В них проявляется стремление к самовыражению, к осмыслению себя в окружающем мире.

«Купеческий бытовой портрет» конца XVIII — первой половины XIX века воспроизводит внешний облик представителей купеческого сословия. Он стремится наиболее полно и достоверно передать облик модели, отразить характерные для неё черты и особенности. Это, так сказать, визуальная репрезентация. Но если подходить к купеческому портрету как социокультурному явлению, то следует признать, что в нём выражалось, с одной стороны, стремление купечества к самоутверждению, а с другой, к достижению признания со стороны общества значимости своей деятельности и достигнутого благодаря ей жизненного уровня и положения.

Осмысление этих моментов и рождало чувство уверенности, достоинства, стремление быть «в почтении, а не в пренебрежении», получая возможность обеспечивать «государству честь, а не безглавие».

---

¹³ Фомин А. Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXIV, 1788. С. 18.

Демченко Павел Михайлович
(Санкт-Петербург)

*Магистрант 2 курса
Европейского университета в Санкт-Петербурге*

Внешнеторговая политика при Петре I и Екатерине II: Торговый флот во внешней политике

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА

XVIII век — особое время для российской истории. Время, когда Пётр Великий прорубает окно в Европу и навсегда преобразует старую Московию. Когда Екатерина Вторая, чувствуя себя наследницей и продолжательницей его дел, становится «просвещённейшим из монархов». В этом веке силе русских армий, поражающих шведских, прусских и французских генералов, поражалась вся Европа, и на алтарь имперскости были принесены многие жертвы — но и достижения были велики. Россия вошла в Европу при громе пушек и стуке топора, и эта грозная музыка, кажется, заглушает всё. Однако, среди громких побед и славных историй есть и менее приметные, но отнюдь не менее важные сюжеты. Одним из таких сюжетов я полагаю историю российского торгового флота, традиционно остающуюся в тени громкой истории флота военного.

Подступиться к истории торгового флота России XVIII века не слишком просто. В данной статье будет представлен общий очерк его развития при Петре I и Екатерине II, и такой подход кажется вполне логичным. Пётр и Екатерина являются своего рода кульми-

нациями XVIII века, никто из других императоров не сумел затмить их своими деяниями. Этим особенно ценно сравнение двух этих царствований, обрамляющих XVIII век. Это позволяет посмотреть, как далеко сумели продвинуться наследники Петра, в какой степени они сумели реализовать или изменить его замыслы, в частности — замыслы в области международной торговли.

Однако прежде всего встает вопрос — чем является торговый флот страны и что мы должны понимать под ним? Как выделить среди тысяч кораблей, бороздящих морские просторы, те, которые и составляют морской флот России? Что делает корабль русским? Это корабль, идущий под управлением русского капитана? Принадлежащий русскому владельцу? Что важно для нас при анализе исторических источников — имена шкиперов, кораблей или что-то ещё?

Работая с данными Эльсинорской таможни¹, я встречал имена русских шкиперов из Санкт-Петербурга, однако смеем ли мы сразу и категорично относить подобные записи к русскому торговому флоту? Я полагаю, что нет, так как море интернационально, и нет никакой гарантии что этот шкипер не вёл любекский или какой-нибудь ещё корабль. Имена кораблей — могут ли они работать как индикаторы русского торгового флота? Учитывая традицию названий кораблей именами святых, какой-нибудь «Святой Николай» оказывался идентичен в передаче на письме и речи русской и иностранной.

Таким образом, тема торгового флота в России — весьма тонкая материя. Он у России, безусловно, был, но найти его в источниках не так-то просто. И это на первый взгляд удивительно, ведь в рамках петровской модернизации и вестернизации морской торговле уделялось значительное внимание. Собственно, стремление принимать активное участие в ней и было одной из значимых для России причин Северной войны. Много страниц было исписано о славных деяниях и преобразованиях Петра Великого, однако торговый флот всегда оказывался за пределами главного фокуса. Это можно объяснить многими причинами, однако, важным, как нам представляется, является то, что каждый исследователь подразумевает зачастую своё наполнение конструкта «национального торгового флота». Так, например, авторы коллективной монографии «Под флагом России»² смотрели в первую очередь на фамилии шкиперов, на ос-

¹ Данные Эльсинорской таможни см. на электронном ресурсе: URL:<http://www.soundtoll.nl/> (дата обращения 08.01.2017).

² Пузырёв В.П. Под флагом России: история зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995.

нове которых решали, относится ли корабль к «иностранному судоходству» или же к «отечественному»³. Однако, как же следует определить иностранцев, живущих в Петербурге и торгующих как российские купцы?

Я полагаю, что в изучении таких конструктов, как «российский торговый флот», необходимо использовать аутентичные категории. Так, мы видим появление в начале XVIII века в российском законодательстве категории торгового флота и торгового флага, в связи с чем мы предлагаем использовать определение торгового флота и признак флага согласно источникам того времени. Для этого мы предлагаем краткий обзор изменений в законодательстве относительно торгового флота в течение XVIII века в рамках данной статьи для составления представления о торговом флоте и его возможной дефиниции. Как мне представляется, это в значительной мере облегчит будущие исследования национального торгового флота. Море всегда было, есть и будет интернациональным, лишая человека родины как феномена суши, лучшей иллюстрацией чему является книга Бруно Травена «Корабль мёртвых»⁴. И несмотря на то, что разные державы в разное время пытались присвоить морские просторы, рано или поздно их владение водным пространством оканчивалось. В то же время палуба корабля, безусловно, имеет национальную принадлежность, и анализ источников показывает, что представление о ней в истории менялось.

В рамках данного подхода мы, во-первых, посмотрим, как менялось наполнение понятия «национальный торговый флот» в течение XVIII века, а во-вторых — попробуем понять, в какой степени практики торгового мореплавания совпадали или не совпадали (а они наверняка не совпадали) в различные периоды времени. Это позволит ответить, что может дать юридическая категория флага для изучения состава торгового флота.

В рамках моего подхода и тех вопросов, которые я попытаюсь задать, предлагаю следующее понимание торгового флота: под национальным торговым флотом мы понимаем совокупность кораблей, выходящих в море с коммерческими целями под российским флагом. Таким образом, мы исключаем корабли, могущие быть российскими в силу иных признаков, но плавающие под нероссийским флагом. Это даёт нам возможность проследить на основе актов документов политику государства в отношении флота и распространить её на весь торговый флот, имея за основу отношение к флагу.

---

³ Там же. С. 56.

⁴ *Травен Б.* Корабль мёртвых. М., 1929.

Я полагаю, что подобное деление справедливо, так как, изучая российский торговый флот, нас интересуют в первую очередь те корабли, которые считали себя российскими и пользовались выгодами и преференциями российского флага.

Отметим, что в морской практике смена судном флага была привычным делом. Так, например, в период войн корабли начинали ходить под флагами нейтральных государств, дабы не стать жертвами разбоя, или же в период Вооружённого нейтралитета к конвоям с российскими кораблями приставали другие корабли, что видно из запрещений принимать под охрану другие корабли. Подобная смена флага, во-первых — увеличивала доходы государства за счёт фрахта, во-вторых — увеличивала объёмы товарооборота за счёт перераспределения размещения товаров, а в-третьих — повышала влияние торгового флага, распространение которого имело воздействие на политику и экономику. Привлекательность того или иного флага может свидетельствовать о торговых, правовых и прочих преференциях, которые могли быть получены от государства носителем флага. Таким образом, количество кораблей, ходящих под российским флагом, находилось в прямой зависимости от привлекательности преимуществ, которые предоставляет торговый флаг.

Российский рынок был привлекателен для иностранцев в начале XVIII века. Именно поэтому, в разгар Северной войны, когда шведы предпринимали усилия по блокированию молодого петербургского порта, Великобритания и Соединённые провинции начинают конвоировать свои торговые корабли⁵ под предлогом устранения опасностей для мореплавания, которые образовались после введения шведами фиктивной блокады для российских берегов. Пётр, со своей стороны, поощрял контрабандистов⁶, которые доставляли товары в Санкт-Петербург. Однако, прорубив окно в Европу и переправив основные торговые потоки из «северных врат» России — Архангельска, в Санкт-Петербург, Пётр I оказался перед новой задачей — создать не только военно-морской флот, который бы силой своей страшил противников, но и торговый флот, который увеличивал бы благосостояние страны.

⁵ Aldridge D.D. Admiral Sir John Norris and the British Naval Expeditions to the Baltic Sea 1715–1727. Lund, Sweden: Nordic Academic Press, 2009. P. 46–110.

⁶ Кромов П.А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А.С. Пушкина / Отв. ред. Ю.Н. Беспярых. СПб., 2001. С. 423–433; Russia, Poland and the Baltic, 1697–1721 // L.R. Lewitter The Historical Journal. Vol. 11. № 1 (1968). P. 3–34; ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3021.

Российский торговый флаг появляется далеко не сразу в российской торговой практике. Перед тем, как ему было суждено появиться, в первых двух декадах XVIII столетия происходило юридическое оформление относительного нового явления — отправки русских кораблей за границу с товарами на борту не по приказу царя, а по желанию купцов — владельцев товаров и судов. Уже в 1703 году первый корабль Бажениных «Св. Апостол Андрей Первозванный»⁷ был отправлен в заграничное плавание с патентом (пассом) от Посольского приказа. Таким образом, как минимум в 1703 году российское правительство начало выдавать капитанам таких судов пассы. Отметим, впрочем, что это было скорее диковинкой, нежели регулярной практикой. Кроме того, предполагается, что корабль Бажениных шёл под российским флагом в той форме, в которой он будет позднее окончательно учреждён. Через два года, в 1705 году царь издаёт указ «О флагах на торговых речных судах»⁸, что было предтечей морского торгового флага, обязательного для всех русских торговых судов.

Однако даже первые шаги в этом направлении были важны для представительства российских кораблей, которые получали юридическое обоснование своего нахождения в нейтральных территориях. Тем самым их экстерриториальность транслировалась вовне государственных границ. Таким образом, Российское государство впервые стало систематически проецировать свою силу на нейтральное пространство, что важно в контексте понимания включения России в европейский концерт и роста её имперской ответственности. Что касается критериев получения флага, то следует упомянуть о двух указах: указ 1722 года, согласно которому было установлено считать русским экипаж, в котором насчитывалось не более 1/4 иностранных моряков. Одновременно с этим вышел указ о том, чтобы на российские торговые суда отсылать одну пятую часть матросов из военного Адмиралтейства «для практики», но содержание их должно было оплачиваться за счёт купцов-судовладельцев. Спустя семь лет указ о пропорциях матросов сменился в связи с указом 1729 года, который немного смягчил условия для получения российского флага: на корабле должно было быть не более трети иностранных моряков. Однако из-за нехватки специалистов-моряков это требование выполнялось далеко не всегда. Все кадры молодых матросов шли на комплектование военного флота. Поэтому на торговых российских судах иногда только название да паспорт удостоверяли при-

⁷ Пузырёв В.П. Указ. соч. С. 68.

⁸ ПСЗ. Т. 4 (1700–1712). № 2021.

надлежность судна России. Отчасти из-за этого, в 1730 году было даже разрешено нанимать военных моряков на купеческие суда. Под страхом штрафа и жестокого наказания шкиперам запрещалось оставлять русских матросов в иностранных портах. Вопрос о комплектовании экипажей торговых судов сильно заботил правительство, поэтому для обучения коммерции и иностранной торговле купеческих сыновей направляли на учёбу в Голландию, Италию и другие страны.

С российской стороны внешняя торговля осуществлялась как частными предпринимателями, так и казной; особенно активно казна торговала в первые два десятилетия века (до 1719 года), когда на целый ряд экспортных товаров была установлена государственная монополия. Ещё более значительно неравенство российского и иностранного купечества выражалось в том, что почти вся внешняя торговля русских купцов с западноевропейцами осуществлялась последними на своих кораблях⁹. Пётр I и его ближайшие преемники приложили немало усилий для того, чтобы Россия имела собственный торговый флот. Для этого Пётр отправлял боевые корабли с торговыми грузами в иностранные порты, дабы проложить торговые связи. Однако, самостоятельная торговля для казны оказалась слишком хлопотной, поэтому основной упор стали делать на то, чтобы российские товары вывозили за море сами российские купцы на российских же кораблях. Однако мореходных судов было мало — в основном российской стороной строились небольшие корабли для каботажного плавания.

Через государственную Коммерц-коллегию проходило оформление и принятие всех документов, регламентирующих внешнюю и внутреннюю торговлю, мореплавание и гражданское судостроение на морях и реках. Ей было вменено в обязанность выдавать паспорта корабельщикам на заграничные плавания. Ей же было велено собирать и изучать иностранные уставы о судоходстве, обобщать опыт судоходства, знакомить купцов с правилами, установленными в иностранных государствах по торговле и судоходству. В 1740 году был установлен новый порядок подписания паспортов уходящим иностранным судам представителями Адмиралтейств-коллегии. По предложению Коммерц-коллегии в 1729 году при Петре II был принят указ Верховного тайного совета о поощрении российского торгового мореходства и льготах при

---

⁹ *Миронов Б.Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII — начале XIX века // История СССР. 1973. № 6. С. 129–140.

постройке судов¹⁰, а также Вексельный устав, по которому поручители и свидетели не требовались; это упростило процесс совершения сделок, однако ослабило гарантию займа, поэтому многие иностранцы годами пытались взыскать деньги с несостоятельных должников из числа русских купцов. Что же касается самих иностранцев, то переводить деньги этим путём из-за границы в Россию они не могли, так как в стране не было ни банков, занимавшихся такими операциями, ни кредитоспособных частных лиц, поэтому, направляясь в Россию, они везли с собой деньги мешками.

Несмотря на все усилия, впрочем, Петру I не удалось создать при своей жизни торговый флот, однако он сумел использовать желание торговли третьих стран себе в помощь в войне. Установление стабильных торговых отношений России с западными странами пусть и оставалось пассивным, но закладывало обоюдную зависимость между торгующими странами, которую мы можем увидеть ниже.

В итоге во время Семилетней войны сложилась ситуация, которую можно признать детищем той торговой политики, которая сформировалась в первой половине XVIII века. Когда разразилась война между Францией и Австрией с одной стороны и Великобританией и Пруссией с другой — Россия оказалась перед выбором, на чьей стороне вступить в войну. В итоге Россия вступила в войну на стороне Австрии и Франции, разорвав дипломатические отношения с Великобританией. Параллельно с этим, российское правительство не продлило британцам торговый договор¹¹. Французы немедленно попытались занять британскую нишу в российском внешнеторговом обороте, ради чего был даже подготовлен соответствующий договор¹². Эту борьбу за торговые преференции можно было бы списать на дипломатические игры, аргументируя это тем, что доля французского судоходства была незначительна в заморской торговле России. Однако мы предлагаем рассматривать это в первую очередь как борьбу за контроль над рынком, где Россия могла значительно повлиять на то, кому достанется приз в виде балтийской торговли. Одновременно с этим, британский морской произвол всё более восстанавливал против Британии нейтральные страны, что привело к образованию ряда локальных нейтралитетов в балтийском регионе¹³. По-

¹⁰ Пузырёв В.П. Указ. соч. С. 86.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 91. Л. 111.

¹² Там же. Д. 101. Л. 119.

¹³ Anderson R.C. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522–1850. London, 1910. P. 222–240.

требности обеспечения интересов тех самых коммерческих кораблей под российским флагом привели в конце концов и к вовлечению в дело военной машины империи. Отметим, однако, что практика вооружённых нейтралитетов ограничилась в период Семилетней войны по большей части военно-политическими задачами, в отличие от екатерининского Вооруженного нейтралитета.

В целом, за исключением ряда преобразований, в период с 1725 по 1762 год торговый флот не был предметом особых забот монархов. Только Екатерина II возобновила попытки по организации купеческих судоходно-торговых компаний, пообещав им большие льготы. Был основан ряд компаний, в частности — компания для торговли со странами Средиземноморья, однако данные предприятия не приносили особого успеха. В том же 1763 году было упорядочено право поднятия российского флага на торговых судах.

Однако настоящий расцвет политики, направленной на поощрение торговли начался лишь с объявлением Вооруженного нейтралитета. Российская империя объединила под своим началом страждущие нейтральные страны, которые страдали от произвола на море. Екатерина II, по сути, повторила и укрупнила опыт Семилетней войны, используя торговые механизмы как невоенные методы давления и принуждения. В подобной внешнеполитической обстановке, которая благоприятствовала российскому торговому флоту в 1781 году был издан Устав купеческого водоходства¹⁴, а через год — новый тариф на товары. Русское правительство, стремясь стимулировать отечественное судоходство, ещё в 1782 году установило ряд льгот российскому купеческому судоходству, уменьшив пошлины для него на экспортные и импортные товары. Однако этим сразу же воспользовались многие иностранные купцы и судовладельцы в Петербурге. Они стали записываться в русское купечество, поднимали на своих судах российский флаг и соответственно пользовались льготами. Это увеличивало не только фрахт российского флага, но и количество желающих провезти контрабанду. Так, если рассмотреть данные эльсинорской таможни, количество российских кораблей, следующих из Санкт-Петербурга в 1781—1783 годах увеличивается с 65 до 83 в год. В то же время количество русских имён увеличивается с трёх до пяти, что отражает, что подобными условиями пользовались отнюдь не только «русские»¹⁵. Позже, в 1787 году в связи с очередной русско-турецкой войной, Россия объявит пра-

¹⁴ Пузырёв В.П. Указ. соч. С. 87.

¹⁵ Данные зундских регистров см. на электронном ресурсе: URL:<http://www.soundtoll.nl/> (дата обращения 08.01.2017).

вила для партикулярных корсаров¹⁶, легитимизировав каперство у южных портов, что также должно было помочь торговле.

Подводя итог изучению торгового флота в XVIII веке и его месту во внешней политике, мы полагаем, что на основе изложенных выше соображений, определение принадлежности через флаг — наиболее продуктивный подход к изучению национального торгового флота. Каждый корабль, ходивший под российским флагом, должен быть признан как российский вне зависимости от имени капитана. Мы должны встать над национальными и отчасти государственными рамками, так как ограничение подобными рамками бессмысленно в рамках изучения морских пространств и связи государства с ними (того, что можно назвать *maritimeness*¹⁷ — маринность). Мы должны признать, что национальный торговый флот — конструкт, в основе которого находится постоянно меняющаяся масса, которую невозможно идентифицировать по отдельности, только вкуче. Помимо этого, принятие того или иного флага говорит нам о привлекательности одного национального флота перед другим, что гораздо важнее для понимания конъюнктуры морского и фрахтового рынков, в частности — это вносит новый элемент исследования относительно мотиваций акторов, их издержек и рисков на морском пространстве. Говоря же о политике по отношению к торговому флоту, и его роли в политике — мы можем выделить ряд механизмов защиты и помощи отечественному торговому флоту. В области внутренней политики — это организация соответствующих учреждений, снижение такс и пошлин для уменьшения издержек торговых домов. В области внешней политики — это вооружённые нейтралитеты, поощрение каперства. В то же время, стоит отметить, что замыслы по созданию торгового флота так и не были реализованы. Вместе с этим стоит отметить умелое использование экономических рычагов во внешней политике российским правительством.

---

¹⁶ *Конелев Д.Н.* Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013. С. 154.

¹⁷ *Tejero J.L.A., Camós E.C.* Revisiting the Coast: New Practices in Maritime Heritage Documenta Universitaria, 2014.

Фафурин Геннадий Александрович
(Санкт-Петербург)

*Научный сотрудник отдела редких книг
Российской национальной библиотеки*

Торговля европейской книгой в России при Петре I и Екатерине II: Рост объёмов и расширение тематики

Пётр I прорубил окно в Европу и вскоре в образовавшуюся брешь устремились потоки европейских товаров, в том числе и таких специфических как книга. Поначалу они текли малозначимым ручейком, а в екатерининское время это был полноводный поток, т.е. от четверти до одной трети заглавий книг, предлагавшихся на ежегодной книжной ярмарке в Лейпциге, в шестидесятые годы XVIII века поступало в Петербург и продавалось в Академической иностранной книжной лавке. Поскольку спросом среди населения они пользовались мало, то лавка не окупалась и существовала за счёт казны. Но государство в лице Петербургской Академии наук сознательно шло на это, поскольку нуждалось в развитии промыслов и сельского хозяйства, культуры, науки и художеств, да и в просто в образованной публике, способной на европейском уровне генерировать идеи и усваивать европейские знания. При Петре организованной торговли не было, иностранные книги в Россию поступали окказионально, в основном они были представлены в частных библиотеках вельмож и приближённых Петра — Д.М. Голицына-верховника (1665–1737), Я.В. Брюса, Феофана Прокоповича, преподавателя Навигацкой школы А.Д. Фарварсона, переводчиков Посольского приказа¹ и т.п. Об этом говорят недавно

---

¹ *Фафурин Г.А.* Уникальный экземпляр эльзевиров из собрания Отдела редких книг Российской национальной библиотеки // Труды ГЭ. Т. 64:

вышедшие из печати каталоги библиотек Брюса², самого Петра I³, богослова и философа Феофилакта Лопатинского⁴, А.А. Виниуса⁵. Однако купить иностранную книгу в России в петровскую эпоху было практически негде, поскольку книжных лавок не было, исключение составляла лавка В.А. Киприанова в Москве, но она торговала преимущественно картами⁶. В середине XVIII века картина выглядит принципиально иной: иностранные книги поступали в Петербург, как правило, от комиссионеров-книгопродавцев из крупнейших европейских столиц, университетских городов (Лейден, Кёнигсберг, Гейдельберг, Базель и др.) и торговых центров, где проходили ежегодные книжные ярмарки (Лейпциг, Франкфурт на Майне). Зарубежную научную книгу, модный роман и последние литературные новинки можно было приобрести практически лишь в одном месте — иностранной книжной лавке Петербургской Академии наук. Среди наиболее крупных её поставщиков мы встречаем имена Клода Бриассона (Париж), Иоганна Шпенера и Амброзия Гауде (Берлин), Иоганна Томаса Траттнера (Вена), Марка Мишеля Рея (Амстердам), Иоганна Готтлоба Роте и Клода Филибера (Копенгаген), Самюэля Лёхтманса (Лейден), Иоганна Фридриха Юниуса (Лейпциг), Франца Фаррентраппа (Франкфурт на Майне), Вильгельма Готлиба Корна (Бреслау).

В данном случае представляется оправданным применить некоторые принципы наукометрии и использовать динамику распространения европейской книги в Петербурге и в России в целом в качестве критерия для оценки таких процессов, как циркуляция идей и научного знания в социуме, взаимопроникновение культур, обмен научной информацией между соответствующими учрежде-

---

Материалы науч. конф. «Петровское время в лицах – 2012». Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2012 г. / Ред. колл. Г.В. Вилинбахов, И.В. Саверкина и др. СПб., 2012. С. 295–303.

² Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / Отв. ред. А.И. Копанев; сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН, 1989.

³ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Под ред. Д.С. Лихачёва; сост. Е.И. Боброва. Л.: БАН, 1978; Библиотека Петра Великого. Западноевропейские печатные книги / Отв. ред. И.М. Беляева; сост. И.В. Хмелевских, А.Е. Карначёв. В 2-х т., 3-х кн. СПб.: БАН, 2016.

⁴ Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): Каталог / Отв. ред. И.М. Беляева; сост. Д.Д. Гальцин, Г.Н. Питулько. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. (654 т.).

⁵ Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса. Каталог / Сост. Е.А. Савельева. СПб.: БАН, Альфарет, 2008.

⁶ Книговедение: Энциклопедия. М., 1982. С. 268.

ниями разных стран. В конечном счёте, такой подход даёт возможность, с опорой на статистику, почерпнутую из архивных документов, судить о поступательных тенденциях просвещенческих идей в России и верности заветам Петра о сближении России с Европой.

Отправной точкой выбран 1768 год как очень показательный для подобного исследования, поскольку книжная лавка в Санкт-Петербурге закрылась, однако в Архиве РАН сохранились списки книг, оставшихся на тот момент, всего около 3650 томов (свыше 2800 названий)⁷. Среди них очень мало художественной литературы, однако новейшая научная литература, а также книги по отдельным ремёслам представлены в исчерпывающем ассортименте (осушение болотистых земель, содержание пастбищ, улучшение пашни, лесное хозяйство, коневодство, овцеводство, стеклодувное и литейное производство, льноводство и цветоводство). В небольшой статье невозможно хоть сколько-нибудь удовлетворительно проанализировать весь репертуар с точки зрения тематики, языка, географии изданий и охватить посылки в Петербург европейских книгопродавцев. В качестве наиболее показательного примера рассмотрим поставки книгопродавца из Вены Иоганна Томаса Траттнера, тем более, что на русском языке исследований, посвящённых этому типографу, книгоиздателю и книгопродавцу и рассматривающих его просветительскую деятельность, до сих пор не было. А ведь он в течение длительного времени был одним из наиболее крупных европейских поставщиков книг в Санкт-Петербург в эпоху Екатерины II.

Траттнер родился в 1717 году в местечке Ярманнсдорф (территория современной Венгрии). Рано осиротев, он оказался у родственников в г. Винер-Нойштадт, где начал учиться ремеслу печатника у местного типографа. В 1739 году он приезжает в Вену и поступает на работу в типографию Петра ван Гелена, где продолжает совершенствоваться в избранном ремесле. Уже через десять лет он становится университетским печатником, что послужило началом его блестящей карьеры, продолжавшейся при поддержке влиятельных покровителей при венском Дворе и имперских чиновников до конца его жизни. Благодаря протекции придворного врача императрицы Австрии Марии Терезии Герарда ван Свитена (1700—1772) Траттнер получает аудиенцию у императрицы, после чего государственные привилегии и выгодные заказы не заставили себя ждать. С 1751 года Траттнер становится придворным книгопродавцем, а 5 октября 1754 года получает привилегию на книгопечатание при Дворе. К этому времени у него уже была оборудована словолитня, чтобы отпала

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 6. Д. 88. Л. 3—67.

Портрет
Иоганна Томаса Траттнера.
Гравюра И.Э. Мансфельда
с оригинала худ. И. Хикеля. 1770

необходимость возить шрифты из Праги. Девизом на издательской марке Траттнера служит латинское выражение «*Labore et favore*» (Трудом и благоволением). Преимущества, полученные им от венского Двора в кругу собратьев по ремеслу, — венских печатников, — порождали оппозицию ему, однако он выгодно для себя осуществлял перепечатки немецких изданий, пользуясь покровительством президента Цензурной комиссии ван Свитена. В 1759

году Траттнер получает привилегию на печатание эстампов и через некоторое время приступает в престижном районе Вены Грабене к строительству огромного издательского комплекса, включающего в себя наборный цех, переплётные и гравировальные мастерские, словолитню и печатню — так называемый Траттнерхоф (закончен строительством в 1776 году, архитектор Петер Моллнер). Позднее, в 1780-х годах, жене книжного магната, Марии Терезе фон Траттнер, давал уроки музыки В.А. Моцарт и даже посвятил ей «Фантазию и сонату для фортепиано» (соч. К.475/457), а в Траттнерхофе устраивались музыкальные вечера, на которых выступал великий композитор и на которых присутствовал российский посол в Вене Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793). Императрица Мария Терезия, проводившая в этот период реформу образования и в рамках нововведений лишая иезуитов, в руках которых находилось подавляющее количество учебных заведений, их непомерно большой роли в контроле над обучением, предоставила Траттнеру монопольное право на издание учебной литературы на территории всей Австрийской монархии. К этому времени количество типографий, которые-

ми он владел, перевалило за тридцать, они были открыты во многих крупных городах империи — Вене, Линце, Пеште, Загребе, Вараджине и других. Книжные лавки Траттнера, кроме Вены, располагались в Пресбурге (совр. Братислава), Пеште, Шопроне, Франкфурте на Майне и Лейпциге. Книги из типографий Траттнера распространялись по всей Европе, включая и Россию. В частности, Траттнер, например, поставлял в Петербург книги самой разнообразной тематики — книги по педагогике, медицине, прививанию оспы и т.п.), а также многочисленные учебники для недавно открытых Воспитательного дома, Академии художеств, Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и т.п.

В Отделе редких книг РНБ находится книга, изданная И.Т. Траттнером в 1769 году, которая содержит образцы шрифтов, используемых в его типографиях и которые можно было заказать в его словолитне. Верхняя крышка переплёта книги украшена суперэкслибрисом с изображением двуглавого орла — герба Австрийской монархии. В качестве примера высокого художественного достоинства различных шрифтов и орнаментики приводим здесь несколько иллюстраций. Рассмотренные здесь архивные документы и книги говорят об интенсивном научном, культурном и торговом обмене между Веней и Петербургом в середине XVIII века, что имеет большое значение для истории науки и циркуляции идей в эпоху Просвещения. Книги, напечатанные И.Т. Траттнером, можно встретить в различных подразделениях РНБ, в отделениях «Россики», «Полиграфии», в Отделе редких книг в коллекции книг Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

Книги, поставлявшиеся И.Т. Траттнером в Петербург:

МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, особенно по оспопрививанию (что было особенно актуально накануне прививания императрицы Екатерины II и наследника):

- ♦ Locher Maximillian. *Observationes practicae circa inoculationem variolarum in neo-natis institutam*. Vindobonae: typ. Joan. Thom. Nob. de Trattnern, 1768 [т.е. «Практические наблюдения над разными способами инокуляции»];
- ♦ Locher Maximillian. *Continuatio experimentorum de inoculatione variolarum*. Vindobonae: typ. Joan. Thom. Nob. de Trattnern, 1768; [т.е. «Экспериментальное продолжение разных способов инокуляции»];
- ♦ Locher Maximillian. *Continuatio altera experimentorum de inoculatione variolarum*. Vindobona: typ. Joan. Thom. Nob. de Trattnern, 1768 [т.е. «Второе продолжение разных способов инокуляции»];

- ♦ Haen, Anton de: *Epistola de Cicuta*. Vindobonae: typ. Joan. Thom. Nob. de Trattnern, 1766;
- ♦ Tissot S. A. *Lettre à Mr. de Haen en réponse à ses questions sur l'inoculation*. Vienne: J. Th. Trattner, 1759;
- ♦ Pallucci, Natale Giuseppe (1719–1797). *Methodus curandae fistulae lacrymalis*. Vindobonae: Trattner, 1762;
- ♦ Pallucci, Natale Giuseppe (1719–1797). *Ratio facilis atque tuta narium curandi polypos*. Viennae: typis et sumptibus Joannis Thomae Trattner, 1763;
- ♦ Mare, Franz Xaver von. *Tractatus medico-chirurgico-chemicus de cancro et spina ventosa curabilibus per medicamentum hactenus secretum, nunc communicatum*. Vienne: de Trattner, 1767;
- ♦ Fauken, Johann P. (1740–1794). *Dissertatio inauguralis chemico-medica De solutione reguli et vitri antimonii in diversis vinis hic loci cognitis*. Viennae: typ. Joann Thom. nobil. de Trattnern, caes. reg. aulae typogr. et bibliop., 1767;
- ♦ Störck, Anton von (1731–1803). *Abhandlung, worinn erwiesen wird, daß der Schierling (Cicuta) nicht nur innerlich ganz sicher gegeben werden könne*, Wien, gedruckt bey Johann Thomas Trattnern, 1764

Учебная литература:

НЕМЕЦКАЯ ГРАММАТИКА

- ♦ Gottsched, Johann Christoph (1700–1766). *La grammaire Allemande*. 3. éd. Corr. & augm. Vienne; Prague: J. Th. Trattner, 1763

ПИСЬМОВНИК

- ♦ Stockhausen, Johann Christoph (1725–1784). *Grundsätze wohleingerichteter Briefe, nach den besten Mustern der deutschen und Ausländer; nebst bey gefügten Erläuterungen und Exempeln*. Wien: Trattner, 1766

ДЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

- ♦ Pierron, Nicolas. *Le livre des enfants, ou idées generales et definitions des choses dont les enfans, doivent etre instruits*. Nouvelle edition. A Vienne: chez Jean-Thomas Trattnerimprimeur et libraire de la cour, 1759

НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ МАТЕМАТИКЕ

- ♦ *Elementa arithmeticae, geometriae et algebrae: Ad usum scholarum Austriacarum*. — Vindobonae [Wien]: Typis Joan. Thomae Nob. de Trattnern, 1788

Книги по сельскому хозяйству:

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ЛЬНОВОДСТВУ И ВЫРАЩИВАНИЮ ТАБАКА

- ♦ Wiegand, Johann (1707–1776). Oekonomisch-praktische Anleitung zum Flachsbaue, worinnen die glückliche und erträgliche Folgen für ein Land, in welchem der Flachs angebauet, zubereitet und verarbeitet wird, angezeigt, auch die Manipulationen hierzu, wie es geschehen solle, gewiesen werden; nebst einem Anhang einer neuen Auflage vom Tabackbau. Wien: Trattner, 1767

ТРАКТАТ ОБ УЛУЧШЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НИЖНЕЙ АВСТРИИ

- ♦ Baumann, Martin Nicolaus. Abhandlung von Verbesserung der Niederösterreichischen Landwirthschaft; worinn gewiesen wird, wiedem in Verfall gerathenen Feld- und Ackerbau, dann der Viehzucht und übrigen Wirtschaftspflegung mit mehreren Nutzen wieder aufgeholfen werden könne. Wien: Trattner, 1767

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДОЛГОВРЕМЕННОМУ ХРАНЕНИЮ ЗЕРНА

- ♦ Plenciz, Markus Anton von (1705–1786). Abhandlung oder neuer Vorschlag, das Korn, Waitzen, und andre dergleichen Waaren durch sehr viele Jahre gut, frisch und unbeschädigt zu erhalten. Aus dem Lateinischen in das Deutsche von dem Verfasser selbst übersetzt. Wien: gedruckt bey Joh. Thomas Edler v. Trattner ..., 1764

Высшая математика

- ♦ Bougainville, Louis-Antoine de (1729–1811). Calculi infinitesimalis pars II, seu Calculus integralis, expositus opera bipartito D. Bougainville, ex editione Parisina anni M.DCC.LIV. & M.DCC.LVI. in Latinum converso à C.S.S.J. – Vindobonae [Wien]: Typis Joannis Thomae Trattner, 1764

Физика

ДИССЕРТАЦИЯ О СВЕТЕ

- ♦ Boscovich Rugerius Josephus (1711–1787). Dissertatio de lumine. Vindobonae: Trattner, 1766

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ

- ♦ Hompeck, Anton (? –1770). Abhandlung von der elektrischen Abstossung. Wien, bey J. Trattner, 1765

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИКА

- ♦ Musschenbroek, Petrus van (1692–1761). *Physicae experimentales, et geometricae, de magnete, tuborum capillarium vitreorumque speculorum attractione, magnitudine terrae, cohaerentia corporum firmorum dissertationes: ut et ephemerides meteorologicae Ultrajectinae*. 1756

НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА

- ♦ Wernischek, Jakob (1743–1804). *Jacobi Wernischek ... Tractatus, physicam astrorum notitiam ex principiis mechanicae proponens*. Editio secunda. Vindobonae: typis Joannis Thomae de Trattnern, 1765

Маркшейдерство

- ♦ Weidler, Johann Friedrich (1691–1755). *Anleitung zur unterirdischen Mass- oder Markscheidekunst aus der lateinisch verbesserten Auflage übers. von Niklas Fuchsthaler*. Wien, Trattner, 1765

Военное дело

- ♦ [le Comte V.D.S.G.] *Abrégé de la théorie militaire à l'usage de ceux qui suivent le parti des armes, ou sont détaillés les maxims principales de la guerre*. Vienne, chez Trattner, 1766

Художественная литература

- ♦ Zachariae, Justus Friedrich Wilhelm (1726–1777). *Poetische Schriften*. Wien: Joh. Thom. Edlen von Trattner, 1765. 9 vol. 8°;
- ♦ Beaumont Jeanne-Marie Leprince de (1711–1780). *Die Neue Clarisse: eine wahrhaft- und anmuthige Geschichte woraus ein Frauenzimmer erlernen kann, glücklich und vernügt zu leben*. Wien: Gedruckt bey Joh. Thomas Edlen v. Trattnern, K.K. Hofbuchdr. und Buchhändlern, 1769

История

- ♦ [Pernin des Chavanettes]. *Discours sur l'histoire des Juifs, depuis le commencement du monde jusqu'à la destruction de Jerusalem par les Romains, pour faciliter aux jeunes personnes de l'un & de l'autre sexe l'intelligence des figures de la Bible & de l'Histoire Sainte*. Par Mr. P. D. Vienne: chez Jean-Thomas Trattner, imprimeur et libraire de la cour, 1763

Театр, балет, драматургия

- ♦ Klemm, Christian Gottlob (1736–1811). *Die Heurath wider die Mode: ein Lustspiel von drey Aufzügen*. Wien, gedruckt bey Joh. Thomas Edl. von Trattnern, 1767;

- ♦ Du Buat-Nançay, Louis-Gabriel (1732–1787). *Charlemagne, ou le triomphe des loix: tragedie*. Viennae: Trattner 1767;
- ♦ Noverre, Jean George (1727–1810). *Lettres sur la danse, et sur les ballets, par m. Noverre, maitre des ballets de son altesse serenissime monseigneur le duc de Wurtemberg, & ci-devant des theatres de Paris, Lyon, Marseille, Londres, &c. À Vienne: chez Jean-Thomas de Trattnern, libraire et imprimeur de la cour, 1767*

**Книги, поставлявшиеся из Петербургской Академии наук
И.Т. Траттнеру в Вену:**

- ♦ Старые «Комментарии Петербургской Академии наук» (13 томов) [Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т.1 (ad annum 1726) — 14 (ad annos 1744/46). Petropoli [St. Petersburg], typis Academiae, 1728–1751. 4];
- ♦ Новые «Комментарии» (10 томов) [Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. Т.1 (ad annum 1747) — 20 (ad annos 1775). Petropoli [St. Petersburg], typis Academiae, 1756–1776. 4°];
- ♦ Сочинения М.В. Ломоносова: «Рассуждение о твердости и жидкости тел» (СПб., 1760; на лат. яз.), «Слово о пользе химии» (СПб., 1751), «Слово о явлениях воздушных» (СПб., 1753), «Рассуждение о большей точности морского пути» (СПб., 1759; параллельно на русском и латинском языках), «Слово о рождении металлов от трясения земли» (СПб., 1757);
- ♦ Salchow Ulrich Christophor (1722–1787). *Explicatio separationis auri ab argento per aquam fortem factae et modi vilioris haec duo metalla a se inuicem segregandi*. Petropoli: sumtibus Academiae Scientiarum Imperialis, 1755. 19 p., 4° [Исследование академика Ульриха Христофора Сальхова о разделении золота и серебра при помощи азотной кислоты];
- ♦ Lomonosov Michail Vasilievich (1711–1765). *Meditationes de solido et fluido ...; praelectae in Academia scientiarum Petropolitanae conventu publico, die 6. Sept. A. 1760*. Petropolis, 1760. [Рассуждение о твердости и жидкости тел. СПб., 1760];
- ♦ Lomonosov Michail Vasilievich (1711–1765). *Oratio de generatione metallorum a Terrae motu*. Petropoli [St. Petersburg], typis Academiae, [1757]. [«Слово о рождении металлов от трясения земли» (СПб., 1757)];
- ♦ Euler, Leonhard (1707–1783). *Mechanica sive Motus scientia analytisis...* Petropoli, ex typographia Academiae Scientiarum, a. 1736 Т.1–2, 4° [Эйлер Л. Механика. СПб., 1736];
- ♦ Linné Carl (1707–1778). *Disquisitio de quaestione ab Academia Imperiali Scientiarum Petropol. in annum MDCCLIX pro praemio proposita: sexum*

- plantarum argumentis et experimentis novis, praeter adhuc iam cognita, vel corroborare, vel impugnare, praemissa expositione historica et physica omnium plantae partium, quae aliquid ad foecundationem et perfectionem seminis et fructus conferre creduntur ab eadem academia die VI. Septembris MDCCLX in conventu publico praemio ornata. Petropoli; Academia Scientiarum, 1760; 30 S., 4° [Линней Карл. О роде растений. СПб., 1760];
- ♦ Sammlung Russischer Geschichte. [Bd.1]-9. SPb., 1732–1764. [«Собрание русской истории». С 1732 года Г.Ф. Миллер стал выпускать сборник статей, касающихся России, это было первое продолжающееся издание, знакомившее иностранцев с российской историей];
  - ♦ Крафт Г.В. (1701–1754). Руководство к математической и физической географии, со употреблением земного глобуса и ландкарт, вновь переведённое [А.М. Разумовым] с примечаниями Фр. Ульр. Теод. Эпинуса. Изд.2-е. СПб., при Имп. Акад. наук, 1764;
  - ♦ Model, Johann Georg (1711–1775). Chymische Nebenstunden. St. Petersburg, 1762–1768. 2 тт. [Модель И.Г. Химические опыты];
  - ♦ Beckenstein, Johann Simon (1648–1742). Kurtze Einleitung zur Wappenkunst, und zur Art des Blasonirens: in deutlichen Exempeln gezeigt und in drey Sprachen deutsch, französisch, und lateinisch erkläret. St. Petersburg: Kayserl. Academie d. Wissenschaften, 1731. [Бекенштейн И.С. Введение в геральдику];
  - ♦ Klein, Jacob Theodor (1685–1759). Lucubratiuncula subterranea prior de lapidibus macrocosmi proprietatibus. Petropoli: Typis Acad. Scientiarum, 1758 [Клейн И.Т. О камнях макрокосма];
  - ♦ Klein, Jacob Theodor (1685–1759). De terris et mineralibus. Petropoli: Typis Acad. Scientiarum, 1760 [О Земле и минералах];
  - ♦ Klein, Jacob Theodor (1685–1759). Dubia circa plantarum marinarum fabricam vermiculosam cum tribustabulis. Petropoli: Typis Acad. Scientiarum, 1760 [О морских растениях];
  - ♦ Euler Leonhard (1707–1783). Institutionum calculi integralis. Petropoli, 1768. Vol. 1. [Интегральное исчисление];
  - ♦ Euler Leonhard (1707–1783). Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie. SPb., 1768. Vol.1. 1768 [Эйлер Л. Письма о разных физических и философических материях. Ч.1. СПб., 1768].

Из приведённого перечня видно, что между Петербургом и Венной шёл интенсивный книгообмен научной литературой, в равной степени важный и полезный для обеих сторон. Россия ко второй половине XVIII века перестала быть лишь потребителем передовых научных идей, распространяемых в Европе, её столица сама превра-

тилась в центр европейской науки и культуры, доказательством чему служит встречный поток научной литературы из Петербурга в европейские столицы и на книжные ярмарки, об этом же говорит и книгообмен с венским издателем Траттнером, который при императрице Марии Терезии был в Австрии монополистом в деле выпуска учебной литературы, которая была, таким образом, унифицированной на всей территории страны. Австрийская система народного образования была одной из лучших в Европе, вот почему императрица Екатерина II впоследствии пригласила серба Ф.И. Янковича де Мириево, уже снискавшего успех в устройении народных школ в Австрийской империи, и проводила в жизнь издание единых учебников для учреждаемых народных училищ в России.

Следует отметить, что книги, изданные Траттнером, поставлялись не только в Петербургскую Академию наук, но позднее, в 1770-х годах, и в библиотеку самой Екатерины II, а также в библиотеки её фаворитов. В середине XIX века в Императорскую публичную библиотеку была передана часть книг из эрмитажных книжных сокровищ. Многие из них находятся в настоящее время в Иностранном книжном фонде Российской национальной библиотеки. Среди них, роскошно переплетённых и снабжённых эрмитажным экслибрисом, встречаются и книги, напечатанные в типографиях этого крупного австрийского издателя.

Издания И.Т. Траттнера из Эрмитажной библиотеки, ныне находящиеся в РНБ⁸:

- ♦ Gedanken vom Gelde und von der Handlung nebst einem Vorschlage dem Geldmangel in Schottland abzuhelpfen. Aus dem Engl. übers. Wien, Prag und Triest: Trattner, 1758. 442 S. 8° [Соображения о денежном обращении и торговле в Шотландии];
- ♦ Bob, Franz Joseph. Anleitung zur deutschen Rechtschreibung. Wien; Trattner; 1768; 104 S. 8° [Руководство по немецкому правописанию];
- ♦ Scheyb, F.C. von; Ficher L. Vindobona Romana das ist die Stadt Wien in Österreich vor und zu Zeiten der alten Römer. Wien: Trattner, 1766. 190 S., 8° [Описание Вены до и во времена древних римлян];
- ♦ Abriss akademischer Vorlesungen über die synchronistische Universalhistorie zum Leitfaden seiner Zuhörer: in zweenen Teilen/Hrsg. v. Gregorius Gruber. Wien: Trattner, 1777–1780.1. Theil.1777. [3] Bl., 371 S. 8° [Синхронистические таблицы по всеобщей истории];

---

⁸ Благодарю ведущего библиотекаря Иностранного фонда РНБ Сергея Викторовича Королёва за помощь в поиске этих изданий.

- ♦ Alter, Franz Karl. Bibliographische Nachrichten von verschiedenen Ausgaben orientalischer Bibeltex-te und der Kirchenväter. Wien: Trattner, 1779. [2] B., 222 S., [2] Bl., 8° [Библиографические сообщения из различных восточных библейских текстов и сочинений отцов церкви];
- ♦ Jacquet, Ludwig Sebastian. Élé-mens de l'histoire d'Allemagne, ou De l'empire d'occident renouvelé par Charlemagne, l'an 800. Vienne: Trattner, 1765. 8° [Начальная история Германии или западной империи, восстановленной Карлом Великим];
- ♦ Sammlung aller Staats-Hof-und Gesandtschaftsschriften auch anderer rechtlichen und historischen Abhandlungen, welche die baierische Erbfolge und den darüber entstandenen Krieg betreffen: mit Anmerkungen einer Gesellschaft von Staatsrechtsgelehrten. Wien: im Verlage bey Johann Thomas Edlen von Trattnern, 1778 [–1781]. Bd. 1. 4° [Собрание документов по государственному и посольскому праву, посольская переписка];
- ♦ Granelli, Carlo; Brabeck, Moritz von. Topographia Germaniae Austriacae; conscripta ... novis accessionibus locupletata. Vindobonae; Trattner; 1759. 4 [Топография Австрии, включая Тироль];
- ♦ La richesse de l'Angleterre; contenant les causes de la naissance et des progrès de l'industrie, du commerce et de la marine de la Grande-Bretagne/ Vienne: Trattner; 1771; 187 S. 4° [Богатство Англии, причины зарождения и успехов индустриализации, коммерции и морского флота Великобритании];
- ♦ Satzungen für das ... zu Prag ... errichtete adeliche weltliche Fräulen-Stift. Wien: Trattner, 1763. 4° [Устав для учреждения светского училища для девочек дворянского сословия];
- ♦ Sprenger J. Bergwerksgeschichte. Wien: Trattner, 1765. 4° [История развития горного дела];
- ♦ Benczur J. Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreichs Hungarn auf Klein oder Roth Reussen und Podolien, und des Königreichs Boheim auf die Herzogthümer Auschwitz und Zator. Wien: Trattner, 1772. 68, 42 S., 4° [Временное распространение законов Венгерского Королевства на Малую или Червонную Русь и Подолию и законов Королевства Богемии на воеводства Аушвиц и Затор].

Как можно убедиться читателю, один перечень заглавий приведённых книг говорит о преобладании чётких государственных интересов, актуальных для екатерининской России: право, образование, финансы, промышленность, экономическое процветание. В них видится преемственность политики Екатерины II и Петра I и находят выражение принципы, заложенные великим реформатором, вздёрнувшим Россию на дыбы.

Крайковский Алексей Викторович
(Санкт-Петербург)

Доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге

Дадыкина Маргарита Михайловна
(Санкт-Петербург)

*Доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург*

«Грунляндские торги»: Монопольные сальные компании от Петра I до Екатерины II (1703–1768)¹

Как странна наша участь: русский силился сделать из нас немцев, а немка хотела переделать нас в русских.

Кн. П.А. Вяземский.

Государыня (Екатерина II) говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, — и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано».

А.С. Пушкин. Анекдоты.

1 июля 1768 года (по ст. стилю) Екатерина II подписала в Петергофе указ, отменивший все виды монополии в области морских промыслов Русского Севера навсегда и открывший эту отрасль эко-

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-18-10255 «Природа и ресурсы в истории России: экономические институты, экспертные сообщества и инфраструктуры».

номики для всех желающих. Тем самым завершилась «эпоха монополий», шесть десятилетий, на протяжении которых правительство пыталось добиться модернизации этой отрасли экономики по европейскому образцу, следуя путём Петра Великого. Летом 1768 года императрица отказалась далее следовать примеру своего великого предшественника. Это решение, как ни парадоксально, позволяет подчеркнуть их связь, которую осознавала и сама Екатерина. В самом деле, отказ от следования путём своего предшественника, несомненно, означает ясное представление о том, что этот путь был намечен и обоснован теми или иными соображениями. Нам представляется, что исследование вопроса о том, каким образом петровская парадигма развития русских морских промыслов была сперва создана, а затем отвергнута, неразрывно связано с рассмотрением истории русских промыслов на Шпицбергене. Этот арктический архипелаг, на наш взгляд, является своего рода ключевой точкой на карте для этой истории. Так или иначе, его образ занимал важное место в текстах, создававшихся в «эпоху монополий»², и в настоящей статье мы рассмотрим практические меры правительства по реализации мер, предложенных в этих текстах, а также их последствия, через призму шпицбергенских промыслов.

К началу XVIII века Шпицберген уже на протяжении долгого времени находился в центре международной экономической деятельности. Вскоре после того, как экспедиция В. Баренца в конце XVI века принесла в Европу первые сведения об этом арктическом архипелаге, изобилие китов в прилегающих к нему водах привлекло внимание ведущих европейских морских держав, и начался так называемый Китобойный период в истории Шпицбергена³. Это было связано с возросшим спросом на ворвань — главный продукт промысла морских млекопитающих, в том числе и китобойного. Э. Бааш отмечал, что после 1619 года использование ворвани значительно расширилось, в частности, «ворвань... сделалась опасным соперником масла, до того времени служившего главным средством освещения»⁴. Кроме

---

² См.: *Крайковский А.В., Дадкина М.М., Лайус Ю.А.* Природные ресурсы Шпицбергена и проекты преобразования русских морских промыслов в XVIII в. // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований. Материалы всероссийского научного семинара 15–16 октября 2015, г. Сургут. Сургут: РИО СурГПУ, 2015. С. 74–94.

³ Более подробно об этом см. напр.: *Хакеборд Л.* Влияние китового и моржового промысла на экологическую обстановку на Шпицбергене // Архипелаг Шпицберген в исторических исследованиях. М., 2006. С. 366–383.

⁴ *Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М., 2013. С. 85.

того, ворвань была сырьём для изготовления мыла, не упоминая менее важные области использования, такие, как кожевенное производство, продукция смазочных материалов и материалов для живописи⁵.

Ещё более увеличился спрос на ворвань благодаря активности биржи. Цены на ворвань при этом испытывали существенные колебания, так же, как и общие размеры добычи и издержки на подготовку промысловых экспедиций. В результате даже при очень впечатляющих уловах китобойные компании далеко не всегда оказывались в прибыли⁶. Тем не менее, на протяжении всего XVII века китобойные экспедиции в Арктику (и в том числе на Шпицберген) за ворванью имели репутацию одной из наиболее важных основ процветания Нидерландов — наиболее передовой экономики того времени.

Трудно с достоверностью указать время, когда русские вошли в число поставщиков ворвани на международный рынок. Уже в конце XVI века голландские купцы вывозили с Русского Севера среди прочих местных товаров и жир морских зверей⁷. По свидетельству И. де Родеса и И. Кильбургера, в XVII веке на Беломорье сбывалось ежегодно около 600 тонн ворвани, полученной из тюленей, добытых «рыбаками, крестьянами и самоедами в Белом море и у... морских берегов», при стоимости тонны в 1,5 рубля⁸. Как установил Б.Г. Курц, тонна, упомянутая де Родесом и Кильбургером, соответствует мерной бочке⁹, и правильно читать не 600, а 6 000¹⁰. Отметим, что 6 000 бочек ворвани — довольно скромный итог по меркам нидерландского рынка этого товара, куда только со Шпицбергена поступало до 20 и более тысяч кварталов (бочка, 238 литров) китового жира¹¹.

В то же время в 1762 году в одном из Всеподданнейших докладов, сохранившихся в архиве А.Р. Воронцова, указывалось, что «Сальный промысел не новый и известен уже от 60 до 70 лет»¹². Вероятно,

---

⁵ *Vries J. de, Woude A. van der.* The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge University Press, 1997. С. 255.

⁶ Там же. С. 257–258.

⁷ См. напр.: *Велуенкамн Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785. М., 2006. С. 29.

⁸ *Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 102.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 34–35.

¹¹ См.: *Vries J. de, Woude A. van der.* *Op. cit.* С. 259.

¹² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 67. Л. 66 об.

с точки зрения государственной машины середины XVIII века промыслы поморов предыдущего столетия не стоило рассматривать всерьёз, и по-настоящему для чиновников сальный промысел в России начался с появлением монопольных компаний, перед которыми государством была поставлена задача по расширению ниши, занимаемой Россией на международном рынке жиров. Шпицберген вполне естественно при этом оказался в центре правительственного внимания. Он должен был стать главным регионом для русского китобойного промысла, развиваемого монопольными компаниями, созданными и контролируемые государственной властью.

Первые проекты создания компаний, контролирующих промыслы Русского Севера с заявленной целью их развития и превращения России в господствующую силу на международных рынках в соответствии с идеями меркантилизма составлялись задолго до Петра¹³. Идея компании как своего рода универсальной организационной структуры для решения поставленных государством экономических задач уже давно признана одной из центральных для петровской экономической политики¹⁴. Тем не менее, многие вопросы, касающиеся организации компаний, реалий их деятельности в качестве одновременно рыночных акторов и правительственных агентов, ещё только предстоит изучить. Здесь отметим только, что практика создания торговых компаний соединяла в себе как характерный для России предыдущего столетия опыт передачи тех или иных экономических предприятий на откуп, так и, несомненно, впечатления, полученные во время Великого Посольства в 1697–1698 годов в Нидерландах, где монопольные компании, поддержанные государством и действующие в его интересах, по-видимому, вполне сочетались с расцветом свободного рынка¹⁵.

Весной 1698 года Пётр получил в Амстердаме проект Бенедикта Небеля, предлагавшего учредить компанию по вывозу рыбы с Кольского полуострова. Небель получил согласие царя, но никаких сведений о практической деятельности компании не имеется. Сохра-

---

¹³ См.: *Бакланова Н.А.* Ян Де-Грон — прожектор в Московском государстве XVII века // Уч. Зап. Ин-та истор. при РАВИОН. Т. IV. М., 1929. С. 111; См. также: *Kotilaine J.T.* Mercantilism in pre-petrine Russia in Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. Routledge, 2005. С. 142–143.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Курс Русской Истории. Кн. 2. М., 1993. С. 550–551.

¹⁵ См.: *Велувенкамп Я.В.* Семейные предприятия и компании-монополисты. Влияние властей на организационные принципы Нидерландской торговли в XVII–XVIII вв. // Россия — Голландия: на перекрёстке мнений. СПб., 2008. С. 88–97.

нившийся текст проекта не содержит никаких упоминаний о Шпицбергене¹⁶, однако впоследствии, в пояснениях к своему новому проекту, поданному в 1729 году, Небель утверждал, что подал в Амстердаме царю идею создать монопольную компанию «для китовой ... и рыбной ловли»¹⁷.

Мероприятия по коренному реформированию всей системы морских промыслов начались в 1703 году. Законодательные акты, изданные в Полном собрании законов Российской Империи, позволяют описать хронологию этих событий примерно следующим образом. Указом от 6 января 1704 года Пётр велел именным указом «всего Своего государства рыбные ловли... все, что ни есть, взять на себя, Великого Государя, и ведать, и отдавать из Ижерской канцелярии дел рыбных ловель откупщикам на оброк с торгу из наддачи»¹⁸, и во главе всего проекта был поставлен А.Д. Меншиков¹⁹. В марте того же года была объявлена перепись всей судоходной инфраструктуры страны («пристани всего Государства... описать... где пристают суды большие и малые») с целью взимания оброка с приходящих судов, в том числе и промысловых²⁰. Наконец, 13 августа было приказано «промыслы сала ворваного, моржевые, тресковые и иных морских зверей, также моржиною, кожами ворваными, которые производимы были вольными людьми, по с сего времени для большего оных размножения и вспоможения торговли отдать их в содержание компании, князю Александру Меншикову, Павлу и Петру Шафировым, Ивану Григорьеву и Степану Копьеву с тем, чтобы тем компанейщикам оный промысел к государственной прибыли умножить, а иным никому не промыслять... а ловцам для того промысла ездить на море по-прежнему вольно»²¹. Передачу монопольных прав в руки компании, таким образом, можно рассматривать как завершение целого комплекса мероприятий по полной перестройке морских промыслов, когда они сперва были полностью поставлены под контроль государства, а уже затем от государства переданы на попечение монополии. Несомненно важная роль в этих событиях А.Д. Меншикова.

Однако изучение документов самой компании позволяет эти датировки скорректировать. Уже в договорном письме о создании ком-

¹⁶ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1698. Д. 1. Л. 1–6.

¹⁷ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 7.

¹⁸ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). С. 232.

¹⁹ Там же. С. 240.

²⁰ Там же. С. 249–250.

²¹ Там же. С. 264.

пании, подписанном в Москве 31 января 1703 года, говорится о том, что «<...> Его Царское величество по имянному своему <...> указу пожаловал губернатора шлиселбурхского и поруччика от гвардии Александра Даниловича Меншикова в компанию промыслом ворвовым, моржевым и прочих морских зверей и сала»²². Таким образом, пожалование монопольных прав состоялось, вероятно, в самом начале 1703 года, и существенное время ушло на практическую организацию перехода промысла под контроль компанейщиков.

Деятельность компании Меншикова, в общем, сводилась к скупке и перепродаже продукции морских промыслов, чем занимались в Архангельске и в Коле её приказчики²³. Компанейщики отправляли также суда на Грумант (в частности, этим занимался направленный в Архангельск шурин П.П. Шафирова С.С. Копьев и племянник Д.А. Соловьёва, одного из ближайших к Меншикову людей, Я. Неклюдов), но результаты, несомненно, были очень далеки от голландских впечатлений Петра, и к 1721 году царь планировал передать монополию компании купца М.Г. Еврейнова. Этот купец имел крупные торги в Астрахани²⁴ и согласился принять монополию с 1 января 1722 года, выдвинув ряд условий, ключевым из которых было освобождение компанейщиков от обязанности развивать китобойный промысел при сохранении права на это, если они пожелают²⁵. На этих условиях и был опубликован указ об отдаче промыслов Еврейнову с сыновьями на 30 лет²⁶, однако в том же году царь переменял своё решение и монополия на сальные промыслы была отменена²⁷. В этой связи был отклонён и очередной монопольный проект, представленный С. Вернизобером. Вместо этого 8 ноября 1723 года был опубликован указ о развитии на казённый счёт китоловного промысла у Шпицбергена²⁸. Так возникла компания, известная в

²² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²³ См. подробнее: *Крайковский А.В., Дадькина М.М.* «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А.Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере. 1704–1721 г. // Меншиковские чтения – 2014: научный альманах. Вып. 5(12). СПб.: XVIII век, 2014. С. 71–77.

²⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 15; см. также: *Юхт А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). М., 1994. С. 69.

²⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.

²⁶ ПСЗ. Т. 6 (1720–1722). С. 447–449.

²⁷ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 12.

²⁸ ПСЗ. Т. 7 (1723–1727). С. 153. Отметим, что текст указа начинается со слов «На проект китовой ловли изъяснение», т.е. он явился результатом обсуждения какого-то проекта, представленного царю кем-то из заинтересованных персон. К сожалению, ни текст, ни автор проекта на данный момент не известны.

литературе как Кольское китоловство²⁹ (хотя в документах встречаются и иные наименования, например, Императорская Гренландская компания³⁰). В это же время правительство предпринимало попытки вновь сформировать компанию из купцов, которая взяла бы на себя как сальные промыслы Севера, так и китобойный промысел, созданный казной, и развивала бы их дальше самостоятельно. Ключевую роль в этих попытках играл П.П. Шафиров, компанейщик ещё Меншиковской компании. После того, как переговоры с купцами не увенчались успехом (П. Шафиров отмечал, что купцы требуют всё больших привилегий для компании и «отговариваются нищетой»³¹), сальные промыслы 2 апреля 1728 года указом Сената были переданы в управление Коммерц-коллегии³², и была образована Казённая сальная компания (казённый сальный промысел), комиссарами которой стали холмогорский купец Никита Крылов и приказчик Семён Акулов, служивший ещё в компании Меншикова³³. В дальнейшем правительство рассматривало деятельность казённого сального промысла, базировавшегося в Архангельске и занимавшегося скупкой и перепродажей продукции традиционных морских промыслов, и деятельность Гренландской компании, базировавшейся в Коле и пытавшейся развивать китобойный промысел у Шпицбергена, как единое целое³⁴, в том числе и в финансовом отношении³⁵. Так, уплатой пошлин с покупки материалов для китобойных кораблей занимался именно комиссар сального промысла С. Акулов, а не директора китобойной компании С. Вернизобер и Я. Неклюдов³⁶.

В 1729 году, в связи с убыточностью Кольского китоловства (но не сальной монополии, которая как раз приносила прибыль), в Сенате было предложено отделить китобойный промысел от скупки ворвани и отдать эту деятельность в компанию желающим «хотя с каким-нибудь награждением»³⁷. При этом обсуждался упомянутый

---

²⁹ Директорами компании стали С. Вернизобер и Я. Неклюдов. После двухлетней подготовки корабля компании, вышли к Шпицбергену, где без всякого успеха пытались бить китов на протяжении 1726–1729 гг. (См.: *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово промышленном отношении. СПб., 1890. С. 185).

³⁰ SARAN, Mar, 2 JJ 72, 11. Сообщено Д. Гузевичем.

³¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 22–22 об.

³² Там же. Л. 23.

³³ См., напр.: ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

³⁴ См., напр.: ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). С. 24–27.

³⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 27–28.

³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–2.

³⁷ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 23.

выше очередной проект устройства новой компании, предложенный через А.И. Остермана тем же Б. Небелем, уже пытавшимся получить монопольные права от Петра I в 1698 году, а теперь обещававшего завести «для ловли грунландских китов и другой коммерции» 25 больших кораблей³⁸. Проект Небеля долго обсуждался, и в феврале 1733 года был отослан для рассмотрения в Коммерц-коллегию³⁹, но одобрения, видимо, не получил, во всяком случае остался без последствий.

В конечном итоге, тресковые промыслы (включая приготовления жира трески) были по определению Сената от 2 апреля 1730 года «уволены в народ»⁴⁰, а промысел сала морских зверей остался в монопольном владении. В том же году сыновья М.Г. Еврейнова подали прошение об отдаче им монополии на 30 лет на тех же условиях, на которых она была передана их отцу⁴¹, мотивируя свою просьбу тем, что в вольном содержании промысел приходит в упадок⁴². При этом братья требовали освободить их от обязательств по развитию китобойного промысла⁴³. Указом Сената от 27 января 1731 года было определено, что поскольку сальный промысел приносит прибыль, то содержание и развитие убыточного китоловства на Груманте также должно войти в обязанности компанейщиков, причём им надлежит заботиться, чтобы хотя бы один корабль ежегодно отправлялся к Шпицбергену⁴⁴. В таком виде указ и был опубликован.

В феврале 1734 года П.П. Шафиров бил челом Анне Иоанновне, утверждая, что Еврейновы не заботятся о развитии промысла,⁴⁵ и по указу от 4 апреля 1734 года монополия была передана в его руки⁴⁶. В условиях этой передачи так же, как и у Еврейновых, значилось обязательство развивать Гренландский китоловный промысел⁴⁷. После смерти Шафинова, в 1739–1741 годах, промыслы находились в руках Генерал-берг-директора К.А. Шемберга, в 1742–1747 — в руках казны, с 1748 года и до своей смерти в 1762 году Сальные промыслы

³⁸ См.: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–6.

³⁹ Там же. Л. 31 об.

⁴⁰ Там же. Л. 11.

⁴¹ Там же. Л. 15–17.

⁴² Там же. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 16.

⁴⁴ Там же. Л. 11 об.–12. См. также: ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). С. 374.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 307. Л. 4–5.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 9 (1733–1736). С. 516.

⁴⁷ Там же. С. 517.

держал под контролем П.И. Шувалов⁴⁸. Любопытно, что переход монополии всегда сопровождался определёнными сложностями и был результатом придворных интриг. Так, П.И. Шувалов, как следует из сохранившихся документов, вынужден был конкурировать за право получить монополию с Я. Еврейновым, требовавшим выполнить условия договора, заключённого ещё в 1731 году И. Шафировым, сыном П.П. Шафирова, также претендовавшим на продолжение дела отца⁴⁹. П.И. Шувалов в результате, чтобы склонить Елизавету Петровну к передаче монополии именно ему, был вынужден действовать через А. Бестужева-Рюмина, прибегнувшего к помощи В. Чулкова и А.Г. Разумовского⁵⁰. Более того, П.И. Шувалову удалось даже избавиться от обязательств по развитию китобойного промысла, оставив за собой только прибыльную перепродажу ворваного сала⁵¹.

После смерти П.И. Шувалова вновь встал вопрос о судьбе сального промысла. В мае 1768 года Архангельский губернатор Е. Головцын подал промеморию о взятии сального промысла в казённое содержание на тех же условиях, какие были предоставлены Шувалову. Передача промысла в вольное содержание, по мнению Головцына, грозила его полным упадком, в то время как казённая монополия могла не только обеспечить процветание, но и возобновить на получаемые доходы китоловный промысел у Шпицбергена, создав китобойную базу в Коле⁵². В конечном итоге, 5 июня 1768 года Екатерина II распорядилась обсудить проект Головцына в Комиссии о Коммерции⁵³. Через 2 дня Промемория Головцына была заслушана⁵⁴, и Комиссия совместно с Коммерц-коллегией высказались за полную отмену монополий, рекомендовав сделать этот промысел свободным навсегда⁵⁵. Это обсуждение знаменовало смену экономического мировоззрения. На место меркантилизма пришли идеи физиократов. Именно в этом духе высказалась Комиссия о коммерции, требуя заботиться не столько о прибылях казны (на чём настаивал Головцын), сколько на развитии внутреннего рынка и промыслов как таковых.

⁴⁸ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 188.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 307. Л. 5 об.—8 об.

⁵⁰ См.: там же. Л. 17.

⁵¹ Там же. Л. 9—9 об.

⁵² Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 3—26.

⁵³ Там же. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Л. 39.

⁵⁵ Там же. Л. 63 об.

В результате, как уже было сказано, 1 июля 1768 года Екатерина II в Петергофе подписала указ об отмене монополий, закрепив при этом на 10 лет за купечеством гор. Архангельска исключительно право на вывоз ворвани за границу⁵⁶. Впоследствии эта привилегия была продлена ещё на 10 лет указом от 24 апреля 1778 года⁵⁷.

Что касается Гренландского китобойного промысла, то его развитие было выделено в самостоятельный проект, никак не связанный с прочими сальными промыслами. В октябре 1768 года было объявлено о том, что все желающие могут подавать на имя Императрицы проекты развития китоловства⁵⁸. В целом после 1768 года промыслы на Груманте перестали быть частью правительственного курса. С уходом в прошлое идей меркантилизма монопольные компании больше не рассматривались как инструмент решения правительственных задач в области экономики.

Подводя итоги краткому очерку правительственных мероприятий, можно выделить несколько групп акторов, действовавших на различных уровнях. Так, в проблему развития русских промыслов на Шпицбергене оказались вовлечены представители высших кругов общества, в том числе и правительственные чиновники высокого уровня, претендовавшие на владение монополиями, авторы проектов, служащие монопольных компаний (как русские, так и иностранцы), наконец, сами промышленники, представлявшие крестьянство и посадское население Русского Севера.

В текстах проектов по организации монопольных компаний общим местом являлись фразы в духе того, что ресурсами Россия богата, и надо лишь научиться управлять ими правильно, взяв за основу европейский опыт и полагаясь на Божье благословение. Однако, что же это означало на практике? Риторика проектов должна была вовлечь правительственных акторов в круг совершенно определённых образов — суда европейской постройки, обученные на европейский манер команды, привезённые из Европы инструменты и последующая экспансия на европейские же рынки. Декларации — декларациями, но практические шаги, которых требовали создатели монополий, выдают их стремление в первую очередь быстро получить прибыль от перепродажи продуктов вполне традиционных для поморов промыслов. Кроме того, они желали получить освобождение от уплаты пошлин — если уж не всех, то хотя бы некоторых. Все эти правительственные благодеяния должны были в перспективе по

---

⁵⁶ Там же. Л. 67.

⁵⁷ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 729. Л. 1.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 75–75 об.

плану как-то окупиться за счёт развития в России совершенно новой индустрии европейского образца.

Изучение и сравнение практик освоения Шпицбергена силами компаний, ориентировавшихся на опыт европейских китобоев, и силами крестьян-поморов, позволяет прийти к общим выводам относительно решающих различий между этими двумя подходами, много объясняющих в данной заочной дискуссии. Для европейских технологий ключевым словом было «концентрация». В капиталах компаний концентрировались большие деньги, которые затем инвестировались в строительство больших и дорогих кораблей и наём высокооплачиваемых специалистов. Эти недёшево обходившиеся команды, сконцентрированные на борту китобойных судов, выходили в море с тем, чтобы убивать китов — гигантских животных, концентрировавших в своём теле огромные запасы жира. В случае успеха добыча была велика, но в случае неудачи столь же велики были и убытки. Опыт Кольского китоловства ясно демонстрирует финансовые последствия неизбежных в суровых водах Шпицбергена потерь отдельных судов.

В то же время для поморов ключевым словом была «устойчивость». Они формировали маленькие охотничьи артели и отправлялись в путь на дешёвых судах местного производства, требовавших минимума инвестиций. Они не искали возможности одним ударом убить кита и получить много ворвани, но полагались на использование нескольких популяций, состоявших из многочисленных, хотя и сравнительно небольших, животных. Этот подход обеспечивал сравнительно устойчивый промысел, когда каждая индивидуальная экспедиция могла закончиться неудачно, и даже трагически, но в целом уровень добычи ворвани оставался сравнительно устойчивым (хотя в абсолютных значениях никогда даже близко не подходил к достижениям голландских китобоев). Решение Екатерины II в этой связи можно рассматривать как признание за поморскими промыслами, так или иначе, жизнеспособности и эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог «эпохи монополий» как истории своего рода переключки двух великих монархов, следует отметить ряд, на наш взгляд, существенных моментов. Во-первых, как Пётр, так и Екатерина, рассматривают поморов исключительно как объект правительственных забот. В текстах источников нельзя обнаружить ни малейшего стремления поинтересоваться мнением местных жителей, тех, кому, собственно, и предстоит бить китов, завоёвывать рынки и переуст-

раивать свою жизнь на европейский лад. Во-вторых, отказ от монополий в 1768 году никак не означал отказа от самой по себе идеи модернизации и европеизации морских промыслов. В целом вся эта история, безусловно, должна рассматриваться именно в контексте представлений о Европе, «европейскости» и европейских практиках. Если для Петра делать «как в Европе» означало жёсткое администрирование, направленное на реализацию идей меркантилизма, то для Екатерины то же самое выражалось в раскрепощении сил свободного рынка и следовании путём физиократов. К концу XVIII века стало очевидно, что и эти методы не привели к успеху. Стихия традиционной, вечной материальной жизни северных крестьян — те самые «неисчислимы́е действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности»⁵⁹ — поглотила правительственные усилия практически без следа.

---

⁵⁹ *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 13.

НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Масса-Эстева Мария Роса

(Испания)

*Профессор математического факультета
Каталонского политехнического университета*

Санкт-Петербургская Академия наук от Петра I до Екатерины II: Леонард Эйлер¹

ВВЕДЕНИЕ

Основание Петербургской Академии наук и художеств² заняло у Петра I (1672–1725) не один год. План её создания созрел у него к моменту его путешествия Европу в 1716–1717 годах. Одной из задач заграничных поездок Петра было знакомство с идеями и изобретениями европейского Просвещения, и во время своих визитов в Европу он посещал не только Нидерланды, но и Лондонское Королев-

---

¹ Перевод с англ. М.В. Бадхен.

² Библиографию по истории основания Академии наук в Петербурге см. в работах: *Schulze L.* The Russification of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts in the eighteenth century // *British of Journal of History of Sciences*. Vol. 18. 1985. P. 305–335; *Gordin M.D.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. Vol.91, n°1. 2000. P. 1–31; *Gouzévitch I., Gouzévitch D.* Introducing mathematics, building an empire: Russia under Peter I // *The Oxford Handbook of the History of Mathematics* / Ed. by *Robson E., Stedall J.* Oxford: Oxford university press, 2008. P. 353–373.

ское Общество (1698) и Парижскую Королевскую Академию Наук (1717), где 22 декабря 1717 (н. ст.) он был избран «*associé étranger hors de tout rang*» («ассоциированным иностранным членом сверх рангов»). Ещё одним источником идей, на основе которых Пётр решил строить свою академию, стала Берлинская Академия Наук, основанная в 1700 году Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716)³. И Лейбниц, с которым Пётр поддерживал контакт, и Берлинская Академия оказали на него огромное влияние, и именно последнюю он взял за образец во всем, что касалось исторических и филологических наук. Восхищение российского монарха Лейбницем было взаимным, и уже позже отбор кандидатов в академики Петербургской Академии происходил на основе совета ученика Лейбница, Христиана Вольфа (1679–1754).

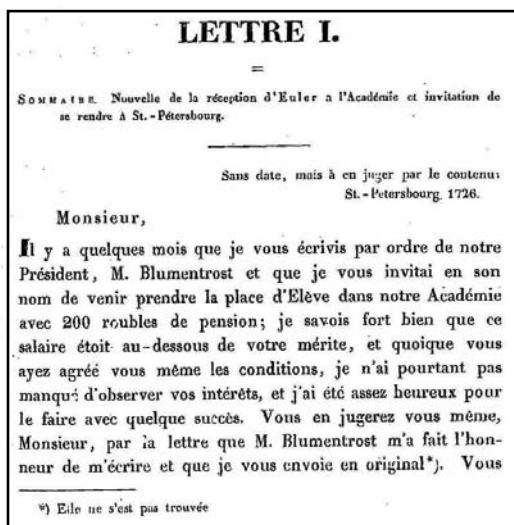
Проект-положение о создании Академии был представлен 13 (24) января 1724 года. 22 января (ст. ст.) документ получил одобрение Сената, и уже 28 января (ст. ст.) на его основе был издан указ «Об учреждении Академии...»⁴. Согласно проекта Академия должна была состоять из трёх классов (отделений): первый включал математику, механику, астрономию, географию и навигацию; второй — все части естествознания, в том числе экспериментальную и теоретическую физику, химию, анатомию, ботанику; третий класс объединял гуманитарные науки, включая элоквенцию (риторику), исследования античных древностей, древнюю и современную историю, право, экономику и политику.

Как следовало из проекта, главной целью новой академии было «здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и распложение оных польза в народе впредь была»⁵. Иначе говоря, в её задачи входило не просто передавать знания, но также их создавать и расширять.

³ С 11 июля 1700 г. — Научное общество курфюрста Бранденбургского» (Kurfürstlich Brandenburgische Societät der Wissenschaften); после января 1701 г. — Прусское королевское научное общество (Königlich Preußische Societät der Wissenschaften); с 1744 г. — Королевская академия наук (Königliche Akademie der Wissenschaften). — *Прим. ред.*

⁴ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ) Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 7 (1723–1727). № 4443 от 28.1.1724. С. 220–224.

⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук / [Подг. М.И. Сухомлинов]. Т. 1: 1716–1730. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. С. 15. (См. также: *Shaw D.J.B. Utility in natural history: Some eighteenth century Russian perceptions of the living environment // Studies in the History of Biology. Vol.2, n°4. 2010. P.35–50.*)

Илл. 1. Письмо-приглашение Эйлеру от Даниила Бернулли. 1726.

Сам Пётр I рассматривал механику, математику, астрономию и химию как инструменты для строительства кораблей, каналов и доков, а также как средства, способствующие навигации, артиллерии, строительству шахт и развитию здравоохранения.

По мысли Вольфа, проект включал в себя предложение о том, чтобы при Академии существовал университет с тремя факультетами — юридическим, медицинским и философ-

ским. Таким образом, члены Академии должны были не только заниматься исследованиями, но и преподавать. Университет был связан с Академией до 1747 года. Частью Академии была и академическая гимназия, в задачи которой входила подготовка молодых людей к учёбе в университете.

Пётр I предложил выплачивать академикам достаточно высокое жалование, чтобы те могли вести спокойный образ жизни. Со временем на Васильевском острове для Академии было построено здание с лабораториями, библиотекой, музеем, конференц-залом, анатомическим театром, мастерскими и помещениями для кафедр (илл. 1).

В состав Академии входило 84 человека: 17 академиков, которые одновременно были профессорами; 1 адъюнкт; 1 мастер астрономических инструментов; 1 шпрах-мастер; 11 студентов; 7 гравёров, 6 переводчиков; 3 библиотекаря; 7 типографских наборщиков; 8 неофициальных студентов; 10 сотрудников Академии и 10 членов обслуживающего персонала. Академикам надлежало еженедельно встречаться для представления и обсуждения научных тем. Эти встречи происходили в 4 часа дня по четвергам и пятницам. Результаты своих исследований они публиковали в журнале Академии *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*.

Пётр I умер 28 января по старому, т.е. 8 февраля по новому стилю 1725 года, и всего несколько месяцев спустя, 20 ноября (1 декабрь)

1725, его вдова, Екатерина I, направила в Сенат указ «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Л.Л. Блюментроста». Указ был получен Сенатом 7 (18) декабря⁶.

ВКЛАД ЭЙЛЕРА В РАЗВИТИЕ НАУКИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АКАДЕМИИ

Леонард Эйлер (1707–1783)⁷ родился 15 апреля (н. ст.) в городе Базель в семье швейцарских кальвинистов — и его дед, и его отец были пасторами. Когда мальчику исполнилось 13 лет, он поступил в университет Базеля, где изучал математику под руководством Иоганна Бернулли (1667–1748)⁸. В апреле 1727 года, в возрасте 20 лет, Эйлер покинул Базель и по приглашению Лаврентия Блюментроста (1692–1755) отправился в Санкт-Петербург, чтобы стать одним из членов недавно открытой Академии Наук (*илл. 2*).

Дорога Эйлера в Петербург была длинной. Сначала он заехал во Франкфурт, а затем в княжество Гессен-Кассель, где в Марбурге посетил Вольфа, который сказал ему: «Вы вступаете в рай для учёных»⁹. В Петербург Эйлер прибыл 12 (23) мая 1727 года. Несмотря на то, что изначально он был приглашён на должность адъюнкта по кафедре физиологии, его тут же назначили адъюнктом секции математики, а в 1731 году он сменил Георга Бернгарда Бильфингера (1693–1750) на должности профессора физики. Позже, в 1733 году, Эйлер стал профессором математики, получив место, которое до него занимал Даниил Бернулли (1700–1782).

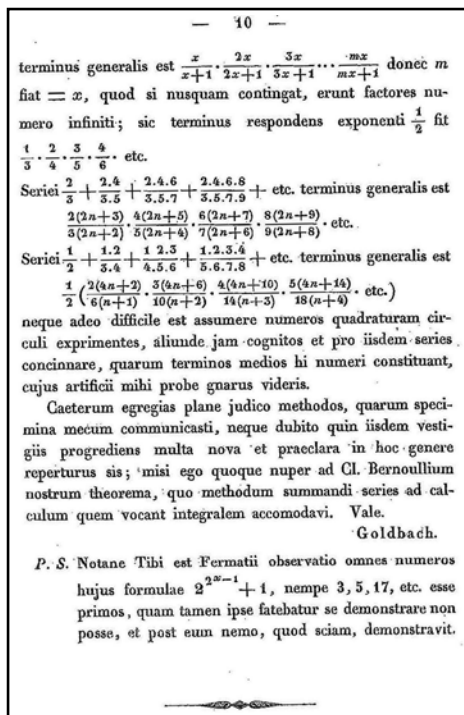
В числе академиков, прибывших в Академию в период между июнем и декабрём 1725, были Якоб Герман (1678–1733), Жозеф-Никола Делиль (1695–1726), Даниил Бернулли, Кристиан Гольдбах (1690–1764) и Фредерик Кристоф (1697–1729). Предполагалось, что петербургские академики будут ежегодно делать несколько сообщений на

⁶ ПСЗ. Т. 7 (1723–1727). № 4443 от 7.12.1725. С. 553–554.

⁷ Использованы биографические данные из: Euler Leonhard / *Youschkevitch A.P.* // Dictionary of Scientific Biography / Ed. Gillispie C.C. Vol.4. New York: Charles Scribner's Sons, 1971. P. 467–484; *Calinger R.* Leonhard Euler: mathematical genius in the Enlightenment. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016. XVII, 669 p.

⁸ Отец Леонарда, Пауль, изучал математику под руководством Якоба Бернулли (1655–1705), старшего брата Иоганна. По вечерам в субботу Иоганн проводил для Леонарда Эйлера часовые индивидуальные занятия. Иоганн рекомендовал Эйлеру лекции и отвечал на вопросы, касавшиеся понятий и методов решения задач.

⁹ *Calinger R.* Op. cit. P. 39.

Илл. 2. Письмо Эйлеру от Гольдбаха. 1729

конференциях, проводившихся в Академии два раза в неделю. Конференции проходили в живой, а иногда даже горячей дискуссионной атмосфере. Диапазон обсуждавшихся тем был очень широк — от формы Земли до подтверждений веры Декарта, Ньютона и Вольфа в существовании жизни на Луне. Во время первой встречи, например, академики обсуждали физические теории Лейбница и Вольфа. Во всех дискуссиях Эйлер принимал активное участие, и им было написано множество отчётов об этих конференциях.

Эйлер получал огромную пользу от отношений с такими академиками, как Герман¹⁰, изучавший и решавший важные задачи математического анализа и разра-

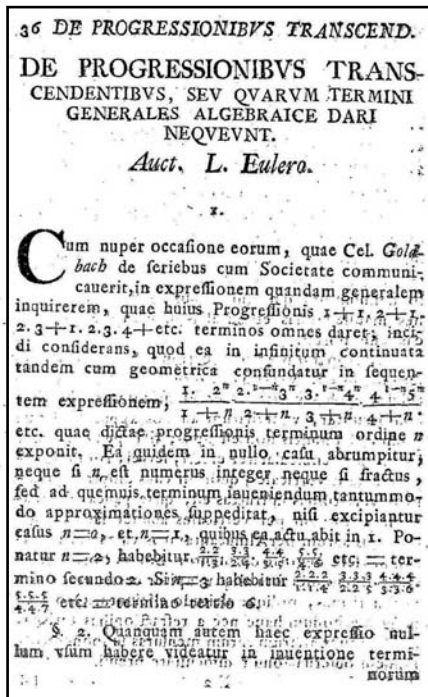
батывавший дифференциальные уравнения для механики. Собственно говоря, в своей *Форономии* (1716) Герман попытался применить математический анализ к механике твёрдых тел и жидкостей. В Академии Германа называли *professor primarius et matheseos sublimioris* (профессор начальной и высшей математики). Он познакомил Эйлера с такими широко обсуждавшимися естественнонаучными темами эпохи Просвещения как исследования природы тепла и огня. Хорошим другом Эйлера стал и Даниил Бернулли, с которым они плодотворно сотрудничали в области физических и математических исследований. На самом деле, работа Беннулли *Hydrodynamica* (*Гидродинамика*; 1738) была первым в то время точным анализом жидкости, протекающей через отверстие в сосуд. Гольдбах, ещё один друг Эйлера, всячески способствовал тому, чтобы тот занялся теорией

¹⁰ Герман был членом Королевского Бранденбургского общества в 1701 и преподавал в университетах Падуи и Франкфурта-на-Одере.

чисел. В переписке Гольдбаха и Эйлера существует около 200 писем, в которых они обсуждают и анализируют задачи, относящиеся к этой области. В конце письма, датированного 1729 годом, например (илл. 3), Гольдбах предлагает Эйлеру доказать гипотезу Ферма: «Знакомы ли Вы с гипотезой Ферма, что все целые числа $2^{2n-1} + 1$, то есть, 3, 5, 17, и так далее, являются простыми? Он не говорил, что может это продемонстрировать, и, насколько мне известно, никто другой не смог это доказать».

Кроме того, Делиль, французский астроном и географ, уговорил Эйлера участвовать в работе астрономической обсерватории. Этой работе Эйлер посвятил много времени и внимания. В 1729 году он изучал различные гипотезы о природе северного сияния.

Эйлер оставался в Санкт-Петербурге до 1741 года¹¹. В тот год регентом стала Анна Леопольдовна, и Эйлер, имевший статус иностранца и обеспокоенный своим будущим, принял приглашение прусского короля Фридриха II Великого стать членом Берлинской академии наук, хотя по существу продолжал работать в обеих академиях, Петербургской и Берлинской. Всё время своего пребывания в Берлине Эйлер оставался членом Петербургской академии наук и продолжал публиковать исследования в журнале *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*. Он участвовал в обуче-

Илл. 3. Первая страница работы «Трансцендентные последовательности; т.е. такие, общие члены которых не могут быть выражены алгебраически». 1729

¹¹ За это время произошли два важных события: во-первых, в конце 1733 он женился на Катарине Гзель, дочери швейцарского художника Георга Гзеля, с которой у них было 13 детей (пятеро из них умерли в детстве). Во-вторых, в 1738 г. Эйлер ослеп на правый глаз.

нии российских учёных и распространении трудов российских студентов и членов российской Академии. В письме, написанном в 1749 году, он упоминает важную роль, которую играла Академия в жизни своих членов: «...я, как и все те, кому выпало счастье какое-то время быть связанным с Российской Императорской Академией, не можем не признать, что всем, что у нас есть и всем, что мы из себя представляем, мы обязаны благоприятным условиям, которые были нам там предоставлены»¹².

Когда в 1766 году по приглашению Екатерины II (1729–1796), продолжательницы дела Петра I, Эйлер снова вернулся в Санкт-Петербург, чтобы жить здесь до самой смерти, его встречали с большими почестями. Эйлер вернулся в сопровождении своих троих сыновей, один из которых, Иоганн Альбрехт, тоже стал академиком, заведующим кафедры физики, и в 1769 году был назначен на постоянную должность секретаря Академии. Однако вскоре после того, как Эйлер вновь обосновался в Санкт-Петербурге, он почти полностью ослеп. Он совсем не мог читать и писал большими буквами мелом на доске. Однако, несмотря на слепоту, своей научной деятельностью он не прекращал. Эйлер обладал феноменальной памятью, а кроме того у него было много помощников в лице собственных детей, последователей и некоторых из приглашённых академиком. Нередко он диктовал свои труды, но большую часть времени посвящал развитию своих идей и участию в научных обсуждениях с помощью таблиц и примеров.

В последний день своей жизни Эйлер провёл урок математики со своими внуками, затем какое-то время занимался вычислениями на доске, а позже, во время встречи с Лекселем и Фуссом, обсуждал с ними недавно открытую планету Уран. В пять часов вечера он сел и сказал: «Я умираю». В семь часов вечера того же дня — а было это 7 (18) сентября — знаменитый учёный скончался.

Говоря о печатных трудах Эйлера, необходимо отметить, что его считают одним из самых плодовитых математиков в истории. Его *Opera omnia* (Полное собрание сочинений) насчитывает 70 томов, то есть, около 25 000 страниц, и качество его трудов ничуть не уступает их внушительному количеству. В первый период своего пребывания в Санкт-Петербурге¹³ он занимался бесконечными рядами, как в бета-функции Эйлера: *De progressionibus transcendentibus seu quarum termini generales algebraice dari nequeunt* (О последовательностях трансцендентных, то есть таких, чьи общие члены не могут быть выраже-

---

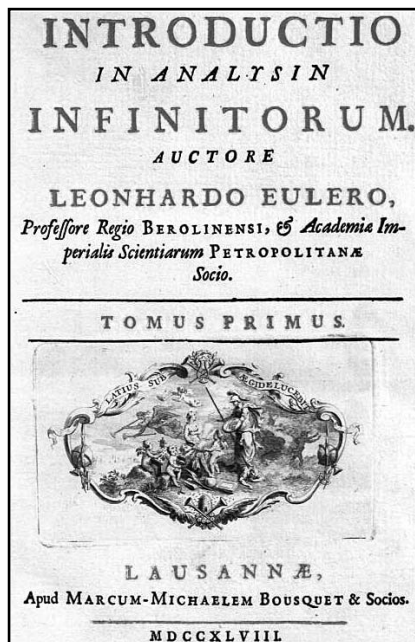
¹³ Подробнее об этом см.: Calinger R. Leonhard Euler: The First St. Petersburg Years (1727–1741) // *Historia Mathematica*. Vol.23. 1996. P.121–166.

ны алгебраически; 1729, E019)¹⁴ (илл. 4), сложением бесконечных рядов (1735, E047) и Базельской задачей (1735, E04).

В те же годы он опубликовал два тома, посвящённых механике: *Mechanica sive motus scientia analytice exposita* (Механика, или наука о движении, изложенная аналитически; 1736, E015-E016) и решил задачу о семи кенигсбергских мостах¹⁵. Собственно говоря, уже в 1741 году Эйлер подготовил 90 работ, 55 из которых были опубликованы и посвящены математике и математической физике. Первые публикации Эйлера, относящиеся к 1727 году, включали в себя три статьи, рассматривающие взаимные траектории в дифференциальной геометрии, таутохроны в механике и упругость воздуха. В 1729 году для своего курса

Calculus differentialis (Дифференциальные исчисления) он подготовил рукопись, которая позже была издана в двух томах *Introductio in analysin infinitorum* (Введение в анализ бесконечно малых; 1748, E101-E102) (илл. 5) и один том, посвящённый основам дифференциальных исчислений *Institutiones calculi differentialis* (1755, E212).

Позже вышла монография, посвящённая вариационному исчислению, *Methodus inveniendi lineas curvas... (Метод нахождения кривых линий...;* 1744, E065) и ещё два тома *Scientia Navalis* (Морская наука; 1749, E110-E111). Во время своего второго петербургского периода Эйлер опубликовал три тома интегральных исчислений, *Institutionum calculi integralis*¹⁶, бóльшая часть которых была закончена ещё в Берлине¹⁷. Кроме того, им была издана *Theory motuum lunae* (Теория

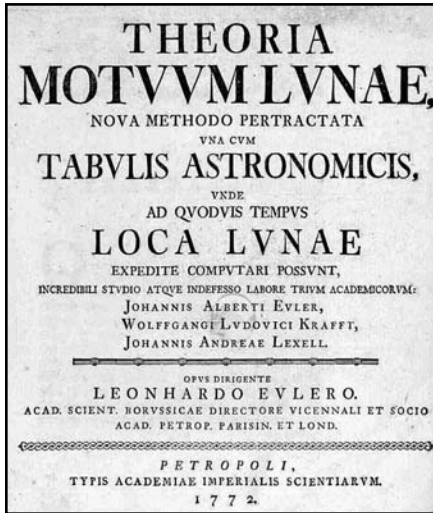
Илл. 4. Обложка книги
«Введения в анализ
бесконечно малых». 1748

¹⁴ E019 и подобные обозначения относятся к публикациям Эйлера он-лайн: <http://www.math.dartmouth.edu/~euler/>.

¹⁵ 1735 – опубликовано в 1741, E053.

¹⁶ 1768–1770, E342, E366 и E385.

¹⁷ Живя в Берлине и чувствуя необходимость материально поддерживать свою семью, Эйлер начал давать частные уроки, материалы которых были

Илл. 5. Титульный лист книги «Теория движения Луны». 1772

движения Луны; 1772, E418). Этот труд на 775 страницах был закончен с помощью сына Эйлера, Иоганна Альбрехта, и при участии Крафта и Лекселя, чьи имена указаны на титульном листе книги.

Крафт помогал Эйлеру и с изданием трёх томов, посвящённых диоптрике, *Dioptrica*¹⁸. Кроме того, в декабре 1776 года Эйлер опубликовал сокращённый вариант своей прежней работы о морской науке, который назывался *Théorie complète de la construction et de la manoeuvre des vaisseaux* (Полная теория конструирования и маневрирования кораблей; E426). Этот

новый труд был переведён на английский, итальянский и русский языки и принёс своему автору существенные суммы денег от российского и итальянского правительств. Помимо этого, Фусс, молодой швейцарец, приглашённый Эйлером, помог ему подготовить к изданию работу *Éclaircissements sur les établissements publics...* (Разъяснение относительно государственных учреждений ...; 1776, E473), оказавшую значительное влияние на развитие страхования. Во времена Эйлера многие компании использовали его методику расчетов и таблицы из этой книги.

Из всего перечисленного становится очевидным, что Эйлер внёс большой вклад в развитие гидравлики, гидродинамики, морской науки, теории чисел, бесконечных рядов, дифференциального и интегрального исчисления, механики, астрономической оптики и много другого. И хотя основное значение его труды имели для чис-

опубликованы в России в виде трёх томов под общим названием *Lettres a une princesse d'Allemagne sur differents question de Physique et de Philosophie* (Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях; первый том был издан в 1768 г., последний — в 1772 г.). Эта работа пользовалась особым успехом и пережила 12 изданий на французском (это был язык оригинала), 9 на английском, 6 на немецком, 4 на русском и 2 на шведском языках. Кроме того, существуют издания на итальянском, испанском и датском языках.

¹⁸ 1769–1771, E367–E386 и E404.

той математики и других математических наук (например, математической физики), Эйлер активно участвовал в проектах, которые российское правительство поручало Академии наук для решения таких технологических задач, как судостроение или составление карт. Вклад Эйлера способствовал открытию новых областей знания, и поэтому с его именем связано введение в науку новых символов, таких как число « e » для обозначения основания натурального логарифма, букву « i » для обозначения комплексных чисел, букву « F » со скобками для обозначения функций. Ему также принадлежат новые определения, новые объекты, новые многочлены (получившие название многочленов Эйлера), эйлеровы интегралы и прямые Эйлера. Однако, возможно, самым важным вкладом Эйлера является его алгебраический анализ, повлиявший на дальнейшее развитие математического анализа.

АЛГЕБРАИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЙЛЕРА¹⁹

XVII век принёс значительные изменения в математическую практику. После распространения трудов Виета, многие авторы задумались об использовании языка символов и алгебраических методов для решения разнообразных задач и получения новых результатов. Решающее значение в этом имела опубликованная в 1591 году работа Франсуа Виета (1540–1603) *In Artem Analyticen Isagoge (Введение в аналитическое искусство)*. Используя свою «specious logistic» (символическую логику), Виет ввёл новую алгебру, в которой символы аналитического метода (т.е. алгебры) могли обозначать не только числа, как это было принято в эпоху Просвещения до него, но также и значения любых геометрических величин, например, длину, площадь, объём или угол. Этот процесс «алгебрализации» математики получил дальнейшее развитие благодаря трудам по аналитической геометрии Рене Декарта (1596–1650) и Пьера Ферма (1601–1655) с одной стороны, а с другой — развитием дифференциального исчисления в работах Исаака Ньютона (1642–1727) и Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716).

---

¹⁹ Подробнее об алгебраическом анализе Эйлера см.: *Gray J. Leonhard Euler: 1707–1783 // Janus-Revue Internationales de l'histoire des sciences, de la médecine, de la pharmacie et de la technique. Vol. LXXII, n° 1–3. 1985. P. 171–192; Fraser C. The Calculus as Algebraic Analysis: Some Observations on Mathematical Analysis in the 18th Century // Archive for History of Exact Sciences. Vol. 39. 1989. P. 317–335; Ferraro G. Euler's Analytical Program // Quaderns d'Història de l'Enginyeria. Vol. XI. 2010. P. 175–198.*

Во времена Эйлера математики занимались изучением и распространением трудов этих авторов и применением алгебраических методов для выведения новых теорем, создания новых правил, новых объектов и новых методов. Поэтому такие фигуры как Даниил Бернулли, Жан Лерон Д'Аламбер (1717–1783), Жозеф Луи Лагранж (1736–1813), Пьер-Симон Лаплас (1749–1827) и Леонард Эйлер предпочитали алгебраические аналитические методы и успешно применяли их для решения задач небесной и земной механики. Можно без преувеличения сказать, что, развивая в своих работах алгебраический анализ, эта группа авторов заложила основу для создания новой области математики, получившей название математического анализа.

Подтверждением этому служит математический вклад Эйлера в анализ. Из того, что он сделал в течение своего первого петербургского периода, сюда, например, относятся бесконечные ряды, которые использовались им в изучении бета-функции (1729), и некоторые примеры уравнений в механике (1736). Во время второго периода своей жизни в Петербурге Эйлер сделал открытия, систематизированные им самим во введении в теорию функций (1748), дифференциального (1755) и интегрального исчисления (1768–1770), а также в его *Алгебре* (1770).

Что касается аналитических методов Эйлера, то здесь стоит привести несколько примеров: так, при изучении бета-функции Эйлер проявил удивительную способность использовать понятие бесконечности и искусно манипулировать с бесконечными прогрессиями. Оригинальна и его трактовка понятия интерполяции в изучении бета-интеграла. Для того чтобы вывести обобщение, он не использовал вычисления и интерполяцию в каждом конкретном случае, но искал новое общее выражение, которое можно было бы использовать для нахождения всех значений, включая промежуточные²⁰.

Кроме того, в своих теоремах интегрального исчисления Эйлер постепенно отказался от геометрических доказательств. Как мы видим, он решил большое число определённых интегралов, соответствовавших квадратуре (площади) геометрических фигур, при этом он ни разу не строил фигуру, квадратуру которой выводил. Более того, он даже не описывал, как будет выглядеть эта геометрическая фигура. Для того чтобы разработать классификацию интегралов и иметь возможность одновременно оперировать большим количе-

---

²⁰ Об интерполяции при вычислении бета-функции см.: *Delshams A., Massam Esteve M.R. Consideracions al voltant de la funció Beta a l'obra de Leonhard Euler (1707–1783) // Quaderns d'Història de l'Enginyeria. Vol. IX. 2008. P. 59–82.*

ством параметров, Эйлер стремился найти отношение между экспонентами выражений и значением их квадратуры с помощью аналитических, а не геометрических методов²¹.

Эйлер поставил вопрос об алгебраическом анализе как математической дисциплине, потому что, применяя уравнения и функции, эти алгебраические методы способствовали обобщению и решению задач механики и проблем кривых. Тем самым он создал аналитическую теорию интегральных и дифференциальных исчислений.

Великие математики XIX века, такие как Карл Фридрих Гаусс (1777–1855), Огюстен Луи Коши (1789–1857), Карл Вильгельм Вейерштрасс (1815–1897) и другие посвятили себя тому, чтобы обобщать достижения математического анализа предыдущего столетия. Оставив в стороне более интуитивный подход, они сосредоточили своё внимание на изучении новых абстрактных математических объектов и их отношений между собой, стремясь понять скорее природу этих понятий, а не то, как действуют их формулы. С этой точки зрения, вклад Эйлера в алгебраический анализ имел для них особое значение, поскольку являлся отправной точкой, с которой началось развитие анализа в следующем столетии. Именно об этом говорил Кондорсе в своей хвалебной речи, посвящённой Эйлеру: «Сегодня невозможно переоценить заслуги Эйлера, который положил начало революционному процессу, превратившему алгебраический анализ в блестящий, универсальный метод [вычислений], обладающий свойством широкого обобщения и доступности»²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В возрасте 20 лет Эйлер приехал работать в наполненную энергией и быстро развивающуюся Академию наук, созданную Петром I. Здесь, общаясь с академиками и членами-корреспондентами, он многому научился и во многом расширил свои знания. Он сотрудничал с такими выдающимися учёными, как Герман, Бернулли, Делиль и Гольдбах. Академия предоставила Эйлеру возможность

²¹ Об отношениях между геометрией и анализом в интегральных исчислениях см.: *Capobianco G., Enea M.R., Ferraro G. Geometry and Analysis in integral calculus Euler's integral calculus // Archive for History of Exact Sciences. Vol. 71, issue 1. 2017, january. P. 1–38.* Об этих отношениях до Эйлера см.: *Massa-Esteve M.R. Algebra and Geometry in Pietro Mengoli: 1625–1686 // Historia Mathematica. Vol. 33. 2006. P. 82–112; Massa-Esteve M.R., Delshams A. Euler's Beta integral in Pietro Mengoli's works // Archive for History of Exact Sciences. Vol. 63. 2009. P. 325–356.*

²² *Condorcet N., de. Éloge de m. Euler // Histoire de l'Académie royale des sciences. Année M.DCCLXXXIII [1783], avec les mémoires de mathématique & de physique, pour la même année (Paris). 1786. P. 57–58 (1ère pag.).*

заниматься исследованиями и открывать для себя новые научные области. Конференции, еженедельно проводившиеся в Академии, и отчёты о них предоставили огромный материал для последующих исследований и развития науки.

Будучи уже известным учёным и живя в Берлине, Эйлер принял приглашение Екатерины II и решил снова вернуться в Санкт-Петербург, продолжить своё сотрудничество с Академией и содействовать её процветанию. Приехав сюда, он стал одним из основных фигур, способствовавших её развитию. Вместе со своими сыновьями и учениками Эйлер внёс огромный вклад в преуспевание Академии, которой было суждено стать одним из главных европейских центров в области механики и математики того времени.

Достижения Эйлера следует рассматривать как яркое воплощение петровского проекта Академии наук и искусств. Благодаря благоприятным условиям, созданным Екатериной II, Эйлер смог не только продолжать и расширять свою исследовательскую работу, но и способствовать интеграции России в развивающуюся европейскую науку. Эйлера можно рассматривать как своего рода передаточное звено, соединившее эту науку и Россию, как ведущего игрока в обмене и распространении знаний, учёного, который, благодаря своей мобильности, профессиональным связям и известности, способствовал движению знаний в обоих направлениях. Во многом благодаря трудам именно Эйлера между молодой Россией и другими странами установился двусторонний поток, и именно ему мы в большой степени обязаны тем, что Россия стала частью сообщества стран, в которых развивалась наука. Труды Эйлера, сочетающие в себе практическую пользу и научный авторитет, являются воплощением идей Петра I и Екатерины II, унаследованных русским Просвещением.

Благодарности: Я благодарна Ирине Гузевич, Дмитрию Гузевичу и Антони Рока-Роселлу, которые читали предварительные варианты этой статьи и сделали полезные замечания относительно её содержания и языка, а первые двое также занимались редактурой её русского перевода. Настоящее исследование является частью проекта HAR2013-44643-R Министерства экономики и конкурентоспособности Испании и межуниверситетского проекта 2014SGR 1410 Правительства Каталонии.

Смагина Галина Ивановна
(Санкт-Петербург)

*Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН*

Екатерина II, Академия наук и школьная реформа

Ещё Пётр I прекрасно понимал необходимость создания системы школьного образования в России. Им были открыты Навигацкая, Артиллерийская, Инженерная и другие школы, большое количество цифирных и гарнизонных школ. Молодых дворян стали отправлять за границу для обучения, создавались светские учебники и начала издаваться первая печатная газета «Ведомости», в 1714 году основана первая библиотека и открыт первый музей Кунсткамера, в 1724 году в Петербурге создана Академия наук, и этот перечень начинаний можно продолжить.

Екатерина II уже с первых лет своего правления стремилась осуществить ряд мероприятий по поддержке науки, литературы, искусства; она с большим вниманием относилась к вопросам просвещения и образования народа. Увлеченная идеями французских просветителей, в 60-х годах XVIII века Екатерина II проводит первую школьную реформу и проводит её на основе принципов, изложенных И.И. Бецким (1704–1795), видным деятелем российского просвещения, в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества». Императрица и Бецкой верили, что создать «нового человека» можно только при помощи правильно поставленного воспитания, которое можно осуществить лишь в закрытых учебно-воспитательных учреждениях, т.е. в условиях полной изоляции воспитанников от окружающей среды, от пагубного влияния общества.

В течение нескольких лет возникает ряд таких учебно-воспитательных заведений интернатского или закрытого типа, в которых надеялись воспитать «новую породу людей». Были открыты воспитательные дома — в Москве (1764) и Петербурге (1770); Общество двухсот благородных девиц в Петербурге (1764) с отделением для мещанских девиц (1765); воспитательные училища при Академии художеств (1764) и Академии наук (1765); Коммерческое училище (1772), составлен «Новый устав» Сухопутного шляхетского кадетского корпуса и проведены преобразования в соответствии с этим новым уставом.

Между тем потребность в образованных и грамотных людях быстро росла, и отдельные учебные заведения России не могли решить этой задачи. Жизнь требовала более широкой системы образования.

В 1764 году по распоряжению императрицы академик Г.Ф. Миллер составляет вариант школьной реформы — «Проект об учреждении школ в Российской империи». Проект Миллера не получил одобрения Екатерины II. Но учёный был привлечён к разработке плана школьных преобразований и вошёл вместе с Г.Н. Тепловым — адъюнктом Академии наук, Ф.Г. Дильтеем — первым профессором права Московского университета, Д. Дюмареском — пастором протестантской церкви в Петербурге и Т.И. фон Клингштемом — вице-президентом юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, в состав комиссии, созданной императрицей в 1765 году. Итогом деятельности комиссии стал коллективный труд — «Генеральный план гимназий или государственных училищ», который так-же не был утверждён¹.

И начиная с 70-х годов XVIII века Екатерина собирает разные проекты школьных реформ, переписывается и советуется со многими видными деятелями европейского Просвещения, старается изучить предмет. С проектами школьных преобразований в России выступают французские просветители Дени Дидро и Ф.М. Гримм, которые советуют обратиться к немецкому опыту организации учебных заведений. Своё видение устройства школьного дела в России с учётом опыта по реорганизации гимназии, университета и реальных школ предложил наместник города Эрфурта Карл фон Дальберг. Рекомендации относительно учреждения городских и сельских начальных школ, а также по подготовке учителей высказывает в своём проекте немецкий эстетик и педагог, руководитель философского

---

¹ Смагина Г.И. Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996. С. 54–75.

класса Берлинской Академии наук И.Г. Зульцер. Делались попытки пригласить в Петербург основателя Филантропина в Дессау знаменитого немецкого педагога И.Б. Базедова².

В 1775 году Екатерина проводит реформу местного управления, делит территорию страны на 50 губерний, и в каждой из губерний создаёт Приказ общественного призрения, в обязанности которого входило открывать школы и училища в городах и больших селениях³. Однако на этом пути было много трудностей из-за недостатка учителей, отсутствия учебных пособий и финансирования.

В мае 1780 года в Могилёве состоялась встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II. Император рассказал о замечательных успехах австрийских школ, с тех пор как они были преобразованы пастором и педагогом Иоганном Игнацием Фельбигером (1724–1788). Школьная реформа в Австрии была начата в 1774 году и сводилась в основном к следующему: во всех городах, местечках и сёлах были организованы начальные школы для обучения основам религии, чтению, письму, четырём правилам арифметики и домоводству. Затем следовала вторая школьная ступень — главные училища, готовившие к высшему образованию или к практической жизни в области сельского хозяйства и промышленности. В каждой провинции учреждался третий тип школ — нормальная школа, готовившая учителей для народных училищ. Одновременно была проведена титаническая работа по составлению учебников⁴.

Австрийская реформа вызвала симпатию Екатерины II, в связи с этим академику Ф.У.Т. Эпинусу⁵ было поручено составить записку о школьной реформе в России. Что и было сделано, записка или точнее «План об организации в России низшего и среднего образования», полностью опирающийся на опыт австрийских школ был составлен, видимо, в конце 1781 или начале 1782 года⁶. Эпинус подробно описывает организацию, учебный план и методы обуче-

---

² Смагина Г.И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. / «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 205–220.

³ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 20 (1775–1780). № 14392. С. 659.

⁴ Grimm G. Die Schulreform Maria Theresias 1747–1775. (Aspekte pädagogischer Innovation. Bd. 10). Frankfurt am Main: Lang, 1987.

⁵ Новик В.К. Академик Франц Эпинус // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35.

⁶ «План» Эпинуса был опубликован на немецком языке в геттингенской газете Staats-Anzeigen. 1783. Bd. 3. Hf. 11. S. 257–273. Д.А. Толстой в приложении к своей работе «Городские училища царствование Екатерины II» (СПб., 1886) перепечатал эту записку на немецком языке.

П.В. Завадовский (1739–1812),
председатель Комиссии
по учреждению народных училищ

ния австрийских школ и считает, что они вполне соответствуют потребностям русского народа. Он находил необходимым в первую очередь учредить высшую школьную комиссию — *Schulkollegium*, состоящую из 2–3 членов, под председательством «близкого» к правительству лица. Мысли и

рекомендации учёного встретили полное понимание и поддержку. Екатерина II окончательно решила принять австрийскую систему школьного образования. Плану Эпинуса суждено было стать важным моментом в деле подготовки реформы. По его плану, шаг за шагом, но не всегда с той глубиной и широтой, как хотелось бы автору, была проведена школьная реформа в России.

7 сентября 1782 года указом Екатерины II была создана Комиссия для заведения в России народных училищ, «чтоб сие полезное и необходимо нужное заведение во всей империи нашей в наилучшем порядке и совершенном единообразии учинено было»⁷. Возглавил Комиссию сенатор, тайный советник П.В. Завадовский, впоследствии первый министр народного просвещения, в её состав были назначены академик Эпинус и кабинет-секретарь императрицы, сенатор П.И. Пастухов. Также в указе сообщалось, что в Россию был приглашён один «из трудившихся в устройении таковых народных школ... в Темесварском уезде в Австрии» Ф.И. Янкович де Мириево, который знал русский язык и был православным. Янкович прибыл в Петербург в августе 1782 года и проработал в России в области народного образования около 30 лет.

Комиссия народных училищ, прежде всего, должна была подготовить квалифицированные педагогические кадры. 13 декабря 1783 года в Петербурге состоялось торжественное открытие Учительской

⁷ ПСЗ. Т. 21 (1781–1783). № 16507. С. 663.

Ф.И. Янкович де Мириево
(1741–1814)

семинарии⁸ — первого в России учебного заведения по подготовке профессиональных педагогов. Директором был назначен Янкович де Мириево. На три профессорские должности были приглашены адъюнкты Академии наук, которые обеспечили высокий уровень преподавания в целом. Все предметы физико-математического цикла читал адъюнкт М.Е. Головин, естественную историю — адъюнкт В.Ф. Зуев, всеобщую историю и географию — адъюнкт И.Ф. Гакман. Ими были созданы и хорошо оборудованы при поддержке Академии наук физический, минералогический, зоологический и ботанический кабинеты⁹. Такие кабинеты организовывались в России впервые. Учительская семинария за годы своего существования подготовила более 400 воспитанников, впоследствии с честью трудившихся на ниве народного просвещения. Многие ученики семинарии стали украшением русской науки и педагогики¹⁰.

Одновременно с подготовкой учителей началась подготовка и школьных учебников. Из 80 школьных учебников, подготовленных в ходе реформы, половина книг была создана в Академии наук¹¹.

5 августа 1786 года Екатериной II был утверждён «Устав народным училищам Российской империи», который заложил основы государственной общеобразовательной школы¹². Составителями Устава был решён очень важный и принципиальный вопрос, которому большое значение придавал ещё М.В. Ломоносов — о препода-

⁸ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 2. Л. 145 об.; Смагина Г.И. Начало педагогического образования в России // Ленинградская панорама. 1986. № 12. С. 23–25.

⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–129.

¹⁰ Смагина Г.И. Академия наук и российская школа. С. 101–116.

¹¹ Смагина Г.И. Академия наук и создание учебной литературы в XVIII в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. СПб., 2010. С. 11–38.

¹² ПСЗ. Т. 22 (1784–1788). № 16421. С. 646.

вании на «языке природном». Из протоколов заседаний Комиссии об учреждении народных училищ видно, что этот вопрос поднимался неоднократно и решался всегда одинаково. «Польза российского государства требует, чтобы науки... преподавались на языке народном. Язык народный есть первый способ к распространению в народе просвещения: где науки преподаются на языке иностранном, тамо народ находится под игом языка чужого, а рабство сие с невежеством нераздельно»¹³.

Устав регламентировал все стороны деятельности создаваемых в стране народных училищ. В соответствии с Уставом было решено в губернских городах открыть главные народные училища с 5-летним сроком обучения, а в уездных — малые народные училища с 2-летним. В 1-м и 2-м классах предполагалось обучение чтению, письму, закону Божию, русской грамматике (начальные правила), арифметике и рисованию. В старших классах (3-м и 4-м) помимо православной религии должны были преподавать грамматику, арифметику, геометрию, механику, физику, естественную историю, русскую и всеобщую историю, астрономию и архитектуру. Кроме этих предметов учащиеся 4-го класса, а он был двухгодичный, должны были учиться писать сочинения практического характера, т.е. письма, счета, расписки. Для воспитания детей в духе требований императрицы была составлена книга для чтения «О должностях человека и гражданина» — кодекс моральных принципов и норм поведения по воспитанию верноподданных. Чтение книги было рассчитано на весь срок обучения.

Устав народным училищам 1786 года положил начало в России государственной системе бесплатных общеобразовательных городских школ, носивших бессловный характер. Школьный устав, вобрав в себя достижения европейской педагогики, умело сочетал их с требованиями российской действительности.

12 августа 1786 года последовал екатерининский указ «Об открытии народных училищ»¹⁴. 22 сентября¹⁵ 1786 года в 25 губернских городах России одновременно и «единообразно» открылись главные народные училища: в Петербурге, Москве, Нарве, Новгороде, Твери, Пскове, Смоленске, Туле, Калуге, Орле, Курске, Воронеже, Тамбове, Рязани, Владимире, Костроме, Ярославле, Вологде, Архангельске, Нижнем Новгороде, Симбирске, Казани, Вятке, Перми и Саратове.

¹³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 6. Л. 42–42об.

¹⁴ ПСЗ. Т. 22 (1784–1788). № 16425. С. 672.

¹⁵ 22 сентября — день коронации Екатерины II.

Здание Учительской семинарии
(Санкт-Петербург, 6-я линия, 15)

Открытие народных училищ проходило очень торжественно и превратилось в этих городах во всенародный праздник. «Санкт-Петербургские ведомости» по распоряжению директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой и многие журналы, выходившие в то время, подробно рассказывали об этом событии¹⁶.

«Невозможно описать счастливые лица, — отмечено в заметке об открытии училища в Перми, — которые получили новые и удобнейшие способы к усовершенствованию души и образованию сердца». В Тамбове, например, была произнесена специально написанная торжественная речь в благодарность Екатерине II за покровительство народному образованию¹⁷. В Перми этот день завершился концертом и праздничным обедом в доме губернатора, во время которого звучала пушечная пальба. Губернатор Архангельска организовал для всей публики маскарад, в котором участвовали до 400 персон обоего пола.

Газетные заметки содержат сведения и о благотворительности. Купечество городов Калуги и Тулы обязалось оплачивать

¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1786. № 77–88; Уединённый пошехонец. 1786. № 11. С. 655–664 и др.

¹⁷ Эта речь, произнесённая П.М. Захарьиным, вызвала большой интерес и была напечатана в разных изданиях. См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1786. № 88; Зеркало света. 1786. Ч. 3. С. 248–257; Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 6. С. 88–99.

расходы народных училищ по отоплению и освещению. Жители Орла собрали на нужды училища 400 рублей, а вологодские граждане — 1 150 рублей. Из 8 000 рублей, переданных в дар училищу в Смоленске, 6 000 рублей были пожертвованы отставным артиллерии майором Барышниковым.

Вторая «волна» организации народных училищ в 14 губерниях России была предопределена екатерининским указом от 3 ноября 1788 года¹⁸. Комиссии об учреждении народных училищ предписывалось открыть главные народные училища в Выборгской, Ревельской, Рижской, Полоцкой, Могилевской, Новгород-Северской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Кавказской, Уфимской, Тобольской и Иркутской губерниях. В центральные города этих губерний были направлены учителя, подготовленные в Петербурге, а также необходимые книги и пособия.

Создание системы главных и малых общеобразовательных школ оказалось очень трудным делом. Основная трудность заключалась в финансовом обеспечении этих учебных заведений. Основным источником финансирования училищ являлись частные пожертвования, так как государство выделяло минимальные средства на образование.

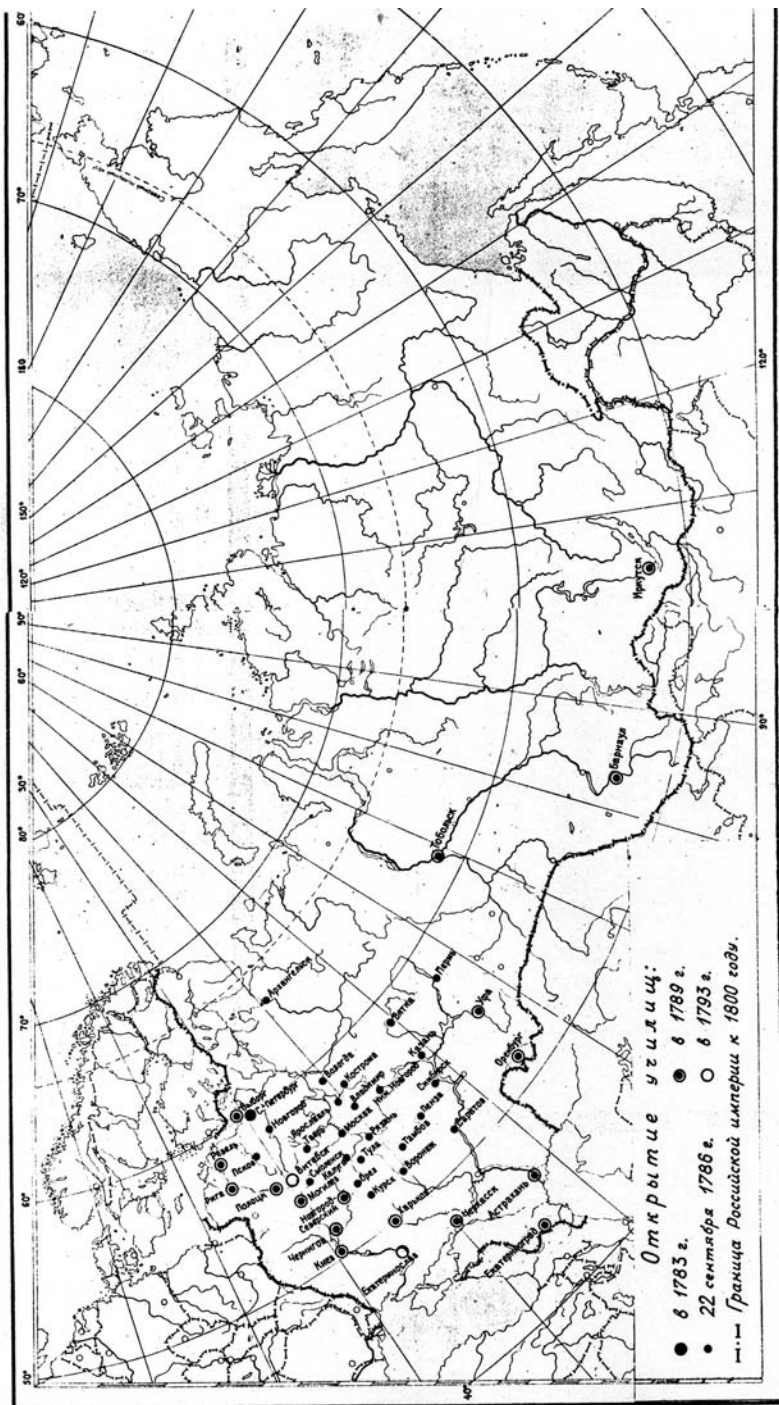
Существенным недостатком всей реформы стало то, что училища открывались только в городах, а сельское население, которое составляло большинство в России XVIII века, так и оставалось неграмотным. По-прежнему, хотя и существовала Учительская семинария, не хватало специально подготовленных учителей и учебных пособий.

Иногда местное население не очень доброжелательно и даже враждебно относилось к новым школам. Но следует заметить, что когда в Комиссию об учреждении новых училищ поступали просьбы о закрытии народных училищ, то комиссия всегда отвечала отказом и предупреждала, что дело распространения просвещения среди народа нелёгкое и «многотрудное». Так, в 1789 году на представление о закрытии высших классов Витебского главного училища из-за отсутствия учеников, Комиссия сделала губернатору такое характерное замечание: «Известно из опытов, что вкус к наукам не вдруг, но временем приобретается, без поддержания же оного со стороны начальства не уповательно, чтоб приращение в науках могло само по себе возникнуть, а тем более распространиться»¹⁹.

¹⁸ ПСЗ. Т. 22 (1784–1788). № 16726. С. 1126.

¹⁹ *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного образования в XVIII–XIX вв. СПб., 1912. С. 608.

Открытие главных народных училищ в губернских городах Российской империи.

Карта открытия главных народных училищ в губернских городах России

Итак, начавшаяся в 1786 году деятельность Комиссии об учреждении народных училищ по открытию малых и главных народных училищ привела к тому, что в конце XVIII века таких школ насчитывалось уже 288, из них 239 малых и 49 главных, в которых обучалось более 22 000 учащихся, в том числе 2 000 девочек²⁰. Статистические данные о количестве народных училищ и учившихся в них в конце века впервые привёл М.Т. Белявский, подсчёты которого основываются на докладной записке Комиссии народных училищ, представленной в 1801 году Александру I. Историк и политический деятель П.Н. Милюков в своей известной работе «Очерки по истории русской культуры» отмечает, что через главные и малые народные училища в XVIII веке прошло 176 730 учеников²¹. Эта цифра, появление которой автор не объясняет, кажется весьма завышенной. Нам представляются более обоснованными подсчёты, выполненные А.Н. Севастьяновым, который проделал большую работу по изучению потенциальной читательской аудитории во второй половине XVIII века²². Он проанализировал данные о воспитанниках народных училищ за 1786–1800 годы и пришёл к выводу, что за это время в них было обучено грамоте 71 800 человек. От общего количества всех типов учебных заведений в России XVIII века народные училища составляли 38 % и их посещали 22,6 % от общего количества учившихся. Эти цифры позволяют увидеть, какое место занимали народные училища в общей системе образования России в конце XVIII века.

Современники высоко оценили школьную реформу: «Из всех событий, прославивших царствование Екатерины II, — писал известный историк XVIII века А.Л. Шлёцер, — по своим последствиям и высокому историческому значению особенно важны победы П.А. Румянцева над турками и учреждение народных училищ»²³.

Таким образом, школьная реформа по созданию государственной системы начального и среднего образования, проведённая Екатериной II в 80–90-х годах XVIII века при участии Академии наук, явилась весьма значительным событием в истории отечественной культуры. Она позволила российской школе к концу XVIII века не только добиться существенных успехов, но и заложить основу для дальнейшего совершенствования образования, науки и культуры в целом.

²⁰ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. «История». 1959. № 2. С. 110.

²¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 276.

²² Севастьянов А.Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762–1800). М., 1983. С. 37.

²³ *Staats-Anzeigen*. 1783. Bd. 3. Hf. 11. S. 258.

Шкаровский Михаил Витальевич
(Санкт-Петербург)

*Главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга*

Духовное образование в Санкт-Петербурге при Петре I и Екатерине II

Создание Духовных школ Петербурга было связано с основанием Петром I в новой столице России в 1713 году Александро-Невского монастыря. Несмотря на сложности периода становления, обитель быстро становилась центром духовного просвещения Северного края и всей России. Предполагалось, что именно отсюда станут выходить церковные иерархи новой формации — образованные и мыслящие в государственном ключе.

11 июля 1721 года распоряжением возведённого в сан архиепископа Новгородского Феодосия (Яновского), во исполнение императорских указов, велено было «учредить во общую пользу при Александро-Невском Монастыре, для учения юных детей чтения и писания, Славенскую школу, в которой, как того Монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания, и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от пяти до тринадцати лет, — учить Славенского чтения и писания по новопечатным Букварям, а потом и грамматики... И содержать ту школу из обыкновенных того монастыря доходов»¹. Именно эта школа стала родоначальницей нескольких учебных заведений Санкт-Петербурга, в том числе Духовной Академии.

¹ Петрово детище // Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. Православные монастыри. 2009. № 36. С. 5; Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 79; *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. С. 7.

Первоначально в Славенской школе преподавал один «грамматист» подьяк Иродион Тихонов, воспитанник Новгородской славяно-греческой школы, прибывший в Петербург 2 июля 1721 года. Содержание школы было определено из обыкновенных доходов Александро-Невского монастыря, причём жалование учителю составляло: 30 рублей деньгами, а также муки ржаной и овса по 15 юфтей. При Петре Великом в школу принимали учеников из разных сословий: детей духовенства, служителей монастырских вотчин, дьяков, подъячих, посадских людей, мастеровых, солдат и даже крестьян, при этом дети священнослужителей составляли среди них меньшинство. Кандидаты были проэкзаменованы: оказывалось, что одни учились по Псалтири до четвёртой кафизмы, другие — менее. Часть учащихся принимали на монастырскую пищу и одежду, других родители обязывались «поить, кормить, одевать и обувать из своего кошту»².

Постепенно в школе собралось значительное число учащихся, при котором одному человеку было трудно преподавать все предметы. Поэтому в августе 1723 года, по распоряжению архиепископа Феодосия, из Новгородской славяно-греческой школы был вызван Андрей Тишин, который преподавал грамматику и греческий язык. Предполагалось, что «Тишина надлежит во всём содержать равно с Тихоновым». Однако решение этого вопроса затянулось, и в феврале 1724 года А. Тишин покинул школу. В том же году некоторые ученики были переведены с монастырского содержания на своё собственное, при этом крестьянских детей-сирот оставили на прежнем содержании³.

Одежда выдавалась не регулярно, и И. Тихонов 24 декабря 1721 года ходатайствовал о выдаче одежды и постели учащимся. В 1722 году было решено взять на монастырский счёт ещё 10 воспитанников, но пятерым из них вместо шуб из овчин сделаны были сермяжные кафтаны. По представлению И. Тихонова, 26 сентября 1724 года 34 ученикам школы решено было выдать по две пары рубашек со штанами, по 2 платка и 2 галстука каждому, 18 новых шуб и сапог, 15 шапок. В качестве лекарства учащимся в разное время было выдано 13 фунтов пороха, который применялся тогда в армии от многих заболеваний. Сироты получали от монастыря пищу и одежду, а остальные были на содержании своих родителей, которые «платили за них монастырю три четверти ржи и три рубля в год»⁴.

² Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713–1913: Историческое исследование. В 2-х кн. СПб., 2001. Кн. 1. С. 265, 267.

³ Там же. С. 268–269, 272.

⁴ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 8.

В Славенской школе первоначально изучали азбуку, письмо, арифметику, грамматику, слушали толкование Десятословия, молитвы Господней и Евангельских блаженств. В свободное время воспитанники занимались музыкой и живописью, для чего приглашались мастера из города. За основу системы преподавания в школе была взята схоластика. Основным пособием для учащихся в первое время был букварь архиепископа Феофана (Прокоповича), напечатанный согласно постановлению Святейшего Синода в 1720 году под заглавием: «Первое учение отроком, в нём же буквы и слоги, также: краткое толкование законного десятословия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств»⁵.

В качестве учебников И. Тихонов использовал также следующие книги: «Грамматика Максимовская, Грамматика Мелетиева, Лексикон трезычный, Лексикон Славенский, Новый Завет, Православное Исповедание, 10 Часословов, 10 Псалтирей, Букварей колько потребно будет». Этот список был подан учителем 24 декабря 1721 года, но покупка их состоялась лишь 27 февраля 1722 года. Буквари продавались в Александро-Невской типографии, Часословы и Псалтири — в Петербургской типографии, а другие книги были приобретены в Москве на Печатном дворе и в книжных рядах⁶.

Первоначально для приёма и выпуска воспитанников не было определённых сроков: поступали в разное время и продолжали обучение до его завершения. Выпускались только те воспитанники, которые прошли полный курс грамматики и арифметики. Родителям было запрещено забирать своих детей до тех пор, пока они не завершат курс обучения⁷.

Осенью 1721 года при образовании Александро-Невской Славенской школы в неё поступило 26 человек: из них 17 — на своём и 9 — на монастырском содержании. В 1722 году общее число воспитанников возросло до 53, в 1723 году до 62, из них на монастырском содержании находилось 45 человек; в 1725 году число учащихся достигло 82. Однако детей священнослужителей среди них по-прежнему было немного; большую часть составляли дети канцелярских чиновников и монастырских служителей. Так, например, среди поступивших в школу «в 1724 и 1725 годах, указывают только два духовных имени — сыновей дьячка и пономаря села Борович»⁸.

⁵ Там же. С. 264–266; *Прилежаев Е.* Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // Христианское чтение. Ч. 1. 1879. Январь-февраль. С. 184.

⁶ *Рункевич С.Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 271.

⁷ *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 8.

⁸ Там же. С. 11; *Рункевич С.Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 273.

В 1722 году архиепископ Феодосий предложил Святейшему Синоду проэкзаменовать учителей, преподающих в частных домах в Петербурге, поскольку в Синоде не имелось о них никаких сведений. Проведение экзамена было поручено Иродиону Тихонову, который после проверки представил ведомость с оценками наставников. Оказалось, что учителями в частных домах были архиерейские певчие, дьяки, их дети и дворовые служители. Тем из них, кто оказался знающим грамматику и правописание, были даны инструкции, как обучать чтению и письму, а неспособным было запрещено принимать на себя учительское звание. В Славенской школе в это время обучалось несколько иностранцев: араб, служитель «Дома Императорского Величества», индеец и крещёный калмык. «Последний прислан был в 1724 г., по указу Св. Синода, для обучения грамоте, нравственности и Закону Божию, дабы впоследствии мог быть священнослужителем для желающих принять святое крещение из калмыцкого народа»⁹.

Несмотря на скудость средств, которыми располагала Славенская школа, уровень знаний её воспитанников постепенно повышался. В результате и Александро-Невский монастырь также постепенно становился научным центром столицы. Свидетельством этого, например, является случай, когда прибывший в Санкт-Петербург с польским послом иезуит преподнёс Петру I панегирик на латинском и польском языках. Государь отдал его для перевода в Александро-Невский монастырь, где этот перевод и был сделан.

В 1726 году, уже после кончины императора Петра Великого, на основе Славенской школы была создана Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария, рассчитанная на 50 учащихся при трёх учителях. Её возглавил советник Святейшего Синода, бывший настоятель Московского Симонова монастыря архимандрит Пётр (Смелич, 1726–1733), по национальности серб. По указанию императрицы Екатерины I он ввёл в школе преподавание греческого и латинского языков и осуществил её преобразование в славяно-греко-латинскую семинарию, которая была призвана воспитывать достойных служителей Церкви и давала серьёзное по тем временам общее и богословское образование. Здесь изучались церковно-славянский, русский, греческий и латинский языки, музыка, арифметика, геометрия, а позднее также древнееврейский язык, «оратория» и философия. В семинарии обучались уже в основном дети священно-церковнослужителей и служителей монастырских вотчин. Таким образом, завершалось формирование приходского духовенства в особое замкнутое сословие¹⁰.

⁹ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 11–12.

¹⁰ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 35–36.

В 1726 году при семинарии числился 81 воспитанник и три учителя: упоминавшийся «грамматист» Иродион Тихонов, преподаватель греческого и латинского языков профессор Афанасий Скляда (грек из Кефалонии) и преподававший арифметику и геометрию кондуктор Иван Соснин. Правда, в 1729 году она временно осталась без учителей, и семинаристы, число которых постепенно уменьшалось, вынуждены были учиться у подьячих при канцелярии монастыря¹¹. Однако затем временный кризис был преодолен, чему способствовало объединение с другой петербургской семинарией.

Согласно программе Духовного регламента, в 1721 году в Санкт-Петербурге, помимо Александро-Невской Славенской школы, известным церковным деятелем петровского времени архиепископом Псковским Феофаном (Прокоповичем) была открыта вторая школа, сразу же получившая название семинарии (некоторые историки неоправданно относят её создание к концу 1716 года¹²). Бывший ректор Киево-Могилянской Академии игумен Феофан приехал в новую столицу России по приглашению царя 15 октября 1716 года и остановился на подворье Александро-Невского монастыря, где прожил длительное время¹³. 2 ноября 1716 года князь А.Д. Меншиков написал архимандриту Феоodosию (Яновскому), что по высочайшему указу велено отпускать «игумену и ректору» Феофану жалование из доходов Александро-Невского монастыря¹⁴.

7 февраля 1718 года о. Феофан был хиротонисан во епископа Псковского и Нарвского и в 1719 году послал на высочайшее имя письмо о том, что ему необходим учительный иеромонах «к учению детей»¹⁵. В 1720 году Владыка Феофан был возведён в сан архиепископа и поселился в Петербурге. В марте 1721 года в Синодальной канцелярии было заведено дело о строительстве семинарии, в котором говорилось, что архиепископ Феофан к марту уже набрал до 20 человек семинаристов «бедных ребят», но жить им негде¹⁶. В том же

¹¹ Рункевич С.Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 531–537, 541–543; Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 15–19.

¹² Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). Справочное издание. СПб., 1994. С. 147.

¹³ РГИА. Ф. 815. Оп. 1 (1716). Д. 84; Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1713–16 гг. СПб., 1903. С. 1098.

¹⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 1 (1716). Д. 29; Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. 1. С. 906.

¹⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 2 (1719). Д. 45, 73; Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. 2. С. 902–903, 1003–1004, Т. 3. Приложение.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 164.

году семинария была устроена в нескольких деревянных корпусах на подворье Владыки на левом берегу реки Карповки, содержалась на средства архиепископа и должна была представлять образец для Духовных учебных заведений¹⁷.

В семинарию принимали, прежде всего, сирот, детей бедняков и солдатских детей в возрасте 10–12 лет. При открытии было набрано 20 человек, а в 1728 году в семинарии обучалось уже 46 воспитанников¹⁸. По мнению ряда исследователей, это была лучшая школа того времени как по внутреннему устройству, помещению, так и «по достоинству доставляемого ею образования»¹⁹. Император Пётр I неоднократно посещал эту семинарию. Планировалась постройка для неё отдельного здания, вместо возведённых в спешке деревянных корпусов, но реализация этих планов затянулась и закончилась неудачей.

Обучение в семинарии продолжалось восемь лет, помимо богословских в ней преподавали и общеобразовательные науки: церковно-славянский, русский, латинский, греческий языки, грамматика, риторика, пиитика, логика, диалектика, римские древности, арифметика, геометрия, физика, метафизика, политика, география, история, а также музыка и рисование. С воспитательными целями вводилась система общежития «образом монастыря»²⁰.

По мнению Владыки Феофана, обучать детей должен был «учитель умный и честный», справедливый и в меру строгий. В число преподавателей семинарии входили: богослов датчанин Адам Селлий (с 1722 по 1725), профессор Академии наук Теофил Сигфрид Байер и прусский подданный Георгий Фридрих Федорович. В 1730-е годы уроки рисования преподавал знаменитый художник Андрей Матвеев. Старшие воспитанники, достигшие успехов в учении, обучали младших и получали за это небольшое жалование.

В 1727 году архиепископ Феофан написал для своей семинарии специальную инструкцию, в которой узаконивалась строгая дисциплина с точным распределением классов для занятий и увеселений, строгий надзор за учениками и отрешение школьной жизни от посторонних влияний²¹. Для развлечения и отдыха своих учеников

¹⁷ См.: *Карташёв А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. II. СПб., 2004. С. 563; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Ничик В.* Феофан Прокопович. М., 1977; *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. М., 1994.

¹⁸ *Архангельский М., свящ.* История Православной Церкви в пределах нынешней С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. С. 125.

¹⁹ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 631.

²⁰ *Карташёв А.В.* Указ. соч. С. 563.

²¹ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 632; *Архангельский М., свящ.* Указ. соч. С. 125.

Владыка организовал занятия по вокальной и инструментальной музыке, а также устраивал сценические представления. В семинарии был свой хор, свои музыканты и артисты из числа учеников, велись философские беседы. С целью совершенствования в науках архиепископ посылал своих учеников в гимназию при Академии наук. Всего в семинарии, за 15 лет — с 1721 по 1736 год, обучалось до 160 юношей. После случившейся в 1736 году смерти архиепископа Феофана семинария постепенно начала приходить в упадок. Наконец, в 1738 году старшие воспитанники этой школы были определены к делам, а остальные переведены для дальнейшего обучения в Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию.

В дальнейшем некоторые из воспитанников семинарии архиепископа Феофана приобрели известность не только в церковной, но и в научной, и государственной сферах. Так М. Богданов служил учителем в Московской Духовной академии, а потом справщиком в Московской Синодальной типографии, Г.Н. Теплов с 1740 года был переводчиком, с 1741 года — адъюнктом Академии наук, для которой составил новый регламент, а впоследствии статс-секретарём при императрице Екатерине II и сенатором. Анатом А.П. Протасов и математик С.Н. Котельников стали впоследствии действительными членами Российской Академии наук²². Получив пополнение из бывшей школы Владыки Феофана, количество учащихся Александро-Невской семинарии в 1740 году достигло 85.

Развитию Духовных школ способствовало то обстоятельство, что по указу Петра I от 13 декабря 1719 года при монастыре была создана одна из первых в Санкт-Петербурге типографий. Книгоиздание началось с выпуска 15 марта 1720 года поучения архиепископа Феофана (Прокоповича) «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского», сказанного в 1718 году в Александро-Невском монастыре и завершавшегося похвальным словом Петру Великому. Кроме того, здесь были изданы три слова обер-иеромонаха Гавриила (Бужинского) о победах русской армии, сказанные в 1714–1719 годах, букварь архиепископа Феофана с катехизическими приложениями (в царствование Петра вышло 12 изданий) и т.д. При обители также существовали словолитня, книжный склад и библиотека, насчитывавшая в 1725 году 187, а затем более 400 томов. С 1720 года библиотека относилась к типографии монастыря и, помимо своего фонда, хранила выпускаемые тира-

---

²² Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. С. 638.

жи. Она предназначалась как для братии и сочинителей проповеди слова Божия, так и для семинаристов²³.

Следующим важным этапом развития духовного образования в Петербурге стало правление Екатерины II, при котором Александро-Невская семинария претерпела серьёзные преобразования. Число её воспитанников длительное время оставалось почти неизменным (в 1744 году — 74, в 1762 — 73), но затем стало расти. В 1776—1778 годах, в классах богословия и философии было по 9 человек учащихся, в классах красноречия и стихотворства — вместе 24 человека, в классе грамматики и синтаксиса — 25 учеников, в классе информатории — 46 учеников, в классе греческого диалекта — 9 учеников²⁴.

Учебный процесс был построен так, что во вторник, четверг и субботу ученики приходили утром к литургии, а затем после обеда обучались нотному пению. Ученики классов философии и риторики каждую субботу в присутствии ректора, учителей и своих сверстников с кафедры читали русские и латинские речи. Особый преподаватель вёл обучение немецкому и французскому языкам, арифметике и геометрии. Большое внимание уделялось церковному ораторскому искусству, когда не только преподаватели, но и студенты должны были говорить проповеди по воскресеньям и праздничным дням в храмах Александро-Невского монастыря. Указом императрицы Екатерины II от 27 августа 1784 года было велено усилить преподавание греческого языка, так как на этом языке написаны священные и святоотеческие книги и знание этого языка «многим другим наукам способствует». Знающим греческий язык воспитанникам указано было давать предпочтение при определении на места²⁵.

Главной задачей Александро-Невской семинарии была подготовка достойных кандидатов во священство для церковно-приходского служения. Именно в этот период среди учащихся преобладающим окончательно становится священническое сословие. Обучение на латинском языке, при всех своих недостатках, имело и положительные моменты. Изучая латинский язык, воспитанники семинарии знакомились с богатой классической литературой Западной Европы. Однако по-прежнему небольшими были оклады семинарских преподавателей, что не могло не отражаться неблагоприятно

²³ См.: Библиотеки дореволюционного Петербурга: Справочник / Отв. сост. И.Г. Матвеева. СПб., 2005; *Рункевич С.Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 252–254; Обращение братии Лавры // Вестник Александро-Невской Лавры. 2007. № 4–6. С. 7.

²⁴ *Рункевич С.Г.* Указ. соч. Кн. 2. С. 163–164.

²⁵ Там же. С. 163–174.

образом на учебном процессе. Прошедшие семинарский курс имели право на лучшие места в епархиях²⁶.

Из учителей и студентов Александро-Невской семинарии многие поступали священниками к церквам заграничных миссий. Некоторые выпускники Духовной школы продолжали обучение в других высших и средних учебных заведениях. В 1762 году Коллегия иностранных дел представила Сенату предложение избрать учеников из Александро-Невской семинарии для изучения китайского и маньчжурского языков, чтобы впоследствии иметь хороших переводчиков. По собственному желанию в Коллегию поступили два воспитанника. В 1765 году, согласно указу Святейшего Синода, из Александро-Невской семинарии впервые были отправлены для учёбы за границу два лучших воспитанника — в Лейденский и в Оксфордский университеты²⁷.

В ноябре 1774 года императрица Екатерина II указала Государственной коллегии экономии выделить средства «на постройку в Монастыре флигеля с правой стороны для Семинарии», и менее чем за год строительные работы были завершены. В конце августа 1775 года новые семинарские строения были приняты по описи ректором,²⁸ и 4 ноября того же года Александро-Невская семинария из деревянного здания за стекольным заводом переехала в южный (Семинарский) корпус главного корпуса монастыря. Через пять лет при ней была устроена Русская школа.

Значительный вклад в развитие столичных Духовных школ внёс один из самых выдающихся русских иерархов Синодального периода митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Олонецкий Гавриил (Пётр Петрович Петров-Шапошников, 1730–1803). При его активном участии в 1785 году для семинарии были выстроены ещё одни двухэтажные «каменные палаты» со службами, в 1786 году к ним сделали каменную пристройку. Владыка Гавриил оказывал помощь беднейшим ученикам Духовных школ, в 1781 году были напечатаны его краткие поучения на каждый день года, собранные из творений святых отцов. Митрополиту принадлежит завершение работ по составлению и изданию Синодом книги с объяснением церковных служб (1792), а также инициатива российского издания сборника аскетических творений «Добролюбие» (1793), текст которого правили в Александро-Невском монастыре.

---

²⁶ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 49–50.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Рункевич С.Г. Указ. соч. Кн. 2. С. 134.

В 1788 году, после проведения в жизнь училищной реформы Екатерины II, Александрово-Невская семинария была объединена с Новгородской и преобразована в Главную семинарию²⁹. Указом Святейшего Синода от 27 июля 1788 года было решено посылать в Главную семинарию лучших учеников почти из всех епархиальных семинарий. После окончания Главной семинарии ученики посылались в свои епархиальные семинарии на учительские должности (для несения педагогического послушания).

В Главной семинарии существенно расширили курс наук. В круг предметов были введены церковная история, механика, естественная история; открыли класс математики и опытной физики. Непосредственное управление семинарией принадлежало конторе, в состав которой входили ректор и префект. Ректорами Главной семинарии служили архимандрит Иннокентий (Добровицкий) (1788–1795) и архимандрит Антоний (Знаменский) (1795–1797). Среди наставников были выпускники местной семинарии, другие поступили в неё по приглашению митрополита Гавриила из епархиальных семинарий, училищ и светских учебных заведений. Оклады были небольшими и неодинаковыми, что заставляло наставников, при открывшейся вакансии, переходить на новые кафедры³⁰.

Учителя предоставляли отчёты о предметах ректору, а ректор — митрополиту. Владыка Гавриил сам присутствовал на экзаменах, утверждал разрядные списки, исключал и переводил воспитанников, назначал ректоров и префектов семинарии. Наставники семинарии проводили катехизаторские беседы, а также делали переводы с иностранных языков на русский и с русского на иностранные. Некоторые преподаватели были сотрудниками литературных журналов, что свидетельствовало об активной научно-богословской и общественной деятельности. Надзор за воспитанниками осуществлял префект, ему в помощь назначался младший преподаватель или студент — инспектор.

Число воспитанников существенно выросло и составляло от 150 до 200 человек. Первый приём учащихся в Главную семинарию был осуществлён в 1788 году, второй — в 1790 году, так как приём повторялся через каждые два года. Посещали семинарию также и вольнослушатели. Приём воспитанников в низшие классы проводился каждый год. Перевод из класса в класс зависел от успехов учащихся: одни доходили до риторического класса за два-три года, другие за

²⁹ Там же. С. 183–185.

³⁰ *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 588.

пять лет. Курсы риторики, философии и богословия продолжались каждый по два года. Воспитанники двух высших классов — богословия и философии — назывались студентами, остальные — учениками. Лучших студентов назначали лекторами в низших классах.

После завершения преобразований, 1 июня 1789 года Главной семинарии передали Фёдоровский корпус Александро-Невского монастыря, а прежние помещения остались для низших классов³¹. Всенощные богослужения служили в актовом зале Фёдоровского корпуса, а на литургию учащиеся ходили в монастырские храмы. В это время значительно увеличивается число книг в библиотеке, особенно после соединения Александро-Невской и Новгородской семинарий. Из выпускников семинарии того времени вышло немало известных церковных и государственных деятелей: граф М.М. Сперанский, И.И. Мартынов, Экзарх Грузии архиепископ Феофилакт (Русанов) и др. В выборе духовного или светского звания митрополит Гавриил предоставлял выпускникам полную свободу, но при условии, что присланные из других семинарий воспитанники должны послужить в учительской должности в Главной семинарии. После этого митрополит рукополагал воспитанника или отпускал в светское звание³². Александро-Невская Главная семинария ставила перед собой задачу — дать своим воспитанникам серьёзное богословское образование. В то же время в конце XVIII века она окончательно стала сословным учебным заведением, куда могли поступать только дети священно- и церковнослужителей.

Таким образом, и Пётр I, и Екатерина II уделяли значительное внимание развитию духовного образования в столице империи, преследуя цель подготовки новой генерации духовенства Российской Православной Церкви.

³¹ Рункевич С.Г. Указ. соч. Кн. 2. С. 183–185.

³² Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 100.

Пфаффенбихлер Маттиас

(Австрия)

*Директор оружейной палаты
Музея истории искусств в Вене*

Искусство коллекционирования¹

Настоящая статья посвящена сравнению коллекций искусства, собранных семьёй Габсбургов, с одной стороны, и Петром I и Екатериной II, с другой.

Габсбурги, как и Пётр I, проявляли большой интерес к «кунсткамерам» («кабинетам», в которых были собраны предметы искусства и разнообразные редкости). В XVII веке, когда Пётр основал свою Кунсткамеру, в коллекциях дома Габсбургов эта форма собирательства присутствовала уже давно. Изначально кунсткамера задумывалась как зеркало вселенной, микрокосм, отражавший макрокосм. В кунсткамере были представлены предметы, относящиеся к естествознанию, геологии, этнографии и археологии. В витринах выставлялись заспиртованные животные, минералы, артефакты, автоматические замки, этнографические экспонаты из экзотических стран. В 1587 году Габриель Кальтемарк писал курфюрсту Саксонии Кристиану I, что кунсткамера предполагает три вида экспонатов — во-первых, скульптуры и картины, во-вторых, диковинные предметы из Европы и экзотических стран и, в-третьих, объекты, принадлежащие необычным и удивительным животным².

---

¹ Перевод с англ. М.В. Бадхен.

² Rainer P. *Wissen. Schafft. Kunst. Tycho Brahe, Johannes Kepler und das Kunstkammerobjekt als Erkenntnisträger* // Das Haus Habsburg und die Welt der fürstlichen Kunstkammern im 16. und 17. Jahrhundert. Schriften des Kunsthistorischen Museums Hg Sabine Haag. Band 15. Wien, 2015. P. 84.

Вольфганг Майр. Многосторонние экваториальные солнечные часы. Мюнхен, 1604. Вена, Музей истории искусства, картинная галерея, инв. №. КК 699

Кувшин из Морского ореха. Южная Германия, последняя четверть XVI века. Вена, Музей истории искусства, Кунсткамера, инв. № КК 6849

Отдельные представители дома Габсбургов внесли значительный вклад в собрания кунсткамер. Здесь, прежде всего, хотелось бы упомянуть кунсткамеру эрцгерцога Фердинанда II в замке Амбрас недалеко от Инсбрука и кунсткамеру императора Рудольфа II в Праге. Эрцгерцог Фердинанд II (1529–1595), младший брат императора Максимилиана II, был одним из самых значительных коллекционеров дома Габсбургов. В замке Амбрас, расположенном неподалеку от тирольского города Инсбрука, Фердинанд II собрал удивительную коллекцию, включавшую оружие и доспехи, предметы искусства и прекрасную библиотеку³.

Коллекция предметов искусства императора Рудольфа II была одной из крупнейших собраний своего времени, и для её пополнения император не жалел никаких средств. В 1583 году Рудольф II сделал своей официальной резиденцией Прагу, куда и были перевезены все его коллекции. Предметы из этих собраний были разделены между сокровищницей (Schatzkammer), оружейной палатой (Leibrüstammer), в которой было собрано церемониальное оружие и доспехи, и Кунсткамерой, содержащей собрание предметов искусства и естественных артефактов, коллекцию картин и библиоте-

³ *Pichorner F.* The Imperial collections and the Kunsthistorische Museum. From the origins of the Habsburg collections to the modern Museum // *Habsburgs Splendor. Masterpieces from Vienna's Imperial collection at the Kunsthistorische Museum.* New Haven, 2015. P. 13.

Портрет императора Рудольфа II.
Вена, Музей истории искусства,
картинная галерея, инв. № GG 2584

ку. Для Рудольфа II его коллекция была чем-то вроде студии — кабинета или места уединения, куда приглашались только избранные — прибывшие с государственным визитом правители, их послы, художники и учёные⁴. Рудольф расширял свою коллекцию, приобретая статуи и исключительные раритеты, вроде часов, хрустальных

чаш, изделий из слоновой кости. Кроме того, в Кунсткамере были широко представлены самые точные в Европе научные инструменты. Кунсткамера Рудольфа II стала внушительным символом того, как император представлял себе мир, широкой аллегорией императорской власти, власти земного Юпитера. Его собрания небесных и земных глобусов, астролябий, квадрантов и циркулей дополнялись такими книгами как География Птолемея и раскрашенное от руки издание *Theatrum orbis terrarum* (*Зрелище Круга Земного*) Абрахама Ортелия⁵. И точно так же, определяя политический контекст того времени, большая коллекция турецких и индийских кинжалов включала турецко-арабский словарь и набросок Константинополя. Кунсткамера, таким образом, представляла собой не просто государев каприз, а была точно выверенной частью официального образа Рудольфа как всемогущего государя, логическим продолжением традиции Габсбургов — покровителей искусств и науки⁶. Опись фондов хранения Кунсткамеры за 1607–1611 годы отражает отдельные направления инте-

⁴ Distelberger R. Die Kunstkammerstücke // Prag um 1600. Kunst und Kultur am Hofe Rudolfs II. Essen, 1988. P. 437–439.

⁵ Findlen P. Cabinets, Collecting and Natural Philosophy. In: Rudolf II and Prague. The court and the City. London, 1997. P. 209–211.

⁶ Bukovinska B. The Kunstkammer of Rudolf II. Where it was and What it looked Like // Rudolf II and Prague. The Court and the City. London, 1997. P. 199–208.

Портрет эрцгерцога
Леопольда Вильгельма. Вена,
Музей истории искусства,
картинная галерея,
инв. №. GG 3284

ресов Рудольфа и то, как они пересекаются между собой. Организуя предметы, составлявшие коллекцию императора, антиквар Фрёшл (Fröschl) начал с природных объектов, затем перешёл к артефактам и закончил предметами, имевшими отношение к науке. Среди экспонатов, находившихся на пересечении природных объектов с предметами искусства, были, например, такие, как сосуд из сейшельского ореха на изысканной подставке. Это характерный пример предмета роскоши, в котором необычный и в то время в высшей степени драгоценный дар природы сочетается с работой человеческого гения.

С упорством и настойчивостью через своих многочисленных представителей Рудольф разыскивал отдельные предметы искусства, пока ему не удалось присоединить их к своей коллекции. Так, например, после длительных переговоров он, в конце концов, смог приобрести почти все картины Альбрехта Дюрера, хранящиеся в настоящее время в Музее истории искусств в Вене (Австрия)⁷.

Основателем первого музея в России считают Петра I, хотя на самом деле, уже у его отца, царя Алексея Михайловича, была небольшая коллекция «диковин»⁸. В этом смысле вкус самого Петра к необычным и уродливым объектам природы являлся типичным выражением культуры Барокко — в то время по всей Европе с увлечением разыскивали монстров и уродов. Однако, помимо этого интереса на формирование коллекции Петра очевидное влияние оказал совет Лейбница: «Относительно музея и Кунсткамеры... (которые) должны служить не только удовлетворению всеобщего любопыт-

⁷ Pichorner F. Op. cit. P. 15.

⁸ Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 315.

ства, но и способом развития искусств и науки»⁹. Начало собственной коллекции Петра было положено в Нидерландах в 1697 году, когда он приобрёл заспиртованных птиц, рыб и насекомых. Первоначально эти и некоторые другие образцы хранились в Аптечной канцелярии. В июне 1698 года¹⁰ Пётр посетил «Зелёный Свод» (Grüne Gewölbe) в Дрездене, собрание раритетов курфюрста Саксонии¹¹. Это роскошное собрание произвело на Петра сильное впечатление, как, впрочем, и коллекции Фредерика Рюйша и Николя Шевалье в Голландии. Собрание Петра включало экзотические и причудливые объекты природы и этнографические редкости, а также раритеты и дипломатические подарки. Но самого Петра больше интересовала натуралия, чем артефакты. По сравнению с Габсбургами, в кунсткамерах которых преобладали предметы, сделанные человеком, Петра гораздо больше привлекали объекты естественного происхождения. Их количество значительно увеличилось после второй поездки Петра в Европу в 1716–1717 годах, во время которой были приобретены зоологические препараты аптекаря Альберта Себы, анатомический кабинет Рюйша, а также «кабинет» врача Говальда из Данцига, включавший редкие камни, минералы и раковины. Эти коллекции хранились в Летнем дворце Петра в Петербурге. С 1714 года петровская Кунсткамера располагалась в Кикиных палатах¹², а в 1718 году для неё началось строительство нового здания. Идея Петра заключалась в создании музея, открытого для широкой публики, куда люди могли бы приходиться, чтобы посмотреть на экспонаты и узнать что-то новое. Для привлечения публики в музее предлагались бесплатные алкогольные напитки. В этой открытости петровской Кунсткамеры для публики заключалось её важное отличие от Кунсткамеры Рудольфа II, которую могли посещать лишь избранные персоны королевской крови и их послы. В 1719 году экспонаты коллекции Петра всё ещё выставлялись в Кикиных палатах. Пётр энергично расширял свою коллекцию. Для этого, в частности, в 1718 году он издал свой знаменитый указ об уродах и диковинах. Наряду с животными

⁹ *Bredenkamp H.* Leibnitz. Idee eines Theaters der Natur und Kunst für Russland // Palast des Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen. Hg. Brigitte Buberl und Michael Dückerhoff. München, 2003. Band II. P. 116–119.

¹⁰ *Renée E.* Kistemaker. Seba und Ruysch- die Anfänge der Petrinischen Kunkammer- Peters Besuch in Holland // Ibid. P. 62–65.

¹¹ *Désirée Baur* und Peter Plaßmeyer. Physikalische Apparate und mechanische Spielereien- Peters I Besuch in Dresden in der Kurfürstlichen Kunkammer und in den Werkstätten // Ibid. P. 105–106.

¹² *Hughes L.* Op. cit. P. 316.

и птицами в коллекцию должны были поступать родившиеся человеческие уроды — в те времена они вызывали к себе большой интерес собирателей и в других странах. Все эти предметы следовало доставлять официальным представителям России, которые покупали их за государственный счёт. Плата за мёртвые человеческие экземпляры составляла 10 рублей, за мёртвых животных — 5, за птиц — 3, за живых человеческих уродов платили 100 рублей, за животных — 15, за живых птиц — 7. За образцы с ярко выраженными уродствами платили больше, за менее деформированных — меньше¹³.

В 1704 году в Россию был приглашён Роберт Арескин, шотландец, получивший образование в Оксфорде, член Британского Королевского Общества. В 1714 он возглавил Петровскую Кунсткамеру, а в апреле 1716 года был назначен *архиятром* — главой всего медицинского ведомства России. После смерти Арескина в 1718 году его заменил Лаврентий Блюментрост (1692–1755), будущий президент Российской Академии наук. В апреле 1722 года был издан указ о поиске в монастырях старых монет, камней и вообще всех древних и необычных вещей¹⁴.

Несмотря на то, что уже Пётр I начал собирать коллекцию западноевропейской живописи, основательницей Эрмитажа в Петербурге обычно считают Екатерину II.

Подобным же образом настоящим основателем венского собрания живописи является эрцгерцог Леопольд Вильгельм, брат императора Фердинанда III, хотя произведения искусства собирали все его предки, причём уже они отличались систематическим подходом к коллекционированию. Леопольд Вильгельм каталогизировал свою коллекцию, составив в 1659 году её подробную опись и выставив всё собрание в здании Штальбурга — одного из дворцов императорского комплекса в Вене. Практически все свои картины эрцгерцог приобрёл в 1547–1656 годах, когда занимал должность наместника в Нидерландах. Как раз в этот период Английская республика распродала, выставляя на аукционы, коллекцию искусств Карла I и другие собрания, конфискованные у британских аристократов. В результате картины этих собраний попали в руки разных владельцев. Леопольд Вильгельм составил собственную коллекцию из 1 400 картин, а также по поручению своего брата, императора Фердинанда III, приобрёл какое-то количество полотен для Праги, чтобы

---

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 313.

восполнить коллекцию картин, пострадавшую от разграбления шведами. В 1656 году собственная коллекция эрцгерцога, которую главным образом составляла венецианская и северо-итальянская живопись XV–XVI веков и фламандская живопись XV–XVII веков, была перевезена из Брюсселя в столицу империи Вену и размещена в Штальбурге. Своим стилем коллекционирования, а именно, стремлением покупать предметы искусства целыми коллекциями, эрцгерцог и Екатерина II были похожи¹⁵.

В середине XVII века, после того, как значительная коллекция живописи, составленная Леопольдом Вильгельмом, прибыла в Вену, этот город стал центром художественных коллекций Габсбургов. Благодаря вкладу эрцгерцога, сегодня венский Музей истории искусства входит в число самых знаменитых собраний мира. Полотна, приобретённые Леопольдом Вильгельмом, составляют основу богатейшей коллекции венецианской живописи музея. В дальнейшем эта коллекция была ещё больше пополнена за счёт покупки картин, изначально принадлежавших венецианскому патрицию Бартоломео делла Наве, в числе которых были работы Мантенья, Антонелло да Мессина, Джованни Беллини, Джорджоне, Тициана, Тинторетто и Веронезе. Со временем эти полотна вошли в состав коллекции Гамильтона¹⁶.

В собрание Леопольда Вильгельма входили также шедевры XV века, например, несколько панно Яна ван Эйка и Рогира ван дер Вейдена. И, наконец, последнее по порядку, но не по значимости — потрясающая коллекция фламандского искусства, состоящая из большого количества работ таких мастеров того времени, как Рубенс, Ван Дейк и их учеников. Широта, с которой в коллекциях Леопольда Вильгельма были представлены все крупные живописцы, говорит о систематичности, с которой эрцгерцог подходил к составлению своего собрания. Стремление представить в нём общую картину истории живописи свидетельствует о современном подходе эрцгерцога к коллекционированию¹⁷.

Специфический характер коллекций, принадлежавших всем Габсбургам, заключается в том, что в них отражено искусство тех регионов и стран, которые находились под властью представителей этого дома. Всем великим коллекционерам этой династии нравилась при-

¹⁵ *Pichorner F.* Op. cit. P. 30.

¹⁶ *Torre-Scheuch Fr. del.* Leopold Wilhelm und die italienische Malerei // *Sammellust.* Wien, 2014. P. 81–91.

¹⁷ *Gruber G.* L'abondance & la diversité. Die Galerie Erzherzog Leopold Wilhelms. *Niederländische Schulen.* Sammellust. Wien, 2014. S. 93–101.

Тинторетто. Портрет солдата. Венеция, 1555. Вена, Музей истории искусства, картинная галерея, инв. №, GG 24

митивная фламандская живопись, Брейгель, венецианцы, Дюрер и уже позже фламандское барокко, Рубенс, Ван Дейк, представители декоративного итальянского барокко. Габсбурги ценили зрелый, развитый стиль, мастерство исполнения, элегантность и декоративность композиции. Им нравилась пышность, даже излишняя пышность, тщательная проработка деталей и идеальная декоративность произведений. Вкус Габсбургов был в целом достаточно ортодоксален, но при этом они не впадали в фанатизм. Их глубоко восхищали венецианские и фламандские мастера XVI и XVII веков. Центральное место в их коллекции занимало искусство венецианского Возрождения, представленное знаменитыми полотнами Джорджоне, Тициана, Тинторетто и Веронезе, а также ранняя немецкая живопись, представленная многочисленными работами Дюрера, и двенадцать великолепных картин Питера Брейгеля Старшего. К образцам высокого фламандского барокко следует отнести большое количество работ Питера Пауля Рубенса и других. Важное место в коллекции занимают основные европейские портретисты от Диего Веласкеса до Рембрандта Харменса ван Рейна и сэра Энтони ван Дейка¹⁸.

В России одним из самых значительных коллекционеров была Екатерина II. Приобретённые ею собрания Гоцовского, фон Брюля, Пьера Кроза и лорда Уолпола стали основой эрмитажной коллекции. Но Екатерина была не первой собирательницей западноевропейского искусства — небольшая коллекция европейской живописи была ещё у Петра I.

Большинство картин, украшавших покои Петра, были вывезены из заграницы. Их сюжеты во многом отражают вкус владельца, ко-

¹⁸ Kugler G. Die Geschichte der habsburgischen Kunstsammlungen bis zu ihrer Vereinigung als k. u. k. Kunsthistorisches Hofmuseum // Das Kunsthistorische Museum in Wien. Wien, 1978. P. 9–26.

торому нравились городские и морские пейзажи и изображения сражений. Большинство этих картин принадлежит кисти малоизвестных голландских художников, однако были среди них и работы таких великих мастеров, как Рембрандт.

Пётр особенно любил изображения кораблей и морские пейзажи. Именно такие холсты украшали его личные покои, особенно в петергофском дворце Монплеизир¹⁹.

Вот как выглядел типичный заказ на покупку картин, который Пётр отправил своему агенту в Голландии Кристоферу Брандту: Пётр заказал около четырёх десятков картин с изображением морских сражений, морских судов, видов голландских городов и деревень с каналами и лодками и несколько пейзажей²⁰.

Вкус, который проявляла в своём подходе к коллекционированию Екатерина II, очень похож на вкус Леопольда Вильгельма. Как и он, Екатерина с большим удовольствием приобретала работы мастеров венецианской школы. Однако были и отличия. Самое большое из них состояло в том, что в собрании Екатерины была широко представлена французская живопись XVII и XVIII веков. Среди работ французских художников XVII века, приобретённых Екатериной, — Никола Пуссен, Клод Лоррэн, Луи Ленен. Французская живопись XVIII века широко представлена в её коллекции работами таких мастеров как Ватто, Буше, Ланкре, Шардэн, Фрагонар, Грёз и Юбер. В коллекции Габсбургов все эти художники отсутствовали²¹.

---

¹⁹ *Hughes L.* Op. cit. P. 237.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Descargues P.* Die Eremitage. Paris, 1961. P. 15–47.

Питулько Галина Николаевна
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры международных отношений
Северо-Западного института управления РАНХ и ГС,
старший научный сотрудник Библиотеки РАН*

Книга в России XVIII века как инструмент просвещённой монархии: От Петра I до Екатерины II

Бесспорно, наиболее весомый вклад в дело развития книжной культуры, образования и науки внесли в XVIII веке венценосные Романовы. Пальма первенства, несомненно, принадлежала Петру Великому (1682–1725), создавшему не только Высшую Навигацкую школу (1701), преобразованную в 1715 году в Морскую Академию, но также Артиллерийскую (1701), Инженерную (1712) школы и Медицинское училище (1707). В период создания империи в петровскую эпоху при Посольском приказе была создана школа для подготовки переводчиков, а для детей провинциальных дворян и чиновников были открыты 42 так называемые «цифирные» школы. Сам Пётр прекрасно осознавал необходимость государственной поддержки гражданской печати.

Отдельная страница в истории книжности в России первой четверти XVIII века — это формирование частных собраний и библиотек. Пётр I, сам участь всю жизнь, много сил и средств отдавал собиранию книг. Пожалуй, самая главная черта, отличающая книжную эпоху Петра Великого от последующих периодов правления Романовых — это стремление сделать книгу не только своим личным, но и общедоступным достоянием. На основе европейского опыта в но-

вой северной столице создаётся Кунсткамера, где помимо диковинных экспонатов хранилось 11 тысяч томов.

Создав Кунсткамеру, Пётр I стал инициатором открытия Петербургской Академии наук и в 1718 году повелел «приискать из русских, кто учён и к тому склонность имеет». К участию в работе Петербургской Академии, указ о создании которой был подписан в 1724 году, приглашались крупнейшие учёные Западной Европы. В отличие от своих европейских коллег, российские члены Академии состояли на жалованье у казны, а занятие наукой стало своего рода государственной службой.

Как совершенно справедливо отмечалось исследователями, «... Царь собирал книги всю жизнь, особенно во время путешествий по Германии, Голландии, Франции и другим странам Западной Европы... После кончины императора его книжное собрание стало ядром библиотеки Российской Академии наук»¹. Следует отметить, что помимо самой мемориальной библиотеки Петра I, состоящей из рукописных и печатных книг и в настоящее время хранящейся в Рукописном отделе Библиотеки РАН, ближайшие сподвижники также имели вполне достойные с точки зрения своего состава частные книжные собрания. Так, библиотека лейб-медика Петра I Роберта Арескина (1674–1718) состояла из 2 527 томов². После смерти владельца в 1718 году это книжное собрание по распоряжению царя было куплено для учреждённой в 1714 году государственной библиотеки, с 1725 года получившей официальный статус Библиотеки Академии наук³.

До известной степени показательным является книжное собрание Якова Брюса (1669–1735), одного из знаменитейших сподвижников Петра I, ядро библиотеки которого формировалось в этот период. В крупнейшем собрании книг Брюса в первоизданном варианте было 1 500 томов⁴. Помимо брусковского книжного собрания, являвшегося библиотекой учёного-энциклопедиста, книжные коллекции украшали дома генерал-губернатора С. Петербурга светлейшего князя А.Д. Меншикова, вице-канцлера барона П.П. Шифорова, переводчика Посольского приказа А.А. Виниуса и др. Кстати говоря, если с книжным собранием Меншикова много неясно, то книги из библиотеки Шифорова (484 тома) и Виниуса (375 то-

¹ *Масси Р.К.* Пётр Великий: В 3-х тт. Т. III / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой, В.Э. Волковского. Смоленск, 1996. С. 362.

² *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 238.

³ Там же.

⁴ Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989. С. 12.

мов) в конечном итоге оказались в составе Библиотеки академии наук⁵. Точно таким же украшением нынешних фондов редкой книги БАН стала одна из интереснейших по своему составу библиотека члена Синода, тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741)⁶.

Остановимся чуть подробнее на биографии этого деятеля петровской поры. Фёдор Леонтьевич Лопатинский родился на Воьльни, образование получил в Киево-Могилянской академии и во Львове, после чего преподавал в Киеве. Затем он был приглашён в Московскую славяно-греко-латинскую академию, где сначала стал префектом (1704), а чуть позже ректором (1706). Свою преподавательскую деятельность Феофилакт Лопатинский совмещал с церковной практикой, являясь архимандритом Заиконоспасского монастыря⁷. Он преподавал философию и богословие, а также работал в комиссии по подготовке редакции славянского текста Библии, созданной по приказу Петра I в 1712 году. Примечательно, что уже после смерти Феофилакта Лопатинского, когда текст исправленной Библии проходил новую правку, в документах Св. Синода она описывается как «Феофилактова Библия» или «Библия <...> с поправлением покойного преосвященного Лопатинского»⁸. В силу целого ряда причин так называемая Елизаветинская Библия вышла только в 1751 году⁹.

Феофилакт Лопатинский также известен как автор и соавтор ряда важных публицистических и пропагандистских текстов петровской эпохи. В частности, ему принадлежат «Служба благодарственная...» о победе под Полтавой, речь о мире со шведами, опубликованная в 1722 году. Также он участвовал совместно с Иосифом Туробойским в сочинении «Политиколепной апофеосис...»¹⁰. Фео-

⁵ Луппов С.П. Указ. соч. С. 236–237.

⁶ Лавровский А.И. Феофилакт Лопатинский и его библиотека // Учёные записки Калининского пед. ин-та. Фак-т яз. и лит. Вып. 1. Калинин, 1947. С. 197–210; Николаев С.И. Лопатинский Фёдор Леонтьевич (в монашестве – Феофилакт) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 226–228.

⁷ Евдокимов И. Каталог преосвященных архиереев Тверских. Тверь, 1888. С. 20–28

⁸ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 124. Об исправлении и печатании при Синоде Библии (1744–1753). Л. 37 об.–38, 40.

⁹ См.: РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 124.

¹⁰ Служба благодарственная Господу Богу о Великой победе над шведским королем Карлом XII и войском его, одержанной государем Петром Великим под Полтавою. М., 1709; Божие уничижение гордых уничтожение, при шествии свейския силы разорителя, действием академии учением греческим, славенским и латинским процветающее изображение. М., 1710; Слово о богодарованном

филакт Лопатинский был автором первого оригинального академического курса.

В 1722 году Феофилакт Лопатинский был назначен членом Синода, оставил должности в Москве и из Заиконоспасского монастыря был переведён сначала в Чудов монастырь, потом, будучи рукоположен в сан епископа (с 1725 — архиепископа), занимал Тверскую и Кашинскую кафедру. В Твери архиепископ Феофилакт служил с 1725 по 1738 год.

Феофилакт Лопатинский как одна из ключевых фигур круга церковных деятелей, которых в традиции XIX века иногда именуют «партией старины», очень жёстко и публично полемизировал с Феофаном Прокоповичем, главным пропагандистом церковных реформ и культурных преобразований Петра. Первая полемика и первые конфликты между Феофилактом Лопатинским и Стефаном Яворским, с одной стороны, и Феофаном Прокоповичем, с другой, начались ещё в 1712 году. Впоследствии со стороны Стефана Яворского, Гедеоны Вишневского и Феофилакта Лопатинского были предприняты попытки воспрепятствовать церковной карьере Феофана Прокоповича.

В 1720-е годы, когда Феофан Прокопович получил безраздельное влияние на церковь и значительный вес в Тайной канцелярии, начался ряд политических дел, в которых оказались замешаны лица, приближённые к Феофилакту. Уже в XIX веке И.А. Чистович называл эти процессы «Решиловским делом»¹¹. Поводом к разбирательству стало опубликование Феофилактом Лопатинским огромного апологетического труда Стефана Яворского «Камень веры», что произошло в 1728 году, спустя шесть лет после смерти автора. В итоге так называемого «Решиловского дела» Феофилакт был арестован, признан виновным в государственной измене, и, по-видимому, подвергался пыткам. Священник был лишён сана архиепископа, расстрижен и заключён в замок в Выборге. Все бумаги опального архиерея и его библиотека были арестованы и перевезены в Петербург. В деле Феофилакта Лопатинского, ныне хранящемся в Российском государственном историческом архиве, мы читаем: «...по сообщенной в Святейший Синод Канцелярии Тайных розыскных дел о Библиотеке бывшего тверского архиерея Лопатинского Февраля 15 дня сего году по описи значится: что во оной находятся книги разных диа-

---

мире, заключенном российской империей с короною шведской. М., 1722; Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийского Геркулеса <...> Петра Алексеевича... М., 1709.

¹¹ Чистович И.А. Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. СПб., 1861.

лектов <...> и по номерам показано книг тысяча четыреста шестнадцать. Генваря 21 дня 1739 года канцелярист Евдоким Череповский»¹². Вероятно, примерно в это же время зимой 1739 года Е. Череповским была составлена опись книг, которая фигурирует в деле как «Реэстр Библиотеке Лопатинского которая имеется в Канцелярии тайных розыскных дел». Согласно «Реэстру...», библиотека Лопатинского состояла из 1 416 томов, которым соответствовали 1 227 заглавий. То есть, это было крупнейшее книжное собрание, вполне сопоставимое с библиотекой Я.В. Брюса.

В дальнейшем уже в правление Анны Леопольдовны Феофилакт Лопатинский был реабилитирован, а в конце 1740 года при восшествии на престол Елизаветы Петровны был восстановлен в духовном сане. Однако здоровье архиепископа Феофилакта было подорвано тюремным заключением, и он умер в мае 1741 года, так и не вернувшись на свою кафедру в Тверь.

Библиотека Феофилакта Лопатинского по праву считается одним из самых значительных и интересных книжных собраний в России первой половины XVIII века. После реабилитации тверского архиепископа эта библиотека была отдана им через Синод Тверской семинарии по духовному завещанию. К сожалению, книжное собрание Феофилакта Лопатинского вернулось в Тверь далеко не полностью, поскольку часть его по распоряжению Синода перешла к другим духовным учебным заведениям. Всего из изъятых некогда 1 416 томов из Петербурга в Тверь была отправлена 941 книга. Существенные потери в первую очередь касались книг на церковнославянском языке. В Твери библиотека Феофилакта Лопатинского легла в основу Библиотеки Тверской семинарии. В течение XVIII столетия тверское книжное собрание пополнялось ценными изданиями XVI–XVIII веков, в том числе из частных библиотек таких иерархов церкви, как епископ Тверской Афанасий Вольховский, архиепископ Ростовский Арсений Верещагин и митрополит Московский Платон Левшин. После революции 1917 года редкие книги из этой библиотеки были переданы Калининскому государственному педагогическому институту. В 1959 году семинарская библиотека была передана из Калинина в Библиотеку Академии наук, где в настоящее время она хранится отдельным собранием как «Библиотека Феофилакта Лопатинского», по имени основателя книжной коллекции. Итогом изучения книг этого библиофила, просветителя, сочинителя и переводчика петровской поры стал вышедший в издательстве «Пушкинский Дом» в 2016 году научный ката-

---

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 576. Л.3.

лог «Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741)». В нём содержится 654 научно-библиографических описания печатных книг на старославянском, греческом, латинском, польском и немецком языках¹³. Таким образом, фигура Феофилакта Лопатинского, история его жизни и деятельности, а также судьба его библиотеки в некотором роде весьма показательна для понимания роли книги и книжного собирательства в первой половине XVIII века.

В дальнейшем уже при Екатерине II (1762–1796) была полностью реализована программа Просвещения, отличавшаяся особым российским привкусом, в том числе в области библиофильства. Эта программа имела несколько направлений: создание широкой системы образовательных и научных учреждений, активное развитие издательского и библиотечного дела, поддержка со стороны государства науки и художественного творчества. Сама императрица пришла к выводу о том, что «самое надёжное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими, есть приведение в совершенство воспитания». В 1783 году по распоряжению императрицы был издан на русском языке труд австрийского учёного и педагога Иоганна Фельбигера (1724–1788) «О должностях человека и гражданина», отредактированный самой Екатериной II¹⁴. Самое главное, согласно его содержанию: лучше весь век учиться, нежели «пребывать незнающим». В том же году в Петербурге было открыто Главное народное училище, которое готовило учителей для всей страны. На его основе впоследствии вырос Главный Педагогический институт. Примечательно и создание в этот период специальных женских учебных заведений и прежде всего, Смольного Института благородных девиц. Это было неслыханным новшеством для России второй половины XVIII века. Учебную программу Института разрабатывал великий Дени Дидро (1713–1784). Сама императрица стала автором и составителем нескольких трудов, где нашли отражение не только идеи европейского Просвещения, но и русские православные традиции. Речь идёт о «Продолжении начального учения» и «Выбранных российских пословицах». Помимо французских просветителей на Екатерину II явное влияние оказали её сподвижник митрополит Московский и Коломенский Платон (в миру Пётр Георгиевич Левшин (1737–1811))¹⁵, а также труды

¹³ Гальцин Д.Д., Питулько Г.Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741). СПб., 2016.

¹⁴ Фельбигер Иоганн Игнац. О должностях человека и гражданина: Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи / Изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя. Санктпетербург, 1786.

¹⁵ Розанов Н.П. Московский митрополит Платон. СПб., 1913.

видных православных богословов ранга епископа Тихона Задонского (1724–1782)¹⁶ или же Паисия Величковского (1722–1784). В некотором отношении это можно сопоставить с периодом правления Петра I и деятельностью церковных деятелей и книжников уровня Феофилакта Лопатинского или же Стефана Яворского.

Как известно, Екатерина Великая продолжает и традицию собирания западных памятников искусства и книг, начатую при Петре I. Она покупает крупнейшие книжные собрания Дидро и Вольтера, а Большой Эрмитаж становится вместилищем шедевров западноевропейского искусства.

Шагнула далеко вперед в эпоху просвещённого абсолютизма и российская наука в лице Императорской Академии наук, ставшей важнейшим центром изучения русской словесности, начиная с 1783 года. С именем Екатерины II связан и проект создания в Санкт-Петербурге Императорской публичной библиотеки в 1795 году.

Ещё одна страница книжной истории времени Екатерины II — это формирование Императорской библиотеки Эрмитажа. Широко известно, что сама императрица всю жизнь активно демонстрировала свою любовь и увлечение книгами, стараясь привить подобные же чувства не только своим домашним, но и своим придворным. В 1762 году Екатерина подарила свою библиотеку Эрмитажу, и с этого времени ведёт своё начало Эрмитажная библиотека. В дальнейшем в её составе оказались не только уже упомянутые выше книжные коллекции Дидро и Вольтера, но и приобретённые императрицей книги генерал-поручика А.Д. Ланского (1758–1784), а с начала 1790-х годов — книги русского историка М.М. Щербатова (1733–1790). Сама Екатерина II упоминала, что примерно к этому времени только в её «музее в Эрмитаже» находилось 38 тыс. книг. Также с самого начала правления Екатерины Алексеевны в стенах Эрмитажа, помимо основного ядра Эрмитажной библиотеки дома Романовых, с 1766 года формируется Придворно-служительская Библиотека¹⁷. Придворно-служительская библиотека, точнее биб-

---

¹⁶ *Попов Т.Д.* Святитель Тихон Задонский и его нравоучение. М., 1916; *Хондзинский П.* Два труда об истинном христианстве: Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // ЖМП. 2004. № 2. С. 62–73.

¹⁷ *Павлова Ж.К.* Императорская библиотека Эрмитажа, 1762–1917. Тераффи (N.Y.), 1988; *Питулько Г.Н.* Императорская Эрмитажная библиотека в составе Библиотеки РАН (к вопросу о современном изучении книжных собраний Дома Романовых) // Династия Романовых: 400 лет в истории России: материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 251–254; *Раев М.* Романовы и их книги: Эпоха императорской власти в России // История библиотек: Исследования, материалы, документы. Вып. 3. СПб., 2000. С. 241–243 и др.

лиотека «для чтения находящимся при высочайшем дворе чинам и ливрейным служителям», была основана Екатериной II при участии Григория Орлова.

Каждый последующий император после кончины Екатерины Великой стремился увековечить своё царствование в собственных книжных собраниях. В научной литературе, посвящённой общей численности книг, входивших в состав всех императорских собраний правящей династии Романовых, книговедами называется примерная цифра в 70 000 томов¹⁸.

Как указывал Ф.И. Покровский в своей неопубликованной статье, посвящённой Придворно-служительской библиотеке, она представляла собой чрезвычайно интересное и многообразное собрание классической русской литературы от Кантемира до Карамзина, включая периодику и переводные сочинения европейских авторов XVIII века¹⁹. Придворно-служительская библиотека, образованная в начале правления Екатерины II, была специально сформирована для тех придворных лиц, которые обслуживали Зимний Дворец²⁰. В эту пору во Дворце вместе с семьёй Романовых проживало примерно 3 тыс. человек. Ежегодно для закупки книг для придворных во времена Екатерины II тратилось примерно 600 рублей, что представляло собой вполне солидную сумму²¹.

Ныне многие книги из Придворно-служительской библиотеки находятся в хранилище русского фонда Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки РАН. Как правило, все экземпляры имеют особые отличительные черты — кожаные и полукожаные переплёты, на обороте верхних крышек которых расположены бумажные наклейки следующего содержания: «Императорская Эрмитажная Русская библиотека» с указанием соответствующего шкафа и полки в Зимнем дворце. Помимо наклейки на титульном листе размещался штамп «И[мператорской]. Придворной Российской Библиотеки».

Некоторые условные границы, исходя из характеристики так называемых Эрмитажных фондов Отдела редкой книги, можно провести, опираясь не только на наклейки, штампы, но и на само

¹⁸ Ковальчук Г.И. Книги из библиотек императорской семьи Романовых в фондах отдела старопечатных и редких изданий Национальной Библиотеки Украины им. В.И. Вернадского // Книга в России. Сб. 1 / Сост. А.А. Романова, А.Ю. Сиренов. М., 2006. С. 319.

¹⁹ Покровский Ф.И. Бывшая Придворно-служительская библиотека. Неопубликованная статья // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 5. 1929. № 24. Л. 1–2, 11.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

книжное оформление. К примеру, среди дублетного фонда редких книг XVIII века хранится несколько томов из Полного собрания сочинений А.П. Сумарокова. Две первых части собрания переплетены в красный сафьян, тиснённый золотом. Кроме того, эти книги имеют позолоченный обрез. И если на книгах Придворно-служительской библиотеки на верхних крышках имеется тиснение «Придворной Библиотеки», то на рассматриваемых экземплярах первых томов сумароковского собрания подобного отличия нет. Более того, на обороте форзащного листа первого тома можно прочесть карандашную помету «Получены 10 книг 14.3.1782», оставленную, вероятно, библиотекарем времени Екатерины II²². Возможно, эту помету оставил зять М.В. Ломоносова А.А. Константинов, служивший в Эрмитажной Императорской Библиотеке «унтер-библиотекарем», начиная с 1762 года.

Отношение венценосных Романовых к самому книжному фонду Эрмитажной библиотеки с течением времени менялось. Подобное, надо сказать, происходило и во время правления самой создательницы Эрмитажной и Придворно-служительской библиотеки в лице Екатерины Великой. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример, когда после начала Великой Французской революции императрица приказала распылить книги Д. Дидро по всей библиотеке.

Подводя некоторые итоги, можно сформулировать несколько общих положений и выводов. Во-первых, книга как инструмент образования и культуры в течение XVIII века была поднята на уровень государственной заботы, начиная с эпохи Петра Великого и заканчивая временем Екатерины Великой. Во-вторых, в этот период в России сложилась прочная традиция библиофильства, отличавшаяся некоторыми типичными чертами — каждый из владельцев пытался собрать и увековечить свою собственную коллекцию книг, отличавшуюся не только составом, но и владельческими признаками. Наконец, в-третьих, книга в своей исторической преемственности от эпохи Петра I до периода правления Екатерины II стала мощным и влиятельным атрибутом образованного подданного Российской империи XVIII столетия.

---

²² *Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. I. М.: в Университетской типографии Н. Новикова, 1781. Шифр: 5941 д.

Клименко Юлия Гавриловна
(Москва)

*Профессор Московского архитектурного института
(государственной академии)*

Французский классицизм в архитектурных программах Петра I и Екатерины II¹

Общепризнанно, что в истории франко-российских культурных отношений именно восемнадцатый век занимает исключительное место. Однако при всей кажущейся очевидности инфильтрации идей французского классицизма в русское зодчество XVIII столетия у многочисленных исследователей, занимающихся этой проблематикой, остаётся ещё немало нерешённых вопросов. Тема эта активно разрабатывалась с начала прошлого столетия как отечественными, так и французскими исследователями. Среди многих имён первой группы достаточно упомянуть таких искусствоведов Серебряного века как Н.Н. Врангель, А.Н. Бенуа, А.А. Трубников, И.Э. Грабарь и И.А. Фомин. Именно благодаря их активной деятельности удалось возродить в России интерес к архитектуре классицизма. Ко второй группе необходимо отнести представителей Французского института в Санкт-Петербурге (1911–1919)². Плодотворная научно-исследовательская работа членов этой «малой Сорбонны» повлияла на

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ. (Научно-исследовательский проект № 15-04-00349 а).

² *Ржеуцкий В.С.* «Французский институт в С.-Петербурге» (1911–1919) и русско-французское научное и культурное сближение // *Россия и Франция. XVIII–XX века.* Вып. 7. М., 2006. С. 293–322.

масштаб и характер изучения дореволюционных архивов, в фондах которых были выявлены многочисленные документы и имена французских мастеров в России века Просвещения. Накануне первой мировой войны Луи Откёр успел опубликовать издания, посвящённые влиянию французского классицизма на архитектуру Санкт-Петербурга в эпоху Екатерины Великой³. В сложные 1930-е годы фактически чудом удалось издать результаты длительных поисков этого русско-французского коллектива в монографии, посвящённой *художественной классицистической школе XVIII века*. Специальный раздел, подготовленный Дени Рошем, начинался словами: «Из всех эпох, отмеченных печатью французского художественного гения, XVIII век является по преимуществу французским»⁴.

Задачей данной работы является определение сходства и отличий в отношении к французской архитектурной школе русского сообщества в эпохи Петра I и Екатерины II. Увлечение Петром I строительными успехами Франции освящает значительное число подробных исследований, раскрывающих сложный характер его взаимоотношений с французской культурой. Анализ путешествий российского императора, его глубокий интерес к архитектурным ансамблям Парижа и окрестностей, исполненным в стилистике Людовика XIV, объясняет последующие изменения в его строительной деятельности в России. Так, положительные воспоминания о празднике в Марли, организованном в честь 45-летнего юбилея русского царя, отразились в воспроизведении элементов этой французской резиденции в Стрельне и Петергофе. В последнем был создан целый район «Марли» с одноимённым дворцом. В ходе посещения Петром I парижских мануфактур в сопровождении Королевского архитектора заключались договоры о приглашении целых команд мастеров для работы в России⁵.

³ *Hautecoeur L.* L'Architecture classique á Saint-Pétersbourg á la fin du XVIII siècle, Paris, 1912. Благодаря активной исследовательской деятельности этого автора за пределами Франции ему удалось проследить за деятельностью своих соотечественников в различных странах. Этот материал существенно обогатил издание Л. Откёра по истории классицистической архитектуры во Франции: *Hautecoeur L.* Histoire de l'architecture classique en France. Т. 1–6 / Louis Hautecoeur. Paris: Picard, 1943–1955[0].

⁴ *Roche D.* Французское влияние на русскую художественную школу // Известия Государственной Академии Материальной культуры. Вып. 123. Русская академическая художественная школа в XVIII веке. М.; Л., ОГИЗ, 1934. С. 33.

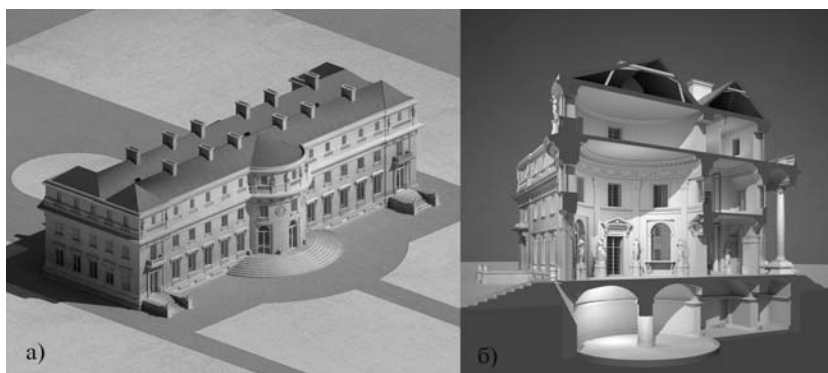
⁵ Достаточно упомянуть о Королевской мануфактуре Гобелен в Париже, которую Пётр I осматривал дважды. Этому визиту было посвящено специальное издание: *Pierre Le Grand á la Manufacture des Gobelins. 12 mai-15 juin 1717. Relation contemporaine.* 1893. [*L.F. Dubois de Saint-Gelais*]. Русского царя встречал первый

Именно отсутствие необходимых мастеров делало невозможной идею воспроизведения архитектурных достижений французской школы в России. Отдельные контракты не могли решить проблему качественного и массового строительства, требующего не столько знания классицистического порядка в проектировании, сколько владения особым искусством каменной кладки, учитывая приоритет Франции в использовании не кирпича, а тёсанного камня сложной формы. Со времён готики искусство стереотомии, благодаря которому возводились постройки с высокими сводами криволинейных очертаний, активно развивалось династиями французских каменщиков. Многочисленные трактаты о резке камня позволяют проследить за стремительной эволюцией знаний в области математики, механики и геометрии. Малекулярно прочная каменная кладка позволяла архитекторам с лёгкостью создавать планировки самой сложной конфигурации, с эффектным сопряжением стен и ниш между помещениями круглой, овальной или квадратной формы в плане. В отличие от изящных и ажурных планов французского классицизма с купольными ротондальными салонами, планы построек из кирпича в Италии были простыми с прямолинейными стенами (образующие помещения прямоугольной формы). На это различие указывал Н. Львов, сравнивая планы итальянских построек с тканью для вышивки крестиком, где все стены пересекаются только под прямым углом. В 1780 году, комментируя труды А. Палладио, он писал: *«итальянских архитекторов планы внутреннего расположения комнат гораздо удобнее для шитья по канве золотом, нежели для жилья во оных...»*⁶. При этом Н. Львов признавал, что *«если бы у той или другой нации и занять что ни есть в строительном художестве, то пусть французские архитекторы научат нас располагать внутренность домов, чего мы в другой архитектуре по образу нынешней жизни иметь не можем...»*⁷ (илл. 1а, 1б).

королевский архитектор Р. Де Котт, главный управляющий садами, искусствами и фабриками Его Величества, а также его сын Ж.-Р. Де Котт, инспектор Королевских строений и директор королевской мануфактуры Гобелен. В ходе этого посещения Пётр I привлёк к сотрудничеству немало специалистов. Причём первые партии мастеров выехали в Санкт-Петербург ещё в 1716 г. двумя группами: первая из девяти человек отправилась в апреле, вторую, из пяти мастеров с учениками выехавшую в Россию 17 ноября сопровождал и архитектор А. Леблон, приглашённый русским императором.

⁶ Четыре книги Палладиевой архитектуры. СПб., 1798. Кн. 1. С. 58.

⁷ Цит. по: *Перфильева Л.А.* «Салон» как явление культуры эпохи Просвещения и его архитектурный эквивалент // Пушкинское наследие и русская усадебная культура: к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Большие Вязёмы, 1997. С. 107–117. С. 111.

Илл. 1.

а) Реконструкция загородного дворца Голицыных. Архитектор Ж.-Ж. Герн. Проект, купленный в Париже в 1780 году, не был полностью реализован в подмосковной резиденции Архангельское из-за непонимания крепостными зодчими многих инженерно-конструктивных приёмов, характерных для французской строительной школы

б) Общий вид со стороны сада и поперечный разрез, демонстрирующий в основании ротонды кольцевой цилиндрический свод, расположенный под овальным залом парадного этажа.

Модель выполнена в 2016 в МАРХИ. Авторы: студенты Д.И. Смирнов, В.П. Баканов, науч. рук. — Ю.Г. Клименко

Общеизвестна характеристика Петром I каменного строительства: *«Во Франции я сам был, где ... только гладко и просто и очень толсто строят и все из камня, а не из кирпича (понеже везде камень есть)»*⁸. Массивность стен русский царь соглашался использовать лишь в фортификационном искусстве. Инженерные достижения французской школы в гражданском строительстве он применял крайне ограниченно, в основном в «гидравлической архитектуре» для организации фонтанов, фактически отложив возможность внедрения в русском зодчестве остальных бытовых удобств (от канализационной городской системы до устройства вентиляции и воздухопроводов в зданиях). Это увеличивало дистанцию разрыва между культурой строительства двух стран, учитывая, что именно XVIII столетие во Франции определяют веком расцвета инженерного искусства.

Однако приведённая негативная оценка Петра I не столько связана с качеством архитектуры времён Людовика XIV, сколько с пониманием невозможности быстро воспитать в России специалистов нужного уровня и в нужном количестве. Рецепция достижений фран-

⁸ Цит. по: Мезин С. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 158.

цузской школы каменщиков со сложнейшей иерархией и виртуозным владением искусством стереотомической резки и кладки — оставалась неразрешимым препятствием на пути распространения этих знаний за пределами Франции. Впрочем, французские мастера и архитекторы, принявшие приглашение русского двора, сделали немало. Благодаря стараниям А. Леблона, архитектора-практика и автора серии трактатов, прибывшего в Санкт-Петербург в августе 1716 года с семьёй и командой мастеров, русская школа получила возможность использовать его значительный опыт как в области организации архитектурной власти, в градостроительной политике, в проектировании дворцовых резиденций и общественных построек, в подходе к реконструкции древних ансамблей, в апробации ландшафтного и инженерного искусства, так и в развитии системы архитектурного образования и освоении французского архитектурного языка.

Изучение наследия А. Леблона в северной столице объясняет желание Петра I реформировать систему субординации архитектурного управления по французскому образцу. Попытки урегулирования города отражены не только в известном проекте архитектора с его градостроительными планировками, но и серьёзными теоретическими документами с предложениями по устройству новых органов архитектурной власти. Появление Полицмейстерской канцелярии после его «продолжений», восходит к трактату Н. Деламара «*Traité de la Police*»⁹, изданного в Париже в 1705 году и возможно использованного А. Леблоном в 1717 году. Принципиально лишь, что предлагаемая модель в значительной степени имеет французское происхождение. Понятие «*embellissement de la ville*» (благоустройство города), появившееся в последних томах трактата, использовалось в XVIII столетии в качестве предшественника понятия «градостроительство» (термина начала XX века). В контексте темы настоящей конференции следует лишь подчеркнуть сам факт преемственности, учитывая интерес к трактату Н. Деламара не только в петровское время, но и в эпоху Екатерины II, когда сама императрица изучала текст и использовала его для написания Зерцала благочиния в 1782 году¹⁰.

Переходя к личности Екатерины Великой, следует сказать, что в отличие от Петра I, прожившего в Париже 44 дня, она была лишена даже такой возможности личного знакомства с французской столи-

⁹ Delamare N. *Traité de la Police*. 4 vol., Paris, 1705–1738.

¹⁰ Клименко Ю.Г. Н. Лепран в Архитектурной экспедиции московской Управы благочиния // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования. Вып. 1. М., 2007. С. 200–221.

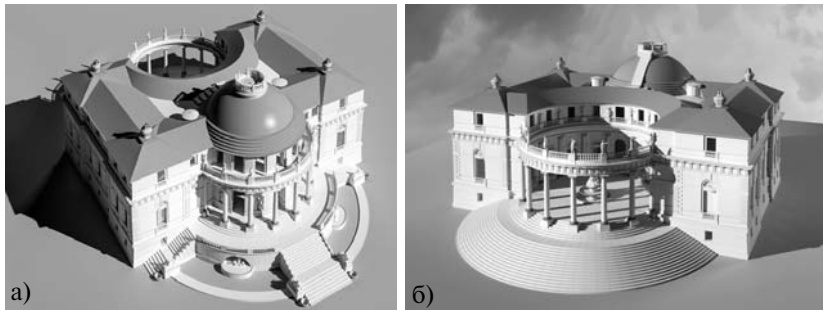
цей и её архитектурой. Тем не менее, она внимательно следила за художественными новостями, приобретала архитектурные увражи, изданные во Франции, заказывала проекты мастерам Людовика XVI и членам его Королевской академии архитектуры, имела собственных агентов в этой столице архитектурной моды. Таким образом, именно её правление было ничуть не менее явно ориентировано на идеи французского неоклассицизма, проникновение которых в русскую архитектуру XVIII столетия было заметным и очевидным для научного сообщества.

С определённого времени сложилась устойчивая ошибочная трактовка «негативного» отношения Екатерины II к французской архитектурной школе, благодаря её фразе, которую полюбили цитировать: *«у нас есть французы, которые много знают и строят дрянные дома, негодные ни внутри, ни снаружи, и все оттого, что они слишком много знают»*. Необходимо сказать, что Джакомо Кваренги, о приглашении которого шла речь в процитированном письме, несмотря на итальянскую школу во многом был ориентирован на идеи французского классицизма, учитывая его длительное вращение среди пенсионеров Французской Академии в Риме, с которыми он мог совершать дорогостоящие поездки и изучать наследие А. Палладио. Фактически произведения Дж. Кваренги в России во многом занимают пограничное положение и определяют интернациональный характер отечественного классицизма.

Известно, что он хранил в своей мастерской, копировал и использовал серии архитектурных проектов, присланных из Франции в дар Российской императрице. Эти французские увражи и проекты привлекали и вдохновляли её на масштабные строительные авантюры, многие из которых остались на бумаге. Один из преподнесённых проектов Екатерине Великой – роскошный альбом от Шарля де Вайи с проектом и наипочтительнейшим посвящением. И хотя принято считать, что этот комплект чертежей с павильоном Минервы остался нереализованным, однако это верно лишь отчасти. В ряде русских построек Дж. Кваренги мы видим использование архитектурных приёмов этого французского мастера – учителя В. Баженова, И. Старова, А. Воронихина и Ф. Волкова. (илл. 2а, 2б, 3, 4)

Нельзя обойти вниманием и вопрос формирования архитектурного языка в России века Просвещения¹¹. Французская терминология наиболее активно проникала в профессиональную строительную лексику в период правления Петра I и особенно Екатерины II.

¹¹ Клименко С.В., Клименко Ю.Г. Влияние французского языка на формирование архитектурной терминологии в России XVIII века // Архитектурное наследство. Вып. 63. 2015. С. 64–77.

Илл. 2 (а и б)

Реконструкция Павильона наук и искусств. Архитектор Ш. де Вайи, 1773.
 Модель выполнена в 2016 в МАРХИ. Авторы: студенты С.Е. Елица, И.С. Максимов, А.И. Мотунов; науч. рук. — Ю.Г. Клименко

Это связано не только с использованием этого словаря архитекторами в своей рабочей документации (сметы, экспликации к планам и др.), но и предпочтением самих заказчиков. И по сей день в русском языке используется значительный корпус архитектурной лексики из французского языка, заменить которую так и не удалось, несмотря на определённые старания, особенно в послереволюционные годы ограничения на покупку французских книг и в годы правления Павла Петровича. Попытки «очищения» русского языка предпринимали многие переводчики и отечественные авторы конца XVIII века, впрочем, предлагаемые ими *«некоторые архитектурные названия с российским переводом»* вызывают лишь улыбку читателя.

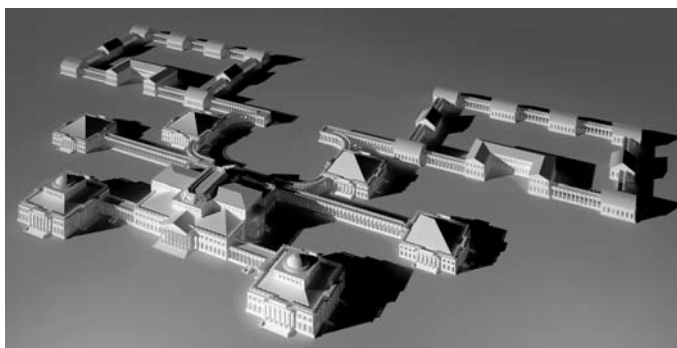
Во франко-русских архитектурных контактах века Просвещения, безусловно, первое место занимает Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот, практически 16 лет проработавший в Петербурге. Исследователь его творчества — О. Медведкова отмечала, что *«так долго в России не оставался ни один французский архитектор»*¹². Однако вдвое доле этого срока провёл во главе архитектурной школы Москвы другой парижский зодчий — Николя Легран¹³. Его вклад в развитие московской архитектуры Екатерининского времени ещё не получил должной оценки. При его руководстве был создан первый проектный план Москвы, подтверждённый императрицей 7 июля 1775 года.

¹² Медведкова О. До приезда в Россию: Валлен-Деламот и конкурс на проект площади Людовика XV // Пинакотекa. № 13–14. М., 2002. Р. 70.

¹³ Клименко Ю.Г. Творчество архитектора Николя Леграна // Архитектурное наследие. Вып. 44. М., 2001. С. 147–160. *Klimenko J. Nicolas Legrand: un architecte français á Moscou // Pinakothek. № 13–14. М., 2002. Р. 78–81.*

Илл. 3.
И. Старов. Таврический дворец.
Реконструкция ансамбля на 1809
год.
Модель выполнена в 2008 году в
МАРХИ. Авторы: студенты
Г. Айгунян, А. Афонин, К. Лебе-
дев; науч. рук. — С.В. Клименко

Илл. 4.
И. Старов. Дворец в Пелле (не сохранился). Один из крупнейших дворцовых комплексов Екатерины II, созданный учеником Ж.-Б.-М. Валлен-Деламота и Ш. де Вайи воплощает градостроительный размах французских классицистических резиденций.

Реконструкция выполнена в 2016 в МАРХИ. Авторы: студенты А. Осипова и И. Тихонова; науч. рук. — Ю.Г. Клименко

Заложенные здесь градостроительные принципы были ранее с успехом апробированы во французской столице. Н. Легран возглавлял деятельность Отделения Департамента Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, был первым (главным) архитектором Каменного Приказа и Архитектурной части московской Управы благочиния.

Проникновение идей французского классицизма проходило не только на уровне градостроительных решений, его вклад в образовательную систему не менее значителен, чем у Ж.-Б.-М. Валлен-Деламота, преподававшего в Академии Художеств Петербурга. Н. Легран обучал «гражданской архитектуре» воспитанников Московского университета, учеников Школы Каменного приказа «Кур-

су украшения внешних и внутренних фасадов», а также архитектурских помощников Управы благочиния. Список построек этого парижского мастера ещё нуждается в уточнении, оставаясь предметом значительных дискуссий в течение XX столетия. Наиболее ярким его произведением в Москве, спроектированным и возведённым Н. Леграном по заказу Екатерины II, является здание Кригскомиссариата. Крупный архитектурный ансамбль, расположенный на Садовнической набережной, несмотря на некоторые перестройки, сохраняет в себе подлинные ценные конструктивные¹⁴ и декоративные приёмы французского мастера. Постройки этого зодчего в древней столице и её окрестностях свидетельствует о масштабе распространения французского классицизма не только в Санкт-Петербурге, но и в российской провинции, где губернскими архитекторами становились ученики Н. Леграна.

Сотнося эпохи Петра I и Екатерины II, следует отметить сходную толерантность в области храмовой архитектуры. Например, в отношении темы двухколоколенных церковных построек, появление которых связано с периодом правления Петра I, а развитие эта тема получила именно в эпоху Екатерины II. Один из ярких образцов этой преемственности в строительстве, начатом одним российским императором и завершённым другим — Троицкий собор Александро-Невской лавры. Недостроенный Т. Швертфегером собор с двумя колокольнями позднее перерабатывал русский пенсионер И. Старов, который использовал проекты французских учеников, участвовавших в конкурсной программе 1766 года Королевской Академии Архитектуры в Париже. Их идеи отчётливо просматриваются в окончательном предложении Ивана Старова¹⁵. За пределами сто-

---

¹⁴ Среди примечательных инженерных приёмов необходимо указать на применение «цилиндрических кольцевых сводов вокруг центральной опоры» в угловых ротондах Кригскомиссариата. Эту конструкцию, широко используемую во французской архитектуре, можно видеть в парижском храме Визитасьон на ул. Сент-Антуан, амфитеатре медицинского факультета Университета на ул. Бушери, в партикулярных отелях де Сальм (арх. П. Руссо), де Бурбон-Кондэ (арх. Т. Бронияр) и многих других постройках.

В Москве аналогичные своды сохранились в домах П.Е. Пашкова, И.И. Юшкова, храме Косьмы и Дамиана на Покровке и некоторых других памятниках последней трети XVIII в. По этой теме см.: *Климченко Ю.Г.* Западноевропейский инженерный опыт в архитектуре русского классицизма. О роли подлинных конструкций в вопросах атрибуции // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 7. М.; СПб.: Коло. 2014. С. 40–51.

¹⁵ Эта тема была подробно рассмотрена: *Климченко Ю.Г.* Петербург и московские двухбашенные храмы XVIII в. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7: Санкт-Петербург и архитектура России. М., 2007. С. 363–409.

лицы эта тема двуколоколенного строительства поддержана серией храмов, связанных с именем архитектора Н. Леграна. Небольшие церкви, возведённые по его проектам в Москве и загородных усадьбах, к сожалению, искажены поздними перестройками или находятся в руинированном состоянии.

В вопросах обращения к цитированию французской архитектуры порой удивляет степень копияности и масштаб архитектурных заимствований из французских увражей. Трудно прокомментировать желание будущего императора Павла I, точно повторившего средневековый нерегулярный план парижской мануфактуры Гобелен из издания Ж.-Ф. Blondеля «Французской архитектуры»¹⁶ при строительстве крепости Ингербург на въезде в собственную загородную резиденцию в Гатчине¹⁷. Трудно сказать было ли это решением увековечить памятное посещение этой фабрики четой Северных в мае 1782 года или результатом демонстрации очередного протеста в отношении строительных программ Екатерины II, ориентированных на классицистическую ясность. Однако нельзя не отметить, что архитекторы по указанию Павла, зданиям из криволинейного генплана подбирали фасады известных парижских произведений эпохи классицизма и неоклассицизма. Вероятно, это следует объяснить его попыткой создать собственный архитектурный язык¹⁸ (илл. 5а, 5б).

Рассмотренные в данной статье памятники, связанные с французским классицизмом и неоклассицизмом, созданные в эпоху Петра I и Екатерины II, позволяют говорить о развитии стиля, о привнесении в него не только автохтонных местных традиций, но и о его качественном преобразовании, и как следствии, формировании нового собственного архитектурного языка в этих произведениях, так или иначе вошедших в контекст русской культуры XVIII столетия.

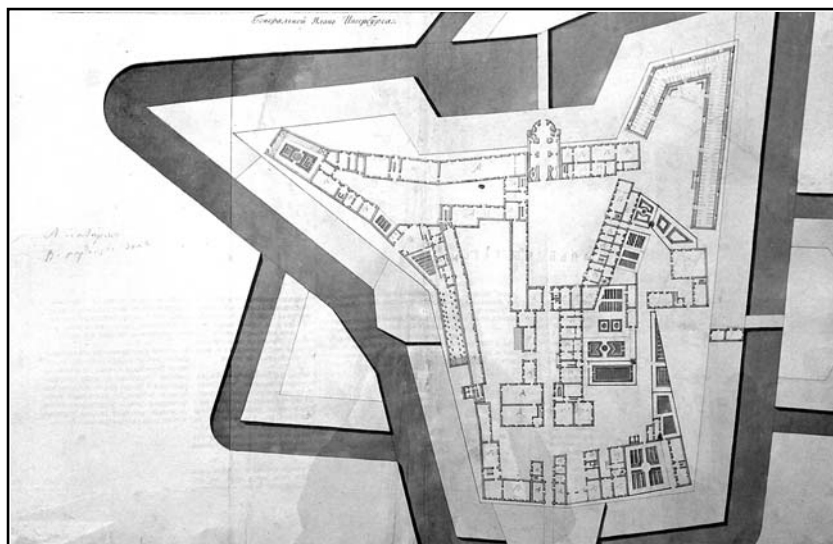
---

¹⁶ *Blondel J.F. Architecture Française, ou recueil de plans, d'élévations, coupes et profils des Eglises, Maisons Royales, Palais, Hôtels & Edifices les plus considérables de Paris. Vol. 2. Paris, 1752.*

¹⁷ *Петрова О.В. Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII–XIX веков. Из собрания государственного музея-заповедника «Гатчина». СПб., 2005.*

¹⁸ *Клименко Ю.Г. Архитектурные образы парижской мануфактуры Гобелен в русском классицизме // Архитектура и современные информационные технологии. АМІТ, № 3(24)-09 2013. Электронный ресурс: <http://marhi.ru/AMIT/2013/3kvart13/klimenko/klimenko.pdf> (дата обращения 28.12.2016).*

Илл. 56. Проект Ингербурга. Второй вариант. 1790-е годы. Фрагмент.
План точно повторяет планировку Королевской мануфактуры Гобелен
в Париже

Баранова Светлана Измайловна
(Москва)

*Хранитель Московского государственного объединённого музея-заповедника,
профессор кафедры музеологии Российского государственного
гуманитарного университета*

Ухналёв Андрей Евгеньевич
(Санкт-Петербург)

*Ведущий научный сотрудник НИИ
теории и истории архитектуры и градостроительства*

Екатерининский дворец в Коломенском и московское дворцовое строительство в первой половине царствования Екатерины II

Слава «восьмого чуда света» — деревянного дворца царя Алексея Михайловича, построенного в 1668 году, заслонила память о других дворцах в Коломенском. Об одном из них — дворце Екатерины Великой до последнего времени было почти не известно. Обращение к документам и архитектурным чертежам, хранящимся в архивах Москвы и Петербурга, позволило проследить историю строительства дворца, представить его облик, убранство интерьеров, а также высказать предположение об авторе проекта.

Впервые приехав в Коломенское в 1762 году, Екатерина приказала отремонтировать старый деревянный дворец. Однако заключение архитектора И.Ф. Мичурина и составленная архитектором Карлом Бланком в 1764 году смета на огромную по тем временам сумму почти в 60 000 руб. заставили принять решение о сносе здания¹.

---

¹ Суздаlev В.Е. Очерки истории Коломенского. М., 2004. С. 82.

Илл. 1. А.Н. Бакарев. Вид села Коломенского. 1800-е годы.
Московский государственный объединённый музей-заповедник

В 1766 году последовало распоряжение императрицы о постройке в Коломенском нового дворца. Екатерина всегда живо интересовалась воплощением архитектурных проектов. В письме к барону Гримму она писала: «Строительная горячка — дьявольская вещь; она поглощает деньги, и чем больше строишь, тем больше хочется строить; это болезнь, как пьянство»². Многочисленные личные указы и распоряжения раскрывают участие императрицы во всех стадиях строительства многих объектов — от этапа проектирования до конца строительства. Дворец в Коломенском не исключение. В письме от 29 декабря 1766 года к фельдмаршалу графу П.С. Салтыкову Екатерина пишет: «Будучи всеми вашими касательно до строения Коломенского дворца распоряжениями довольна, желаю, чтоб окончен он был не позже как к Петрову дню»³. По Высочайшему указу Московская дворцовая канцелярия должна была «безпрепятственно отпускать руководителю строительства князю П.В. Макулову всё, что он будет требовать к поспешению строения»⁴.

11 июля 1767 года, канун Петрова дня императрица, как и планировалось, встречала в новом дворце (илл. 1). В этом году, во время почти годичного пребывания в Москве, Екатерина посещала дворец дважды; весной, для осмотра «новостроящегося в том селе дворца», а затем летом, когда дворец был окончательно готов.

² Шуйский В.К. Зрелое русское барокко и ранний классицизм. СПб., 1997. С. 13–14.

³ Письма Екатерины II к П.С. Салтыкову // Русский Архив. 1886. № 9. С. 19.

⁴ Клименко Ю.Г. Архитектор московских императорских дворцов П.В. Макулов [1730–1778] // Архитектурное наследие. Вып. 46. М., 2005. С. 166–179.

Заметим, что старый дворец в это время ещё существовал. Зная о плачевном состоянии здания, императрица приказала разобрать его, предварительно сняв чертежи и изготовив модель, а фундаменты отметить посадками кустов акации. Разбирали дворец «с бережливостью... и годный лес, который определением от архитектора назначиваться и клеймиться будет, спускать бережно на канатах, а не бросать <...> и все прочие внутренние вещи, т.е. окончины, двери, израсцы от печей и всякого звания железю, выбирая, складывать в показанных местах»⁵.

Архитектурные чертежи дворца в собрании РНБ и описи дают исчерпывающее представление об архитектуре нового дворца Екатерины в Коломенском⁶. В общих массах четырёхэтажное здание (два нижних этажа каменные, а верхние — деревянные) не отличается выразительностью. Это — простой параллелепипед, форма, плохо сочетающаяся с архитектурным менталитетом москвичей, ценивших живописность композиции, крайнее выражение которой было представлено старыми хоромами царя Алексея Михайловича. Облик нового дворца представляют чертежи фасадов от реки и с противоположной стороны (илл. 2, 3). Некоторые архитектурные особенности здания определялись его расположением на пологом спуске. Если со стороны реки здание имело два каменных этажа, то на противоположный фасад за счёт подъёма уровня земли выходили только окна верхнего из этих двух этажей.

Роль главного фасада принадлежит восточному, выходящему на Москву-реку. Это отмечено характером геральдического декора и подтверждено историческими описаниями визитов Екатерины, согласно которым экипаж подъезжал именно к этому фасаду, и императрица торжественно входила во дворец с восточного крыльца. Изображение фасада со стороны реки полностью совпадает с описанием в документе — описи 1768 года: «... От реки с большого крыльца оное крыльцо все каменное и по концам парапета поставлены 2 каменные статуи, изображение Африки и Америки, частей света. При оном же крыльце врыты 2 пушки чугунные, такой же величины, каковы у подъезда на верхней площадке крыльца под колоннадою, в нишах поставлены по обе стороны входных дверей 2 каменные статуи, изображение двух частей света Европы и Азии. Столбы и на оных антаблемент, весь из белого камня и над оными площадка; на оной ... на средней решетке из латуни вырезано над

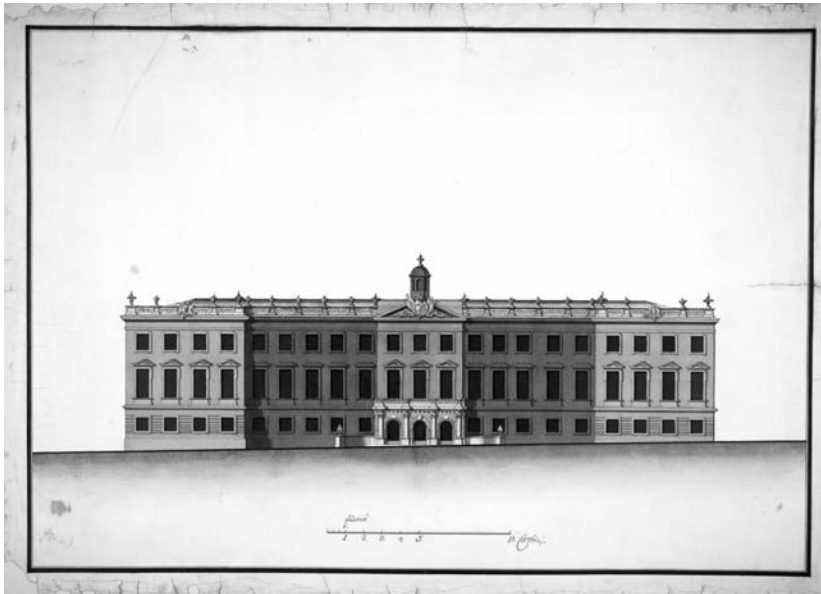
⁵ Ачаркан Д.-М.И. Дворцовое село Коломенское. История его памятников зодчества по архивным данным. [Б. м.], 1918. С. 127.

⁶ Описи: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 32295, 69325; Ф. 27. Оп. 1. Д. 42611. Чертежи: ОР РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 14.

Илл. 2. Екатерининский дворец в Коломенском. Восточный фасад.
Архитектурный чертёж. 1770-е годы. ОР РНБ

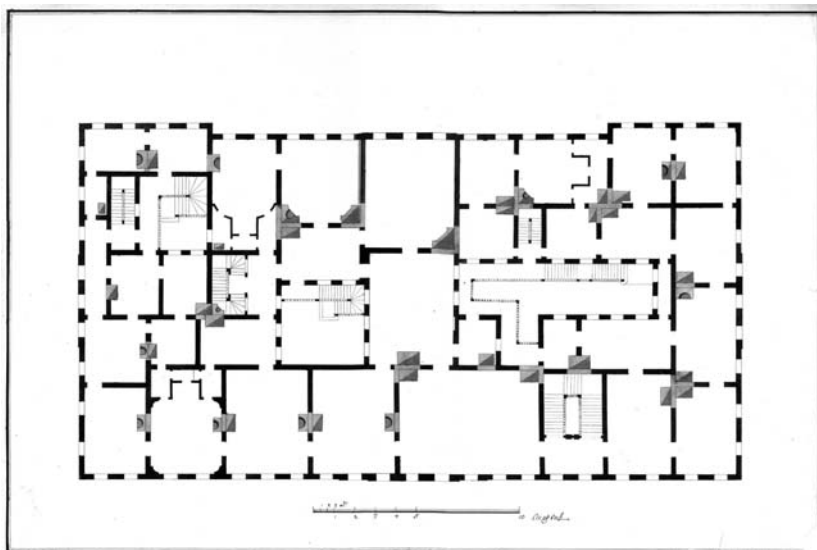
Илл. 3. Екатерининский дворец в Коломенском. Западный фасад.
Архитектурный чертёж. 1770-е годы. ОР РНБ

короною, в орнаменте сей, из олова «Е» ее императорского величества имя»⁷.

В письме к П.С. Салтыкову государыня указывала, что «внутри никаких богатых украшений делать не надобно»⁸. Сохранившиеся

⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 32295. Л. 47 об.

⁸ Письма Екатерины II к П.С. Салтыкову // Русский Архив. 1886. № 9. С. 19.

Илл. 4. Екатерининский дворец в Коломенском. План деревянного бельэтажа. Архитектурный чертёж. 1770-е годы. ОР РНБ

описания екатерининского дворца с «уборами мебелиями и другими украшениями» на первом деревянном этаже упоминают 33 комнаты, включая парадные покои императрицы и покои, отведенные наследнику цесаревичу (илл. 4). Описание помещений второго этажа насчитывает 44 комнаты.

Дорогие шёлковые ткани использовались в качестве обоев только в парадных комнатах императрицы. В остальных помещениях чаще встречались «обои сицовые по белой земле с разными травами» или бумажные. Каждая комната была решена в определённой цветовой гамме, например, в опочивальне стены, завесы, каминный экран и мебель были обтянуты белой и волнистой тафтой, а пол — алым трипом, в кабинете на полу было тонкое зелёное сукно, а на стенах, завесах и мебели — «малеванная» и белая тафта.

Основными предметами мебелировки дворцовых помещений являлись кровати, стулья, столы, «габриолеты» и «конопеи», а также ширмы и каминные экраны. В бильярдной, находившейся на первом этаже, стоял бильярдный стол со всеми необходимыми аксессуарами. В столовой было шесть карточных столов и 24 стула. Обязательным элементом убранства почти каждой комнаты служило зеркало, порой не одно. Помещения освещались паникадилами, шандалами и подсвечниками. Вместительный дворец отапливался

печами и каминами. В описи упоминаются 49 печей и 12 каминов, большинство из которых были отделаны «штуком» — искусственным мрамором⁹.

Из дворца вели переходы в старые служебные постройки — Сытный двор и Приказные палаты, которые в ходе строительства дворца были частично перестроены, частично же разобраны. Например, над палатами Сытного двора надстроили второй этаж. В феврале 1768 года князь Пётр Макулов рапортовал о завершении этих работ с приложением обстоятельной описи «построенным при Коломенском Ея Императорского Величества дворце каменных кухонь...»¹⁰. Опись содержит ценные сведения об устройстве и функции старых и новых служебных помещений.

Впоследствии перед последним приездом Екатерины, в 1787 году, под руководством архитектора Матвея Казакова во дворце были проведены ремонтные работы, в том числе и в мыльне, в которой установили две печи и камин, для облицовки которых, как следовало из записки архитектора, составленной в 1787 году, понадобилось «всего 1684 изразца поливных белых»¹¹.

Одновременно со строительством дворца благоустраивалась усадебная территория. В Голосовом овраге вырыли новые искусственные пруды, над ключом построили колодец. Была проведена перепланировка садов, ветлами и ивовыми кустами были обсажены рвы, которые примыкали к дороге, ведущей из Коломенского в Царицыно. Слева от императорского дворца на месте старого разводного моста через Москву-реку возвели новый, деревянный¹².

Императрица была довольна и темпами, и качеством строительных работ. «С большим удовольствием усмотрела, — писала она московскому генерал-губернатору графу П.С. Салтыкову, — что Коломенский дворец совсем к Петрову дню поспеет, за что вам благодарствую, а кн. Макулова без награждения не оставлю»¹³. Или из письма Екатерина II М.Н. Волконскому: «Я была, да и все весьма довольны Коломенским дворцом, который он (Макулов. — С.Б.) строил»¹⁴.

⁹ Подробнее об отделке и обстановке дворца см.: *Баранова С.И.* К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // *Архитектурное наследие*. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 78–95.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 13. Д. 32295.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 29327. Л. 92.

¹² *Ачаркан Д.-М.И.* Указ. соч. С. 28.

¹³ *Клименко Ю.Г.* Указ. соч. С. 169.

¹⁴ Там же.

Пребывание в Коломенском французской армии не прошло бесследно для дворца. В 1813 году смотритель Брыкин докладывал, что дворец после ухода французов «в таком состоит положении, что к скорому подвержен падению»¹⁵. И всё же император Александр I приказал сохранить здание. Только в 1825 году на месте старого дворца Александр повелевает строить новый по проекту архитектора Е.Д. Тюриня. Император, который объявил, что управлять Россией будет «по законам и по сердцу» Екатерины II, остался верен выбору царственной бабушки. Однако Александру не удалось насладиться ощущениями от встречи с памятью Екатерины Великой. Она не состоялась, оборвавшись почти мистически — строительство Александровского дворца завершилось в год смерти царя. Траурная колесница, направлявшаяся из Таганрога в столицу, привезла тело императора в Коломенское.

Александровский дворец завершил историю дворцового строительства в Коломенском. В 1835 году сюда прибыл император Николай I. «Вот, — сказал он, восхитившись красотой открывающегося вида, — где я поставлю дворец...»¹⁶. Но проект нового дворца, созданный архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1836 году, остался неосуществлённым.

Имя князя Петра Васильевича Макулова (1730—1778) часто упоминается в ближайшем окружении Екатерины, где он заслуживает лестные отзывы о нём императрицы. Камер-фурьерский журнал свидетельствует о неоднократных встречах императрицы с Макуловым. Князь руководил, помимо Коломенского, несколькими крупными строительствами в Москве. Характер его служебной деятельности, а также его подпись на некоторых чертежах Коломенского дворца: «Подполковник князь Пётр Макулов», дали повод предполагать его автором проекта этого замечательного здания¹⁷. Но если критически рассмотреть аргументацию в пользу Макулова, выяснится немало спорного и неясного.

В документах отражена административная деятельность князя. Однако делопроизводство XVIII века, не уделявшее никакого внимания вопросу о реальном авторстве, не отвечает ясно на вопрос о его творческой работе. Подпись под чертежом — особый и неоднозначный фактор. В русской архитектурной графике XVIII столетия вообще редки подписи архитекторов — авторов проектов, как редки и

---

¹⁵ Каулен М.Е. Работы архитектора Е.Д. Тюриня в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1991. С. 94.

¹⁶ Суздаев В.Е. Очерки истории Коломенского. М., 2004. С. 95.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 14. Л. 5.

сами оригинальные чертежи. Большая часть проектов сохранилась в копиях, не подписанных или же имеющих подпись исполнителя-копировщика. Особую группу подписей на чертежах составляют визы руководителей, которые иногда принимаются исследователями за автографы архитекторов — авторов проектов. В этой сложной ситуации, все подробности которой невозможно описать в двух словах, атрибуция проекта не может опираться только на подпись под чертежом. Более значимым является анализ стилистики, авторской манеры и системы приёмов, которыми пользуется архитектор.

Что касается Макулова, мы видим неясную и противоречивую картину. Нельзя уверенно указать его оригинальные авторские чертежи. Материалы, объединяемые именем Макулова, специально не исследовались на предмет выявления его собственноручных графических работ. Но в XVIII столетии архитектор, не выражающий свой замысел в чертеже, не существовал как творческая единица. Так что до тех пор, пока не выявлена авторская графика Макулова, он, как архитектор, остаётся фигурой неопределённой.

В документах говорится о трёх крупных проектах Макулова: Коломенском дворце, Екатерининском дворце в Лефортово и Воробьёвском дворце. Однако чертежи возобновления Воробьёвского дворца относятся к проекту переноса существующего здания Пречистенского дворца и отражают его архитектурный облик. В двух оставшихся проектах поражает разделяющая их стилистическая дистанция и кардинальное различие характера архитектуры. «Гранёный» мужественно-пластический классицизм Екатерининского дворца в Лефортово далёк от мягкой архитектурной манеры, демонстрируемой Коломенским дворцом, настолько, что едва ли допустимо предполагать здесь авторство одного зодчего. Архитектура дворца в Лефортово явно соотносится с французской стилистической линией круга произведений В. Баженова и Н. Лёграна.

Макулов, по-видимому, вовсе не был автором этих проектов. Его роль ограничивалась руководством строительства и составлением проектов утилитарных зданий, в частности, служб в Коломенском. В ряду зодчих ранних лет екатерининского царствования есть другие, вполне определённые в творческом отношении архитекторы, имеющие большие основания на признание в качестве авторов этих интересных зданий. Дело здесь не в отрицании возможности того, что удачный проект мог быть создан малоизвестным зодчим. Такие примеры имеются в истории русской архитектуры. Причина в том, что характер архитектуры Коломенского дворца, его стилистика вполне определённо соответствует манере одного из ведущих зодчих того времени.

Обоснование гипотезы об авторе проекта дворца в Коломенском требует подробного рассмотрения архитектуры этого утраченного памятника. Важные особенности отмечаются на восточном фасаде дворца. Верхний этаж каменной цокольной части здания имеет меньшую по сравнению с нижним этажом высоту окон. Расположены они с малым отрывом от перемычек нижних проёмов. Этот этаж трактован как антресольный. Следует отметить также боковые ризалиты с чётным числом осей — двумя на восточном фасаде и четырьмя на западном.

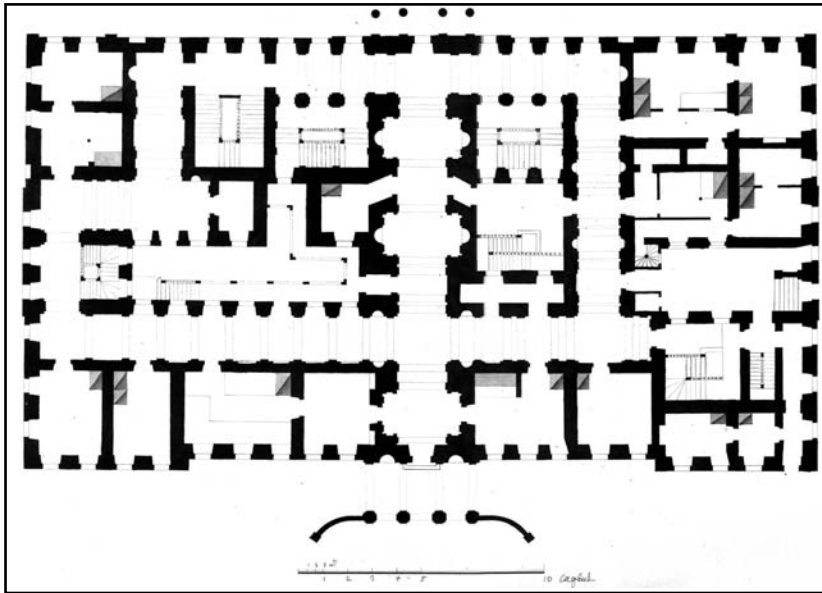
Подобное нехарактерно для уже сложившейся в России европейски ориентированной традиции. Однако это приёмы, обычные для архитектуры итальянского типа. Пониженные антресольные этажи между нижним и бельэтажем имеют многие ренессансные и барочные дворцы Флоренции и Рима. Что касается ризалитов в две оси, это также общий приём в барочной архитектуре Италии. Он широко распространялся и в других странах Европы, в частности, в Австрии и Богемии, но связан именно с деятельностью архитекторов итальянцев. Французская архитектура держится строгой классической компоновки с нечётным числом осей.

Итальянская архитектурная манера проявляется в Коломенском также повышенным вниманием к завершению здания, при котором кровля скрывается за балюстрадами и аттиками. Обработка окон также указывает скорее на итальянскую, нежели французскую традицию. Наконец, развитые подъезды, решённые в виде пристроенных к зданию отдельных архитектурных объёмов, свидетельствуют о том же.

Итак, перед нами построенное в 1766–1767 году здание умеренной и рациональной архитектуры с явными итальянскими истоками. Оно не имеет ничего общего с живописной московской традицией и является произведением зодчего-иностранца или русского, прошедшего западную школу.

Изобретательно задумана и оригинальна планировка здания. Входной вестибюль на уровне нижнего этажа представлял собой подобие лоджии с расположенным против входа и развитым вглубь здания помещением. Оно мыслилось как «sala terrena». Справа и слева сюда выходили две симметрично распланированные парадные лестницы.

На втором этаже посетитель оказывался в такой же, как в нижнем этаже, лоджии (илл. 5). Она являлась частью галереи, обходящей здание по кругу. Почти все помещения дворца имели в неё выход. На главной оси здания имелся сквозной проход от западного парадного крыльца до лоджии на восточном фасаде. Для входящих

Илл. 5. Екатерининский дворец в Коломенском.
План второго каменного этажа. Архитектурный чертёж.
1770-е годы. ОР РНБ

во дворец западным крыльцом он служил парадным вестибюлем. Гости проходили этим проходом до восточной лоджии к лестнице, ведущей в бельэтаж. Этот длинный вестибюль имел сложную архитектурную отделку. На плане видны ниши для статуй, парные пилястры.

Второй важной особенностью устройства здания были три внутренних двора. Они давали свет обходной галерее, лестницам, вестибюлям и многим помещениям. Но они также использовались для обслуживания залов и покоев бельэтажа. Для прохода прислуги в эти помещения во дворах были устроены деревянные галереи с лестницами. Так избежали необходимости устройства в бельэтаже служебных лестниц и коридоров.

Наличие внутренних световых дворов должно быть отмечено особо. В российской архитектурно-строительной традиции устройства таких дворов не было. Сильно развитых в глубину зданий не строили. Планировки с внутренними дворами появляются в проектах западных архитекторов — Растрелли и Ринальди. Выразительный пример даёт Мраморный дворец — компактный объём с рядом внутренних дворов. В Гатчине мы встречаем аналогичное по сути, но

необычно осуществлённое решение. Одно из помещений первого этажа включает в себе служебную лестницу. Марши этой лестницы примкнуты к стенам помещения. По существу, эта внутренняя комната с лестницей аналогична одному из дворов в Коломенском.

Замечательный для русской архитектуры план дворца находит аналогии, как сказано, в Гатчинском и по некоторым моментам в Мраморном дворцах (к слову, все три дворца были заложены примерно в одно время). В нижнем этаже Гатчинского дворца вдоль фасадов имеются лоджии. Павильон парадной лестницы является продолжением объёма лоджии. В Мраморном дворце мы встречаем во всём подобное решение. Прямоугольный лестничный павильон соединяется с лоджией, а лестница имеет одинаковое устройство с лестницами в Коломенском.

Гатчинский дворец демонстрирует нам и сквозной проход-галерею на оси здания, соединяющий противоположные фасады. В этом дворце также обеспечен обход для половины периметра здания. Здесь нет полной аналогии с Коломенским, но важно, что в обоих зданиях применён один приём планировки.

Заметим, что редкое в России применение отмеченного выше итальянского приёма выявления на фасаде рядом оконных проёмов пониженного антресольного этажа, имеется именно в постройке зодчего-итальянца Ринальди. Это Гатчинский дворец, в полукруглых корпусах которого антресоль устроена над нижним этажом. Квадратные окна антресоли выходят на садовый фасад.

Следует обратить внимание на полное сходство парадных лестниц всех этих трёх дворцов. Они решены совершенно в итальянском духе, как во многих дворцах Ренессанса и Барокко. Садовый вестибюль в Коломенском с симметрично расположенными большими лестницами задуман с размахом и изобретательностью, не уступающим итальянизирующим барочным памятникам Европы. Важно отметить и такой момент сходства Коломенского и Мраморного дворцов, как парное расположение парадных лестниц со служебными.

Можно возразить, что приём соединения помещений обходной галереей не оригинален. Он глубоко укоренён в европейской архитектурной культуре. Но важно сознавать, что для свободного обращения с этим приёмом, да и всей системой приёмов, нашедших применение в наших постройках, следовало быть вполне европейцем. Это значит, что в России 1760-х годов следовало быть архитектором-иностранцем, так как свои европейски образованные таланты ограничивались тогда двумя персонами — А. Кокориновым и В. Баженовым, которые по разным основаниям не могли быть создателями этого проекта.

Но кто же мог быть действительным архитектором Коломенского дворца? Ситуация в русской архитектуре начала екатерининского царствования по существу предопределяет выбор возможного автора. Архитектурные особенности здания столь высоки, что невозможно допустить, чтобы его автором мог быть архитектор «второго круга». В то время активно действовавшими и выполнявшими заказы императрицы были два значительных мастера — Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот и А. Ринальди. Мастера «французской манеры» Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот, В. Баженов, Ю. Фельтен, А. Кокоринов выходят из круга архитекторов, причастных постройке дворца.

Лишь один Ринальди исповедовал в своём творчестве основания итальянской школы, которой он и был воспитан. Именно и только в его постройках встречаются отмеченные выше особенности, ярко проявившиеся в архитектуре Коломенского дворца. Именно той фазе стиля, в которую вовлечено было творчество Ринальди, принадлежит здание.

Кроме общих соображений есть и отдельные конкретные моменты сходства между дворцом в Коломенском и достоверными работами Ринальди. Например, можно указать на крыльцо на восточном фасаде в виде четырёхколонного портика. Оно решено аналогично крыльцам Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, построенным по проекту Ринальди¹⁸. Балконная решётка поверху этого крыльца повторяет рисунок перил лестницы Гатчинского дворца.

Очевидно, именно Ринальди и следует рассматривать как самого вероятного автора проекта этого выдающегося здания. Творческая биография итальянского архитектора, наиболее плодотворно проявившего себя в годы работы в России, изучена ещё далеко не полностью. Обращение к не дошедшему до нашего времени дворцу старой Москвы воскрешает из забвения этот достойный внимания памятник и существенно обогащает наше представление о творчестве Ринальди и в целом о пути развития русской архитектуры в XVIII столетии.

---

¹⁸ Степанов С.Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. С. 149.

Юркин Игорь Николаевич
(Москва)

*Главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники имени С.И. Вавилова РАН*

Двое великих: Образы власти в зеркале мирового кинематографа

Отношения между многообразной исторической реальностью и многообразным и изменяющимся во времени её отражением в духовной культуре общества — огромная как по важности, так и по трудности разработки тема, принадлежащая к сфере интересов многих гуманитарных наук. В этой статье на конкретном материале (памяти о Петре I и Екатерине II, отражённой в образах кинематографа) будут рассмотрены два взаимосвязанных аспекта этой обширной темы. Один — собственно исторической: что именно обществу и его институтам в разное время было нужно от принадлежащих его прошлому исторических личностей. Другой — связанный с ним, но более общий и близкий, скорее, к культурологической проблематике: в каких формах культурные феномены отражают общественное сознание и общественные запросы. И тот и другой в равной степени включены в проблемное поле, относящееся к исследованиям явления коммеморации.

1. Фильмография личности и деятельности Петра Великого, значительна. За период с 1910 года наша, несомненно, неполная, статистика фильмов и сериалов, в которых как главный герой или герой эпизода он присутствовал, такова: 1 российский дореволюционный фильм, 1 советский довоенный, 1 военного времени, 8 совет-

«Пётр Первый», 2 серии (1937, 1938),
в роли Петра Николай Симонов

ских послевоенных, 5 постсоветских. Ещё 4 фильма иностранных: самый ранний (1923) немецкий, два американских (сериал и полнометражный фильм) и украинский. Помимо этого в киноведческой литературе упоминается фильмы, снятые поляками, шведами и французами¹. С ними получится не меньше 23.

Если забыть о первом, дореволюционном опыте, то увидим, что в Россию кино Пётр пришёл, увидел и всех надолго победил (в смысле так расставил точки над *i*, что отбил у других желание ставить их по-своему) в двух сериях фильма режиссера Владимира Петрова «Пётр Первый», вышедших на экраны в 1937 и 1938 годах. Хотя писатель Алексей Толстой был одним из его сценаристов и естественно, мог использовать любые фабульные элементы своего знаменитого романа, фильм не был прямой его экранизацией даже в первой его серии. Но концептуально, идеологически он ему близок, как близок и к доминировавшей тогда оценке исторического места Петра.

А.А. Зимин метко определил родимые пятна такого рода кинолитературы, вспоминая о книгах, которые ему приходилось рецензировать: «Всё это надергано из С.М. Соловьёва, Н.М. Карамзина, школьных учебников и кинофильмов типа “Александр Невский”, “Иван Грозный”, “Петр I”. Царь выступал в них таким сверхчеловеком, страдальцем за народное счастье или уж Отечество во всяком случае. Иногда где-нибудь появлялся какой-нибудь крестьянин или холоп, который являлся жертвой феодально-крепостнического гнёта (из челяди злодеев-эксплуататоров бояр). Бояре, конечно, к тому же и вообще изменники (“шпионы”). Иноземцы в таких “романах” — исконные враги Руси, дьявольское отродье, тщетно пытающееся сгубить героев романа. Какая убогость мысли и чувств. Охотнорядское происхождение “идейного богатства” подобной чепухи

¹ <http://www.tele.ru/cinema/survey/groznyy-petr-5-luchshikh-filmov-o-tsare/> (дата обращения 19.05.2016).

совершенно очевидно»². Историк считал подобную литературу «макулатурой». Но перенесение такой оценки на названные им фильмы, на наш взгляд, неприемлемо, поскольку упрощает эти сложные произведения, подразумевавшимся Зиминым «идейным богатством» далеко не исчерпывающееся. «Третий» Толстой при всей неровности его творчества к создателям охотнорядского чтива не принадлежал. Актёры и режиссёр, воплощавшие его сценарий, тоже. А операторские решения, использованные в фильме Петрова, иногда заставляют вспомнить творчество Сергея Эйзенштейна.

Обречённый стать блокбастером, фильм «Пётр Первый» отражал ожидания публики и одновременно формировал её ожидания. Зрителю рассказывали о мудром и самоотверженном отце Отечества, не щадившем для чад ни счастья, ни здоровья, ни самой жизни. Вокруг — враги (чаще — высокомерные недоумки), пытающиеся использовать и унижить Россию. Таков даже Лейбниц. Он ждёт от неё, чтобы она открывала восточные и северные земли, прокладывая по ним дороги. Но для кого? — для европейцев. Вот только Россия — народ и выражающий его интересы монарх — быть под пятой не хотят. Европа, конечно, нужна (Пётр: «Вы — люди торговые — в Европе учиться надо»). Но русские наделены особым инстинктивным знанием, интуицией («Русский человек — ему ведь только изловчиться»). Так что, европейская заумь часто ему ни к чему («Вобан, Вобан... Иди ты с своим Вобаном! Что нам здесь — три года стоять?»).

Фильм сделан по лекалам исторического кинематографа сталинской эпохи со всеми его недостатками, но также и достоинствами. Благодаря блестящим актёрским работам Николая Симонова (Пётр), Михаила Жарова (Меншиков), Николая Черкасова (царевич Алексей) и других картина не утратила интереса и сегодня. Различие между Петром в жизни и в фильме такое же, как между портретом и иконой: в ней важно не физическое сходство, а соответствие иконописному подлиннику — точность в воспроизведении черт, входящих в канонизированное описание. Выделить их из исторического материала, взаимно согласовать — главная задача кинематографиста-иконописца. Факты, которые он в данном случае отобрал, в своём большинстве достоверны. Лишь в совокупности и взаимодействии раскрываются новые их метаисторические смыслы и миссия.

Впрочем, создатели фильма не всегда держались за историческое правдоподобие — при необходимости обогащали фабулу легендами.

---

² *Зимин А.А.* О книгах, театре, кино и прочем (Из архивного наследия) // История России XIX–XX века. Новые источники понимания. М.: МОНФ, 2001. С. 24.

«Давид-Бек» (1943),
в роли Петра Владимир Ершов

Показателен вставленный в фильм рассказ о жестокости заводчика Никиты Демидова — затоплении по его приказанию подвалов Невьянской башни со спря-

танными в них беспаспортными работниками. Именно легенда рисовала основателя промышленной династии Демидовых таким, каким он был нужен авторам: молодым капиталистическим хищником, одним из тех, на кого можно списать преступления эпохи.

Реальную историю авторы подправляли не только легендами. Вот история с отливкой пушек вместо потерянных под первой Нарвой. Восстановлением артиллерии руководил, как известно, её «надзиратель» Андрей Андреевич Виниус. В фильме, чтобы не загромождать сцену, он вынесен за скобки, а царское задание передано царевичу. Понятно для чего: чтобы показать, как отец ему доверял, как стремился вовлечь в своё великое Дело. Чтобы оправдать слова, которые прозвучат позже: «Или будь наследником дел моих или в монастырь навечно».

Фильм полон аллюзий, отсылающих зрителя к реалиям его (первого зрителя) эпохи. Отношения власть и народ, лидер и масса, Россия и Запад, личное счастье и долг перед обществом — всё это легко проецировалось на жизнь в СССР второй половины 1930-х годов. По-видимому, фильм отвечал психологическим установкам зрителя этой поры, сформированным как прямой пропагандой, так и постепенно входившей в плоть и кровь борьбой за построение социализма в отдельно взятой стране. (Соответствующая концепция была сформулирована И.В. Сталиным в работе «Об основах ленинизма» ещё в 1924 году).

Фильм Владимира Петрова задал стандарт образа. Ученической попыткой его воспроизвести выглядит петровский эпизод в снятом на Ереванской киностудии фильме «Давид-Бек» (1943, режиссёр Амо Бек-Назаров). Вторичность объяснимая, неумелость простибельная — студия была крошечной, время военным. Но Пётр, несмотря на это, получился у актёра Владимира Ершова хоть и эскиз-

«В начале славных дел», 2 серии (1980),
в роли Петра Дмитрий Золотухин

ным, но вполне соответствовавшим тому, чего от новой встречи с ним ждали зрители³.

Послевоенное советское кино создало немало фильмов о Петре и с Петром. Непосредственно ему была посвящена снятая Сергеем Герасимовым экранизация толстовского романа, состоявшая из двух фильмов — «Юность Петра» и «В начале славных дел» (оба 1980). Царя в них сыграл Дмитрий Золотухин.

Конечно, это было иное кино, чем рождённое в конце 1930-х. Несколько менее пафосное и не чуждое мелодраме, более внимательное к окружению — историческому и вымышленному. Но настолько ли иное, насколько другим стал зритель? Советское кино не было коммерческим (в смысле стремления к обязательному коммерческому успеху). Оно не столько отвечало запросу зрителя, сколько его формировало. Учтём и то, что С.А. Герасимов принадлежал к старой когорте советских режиссёров (родился в 1906) и не рвался утверждаться через оригинальные киноязык и идеи. И не за них диалогия получила приз Всесоюзного кинофестиваля в Вильнюсе, а за качество, относившееся к сфере идеологии — масштабность воплощения историко-патриотической темы.

В начале 80-х появляется ещё несколько фильмов, действующим лицом в которых становится Пётр Великий. Сразу же за экранизациями Герасимова на телеэкраны выходит новая экранизация — на этот раз романа Юрия Германа «Россия молодая», осуществлённая на киностудии им. Горького. Режиссёром фильма выступил Илья Гурин, в роли Петра опять снялся Дмитрий Золотухин. Трактовкой исторического материала к традиции, подновлённой в этих картинах, близок образ Петра в первой серии снятого по оригинальному сценарию на Свердловской киностудии фильма «Демидовы» (1983,

³ Любопытно, что в позднейшей экранизации того же романа («Звезда надежды», фильм 1: «Давид Бек», 1978 г., реж. Эдмонд Кеосаян) эпизода с Петром уже нет. Учитывая это, в его появлении в фильме 1943 г. можно усмотреть прямое влияние фильма Петрова.

«Демидовы», 2 серии (1983),
в роли Петра Александр Лазарев

«Пётр Великий. Завещание»,
сериал (2011), в роли Петра
Александр Балуйев

режиссёр Ярополк Лапшин). О том, что такой Пётр себя не исчерпал, говорит то, с какой искренностью и каким удовольствием живёт Александр Лазарев в образе молодого (периода Азовских походов) Петра Алексеевича.

Постсоветское российское кино представило зрителю две экранизации, посвящённые Петру. Первая — по роману Дмитрия Мережковского, «Царевич Алексей» (1997⁴, режиссёр Виталий Мельников, в роли Петра Виктор Степанов), вторая — снятый по роману Даниила Гранина минисериал «Пётр Великий: Завещание» (2011, режиссёр Владимир Бортко, в роли Петра Александр Балуйев). В последнем предложена оригинальная реконструкция семейной биографии Петра последних лет его жизни. Фильм наполнен размышлениями о России и мире, оценками людей, событий, явлений, весьма далёкими от тех, которые предлагали авторы фильмов о Петре советской эпохи — размышлениями, побуждающими думать и спорить. Звучащие иногда в адрес авторов упреки в неточностях (в том числе анахронизмах: появлении на экране тех, кого в изображаемое время уже не было в живых) здесь, на наш взгляд, неуместны. Романист, разумеется, познакомился с биографиями

⁴ По другим данным — 1996.

«Слуга государев» (2007),
в роли Петра Андрей Сухов

своих героев и обратил внимание на даты их рождения и смерти. Но для раскрытия важной для него идеи ему понадобилось лицо, через которое эту идею можно манифестировать, допустим, князь Ф.Ю. Ромодановский. И, пользуясь суверенным правом художника, он прибавил к долгой жизни князя-кесаря ещё несколько лет. Впрочем, присутствующие в романе и фильме отклонения от реальности не настолько велики, чтобы сместить жанр в область альтернативной истории. И новых мифов фильм, к счастью, не сотворил.

Из новых фильмов отмечу также приключенческий фильм «Слуга государев» (режиссёр Олег Рясков, 2007). Выпущенный на экран в преддверии юбилея Полтавской виктории, он показал это сражение не только в движении и звуке, как в фильме Петрова, но и в цвете. Пётр (его сыграл Андрей Сухов) появляется ближе к концу фильма и только в эпизодах. Однако и за недолгие отведённые ему на сцене минуты успеваает весьма вдохновенно произнести знаменитую речь «А о Петре ведайте».

Какого Петра покажут нам кинематографисты будущего? Несомненно, отвечающего той исторической роли, которую отведёт ему время. Что успеем, с интересом посмотрим.

2. За рубежом фильмов о русском царе было создано, естественно, меньше, чем в России. Их список открывает, по-видимому, фильм режиссёра Дмитрия Буховецкого «Пётр Великий», снятый в Германии в 1923 году. Кроме того, что в нём играл выдающийся немецкий киноактер той поры Эмиль Яннингс⁵, и что режиссёр, закончив эту работу, уехал в Голливуд⁶, что-то сообщить об этом фильме затрудняемся. Наиболее масштабным обращением к теме, предпринятым в относительно недавнее время, стал киносериал режиссёров Марвина Чомски и Лоуренса Шиллера «Пётр Великий»,

⁵ Упомянуто в комментарии к кн.: *Кракауэр* З. Психологическая история немецкого кино. М.: Искусство, 1977. С. 291.

⁶ *Садуль* Ж. Всеобщая история кино. Т. 4 (Первый полутом): Послевоенные годы в странах Европы. 1919–1929. М.: Искусство, 1982. С. 406.

снятый в 1986 году в США⁷. Поскольку фильм охватывает весь жизненный путь российского монарха, Петра в нём играли три актера: в сценах детства Грехем Макграт, молодости Ян Никлас, зрелых лет — Максимилиан Шелл.

Зарубежные фильмы во многом иные, чем снятые на ту же тему российские. Одна из важнейших причин этого — в различии источников, формировавших представления о Петре у создателей фильмов. Иностранные сценаристы сведения о нём черпали из популярных (в лучшем случае) исторических сочинений. (Так, фильм Чомски и Шиллера опирается на книгу Роберта Масси.) Такие тексты, не обременённые «излишней» научностью, может быть, и не были слишком тенденциозными, но ошибок и несуразностей в них хватало. Невидимые иностранному зрителю, зрителю русскому (во всяком случае, подготовленному) они бросаются в глаза.

Непростые отношения между постсоветскими Россией и Украиной отразились на образе Петра, созданном в фильме 2001 года⁸ известного украинского режиссёра Юрия Ильенко «Молитва о гетмане Мазепе», снятом на киностудии им. А. Довженко. Роль русского царя в нём сыграл Вячеслав Довженко. Отличие предложенного им образа Петра от известного по российским фильмам нет оснований списывать на поверхностное знакомство с материалом авторов. Ильенко снимал картину, отражавшую его размышления о национальной истории, и русский царь в нём таков, каково место, занимаемое им в этих взглядах. Да и жанр, к которому принадлежит фильм, является историческим только отчасти — и персонажи, и события, показанные в нём, часто весьма далеки от реальных.

3. По нашим подсчётам фильмов о Екатерине и с Екатериной снято приблизительно столько же, сколько о Петре и с Петром. В надёжном списке их 23, фильмографические данные ещё нескольких проверяются. Говорит ли это о чём-то, если учесть, что о личности и деяниях Екатерины широкая публика имеет, увы, весьма смутное представление? (Что о ней знают? Что была успешным государственным деятелем и имела множество любовников. Некоторые слышали также о перевороте, приведшем её к власти.) Но, видимо, есть в ней что-то привлекающее общественное внимание, хотя и ускользающее от аналитической рефлексии.

---

⁷ При участии СССР. Упомянем также фильм, посвящённый Петру, снятый для цикла «Как создавались империи» (2006, США) (<http://www.tele.ru/cinema/survey/groznuu-petr-5-luchshikh-filmov-o-tsare/> (дата обращения 19.05.2016)).

⁸ В 2010 г. была показана переработанная автором версия фильма.

«Государыня и разбойник» (2009),
в роли Екатерины Алёна Ивченко

Как и Пётр, в советское кино Екатерина пришла из литературы. Но имеющего статус классики большого романа, ей посвящённого, в русской и советской литературе не существовало. Пришлось довольствоваться ролью героини эпизода в экранизациях Пушкина («Капитанская дочка») и Гоголя («Ночь перед Рождеством»).

Первая известная нам попытка перенести на экран пушкинскую повесть имела место в 1928 году (спустя три года после американской, о которой ещё скажем). Сценарий для фильма написал В.Б. Шкловский. В созданном через 30 лет (1958) фильме по той же повести режиссёра Владимира Каплуновского Екатерину сыграла Варвара Мясникова. Его сценарий писался в эпоху господства формулы «Пушкин — наше всё», а классик нарисовал образ Екатерины вполне доброжелательным пером. Соответственно, и в фильме: Екатерина — заботливая мать, устроительница счастья, в чем-то похожая на Петра в истории арапа Ибрагима.

Три года спустя были экранизированы гоголевские «Вечера», затем в 1978 году появился телеспектакль по «Капитанской дочке». Образ Екатерины строился в них по-прежнему в координатах, заданных литературным источником. И лишь последний советский фильм с Екатериной (1990) — «Царская охота» Виталия Мельникова (тоже, между прочим, отталкивавшегося от литературного источника — пьесы Леонида Зорина) предложил психологически более сложный её образ. Экранизация сочинения другого советского писателя — романа «Фаворит» Валентина Пикуля (2005, режиссёр Алексей Карелин) вписалась в такое — «обогащённое» оттенками — видение образа. Вскоре появились два больших биографических сериала, посвящённые непосредственно Екатерине, что, несомненно, отразило возросший к тому времени общественный интерес к ней.

Но основа, заложенная ранними экранизациями, не забылась. Нам кажется, что она чувствуется и в новейших работах, созданных по оригинальным сценариям, Таков фильм 2009 года «Государыня и разбойник» Екатерины Толдоновой, на котором остановимся.

Пётр Фёдорович,
М.В. Ломоносов и Екатерина
Алексеевна в сериале
«Екатерина» (2014),
в роли Екатерины
Марина Александрова

Фильм — о власти и о народе, об извечном их противостоянии. Несмотря на зверства бунтовщиков, гуманная Екатерина (её играет Алёна Ивченко) не согласна с вынесенным их предводителю приговором и решает встретиться с узником. Их разговоры — смысловая сердцевина фильма; их дополняют диалоги Екатерины с приближёнными — Потёмкиным, Бецким, другими. Если воспроизведённая в фильме материальная среда относительно близка изображаемой эпохе, разыгранные в нём дискуссии — их темы и стиль — представить в ней трудно. Вот сцена: делегаты от дворян напоминают императрице, что на престол она возшла при их содействии и требуют (требуют!) от неё немедленного подписания вынесенного ими приговора. Неправдоподобно? Но от простоты ли это неправдоподобие? Может быть, зрителю дают понять, что происходящее на экране — не история, а интеллектуальный турнир соперников, облачённых кто в парики, кто и армяки? Что ж, и право на это художник (художник вообще) имеет, и неплохо он (художник конкретный) этим правом воспользовался.

Понятно, однако, что о реальной Екатерине подобные фильмы (по сути, сократические диалоги, хотя и драматизированные) поведают зрителю немногое. А вот новейшие биографические сериалы о Екатерине (с Мариной Александровой и Юлией Снигирь) — об исторической Екатерине что-то ему расскажут, поскольку, развлекая, говорят о вещах, которые в советском кинематографе за отсутствием биографических фильмов, ей посвящённых, отражения не получили. Кто она, немка, которая полюбила Россию, больше чем родину, и почему Россия приняла её «как свою»? Или это тоже мифы, которые создатели фильмов внедряют в сознание зрителя? Отчасти «да», но только отчасти.

4. Ответ на вопрос, чем общество интересовалось в истории Екатерины, что было ему важно в связанном с ней прошлом, можно искать, в том числе, сравнивая образы, рождённые российскими и иностранными кинематографистами.

Миф о Екатерине, каким он сложился в довоенной Европе, отразило название одного из ранних, довоенных, фильмов о ней «Распутная императрица» (США, 1934). Образ сразу пошёл в эксплуатационную разработку (на одном таком фильме сейчас остановлюсь) и оставался актуальным вплоть до последней четверти XX века (фильм «Екатерина, обнажённая царица», ФРГ, 1983)⁹. Непосредственный источник этого кинообраза — бульварная историческая беллетристика¹⁰.

Вот самый ранний известный нам зарубежный фильм, в котором присутствует русская императрица того типа, из которой вырастет киноЕкатерина 1980-х — американская лента 1925 года «Орёл» (реж. Кларенс Браун). Фабула опирается на Пушкина, но не на «Капитанскую дочку», как можно было бы ожидать, а на роман «Дубровский». На экране немереное число забавных исторических несуразностей. На бочках в винном погребе (арене, на которой произойдёт встреча с медведем) мелом по-русски написано «Мадера» и «Квас», ворота в усадьбу снабжены ионическими капителями, наличники обрамляют окна не только снаружи постройки, но и внутри, крестьянки делают реверансы... Такой вот протопостмодерн...

Впрочем, драма, мелодрама и комедия в одном флаконе развиваются в фильме всё же на историческом фоне. И Екатерина (её играет Луиза Дрессер¹¹) персонаж не сказочный, а исторический. В киноверсии «Дубровского» она появляется в дописанных сценаристом сценах, обрамляющих историю, известную из романа Пушкина. Оказывается, красавец офицер (пушкинского героя играет Рудольфо Валентино¹²) понравился императрице, но не ответил на её чувство. Пока она, намереваясь его соблазнить, переодевалась в подходящий для интимного общения костюм, Дубровский от неё сбежал. Оскорблённая Екатерина объявила его преступником, потребовала разыскать. В конце фильма схваченного героя приговаривают к смерти. К счастью для него, американский фильм той поры был почти обречён на благополучную развязку. Способности улыбаться и прощать монархиня, как выясняется в последнюю минуту, не утратила.

⁹ Фильм режиссёра Клауса Кёнига под оригинальным названием доступен в интернете на множестве сайтов и порталов.

¹⁰ Как, когда и почему он в ней сформировался — особый вопрос, который здесь не затрагиваем.

¹¹ Спустя десятилетие в фильме «Распутная императрица» она снимется в роли императрицы Елизаветы Петровны.

¹² Ж. Садуль считал этот фильм одним из лучших, снятых с его участием. Садуль Ж. Указ. соч. Т. 4 (Второй полутом): Голливуд. Конец немого кино. 1919–1929. М.: Искусство, 1982. С. 96.

«Орёл» (1925),
в роли Екатерины Луиза Дрессер

Но это в финале. А в начале Екатерина — похотливая, эгоистичная, жестокая. Сладострастный тиран в юбке. Как это отличается от образа, сложившегося в отечественной кинематографии! И понятно, почему: Екатерина российского экрана рождалась из экранизаций благоволившей к ней литературной классики.

5. Пётр Великий и Екатерина Великая. Две гигантские фигуры в русской истории, снова и снова провоцирующие равнодушный ум к взаимному их сравнению. Вот, например, результаты их сопоставления, проведённого сотрудниками музея «Царицыно» среди своих посетителей в 2009–2010 годах. Опрос производился на фоне выставки «Екатерина Великая в памяти потомства», посвящённой 280-летию со дня рождения императрицы.

Первый вопрос: Кто из правителей России представляется вам самым приемлемым для благоприятного развития нашей страны? Ответы: Пётр Великий 23,2 %, Екатерина Великая 19,2 %. Третий, с большим отрывом, 8,4 % И.В. Сталин.

Второй: Какой правитель России кажется вам самым привлекательным по внешности? Ответы: Екатерина 19,7 %, Пётр 16,6 %, третий, на этот раз с умеренным отрывом, Николай II 13,4 %.

Третий: Портрет какого правителя России вы предпочли бы видеть на современных денежных купюрах Российской Федерации? Ответы: Екатерины 26,1 %, Петра 16,2 %, Николая II с очень большим отрывом 4,9 %¹³.

Поколения советских людей воспитывались на образе великого государственного деятеля Петра I. Неудивительно, что в массовом сознании он в качестве идеального правителя обгоняет Екатерину. Скорее приходится удивляться тому, что обгоняет не сильно — все-

¹³ Егорычев В., Еремина Л. При чём здесь Екатерина Великая? // Родина. 2013. № 6. С. 7.

го на 4 %. В соревновании по эстетическим критериям Екатерина, наоборот, обходит Петра — красивая женщина оценена выше представительного мужчины. Не исключаем, что роль в этой оценке сыграли кинообразы. Впрочем, и здесь разница невелика — всего 3,1 %. А вот ответ на вопрос о выборе портрета для купюры заставляет задуматься. Почему Екатерина так резко — почти на 10 % — обогнала Петра? Может быть потому, что дореволюционная 100-рублевая ассигнация (пресловутая «катенька») уже имела портрет Екатерины? Не уверены, что эта причина единственная.

6. Резюмируем.

В советский кинематограф и Пётр, и Екатерина пришли через экранизации. При этом взятый в них за основу материал существенно отличался.

Основой кинообраза Петра стал литературный образ, созданный на историческом материале, усвоенном и переработанном первоклассным писателем сталинской эпохи, во многом её (эпоху) отразившим. Кирпичики фактов, из которых слеплен его Пётр, соединены таким образом, что целое в художественном плане получилось вполне убедительным. Фильм явил зрителю Петра как цельную, при этом трагическую фигуру (черта, в дальнейшем развитая).

Екатерина шагнула на экран из более ранних, XIX века, литературных текстов, в которых изображалась в позитивном ключе и была психологически проще, картонней киноПетра, что при весьма напряженном отношении к ней историков советского времени, для её памяти было, полагаем, даже выгоднее.

В европейской и американской культурной традиции кинообразы и Петра, и Екатерины формировались на основе шаблонов и мифов, заимствованных не из литературы, а из популярной (пошлой, как бы сказал Пушкин) истории. Отличие особенно заметно сказалось на трактовке образа императрицы. Екатерина пришла на экран в маске сластолюбивого деспота, и эта маска прочно к ней приросла. История Петра черпалась иностранными сценаристами также из популярных (в лучшем случае) исторических сочинений. Это привело к созданию фильмов не столь тенденциозных, как о Екатерине, но всё же обильных неточностями. Что, в принципе, не исключая наличия у них художественных достоинств, разводит созданных в них героев и их прототипов на весьма далекое расстояние.

РОССИЯ И ЕВРОПА

Вагеманс Эммануэль
(Бельгия)

*Профессор, завкафедрой славистики
Католического университета города Лёвена*

Пётр I и Екатерина II глазами европейцев

В своём стихотворении *Осьмнадцатое столетие* Александр Радищев в 1801 году так отзывается о только что прошедшем веке Просвещения:

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,

(...)

Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Пётр, вечности чада! и росс.

(...)

Пётр и ты, Екатерина! дух ваш живёт ещё с нами.

Я процитировал Радищева не потому, что он такой популярный в настоящее время в России, но как раз потому, что он был жертвой того правителя, славу которого он воспеваёт. В 1790 году Радищев был сослан в Сибирь за свою подстрекательскую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», самую мрачную книгу о екатерининской России. Но придя в XIX век и будучи полностью амнистирован новым царём Александром I, бывший критик восславляет

Екатерину Великую. Не удивительно ли? Не спортивно ли? Такое чувство возможно, пожалуй, только в России.

Не только русские положительно отзывались о Екатерине и Петре. С самого начала царствования Петра I существовала традиция панегирик в адрес преобразователя. Всё началось с книги ганноверского резидента при русском дворе Фридриха Христиана Вебера, который уже в 1721 году, ещё при жизни Петра I, опубликовал свои записки о России под названием «Das Veränderte Rußland» (Преображённая Россия), которая была переведена на французский и английский и сильно повлияла на представление европейцев о том, что происходило в России при Петре, преобразованиям которого Вебер придавал громадное значение.

В 1717 году Пётр был во второй раз в Нидерландах. Там же, тогда же появился голландский перевод известной английской панегирической книги о России Джона Перри «The State of Russia under the Present Czars» (Состояние Российского Государства при нынешнем Царе, 1716). В предисловии издатель говорит:

Если есть на свете страна, обязанная своему монарху благодарностью за улучшение нравов, за утверждение государственных и гражданских установлений, столь нужных для правосудия и для ведения войны, за процветание торговли, за введение всех полезных искусств и наук, чтобы подданные его жили в безопасности и спокойствии, а сам он был почитаем и любим, карая злых и награждая добрых, а также внушая страх своим открытым врагам и тайным недоброжелателям, — то это, вне всякого сомнения, великая и могучая Россия при нынешнем наисчастливейшем правлении её светлейшего самодержавного государя, царя Петра Алексеевича, коего героические деяния для прошедших веков беспримерны и потомкам покажутся невероятными...

Большое значение также имел государственный визит Петра во Францию в 1717 году. Французский мыслитель Фонтенель уже в 1715 году сочетал имя Петра с именем великого и популярного в то время немецкого философа Лейбница, представляя Петра как просвещённого монарха. Своим грубым и нецивилизованным поведением Пётр многих шокировал и отталкивал, но некоторые современники также видели величие Петра. Критики называли его кровавым маньяком, парикмахером боярских бород и резателем стрелецких голов, убийцей собственного сына, но между 1717 и 1725 годами к этому образу добавлялись положительные штрихи — многосторонний правитель, добрый по отношению к солдатам и простому народу, кое-кто сравнивал его с античными законодателями. Ещё до Вольтера Фонтенель положил начало петровскому мифу на Западе:

du cerveau d'un souverain 'philosophe' vient de surgir une Russie nouvelle qui, substituée à la Russie barbare, s'incorpore, à l'instant de sa naissance, tout l'héritage des civilisations occidentales...

(«из головы философа на троне только что появилась новая Россия, которая, заменив варварскую Русь, восприняла с момента своего рождения всё наследие западной цивилизации...»)

Вольтер продолжает эту традицию. В своей книге «L'Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» (История Российского Государства при Петре Великом, 1760) он выдвигает тезис, что до Петра в России были только хаос и темнота, tout était à faire en Russie (всё надо было ещё сделать в России), смешной тезис, против которого протестовала в том числе Екатерина II. Но мнение Вольтера разделяли далеко не все во Франции. Руссо в своей книге «Общественный договор» отрицательно отзываясь о Петре: он хотел сделать немцев, англичан из своего народа, вместо того, чтобы сделать из них русских. Несмотря на эту критику, большинство людей на Западе с симпатией относились к России и позитивно писали о стране Петра.

В основном о Екатерине писали восторженно. Ограничусь одним голландским отзывом по поводу смерти императрицы. Голландский культурный журнал «Общий вестник искусства и словесности» (Algemene Kunst- en Letterbode) писал:

«Петербург. 17-го ноября прошедшего года скончалась здесь, вследствие сердечного приступа, на 68-м году жизни и в 35-м своего правления, ЕКАТЕРИНА II, императрица и самодержица всех русских. Без сомнения, и эта великая правительница заслуживает место в храме учёной славы, не только благодаря многочисленным и передовым знакам её уважения к заслуженным учёным и благодаря многочисленным учреждениям в пользу наук, введённым в Российском государстве, но также в силу её собственного словесного труда, особенной известностью которого пользуются её Наказ для Комиссии составления законов, Библиотека великих князей Александра и Константина, и ещё три комедии против шарлатанов и суеверия».

Вот, дорогие коллеги, отзывы современников о Петре и Екатерине Великих. Россия приобрела репутацию цивилизованной страны, которой управляет просвещённый монарх, который заботится о благе своего народа. Мы все знаем, что на совести Екатерины лежит Польша, раздел Польши, но такие моральные рассуждения, типичные для нашего времени, тогда мало кого волновали. Позитивный «имидж» императрица потеряла после 14 июля 1789 года, когда испуганная царица ругала парижскую чернь, вешающую своих ари-

токрагов на уличные фонари, и обещала послать, если нужно будет, 20 тысяч казаков в Париж, где царствуют безначалие и «тон кабака». Это французские революционеры демонизировали Екатерину как противника революции.

Но всё это быстро забылось. В начале XIX века Россия опять завоевала симпатию Запада, когда она прогнала Наполеона из России и освободила Германию, Нидерланды и Францию от революционного чудовища Бонапарта. В 1815 году, на Венском конгрессе, слава России достигла своего апогея. Благородный царь Александр вёл себя как джентльмен и не отомстил за разрушенную Наполеоновской «великой армией» Россию. Но и это быстро изменилось. В 1825 году новый царь начал своё царствование с подавления декабристского мятежа, что шокировало мыслящую Россию; в 1831 году он жестоко подавил восстание в Польше, бунтовавшей против русского царя. С этого момента всё изменилось на Западе в отношении России. Это в 1831 году Россия окончательно потеряла — навсегда — свою хорошую репутацию. На Западе люди и политики были настроены против России, все сочувствовали бедной Польше, находящейся под колпаком России. Николаевская Россия со временем сделалась «жандармом Европы». Из русофилов европейцы превратились в русофобов, и обратного движения уже не было. Карл Маркс был сторонником Польши и врагом России, все, что последовало после 1831 года, говорило не в пользу России: Третье отделение, подавление восстания в Польше в 1863 году и ссылка тысяч поляков в Сибирь, половинчатые реформы Александра II, народничество и терроризм, марксизм на русской почве, русско-японская война, Кровавое воскресенье, ну и конечно же Октябрьский переворот, навсегда повернувший Россию к Азии. До сегодняшнего дня Россия так и не оправилась от негативного имиджа.

Вывод, дорогие коллеги, навязывается сам собой. Видно, с кого взять пример! Если бы Россия имела побольше правителей типа Екатерины II, то история страны и её отношения с Европой выглядели бы совсем по-другому.

Гузевич Дмитрий
(Франция)

*Сотрудник Центра изучения российского, кавказского
и центрально-европейского пространства
Школы высших социальных исследований*

Гузевич Ирина
(Франция)

*Сотрудник Центра Мориса Альбакса
Школы высших социальных исследований*

Иностранцы в России в Петровскую и Екатерининскую эпохи

Начиная с XV века Россия за свою историю знала несколько иммиграционных волн. Часть из них организовывало само правительство; часть возникала стихийно: люди бежали от революций и гражданских войн в Европе, а часть возникала в связи с присоединением новых территорий. В XVIII веке было две таких крупных волны — в петровскую и в екатерининскую эпохи.

Петровская волна характеризуется тем, что, во-первых, она была инициирована государством, и, во-вторых, государство приглашало на службу специалистов. Да, конечно, не прерывался достаточно тонкий поток тех, кто хотел приехать сам и попытаться счастья; приезжали члены семей, в этих семьях рождались дети. Но, тем не менее, это была, в своей массе, профессиональная миграция в чужую, экзотическую страну.

Её юридическую основу составили два манифеста. Один, ещё в период регентства Софьи Алексеевны (но, тем не менее, это начало петровской эпохи), дал Василий Голицын 21 января 1689 года¹. Его,

---

¹ Здесь и далее, если специально не оговаривается, даты — по юлианскому календарю.

подготовленная от имени царей Ивана и Петра, «Грамота, данная по ходатайству бывшего в Москве Чрезвычайнаго Прусскаго посла Чаплича — *О дозволении приезжать в Россию и селиться Французским Эмигрантам Евангелической веры*»² ещё достаточно локальная с географической точки зрения, юридически закрепляла первые шаги к защите прав на свободу вероисповедания иноземцами. Она имела не столько практическое, сколько прецедентное значение, хотя получила определенную известность в Европе³. Следующим был уже петровский Манифест от 16 Апреля 1702 года «*О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания*»⁴. В отличие от грамоты В. Голицына он вызывался не дипломатическими и антикатолическими причинами, а реальной необходимостью обеспечить массовый приезд европейских специалистов. При этом предполагалось, что иностранцы едут в Россию на службу, едут также «равным образом купцы и художники», т.е. ремесленники.

«Петровская» иммиграция специалистов началась в 1695–1696 годах, перед самым Великим посольством 1697–1698 годов, которое уже само привезло не менее тысячи нанятых едва ли не со всех стран

² ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 3 (1689–1699). № 1331. 21.1.1689. С. 8.

³ Так, французская версия грамоты с немецким переводом, согласно Р. Минцлову (*Minzloff R. Pierre le Grand dans la littérature Etrangère: Publié à l'occasion de l'anniversaire deux fois séculaire de la naissance de Pierre le Grand / d'après les notes de monsieur le comte de Korff, Membre du Conseil de l'Empire, secrétaire d'État, ci-devant chef de la Bibliothèque I.P., etc., etc., etc. par R. Minzloff. Spb.: I.I. Glasounow, 1872. P. 367*), была издана самостоятельной брошюрой в 4 листа уже в 1689 г. Добавим, что позднее она попала в полное собрание прусских законов о торговле (в 6-й том, датируемый 1751 годом): *Copia des Passes, welchen beyde Tzaarische Majestäten in der Moscau auf Sr. Churfüstl. Durchl. zu Brandenburg beschehene Recommendation, denen der Christl. Reformirten Religion halber geflüchteten Frantzosen, in der Moscau sich frey und ungehindert niederzulassen, und darinnen zu handeln, auch nach belieben wieder von dannen zu ziehen ertheilet haben <...> = Copie du passeport de leurs Czaars Majestés Jean Alexeiwitz & Pierre Alexeiwitz, Grands Ducs' de Moscovie, en faveur des refugiez de France; accorde á la recommendation de sa Serenité Electorale de Brandenbourg // Des Corporis Constitutionum Marchiarum Sechster Theil Von Miscellaneis, und Supplementis derer vorhergehenden Fünf Theile bis 1736. in sich haltend Landtags-Recesse, von Justitzien- Zoll- Brau- und anderen Sachen, auch Edicta und Ordnungen vom Abschoß, Ober Heralds-Amt, Rang-Reglements, Monte Pietatis, Privilegiis derer refugirten aus Franckreich und Schweitz, Erb-Pacht, Orden des schwarzen Adlers, Societaet derer Wissenschaften etc. In Drey Abtheilungen. Nebst Anhang Derer in Frantzösischer Sprache zum Behuf der Frantzösischen Nation publicirten Verordnungen, und beygefügeter Dixipline Ecclesiastique derer Reformirten Kirchen in Franckreich. [Berlin, 1751]. Sp. 581–584 (1st pag.).*

⁴ ПСЗ. Т. 4 (1700–1712). № 1910. 16.4.1702. С. 192–195.

Европы⁵. Это были, в основном, офицеры, моряки, кораблестроители, военные лекари — т.е. лица, необходимые для создания и функционирования флота и армии, и лишь в малом числе среди них попадались ремесленники. Со временем пропорции стали меняться, и из Второго путешествия 1716–1717 годов Пётр привёз именно ремесленников, художников, архитекторов. Причём, как и в истории с Великим посольством, массовый найм начался за год до самой поездки царя в Европу.

Сколько всего было этих людей, сказать сложно. Так, в словаре французов в России в петровскую эпоху, который мы готовим с Владиславом Ржеуцким и большим количеством приглашённых авторов⁶, их насчитывается около 700 человек, в т.ч. около 600 специалистов, остальные — члены семей — это только те, чьи имена известны. Т.е. всего их была как минимум, тысяча человек. Однако французов было несравнимо меньше, чем голландцев. В своём далеком не полном словаре Борис Макаров насчитал 1 900 голландских специалистов⁷. Но он не учитывал членов семей. Другими словами, число голландцев должно было превышать 3 тысячи. Немцев было ещё больше. Были итальянцы, англичане, поляки. Даже венгры и португальцы с испанцами. Всего, по-видимому, несколько десятков тысяч по всей России.

Отдельный вопрос — пленные шведы, точнее, там были шведы, финны, немцы. В сумме их было до 30 тыс. человек. Их никто не нанимал, большинство из них работали — в Петербурге, Москве, Казани, Астрахани, Архангельске, Сибири и даже оставили свой след в российской культуре, как генерал Вольмар Антон фон Шлиппенбах или чертёжник, автор плана Петербурга, работавший с Трезини, Карл Фридрих Койет⁸.

⁵ Подробнее, с обширной библиографией по вопросу, см. работу: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дм. Буланин, 2008. 696 с.

⁶ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Выходцы из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / Под ред. *В. Ржеуцкого и Д. Гузевича*. СПб.: Европейский Дом, 2017. 800 с. — В редподготовке.

⁷ *Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVIII века: Лексикон. СПб.; Гронинген: НРЦ, 2009. 286 с.

⁸ О шведских пленниках достаточно богатая литература. Например, см.: *Долгова С.Р.* Шведские пленные в Москве в 1700–1709 гг. // *Шведы в Москве: Материалы российско-шведской научной конференции (Москва, 1–2 июня 2000 года)*. М.: РГГУ, 2002. С. 45–49; *Шебалдина Г.В.* Московские перекрёстки полтавских пленников // Там же. С. 50–61; *Она же.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в.: Автореф. ... канд. ист. н. М., 2003. 27 с.;

При Петре мы наблюдаем случай массового добровольного этнического переселения, которые будут характерны для эпох Елизаветы Петровны и Екатерины II: спасаясь от гнева османов, из Молдавии вместе со своим господарём Дмитрием Кантемиром выйдет в Россию более 4-х тысяч молдаван⁹. В России по традиции, идущей ещё с XVII века, будут продолжать искать убежище православные грузины¹⁰, и будут действовать армянские купцы¹¹.

Определённые изменения произошли в 1700-е, и, в большей степени, в 1710-е годы, когда к России *де факто* оказались присоединены Прибалтийские территории, и в Москву, а, затем и в Петербург, стали приезжать выходцы из этих земель. Достаточно вспомнить пастора Эрнста Глюка, создателя первой гимназии в России, да и первую российскую императрицу, Екатерину Алексеевну (она же — Марта Скавронская), хотя происхождение её неясно — есть версии эстонских, латвийских и литовских корней.

Капитонов А.П. Репатриация шведских военнопленных из России после окончания Северной войны 1700–1721 гг. // Россия и Швеция в средневековое и новое время: архивное и музейное наследие: Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орёл и Лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15–17 мая 2001 г. М.: ГМИ, 2002. С. 238–262; *Юркин И.Н.* «Свейские полоненики» на Туле и окрест: Страницы провинциальной истории времени Свейской войны // Там же. С. 222–237; *Коваленко Г.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. М.: Ломоносов, 2010. С. 135–144; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург: Главы о шведах на берегах Невы / Пер. с швед. Ю.Н. Беспятовых. Стокгольм; СПб.: Шведский ин-т; Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2003. С. 53–63.

⁹ Прощение господаря волоскаго без обозначения года // *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза, 1862. С. 570–571. См. также: *Вартичан И.* Выдающийся учёный и общественно-политический деятель // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинёв: Карта Молдовеняска, 1976. С. 65; *Лучинский П.К.* Дмитрий Кантемир — общественно-политический деятель, учёный, патриот // Там же. С. 12; *Семёнова Л.Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М.: Наука, 1969. С. 117–152.

¹⁰ О грузино-русских связях конца XVII в. см.: Материалы по истории русско-грузинских отношений: 80–90-е годы XVII века / Док. к печати подгот., предисл. и коммент. снабдил Г.Г. Пайчадзе. 3 т. Тбилиси: Мецниереба, 1974–79; *Ватейшвили Д.Л.* Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений XIII–XIX века: В 3-х т. М.: Наука, 2003–2006.

¹¹ Об армяно-русских контактах этой эпохи см.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сб. документов / Под ред. А. Иоаннесяна. Т. 2. Ч. 1–2. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1964–1967.

Совершенно иная, на первый взгляд, ситуация наблюдается в эпоху Екатерины. Однако отличие её от петровской — просто в её развитии. За 40 лет после Петра Россия окончательно вошла в Европу. И поездка в неё перестала быть inferнальным путешествием в неведомую Московию. Туда в массовом количестве ехали люди на заработки. Причём не только специалисты. Все мы помним со школьной скамьи и изучения «Недоросля» образ французских и немецких гувернёров «числом поболее, ценою подешевле», и Вральман — их олицетворение.

Ах, зачем прифес царь Петер
Для навос одеколонь?
Как это по-русски будет,
Donner-wetter? Этот корм не в этот конь!¹²

При Екатерине оставалась практика государственных приглашений специалистов. Несколько лет назад мы делали доклад о «второй голландской волне», которая началась в 1783 году и завершилась уже при Александре I¹³. Тогда были наняты инженеры-гидравлики и военные инженеры — Франц Деволант, Питер ван Сухтелен, Якоб де Витте, Христиан Трузсон. Результаты были блестящи: полтора десятка городов и крепостей в Северном Причерноморье, начиная с Одессы и Севастополя, Тихвинская и Мариинская гидросистемы, три высших учебных заведения; неучастие Швеции в войне 1812 года на стороне Наполеона; Финляндия в составе империи и многое другое. Однако группа была всего человек 30, не считая членов семей. Другая близкая группа — британцы, в основном шотландцы. Их начали приглашать раньше, с конца 1760-х годов. Среди них — мастера, построившие паровые машины в Кронштадте, адмирал Самуил Грейг, архитекторы Чарльз Камерон и Вильям Гесте, работавшие в Царском Селе и в Петербурге, знаменитый инженер Чарльз Гаскойн и будущие знаменитые — Чарльз Берд, Матвей Кларк, Адам Армстронг, Александр Вильсон. Перевоз Грейгом Гаскойна, создателя карронад (гладкоствольных артиллерийских орудий), в 1786 году был, практически, шпионской акцией. Но и этих лиц было лишь несколько десятков. Приезжали художники и скульпторы —

¹² *Юлий Ким.* Песня Вральмана для постановки пьесы «Недоросль» Д.И. Фон-визина.

¹³ *Гузевич И.Д.* «Мы добыли из Голландии отличных инженеров и гидравликов», или Вторая голландская волна (1783–1818/36) // Россия – Нидерланды: Диалог культур в Европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 133–145.

английские, французские. Французы — Этьен Фальконе и Мари-Анн Колло (в России — в 1766–1778) оставили весомый след в виде Медного всадника (открыт в 1782). Правда, здесь ещё грек примешался, Ласкари (граф Карбури), под руководством которого Громкамень был перевезён на его нынешнее место. Были итальянские музыканты и архитекторы. Причём некоторые из них, как архитекторы Франческо Бартоломео Растрелли или Антонио Ринальди, приехали ещё в предыдущие царствования — в петровское, елизаветинское. При Екатерине II приехали Джакомо Кваренги и Карл Росси¹⁴. Были немецкие инженеры и офицеры, например, Фридрих Вильгельм Бауэр, создатель Генерального штаба. Был даже знаменитый капер, американец из Шотландии, российский контр-адмирал Пол Джонс. Но количество всех этих людей исчисляется десятками, с офицерами — несколько сотен. Оно несравнимо с петровской эпохой.

При Екатерине превалируют совсем другие элементы иммиграционной волны. Как мы уже говорили, большую роль играет свободное перемещение — Россия находится в европейском пространстве; её экономика на подъёме, есть перспективный рынок труда: для гувернёров, учителей, содержателей пансионатов; для мастеров, для торговцев. Они все размещаются в крупных городах или в промышленных центрах, как уральские или Олонекские заводы и др.

Однако при Екатерине Российская империя получает огромные малонаселённые территории Новороссии и Крыма, осваивает малонаселённое же Поволжье. Туда требуются люди. И Екатерина всячески содействует массовой иммиграции в эти районы не только ремесленников, но и сельскохозяйственного населения из Европы. Потенциальных иммигрантов оказывается особенно много в германских землях, разорённых Семилетней войной.

Уже через полгода после воцарения, 4 декабря 1762 года, Екатерина II подписала манифест *«О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу»*¹⁵. Органичным продолжением данного документа стал манифест от 22 июля 1763 года *«О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им*

¹⁴ Серия статей об итальянцах в России в XVIII в. была опубликована в 2015 г. в сборнике «Россия и Италия (Вып. 6. М.: Ленанд). Итальянским врачам в России, в т.ч. и в екатерининскую эпоху было посвящено исследование Марио Корти «Другие итальянцы: Врачи на службе России. (СПб.: Журнал «Звезда», 2010. 204, [3] с.).

¹⁵ ПСЗ. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 11720. С. 126–127.

*правах*¹⁶. Эти документы в Екатерининскую эпоху сыграли такую же роль для приезда иностранцев, как в эпоху Петра I — манифесты 1689 и 1702 годов. Но при этом они много шире: за приезжающими закрепляется право заниматься чем они хотят и жить, где они хотят.

Прибывшие в Россию переселенцы освобождались от «всяких налогов и тягостей» на разные сроки. В частности, на 30 лет от налогов освобождались иностранцы, селившиеся колониями на землях, обозначенных в реестре как свободные для поселения. Манифест 1763 года обещал беспроцентную ссуду на десять лет на строительство домов, закупку продовольствия до первого урожая, скота, сельхозинвентаря и инструментов для ремесленников. Разрешалось полное самоуправление в колониях, без вмешательства со стороны государственных чиновников. Для решения вопросов тогда же, 22 июля 1763 года, была создана на правах коллегии «Канцелярия опекунства иностранных»¹⁷.

В результате, на поволжские земли в массовом порядке переселяются немцы и создают свои колонии. Особенно много их осело в Саратовской и Самарской губерниях (куда только в 1760-е годы было направлено около 27 тыс. человек). По разным подсчётам за десятилетие 1764–1773 на берегах Волги возникло от 105 до 117 немецких колоний, в т.ч. в Саратовской губернии — 46, в Самарской — 56. Позднее немецкие колонии появились и в Новороссии¹⁸.

Екатерине в наследство от Елизаветы досталась непрерывавшаяся, хотя и не очень многочисленная эмиграция армян, грузин¹⁹, гре-

¹⁶ Там же. № 11880. С. 313–316.

¹⁷ Там же. № 11881. С. 316–318.

¹⁸ Подробнее о немецких колониях в России см.: *Вашкау Н.Э.* Немцы в России: История и судьба: Учебное пособие по спецкурсу. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1994. 76 с.; *Герман А.А.* История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. 320 с.; *Гроо Ю.Ф.* Вклад поволжских немцев в развитие экономики Нижнего Поволжья: Конец XVIII — начало XX в. // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2001. С. 369–376; *Кабузан В.М.* Немецкое население в России в XVIII — начале XX века: Численность и размещение // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–29; Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования: 1652–1917 / Сост. В.Ф. Дидендорф. М.: МДФ; Материк, 2006. 780, [4] с. (Россия: XX век: Документы); Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Мат-лы российско-германской науч. конф. (Анапа, 22–26 сентября 1994). М.: Междунар. союз немецк. культ., 1995. 360 с. и мн. др.

¹⁹ При Екатерине II в России оказались представители семейств Чавчавадзе, Багратиони, Авалишвили, Амберсадзе, Цициановых и др. (*Горгиев М.* Грузины в Петербурге: Страницы летописи культурных связей. Тбилиси: Мерани, 1976. С. 19–100.

ков, а также южных славян. В первую очередь, сербов. Именно из них формировались первые гусарские полки. Ещё при Елизавете Петровне возникли Ново-Сербия и Славяносербия. Последняя — на территории нынешних Донецкой и Луганской областей. Один из её городков позднее получил название Славяносербск. В 1764 году, при Екатерине, обе «Сербии» вошли в состав новообразованной Новороссийской губернии. В этих же краях, а также в Северном Причерноморье, поселяются выходцы из Македонии, Болгарии, Валахии, Черногории²⁰. Была незначительная эмиграция словаков, среди которых, в основном, преобладали торговцы и ремесленники²¹.

Отметим, что, в отличие от немецких колонистов, инициатива переселения южных народов шла, скорее, снизу.

В эпоху Екатерины имели место ещё два события, экстраординарных для нашего исследования.

Первым событием была Французская революция 1789 года и порождённый ею революционный террор, вызвавшие огромную волну эмиграции²². Обычно считается, что ехали, в основном, дворяне и служители церкви. Отнюдь не так, хотя именно эти сословия дали свой образ французской эмиграции конца XVIII века. Одним из первых в 1791 году в Петербург прибыло семейство Эстергази. Затем Полиньяк, Лаваль, Сен-При, Шиазэль-Гуфье, Тулуз де Лотрек. А в 1793 году — граф Артуа, будущий французский король Карл X, и многие другие. В определённом смысле аристократическую часть французской эмиграции екатерининской эпохи завершил граф Прованский, он же Людовик XVIII, оказавшийся в Митаве уже после смерти Екатерины.

Многие из них были совершенно разорены и надеялись лишь на милость императрицы. И Екатерина эту милость оказывала, особенно на первых порах, хотя прекрасно отдавала себе отчёт в ситуации. Сохранился анекдот о семействе графа Эстергази. Императрица привечала их маленького сына, Валентина, которого родители

²⁰ Полонская-Василенко Н. Заселение Южной Украины в середине XVIII века: [автореферат докторской диссертации] // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 30–46.

²¹ Птицын А.Н. Словаки в России в XVIII — начале XIX в. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 161–166.

²² Литература о французской эмиграции эпохи революции чрезвычайно обширна. Из обобщающих работ, помимо упомянутых ниже трудов И. Левина и К. Миллера, назовём: *Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française*. 3 t. Paris: Hachette et Cie, 1904–1907; *Forneron H. Histoire générale des émigrés pendant la Révolution française*. 2-ème éd. 2 t. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1884. В отношении только России см. также: *Haumant E. La Culture française en Russie, 1700–1900*. Paris: Hachette, 1910 (2-e éd., 1913). P. 171–295.

обучали жаловаться на бедность в семье. «Как-то раз он поел слишком много репы или гороху и ненароком испустил вздох, который ошибся выходом. “Ну”, — заметила императрица, — “наконец, услыхала я кое-что его собственное”»²³.

Впрочем, эпоха чистой благотворительности продолжалась недолго: Екатерина старалась заставить титулованных эмигрантов зарабатывать себе на жизнь на военной или гражданской службе. Среди лиц, позднее известных на этом поприще, назовём герцога де Ришелье, знаменитого «одесского дюка»; графа де Ланжерона, также стоявшего во главе Одессы; маркиза де Траверсе, будущего морского министра, от имени которого пошла «маркизова лужа», и др. Были среди них и известные в дальнейшем инженеры-кораблестроители — братья Франсуа Ипполит Брюн де Сент-Ипполит и Жозеф Бальтазар Брюн де Сен-Катерин.

Предпринятая в 1792 году попытка Екатерины поселить на азовских берегах корпус принца Конде, основав там «французскую военно-земледельческую колонию под властью российской короны», успехом не увенчалась. Впрочем, Павел I в 1797 году принял этот корпус на русскую службу и разместил в Волынской губернии, а весной 1800 года передал его Англии²⁴.

Среди духовных лиц были аббат Этьен Гандон (Gandon), аббат Шарль Доминик Николь, создатель знаменитого пансиона в Петербурге и, затем, Ришельевского лицея (сейчас — Одесский государственный университет), а также Жан Резимон, ставший генерал-майором российской службы и заместителем директора Института Корпуса инженеров путей сообщения. Ну, а ремесленники и купцы как ехали раньше, так и продолжали ехать, только в эпоху революции и войн стали уезжать ещё от неустройства и опасности. Т.е. их количество увеличилось.

В феврале 1793 года, когда пришло известие о казни Людовика XVI, Екатерина издала несколько антифранцузских законов и, как бы мы сказали сейчас, ввела санкции против Франции и торговое эмбарго. Так, 17 февраля был дан именной указ «*О запрещении ввоза Французских товаров в Россию*»²⁵. А ещё раньше, 8 фев-

²³ Из записок графа А.И. Рибоьера, цит. по: *Миллер К.* Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж: Родник, 1931. С. 300.

²⁴ *Бовыкин Д.Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе: Письмо Павла I принцу Конде (3 августа 1797 г.) // *Россия и Франция: XVIII–XX века.* Вып. 7. М.: Наука, 2006. С. 77–86; *Левин И.* Эмиграция французской революции. Ч. 1. Беркин: Слово, 1923. С. 79–82. См. также: *Миллер К.* Указ. соч. С. 216–220, 270–272 и др.

²⁵ ПСЗ. Т. 23 (1789–31 октября 1796). № 17103 от 17.2.1793. С. 406.

раля бы дан указ «*О прекращении сообщения с Франциею, по случаю происшедшаго в оной возмущения и умерщвления Короля Людовика XVI, и о высылке Французов из России, исключая тех, которые под присягою отрекутся от революционных правил, во Франции распространившихся*»²⁶. Во многом благодаря этому указу нам стали известны имена тех французов, которые присутствовали в России — это списки тех, кто давал присягу²⁷.

Вторым экстраординарным событием является присоединение польских земель в ходе трёх разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов. Жители этих территорий оказались подданными российской короны, но, фактически, так и остались иностранцами, а значительная часть присоединённых территорий — инородным телом. В первую очередь, это касается поляков-католиков, а также около 600 тысяч евреев. Именно тогда возникла первая, ещё не очень жёсткая черта оседлости. Однако эти вопросы окажутся главной болью империи уже в ходе других царствований.

Таким образом, иммиграция в России в петровскую и екатерининскую эпохи отличается тем, что в первом случае страна только входит в Европу и в процессе модернизации стимулирует профессиональную миграцию, а во втором — страна является неотъемлемой частью Европы, а значит, пространством, по которому циркулируют европейцы с той же степенью свободы, как и по другим её частям.

Ну, и в заключение — о несостоявшихся приглашениях или отвергнутых просьбах.

В эпоху Петра I такие случаи были. Вряд ли бы они изменили европейскую историю, но в России присутствие отказавшихся людей, было бы заметно. Так, не согласился ехать в Московию в 1697/98 годах знаменитый голландский фортификатор Кугорн с сыном; не приехали художники Жан-Марк Натъе и Жан-Батист Удри, которых Пётр I приглашал в 1717 году. Не приехали крупные учёные, которые, однако, согласились работать на Россию: в качестве тайного советника — Готфрид Лейбниц, и иностранного члена Петербургской Академии наук — Христиан Вольф. Об их отказах можно только сожалеть. А вот тому, что не приехал гениальный экономист, Генеральный контролёр финансов Франции, Джон Ло, можно только радоваться. Создатель бумажных денег, он был похож на ученика чародея,

²⁶ Там же. № 17101 от 8.2.1793. С. 402–405.

²⁷ Эти списки оказались одной из основ обширного словаря французов в России в XVIII в.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières: dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie*, de Pierre le Grand à Paul Ier / Sous la dir. de A. Mézin, V. Rjéoutski. 2 vol. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. (528 p.) (840 p.).

вызвавшего к жизни Гóлема. Он поднял экономику Франции, а затем в 1720 году вверг её в жуткий кризис, когда лопнул финансовый пузырь. Возможно, что здесь Россия утратила заманчивую возможность финансового краха... Но это, скорее, курьёз.

А вот «неиспользованные возможности» эпохи Екатерины II заставляют задуматься более серьёзно. Вот суммарный портрет тех, кто либо так и не оказался на российской службе, либо рано ушёл, либо поздно приехал.

Начнём с Иммануила Канта, который с января 1758 по июль 1762 года являлся российским подданным. Но возвращение Кёнигсберга Фридриху II (а, вместе с тем, и освобождение жителей Восточной Пруссии от присяги российской короне) — это, всё-таки, следствие решений ещё Петра III.

С 1768 по 1775 год в Россию по разным каналам трижды приглашался Джеймс Уатт. Он уже почти согласился, но от поездки его удержали промышленник Мэттью Болтон и натуралист Эразм Дарвин, дед Чарльза Дарвина²⁸.

В 1773 году молодой врач, Жан Поль Марат опубликовал в Лондоне книгу по медицине, которая привлекла внимание российского посланника Алексея Мусина-Пушкина. И то ли он предложил Марату приехать в Россию, то ли запросился сам Марат, искавший место, но переговоры велись и, в конечном счёте, окончились ничем. А может лучше врачу всё-таки было приехать, как в 1784 году сделал его младший брат, Давид Марат, которого мы все знаем как де Будри — профессора царскосельского Лицея? Он преподавал французскую словесность Пушкину²⁹.

С 1779 по 1786 год в России, в семье Строгановых, воспитателем графа Павла работал блестящий педагог Жильбер Ромм. Поехав в гран-тур со своим воспитанником, он в 1788 году оказался во Франции, стал членом Якобинского клуба, затем — членом Законодательного собрания и Конвента, подписал смертный приго-

---

²⁸ Детально ситуация проанализирована нами в двух работах, где также собрана вся выявленная библиография по вопросу: *Gouzevitch D., Gouzevitch I. El Grand tour de los ingenieros y la aventura internacional de la máquina de vapor de Watt: un ensayo de comparación entre España y // Maquinismo ibérico / éd. A. Lafuente, A.M. Cardoso, T. Saraiva. Madrid: Doce Calles, 2007. P. 147–190; Гузевич Д., Гузевич И. «Grand tour» и появление паровой машины в России и в Испании в XVIII в.: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 72–108.*

²⁹ *Гёц Ш. Путь Давида (Марата) де Будри: От частного воспитателя до преподавателя Царскосельского лицея // Французский ежегодник—2011 (М.). 2011. С. 315–328; Миллер К. Указ. соч. С. 227–228; Цвєрава Г.К. Марат как естествоиспытатель // Природа. 1988. № 4. С. 97–103.*

вор Людовику XVI, разрабатывал республиканский календарь, при падении монтаньяров в 1795 году был арестован, приговорён к смерти и покончил с собой в тюрьме. Может ему лучше было остаться в России? Педагога-то жаль.... Его коллега по Конвенту и тоже «цареубийца», инженер комиссар Клод-Жозеф Ферри (один из создателей артиллерии для республиканской армии) выжил в годы революции и работал в России позже, в 1805–1809 годах³⁰. В следующем же десятилетии, в 1815–1816 годах в Российскую империю приехал «организатор побед» революционной Франции, Лазарь Карно. Хотел поступить на службу, но так и не был принят³¹. Встречается информация о приглашении в Россию и Жильбера Лафайета.

И, наконец, по легенде, среди тех, кто просился в Россию, был молодой корсиканец Наполеон Буонапарте. Он хотел поступить в российскую службу майором. Екатерина II посчитала это требование чрезмерным³².

Конечно, история не знает сослагательных наклонений, но, если бы все эти предложения были приняты, те, кто уехал из России — остались бы в ней, а те, кто в неё всё-таки эмигрировал — сделал бы это раньше, то как бы выглядели две революции: Промышленная в Англии без Уатта, и Великая Французская без Марата, Лафайета, Ромма, Ферри, Карно и Наполеона? Впрочем, как и последовавшие за ней Наполеоновские войны. И что бы было в России? Нам всегда это было любопытно представить. Подумайте и вы. Фантазировать не воспрещается.

---

³⁰ Эмиграцией Ферри в Россию много занимался В.С. Виргинский, всегда крайне отрицательно относившийся к иностранцам на российской службе, но здесь сделавший исключение для якобинца и бывшего комиссара Конвента. Список статей Виргинского, так же, как и других источников по вопросу, см. в нашей работе: *Gouzevitch D., Gouzevitch I. De Ferry à Le Play: deux exemples de collaboration des ingénieurs d'Etat français et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural: première moitié du XIXe siècle // Revue de la Maison Française d'Oxford. Vol. 1, n° 2. 2003. P. 117–145.*

³¹ *Сироткин В.Г. Лазарь Карно на пути в Россию: Из истории политической эмиграции «ста дней»: 1815–1818 гг. // Французский ежегодник: 1972. М.: Наука, 1974. С. 193–220.*

³² *Миллер К. Указ. соч. С. 362.* Сюжет ещё в 1969 г. был детально разобран Ю. Топорковым в «Военно-историческом вестнике» (статья перепечатана в 2000 г.). Автор выявил и проанализировал свидетельства генерала И.А. Заборовского, графа Ф.В. Ростопчина и дипломата В.С. Тамары, которые утверждали, что Наполеон просился на российскую службу, однако пришёл к выводу, что они малодостоверны (*Топорков Ю. К вопросу о попытке Бонапарта поступить на русскую службу // Новый часовой (СПб.). № 10. 2000. С. 183–186.*) Заметим, что работу Миллера Топорков не упоминает.

Люстров Михаил Юрьевич
(Москва)

*Профессор Российского государственного
гуманитарного университета*

«PETRO Primo CATHARINA Secunda»: Взгляд из густавианской Швеции

На протяжении своей истории Россия и Швеция были связаны теснейшим образом: вели войны, заключали мирные договоры, создавали политические союзы, осуществляли интенсивный культурный обмен и живо интересовались событиями, происходящими в «соседственной» стране. Примеров, подтверждающих интерес шведов к русским делам и их осведомлённость в этой сфере, можно привести множество. Вот лишь некоторые из них, кажется, достаточно показательные. В латиноязычных трактатах шведских авторов XVI века, — Лаврентиуса Петри Готуса и Эрикуса Якоби Скиннеруса, — подробно описывались чудовищные деяния Ивана Грозного, самого жестокого из всех правивших когда-либо тиранов. В 1620 году бурную дискуссию в Швеции вызвала диссертация Юхана Ботвиди «Христиане ли московиты?». В писаниях автора знаменитой «Истории десятилетней шведско-московитской войны» (1671) Юхана Видекинди содержатся призывы быть крайне осторожными при ведении торговых дел с известными своей «пунической честностью» русскими¹. В предисловии к изданной в Стокгольме в 1762 году «Саге об Ингваре Видтфарне и его сыне Свене» упоминается правивший в Древней Руси конунг Ингварь Рёрриксон.

---

¹ *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas. Uppsala, 2004. P. 353–357.

Густавианская эпоха — один из самых сложных и противоречивых периодов в истории русско-шведских политических и культурных отношений — в этом смысле исключением не является: шведские авторы, и король Густав III в том числе, продолжали оценивать политические шаги восточного соседа и издавать работы на русскую тему. Один из многочисленных вопросов, занимавших шведскую сторону и нашедших отражение в сочинениях писателей-густавианцев, — является ли Екатерина II продолжательницей дел Петра I? Исследователю же необходимо выявить и описать специфически шведский (или общеевропейский, но по каким-то причинам особенно важный для шведов) способ обсуждения этой темы.

Летом 1777 года шведский король Густав III посетил Петербург и остался чрезвычайно доволен оказанным ему приёмом². Естественно, шведские панегиристы были удовлетворены ходом и результатами этого визита не меньше своего короля и об императрице сопредельной державы и её дворе отзывались неизменно восторженно. Так, в «Речи на Его Королевского Величества Короля Густава III счастливое возвращение из заграничного путешествия 29 июля 1777 года», произнесённой упсальским автором Петером Юкенбергом, сказано: «Да! Это было подобием небесной вести, когда мы впервые прочитали о том, как счастливо прибыл Густав к императорскому русскому двору и как сердечнейшим и достойнейшим образом Он там был принят Великой и Великолепной Императрицей»³. В изданную в 1778 году стихотворную «Речь на день рождения Его Королевского Высочества Кронпринца Густава Адольфа» выпускника упсальского же университета, специалиста по классическим языкам и истории Эрика Микаэля Фанта включён фрагмент, посвящённый знаменитой шведской королеве Кристине. По мысли автора, отрекшаяся от престола и оставившая страну дочь великого Густава II Адольфа сейчас бы, возможно, заслужила всеобщее почтение и превозносилась бы с таким же восхищением, что и нынешняя российская императрица Екатерина II⁴. В том же 1777 году в Стокгольме были изданы шведский перевод речи Александра Борисовича Куракина, посвящённый его

² *Olausson M.* Katarina den Stora och Gustav III. En månad i S:t Petersburg. Stockholm, 1998; *Кукушкина Е.Д.* Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 64–66.

³ *Yckenberg P.* Tal öfwer Hans Kongl. Maj:ts Konung Gustaf III:s Luckeliga Hemkomst från dess Utländska Resa Den 29 Julii 1777 på Upsala Stads Cavallerie Corps Begäran Uti Stora Redhus Salen. Uppsala, 1777.

⁴ *Fant E.M.* Tal i Anledning af Hans Kongl. Höghet Kron-Prinsens Gustaf Adolfs födelse. Upsala, 1778.

принятию в члены Королевской Академии наук, и ответ Президента академии (Tal, hållne für Kongl. Vetenskap Akademien den 3 januarii 1777). Из речи Куракина шведские читатели узнавали, что Екатерина радеет о процветании российского государства и благе подданных, с этой целью принимает мудрые законы и поощряет развитие наук и искусств; шведский же король соединяет в себе лучшие качества монарха и философа, обладает прекрасным сердцем и просвещённым разумом, особое удовольствие находит в распространении в своём отечестве наук и искусств⁵.

Сам Густав III дорожил добрыми отношениями с августейшей кузиной, после посещения Петербурга отзывался о ней чрезвычайно почтительно, сопоставлял её с Петром Великим, в том числе, в сочинениях, имеющих касательство лишь к внутренним делам Швеции. Так, в напечатанных в 1778 году королевских «Рассуждениях» (один из экземпляров которых содержит приписку: «К протоколу Совета, посвящённому принятию шведской национальной одежды») Густав связывает особенности национального характера с национальной же одеждой и на этом основании сравнивает русских со шведами. Одобрив решение Петра I переодеть соотечественников в европейское платье, шведский король приступает к описанию современной ему эпохи и отмечает, что «нравами и познаниями россияне сильно отличаются от тех, что были в начале XVIII века», а нынешняя императрица, продолжает дело Петра «с тем же успехом, хотя и с большим человеколюбием»⁶.

Вне всякого сомнения, Густава занимал вопрос преемственности Екатерины II по отношению к Петру I, но, формулируя идею превосходства российской монархии над её знаменитым предшественником, оригинальным не был и, вторя Вольтеру, преследовал исключительно комплиментарные цели.

Разумеется, во время русско-шведской войны 1788–1790 годов тон шведских авторов, пишущих о Екатерине, изменился принципиально, и тот же Густав отзывался о ней как о достойной наказания Семирамиде Севера. Победы Густава III над Екатериной II шведские пропагандисты уподобляли победам Карла XII над Петром I и объявляли возрождённым Карлом Густава III и его брата Карла Зюдерманландского. Из «Четырёх совершенно новых военных песен» (Фалун, 1789) следует, что «в Густаве можно увидеть нового Карла», а из оды Карла Леопольда «На победу у Хогланда 17 июля

⁵ Люстров М.Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М., 2006. С. 67.

⁶ Там же. С. 226.

1788 г.» (Стокгольм, 1788), — что герцог Карл «достоин великого имени, которое ещё ужасает мир»⁷.

Отождествляя победы современных шведских Карлов с победами Карла XII, шведские панегиристы поддерживали намерение своего короля взять реванш за поражение Швеции в Северной войне и одолеть не только екатерининскую, но и петровскую Россию. По предположению В. Проскуриной, «военный поход на Россию шведского короля Густава III в 1788 году должен был служить переигрыванием истории петровских времён — разгрома под Полтавой» и «во время Русско-шведской войны северные противники России стремились обозначить свой реванш за счёт памятника Петру»⁸. Как известно, в военные планы Густава III входило возвратить территорию, на которой был построен Петербург, и, вступив в город, сбросить с пьедестала памятник шведскому победителю Петру I (как следует из записок А.В. Храповицкого, «... Король не имел намерения брать Фридрихсгам, но хотел сделать десант на Красной горке, выжечь Кронштат, идти в Петербург и опрокинуть статую Петра I» (запись от 15 июля 1788))⁹.

О предполагавшемся Густавом символическом жесте в завоёванной вражеской столице известно немного, и об истинных, хотя и кажущихся очевидными, целях шведского короля можно лишь догадываться. По убедительному мнению В. Проскуриной, монумент, воздвигнутый Екатериной, с самого начала воспринимался в России и Европе как «памятник обоим императорам одновременно»¹⁰. Поэтому весьма вероятно, что, планируя эту акцию, Густав учитывал известную надпись на монументе и в низвержении памятника основателю города видел низвержение памятника его наследнице. Можно предположить, что в представлении Густава Медный всадник являлся монументом двум главным врагам Швеции, и в этой их общей «шведофобии» король видел преемственность Екатерины II по отношению к Петру I.

О том, что памятник Петру I был воздвигнут Екатериной II, напрямую говорится в другом шведском тексте, уже не военном, но своим появлением этой войне обязанном — в изданной в Лунде в 1793 году стихотворной «Речи на заключение мира в Вереле в 1790 г.

⁷ *Lénroth E.* Den stora rollen. Kung Gustaf III spelad av honom själv. Stockholm, 1986. S. 219; *Люстров М.Ю.* Указ. соч. С. 124.

⁸ *Проскурина В.Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 110.

⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 79.

¹⁰ *Проскурина В.Ю.* Указ. соч. С. 126.

между Швецией и Россией». Об авторе этого сочинения Эрике Петере Эльфе (1765–1793) известно, что он был горячим поклонником творчества Гёте (одно из его сочинений носит название «Первое и последнее мгновения Вертера» — «*Werthers första och sista stunder*» (1791), что ему принадлежат многочисленные стихотворения на случай и что часть из них посвящена событиям русско-шведской войны 1788–1790 годов (например, «Победная песнь на 30 сентября 1789 года» — «*Segersång öfwer den 30 Sept. 1789*»).

В «Речи на заключение мира» рассказывается о несомненном успехе Густава и его армии, о «чуде победы в их храбрых руках» и славе, завоёванной шведским королём в войне с деспотической и агрессивной Россией. Россия же, в представлении шведского панегириста, своими колоссальными размерами напоминает Римскую империю, однако, как показал ход последней войны, значительно уступает ей в физической силе. Что касается правящей ныне российской императрицы, то она, по мысли шведского автора, наделена множеством несомненных достоинств. О законах, необходимых народу, мудрая Екатерина «спрашивает Платона, Монтескьё и Райналя» и осуществляет превращение диких и грубых сарматов в «Великую Нацию» не менее успешно, чем Амфион строительство фиванских стен. Европа давно почитает российскую монархиню, а «благодарное потомство воздвигнет ей монумент по соседству с установленным ею памятником Петру»¹¹. Таким образом, в панегирической речи, произнесённой в Лундской Королевской Академии по случаю окончания войны с Россией, вновь, как и в самом начале военных действий, возникает тема Медного всадника. Правда, теперь возведение этого монумента на отторгнутой от Швеции территории незаконным Эльфу не кажется, а умножение числа памятников русским монархам представляется шведскому автору справедливым и с российской экспансией не связанным. Теперь Екатерина отождествляется с Петром не на основании сходного отношения к Швеции, а благодаря их заслугам перед своим народом.

Об ожидаемом возведении монументов царственным адресатам своих стихотворений, не только российским, но и шведским, Эльф-поэт говорит неоднократно. Репликой о желанном памятнике кронпринцу Густаву Адольфу — достойному сыну «мудрого Густава» и «доброй Софии Магдалены», будущему королю Густаву IV Адольфу, заканчивается написанный в том же 1790 году панегирик «На Верельский мир между Швецией и Россией на именины Его Королев-

¹¹ *Älf E.P. Tal öfwer ingångne Freden wid Werele 1790 emellan Sverige och Rysland hållet wid Kongl. Akademien i Lund. Lund, 1793. S. 9.*

ского Высочества Кронпринца» («Öfwer Werele Freden emellan Swerige och Ryssland, på Hans Kongl. Höghet Kron-Prinsens Namns-Dag 1790»). Однако, затрагивая в «Речи на заключение мира в Верели» свою любимую монументальную тему, шведский поэт стремится обозначить связь между государственными деяниями Петра и Екатерины: рассуждая о памятнике будущему, упоминает памятник уже установленный. Подобно Вольтеру, в письме от 3 декабря 1771 года настаивавшему на необходимости возвести памятник Екатерине напротив монумента Петру, шведский автор считает, что установившая памятник великому монарху Екатерина сама становится достойной такого же памятника.

Трудно сказать, знал ли Эльф о недавнем намерении Густава III опрокинуть Медный всадник, если же и знал, то едва ли связал указанный фрагмент «Речи» с потерявшим к 1790 году актуальность заявлением шведского короля. Скорее всего, упоминание шведским панегиристом, равно как и Густавом, памятника Петру объясняется особым вниманием шведов густавианской эпохи к наделённому для них символическим значением русскому монументу. При этом установленный Екатериной памятник Петру для шведов, как и для прочих европейцев, являлся важнейшим атрибутом её эпохи и указывал на преемственность Екатерины по отношению к Петру.

Ни одно из шведских ожиданий рубежа 1780–1790-х годов не сбылось: возведённый Екатериной памятник Петру не был ни сброшен с постамента, ни снабжён парным ему монументом самой Екатерине. Интересен же исключительно «шведский» диапазон этих ожиданий от реваншистской идеи ниспровержения памятника полтавскому победителю и продолжательницы его дел до возможности умножения числа монументов наследующим друг другу (как было отмечено самим Густавом ещё в 1778 году) российским монархам.

В густавианской Швеции эпоха Екатерины II воспринималась как продолжение эпохи Петра I, и мало расположенными к российской монархии шведами (не только Густавом, но и Эльфом) был найден хорошо им известный «монументальный» способ указать на эту преемственность. Правда, рассуждая о памятнике, который Екатерине возведёт благодарное потомство, шведский панегирист отказывался от намерения сопоставить этих российских монархов и, подобно Вольтеру в 1771 году, констатировал лишь возможность создания нового монумента монарху, не менее великому, чем Пётр I. Идея же вероятного увеличения числа памятников знаменитым русским правителям исключала возможность рассуждения о превосходстве Екатерины над Петром, уста-

новка соседствующих монументов делала этих монархов героями равновеликими.

Несомненно, идея преемственности Екатерины II по отношению к Петру I для шведских авторов густавианской эпохи была актуальной, воспринимавшейся чрезвычайно болезненно, связанной с очень непростыми русско-шведскими политическими отношениями на протяжении всего XVIII века. Но в сочинениях, посвящённых российской монархии, центральной она всё-таки не стала. Куда с большим увлечением писатели-густавианцы находили женские прототипы российской императрицы и оценивали её деятельность через сопоставление со знаменитыми предшественницами. В той же «Речи» Эльфа «монументальная» тема возникает после следующего пассажа: «Екатерина! Ты долгое время показывала Европе, что в веках сохранилась ещё одна Ольга»¹². По мнению шведских авторов, Екатерина следует за Петром, Екатерина равновелика Петру, но напоминает она учёную шведскую королеву Кристину, мудрую русскую княгиню Ольгу или добродетельную кастильскую королеву Изабеллу, вместе со своим мужем, королём Арагона Фердинандом, осуществившую Реконкисту, аналогом которой должен был являться возглавляемый Густавом III и поддержанный Екатериной II поход против революционной Франции.

---

¹² Ibid. S. 9.

Талалай Михаил Григорьевич
(Италия)

*Старший научный сотрудник и представитель
Института всеобщей истории РАН в Италии*

Итальянский вектор внешней политики России в XVIII столетии

Стремительное вхождение новой России при Петре I на европейскую политическую арену существенно изменило баланс сил, в особенности, на севере континента. Для южных проектов монарх продумывал возможные коалиции с итальянскими государствами, о чём свидетельствуют поездки его эмиссаров (Б.П. Шереметев, П.А. Толстой), прошупывавших почву для антитурецкого союза и прочих возможностей. В особенности Петра интересовало военноморское сотрудничество с Венецианской республикой, «царицей Адриатики», а также с вековым щитом против мусульманской экспансии — Мальтийским орденом. Царь интересовался также Великим герцогством Тосканским, представлявшим для него значение главным образом из-за удобного порта в Ливорно. Однако неудачи на южном направлении (Прутский поход 1711 года) вынудили Петра сосредоточиться, как известно, на борьбе с Швецией за выход России в Балтийское море.

При непосредственных преемниках Петра интерес Российской империи к итальянским государствам вовсе сошёл на нет.

Екатерина II стремилась довести до конца черноморские и средиземноморские устремления Петра: её «прорыв на юг» теперь имел более широкий размах — речь теперь шла не только о достижении важных торговых ареалов, а об освобождении греческих (Константинополь!) и балкано-славянских земель от векового османского владычества. Именно тогда, при Екатерине, оформились российские мечта-

ния о Проливах, возникшие ещё при Петре (требование свободного судоходства по Проливам предъявлял ещё Прокофий Возницын на Карловицком конгрессе в 1698–1699 годах) и окончательно свернувшиеся уже после Первой мировой войны и революции (в последний раз «мечтания» выразились в конце Второй мировой войны на встречах «Большой Тройки»).

Императрица отдавала себе отчёт в необходимости иметь итальянских союзников в этих проектах. Кроме того, она учитывала Апеннины в своей сложной европейской игре, где главным геополитическим соперником России стала Франция (оказывавшая поддержку Турции). В целом российская внешняя политика справедливо считала итальянские государства предметно заинтересованными в альянсе с северной империей.

Непосредственным толчком для создания серьёзного итальянского вектора стала новая война с Турцией, вспыхнувшая в 1768 году. Российский флот, стоявший в Кронштадте, отплыл в направлении Средиземного моря: в первую очередь, предполагался манёвр против турецкого флота, «обойдя его с тыла». Кроме того, Россия намеревалась подвинуть греческое население на Балканах и островах Эгейского моря к восстанию против османов. Морская эпопея Екатерины получила в отечественной историографии название Архипелагской экспедиции 1769–1774 годов¹.

Присутствие российского флота в западных водах Средиземноморья требовало добрых отношений с итальянскими государствами, имевшими старинные морские базы. Императрица была намерена включить эти страны в антитурецкую (и, следовательно, антифранцузскую) коалицию.

Итальянские кабинеты поначалу вяло реагировали на инициативы России, полагая малопрактичным вести дела с далёким и, по их (ошибочному) мнению, маловлиятельным государством. Заметим, что в целом в ту эпоху эти государства практически не имели своей внешней политики, предпочитая жить при сложившемся статус-кво, в тени европейских супердержав — Франции, Англии, Австрии. Кроме того, они, и в первую очередь Венецианская республика, не без оснований опасались турецкой «вендетты». Играл свою роль и религиозный фактор: в глазах итальянских ультракатоликов Россия была схизматической страной, враждебной папскому Риму. Что касается общественного мнения, то оно считало южные планы России необоснованно амбициозными и не имевшими под собой реальных возможностей: русский морской флот представлялся европейцам мистификацией.

¹ См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины II. М.: Индрик, 2011.

Несмотря на подобную инертность и даже неприятие на Апеннинском полуострове, правительство Екатерины решилось действовать, будучи убеждённым, что «сама жизнь» заставит итальянцев рано или поздно увидеть в России естественного союзника.

Первым энергичным делом Екатерины стала итальянская миссия авантюрных братьев Алексея и Фёдора Орловых в 1768 году, вначале прибывших в Венецию. Однако этот визит вызвал озабоченность у «царицы Адриатики», владевшей к тому моменту территориями на Балканах и рядом эгейских островов: венецианцы справедливо опасались, что подчинённые им православные греки сделают выбор в пользу единой России (среди восточных христиан к тому времени уже укрепилось убеждение в том, что русский царь является их законным покровителем). В итоге осторожные правители Морской республики, посчитав, что Орловы набирают волонтеров для войны с турками, дали братьям понять, что им необходимо покинуть Венецию.

Последующее пребывание А.Г. Орлова в Тоскане, в 1769 году, принесло иные, благоприятные плоды, и тосканский порт надолго стал служить базой российского военного флота.

Переломным моментом стала победа при Чесме (1770)² и последовавший Кучук-Кайнарджийский мирный договор (1774), закрепивший успех России в «южном прорыве». Помимо внешнеполитического эффекта (Европа была вынуждена признать за Россией статус морской державы), изменилась и экономическая ситуация: русские корабли приобрели право беспрепятственного прохождения через Проливы и свободной навигации в турецких водах.

Успех в Турецкой войне послужил залогом дальнейшего развития итальянского вектора. Для последующего зондирования почвы Екатерина командировала в Италию немецкого просветителя Гримма в 1776 году, по её заданию обратившего особое внимание на Неаполь. Уже в следующем, 1777 году, между Российской империей и Неаполитанским королевством было принято двустороннее решение об обмене посланниками, что и было осуществлено в 1778 году³. С тех

---

² Трудно удержаться от размышлений об объективности исторической науки после визита автора в Чесму (Чешме), где в местном краеведческом музее сражение 1770 г. представлено как истощившее русский флот и сорвавшее дальнейшую агрессию России; экспонируется «трофейная» русская пушка, поднятая со дна морского современными турецкими археологами, а у морской крепости водружён памятник флотоводцу Хасан-бею, командиру турецкой армады.

³ О развитии отношений в тот период см.: *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М.: Наука, 1981.

Д.А. Каналетто. Гавань Святого Марка в Венеции. 1740

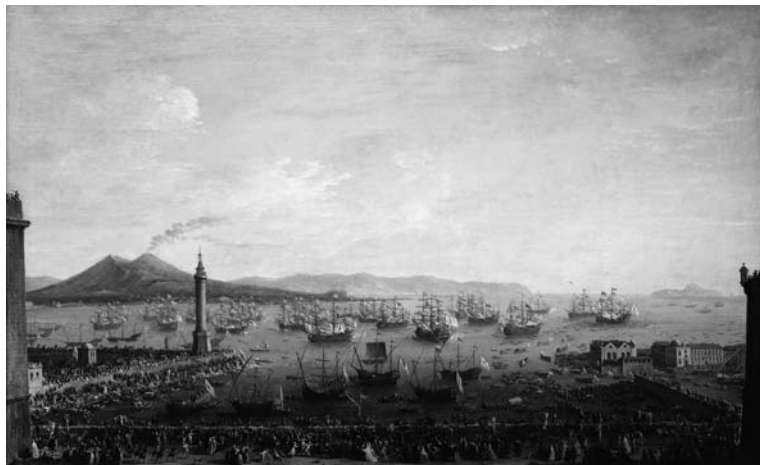
пор дипломатические отношения между двумя державами не прерывались вплоть до 1860 года, когда королевство сошло со сцены мировой истории. Более того, из всех итальянских государств Россия в итоге стала выделять именно эту южную державу. Сотрудничеству способствовала долгая и успешная миссия в России в конце XVIII века неаполитанского посланника герцога Серракаприолы, а также всё нараставшее политическое сближение и, позднее, торговля. Русские посланники в Неаполе — А.К. Разумовский⁴, П.М. Скавронский, Ф.Г. Головкин — занимали престижное место при местном дворе⁵.

Другим важнейшим итальянским партнёром екатерининская Россия считала Сардинское королевство (Пьемонт). Установлению, на долгие десятилетия, дружеских связей с пьемонтским двором способствовал визит в Турин в 1782 году наследника престола Павла Петровича, путешествовавшего по Европе под именем графа Северного. Дипломатические отношения с королевством установились в следующем, 1783 году, когда сардинский маркиз Парелла был командирован послом в Петербург, а Екатерина ответила на это назначением в Турин князя Н.Б. Юсупова, который уже был известен

---

⁴ Полномочный посланник Андрей Кириллович Разумовский стал первым русским дипломатом, постоянно аккредитованным на итальянской земле.

⁵ Правда, Головкина подвела его любовь к острословию: он неосторожно сочинил эпиграммы против неаполитанской королевы, ставшие известными, и был отозван в Россию.

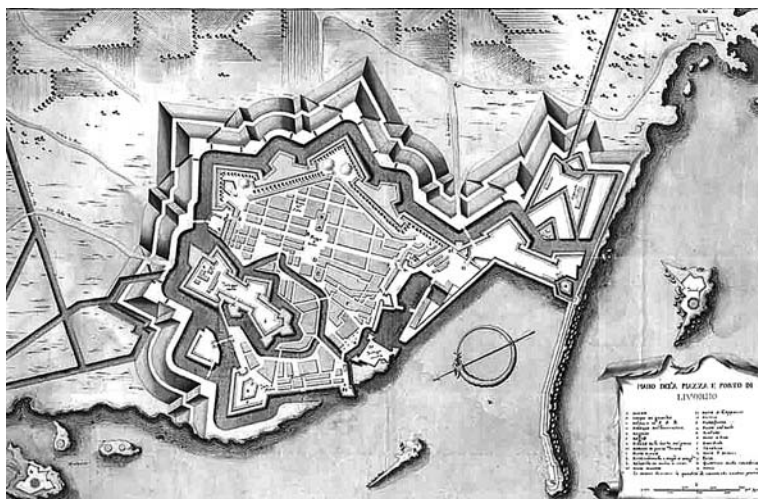
Антонио Йоли. Отплытие эскадры из Неаполя. 1759

там в качестве лица, сопровождавшего цесаревича Павла. Отношения между Петербургом и Туринном развивались весьма успешно, особенно при втором российском посланнике, князе А.М. Белосельском. Пьемонт, которому постоянно угрожали два могучих соседа, Франция и Австрия, стал настойчиво искать поддержки у российской державы, стремительно завоевывавшей авторитет.

Что касается Венеции, то стремясь положить конец колебаниям, которые, казалось, парализовали её внешнюю политику, императрица в одностороннем порядке назначила туда, ещё в 1768 году, своим поверенным в делах маркиза Пано Маруцци (местного неогреческого). Венеция, всячески ограничив деятельность Маруцци, предприняла ответный шаг лишь в 1782 году, назначив послом в Петербурге кавалера Джироламо-Асканио Джустиниани⁶. Формально она платила этой любезностью за визит в город «графа Северного», но главным образом надеялась при поддержке России обуздать экспансионистские намерения Австрии. Так установились полноценные двусторонние отношения с Венецией, и в 1783 году посланником туда был назначен видный государственный деятель граф С.Р. Воронцов.

---

⁶ Джустиниани, впрочем, уклонился от этого назначения, как это сделали и два следующих его земляка — Анджело Эльмо и Франческо Фоскари (последний отписал в Сенат, что «желает умереть в своей постели»). На берега Невы, уже в октябре 1783 г. приехал лишь четвёртый кандидат — Фериго Фоскари.

Порт Ливорно. Карта конца XVII века

Военно-морские отношения же с Тосканой, блестяще начатые в 1769 году, были практически свёрнуты после эпизода с «княжной Таракановой» — её дерзкого похищения из Ливорно в 1775 году А.Г. Орловым и последующего возмущения тосканцев. Императрица, однако, не оставляла своим вниманием большую греческую колонию, существовавшую в Ливорно: она рассматривала православных ливорнийцев как естественных союзников, заинтересованных в помощи России в её прорыве на юг. Екатерина II выказала личное участие в судьбе местного греческого храма, пожертвовав ему ценные Евангелия, серебряный крест, чаши и другие предметы утвари. Подобное внимание царицы не оставалось безответным со стороны тосканских греков: в конце XVIII века настоятель ливорнийской общины иеромонах Серафим пытался даже ввести свой храм в лоно Российской Церкви, но этой попытке воспрепятствовал Патриарх Константинопольский. Ливорнийский порт теперь, после потери военной составляющей, интересовал Россию как коммерческая база. В конце XVIII века из прибалтийских городов империи сюда в больших количествах стали поступать лён, пенька, зерно, икра и другие продукты. О важности этих отношений свидетельствует учреждение здесь императорского консульства в 1783 году (консулом был назначен один местный купец).

Характерный для итало-русских отношений той поры эпизод произошёл с Генуэзской республикой, которую Екатерина справедливо рассматривала как возможную базу для своего флота. В 1782

Я.Ф. Гаккерт. Чесменский бой. 1771.

По преданию, для художника был взорван русский фрегат, стоявший в Ливорно

году она отправила — в одностороннем порядке, без какого-либо предварительного согласования — поверенного в делах (затем полномочного представителя) А.С. Мордвинова. Появление аккредитованного русского дипломата вызвало крайнее замешательство у генуэзцев, союзных французам: спустя некоторое время, осенью 1783 года, они были-таки вынуждены, согласно этикету, выслать ответную миссию в Петербург, однако её главе, маркизу Стефано Ривароле был дан строгий наказ не обсуждать политические и коммерческие дела (дабы не раздражать Францию)⁷.

Центральную часть Апеннин, Папское государство, дипломатия Екатерины аккуратно обходила: это предопределила многовековая конфликтная ситуация, отягощённая догматическим и институциональным разделением Западной и Восточной Церквей. Кроме исторических событий разного калибра, разводивших Россию и Рим в стан политических противников, на возможные дипломатические отношения отрицательно влияли их прямо противоположные государственные концепции. Папы римские, согласно собственной эклезиологии, считали себя главами (и не только духовными) всех католиков, включая подданных иностранных держав, что являлось

⁷ См.: *Sinigaglia R. Rapporti diplomatici fra Russia e Genova. La missione Mordvinov (1782–1786)*. Genova: Coedit, 2002.

результатом дуализма папства, совмещавшего в себе и Церковь, и государство. Одновременно и русская монархия считала себя единымличным, самодержавным правителем всего населения страны, вне зависимости от его вероисповеданий. Поэтому императрица чувствовала себя вправе распоряжаться также и духовными делами российских католиков, в принципе, не желая ни прямых отношений между Святейшим престолом и российскими католиками, ни присутствия полномочного папского нунция на территории своей империи. Самым ярким моментом такой политики императрицы стало сохранение Ордена иезуитов на территории России, в то время как в остальной Европе, за исключением лютеранской Пруссии, он был, согласно решению папы, (временно) распущен.

Заложенная Екатериной сеть дипломатических отношений с итальянскими государствами получила бурное развитие при Павле, кульминацией чего стал знаменитый Итальянский поход Суворова 1799 года. Однако «бедному Павлу» и тут не повезло: три победы русской армии были перечёркнуты австрийским своекорыстием и последующими военными успехами Наполеона⁸.

Как бы то ни было, в конце XVIII века итальянцы воочию ознакомились со вновь народившейся мощью северной Империи: сначала они увидели в своих морях победоносный российский флот, затем, на своих землях, — победоносную регулярную армию, вместе с экзотическими казаками.

При этом следует подчеркнуть, что итальянцы, пусть и объединённые языком и культурой, не воспринимались тогда Россией как цельная нация. Следовательно и сам итальянский вектор для неё был расщеплён и многосложен. Позднейший знаменитый афоризм Меттерниха «Италия — это географическое понятие» (1841) уже в XVIII веке определял отношение Австрии к вопросу объединения итальянской нации: её для австрийцев как будто и не существовало. Вслед за союзной Австрией, непосредственно заинтересованной в раздробленности Италии, и Россия в ту эпоху не воспринимала итальянские государства в качестве возможной политической цельности, полагая раздробленность полуострова как нечто естественное и даже полезное для европейского равновесия.

---

⁸ Заметим, что если в отечественной историографии поход Суворова справедливо прославляется за его военный блеск, то в Италии его оценивают с политической точки зрения, как поддержку реакционной и хищной Австрии; см. *Талалай М.Г.* Русская армия в Италии в 1799 г.: Освобождение или оккупация? // *Россия—Италия: культурные и религиозные связи в XVIII—XX веках.* СПб.: Алетейя, 2014. С. 45–54.

Спаджари Уильям
(Италия)*

Профессор департамента литературы, филологии и лингвистики
Государственного университета Милана

Пётр Великий, Екатерина II и «Миланская школа»¹

Итальянские просветители, жившие и творившие в Милане во второй половине XVIII века, с большим вниманием следили за процессом обновления России, начавшимся после основания Петербурга (1703) с реформами Петра I и продолженном в виде политических решений, принятых его преемниками. В поэтических сочинениях, в газетных и журнальных статьях, в политических текстах, в частной и дипломатической переписке Екатерина II в итоге выдвинулась на передний план в то время, как фигура Петра, которого сначала сравнивали (притом не только в Италии) с новым Прометеем, постепенно получала второстепенное значение².

* Пер. с итальянского [С.Я. Сомовой] и М.Г. Талалая.

¹ В оригинале — на франц.: *L'école de Milan*. Этим французским термином в европейской историографии обозначают миланское сообщество литераторов, мыслителей, юристов и прочих представителей эпохи Просвещения, находившихся в тесной связи с французскими просветителями. — *Примеч. пер.*

² «В Голландии Царь проходил свои первые, так сказать, штудии; в Саардаме этот новый Прометей взял огонь, которым позже воспламенил свой народ»; см.: *Альгаротти Фр.* Русские путешествия. Письма о России / Пер. *М.Г. Талалая*. СПб.: Крига, 2006. С. 72. Скорей всего итальянский просветитель «позимствовал» эпитет у Вольтера; см.: «Le Csar <...> comme Prometée emprunter le feu céleste, pour animer ses compatriotes. Ce feu divin il l'alla chercher chez les Hollandais [Царь <...> как Прометей добыл небесный огонь, дабы воодушевить своих соотечественников. Этот божественный огонь он нашёл у голландцев]» (*Voltaire. Anecdotes sur le Csar Pierre le Grand // Oeuvres. Nouvelle édition. Dresde: Walther, 1748. Vol. II. P. 242–243*).

Видный литератор Джузеппе Парини, в сонете, написанном им приблизительно в 1785 году, вступил в решительную полемику с аббатом Джанбаттистой Касти, который в своей «Татарской поэме», тогда ещё не изданной, но ставшей известной в Милане благодаря авторскому устному исполнению в литературных салонах, нелестно отзывался о Екатерине II (хотя и представленной как вымышленная героиня, но легко узнаваемой)³. В поэме Касти время действия было перенесено в Россию XIII века. В 1776 и в 1780 годах её автор, побывав в составе австрийского дипломатического корпуса (благодаря личной дружбе с сыном канцлера Кауница) в Петербурге, сочинил подносные стихи со славословием «императрицы Всея Руси», но по прошествии какого-то времени, уже при изменившейся политической ситуации, аббат-литератор, вернувшись из Испании и оказавшись в Милане, нарисовал в стихах картину примитивной варварской страны, где царица осуществляла свою деспотическую власть в обстановке фаворитизма, коррупции и угнетения. Называя «Татарскую поэму» «грязной и вызывающей», а её сочинителя — «уродливым старым вонючим прелатом», Парини прославлял властительницу «обширной Империи», занявшей русский трон после своих предшественниц Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны и успешно правившей наряду с другими великими женщинами Европы: Марией Браганцей в Португалии и Марией Терезией в Австрийской империи (к которой тогда принадлежал Милан)⁴.

Уже в оде «Увенчание лавровым венком» 1777 года Парини давал высокую оценку Екатерине II за то, что она сумела «ласково удерживать» с помощью разума свой «неистовый» русский народ⁵. Впоследствии он много раз упоминал императрицу в журнале «Гадзетта ди Милано», который редактировал лично, начиная с 1769 года. В этом журнале государственные предприятия и установления Екатерины II, вдохновлённые мыслью просветителей, получали высокую оценку — в свете благоприятного воздействия разума. Парини видел заслугу императрицы в успешном ведении военной кампании в Польше и в войне с турками; указывал на её неутомимую поддержку научных исследований, упоминая среди прочего расходы на оплату

³ См.: *Сомова С.Я.* «Татарская поэма» итальянского сатирика Джанбаттисты Касти // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Под. ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалая. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 377–384. — *Примеч. пер.*

⁴ *Parini G.* Tutte le opere edite e inedite, raccolte da G. Mazzoni. Firenze: Barbèra, 1925. P. 430–431.

⁵ *Parini G.* Odi / a cura di M. d'Ettoire, introduzione di G. Baroni. Pisa-Roma: Serra, 2013. P. 141.

астрономических наблюдений в разных уголках её царства по случаю прохождения Венеры через солнечный диск; одобрял её стремление видеть переведёнными и напечатанными «знаменитые сочинения иностранных авторов»; прославлял её решения во внутренней политике (против привилегий церковников) и во внешней (твёрдость в отношениях с Англией).

Главным предметом для восхищения царицей, многократно упомянутым Парини, оказалась проблема, волновавшая тогдашнюю Европу, а именно борьба против опасного заболевания, оспы. Итальянец утверждал, что Екатерина, «управлявшая всем из своего кабинета», служит образцом мужества и разума, ибо согласилась сделать прививку самой себе и четырнадцатилетнему сыну (будущему императору Павлу), дабы обеспечить непрерывность престолонаследия. Сам Парини в 1765 году посвятил прививке против оспы целую стихотворную оду, полагая, что это не просто профилактическая мера, а пример выступления против любого застоя и предоступления против державшихся в сельской местности и среди бедного населения. В течение 1769 года «Газетта ди Милано» не раз писала об этом в связи с работой английского врача Томаса Димсдейла, который сделал прививку в Петербурге 23 октября 1768 года, получив за это титул барона и ежегодную пенсию. Журнал сообщал, что семилетнему мальчику, из гноя которого была взята проба для прививки, было выдано вознаграждение; что был объявлен ежегодный праздник по случаю счастливого исхода операции; что бывшая квартира философа Христиана Вольфа, почётного члена Академии наук, была отведена под больницу для борьбы с оспой. И в этом потоке похвальных слов о Екатерине лишь единственный раз и только вскользь «Газетта ди Милано» упомянула о Петре Великом: в октябре 1769 года Парини сообщил о присутствии среди русских морских офицеров «цветного мужчины», артиллерийского бригадира, сына того «негра», которого царь Пётр привёз в Россию⁶, отличавшегося от прочих офицеров лишь тем, что носил чёрный парик⁷.

Имя царицы часто появляется, притом всегда с оттенком восхищения, в самой передовой миланской журналистике. Так, Пьетро

⁶ Речь идёт об Иване Абрамовиче Ганнибале (1735–1801), в будущем российском флотоводце. — *Примеч. пер.*

⁷ *Parini G.* La Gazzetta di Milano [1769] / a cura di Arnaldo Bruni. Milano-Napoli: Ricciardi, 1981, 2 voll. См.: Vol. II. P. 499 (№ XLII, 18 ottobre 1769 под датой «Amburgo 23 settembre»); о сыне «негра» Петра I повторяет флорентийская газета «Notizie del mondo», № 82, 14 ottobre 1769. P. 673 (без детали о парике). Упомянутые сюжеты с Екатериной II, см.: «Gazzetta di Milano». Vol. I. P. 144, 215, 217; Vol. II. P. 395, 476; о прививке оспы: Vol. I. P. 6–7, 60, 110–111, 241.

Верри в журнале «Каффе» назвал её «одной из самых великих государынь» своего времени в связи с тем, что она покровительствовала словесности и что пригласила в Россию философа Д'Аламбера в качестве воспитателя сына⁸. Такое же признание важной роли русских императриц в политической жизни принадлежит Джузеппе Кольпани, писавшем в том же «Каффе» и о Екатерине Алексеевне, «благородной героине Прута», как спасительнице Петра Великого, «создателя русской нации», добившейся почётно́го мира от турецкого визиря в 1711 году во время осады⁹. Прутский поход получил резонанс в литературе того времени; среди прочих о нём писал Франческо Альгаротти в «Русских путешествиях», книге, которая представила в европейских столицах новый образ России. Там говорилось о Екатерине I, «спасшей царя и империю на Пруте»¹⁰.

Пробуждавшийся в Европе интерес к новой России, поддержанный многими путевыми заметками, заставил Пьетро Верри, самого авторитетного из миланских просветителей, считать двух верховных властителей страны, Петра и Екатерину, борцами за модернизацию, за тот сложный процесс, который развивался в весьма отсталой среде. В своём эссе 1773 года «О природе удовольствия и боли» Верри писал о том, как знатные турецкие пленные пользовались достойным обращением со стороны Екатерины II, а вернувшись на родину, рассказывали о великодушии царицы и о её блестящем дворе. Несколько раз Екатерина посылала своих людей сопровождать пленных на театральные представления, но те не испытывали ни малейшего интереса к балам, музыке, великолепным спектаклям: получив разрешение посещать спектакли, им ни разу не захотелось пойти в театр. Этот сюжет подтверждал для Верри верность той мысли (широко распространённой тогда), что во вкусах и убеждениях народов существует огромные этические и культурные различия¹¹.

В январе 1778 года, заняв пост председателя Патриотического общества в Милане, Верри, в переписке с братом Алессандро, уделил много внимания вопросу о цивилизационном развитии народов, что тогда в целом было аргументом, живо занимавшим просве-

⁸ Dell'onore che ottiensi dai veri uomini di lettere // «Il Caffè», 1764–1766 / a cura di G. Francioni e S. Romagnoli. Torino: Bollati Boringhieri, 1998, 2 voll. См.: Vol. I. P. 286.

⁹ Dialoghi dei morti // «Il Caffè», 1764–1766. Vol. I. P. 233.

¹⁰ См. *Альгаротти Фр.* Указ. соч. С. 51.

¹¹ *Verri P. I* «Discorsi» e altri scritti degli anni Settanta / a cura di G. Panizza, con la collaborazione di S. Contarini, G. Francioni, S. Rosini. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2004. P. 142.

Книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (Бассано-Венеция, 1797) с богиней Правосудия, отворачивающейся от сцены обезглавливания ради вида орудий труда, способного исправить осуждённого

тителей. При этом он не раз возвращался к фигуре Петра Великого, который рисовался ему как творец насильно проводимого обновления, опиравшегося исключительно на власть. Эта деятельность Петра, по его мнению, имела столь важные последствия, что «удивила Европу», но процесс протекал только по воле «очень сурового и капризного деспота» с «применением безудержного насилия», без осуществления настоящего национального подъёма. За границами Петербурга, согласно Верри, Россия оставалась «варварской, неграмотной и рабски угнетённой, как прежде», а царь Пётр подтвердил мнение, что «позволительно всё и что приказом можно перегнать народ из варварства к культуре»¹². Впрочем, это суждение о Петре был воспринято в Милане под влиянием Монтескье и Руссо, у которых наряду с восхищением перед титаническим величием царя, который «на глазах у Европы» успешно привёл к новой жизни «дикий народ», звучало осуждение злоупотреблений и крайних форм тира-

¹² Ibidem. P. 560, 564 (письмо Пьетро Верри к Алессандро Верри от 21 января 1778 г.).

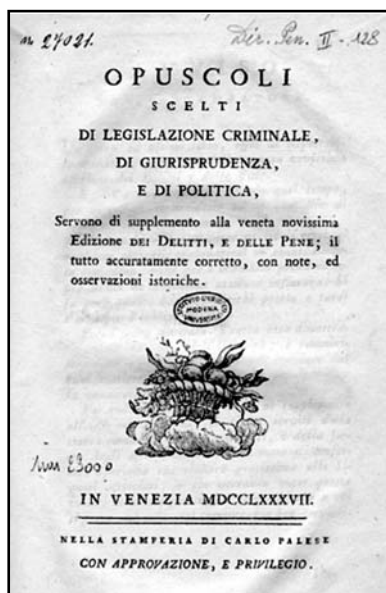
нии: «Пётр Великий собственной рукой казнил многих своих подданных, упорно не желавших брить бороды и отказывавшихся от длинной одежды до пят»¹³.

Под конец своей жизни Пьетро Верри посчитал царя Петра виновным в абсолютизме, пусть и новаторского, но нетерпимо деспотичного характера, с ошибочным убеждением, что монарху якобы позволительно любое своеволие. Такая форма деспотизма, именно в силу своего масштаба и успеха, стала ориентиром для сторонников курса Петра среди нескольких европейских монархов во второй половине XVIII века. Среди таких августейших сторонников, по мнению Пьетро Верри, оказался даже Иосиф II Габсбургский: он вызвал порицание миланского философа из-за чрезмерно бурного и радикального реформизма, который не в лучшую сторону отличался от дальновидного реформизма его матери Марии Терезы, принесшей столько пользы для Ломбардии и Милана. Действуя «вслед за Петром Алексеевичем [Pietro Alexiowitz]», считал Верри, австрийский император, стремясь, понятно, принести пользу своему народу, в результате опрокинул обычаи и права социальных слоёв империи, так как был лишён нужных способностей в разных сферах государственного управления (например, в вопросах военной стратегии), а посему оставил свою монархию «в упадке, беспорядке, в пучине внутренних и внешних опасностей»¹⁴.

В то время, как многие, прежде всего европейские путешественники, настойчиво говорили о преемственности между Петром Великим и Екатериной II, Пьетро Верри в своих поздних аналитических работах подчёркивал различие между двумя государями. Фигура императрицы рисовалась ему в положительном освещении в качестве покровительницы философов и художников, в чём она была равной Фридриху II Прусскому, польскому королю Станиславу и шведскому королю Густаву; что же касалось царя, то ему ставились в вину не только своевольные выходки, но и сам факт легитимизации тиранства. Если в начале своего творческого пути Пьетро Верри безоговорочно разделял присвоение эпитета «Великий» для Петра I, то на страницах «Каффе» в 1764 году он уже высказал сомнение в его справедливости, сделав оговорку, что царь, упорядочивший жизнь «нации дикарей» и создавший целый ряд благоприятных обстоятельств, разумеется, имел право называться «Великим». В торже-

¹³ См.: «Il Caffè». Vol. I. P. 59, 73, 189.

¹⁴ Verri P. Storia dell'invasione de' francesi repubblicani nel Milanese nel 1796 // Scritti politici della maturità / a cura di C. Capra. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2010. P. 773.

Избранные брошюры по законодательству (Венеция, 1787), где «Наказ» Екатерины напечатан вместе с книгой Ч. Беккарии

ственной речи на похоронах Иосифа II в 1790 году он упоминал императора «Царя Московии Петра [Pietro Czar di Moscovia]», обычно называвшимся «Великим», но прокомментировав, что это название не во всём оправдано («не уверен, что этому есть рациональное оправдание»); а в тексте приблизительно того же времени или написанном несколько ранее, т.е. в «Диалоге императора Иосифа II и

философа» (этот философ был alter ego самого Верри), он резко заявлял, что Петра «ошибочно называли Великим, потому что был он велик именно в силу своих поражавших всех пороков»¹⁵.

Наибольшее сближение итальянских просветителей и Российской империи состоялось в тот момент, когда Миланская школа получила широкую международную известность благодаря публикации в 1764 году книги Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях», посвящённой уголовному праву, где автор убедительно выступал против пыток и смертной казни. Книга получила широкое хождение в Европе, так что Екатерина II даже пригласила автора участвовать в составлении нового Кодекса законов Российской империи, хотя имела тогда об этом авторе самые неопределённые сведения («un certain abbé, ou non abbé, *Beccaria* demeurant à Florence»¹⁶). Незадолго до этого Беккария вернулся в Милан из поездки в сопровождении Алессандро

¹⁵ Ibidem. P. 633, 774 (Екатерина II); 430, 452 (Пётр I). Позднее, в 1791 г., Верри становится ещё более резок в своих оценках, говоря о «жестокости Татарины-деспота» во главе «огрубевшей людской массы» (p. 631).

¹⁶ Франц.: «Некий аббат, или не аббат — Беккария, жительствующий во Флоренции» — записка без даты (но от 1766 г.) Екатерины II к И.П. Елагину; см.: *Beccaria C. Dei delitti e delle pene. Con una raccolta di lettere e documenti relativi alla nascita dell'opera e alla sua fortuna nell'Europa del Settecento / a cura di F. Venturi. Torino: Einaudi, 1973. P. 630.*

Тексты Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» и Екатерины II «Наказ» (десятая глава), включённые в один том (Бассано-Венеция, 1797)

Верри в Париж, где его торжественно принимали французские мыслители. Но само это возвращение из Парижа, как известно, сопровождалось разладом между Чезаре Беккарией, рвавшимся поскорее домой в Милан к молодой жене, и Алессандро Верри, отправившимся в Лондон, откуда он перебрался в Рим, дабы никогда более не возвращаться в Милан. Этот разлад, произошедший и по другим мотивам, среди которых был вопрос о признании роли братьев Верри в замысле и сочинении книги «О преступлениях и наказаниях», знаменовал окончательный финал яркого и плодovitого содружества миланских мыслителей.

Итак, Екатерина II пригласила Беккарию приехать в Петербург ради работы над реформированием российского законодательства¹⁷.

Флорентинец Гаспаре Анджелини, недавно поселившийся в Петербурге после Вены, где он служил учителем танцев при дворе Габсбургов, писал Беккарии, что Екатерина II высоко оценила его книгу во французском переводе, выполненном Андре Морелле. Беккария в принципе был готов принять приглашение царицы, но выд-

¹⁷ Подробнее см.: *Mauri A.* La cattedra di Cesare Beccaria // Archivio storico lombardo, LX, 1933. P. 204–225; *Venturi F.* Beccaria in Russia // Il Ponte, IX, 1953. P. 163–174; *Cizova T.* Beccaria in Russia // Slavonic and East European Review, XL, 1961–62. P. 384–408; *Berkov P.* Cesare Beccaria e la Russia // Atti del Convegno internazionale su Cesare Beccaria (Torino, 4–6 ottobre 1964). Torino: Accademia delle Scienze, 1966. P. 253–277. О трактате Беккарии в русской культуре см. *Gherbezza E.* «Dei delitti e delle pene» nella traduzione di Michail M. Scerbatov. Firenze: University Press, 2007. P. XV–XXXI.

винул массу претензий, которые выдавали его нерешительность по поводу шага, казавшегося ему слишком ответственным; среди прочего он поставил своим условием оплату сопровождения жены, а также путевых расходов на долгое путешествие в Россию, куда входило посещение Парижа и Лондона. Ход переговоров Беккарии с царицей пунктуально прослеживал и комментировал Пьетро Верри, сообщавший подробности брату Алессандро, который возвращался в то время из Англии (через Геную и Ливорно). Информатором Пьетро при этом служил миланский граф Антонио Греппи, крупный финансовый делец (генеральный подрядчик на сбор государственных не прямых налогов), поддерживавший переписку с Пано Маруцци, русским деловым агентом в Венеции, связанным, в свою очередь, с И.П. Елагиным, доверенным лицом Екатерины. Пьетро Верри в итоге дал понять Беккарии, что тот, будучи знатоком основ юридической науки, был менее искущён в технике законодательных процедур, а поэтому вряд ли бы оказал существенную пользу для выполнения задачи, поставленной царицей¹⁸.

Нерешительность итальянца укрепляло и отношение австрийского канцлера Кауница, вовсе не расположенного потерять столь дельного чиновника в Милане: чтобы удержать у себя Беккарию, он намекал на возможность предоставить тому кафедру общественного права в государственном университете. Но более всего повлияли на отрицательное решение Беккарии уговоры французских друзей, адвоката Жана-Рене Луазо, переводчика итальянской книги Андре Морелле и философа Д'Аламбера, которые уверяли его, что Россия — это «очень дикая страна» («un fort vilain pays»), а уехать из Милана — всё равно что «расстаться со свободой в пользу рабства» («la liberté pour l'esclavage»)¹⁹. Так протёк целый год в бесполезных переговорах, проходивших главным образом через третьих лиц, а два письма Беккарии, отправленные Екатерине II в мае и в начале октября 1767 года, были безвозвратно утрачены. В октябре 1767 года сама императрица, потеряв терпение, отказалась от помощи Беккарии, пригласив для выполнения задачи экономиста Пьера де ля Ривьера (но и этот опыт с французом оказался недолгим и безуспешным).

¹⁸ *Viaggio a Parigi e Londra (1766–1767). Carteggio di Pietro e Alessandro Verri / a cura di Gianmarco Gaspari. Milano: Adelphi, 1980. P. 381–382, 395 (письма Пьетро Верри от 3 и 16 апреля 1767 г.).*

¹⁹ См. письма от: Loyseau (9.1.1767), Morellet (14–15.3.1767), d'Alembert 2.6.1767 // *Beccaria C. Carteggio (parte I: 1758–1768) / a cura di C. Capra, R. Pasta e F. Pino Pongolini. Milano: Mediobanca, 1994. P. 493–494, 523, 543.)*

Имя Беккарии уже стало известным в России благодаря связям с представителем передовой части аристократии, в т.ч. с А.В. Нарышкиным, членом Комиссии о сочинении проекта нового уложения, созданной Екатериной II в конце 1766 года (другом Дидро, которого будет сопровождать в путешествии по России в 1773 году, и переводчиком статьи Руссо о политэкономии для «Энциклопедии»). Положения книги «О преступлениях и наказаниях» перекочевали в «Наказ», данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения, отразившем «настроение и наиболее важный опыт первого десятилетия царствования императрицы»²⁰. «Наказ» был вскоре переведён на итальянский флорентийским аббатом Джованни Дель Турко и напечатан во Флоренции в 1769 году, а другие итальянские переводы вышли в этом же году в Пизе и Цюрихе. Десятая глава «Наказа», самая обширная и подробная, посвящена уголовному суду и содержит многочисленные ссылки на идеи Монтескье, Мармонтеля, Зонненфельса и самого Беккарии (об основании права на наказание, о неправомерности пыток, о поспешности уголовного суда). Подсчёт показывает, что более ста (!) из 524 статей «Наказа» взяты из книги Беккарии, а Десятая глава целиком взята из неполного перевода «О преступлениях и наказаниях», сделанного Г.В. Козицким (полный перевод сочинения Беккарии был выполнен князем М.М. Щербатовым)²¹. Благодаря ёмкому содержанию эти фрагменты были выделены из «Наказа» и имели в России автономное хождение. В Италии они перепечатывались в виде приложения к многочисленным венецианским изданиям сочинения Беккарии (Венеция, 1787, Басано, 1789 и 1797), а также вместе с самыми важными европейскими работами по уголовному праву²².

Несмотря на дистанции разного типа и на крах ряда реформ, законодательные начертания Екатерины II надолго пережили её эпоху, продемонстрировав крепкую связь с идеями Беккарии в частности, и Миланской школы в целом.

²⁰ Определение Франко Вентури; см. его примечания к «Наказу» (*Istruzione*) в: *Beccaria C. Dei delitti e delle pene*. Op. cit. P. 634.

²¹ О влиянии Ч. Беккарии см.: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. СXXXII.

²² См.: *Beccaria C. Dei delitti e delle pene* / a cura di G. Francioni. Milano: Mediobanca, 1984. P. 526, 591, 609, 618.

Сальваде Анна Мария
(Италия)*

*Научный сотрудник Департамента литературы,
филологии и лингвистики
Государственного университета Милана*

Екатерина II и итальянские поэты второй половины XVIII века

Военные и политические успехи Екатерины Великой находили живой отклик в итальянских прозаических текстах — публицистике, переписке, дипломатических реляциях. Царицу возводили в ранг главной героини посвящённых ей произведений. Это можно наблюдать, например, в «Панегирике [Elogio]» (Флоренция, 1792) выходца из Модены Лодовико-Антонио Лоски, известного своими одами папе Клименту XIV (1776), а также в 6-томной «Жизни и хрониках Екатерины II, Императрицы и Самодержицы всея Руси [Vita, e fasti di Caterina II, Imperatrice ed Autocratrice di tutte le Russie]», анонимно изданной в Лугано в 1797–1799 годах и принадлежавшей перу флорентийца Франческо Бекаттини, который также выступил переводчиком «Переписки Екатерины II, Императрицы всея Руси, с господином де Вольтером [Corrispondenza di lettere tra Caterina II, Imperatrice di tutte le Russie, e il Signore di Voltaire]» (1799).

Важнейшим средством прославления Екатерины служила поэзия. Помимо литературной ценности стихотворные произведения являли собой свидетельство её успехов и того интереса, который вызвала у итальянских поэтов эта выдающаяся личность — объект суждений сколь многочисленных, столь подчас и противоречивых. В числе последних следует упомянуть мнения тех, кто подобно Дидро от изначальной благожелательности перешёл впоследствии к неприятию подобной формы просвещённого деспотизма. Так и Джам-

---

* Пер. с итальянского А.М. Арифудиной и М.Г. Талалая.

баттиста Касти, автор нескольких панегирических поэтических подношений (в частности, по случаю рождения в 1777 году первого внука Екатерины, будущего императора Александра I), позднее сочиняет «Татарскую поэму [Poema tartaro]» из двенадцати песен¹, впервые опубликованную в 1796 году, но получившую известность в миланских салонах несколькими годами ранее — пасквиль, последовательно очерняющий царицу и всю новую империю, основанную Петром I.

Джузеппе Парини, напротив, занял позицию безоговорочного приятеля царицы. Сочиняя в 1777 году оду Пеллегрине Аморетти, только получившей диплом юриста, Парини воздавал почести всему женскому полу, который достойно соперничает с мужчинами даже в такой сложной области как право (автор, разумеется, имел в виду «Наказ» Екатерины), и превозносил трёх женщин, диктовавших законы «с высоты престолов» (строка 140): императрицу Марию Терезию Австрийскую, королеву Марию I Португальскую и, конечно, саму Екатерину II².

Впрочем, тогдашняя Россия входила в круг интересов Парини, если принимать на веру рассказ, который пьемонтец Карло Денина приводит в своей «Библиопее [Biblioorea]»: по его мнению, Парини был не прочь заняться созданием поэмы об «империи русских царей»³. В итоге Парини не взялся за эту поэму: как полагает всё тот же К. Денина — из-за того, что французский поэт-современник Антуан Леонард Тома написал тогда же свою «Петрииду», оду в честь Петра Великого.

Этот нереализованный проект был, однако, воплощён в жизнь самим Дениной — в 1796 году в Берлине была опубликована его «Руссиада [Russiade]», поэма в прозе, якобы являющаяся переводом греческого оригинала. В Песни X фантазия автора создаёт картину того, как ангел переносит Петра Великого («нового апостола Павла») на небеса, где царь совершает воображаемое путешествие в будущую историю России. Видение, призванное восславить «мудрую и дальновидную» царицу, выдержано в духе произведений Дан-

¹ См.: *Сомова С.Я.* «Татарская поэма» итальянского сатирика Жанбаттисты Касти // *Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Под ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалая.* М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 377–384. — *Примеч. пер.*

² *Parini G.* Odi / a cura di M. D'Ettoire, introduzione di G. Baroni. Pisa-Roma: Serra. P. 141 (ода «La laurea» [Диплом]). О сочинениях Дж. Парини в честь Екатерины II см. также в статье: *Снаджари У.* Пётр Великий, Екатерина II и «Миланская школа» в этом сборнике.

³ *Denina C.* Biblioorea o sia l'arte di compor libri. Torino: Reycends, 1776. P. 152–153.

те: Пётр попадает в «вещие палаты», на расписных стенах которых высшие силы запечатлели сцены будущего и, в частности, деяния Екатерины: план новой судебной системы, победы над турками, успехи на дипломатическом поприще, реформы в сфере образования. Второе издание поэмы, с несколькими вариациями, вышло в Павии в 1799 году в издательстве Галеацци⁴. Окончательная же версия, уже представленная не как перевод, а как авторское произведение собственно Карло Денины, в 12-ти Песнях, было опубликовано в наполеоновском Париже⁵. Заметим, что Екатерина II уже присутствовала, сама как автор поэтических од, в гигантском сборнике Денины «Литературная Пруссия», куда составитель включил более тысячи литераторов эпохи Фридриха II Прусского⁶.

Однако известный поэт Витторио Альфьери, напротив, всегда относился к императрице сугубо отрицательно. Посетив Петербург в конце мая 1770 года, Альфьери не только был глубоко разочарован видом города, но и отказался встретиться с Екатериной, которую по политическим и моральным мотивам резко критиковал. «Чистейшая ненависть к тирании вообще» усугублялась его ужасом перед «философствующей Клитемнестрой⁷», обвинявшейся в заговоре с целью убийства супруга, Петра III. В сатире «Путешествия [I viaggi]» (1797) выведен образ царицы, желавшей изменить закон, «Великую Русскую правду», чтобы действовать безнаказанно, истине предпочитая ложь и руководствуясь единственным правилом: «в чём выгода моя, в том и закон» (гл. II, строки 179 и 180)⁸.

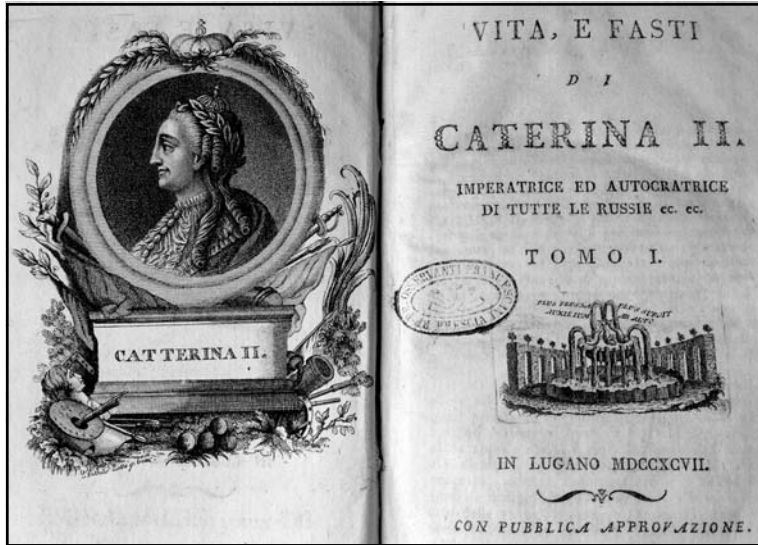
⁴ Полный титул: «Della Russiade canti dieci tradotti dall'originale greco inedito dall'abate Carlo Denina. Nuovamente ristampati, corretti ed aumentati».

⁵ [Denina C.] La Russiade poema epico in prosa di Carlo Denina. Edizione terza. Corretta e compita con gli ultimi due canti che si desiderano nelle due prime, e nella traduzione francese. Parigi: Chanson, 1810. Для нашей статьи мы пользовались именно этим изданием; цитаты, приведённые выше, см.: строки 290 и 300. О «Руссиаде» Карло Денины см. Di Benedetto A. La «Russiade» di Carlo Denina // Un piemontese in Europa. Carlo Denina (1731–1813) / a cura di G. Ricuperati, E. Borghi. Bologna: il Mulino, 2015. P. 173–189.

⁶ La Prusse littéraire sous Frédéric II. Berlino: Rottmann, 1790–1791, 3 voll. Vol. I. P. 323–326. Об этом сборнике, преимущественно, о литераторах-женщинах см. Ricaldone L. Il Parnaso delle donne ne «La Prusse littéraire» // Carlo Denina fra Berlino e Parigi (1782–1813) / a cura di M. Cerruti, B. Danna. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2001. P. 91–117, 114–115.

⁷ Согласно греческой мифологии и Гомеру – коварная супруга Агамемнона: пока он был под Троей, она жила с любовником, а по возвращении мужа убила его.

⁸ См.: Alfieri V. Vita scritta da esso, vol. I, edizione critica della stesura definitiva / a cura di L. Fassò. Asti: Casa d'Alfieri, 1951. P. 103–104; Idem. Scritti politici e morali, vol. III / a cura di C. Mazzotta. Asti: Casa d'Alfieri, 1984. P. 128–152.

Франческо Бекаттини «Жизнь и хроники Екатерины II, Императрицы и Самодержицы всея Руси и проч. и проч.», 1-й том. Лугано, 1797

В числе же главных сторонников просвещённого екатерининского абсолютизма следует упомянуть выходца из Брешии Джузеппе Кольпани. В 178-ти одиннадцатисложных стихах, посвящённых «Величию Екатерины II, Императрицы всея Руси [Alla maestà di Caterina II Imperatrice delle Russie]», после торжественного вступления, созданного под очевидным влиянием стихотворной эпистолы, которую Франческо Альгаротти адресовал Фридриху II Прусскому (в тот момент ещё кронпринцу)⁹, Кольпани обращался к Екатерине, превознося её «величайший ум» (строка 11) и «доблестный непобедимый дух» (строка 12)¹⁰. У поэта ни одна тень не омрачает сияния добродетелей государыни: решительность, сила и храбрость возвышают её даже над самим Петром Великим. Именно Екатерина II придаёт новую жизненную силу «ленивой громаде» России (строка 16) и заслуживает звания «истинного Прометея» (строка 18)¹¹.

⁹ Альгаротти Ф. «Окно в Европу»: Дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году / под ред. М.Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 2016. С. 110–111. «Ода Фридриху, кронпринцу Прусскому» дана здесь на итальянском, без перевода.

¹⁰ Полный текст эпистолы см.: Colpani G. Opere [...]. Nuova, e compita edizione. Vicenza: Turra, 1784–1794. 5 voll. Vol. II. P. 3–16.

¹¹ Вспомним, что Прометеем называли Петра Великого: первым это сделал Вольтер, в книге «Anecdotes sur le Czar Pierre le Grand» (1748); эпитет подхватил и Франческо Альгаротти в «Письмах о России» (первое анонимное издание 1760 г.).

По мысли Кольпани императрица превзошла своей доблестью также и Екатерину I, «подругу верную царя / героиню Прута» (строка 23)¹²: если одной правительнице выпало на долю поддержать «пошатнувшуюся империю» (строка 27) в тяжёлый момент войны с турками, то другой принадлежит заслуга решения гораздо более сложной задачи — насаждения прогресса и укрепления мощи прежде «непокорной и дикой» нации.

Кольпани отмечал мудрость проведённой царицей судебной реформы, её постоянные заботы о «всеобщем благоденствии» (строка 56), терпимость к покорённым народам, знание военного дела, неустанные усилия по укреплению экономического положения России, дальновидное основание «цветущих Лицеев» (строка 122), щедрое покровительство искусствам и науке. Грозная в делах войны и либеральная в мирной жизни, самодержица сочетает в себе милосердие Тита, мудрость Августа, доблесть Цезаря и справедливость Траяна.

Развитие темы было обусловлено и недавними событиями, например, длительным европейским «турне», совершённым в 1781–1782 годах наследником престола, будущим императором Павлом I (под именем графа Северного), вместе с супругой¹³. Путешествие должно было послужить моделью для «образовательных поездок», которые Екатерина настойчиво рекомендовала, дабы «изысканная любезность» «просвещённых людей» (строка 132 и 133) проникала из Европы в Россию.

Джузеппе Кольпани в своей литературной деятельности не оставил своим вниманием и самого Петра I: так, именно он, а не Екатерина II появляется в его «Поэтических портретах [Ritratti poetici]», в венке из 14-ти сонетов, посвящённых великим личностям древних и новых времён. Пётр тут восхваляется как венценосец, не гнушающийся сходением с высоты престола ради обучения скромным ремёслам и позднему их внедрению в России¹⁴.

Другой пример — триумфальная победа над турецким флотом, одержанная в июле 1770 года Алексеем Орловым, «новым россий-

¹² В очерке «Dialoghi dei morti», вышедшем в начале 1765 г. в журнале ломбардских просветителей «Il Caffè», Кольпани рассказывал о супруге Петра I как «великодушной героине Прута»; см.: «Il Caffè» 1764–1766 / a cura di G. Francioni, S. Romagnoli. Torino: Bollati Boringhieri, 1998/ 2 voll. Vol. I. P. 233.

¹³ Прибытие в Неаполь «графов Северных» вдохновило местную поэтессу португальского происхождения Элеонору Фонсеку Пиментель на кантату «Радость Италии» («La gioia d'Italia», 1782), куда был внедрён также сонет о Екатерине II: поэтесса предлагала её в качестве политической модели для тогдашней неаполитанской правительницы Марии Каролины.

¹⁴ *Colpani G. Opere [...] Nuova, e compita edizione. Vol. IV. P. 203–218.*

*Джузетте Кольпани «Ее Величеству
Екатерине II, Императрице всея
Руси». [Брошюра б.м., б.г.;
экземпляр из Библиотеки
«Queriniiana» в г. Брешия]*

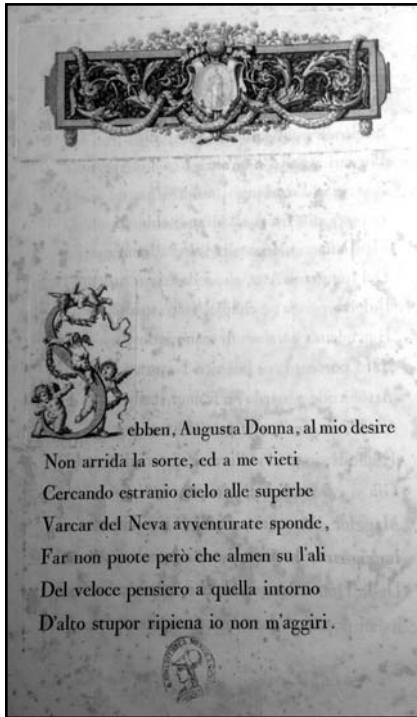

ским Фемистоклом» (строка 108), командующим эскадрой в Средиземном море. Эта военная кампания Екатерины, которая не покинула возрождавшуюся Элладу на милость мусульман, была поставлена ей в большую заслугу и вызвала неоеллинистические восторги неаполитанских литераторов, выпустивших в тот же период два поэтических сборника (один был посвящён царице, второй — «непобедимому» Орлову)¹⁵.

Со временем сложился словарь хвалебных эпитетов, которые вновь и вновь появлялись в посвящённых Екатерине опусах: она именовалась «величайшей», «августейшей», «бессмертной», «мудрой» и «сильной». Поэтесса из Бергамо Паолина Секко Суардо Гризмонди (в Академии Аркадии она получила псевдоним Лесбия Сидония), используя многие элементы этого лексикона, существенно обогатила его в своей стихотворной эпистоле 1788 года¹⁶ выражениями признательности за избавление женского пола от статуса второстепенного (он наконец-то перестал быть «слабым», строка 97). Екатерина, владычица огромной империи, уподоблялась солнцу, которое заливает светом поверхность земли. Грозная завоевательница, но одновременно «богиня мира», она сравнивалась с Юпитером (строка 78). Гризмонди воспекает царицу как деятельную покровительницу искусств: благодаря ей «тысячу / величественных громад» (строки 10–11) непрерывно воздвигают на берегах Невы.

¹⁵ *Componenti poetici di varj autori in lode di Caterina II, augustissima imperatrice di tutte le Russie.* Napoli: Rinaldi, 1771; *Componenti poetici di varj autori in lode di S.E. il Signor Conte Alessio Orlov, plenipotenziario e comandante supremo delle arme russe in Levante* [б.м., б.г.].

¹⁶ *Secco Suardo Grismondi P. A Caterina II Imperatrice di tutte le Russie.* Parma: Bodoni, 1788.

Паолина Секко Суардо Гризмонди
 «Екатерине II, Императрице всея
 Руси». Парма: Бодони, 1788

Упоминается здесь и гигантская бронзовая конная статуя Петра I — «редкая диковина» (строка 19): Природа взирает на неё с тревогой, боясь выйти побеждённой из состязания с искусством (очевидная реминисценция из эпитафии Пьетро Бембо на гробнице Рафаэля в Пантеоне)¹⁷.

Возведение памятника Петру I, торжественно открытого на Сенатской площади в 1782 году, стало одним из событий, которые произвели наибольшее впечатление на итальянских писателей. В библиотеке того

же Альфьери хранился экземпляр «Monument élevé à Pierre le Grand»¹⁸. Этому монументу, неоднократно увековеченному в прозе¹⁹, выходец

¹⁷ Употреблённые Гризмонди эпитеты также имеют моделью эпистолу Альгортти к Фридриху Прусскому: если венецианец писал о Берлине, где «возрождается слава Афин и Рима», то поэтесса из Бергамо пишет то же самое о Петербурге: «другой Рим / другие Афины я вижу возрождёнными в Петербурге» (строки 12–13).

¹⁸ «Монумент, возведённый Петру Великому» (*франц.*) — под таким названием книга фигурирует в списке книг Альфьери, секвестированных после его отъезда из Парижа в 1782 г.; см.: *Del Vento C.* «Io dunque ridomando alla plebe francese i miei libri, carte ed affetti qualunque». Alfieri émigré a Firenze // Alfieri in Toscana. Atti del Convegno internazionale di studi (Firenze, 19–21 ottobre 2000) / a cura di G. Tellini, R. Turchi. Firenze: Olschki, 2002. P. 575.

¹⁹ О подробностях перенесения Гром-камня в Петербург см.: [*Becattini F.*] Vita, e fasti di Caterina II, Imperatrice ed Autocratrice di tutte le Russie. Vol. IV. Lugano, 1798. P. 230–234. Карло Денина упомянул этот сюжет кратко, говоря о «камне, на котором Алексеич [Alessiade, т.е. Пётр, сын Алексея], вознёсся к звёздам подобно новому Персею» ([*Denina C.*] Op. cit. Canto IV. P. 106).

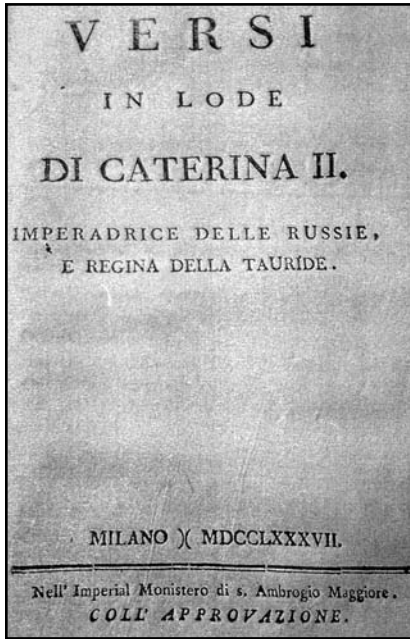
из Абруццо Франческо Филиппи Пепе посвятил поэму в четырёх песнях, написанных гекзаметром на латыни — «Imperatoris Caesaris Divi Petri Primi Monumentum»²⁰ (1789). Больше самой Екатерины поэма Филиппи Пепе прославляла греческого инженера из Кефалонии капитана Марена Карбури (в России именовал себя как «граф Ласкари»), который изобрёл способ транспортировки из карельских болот гранитной глыбы, послужившей пьедесталом для всадника²¹.

Двумя годами ранее Джузеппе Печис в небольшой поэме, написанной октавами, уже упоминал этот монолит, перенесённый «невиданной силой» (XXII, 7) в Петербург по приказу Екатерины, «соперницы Августа», по воле которого был доставлен из Египта в Рим и установлен в Большом цирке обелиск Рамзеса II. Влиятельная фигура при австрийском дворе в Ломбардии, член Специальной финансовой конференции и созданной Марией Терезией придворной Училищной комиссии, миланец Джузеппе Печис воспевал славные деяния Габсбургов, а в 1787 году издал «Стихи во славу Екатерины II, Императрицы всея Руси и Королевы Тавриды [Versi in lode di Caterina II Imperadrice delle Russie e Regina della Tauride]» (Милан, Типография монастыря св. Амвросия). Вернувшись к традиционному стихотворному размеру, к благородным октавам, он прославляет величие царицы, посвятив ей ни много ни мало 90 октав. Поэма была создана по канонам эпического жанра и предварялась прологом, где Екатерине, наделённой чертами Афины Паллады (умение править мудро) и Марса (военная мощь), воздавались почести за территориальные приобретения и труды на благо общества (упорядочение застройки столицы, учреждение книжного собрания, научные интересы, поощрение искусств, в том числе стремление создать из её Эрмитажа музей на манер Лоджий Ватикана). К великим деяниям царицы причислялось расширение империи на юг, с присоединением Крыма и земель к северу от Кавказа (октавы VI–XV). Немало октав было посвящено и «достопамятному походу» (XXIV, 3) 1787 года, т.е. путешествию в Крым, которое царица совершила для ознакомления с недавно завоеванными областями Причерноморья. Создавая своё произведение лишь несколь-

---

²⁰ «Памятник Императору Цезарю “Божественному” Петру» (*лат.*); употреблённое в склонении латинское слово *divus* — эпитет, который использовался в Древнем Риме для умерших императоров (цезарей).

²¹ В 1826 г. в Терамо был опубликован итальянский перевод с латыни, исполненный Аурелио Саличети.

Джузеппе Печис. «Стихи во славу Екатерины II, Императрицы всея Руси и Королевы Тавриды». Милан: Типография монастыря св. Амвросия, 1787

кими месяцами позднее описываемых событий и перечисляя этапы пути, встречи и испытания, Печис предстаёт хорошо осведомлённым и пунктуальным хроникером. Это было настоящее триумфальное шествие, обставленное с такой роскошью, что «Северной Клеопатре», по словам Печиса, не в чем было завидовать восточным владычицам. Царица прибыла в Киев по суше вместе со своим двором и полномочны-

ми иностранными министрами в великолепных каретах и позолоченных санях («возы златые, влекомые по белой тверди», XXV, 5). На каждом привале её встречали восторженные толпы и ожидали роскошные хоромы, построенные накануне приезда — будто бы силой волшебства выросшие прямо из земли («а где сойти Владычица решит / ей там и царский дом уже стоит», XXVI, 7–8). Поездка продолжилась водным путём, по Днепру. Не доезжая до нового порта Севастополя, где «доблестный Потёмкин» (XLIX, 8) собрал весь морской флот, Екатерина имела возможность встретиться с польским королём Станиславом Августом и путешествующим инкогнито императором Иосифом Габсбургом, «долгожданным Кесарем» (XXXIV, 5), вместе с которым планировала выступить против Османской империи.

Первым из итальянских авторов создавая поэтический отчёт о посещении царицей древней Тавриды, Печис представил восторженную версию событий, спустя всего несколько лет поставленных под сомнение — Потёмкина обвинят в том, что в желании поразить Екатерину и сопровождавших её сановников он прибег к весьма неортодоксальным методам: в излучинах Днепра якобы были построены фальшивые деревни со множеством статистов,

Пьетро Метастазιο. Сочинения,
1-й том. Венеция: Дзатта, 1782

которые и приветствовали царский кортеж²².

Помимо наличия литературных мотивов («О дамах и кавалерах», LIII, 1; «мать всех знающих», LXXII, 2), а также показательных отсылок к истории и мифологии (Ифигения, Ясон, Пантасилея, Помпей, Овидий) в поэме утверждалась связь между Россией и Римом — в упоминании Софьи Палеолог, великой княгини Московской и племянницы императора Константина XI, благодаря которой сияние славы «цезарей» достигало невыхских берегов, а византийское происхождение империи русских царей получало твёрдое обоснование (октавы LXI–LXIV). Отсюда Екатерина могла почерпнуть повод для притязаний на наследие Византии, низвержения Оттоманской империи и возрождения империи греческой, со столицей в Константинополе. Таким образом, вооружившись обычными поэтическими средствами (но отнюдь не вступая в ряды посредственных панегиристов), Печис решал стратегическую задачу высокой политики, подтверждая право России на территориальную экспансию и попутно оправдывая решение Австрии, одним из важнейших представителей которой он и был в Милане.

Упомянем также двух других поэтов: это черногорец, родом из Будвы, Стефан Занович (Zannovich), написавший в 1772 году по-итальянски оду Екатерине II «Добрый гений человечества»²³, и уроженец Падуи аббат Альберто Фортис, который прославился своим большим очерком «Путешествие в Далматию» и который переложил

²² Об этом, в смягчённых тонах, как о результате амбиций Потёмкина, писал и Франческо Бекаттини. См.: *Becattini F.* Op. cit. Vol. V. P. 232.

²³ *Zannovich S.* Il genio buono dell'umanità. Ode a sua M.I. Caterina II Imperatrice di tutte le Russie. Parigi [без изд.], 1772.

в стихах аллегорическую сказку о царевиче Хлоре, написанную российской императрицей²⁴.

Публиковались в Италии и хвалебные кантаты в честь успехов русского оружия и дипломатии в эпоху Екатерины II — в честь взятия Очакова и в честь подписания мира с Турцией в декабре 1791 года в Яссах²⁵.

И, наконец, можно упомянуть несколько изданий, где авторы на фронтисписах публиковали свои посвящения российской императрице — не без надежды на её августейшее внимание. Это «О природе вещей [De rerum natura]» Лукреция, в переводе с латыни на итальянский Алессандро Маркетти (1768), и «Сочинения [Ореге]» замечательного поэта Пьетро Метастазियो (1782).

---

²⁴ *Fortis A.* Il principe Cloro o la rosa senza spine. Vicenza: Turra, 1784.

²⁵ Per la gloriosissima pace fatta con la Porta Ottomanna da Caterina II [...]. Cantata eseguita nel Palazzo del Sig. Gasparo Santini Console Generale di tutte le Russie presso la Santa Sede la sera del dì 2 Febbraio 1792 // *Novelle letterarie*. Vol. XXIII. 1792. Coll. 99–108.

Мазур Тамара Петровна
(Санкт-Петербург)

*Главный специалист Российского государственного архива
Военно-морского флота*

Иностранные моряки екатерининского призыва на службе в Российском военно-морском флоте и их роль в защите интересов России на западных и южных рубежах

С вступлением в 1762 году на российский престол императрицы Екатерины II последовали значительные преобразования в государственном управлении страной. Политика, как внутренняя, так и внешняя, была направлена на укрепление военной мощи и повышение роли России на международной арене. Желая идти по стопам великого преобразователя страны императора Петра I, Екатерина II прежде всего обратила внимание на состояние флота, морского управления и стала непосредственно принимать участие в морских делах. Необходимо было окончательно закрепить за Россией статус великой морской державы и защитить интересы страны на западных и южных морских рубежах. А для этого требовалось привести в надлежащее состояние уже существующие морские формирования, создать на юге страны такую же морскую силу, какая была создана Петром I на Балтике, и осуществить мечту великого преобразователя России о выходе российского флота на южные морские просторы. Создать могучий Российский флот стало первостепенной задачей императрицы, вошедшей в историю как Екатерина Великая.

Увеличение российских военно-морских сил требовало пополнить флот квалифицированными кадрами. Несмотря на то, что в стране шла успешная подготовка отечественных кадров, их не хватало для осуществления масштабных идей по увеличению морских сил. Следуя примеру Петра I, императрица принимает решение возобновить приём на русскую службу иностранцев. Отдавалось предпочтение морякам для службы на судах флота, т.к. в России к этому времени уже имелись свои кораблестроители, технические специалисты и педагоги.

Служба в Российском военно-морском флоте привлекала иностранных моряков, и их приход на русскую службу не прекращался со времён Петра I. Екатерина II в первые годы своего правления продолжала принимать иностранных моряков, но это были единичные случаи. В связи с начавшейся войной с Турцией в 1768 году начинается массовый набор на флот иностранцев, вошедший в историю как екатерининский призыв. Как и во времена Петра Великого, источниками призыва стали морские державы Европы, и в первую очередь Англия и Нидерланды. Кроме того, поступить на русскую службу изъявили желание датчане, шведы, французы, греки и даже представитель Северо-Американских штатов — командор Пол Джонс.

Самое значительное пополнение кадрового состава флота было получено в результате прихода на русскую службу английских моряков. Было принято более 100 человек. Некоторые из них имели большой морской опыт.

В первую очередь необходимо назвать адмирала С.К. Грейга, принятого на русскую службу в 1764 году с чином капитана 1-го ранга на Балтийский флот. В 1769 году, командуя кораблём «Три Иерарха» в эскадре адмирала Г.А. Спиридова, он отправляется из Кронштадта в Средиземное море. Участник Хиосского и Чесменского сражений, осады крепостей Лемноса и Пароса. За Чесменское сражение награждён орденом св. Георгия 2 ст. До 1774 года, командуя эскадрой, плавал в Средиземном море. В 1775 году возвратился в Кронштадт, командовал Кронштадтской эскадрой и являлся главным командиром Кронштадтского порта. В 1788 году эскадра под его командованием должна была принять участие в экспедиции в Средиземное море, но в связи с начавшейся Русско-шведской войной он остаётся защищать Россию на Балтике, назначается командовать флотом для обороны Кронштадта и Санкт-Петербурга. За Гогландское сражение со шведским флотом Екатерина II благодарил его личным письмом и пожаловала орденом св. Андрея Первозванного. Преданный воинскому долгу свой последний час он встретил на боевом посту на флагманском корабле «Ростислав» в октябре 1788 года. О смерти адмира-

ла императрица изволила выразиться: «великая потеря — государственная потеря». В память заслуг С.К. Грейга именем его был назван построенный в 1868 году броненосный фрегат. Его сын, адмирал А.С. Грейг посвятил всю свою жизнь России, вложив труд в становление Черноморского флота, и являлся его командиром в 1816–1830 годах. В 1873 в Николаеве ему был поставлен памятник.

В мае 1769 года из английской службы капитаном бригадного ранга принят Джон Эльфинстон, через месяц произведённый в контр-адмиралы. Получив в командование эскадру, перешёл из Кронштадта в Портсмут, а затем в 1770 году направился в Архипелаг, где в мае 1770 атаковал у о. Специя турецкую эскадру, принудив её отступить. Соединившись с эскадрой адмирала Г.А. Спиридова, принял участие в Чесменском сражении. Прослужил на российском флоте 3 года. Два его сына вместе с отцом участвовали в составе эскадры отца в экспедиции в Архипелаг.

51 год посвятил службе в России адмирал Георг Тет, принятый в 1770 году в Портсмуте контр-адмиралом Джоном Эльфинстоном в руководимую им эскадру для похода в Архипелаг. Участвовал в сражениях при Наполи-ди-Романи и Чесме. В 1778–1783 годах — на Азовской флотилии. С 1783 года служил на Балтике, участвовал во всех сражениях Русско-шведской войны 1788–1790 годов. В 1803–1813 командовал эскадрами Балтийского флота. В 1816 году назначен присутствовать в Сенате.

В 1788 году из лейтенантов английского флота с тем же званием на Балтийский флот принят Роман Кроун. Командуя различными кораблями, участвовал в сражениях флота в период русско-шведской войны 1788–1790 годов. В 1791 переведён на Черноморский флот, а с 1793 его служба проходит на Балтике, где на протяжении многих лет он командует эскадрами, совершающими крейсерства по Балтийскому морю к берегам Англии и Голландии. В 1824 году ему присвоено звание адмирала. Скончался в 1841 году в возрасте 87 лет.

Заметный след в истории России оставил капитан-командор И.И. Биллингс, известный мореплаватель, исследователь северной части Тихого океана и северо-восточной Азии. В 1795 году переведён на Черноморский флот, где, командуя судами «Св. Андрей» и «Рождество Богородицы», описывал крымский берег, устье Днестра и берега около Тендры, Очакова и Одессы.

Более 60 лет посвятил службе в России Роман Галл. 31 декабря 1774 года принят из английской службы гардемарин и с 1775 года находился в Морском корпусе для изучения морских наук. В 1779–1784 годах служил на кораблях Балтийского флота. С 1785 по 1794 участвовал в Северо-восточной экспедиции И.И. Биллингса. После

возвращения из экспедиции командовал кораблями Балтийского флота. В 1810 году принял российское гражданство. В 1811–1815 — главный командир Черноморского флота. С 1816 служил на Балтике. 21 апреля 1830 года получил звание адмирала с назначением Архангельским военным губернатором и главным командиром порта. С 1836 года — член Адмиралтейств-совета. Награждён семью орденами, в т.ч. св. Георгия 4 ст., св. Александра Невского.

В 1770 году из английских адмиралов с тем же чином принят на службу Чарльс Ноульс и в 1771 году назначается на должность генерал-интенданта флота. В портах им были предложены различные усовершенствования в постройке судов и их вооружении. В 1774 году уволен от службы по прошению с адмиральским званием «в знак монаршего благоволения за оказанные им усердие и ревность в службе».

Необходимо отметить, что многие из принятых на службу английских моряков прослужили в России не один десяток лет, достигли адмиральных званий, принимали российское подданство, были награждены иностранными и российскими орденами, являлись членами Адмиралтейств-совета и присутствовали в Сенате. Участвуя в сражениях флота с неприятелем, отдавали свои молодые жизни за Россию.

В екатерининский призыв выходцев из Нидерландов было значительно меньше, чем в петровские призывы, но они также оставили свой след в истории Российского военно-морского флота, защищая интересы России на её западных и южных рубежах.

20 сентября 1771 года, в период военных действий между Россией и Турцией из капитанов Голландской республики поступает на службу Иоган Генрих ван Кинсберген — будущий нидерландский адмирал, маршал, граф Доггеребанк. Уже 20 октября 1771 года он производится в капитаны 2 р. с назначением в Петербургскую корабельную команду. С 1772 проходил службу на южных рубежах России — на Дунае, Дону и Чёрном море, командуя отрядами судов. Благодаря морским манёврам с применением подвижных сигналов, им в 1773 году одержаны победы над превосходящим по численности турецким флотом у Крымского берега, вблизи Балаклавы и у Суджук-Кале. За сражения против турецкого флота на Чёрном море был награждён орденами св. Георгия 4 и 3 ст. и до конца своих дней наивысшей наградой для себя он считал эти ордена. Им был разработан проект постройки канонерских лодок и подана Екатерине II записка о свободном судоходстве на Чёрном море. В 1777 году его служба в России заканчивается. Вернувшись на родину, он продолжил морскую службу, отстаивал её честь и независимость. Им были

основаны Морской корпус в Амстердаме, училище для глухонемых в Гронингене, академии в Утрехте и Гардервихе и др. благотворительные заведения; написаны сочинения по морскому боевому искусству.

В историю российского флота вошли имена представителей рода графов Хейденских. В 1795 году приходит на флот лейтенант Людвиг Сигизмунд Винсент Густав граф Хейденский (на русской службе — адмирал Логин Петрович Гейден). Службу начинает в чине капитан-лейтенанта на Черноморском флоте. В 1796 году место его службы — Николаевский порт, где занимался вопросами обеспечения судов флота вооружением и снаряжением для подготовки к боевым кампаниям, что очень пригодилось ему в службе на Балтике. В 1797–1798 годах, командуя небольшими судами, плавает в Чёрном море. Во время войны с Францией 1798–1800 годов в составе эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова участвует в Средиземноморском походе. В 1803 переведён на Балтику. В 1805–1815 годах командует кораблями и соединениями Балтийского флота, участвует в операциях флота в период русско-шведской войны 1808–1809 годов и войны с Францией 1812–1814 годов. В 1813 гребная флотилия под его командованием участвует в осаде Данцига, за два сражения против французских батарей награждён золотой шпагой «за храбрость» и произведён в капитан-командоры. С 1816 по 1823 год являлся командиром Свеаборского порта и военным губернатором города. Л.П. Гейден внёс вклад в борьбу Греции за независимость. В 1827–1830 годах командует эскадрой в Средиземном море и 8 октября 1827 года принимает участие в Наваринском сражении, имея свой флаг на корабле «Азов». При Наварине сражался и его старший сын Л.Л. Гейден. В период Русско-турецкой войны 1828–1829 годов эскадра под командованием Л.П. Гейдена блокировала Дарданеллы, лишив турецкий флот оперативного простора. В 1830 году возвратился на Балтику защищать западные рубежи России. В 1833 удостоен «за отличия» звания адмирала. С 1834 года до конца жизни (ум. в 1850) его судьба была связана с Ревелем, где он был военным комендантом и главным командиром порта. Желая связать свою жизнь с Россией, Л.П. Гейден в 1810 году принимает российское подданство. А в 1811 ему пожалован титул графа Римской империи. За боевые заслуги удостоен многочисленных иностранных и российских наград, в т.ч. орденов св. Георгия 4 и 3 ст., св. Александра Невского, св. Анны 2 ст. и св. Владимира 3 ст. Л.П. Гейден стал основателем морской династии. Его сыновья Л.Л. Гейден, А.Л. Гейден и внук А.Ф. Гейден посвятили свою жизнь служению России в рядах её военно-морского флота.

В период правления Екатерины II приезжают в Россию выходцы из Нидерландов — Бодиско, получившие в России дворянское звание. С 70-х годов XVIII века они служили в Российском императорском флоте, а их потомки — в Советском военно-морском флоте. Два представителя рода Бодиско — братья Борис Андреевич и Михаил Андреевич приняли участие в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Имена многих голландских моряков и их потомков остались навечно в истории Российского военно-морского флота.

На русскую службу в годы правления Екатерины II изъявили желание поступить более десятка морских специалистов из Дании. Среди них И.Н. Арф, принятый в 1770 году со званием контр-адмирала для командования одной из эскадр, отправляемых в Средиземное море для пополнения состава первой Архипелагской экспедиции под командованием адмирала Г.А. Спиридова. Пробыл он там совсем недолго, и в 1771 году отпущен гр. А.Г. Орловым в Санкт-Петербург, т.к. «не предвиделось нужды в продолжении его службы в Архипелаге», в 1772 году уволен со службы. Нанятые на Российский военно-морской флот датчане защищали западные и южные морские рубежи и интересы России на Средиземноморских морских просторах. Часть из них была отправлена в Средиземное море в составе эскадры контр-адмирала И.Н. Арфа. Некоторые датские моряки, начиная службу на Балтике, участвовали во второй Архипелагской экспедиции судов российского флота. К сожалению, служба представителей Дании в российском флоте была недолгой.

37 лет прослужил в Российском военно-морском флоте француз маркиз И.И. де Траверсе. 7 мая 1791 года из капитанов французской морской службы он был принят в гребной флот капитаном генерал-майорского ранга, а 10 июня переименован в контр-адмиралы гребного флота. В 1792–1802 годах проходил службу на Балтийском флоте. Командовал эскадрами гребных судов и канонерских лодок, портом в Роченсальме. В 1801 году произведён в адмиралы. В 1802–1808 являлся командиром Черноморских портов и военным губернатором Севастополя и Николаева. В 1809 году назначен управляющим Морским министерством, а с 1811 по 1828 год являлся морским министром. Награждён пятью российскими орденами, в т.ч. св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Георгия 4 ст. и шведским орденом Меча. Являлся членом Государственного совета.

В 1788 году из Франции принят на русскую службу с чином контр-адмирала принц Нассау-Зиген и назначен в Черноморский гребной флот. 7 и 17 июля 1788 года, командуя в Днепровском лимане гребным флотом из 28 судов, принудил турецкий флот из 57 судов отсту-

пить к Очакову. 18 июня атаковал турок у Кинбурнской косы и одержал победу. Награждён орденом св. Георгия 2 степени. После успешных действий на Чёрном море в том же году назначен командовать Балтийским гребным флотом. За Роченсальмское сражение награждён орденом св. Андрея Первозванного. 16 декабря 1790 года произведён в адмиралы с назначением главным начальником над гребным флотом. 30 октября 1794 ушёл со службы по собственному желанию.

Чудеса героизма проявил молодой моряк Ломбард, служивший на южных рубежах России в 1787–1790 годах. В сентябре 1787 года в чине мичмана, командуя галерой «Десна» в составе Лиманской эскадры контр-адмирала Н.С. Мордвинова, он самовольно ушёл к Кинбурну и вступил в бой с турецкой эскадрой, атаковавшей крепость с моря, и принудил неприятеля отступить. За геройский подвиг награждён чином лейтенанта и орденом св. Георгия 4 степени. В дальнейшем участвовал в сражениях с турецким флотом у Очакова, в устье Дуная и при осаде г. Тульчи.

В связи с Русско-турецкой войной, начатой Турцией, в 1768 году русское правительство принимает решение направить в Архипелаг эскадры. В это время наиболее тесно связываются судьбы России и Греции. Российский военно-морской флот сыграл важную роль в борьбе греческого народа за освобождение от османского ига. В период первой Архипелагской экспедиции на русскую службу приходят волонтёрами молодые греки. Они участвовали в сражениях русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов и в дальнейшем проходили службу на судах российского флота.

В 1769 году приходит на русскую службу Панайоти Алексиано и в течение года занимается вербовкой греков и балканских славян в эскадру адмирала Г.А. Спиридова. В 1770 году, присоединившись к эскадре, участвует в Хиосском и Чесменском сражениях, а в 1773 году — во взятии Бейрута. Пользовался доверием командования. На фрегате «Св. Павел» под его командованием держал свой флаг граф А.Г. Орлов. П.П. Алексиано отличался отвагой и решительностью и выполнял всю войну самостоятельные задачи. С 1777 года служил на Балтике, а с 1783 — опять на Черноморском флоте, получил звание вице-адмирала. Умер в 1788 году на боевом посту на корабле «Святой Владимир».

В 1770 году волонтёром поступает в эскадру адмирала Г.А. Спиридова Антон Павлович Алексиано (брат Панайоти Алексиано), до этого служивший в английском флоте. Всю свою жизнь он отдал морю. Уже в первые месяцы службы участвовал в сражениях при Чесме и Наварине. Его деятельность связана с активным участием в походах и морских сражениях русско-турецких войн 1768–1774 и

1787–1791 годов, в Средиземноморских сражениях во время войны России с Францией 1798–1800 годов в эскадре адмирала Ф.Ф. Ушакова. За особые отличия при штурме 1799 года Корфу произведён в капитан-командоры, а в 1801 — ему присвоено звание контр-адмирала. После возвращения из Корфу в Севастополь занимал с 1801 по 1809 год должности на берегу. В 1805 году произведён в вице-адмиралы синего флага Черноморского корабельного флота.

В екатерининский период поступают на службу отец и сын Кумани. Н.П. Кумани принят на службу в 1769 году и на корабле «Евстафий» в составе первой Архипелагской экспедиции уходит в Средиземное море, участвует в сражениях русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов и получает заслуженные воинские награды. В 1797 году ему присвоено звание контр-адмирала с переводом на Балтийский флот. Но перемена климата повлияла на его здоровье, он увольняется со службы и уезжает в Крым, где проводит остаток своей жизни. Достоинство Н.П. Кумани высоко ценил адмирал Ф.Ф. Ушаков, о его храбрости было известно и императрице. Его сын М.Н. Кумани поступает на Черноморский флот гардемаринном в 1789 году. В 1790 на корабле «Св. Иоанн Богослов», которым командовал его отец, получает боевое крещение у о. Тендр. В 1790–1791 годах участвовал в сражениях с турецким флотом в Керченском проливе, у Гаджибея и при Калиакрии. В 1797–1835 командует кораблями и эскадрами на Чёрном море, защищая честь России в сражениях флота против турок. В 1843 году назначен членом общего присутствия Черноморского интендантства, в 1855 — членом Адмиралтейств-Совета с производством в вице-адмиралы. Последние годы жизни проживал в Николаеве.

Около 35 лет находился на военной службе в России Ламброс Кацонис, отличился в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов. Созданная им каперская флотилия воевала в Архипелаге, внося свой вклад в борьбу Греции за независимость.

На службу под Андреевским флагом охотно вступали со своими судами и экипажами шхиперы греческих купеческих судов, действуя на Чёрном море в составе российских эскадр.

В 1775 году в столицу России на кораблях первой Архипелагской экспедиции прибыли 100 греческих мальчиков для обучения в открытой по инициативе гр. А.Г. Орлова Греческой гимназии. Окончив её и Морской корпус, молодые греки служили на Балтийском флоте и участвовали в Русско-шведской войне 1788–1790 годов, но большая часть выпускников шла служить на Черноморский флот.

В Российском военно-морском флоте изъявляли желание служить граждане различных государств. И даже представители Шве-

ции, находившейся в недружественных отношениях с Россией. Среди них генерал-майор Карл Нуман, принятый из шведской службы в 1770 году адмиралом Г.А. Спиридовым в Архипелаге в штурманы обер-офицерского ранга. Принимал участие в военных действиях в Средиземном море, а в 1775–1800 годах служил на Балтике, последняя его должность — помощник командира Кронштадтского порта. Другой швед — капитан 1-го р. И. фон Бакман большую часть своей службы провёл в гребной флотилии. В эскадре адмирала Ф.Ф. Ушакова участвовал в Средиземноморском походе во время войны России и Францией 1798–1800 годов. За боевые заслуги и службу награждён орденами св. Анны 3 ст. и св. Георгия 4 ст., неаполитанским орденом св. Константина 1 ст.

15 февраля 1768 года из капитан-командоров Северо-Американских Штатов (САШ) в капитаны генерал-майорского звания на Черноморский флот по решению Екатерины II принят на службу Пол Джонс, шотландец по происхождению с пиратским прошлым, отличившийся в борьбе за независимость САШ и снискавший громкую славу в Европе и за океаном. Командовал эскадрой в сражении с турецким флотом в Днепровском лимане, за что награжден орденом св. Анны. В 1789 году произведён в контр-адмиралы, но карьера его в России не сложилась и в 1790 году он был уволен.

Иностранные моряки екатерининского призыва оставили заметный след в истории Российского военно-морского флота, защищая интересы России на Балтике и южных морских просторах и были достойно отмечены государством. Многие из них были награждены высшими российскими орденами и достойны того, чтобы о них помнила Россия.

Источники и литература:

1. РГА ВМФ. Ф. 4, 8, 19, 25, 132, 158, 161, 179, 188, 190, 193, 197–198, 201, 205, 214, 219, 227, 249, 283, 315, 410, 417, 432, 870, 1331, р. 2192.
2. Общий морской список. Ч. III–V. СПб., 1890.
3. Материалы для истории русского флота. Ч. I–IV. СПб., 1865–1867.
4. Русские и советские моряки на Средиземном море. М.: Воениздат, 1976. 264 с.
5. Морской энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 1. Л., 1991. Т. 2–3. СПб., 1993–1994.
6. *Кондратенко Р.В.* Ламброс Кацонис и российские каперы в Средиземном море в 1788–1792 годах. СПб.: Гангут, 2014.
7. *Лазарев М.П.* Документы. Т. I. М.: Воениздат, 1952.
8. *Муратида Ф.И.* Греки — адмиралы и генералы военно-морского флота России. СПб.: Гангут, 2015.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Микишасьев Михаил Николаевич
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры и градостроительства*

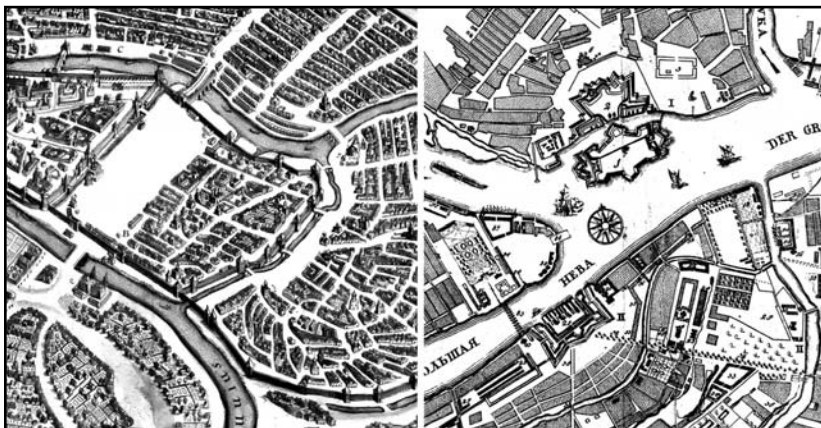
От Леблона до Квасова: Итоги градостроительного развития Петербурга в XVIII веке

Существуют две точки зрения на самое начало северной столицы. Одни полагают, что город был создан «по манию царя», по продуманному замыслу Петра Великого, что в прямых проспектах и гранитных набережных города на Неве, в его обширных площадях воплотился гений преобразователя России, вдохнувшего в своё детище ту самую «душу Петербурга», о которой так славно писал Н.П. Анциферов¹. Укоренению такого взгляда в немалой степени способствовало красочное *Вступление* к петербургской повести А.С. Пушкина «Медный всадник», пронизанное именно этой идеей.

Другое представление (оно тоже не ново) в широких кругах считалось едва ли не крамольным. Оно сводится к тому, что хотя Пётр и был основателем новой столицы, но становление её и развитие на первых порах шло едва ли не стихийно, — во всяком случае, уж никак не по единому, продуманному царём-демиургом плану. И да-

---

¹ *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922 (переиздание: Л., 1990).

Генезис центральных площадей Москвы и Петербурга.
Графическая реконструкция фрагментов
плана Москвы 1643 и плана Петербурга 1741

же многие доподлинно известные замыслы и начинания Петра были продиктованы не капризом его, действовавшим «рассудку вопреки, наперекор стихиям», как любил повторять П.Н. Столпянский², а вполне определёнными потребностями текущего момента.

В.О. Ключевский, подводя итоги петровских реформ, говорил: «Пётр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле». И выше: «Он просто делал то, что подсказывала ему минута, <...> не затрудняя себя отдалёнными планами, и всё, что он делал, он <...> считал своим текущим, очередным делом...»³. Эта характеристика может быть с полным правом отнесена и к созданию петровского Петербурга. Недаром и тот же Столпянский говорил, что «главный фактор в истории Петербурга — случайность»⁴.

Пётр исходил из первоочередных нужд Северной войны и реальных возможностей строительства, в том числе учитывая степень освоённости территории будущего поселения. Давно отмечено, что ключевые градообразующие объекты, а также узловые элементы расселения создавались на месте деревень, хуторов, усадеб и мыз,

² *Столпянский П.Н.* Как возник, основался и рос Санктпитебурх. Пг., 1918. С. 21. Этими словами Чацкий в «Горе от ума» А.С. Грибоедова выражал своё негативное отношение к французским модам, распространившимся в светском обществе тогдашней России.

³ *Ключевский В.О.* Лекция LXVIII // *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. IV. М., 1937. С. 217.

⁴ *Столпянский П.Н.* Указ. соч. С. 17.

наезженных и нахоженных дорог и троп. Достаточно назвать Адмиралтейскую крепость и Литейный двор, Летний сад и Охту, острова Невской дельты⁵. В последние десятилетия сведения такого рода были подтверждены и развиты исследователями⁶.

В 1980-х годах А.В. Иконников вызвал смятение в умах петербургских градостроителей, наглядно показав, что северная столица, как представлялось, задуманная Петром в пику Москве, на самом деле поначалу складывалась точно по тем же естественным законам, что и множество русских городов компактного типа с округлыми очертаниями плана, к которым относится и Москва⁷. Так же, как и в Москве, формировался вокруг крепости первоначальный посад на Городском острове, Троицкая площадь, как и Красная в Москве, возникла из «полого места», крепостного гласиса.

И в других городах, древних и сравнительно молодых, таких как Тобольск или Мангазея, подобным же образом рядом с крепостью возникали торговые площади с гостинными дворами, кружалами и другими общественными зданиями. В застройке Петербургской стороны нет каких-либо особых черт регулярности. Чёткие ряды домов выстраивались лишь по двум сходящимся под углом набережным улицам: вдоль Большой Невы и Большой Невки. Подобная застройка типична для прибрежных поселений. Достаточно вспомнить Старую Ладугу или Плёс.

С возникновением Адмиралтейства подобная картина возникла и на левом берегу Невы. Прославленная система центральных площадей Петербурга, как показал А.В. Иконников, имеет то же происхождение, что и московские площади Китай-города вокруг Кремля и площади Белого города, возникшие из гласиса Китайгородской стены⁸.

---

⁵ Там же. С. 15–17. Здесь Столянский прямо полемизирует с пушкинской строкой: «на берегу пустынных волн» (с. 15; ср. с. 6).

⁶ См., напр.: *Семенов С.В.* Система поселений шведского времени и планировка С.-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 129–138, а также последующие публикации этого автора.

⁷ Хотелось бы уточнить одно обстоятельство. В первоначальной концепции А.В. Иконникова акцент делался на стихийном характере формирования нового города. При этом реализовывались законы органического развития поселений, свойственные не только России, но и другим странам и народам. К сожалению, в поздних работах учёного появилась мысль о «традиционно русских чертах» этого развития, инспирированная очередными идеологическими установками. Именно эта мысль была подхвачена новыми интерпретаторами патристической направленности. См., напр. работы С.В. Семенцова.

⁸ Материалы этого исследования наиболее полно были опубликованы в большой работе: *Иконников А.В.* Петербург и Москва (К вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М., 1986 (статья

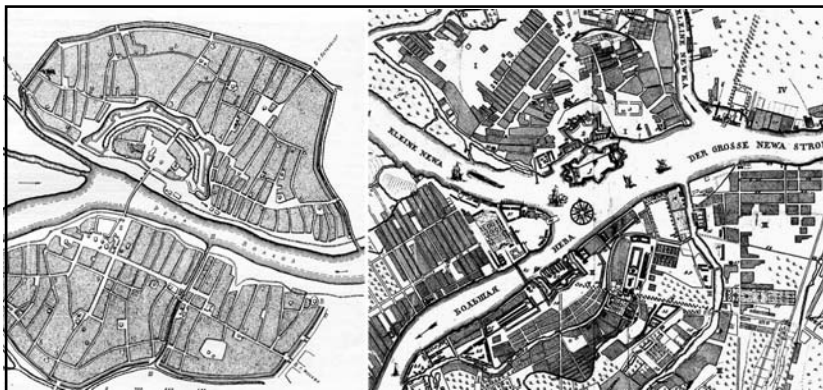
Главным отличием Петербурга от Москвы было изначальное расположение поселения на двух противоположных берегах широкого неевского разлива. Однако и здесь у северной столицы был древний предшественник — Новгород Великий. Формирование планировочной структуры Новгорода протекало как процесс органического развития агломерации нескольких поселений, возникших на холмах по обеим сторонам полноводного Волхова⁹. Особенности происхождения предопределили и особенности структуры города — прежде всего его полицентричность, которая нашла высшее воплощение в противостоянии двух общегородских центров — Детинца и Торга, расположенных на противоположных берегах великой реки и издревле соединенных мостом.

Равномерное развитие Софийской и Торговой сторон противопоставило Новгород большинству русских городов, обычно осваивавших только один берег водной артерии. Включение в состав городского организма противоположного берега как правило становилось следствием длительного *интенсивного* развития, когда городские границы выходили на линию предельно допустимого удаления от центра. Тогда развитие становилось *экстенсивным*, и поселение, наконец, «решалось» перешагнуть через водную преграду. Разные стадии этого процесса демонстрируют планы городов Пскова и Москвы. Москва последовательно поглотила и Неглинку, и Москву-реку, вместе с Яузой. Псков успел переправиться лишь через реку Пскову. На другом берегу реки Великой размещались только монастыри-форпосты, да слободы с укрепленными храмами, как это было когда-то и в Москве. Псковское Завеличье превратилось в полноправный район города лишь в XX веке. В Старой Ладогe расселение на противоположной стороне Волхова и по сию пору остаётся удалённым предместьем¹⁰.

написана в 1984 году) — и нашли отражения в книгах: *Иконников А.В.* Художественный язык архитектуры. М., 1985; *Он же.* Искусство, среда, время: Эстетическая организация городской среды. М., 1985; *Он же.* Функция, форма, образ в архитектуре. М., 1986. Принципиальное значение тема «Петербург и Москва» приобрела в монографии: *Иконников А.В.* Тысяча лет русской архитектуры: Развитие традиций. М., 1990. С. 226–245.

⁹ Среди историков Новгорода бытуют и иные точки зрения на его формирования, но мы придерживаемся этой. См. напр.: *Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 18; *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. I (11). Л., 1982. С. 83.

¹⁰ *Микишатев М.Н.* Три столицы (параллели в градостроительном развитии Новгорода, Москвы и Петербурга) // Петербургские чтения. Петербург и Россия. [Материалы] научной конференции. СПб., 1994. С. 65–69.

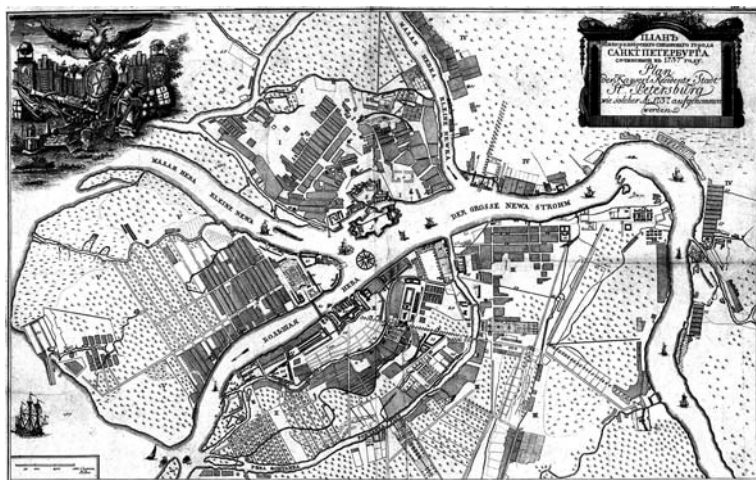
Новгород и Петербург. Слева фрагмент аналитического плана Новгорода из кн.: *Тверской Л.М.* Русское градостроительство до конца XVII века. Л.; М., 1953. Ил. 120. Справа графическая реконструкция фрагмента плана Петербурга 1741

Интересной особенностью органического развития планировки Новгорода, заметной на его плане до двух радикальных реконструкций XVIII века, было доминирование Волхова. В приречных поселениях важнейшую роль играют улицы, параллельные берегу, которые пересекаются «кварталообразующими» *поперечными спусками* к реке, позволявшими пользоваться водной магистралью жителям более отдалённых от неё территорий. Это относится не только к российским, но и к западноевропейским городам. Характерно, что и в Петербурге, при несомненном доминировании Невы, на протяжении двух столетий остававшейся его важнейшей транспортной артерией, мы наблюдаем формирование таких улиц — Галерной, Миллионной, Захарьевской (Шпалерная первоначально была приречной, но берег перед ней выдвинулся вперёд, отрезав улицу от новой набережной чередой кварталов).

В противовес доминированию водных протоков рукотворные градостроительные доминанты — шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства — определили радиальное направление многих ориентированных на них улиц Городского и Адмиралтейского островов, во втором случае заложивших основу знаменитого трезубца в ядре левобережья.

В первые десятилетия существования Петербурга здесь, как и в древнем Новгороде, сформировалось несколько центров городского развития на берегах Невской дельты — на Городском, Васильевском и Адмиралтейском островах, на Московской стороне у Ли-

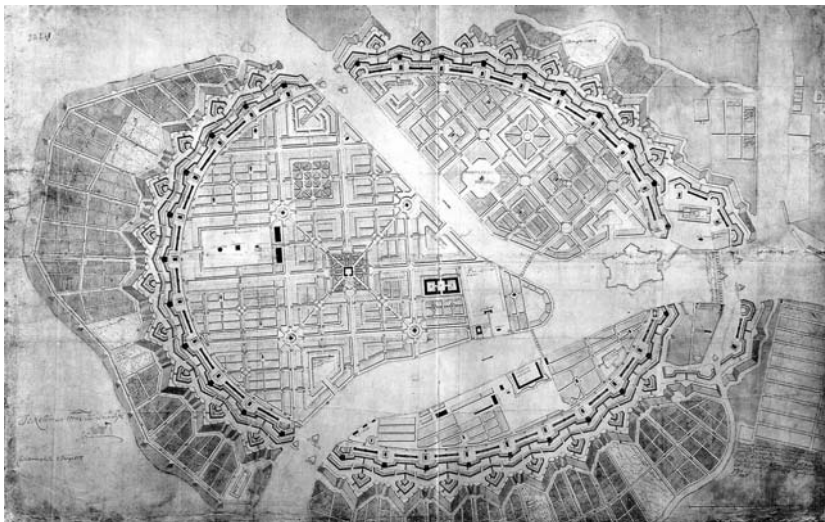

Итоги петровского периода застройки Петербурга.
«Академический» план Петербурга. 1741

тейного двора. Кроме них по берегам Невы были разбросаны места расквартирования полков, и слободы, где селились по профессиональному (Морская, Пушкарская, Бочарная) или этническому признаку (Русская, Татарская, Греческая). Если «полки» были расчерчены по линейке, то в слободах подчас нельзя было усмотреть продуманной планировки: улочки вились вдоль речек и протоков, отвечали проторенным дорогам и тропам. И к концу жизни своего основателя город при взгляде с птичьего полёта представлял собою скопище таких поселений — «регулярных» и не очень, — большей частью почти не связанных друг с другом. Слишком уж широко раскинулся он по берегам Невы.

Необходимо коснуться судьбы Генерального плана Санкт-Петербурга, исполненного Ж.-Б. А. Леблонем. Этот изумительный по красоте и глубине градостроительных замыслов проект не был официально отвергнут Петром, но не был им и утверждён. Историки архитектуры и градостроительства не пришли к единому мнению по поводу не состоявшегося его осуществления. Тем не менее Л.М. Тверской, автор наиболее скрупулёзного анализа этого проекта французского зодчего, полагал, что многие идеи Леблона были учтены августейшим градостроителем при создании новой столицы. Так, вполне в соответствии с предписаниями, намеченными проектом, — пастбища, полковые и ремесленные слободы, госпитали, склады и скотобойни были вынесены за пределы городской

Ж.-Б.А. Леблон. Генеральный план Санкт-Петербурга. 1717

черты¹¹. Настоящее формирование барочно-классицистической планировки столицы происходило уже после смерти Петра Великого.

Пожары, охватившие Петербург в 1736–1737 годах, уничтожили всю центральную часть Адмиралтейского острова. Для восстановления столицы была сформирована Комиссия о Санкт-Петербургском строении¹². В последнее время часто приходится слышать, что во главе её был поставлен генерал-фельдмаршал *граф* Бурхард Христофор Миних — значительный инженер, военачальник и политический деятель той поры¹³. На самом деле список членов Комиссии открывало имя его младшего брата — действительного статского советника *барона* Христиана Вильгельма Миниха, до того стоявшего во главе Кадетского корпуса, учреждённого Минихом-старшим.

¹¹ *Тверской Л.М.* Наследие Александра Леблona и проблемы современного градостроительства // Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Серия «Архитектура». Л., 1970. Вып. 2. С. 12–26. См. также: *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 103–108; *Семенцов С.В.* и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 56–97.

¹² ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 10 (1737–1739). № 7323.

¹³ Роль графа Миниха в создании этой Комиссии более чем вероятна, но документально не подтверждена.

Генеральный план Петербурга, разработанный Комиссией о Санктпетербургском строении. *И.Ф. Трускотт, М.И. Махаев*. План столичного города Санктпетербурга... <1748> –1753

По словам П.Н. Петрова, Комиссия эта, как и большинство подобных временных учреждений, создававшихся в России *ad hoc*, составлена была из чиновников и начальников, возглавлявших то или иное ведомство и/или курировавших ту или иную территорию города. Кроме вышеупомянутого младшего Миниха, туда вошли: директор Монетного двора (граф М. Гав. Головкин, управляющий Канцеляриею строений Александр Львович Нарышкин, генерал Л. Измайлов, обер-штеркомиссар Адмиралтейства Ф.И. Соймонов, советник артиллерии Унковский, архитектор Пётр Еропкин, фортификации майор Рух¹⁴», а в качестве «канцелярских служителей» прикреплялись сенатский секретарь Хег и секретарь инженерной конторы Леванидов. Копиистов и канцеляристов велено было брать из Сената, из Фортификационной конторы и «из Артиллерии, сколько когда потребно». Впрочем, комиссией этой не управлял ни один из её членов¹⁵. Формально ею руководил другой, также коллективный орган — Кабинет министров.

¹⁴ Инженер-капитан Андрей Рух был причастен к работам по отливке Царь-колокола в Москве.

¹⁵ Мнение о том, что Комиссию возглавлял барон Х.В. Миних (см., напр.: *Бронштейн С.С.* План Петербурга 1737 года // Петербург–Ленинград: Историко-географический атлас. Л., 1957. С. 18; *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург

Характерно, что «присутствие сие» объявлялось «при полицейском архитекторе Земцове, заведовавшем чертёжной и канцелярией, из набранных отовсюду писцов»¹⁶. Иными словами, комиссия эта должна была обсуждать предложения и вырабатывать рекомендации, которые на бумаге призван был воплощать (в виде чертежей и текстов) Михаил Земцов со своими писцами и чертёжниками.

Комиссия решала многие задачи благоустройства города и организации городского хозяйства. Архитектурно-градостроительной деятельностью занимались её архитектор П.М. Еропкин, а также архитектор полиции М.Г. Земцов и архитектор Адмиралтейств-коллегии И.К. Коробов. Последний был необходим, поскольку в 1736 году выгорела Морская слобода, в которой обитали служители и работники Адмиралтейства. Не случайно с августа 1737 года, как пишет П.Н. Петров, «к составу» комиссии был «присоединён» и сам президент Адмиралтейств-коллегии, адмирал Н.Ф. Головин, «на которого после пожара 1736 года было возложено принятие мер к правильной застройке Адмиралтейского острова»¹⁷.

Для успешной работы комиссии было приказано «учинить верный план всему Санктпетербургу». Работа эта была возложена на «лейб-гвардии капитан-поручика от бомбардир фон Зихейма». Непосредственными исполнителями назначались «все имеющиеся в Адмиралтейской академии учителя, мастера и подмастерья, <а также> ученики», — кого потребует капитан-поручик. Ему же отдавались на время работы и все в Адмиралтействе «наличные астрелябумы»¹⁸. Исполненный по этому указу «План Зигхейма»¹⁹ стал первым топографически точным фиксационным планом С.-Петербурга²⁰.

Еропкин и его товарищи окончательно установили чёткие линии знаменитого трезубца в центре Петербурга: Невского и Вознесенского проспектов с Гороховой улицей между ними, проложили две улицы на месте хаотичных кварталов Морских слобод — будущие Морские улицы (правда, меньшая тогда определялась лишь как гра-

---

XVIII века. СПб., 2008. С. 271 — ошибочно. И уж совершенно вздорно беспрепятственно тиражируемое утверждение, что Комиссию возглавил архитектор П.М. Еропкин.

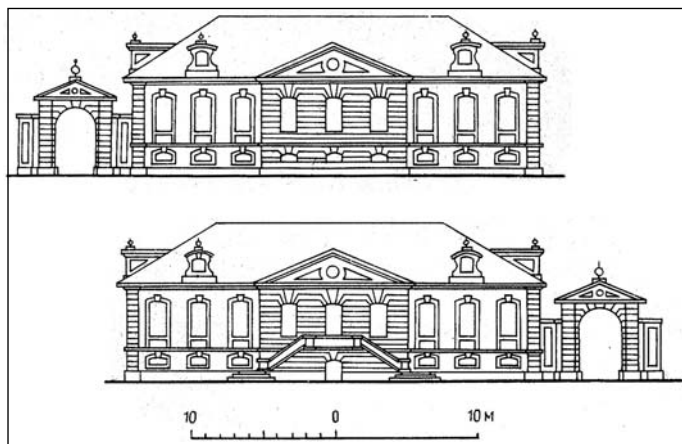
¹⁶ *Петров П.Н.* История Петербурга <...> СПб., 1885. С. 328, 330. (См. также переиздание: СПб., 2004. С. 234–235); ПСЗ. Т. 10 (1737–1739). № 7323.

¹⁷ *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 235 (переиздание: СПб., 2004).

¹⁸ ПСЗ. Т. 10 (1737–1739). № 7322.

¹⁹ Фамилия л.-гв. капитан поручика по-разному транскрибируется разными исследователями. Подпись его на оригинале плана — «*J. von Siegheim*».

²⁰ Подробнее см.: *Семенцов С.В.* Санкт-Петербург: Планы и карты. СПб., 2004. С. 42–43.

*М.Г. Земцов. Дома причта Исаакиевского собора.
Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство
в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. Ил. 16*

нища Адмиралтейского луга, с односторонней застройкой по южному фронту). Тогда же решили создать крупную торговую зону на пересечении Невского проспекта и Садовой улицы, — здесь возник деревянный Гостиный двор, а глубже — Мучной рынок. Они пришли на смену торговым рядам, до того находившимся в начале Невского, на Адмиралтейском лугу. Сама Садовая из незначительного проезда превращалась в крупнейшую городскую магистраль. Продлённая на запад, она связала парадный район столицы с Колодной, — западным районом, лежавшим за Мойкой.

По предназначениям Комиссии берега протоков Адмиралтейской стороны были очищены от пожароопасных дровяных складов, оформлены деревянными набережными, через речки были перекинуты «голландские» подъёмные мосты.

Были составлены генеральные планы застройки территории, расположенной за Фонтанкой. Определилась структура Литейной части, архитекторы создали целостную планировку жилых кварталов в районе нынешнего Московского проспекта, связавшую воедино военные слободы Измайловского и Семёновского полков. Проработана была уличная сеть Петроградской, Выборгской сторон и Васильевского острова.

Архитектор М.Г. Земцов исполнил множество проектов рядовых каменных домов, которые составили застройку центральных улиц столицы. Они были небольшими — одно-двухэтажными, на высоких погребках. Некоторое представление об их облике сегодня мож-

но получить, глядя на фасады Комендантского дома в Петропавловской крепости²¹.

Главная заслуга Комиссии о Санкт-Петербургском строении — в том, что она создала единый связный план города с тремя основными радиальными и двумя главными пересекающими их магистралями — Садовой улицей и Литейным проспектом, переходящим в будущий Загородный. Радиально-концентрическая система улиц и протоков одновременно развивала «московские» черты в планировке северной столицы и отвечала требованиям барочно-классицистической эстетики в области градостроительства²². Проектные предложения Еропкина, Земцова и Коробова наиболее полно отражены на плане Петербурга, изданном в 1753 году²³.

Несмотря на многочисленные достоинства работы, проделанной комиссией, и, в особенности её архитектурной частью во главе с Еропкиным, Земцовым и Коробовым, нельзя не отметить известную механистичность элементов градостроительного каркаса, что вполне естественно для картезианского мышления того времени. Проектирование генерального плана Петербурга требовало продолжения.

Случай представился спустя два десятилетия. Несмотря на все усилия властей, застройка города оставалась в значительной степени деревянной. И это сказалось роковым образом в последний год царствования Елизаветы, когда новые страшные пожары истребили районы южнее Мойки. Для наведения порядка в городском хозяйстве 11 декабря 1762 года была учреждена Комиссия каменного строения городов Санкт-Петербурга и Москвы. В неё были «определены членами генерал-аншеф и кавалер граф Чернышев, генерал-поручик и кавалер Бецкой и Лейб-Кирасирского полка вице-полковник князь Дашков»²⁴. З.Г. Чернышёв был давним любимцем Екатерины II. Ею же он только что был назначен вице-президентом Военной коллегии, хотя современники иронически называли его «комнатным генералом». Изящный красавец М.И. Дашков вошёл в историю всего лишь как муж Е.Р. Воронцовой-Дашковой.

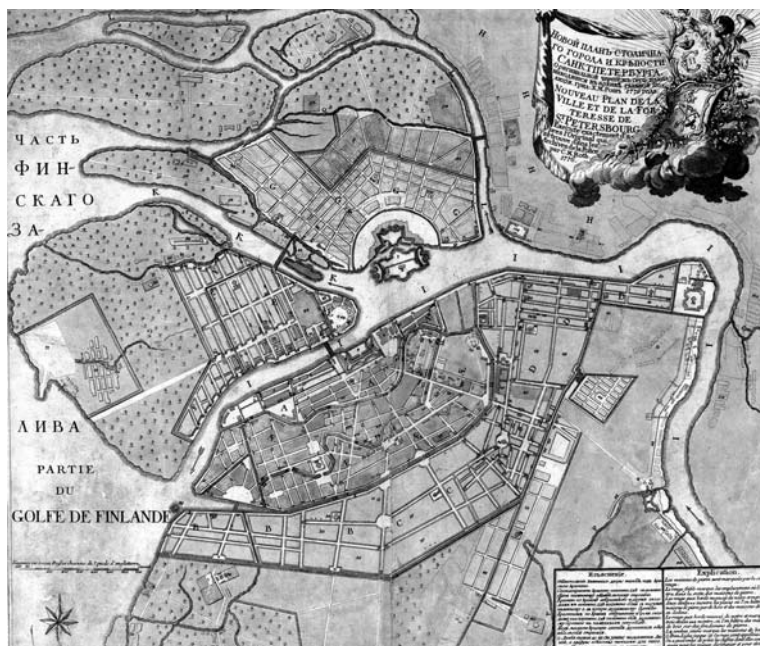
Совсем иной личностью был И.И. Бецкой. Шестидесятилетний царедворец, согласно легенде, истинный отец Екатерины (в 1720-х

²¹ *Ожегов С.С.* Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 28–48.

²² *Бронштейн С.С.* Планировка Ленинграда по проектным материалам Комиссии о Санкт-Петербургском строении // Доклады комиссии географии населения и городов. Вып. 1. Л., 1965. С. 63–91.

²³ *Семенцов С.В.* и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. С. 182–394.

²⁴ ПСЗ. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 11723.

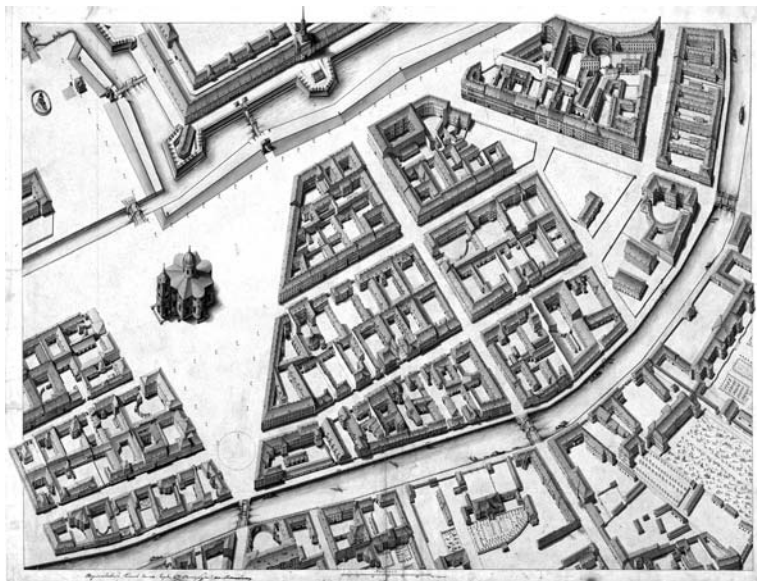

А.В. Квасов. Генеральный план Санкт-Петербурга.
«Академический» план Петербурга. 1776. Фрагмент

годах был близок к её матери, Елизавете Ангальт-Цербстской), последние 15 лет прожил за границей, преимущественно в Париже, где занимался самообразованием, свёл знакомство с энциклопедистами и, посещая беседы в светских салонах, усвоил модные в ту пору идеи. В 1762 году Пётр III вызвал Бецкого в Петербург и назначил главным директором Канцелярии строений в чине генерал-поручика. Естественно, что именно он должен был стать главной персоной во вновь образованной Комиссии. В качестве архитектора дальновидный Бецкой пригласил гезеля Алексея Квасова, младшего брата известного зодчего елизаветинской поры²⁵.

Уже три года спустя после учреждения Комиссии каменного строения, первые из которых ушли на составление новых фиксационных планов города, появились проектные предначертания молодого градостроителя. Элегантны прямые линии улиц и магистралей, упорядоченные размеры кварталов. Особое внимание зодчий уделил системе площадей на пересечениях важнейших трасс и проез-

²⁵ Подробнее см.: Барышникова <Станюкович-Денисова> Е.Ю. Алексей Квасов // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 613–632.

Центральная часть Петербурга.
АксонOMETрический план 1797. ОР РНБ

дов. Им были задуманы, в частности, предместные площади на Фонтанке — парадные въезды в город (ведь эта река в XVIII веке служила границей Петербурга). Из них осуществлены Семёновская и Обуховская — при пересечении Фонтанки Гороховой улицей и Московским проспектом. Великолепное убранство по проекту К.И. Росси (не до конца реализованному) получила впоследствии нынешняя пл. Ломоносова. Резко ограничены были размеры эспланады перед Адмиралтейством, указаны линии застройки Адмиралтейского проспекта, Исаакиевской и Дворцовой площадей. Последняя получила, наконец, криволинейное очертание, которое впоследствии предопределило контуры здания российского Главного штаба²⁶.

Генеральный план, полностью законченный Квасовым к 1769 году, оказался нацеленным в далёкое будущее. В этом зодчий конгениален основателю города. Ведь только в наше время стали осуществляться многие замыслы Петра. Лишь в XX веке районы Васильевского острова, Петроградской стороны, Литейного и Воскресенского проспектов приобрели значение подлинно центральных, — это стало возможным с появлением больших мостов

²⁶ *Васильев Б.Л.* К истории планировки Петербурга во второй половине XVIII века // *Архитектурное наследие*. Вып. 4. Л.; М., 1953. С. 14—29.

Жилой дом, построенный в 1766.
Малая Морская ул., 17

через Неву, современных транспортных средств. Однако развитие городского транспорта создаёт и новые проблемы. Не хватает пропускной способности улиц, недостаёт транзитных магистралей, тупики и переломы вызывают склеротическую закупорку городских артерий. А ведь по замыслу Квасова многое должно было получиться иначе. К сожалению, не всё задуманное им было осуществлено.

К примеру, он предполагал, что Воскресенский проспект (проспект Чернышевского) выйдет к Невскому, пересечёт его, продолженный нынешней улицей Марата (бывшей Николаевской, или Грязной), — и далее с переломом у Разъезжей пойдёт параллельно Обводному к Невской губе, охватив Московскую сторону ещё одним периферийным транзитом, дублёром Загородного проспекта. Блестящая идея!..

К сожалению, осуществить её не позволило заявившее о себе при Екатерине священное право частной собственности. В результате Воскресенский проспект замкнут Кирочной. Знаменская улица, которая выводит прямо к Лиговке, здесь, на Кирочной, образует с ним страшно неудобное колено. Шестилавочная улица (ныне ул. Маяковского), продлённая в середине XIX века до Невского, так и не получила надлежащего места в системе коммуникаций напряжённейшего транспортного узла, поскольку не совпала по трассировке ни с Воскресенским проспектом, ни с Николаевской улицей. Улица Марата и сегодня остаётся оторванной Витебским железнодорожным узлом от своего естественного продолжения — Клинско-

го проспекта, который, как хорошо известно автомобилистам, упирается в Московский: роты Измайловского полка, не совпадающие с ним по трассировке, отрезают его от Рижского. В результате эта система магистралей не играет той роли, которую могла бы исполнять в разгрузке транспортных потоков Лиговки, Обводного и Загородного, если бы замысел Квасова был осуществлён. Чтобы оценить его в полной мере, надо ещё иметь в виду, что Воскресенский проспект не просто выходил к Неве, как сейчас. В течение многих десятилетий, до строительства Литейного моста, именно от него был переброшен наплавной Воскресенский мост на Выборгскую сторону. А когда моста не было, здесь был перевоз на Выборгскую сторону. Ведь Литейный проспект в прежние времена был отрезан от Невы замыкавшим его зданием Литейного двора.

Не всё было удачно и в проекте Квасова. Например, схоластичной представляется геометрическая симметрия, которая должна была заменить прелестную неправильность планировки Петроградской стороны, столь родственную традиционным русским городам и старым городам Европы. К счастью, этот замысел остался лишь на бумаге.

Представление о домах, которые появились на вновь проложенных улицах Петербурга в результате работы, проделанной Комиссией каменного строения, можно получить по нескольким, отчасти сохранившим свой облик зданиям в начале Невского и на Малой Морской. Это очень скромные по отделке постройки, почти лишённые украшений. Более импозантны были барские особняки — Дом Нарышкиных на Исаакиевской площади и Дом Чичерина на углу Невского и Мойки — и общественные здания, — например здание Вольного экономического общества, открывавшее застройку левой стороны Невского. Исследователи считают, что автором проектов большинства рядовых домов в новых кварталах мог быть Алексей Квасов. Аналогичный трёхэтажный дом на подвалах он выстроил для себя на том месте, где сейчас возле арки Главного штаба высится гранитный массив Азовско-Донского банка²⁷.

Трудами градостроителей XVIII столетия, — прежде всего Петра Еропкина и Алексея Квасова — наш город приобрёл тот «строгий, стройный вид», который воспел Пушкин и происхождение которого мы привыкли связывать с державной волею Петра. По сути же, градостроительный каркас Санкт-Петербурга в основных чертах — детище времени Екатерины Великой.

---

²⁷ *Микишатев М.Н.* От Дворцовой до Фонтанки: Прогулки по Центральному району. М., 2010. С. 175–179.

Сорокин Пётр Егорович
(Санкт-Петербург)

*Заместитель директора по научной работе
Научно-исследовательского института
культурного и природного наследия*

Новосёлов Николай Валентинович
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник Государственного Русского музея

Летний сад от Петра I до Екатерины II: Общие тенденции развития

Петровскому Летнему саду посвящено множество исследований¹, меньше внимания привлекала его последующая история. Пётр I превратил это хорошо обжитое место у истока реки Фонтанки в творческую мастерскую для испытания и внедрения европейской парковой культуры в Санкт-Петербурге и в России. Впервые в стране здесь начинается создание царской резиденции у воды с устройством регулярного парка с фонтанной системой. В эту работу вовлекаются как иностранные, так и русские специалисты, которые вместе с царём генерируют и реализуют идеи по обустройству сада в соответствии с европейскими проектами и традициями. В дальнейшем, с уходом из жизни его создателя, интерес к Летнему саду, как и к многим другим его начинаниям, постепенно снижается. Наконец, в правление Екатерины II большинство объектов петровского времени в саду исчезает, и он в значительной мере изменяет свой облик, постепенно приобретая некоторые черты пейзажного парка.

¹ *Сорокин П.Е.* Археологические исследования в Летнем саду в 2005–2006 гг. // Петровское время в лицах—2007: Мат. науч. конф. Тр. Гос. Эрмитажа, Вып. XXXVIII. СПб., 2007. С. 223–237.

Как и первоначальный Петербург, петровский Летний сад не имел чётких границ, занимая значительную территорию вдоль Невы, Фонтанки и по обоим берегам Мойки. Оформление его территории происходит на протяжении всего XVIII века. История петровского Летнего сада, в его современных границах, традиционно делится на три периода: 1703–1711, 1711–1716, 1716–1725 годы, в соответствии с периодизацией, предложенной Т.Б. Дубяго². Первый период создания сада (1703–1711), до строительства каменного Летнего дворца, мало освещён источниками. В разгар Северной войны было ещё неясно, сумеет ли Россия удержать за собой завоеванную Ингерманландию. Можно предположить, что сохранившаяся в дельте Невы шведская усадьба использовалась уже в первый год основания Петербурга, когда летом сюда из Ниеншанца (Шлотбурга) был переведён военный лагерь русских войск. В Переписных книгах дворян на Адмиралтейской стороне в Санкт-Петербурге упоминается: «Дом летний..., а по ведомости от светлейшего князя построен оный дом в 703 году...»³. В саду проводились работы по приспособлению располагавшейся здесь шведской усадьбы для краткосрочных приездов царя, посещавшего Петербург в перерывах между военными действиями. Шведский усадебный дом находился у Невы. В течение этого времени он перестраивается на новом месте у истока Фонтанки — там, где впоследствии появляется каменный дворец. Но уже в самом начале обустройства сада в 1705–1708 годах начинает создаваться фонтанная система⁴. Деревянные усадебные постройки с двух сторон гаванца, послужившие прообразом будущего Летнего дворца и Людских палат, а также дамба на Фонтанке, показаны уже на карте Петербурга 1706 года⁵. В описании Санкт-Петербурга и Кронштадта 1710–1711 годов говорится: «У самой реки его царское величество имеет теперь резиденцию. Она представляет собой маленький дом в саду на самом берегу реки, выстроенный в голландском стиле и пёстро раскрашенный, с позолоченным оконным переплётом и свинцом (на стёклах). Рядом расположен маленький птичник, в котором щебечут всевозможные пташки. Далее в саду изящная беседка, устроенная из невысокого штакетника; около неё стоит большой дом для придворных служителей и корабельная кухня его

² Дубяго Т.Б. Летний сад. М.; Л., 1951. С. 14, 17.

³ Там же. С. 12.

⁴ ПиБ. Т. 3. СПб., 1893. С. 528, 1053; Т. 4. Вып. 1. СПб., 1900. С. 263, 283; Т. 7. Вып. 1. СПб., 1918. С. 511–512, 145.

⁵ План Санкт-Петербурга 1706 г. ГМИ СПб. ФГИГ. № 1-А-12462-П.; Сорокин П.Е., Новосёлов Н.В. Археологическое изучение дворца Петра I в Летнем саду // Дворцы Романовых. СПб., 2015. С. 148–161.

величества. Сзади в саду стоит большой дом, в котором находится водоподъёмная машина для фонтанов, приводящая в движение большое колесо. Рядом маленький зверинец с цаплями, аистами, розовыми пеликанами и тому подобными птицами. За водоподъёмной машиной есть, далее, дом для некоторых служителей и караульная...». Упомянуты в нём скульптуры, большой водоём с гротом посередине, а также оранжерея с экзотическими деревьями. Рядом находился и большой огород⁶. Это описание и иллюстрирующая её ситуация на карте 1706 года в целом уже демонстрируют некий прообраз будущей царской резиденции и некоторые концептуальные идеи её создателя, воплотившиеся впоследствии в петровском Летнем саду.

Но только после Полтавской победы 1709 года в саду начинается строительство первого каменного дворцового комплекса, включавшего Летний дворец Петра I (1711–1713) и Людские покои (1710–1712). В 1711–1716 годах в саду формируется регулярная планировочная структура, сохраняющаяся до настоящего времени. Происходит оформление его границ, осушение и благоустройство примыкающей территории. Как и в других местах Петербурга, для дренажа и повышения земной поверхности здесь копались каналы и пруды. В это время были вырыты Лебяжий канал и Карпиев пруд, происходили подсыпки грунта для выравнивания поверхности и повышения её уровня на 1–0,5 м. Земная поверхность этого времени на основной территории сада была примерно на 0,7 м ниже современной. Выравнивается и оформляется береговая линия со строительством набережных со стороны Невы, Фонтанки и Мойки. На Фонтанке начинается строительство Грота. К 1714–1716 годам относится первый план Летнего сада, составленный Я. Роозеном, к 1716–1717 годам первая гравюра Летнего сада А. Зубова (*илл. 1*). На них уже показаны система взаимно-перпендикулярных аллей и дорожек, разделяющих сад на боскеты, фонтаны на площадках Центральной аллеи. В этот период вдоль берега Невы, ограждённого деревянной набережной, стояли Летний дворец, три открытых галереи с колоннами, построенные в 1714 году Г.И. Маттарнови и мыльня на берегу Лебяжьего канала.

На 1716–1725 годы приходятся наиболее масштабные работы по формированию сада как дворцово-паркового ансамбля. К этому периоду относится проект Летних садов Ж.-Б. Леблона, датируемый 1716–1717 годами⁷. Этот план никогда не был реализован, но от-

⁶ *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 52.

⁷ *Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века.* Л., 1981. С. 57.

Илл. 1. Вид Летнего сада.
Гравюра А.Ф. Зубова

дельные идеи, отражённые в нём, в будущем нашли своё воплощение. В 1716 году был расширен и углублён Лебяжий канал, и от него прорыт Поперечный канал, разделивший сад на две части (Первый и Второй Летние сады). На плане 1723–1725 годов, приписываемом М. Земцову, показаны, как изменения, происшедшие здесь в этот период, так и некоторые проектные предложения. Вдоль центральной аллеи около 1719 года были созданы четыре центральных боскета с фонтанами, Птичником, Менажерийным прудом и Французским партером. На берегу Фонтанки — Грот, строившийся до 1725 года. В северо-западной части изображён Второй летний дворец, строительство которого велось с 1721 по 1726 год. На плане впервые изображён Лабиринт, создание которого начинается около 1723 года⁸.

При Екатерине I (1725–1727) реализация петровских планов по обустройству сада продолжается в полном объёме. В 1725 году на берегу Невы по проекту М. Земцова строится Зала для славных торжествований, завершается Второй Летний дворец (Новые полаты)⁹, куда императрица переселяется в 1726 году. Продолжается создание грандиозного акведука для подачи воды из Лиговского

⁸ НИОР БАН. План Летнего сада.

⁹ Там же. С. 45.

канала через Фонтанку и Мойку, ведутся работы по обустройству Лабиринта и строительству фонтанов, задуманных Петром I: Коронного, Пирамиды, Фаворитки. В связи с последовавшим переездом Петра II в Москву, работы в Летнем саду приостанавливаются.

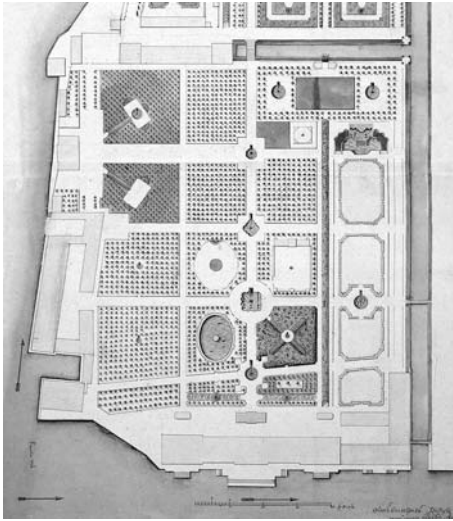
При Анне Иоанновне (1730–1740), после возвращения двора в Санкт-Петербург, Летний сад остаётся главной летней императорской резиденцией. В 1730-е–1740-е годы его развитие было связано с деятельностью архитектора Ф.Б. Растрелли. В 1732 году на месте Залы для славных торжествований строится новый Летний дворец Анны Иоанновны, примыкающий ко Второму летнему дворцу и составляющий с ним единый архитектурный комплекс. В нём императрица ежегодно с мая по сентябрь проводила большую часть своего времени, в нём же она и скончалась. В этот период строятся Малая Оранжерея и новое грандиозное архитектурно-гидротехническое сооружение — каскад Амфитеатр, для которого прокладывается специальная трубопроводная система, достраивается задуманный Петром I фонтан Лакоста. По описи 1736 года, в саду названо не менее 50 фонтанов, продолжалась отливка скульптур для фонтанов лабиринта. В этот же период разбивается парадный партер на берегу Лебяжьего канала¹⁰.

На протяжении первых четырёх десятилетий XVIII века наблюдается поступательная тенденция развития Летнего сада как дворцово-парковой резиденции. Дворцовый комплекс — Летний дворец Петра I с людскими покоями дополняется дворцом Екатерины I, а затем Дворцом Анны Иоанновны. При этом они располагаются на небольшом северном участке сада — на берегу Невы, занимая почти всё пространство между Фонтанкой и Лебяжьим каналом. Местоположение их зафиксировано на планах сада второй половины 1730-х — начала 1740-х годов (*илл. 2*)¹¹. Главные фасады Летних дворцов, как и зимних, расположенных поблизости, обращены к основной водной магистрали Санкт-Петербурга — Неве, а вспомогательные корпуса — к малым водотокам. Всё это время продолжается строительство и ремонт парковых сооружений, поддержание и совершенствование фонтанной системы. Летний сад остаётся главной летней резиденцией российских монархов.

При Елизавете Петровне (1741–1761) в 1741–1744 годах по проекту Ф. Растрелли достраивался Третий Летний дворец. Он располагался за рекой Мойкой на территории так называемого 3-го Летнего

¹⁰ Дубяго Т.Б. Указ. соч. С. 39–44, 102.

¹¹ Планы Летнего сада. Национальный музей. Стокгольм. ТНС-446, ТНС-452; РГВИА. Ф. 413. Оп. 1. Д. 126.

Илл. 2. Фрагмент плана Летнего сада Григория Охлопкова, около 1736. Стокгольм, Национальный музей

сада. Сооружение дворцового здания на этом месте было впервые предложено в проекте Ж.-Б. Леблона. К реализации этой идеи вернулись в царствование Анны Иоанновны, а строительство началось при Анне Леопольдовне. После завершения строительства Третьего

летнего дворца в 1745 году было принято решение о разборке дворца Анны Иоанновны, и в 1747 году его материалы были перевезены в Екатерингоф¹².

В царствование Елизаветы Петровны с 1741 по 1756 год осуществляется грандиозный проект по перестройке Екатерининского дворца в Царском селе, ставшего главной летней загородной резиденцией. Развитие Летнего сада практически прекращается, хотя основные его сооружения сохраняются и поддерживаются в надлежащем состоянии. Известно одно из распоряжений императрицы по Летнему саду: «Фонтан из эзоповых притчей о кошке и мышах отменить немедленно... Фигуры в подобие мышей снять, а вместо их поставить какие-нибудь другие пристойные фигуры»¹³. А.И. Богданов так оценивал в середине XVIII века петербургские сады, первым среди которых назван Летний «Сад при императорском Летнем доме»: «При сем Новом царствующем Граде... множество преизрядных и великих садов, которые...насажены всякими заморскими деревьями, также различными плодами и цветами умноженные, першпективами и аллеями учрежденные, фонтанами и кашкадами, и различными историческими статуями украшенные...»¹⁴.

¹² Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кишук А.А. Екатерингоф. СПб., 2004. С. 15, 79, рис. 12.

¹³ Дубяго Т.Б. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга 1749–1751. СПб., 1997. С. 233.

В Екатерининский период (1762–1799) в Летнем саду происходят значительные перемены. Причинами изменения его облика называют предпочтение императрицы пейзажным садам, по сравнению с регулярными и катастрофическое наводнение с бурей в 1777 году, которое нанесло садовым постройкам и насаждениям серьёзные повреждения. Академик Я. Штелин так описывает случившееся: «в сем году, сад сей почти совсем опустошён был ужасною бурей и великим наводнением». Больше всего, пострадали фонтаны в лабиринте, в бассейнах которых стояли позолоченные свинцовые фигуры — персонажи басен Эзопа. «Сих фигур совсем уже не можно было исправить», поэтому они были отданы в переплавку, а фонтаны снесены¹⁵.

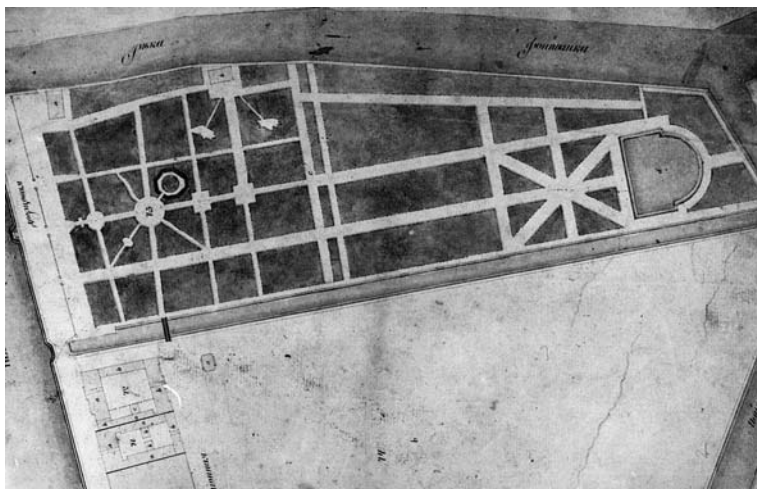
В последующие годы Екатерина II решила не восстанавливать первоначальное убранство сада, после чего была демонтирована фонтанная система, разобраны и засыпаны гидротехнические сооружения¹⁶. Но процесс этот происходил медленно и судя по всему спонтанно. Уже в 1777 году Красный сад был засажен деревьями¹⁷. Около 1780 года были разобраны Людские покои и засыпан Гаванец, около 1785 года разобраны Большая и Малая оранжереи, а также засыпан Поперечный канал. Однако ещё в 1780 году архитектор П.М. Егоров выполнил по поручению Канцелярии строений проект восстановления фонтанов в Летнем саду. В декабре 1781 года Екатерина II, рассмотрев рапорт Егорова, распорядилась по этому поводу: «... повелеваем всякую работу, до сих фонтанов касающуюся, остановить. Сумму, на то отпущенную, обратить на окончание строения Эрмитажа». В 1786 году появились объявления о торгах, где говорилось: «...разобрать фонтаны и к берегу Невы реки ветхое строение разобрать, из под коего, также и из под каскада щебенистую землю вынуть не менее аршина. А мусор развести по разборке фантаных бассейнов во оныя бассейны, и, привезя надобное число илу и серой земли, сверх мусора засыпать и утрубовать по ватерпасу»¹⁸. Фонтаны на центральной аллее, Лакоста, Фаворитка, Яблошный, Коронный, Французский партер и Амфитеатр были разобраны только в 1786 году. На плане сада из атласа Санкт-Петербурга 1798 года почти не видно следов сооружений, служивших его украшени-

¹⁵ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 125.

¹⁶ Кузнецов Ф.Д., Кузнецова-Рыцк Э.Ф. Архитектор Пётр Егоров. Чебоксары, 1964. С. 37.

¹⁷ Дубяго Т.Б. Указ. соч. С. 55, 102.

¹⁸ Кузнецов Ф.Д., Кузнецова-Рыцк Э.Ф. Указ. соч. С. 37; РГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 16; Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 227–235; Малиновский К.В. Санкт-Петербург XVIII в. СПб., 2008. С. 431.

Илл. 3. План Летнего сада из атласа Санкт-Петербурга 1798.
ЦГИА СПб

ем на протяжении предшествующих десятилетий. Здесь ещё частично сохраняется планировка Французского партера, Зелёных кабинетов и Крестового гульбища, а на месте большинства утраченных сооружений разбиты газоны (илл. 3)¹⁹.

Но кроме природной катастрофы были и другие факторы, повлиявшие на решение Екатерины. Это видно хотя бы потому, что изменения в саду происходили не одновременно, а растянулись на долгие годы. Восстановление и поддержание сада с его сложной гидротехнической системой в надлежащем состоянии требовало немалых средств. А у императрицы, занятой переустройством Санкт-Петербурга и превращением его в имперскую столицу, было достаточно и своих затратных проектов. В 1767 году началось строительство Эрмитажа, в 1784 году — Эрмитажного театра. Строились Мраморный, Таврический, Каменноостровский и Елагинский дворцы, возводились третий Исаакиевский собор, церковь Владимирской Божией Матери, Андреевский собор, завершалось строительство Никольского Морского собора, перестраивалась Александро-Невская лавра. Грандиозные работы велись в летних загородных резиденциях Царского села и Ораниенбаума.

Ещё одной причиной изменений в саду, стало строительство гранитных набережных на Неве, Фонтанке и Мойке, начавшееся на

¹⁹ Научный архив КГИОП. Атлас Санкт-Петербурга 1798 г.

участке невского берега от Зимнего дворца до Летнего сада. Указ Екатерины II о строительстве набережных вышел в 1762 году, к тому же времени относится и первый проект. Общее руководство строительством осуществлял архитектор Ю.М. Фельтен. С началом устройства набережной Невы были разобраны Второй летний дворец и три галереи петровского времени, стоявшие у воды. Первыми каменными мостами Петербурга стали Эрмитажный, а также Верхне-Лебяжий (через Лебяжий канал) и Прачечный мосты (через Фонтанку), завершённые в 1768 и 1769 годах. Их создание обеспечило сплошной проезд вдоль Невы у Летнего сада. Береговая линия при этом была спрямлена, и дорога делалась, в значительной степени, на насыпном грунте. С одной стороны она отгораживала Летний сад от Невы, а с другой — открывала свободный доступ в него для посетителей. И хотя посещение сада разрешалось и ранее, процесс этот контролировался и ограничивался. Это вызвало необходимость строительства Невской ограды, которая возводилась в 1772–1884 годах по проекту Ю.М. Фельтена. Устройство набережной Фонтанки было начато в 1780 году со стороны Невы²⁰. Вопрос о засыпке Гаванца, попадающего в зону этого строительства, был решён не сразу. Вероятно, первоначально его планировали сохранить, о чём напоминает участок гранитной набережной примыкающий к южному фасаду Летнего Дворца.

Следует отметить, что при Екатерине II, отношение к искусственным водоёмам — каналам и прудам, вырытым в городе в Петровское время, стало меняться: многие из них потеряли своё первоначальное значение, они загрязнялись и мешали новому строительству. Так по указу Екатерины II от 26 апреля 1767 года были засыпаны каналы Васильевского острова, в 1770 году при строительстве Мраморного дворца засыпан Красный канал на Марсовом поле. Перемены в саду были, в определённой мере, частью этих общегородских мероприятий.

Засыпка понижений берегов Фонтанки, Мойки и Невы и выравнивание западин в центральной части, происходили с разной степенью интенсивности на протяжении всего XVIII века. Всё это время засыпались участки прибрежной водной акватории Невы и Фонтанки. Уже Петровский Летний дворец и Людские покои строились в прибрежной зоне, захватывая часть мелководья. На засыпанном прибрежном участке Невы строились главный корпус Второго Летнего (Екатерининского) дворца и дворец Анны Иоанновны.

---

²⁰ Бунин М.С. Мосты Ленинграда. Очерки истории и архитектуры мостов Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1986; Новиков Ю.В. Мосты и набережные Ленинграда. Л., 1991.

Мощность культурных напластований на территории сада достигает в среднем около 1,2–1,5 м. Современные отметки дневной поверхности здесь составляют — 2,7–2,8 в Балтийской системе высот. Погребенная почва, на отметках — 1,70–2,15, маркирует уровень земной поверхности времени начала устройства Летнего сада. Она перекрыта слоями подсыпок первой половины — середины XVIII века, зафиксированных на отметках — 1,9–2,10. Слой частичной разборки сооружений и засыпки образовавшихся котлованов, относящийся к концу XVIII века, обнаружен на отметках 2,05–2,25²¹.

Следует отметить, что многие садовые сооружения петровского времени не были монументальными в отличие от сооружений екатерининской эпохи. Они отличались небольшими размерами, недолговечностью, простотой исполнения и используемых материалов, часто это была древесина. Среди деревянных конструкций можно назвать мостки, которыми были оборудованы подходы к Летнему дворцу, причал в Гаванце, мосты через каналы, деревянную облицовку фонтанов и набережных. Верхние части и декоративные элементы многих фонтанов Летнего сада, построенных в петровское время, были выполнены из дерева. Один из главных фонтанов сада — Гербовый на Главной аллее, созданный к 1721 году, первоначально даже в документах назывался «деревянной фонтаной»²², так как имел деревянный карниз и был декорирован деревянными резными фигурами геральдических орлов. Но позднее он был переделан — согласно описи сада 1736 года, фонтан имел карниз, выполненный из «пудожского камня»; не упомянуты в описи и деревянные фигуры орлов²³, так как к этому времени они, вероятно, уже отсутствовали. Таким образом, деревянное оформление Гербового фонтана просуществовало не более пятнадцати лет.

В описи 1736 года деревянные элементы упоминаются у фонтана на третьей площадке Главной аллеи: «...стены обложены тосненской плитой. Сверх той плиты карниз и стены с лица обиты досками столлярной работы»²⁴. Имелись деревянные карнизы и у фонтанов, расположенных у Поперечного канала «против гротцев»: «по верху карнизы деревянные ветхие»²⁵. Из дерева была выполнена и подпорная стенка Дельфинового каскада на Французском партере²⁶. Деревян-

²¹ Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 235–236.

²² РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 10. Л. 472.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 81. Л. 60.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Коренцвит В.А. Летний сад Петра Великого. Рассказ о прошлом и настоящем. СПб., 2015. С. 194–200.

ным был и Шутишный мост через поперечный канал, выполнявший функцию фонтана-шутихи. Перечисленные сооружения были созданы в первой четверти XVIII века.

Характерной чертой фонтанов, построенных в это время, является отсутствие гидроизолирующего глиняного замка с внешней стороны сооружения. В некоторых случаях роль гидроизоляции в какой-то мере выполняли слои глины между рядами кладки основания²⁷. Пренебрежительное отношение к гидроизоляции сближает с фонтанами этой группы Дельфиновый каскад и Менажерийный пруд — гидротехнические сооружения, созданные в этот же период. Они не имели глиняного замка с внешней стороны, а Дельфиновый каскад и в основании чаши. Под кирпичным дном Менажерийного пруда имелся слой глины мощностью около 0,2 м. Однако данные натуральных исследований позволяют предположить, что такая конструкция возникла в результате перестройки: нижние ряды кладки борта пруда с внутренней стороны были разобраны, а в образовавшуюся штрабу заведены концы крайних кирпичей дна, уложенных на слой глины. Данные конструктивные изменения логично связать с ремонтом пруда в 1719 году, известного по переписке Петра I с Екатериной I. Эта перестройка была вызвана тем, что созданный бассейн плохо держал воду²⁸.

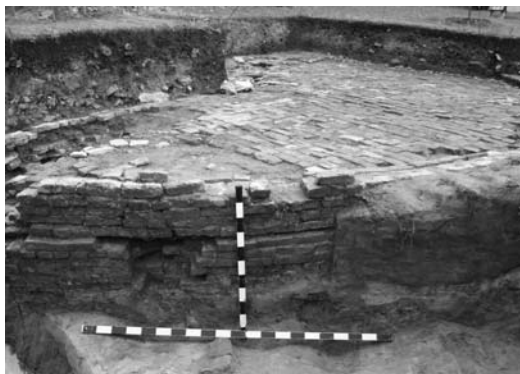
Отношение к гидроизоляции фонтанов начинает меняться лишь с 1725 года, когда главным архитектором Летнего сада становится М.Г. Земцов. Фонтаны, построенные в это время (фонтан «Пирамида» на Главной аллее, Коронный фонтан на Парадном партере, фонтаны «против гротцев», «Яблошный» фонтан и большинство низельных фонтанов в лабиринте), имеют мощный глиняный замок, как в основании, так и с внешней стороны (илл. 4)²⁹.

Создаётся впечатление, что многие сооружения Летнего сада, созданные в петровское время, не были рассчитаны на длительную эксплуатацию. Следствием такого отношения неизбежно должны были стать частые ремонты и перестройки. Следы этих ремонтов, известных по историческим документам, были зафиксированы в ходе археологических исследований 2005–2006 и 2009–2011 годов

²⁷ Новосёлов Н.В. Фонтаны М.Г. Земцова в Летнем саду // Петровское время в лицах—2014. К 300-летию победы при Гангуте. Труды ГЭ. Вып. LXXIII. СПб., 2014. С. 295–308.

²⁸ Коренцов В.А. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. М.; Л., 1980. С. 478.

²⁹ Новосёлов Н.В. Фонтаны М.Г. Земцова в Летнем саду. С. 295–308.

Илл. 4. Западный фонтан «против гrotцев». Глиняный замок в основании и с внешней стороны сооружения. Характер кладки. Вид с запада

Илл. 5. Каскад на Парадном партере («Амфитеатр») в процессе раскопок. Выбранный фундаментный ров южной подпорной стены. Следы от лежней в подошвенной части фундамента. Вид с запада

Илл. 6. Фундаментный ров и кладка нижней части фундамента Второго Летнего дворца. Вид с юго-востока

при раскопках фонтанов на Главной аллее, Коронного фонтана на Парадном партере, фонтанов в Лабиринте, Шутишного моста через Поперечный канал.

Примером иного отношения к фонтанному строительству является грандиозный каскад — Амфитеатр, построенный по проекту Ф.Б. Растрелли у Лебяжьего канала, в южной части Парадного партера в 1734—1738 годах³⁰. Каскад имел мощные фундаменты глубиной 1,2—1,3 м с деревянными лежнями в основании (илл. 5). Ширина фундаментов подпорных стен достигала 2—2,8 м, а высота южной подпорной стены, вероятно, достигала 7 м. В оформлении каскада использовался каменный декор, скульптура и скульптурные бюсты³¹.

Каскад на Парадном партере стал самым величественным гидротехническим сооружением в Летнем саду. Его строительство свидетельствует об изменении отношения к садовым затеям и о том, что садовая архитектура начинает утрачивать свой временной характер, становясь более монументальной.

Интересные наблюдения были сделаны и в отношении фундаментов дворцовых построек, павильонов и оранжерей, созданных на территории Летнего сада в XVIII веке. Все здания, построенные волею Невы и Фонтанки, имели достаточно мощные фундаменты глубиной более 2 м (ни у одного из обследуемых объектов не удалось дойти до подошвы фундаментов). Такие фундаменты были не только у сооружений со сложной организацией подземного пространства: у Летнего дворца, имевшего в уровне фундаментов коллектор проточно-промывной канализации, или у построек «на погребках», то есть имевших подвальный этаж (Людские покои, грот). Мощные фундаменты были и у Второго летнего дворца, который не имел подвального этажа (илл. 6), а также у деревянного дворца Анны Иоанновны. Мощность фундаментов в данном случае объясняется расположением построек около воды. Фундаменты Большой оранжереи также имели глубину около 2 м, что соответствовало высоте внутреннего пространства подвального этажа. Ниже чернового пола

³⁰ В литературе данный каскад часто называют каскадом «Амфитеатр». Это название ошибочно, так как словом «амфитеатр» в документах XVIII в. назывались все сооружения такого типа, в том числе и каскад на Французском партере. О начале строительства каскада «Амфитеатр» в 1734 г. упоминается в описи Летнего сада 1736 г. (РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 81. Л. 60); в начале 1738 г. работы по оформлению каскада ещё продолжались (РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 170. Л. 142; Ф. 834. Оп. 4. Д. 810. Л. 308—310).

³¹ Новосёлов Н.В. Фрагменты скульптурных произведений с территории Летнего сада (по материалам археологических раскопок) // Музей под открытым небом. Современные подходы к сохранению скульптуры. СПб., 2015. С. 43—51.

подвала фундаменты были заглублены всего на 0,2–0,3 м. Наоборот, фундаменты строений Птичьего двора и, вероятно, Малой оранжереи были неглубокими — всего 0,4–0,5 м.

Отдельные сооружения, связанные с Петром Великим, приобретают мемориальный характер ещё во время его правления. При его последователях, включая и Екатерину II, осуществлялись мероприятия по сохранению Домика и Летнего дворца. Возможно, с этим была связана и попытка сохранить Гаванец, примыкающий к дворцу, в начальный период строительства набережных Фонтанки.

Андреева Екатерина Александровна
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа*

Меншиковский дворец: От Петра I к Екатерине II

Дворец А.Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге был заложен в августе 1710 года. К октябрю следующего года была в основном отделана центральная часть дворца. С 1712 года здание постоянно достраивалось и перестраивалось. На момент ареста и ссылки светлейшего князя, то есть к осени 1727 года, дворец состоял из главной (центральной) части, построенной в четыре этажа (считая цокольный), двух четырёхэтажных боковых ризалитов, трёх двухэтажных корпусов с северной стороны, а также продолжавшего центральную часть на запад двухэтажного корпуса, завершающегося на углу набережной и прорытого в 1716 году канала (ныне Кадетская, а с 1918 по 2006 год Съездовская линия) трёхэтажными «Наугольными палатами». Кроме того, в 1727 году был сделан фундамент под симметричную западную восточную пристройку¹. Согласно А.И. Богданову, протяжённость дворца «с лица поперешнику», то есть вдоль Невы, составляла 57 сажень, то есть 121,6 м. До «Ого-

---

¹ Михайлов Г.В., Галочкин В.К. Реконструкция этапов строительства дворца // Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В. Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 194–199; Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 61–74; Андреева Е.А. Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. С. 15–21.

рода», то есть с юга на север, дворец занимал 91 сажень (194,15 м). Всего — 23 608,64 м².²

Первым архитектором в 1710–1712 годах был Ф. Фонтана, вероятно швейцарец итальянского происхождения. С 1713 года во дворце работал нанятый лично Меншиковым немецкий «каменных дел» мастер И.Г. Шедель. По документам — с 1722 года, а возможно и ранее в создании этого великолепного памятника архитектуры принимал участие Д. Трезини. Прообразом для создания дворца мог послужить дворец прусской королевы Луизы Генриетты Нассау-Оранской — Ораниенбург (земля Браденбург). Общие черты обоих дворцов: высокая мансардная кровля, пришедшая в Германию из Франции, массивные аттики со скульптурой, замкнутые двory с угловыми башнями; увенчанные барочными фронтонами боковые ризалиты. «Итальянизм» обоим дворцам придаёт поэтажный ордер, а фронтоны близки по очертанию к фронтонам голландских жилых домов XVII века³.

С 1716–1717 годов внутреннее убранство дворца Меншикова подверглось переделке. Здесь появилась новая для России архитектурная форма — внутренняя лестница. Собственно, именно для её создания и был построен центральный ризалит, выходящий на северную сторону. Объём лестничной клетки вобрал в себя пространство трёх этажей и предстаёт перед нами в виде «итальянского дворика»: двухсветное помещение на 21 окно, шесть из которых выходят на улицу, а остальные — в соседние помещения 3 и 4 этажей. В те же годы был сделан огромный для того времени входной парадный вестибюль (Парадные сени) в архитектурном стиле с тремя нефами, колоннами тосканского ордера с нишами для античной скульптуры и с расписанными под мрамор стенами.

Кардинально изменилась отделка жилых и парадных комнат хозяев дворца, находившихся на третьем этаже: 13 интерьеров (включая спальни) были облицованы голландской расписной плиткой, причём в шести из них плиткой были облицованы и потолки. Так, в одной из «плитковых», обозначенной в описи дворца 1735 года как

² *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 207.

³ *Малиновский К.В.* 1) Архитектор А.Д. Меншикова Франческо Фонтана // Петровское время в лицах—2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 76–77; 2) Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 63–65; *Горбатенко С.Б.* 1) Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб., 2001. С. 183; 2) Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов = *Gorbatenko S.* New Amsterdam: St. Petersburg and Architectural Images of the Netherlands. СПб., 2003. С. 168.

«Полата от церкви наугольная» (т.е. являвшейся угловым помещением, расположенным в восточном флигеле с северо-восточной стороны) было четыре окна, плитками были облицованы и все стены, и плафон, а пол выполнен в шахматную клетку из дуба и липы. Принадлежность этого помещения раскрывает отделка камина: «...комел убран плитками галанскими в середине имя медное позолоченное листовым золотом князя Меншикова и с шапкою»⁴. «Шапка» — это княжеская корона, под которым медное с позолотой имя «Александр Меншиков», указывает на принадлежность помещения к личным покоям хозяина дома. Однако оно расположено далеко от остальных личных покоев Александра Даниловича, уже за комнатами, принадлежащими его свояченице В.М. Арсеньевой. Судя по всему, это помещение принадлежало сыну «полудержавного властелина» светлейшему князю Александру Александровичу Меншикову. Вероятно, об этом помещении идёт речь в «Повседневных записках» от 29 сентября 1726 года: «в 6-м часу [А.Д. Меншиков. — Е.А.] изволил пойти к покою к сыну своему светлейшему князю, где были светлейшие княжны и граф Сапега, и забавлялись в карты, и кушали»⁵.

С лета 1717 года создавалась полюбившаяся впоследствии Петру I «Ореховая». Облицовка стен этого помещения выполнена из наборных панелей разных пород ореховых деревьев (преимущественно грецкого и каппового) и решена в виде элементов архитектурного декора: угадываются пилястры с базами и капителями коринфского ордера, выступающие элементы которых позолочены и антаблемент, выступающие части которого также позолочены. Верхнюю и нижнюю части пилястр украшают деревянные резные позолоченные орнаменты⁶.

«Ореховая» знаменита своим оформлением потолка. «Опись» 1735 года отмечает: «потолок росписан живописною работою французскою по полотну». Этот уникальный памятник петровского времени сохранился до настоящего времени в первоизданном виде⁷. Плафон

⁴ РГВИА. Ф. 314 (Первый Кадетский корпус). Оп. 1. Ед. хр. 1727. Л. 67 об.

⁵ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2004. С. 459.

⁶ Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 93.

⁷ Во время реставрационных работ в сохранившихся подлинных помещениях дворца 1888–1897 гг. первоначально было решено «возобновить» живопись плафона, но потом «для сохранения старинного его вида», живопись только вычистили хлебом. Работы производил живописец академик Васильев (Петров А.Н. Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. Л., 1962. Рукопись. Научный архив КГИОП. С. 22).

представляет собой холст общей площадью 26 м², натянутый на пять подрамников. Изысканную живопись коричнево-золотых тонов (сочетающихся с отделкой помещения) приписывают работе лионского живописца Филиппа Пильмана, но документов, подтверждающих его авторство, пока не обнаружено⁸. Этот плафон, провисевший на своём месте около 250 лет, сняли для реставрации в 1966 году. Под ним было выявлено и расчищено первоначальное оформление потолка — масляно-темперная роспись, сделанная, по-видимому, ещё при Ф. Фонтана в 1711–1712 годах, живописцем Оружейной палаты Г.Н. Одольским⁹. В центре плафона в овал вписана аллегорическая фигура Петра I в образе Марса. По углам плафона было выявлено два слоя росписи, первый, соответствующий по времени написанию Марса-Петра I, представляют собой девизы из «Символов и эмблематов», второй — написанный вероятно в 1715–1717 годах: изображения путти с цветочными гирляндами¹⁰.

Для приёмов и ассамблей был устроен Большой Зал. Вот каким увидел зал в 1726 году французский путешественник О. де ла Мотрэ: «Зал, где князь устраивал приёмы, праздники, давал балы и т.п., необыкновенно длинный, широкий и высокий, там по обеим сторонам висели различные картины, вызывавшие восхищение знатоков; среди картин были изображавшие Полтавскую битву и другие победы, одержанные русским оружием над Швецией»¹¹. Итак, Большой зал был прямоугольным в плане, вытянутым вдоль южного центрального фасада здания второго парадного этажа. Окна выходили на Неву, в зал из сеней вели створные двери со стеклянными вставками, с резными позолоченными косяками, украшенными сверху двумя статуями с позолоченными кувшинами. Ритмичность зала создавали 32 позолоченных белой медью пилястры на постаментах, завершавшихся позолоченными капителями. В постаменты была вставлена позолоченная кожа. Стены между пилястрами были расписаны на сюжеты батальи, вероятно, Северной войны и позолочены белой медью. Пол был выполнен в шахмат-

⁸ Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 93–94.

⁹ Авторство Г.Н. Одольского определил М.Г. Колотов (См.: Колотов М.Г., Трубинов Ю.В. Плафоны меншиковского дворца в Ленинграде // Искусство: Ежемесячный журнал. 1977. № 1. С. 60–66).

¹⁰ Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 90–94, 142–143; Дворец Меншикова: Путеводитель / В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина, Е.А. Андреева, Е.И. Игнатьева. СПб., 2012. С. 44–45.

¹¹ Мотрэ О. де ла. Описание Петербурга в 1726 году / Перев. с англ., подготовка публ. Ю.Н. Беспятовых // Белые ночи: Очерки. Зарисовки. Воспоминания. Документы. Л., 1989. С. 204.

ную клетку из дуба и ореха. Зал отапливался двумя каминами, отделанными стёклами с вставленными позолоченными элементами «горбыльками». Каждый камин завершали две статуи, держащие короны. Короны были позолочены белой медью и украшены вставками из мрамора.

Первое описание каменного дома А.Д. Меншикова принадлежит неизвестному немецкому автору, видевшему Петербург в 1716–1717 годах: «Построен он из кирпича, в 3 высоких этажа, в итальянском стиле и покрыт железными листами, которые окрашены в розовый цвет. Спереди и сзади расположены флигеля, внизу имеется подвал со сводами, в котором есть всё, что нужно для хорошего дома. Особенно много внутри дома покоев и все богато обставлены, и прежде всего серебряной посудой и другими ценностями, которые у этого господина имеются в изобилии. В среднем этаже большая зал, в котором обычно проводятся большие празднества...»¹². О. де ла Мотрэ в 1726 году описывает дворец следующим образом: «Он трёхэтажный и покрыт железными листами. Фасад, вход и двойные марши лестниц величественны. Архитектурные украшения и роспись выполнены с утончённым вкусом и чрезвычайно радуют глаз. Залы между апартаментами, передние, комнаты и галереи расположены превосходно, всё здесь просторно и пропорционально; обстановка исключительно изысканная... Зал, где князь устраивал приёмы, праздники, давал балы и т.п., необыкновенно длинный, широкий и высокий, там по обеим сторонам висели различные картины, вызывавшие восхищение знатоков... Всё соответствовало великолепию этого дворца; были во множестве серебряные сервизы всевозможных видов и форм...»¹³.

Однако ближайший друг и помощник Петра Великого прожил в своём дворце всего 17 лет. Тучи ступились над ним 8 сентября 1727 года, когда пасмурным и дождливым утром генералиссимус, верховный тайный действительный советник, генерал-губернатор Санкт-Петербургской губернии, президент Военной коллегии, сенатор, адмирал красного флага, светлейший князь Римского и Российского государств А.Д. Меншиков встал, как обычно, в 6-м часу в своём дворце на Васильевском острове¹⁴. А через два часа, втайне от него, на другом берегу Невы в Летнем дворце началось заседание

¹² Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. с нем. Е.Э. Либталь, предисл., науч. ред. и коммент. С.П. Луппова // *Белые ночи*. Л., 1975. С. 224.

¹³ *Мотрэ О. де ла*. Из «Путешествия...» // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 236–237; *Беспятых Ю.Н.* Введение // Там же. С. 29–30.

¹⁴ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова... С. 582.

Верховного тайного совета во главе с юным императором Петром II, на котором было принято решение «подвергнуть А.Д. Меншикова домашнему аресту»¹⁵. 9 сентября последовал высочайший указ о лишении А.Д. Меншикова «всех чинов и кавалерий» и ссылке. Светлейший князь просил дать на сборы 8 дней, но в этом ему было отказано¹⁶, и выезд из василеостровской резиденции состоялся 11 сентября. В отличие от дня ареста, в тот день стояла прекрасная погода, и поэтому, как отмечает в своём донесении к королю Фридриху Вильгельму I прусский посланник при русском дворе барон Г. Мардефельд, «обе стороны улиц были заполнены огромными толпами народа»¹⁷. По свидетельству Ф. Вильбуа, А.Д. Меншиков «выехал средь бела дня из Петербурга на своих самых роскошных колясках, с таким огромным багажом и такою свитой, что этот выезд был похож скорее на кортеж посла, чем на выезд пленника, которого отправляли в ссылку»¹⁸...

В правление внука Петра Великого Петра II Василеостровская резиденция ссыльного князя на несколько лет разделила участь других петербургских построек, пришедших в запустение после переезда царского двора в Москву. Юный император покинул город на Неве 9 января 1728 года и больше уже туда не возвращался. Анна Иоанновна продолжила управление государством из Москвы и приехала в Петербург только 15 января 1732 года¹⁹.

Планируя переезд в «парадиз» своего дяди, и узнав о плачевном состоянии города, 20 мая 1731 года императрица распорядилась: «Понеже донесено нам, что в Санкт-Петербурге многие дворы, за отлучками хозяев и за неимением дворников, весьма находятся в

¹⁵ От г. Маньяна графу де-Морвиллю. 9 (20) сентября 1727 г. // Сб. РИО. Т. 75. СПб., 1891. № 29. С. 83.

¹⁶ РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 534. Д. 103. Л. 128, 131; Мардефельд королю. 12 (23) сентября 1727 г. // Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. № 108 (№ 66). С. 388–389, 391; См. об этом также: *Нечаев В.Н.* Публикация о винах кн. Александра Даниловича Меншикова (Из вновь найденных архивных материалов) // *Русский исторический журнал*. Пг., 1921. Кн. 7. С. 96; *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. Изд-е 2-е. ЖЗЛ. Вып. 953. М., 2005. С. 310.

¹⁷ Мардефельд королю. 12 (23) сентября 1727 г. С. 391.

¹⁸ *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе / Перевод с фр. Г.Ф. Зверевой, подготовка публ. А.А. Никифорова // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 140.

¹⁹ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004. С. 179, 184–187, 192. Согласно донесению К. Рондо Анна Иоанновна прибыла в Петербург 16 января «поутру» (К. Рондо – лорду Гаррингтону. 22 января (2 февраля) 1732 г. // Сб. РИО. Т. 66. № 165. С. 408).

худом состоянии, а от того приходят в разорение», велено хозяевам строения «исправлять бес всякого замедления»²⁰.

Анна Иоанновна первоначально предназначила дворец под разные конторы: согласно промемории от 23 апреля 1730 года в Наугольных палатах разместилась Провиантская контора; по промемории от 22 августа того же года из Правительствующего Сената там же разместилась и Коммерц-коллегия. Сад А.Д. Меншикова «со всяким строением и аранжереями в нем, и при нем и с уборами» по именному указу от 4 сентября 1731 года поступил в ведомство интенданта Кормедона²¹.

Судьба дворца изменилась в связи с учреждением в России 29 июля 1731 года Шляхетского Кадетского корпуса. 18 ноября 1731 года был утверждён устав Кадетского корпуса, в котором под корпус определялся «бывшаго князя Меншикова дом на Васильевском острове». При этом сам дворец по-прежнему оставался в собственности государства и в ведении Канцелярии от строений²². Первые 30 кадет появились в бывшем дворце Меншикова 17 февраля 1732 года²³.

В описи дворца от 24 марта того же года указано: «...в двух амбарах «положены всякие припасы Кадетского корпуса», а в большой поварне «будут кушение на кадетов варить». На втором этаже в Западной половине живут Кадетского корпуса капитан К. Де-Бодан и поручик фон Бон, а в казённых палатах сложено оружие и амуниция Кадетского корпуса. На третьем этаже в одной из комнат портные шьют кадетские мундиры, в двух других уже живут кадеты с сержантом Ф. Нидерштетером и фурьером М. Алексеевым...»²⁴.

С размещением во дворце Кадетского корпуса начались его перестройки под нужды учебного заведения. Одним из «больных» вопросов был балкон. И в 1737 году приставленный к корпусу архитектурный ученик Фёдор Исаков рапортовал о том, что балконные столбы «за гниlostию... весьма безнадёжны». Канцелярия Городовых дел распорядилась, архитекторы Михаил Земцов и Иван Бланк осмотрели балкон²⁵. Забегая вперед, скажу, что балкон ремонтиро-

²⁰ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 8 (1728–1732). № 5759. 20 мая 1731 г. С. 465.

²¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 40–40 об.

²² ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). № 5509. С. 253; № 5881. С. 557; № 5969. С. 635.

²³ Лузанов П.Ф. Сухопутный Шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус): Исторический очерк. Вып. I: Период графа Миниха (с 1732 по 1741). СПб., 1907. С. 30.

²⁴ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С. Петербурге, 1732 года // Шуйский сборник. М., 1909. Вып. VIII. С. 138.

²⁵ Петров А.Н. Меншиковский дворец: Историческая справка. Л., 1956. Рукопись. Научный архив КГИОП. Приложение. С. 62.

вался весь XVIII век. Высокая с переломом крыша уступила место обычной вальмовой ещё при Анне Иоанновне летом 1739 года, была также переделана ордерная система — на два этажа. Над окнами второго этажа появились пышные барочные сандрики.

Следующее изменение фасада здания относится к правлению Елизаветы Петровны. В 1745 году деревянные колонны были заменены на каменные и, самое важное — появился лучковый фронтон, в котором была помещена деревянная эмблема Кадетского корпуса, сохранившаяся до сих пор и сегодня являющаяся частью экспозиции дворца²⁶.

В это же время Большой зал был переделан под православную церковь. Его стали называть Церковный зал. А потом и вся центральная старейшая часть здания получила название Церковный корпус. Лютеранская церковь была размещена в одной из комнат дворца сразу же после открытия — 26 декабря 1732 года. В 1745 году она была перенесена в отдельный флигель. В церкви был свой орган²⁷. В 1740 и 1748 годах многочисленные каминные разбирались, и на их место ставились изразцовые печи. В 1757–1759 годах немецким архитектором Шумахером и каменных дел мастером Буркхардом был построен сохранившийся до наших дней каменный Манеж кадетского корпуса. Его построили на месте, где при А.Д. Меншикове была его мазанковая церковь Воскресения Христова, построенная И.Г. Шеделем в 1713 году²⁸.

В то время всё ещё существовал канал, прорытый при А.Д. Меншикове, вероятно, до 1710 года, к деревянному дворцу. Этот канал отделял манеж от дворца. Как говорилось выше, там находились фундаменты, сделанные в 1727 году при светлейшем князе для постройки Восточного корпуса. Здесь же, между дворцом и каналом, для нужд корпуса были возведены: деревянный иллюминационный театр, склад для продуктов и корпусной ледник. Всё это было сломано и в 1758–1760 годах на меншиковских фундаментах был построен Восточный флигель дворца. В самом конце царствования Елизаветы Петровны в 1759–1761 годах было достроено недостроенное при А.Д. Меншикове в 1727 году здание дворца Петра (ныне западная

²⁶ Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 115–116.

²⁷ Андреева О.С. Кадетский дом // «Здесь память прошлого ещё жива вокруг». Дворец Меншикова: 1711–2011. К 300-летию дворца А.Д. Меншикова и к 30-летию экспозиции «Культура России первой трети XVIII века» во дворце А.Д. Меншикова: Каталог выставки. СПб., 2011. С. 78–80.

²⁸ Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 115. Петров А.Н. Меншиковский дворец: Историческая справка. С. 20.

часть Филологического факультета СПбГУ), которое также было передано Кадетскому корпусу²⁹.

Существенные изменения статуса, а также внешнего вида и внутренней отделки Кадетского корпуса связаны с правлением Екатерины Великой. Здесь надо отметить, прежде всего, особое отношение императрицы к этому учебному заведению. Возможно, это было связано с тем, что сюда был зачислен граф А.Г. Бобринский. Корпус был взят под особое покровительство Екатерины и стал называться Императорским. В 1766 году во главе корпуса Екатерина поставила своего личного секретаря и президента Академии художеств И.И. Бецкого, который создал новый устав корпуса. С 1786 года во главе корпуса встал блестящий военный педагог генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт. Именно времена Ангальта стали потом называть «золотым веком корпуса». А сама императрица называла Корпус «рассадником великих людей». В 1794–1797 годах корпус возглавлял будущий герой Отечественной войны 1812 года генерал-поручик М.И. Голенищев-Кутузов³⁰.

Начиная с 1768 года экстерьер дворца постепенно перестаёт быть барочным и приобретает черты классицизма. Изменение внешнего облика бывшего дворца Меншикова затянулось и продлилось всё правление великой императрицы, недолгое царствование Павла I и завершилось уже при внуке Екатерины II в начале 1800-х годов. А началось это глобальное изменение с того, что в 1768 году прямоугольные окна заменили на полуциркульные и овальные, убрали резные сандрики.

Годом ранее, в 1767 году, на 3-м этаже, там, где раньше были покои хозяев дома и парадные помещения, идут реставрационные работы, в том числе заменяют все оставшиеся к тому времени первоначальные, то есть созданные при А.Д. Меншикове каминные. Так, находившийся в Ореховой мраморный камин заменяют на изразцовую печь, причём изразцы берут из сохранившихся печных комплектов первой четверти XVIII века. Из рапорта капитана Сулимы в Правление Императорского Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса следует, что крестьянином Ярославского уезда из вотчины отставного сержанта Полозова Кириллом Игнатьевым была сделана «галанская израцатая печь с фундаментом и трубою в боров»³¹.

²⁹ *Петров А.Н.* Меншиковский дворец: Историческая справка. С. 20–21.

³⁰ *Андреева О.С.* Указ. соч. С. 79–80.

³¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 3310. Ч. II. Л. 21, 23, 24, 36. Боров — наклонённая под углом дымовая труба.

В 1773 году в новопостроенном Восточном корпусе случился пожар. В 1774 году Корпус стали восстанавливать по проекту Ю.М. Фельтена, который был назначен Екатериной II архитектором корпуса. Был возведён третий этаж — мезонин, что внесло асимметрию в общий облик дворца, поскольку Западное крыло было двухэтажным³².

В 1776–1779 годах Церковный зал был реконструирован и также получил черты классицизма. После этого находящаяся в нём греко-русская церковь была вновь освящена во имя Рождества Иоанна Предтечи. В эти же годы по распоряжению императрицы в одном из помещений дворца была устроена молельная комната для кадет католического вероисповедания³³.

Именно в правление Екатерины Великой впервые особое внимание было уделено сохранению подлинных интерьеров дворца Меншикова первой четверти XVIII века: Ореховой и четырёх «плитковых», в которых были размещены начинавшие оформляться в то время музей, библиотека и архив Корпуса. Тогда же в Корпусе начала работать типография и был построен, один из первых в Европе, зал для игры в мяч³⁴.

---

³² *Петров А.Н.* Меншиковский дворец: Историческая справка. С. 23.

³³ *Андреева О.С.* Указ. соч. С. 78–79.

³⁴ Там же. С. 80.

Северюхин Дмитрий Яковлевич
(Санкт-Петербург)

*Профессор Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена*

Художник в Санкт-Петербурге XVIII века

Искусство свободное, не связанное напрямую с конфессиональными потребностями, в России стало развиваться много позже, чем в западноевропейских странах. Новые традиции здесь зарождались на пути преодоления византийских канонов иконописи и в условиях постепенного постижения правящей аристократией светского искусства. Это, в свою очередь, было во многом обусловлено проникновением в страну западных культурных веяний, обогативших русскую живопись новыми жанрами и сюжетами.

Первые художественные контакты Москвы с Западной Европой состоялись, по всей видимости, во второй половине XVI — начале XVII века. Сохранились, в частности, сведения о приезде в Москву голландского живописца Якоба де Хеена (Jacob de Gheyn), написавшего портрет царевны Ксении Годуновой для отсылки в Данию, к её жениху принцу Иоанну Шлезвиг-Гольштейнскому. Известно и о работе в Москве во времена Дмитрия I (Лжедмитрия I) художников из Польши¹. Однако на протяжении долгого времени художественная продукция, проникавшая в Московскую Русь с Запада, ограничивалась в основном сферой прикладного искусства (вещи из золота, серебра и бронзы, художественное стекло и хрусталь, финифть, ткачество, золотое шитьё и прочее).

¹ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России: В 2-х т. / Сост., пер. с нем. К.В. Малиновского. Т. 1–2. М.: Искусство, 1990. (448 с.) (248 с.). Т. 1. С. 43; Мюллер А.П. Иностранные живописцы и скульпторы в России. М.: Госиздат, 1925. С. 7–8.

Начало формирования царских и боярских художественных собраний в России относится ко второй половине XVII века, когда (особенно при царе Алексее Михайловиче) наметилось целенаправленное сближение России с Западом. В этот период усилился приток в страну иностранцев, и начали распространяться элементы западной культуры, западного образа жизни. Около того времени на Руси возник жанр светского портрета (парсуны), который по художественным приёмам первоначально мало отличался от иконы. Тогда над писанием надгробных и мемориальных образов, тесно связанных с религиозным сознанием, трудились приглашённые в Москву иностранные мастера. В их числе были, например, поляк Станислав Антонович Лопуцкий (Stanislaw Loputsky), писавший с натуры портреты царя Алексея Михайловича, и голландцы Ганс Дитерсон (Hans Diterson) и Даниил Вухтерс (Данило Вухтер; Daniel Wouhters), создавшие портреты патриарха Никона. Все трое состояли в штате Оружейной палаты, бывшей основным государственным центром художественного образования, и имели русских учеников.

Впрочем, вплоть до начала XVIII столетия увлечение светскими формами искусства оставалось частным делом отдельных представителей правящего слоя; оно не оказывало сколько-нибудь значительного влияния на общественные вкусы и не находило отражения в государственной политике. Характеризуя XVII век, историк и этнограф М.М. Забылин отмечал, что «многие явно чувствовали превосходство европейцев в гражданском искусстве; старались заимствовать всё полезное, — кроме обычаев, коим оставались верными»².

Реформы Петра I коренным образом изменили ситуацию. Этот монарх сделал первые шаги по пути выработки государственной политики в сфере изобразительного искусства, которая на протяжении всего XVIII века определяла регламент художественной жизни страны, оказывала решающее влияние на социально-экономическое положение художника.

Важным стимулом к развитию всех видов пластического искусства стало основание Петром I новой столицы России — Санкт-Петербурга, который, в соответствии с геополитическими амбициями монарха, задумывался как образцовый город европейского типа и, следовательно, ни в чём не должен был уступать культурным столицам Европы. Уже в начале 1710-х годов Санкт-Петербург при-

---

² *Забылин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М. Забылиным. М.: М.М. Березин, 1880; репринт: М.: Книга Принтшоп: 1989. 607 с. С. 459.

обрёл основные столичные функции, став постоянной резиденцией Двора, высших органов государственной власти и дипломатических представительств. На протяжении всего XVIII века в новой российской столице росла потребность в выполнении разнообразных художественных работ, увеличивался спрос на произведения изобразительного искусства и предметы антиквариата, происходило беспрецедентное по темпам и масштабам накопление художественных богатств, которые сосредотачивались как в самом городе, так и в его пригородных дворцах и усадьбах.

Нарастающий спрос на художественные работы настойчиво ставил вопрос о мастерах, способных его удовлетворить. Здесь, как и во всех прочих сферах, связанных с будущим государственным процветанием России, на первых порах приходилось опираться на силы опытных иностранцев. В строящуюся новую столицу России устремились иностранные живописцы и архитекторы, а также каменщики, штукатуры, мебельщики, маляры, стекольщики, т.е. разные мастера, в той или иной мере связанные с выполнением художественных заказов.

Художники приезжали в неведомую им дотоле страну, соблазняемые открывшимся здесь широким полем для творческой деятельности и, в немалой степени, — щедрыми посулами монарха. 16 апреля 1702 года, более чем за год до основания новой столицы, царь издал специальный манифест, в котором пообещал приезжающим в страну иностранным специалистам весьма выгодные условия и льготы вплоть до свободы вероисповедания. Этот манифест распространялся по Европе с помощью генерального комиссара в Германских землях тайного советника И.Р. фон Паткуля и привлёк в Россию немало мастеров разных специальностей, в том числе и художников. С основанием Санкт-Петербурга поток европейцев в Россию возрос, благодаря тому, что проезд в страну значительно облегчался и сокращался по времени — с ранней весны до поздней осени путь пролегал по морю, в остальное же время использовалась хорошо организованная санная дорога через Кёнигсберг.

Создавая новую столицу государства по примеру современных европейских городов, Пётр I никогда не связывал себя какой-либо одной национальной ориентацией и приглашал в Санкт-Петербург художников, архитекторов, мастеров из разных стран. Эта практика получила дальнейшее развитие в культурной политике императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. «Каждый говорил на стройках города на своём родном языке, как правило, по причине кратковременного пребывания (нередко прерванного ранней смертью), не имея возможности выучить русский. Каждый из

них привозил с собой в Петербург свои собственные идеи касательно, как наилучшим образом следует строить город, планировать и украшать дом, писать картины, делать статуи, наконец, как правильнее всего быть современным»³.

В числе первых значительных иностранных художников, работавших в Санкт-Петербурге по приглашению Петра I или его представителей, были немцы — скульптор Андреас Шлютер (Andreas Schlüter; в 1713–1714), портретист Иоганн Генрих Ведекинд (Johann Wedekind), преподававший рисование в Кадетском корпусе (с 1725 до смерти в 1736), и живописец Иоганн Готфрид Таннауэр (Johann Gottfried Tannauer или Dannhauer; в Санкт-Петербурге с 1711 до смерти в 1737); шведы — Иоганн и Карл Легрены (с 1722); итальянцы — скульпторы Бартоломео Карло Растрелли (Bartolomeo Carlo Rastrelli; с 1716 по 1744) и Джованни Франческо Росси (Giovanni Francesco Rossi; в 1703–1717 и с 1724–1725), венецианский живописец Бартоломео Тарсиа (Bartolommeo Tarsia; в 1722–1726 и позднее); французы — живописцы Луи Каравакк (Louis Caravaque; в 1716–1754) и Франсуа Жувене (François Jouvenet; в 1717 — после 1723), художник-декоратор Филипп Пильман (Philippe Pillement; в 1717–1724 или 1725), основатель Санкт-Петербургской шпалерной мануфактуры Филипп Бегабль (Philippe Behagle; с 1717 — между 1725 и 1730) и его сын Жан-Филипп Бегабль (в 1717–1733), которых иногда путают между собой, скульптор и резчик по дереву Никола Пино (Nicolas Pineau; в 1716–1728 или 1729); датчанин с польскими корнями Христофор Марселиус (Khristofor Marselius; с 1724 преподавал архитектуру в Академии наук; создал серию рисунков, совокупно представляющих целостную панораму парадного Санкт-Петербурга); уроженец Швейцарии живописец Георг Гзелль (Georg Gsell; с 1717 до смерти в 1740) и его жена, Доротея Мария Генриетта Графф (Dorothea Maria Henriette Graff, дочь и ученица известной немецкой акварелистки Марии Сибиллы Мериан (Maria Sybilla Merian), ставшая первой в Санкт-Петербурге профессиональной женщиной-художницей (с 1717 до смерти в 1743)⁴; голландец Питер Пикарт (Pieter Picart; в 1702–1737), которому было суждено стать автором самых ранних зарисовок Санкт-Петербурга. Список иностранных художников, работавших в Петербурге, дополняют имена архитекторов, в числе которых, в первую очередь, нужно назвать швейцарца ита-

³ *Медведкова О.* Французские архитекторы и художники XVIII – начала XIX века: В Петербурге и для Петербурга // Французы в Петербурге: Кат. выставки в ГРМ. СПб.: Palace Edition, 2003. С. 26–27.

⁴ *Маркина Л.А.* Художницы в России от барокко до модерна // Искусство женского рода: Каталог выставки в ГТГ. М.: ГТГ, 2002. С. 54.

льянского происхождения Доменико Андреа Трезини (Domenico Trezzini), по проектам которого была заложена Александро-Невская лавра, выполнена часть планировки Васильевского острова, выстроен Летний дворец Петра I, Петропавловский собор и здание Двенадцати коллегий; француза Жана-Батиста Александра Леблона (Jean-Baptiste Alexandre Le Blond; в 1716–1719), разработавшего в 1717 году градостроительный план Санкт-Петербурга, проекты Стрельны и Летнего сада; эльзасца Иоганна Якоба Шумахера (Jochann Jakob Schumacher; в 1724–1767), построившего ряд церковных и производственных зданий.

Важно отметить, что, приглашая иностранных мастеров, Пётр I предусматривал необходимость обучения ими художественному ремеслу русских учеников, что обязательно оговаривалось в каждом заключаемом контракте. Так, в одном из самых ранних государственных контрактов с художником за подписью канцлера Ф.А. Головина, от 28 марта 1698 года, — с Адрианом Шхонебеком, работавшим в московской Оружейной палате, говорилось: «<...> ему для учения отдать русских людей учеников трёх или четырёх в молодых летах, которых бы он мог выучить своему мастерству резьбы и печатания в скором времени»⁵.

Вместе с тем скудность государственной казны, вызванная многолетней Северной войной, приводила к тому, что обещанные иностранцам выгодные условия часто нарушались, а исполненные заказы годами не оплачивались. «Умно и ловко заманивал Пётр иностранцев в Россию, но редко держал свои обещания, плохо, неаккуратно выплачивая жалование и нередко совсем забывая о тех, которым обещал так много»⁶. Это положение особенно усилилось при ближайших преемниках Петра I, которые не сочувствовали его западным новшествам и вполне разделяли позицию Православной церкви, враждебно относившейся к иноверцам. Кроме того, художники, как и другие приехавшие по приглашению царя в Санкт-Петербург иностранные специалисты, иногда сталкивались с труднопреодолимыми препятствиями при попытках вернуться на родину и оказывались заложниками подписанных контрактов. В ряде случаев вернуться на родину им мешало безденежье. При этом официальное отношение к ним (за исключением узкого круга избранных) мало чем отличалось от отношения к обычным ремесленникам, что выражалось в постоянных попытках привлечь их к всевозможным неквалифицированным прикладным работам.

⁵ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравёров: XIV–XIX вв. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1895. 806 стб. С. 183–184.

⁶ *Мюллер А.П.* Иностранные живописцы и скульпторы в России. С. 13.

В Петровскую эпоху зародилась практика отправки русских мастеров за государственный счёт для обучения за границу, ставшая систематической и получившая регламентацию в последней трети XVIII столетия. В 1716 году по указанию Петра I были посланы во Флоренцию, славившуюся своей Академией художеств, живописцы Александр Захаров, братья Иван и Роман Никитины, архитекторы Пётр Еропкин и Фёдор Исаков; в разных художественных столицах Европы обучались живописец Андрей Матвеев, архитекторы Иван Устинов, Пётр Колычев, Иван Коробов и Тимофей Усов, гравёры Степан Коровин, Фёдор Черкасов и др.

Как иностранные, так и русские художники группировались в основном вокруг двух центров — Канцелярии от строений и Академии наук. Канцелярия от строений (первоначально — Канцелярия городских дел), основанная в 1706 году Петром I, имела в своём ведении «живописную команду», а также мастерские для подготовки специалистов позолотного, штукатурного и столярного дела. Возглавлял Канцелярию Д. Трезини. Там работали живописцы А.М. Матвеев, И.Я. Вишняков, Каравакк и др.⁷ В составе Академии наук, работа которой началась в декабре 1725 года, формировался художественный департамент, фактическое руководство которым осуществлял библиотекарь Петра I Иоганн Даниэль Шумахер, имелись художественные классы, мастерские и типография.

Размер жалованья для принятого на государственную службу иностранного художника в XVIII веке находился в диапазоне от 200 до 2 000 рублей в год. Вышеупомянутый контракт с Шхонебеком предусматривал жалованье 600 ефимков (ефимок — русское название талера) в год плюс 20 четвертей (т.е. около 2,6 тонн в весовом измерении) ржи и овса, «жилая и работная изба в четыре покоя». Документ о прибытии в Москву Питера Пикарта гласил: «В 1702 году февраля в 26-е число, по указу Великого Государя и по доношению Адреяна Шхонебека выехал к Москве из Амстердама пасынок его Адреянов, Пётр Пикард для помоществования ему в его работы делах, и вел. государя жалованья определено <ему> на год по 500 ефимков и для житья двор»⁸.

Живописец Таннауэр, один из основоположников светского портрета в России, состоявший с 1719 года в должности «придворного мастера живописной и часовой работы», получал от Канцелярии

⁷ *Малиновский К.В.* Канцелярия от строений // Ленинградская панорама. 1985. № 8. С. 34–36.

⁸ *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725. Вып. 2. М.: Типо-лит. С.П. Архипова, 1883. С. 483. Даты по старому стилю.

строений жалованье 641 рубль в год. Супруги Гзелль, состоявшие с 1726 года художниками при Академии наук, по данным на 1736 год, довольствовались годовым жалованием по 360 рублей, а Иоганн Штенглин, принятый в 1741 году на службу в Гравировальную палату, получал 400 рублей в год.

Иностранные специалисты часто дополнительно к жалованью получали бесплатную квартиру, дрова и свечи, а иногда и одежду, что, по всей видимости, обеспечивало им вполне пристойное существование. Кроме того, особые заслуги на художественном или учёном поприще нередко вознаграждались по личной воле монарха. Например, неоднократно упомянутый нами «универсальный живописец» Л. Каравакк был в 1716 году принят на русскую службу с годовым жалованьем 500 рублей; с 1718 года он дополнительно на три года обеспечивался «безденежной квартирой» и участком для строительства дома, а также был освобождён от всяких пошлин. В 1724 году его контракт был продлён на два года с жалованьем 1 000 рублей и готовой квартирой. Наконец, в 1731 году он был назначен Анной Иоанновной на должность придворного живописца с окладом 1 500 рублей⁹.

Любопытен в некотором отношении пример уроженца Саксонии гравёра Кристиана Карла Альбрехта Вортмана, приехавшего в Санкт-Петербург в 1727 году. В справке Канцелярии Академии наук по запросу Сената от 1745 года говорилось: «Помянутый Вортман в Российскую службу выписан в прошлом 1727 году марта 31 дня из Дрездена бывшим в академии господином Блюментростом по учиненному им с ним, Вортманом, контракту, чтобы ему быть при академии гравировальным мастером 6 лет, с дачею ему от академии жалованья в 800 рублей в год, сверх того квартиру, дрова и свечи; да выдать ему ж, Вортману, за трех учеников, которые ему в работе помогать будут, по 360 рублей в год, и притом ему, Вортману, себя содержать трезво и дела, данные от академии, исправлять не ленностью»¹⁰.

Государственная служба не исключала возможности выполнения частных заказов. При этом с 1722 году художники, прибывавшие в Санкт-Петербург самостоятельно, были обязаны записываться в цех ремесленников, так как в противном случае они не имели права брать частные заказы. Исключение делалось для художников, состоявших членами какой-либо зарубежной Академии художеств,

⁹ Штелин Я. Указ. соч. Т. 2. С. 233; Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В. Андрей Матвеев. М.: Искусство, 1984. С. 96.

¹⁰ Цит. по: Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб.: Крига, 2007. С. 348. В той же справке указано, что в 1731 г. Вортман был уволен из академии «за невоздержанность его».

которые, как и учёные, обладали свободным статусом (с 1757 года это исключение распространялось и на художников, принадлежавших к петербургской Академии художеств).

Цеховая система, установленная по образцу некоторых западно-европейских стран, предусматривала трёхступенную иерархию (мастер, подмастерье, ученик), причём право пользоваться наёмным трудом принадлежало только мастеру, а цех имел ограниченное число мастеров. Ученики же, наряду с профессиональными занятиями, выполняли обязанности бесплатной прислуги — работали на кухне, в конюшне или на скотном дворе. Предусматривались нормированные расценки на определённые виды художественных работ, которые, правда, соблюдались не слишком строго. Цены на оригинальную живопись в XVIII веке находились в диапазоне от 15–150 рублей (миниатюрный портрет) до 250 рублей (крупный портрет), однако заказы Двора оплачивались существенно выше.

Русские художники и мастера, связанные с выполнением всевозможных художественных работ, в основном пользовались теми же правами, что и иностранцы, т.е. могли приниматься на государственную службу или работать по частным заказам, записавшись в цех ремесленников. Однако годовое жалование для русских, которые в начале XVIII века, как правило, числились учениками или подмастерьями при иностранных мастерах, редко превышало 25 рублей. Именно такой оклад был назначен одному из первых русских «жалованных живописцев» Фёдору Васильеву (ок. 1660–1737), который в 1702 году по указу Петра I был приписан к Оружейной палате, а с 1705 жил в Санкт-Петербурге, став автором уникальных по своему значению ранних петербургских пейзажных и жанровых зарисовок, а также архитектором и иллюстратором иностранных переводных книг по инженерно-строительному и корабельному делу¹¹.

К концу 1710-х годов положение стало постепенно меняться. Прибывший в 1711 году в Санкт-Петербург живописец и гравёр Иван Адольский (Одольский) получал жалование 80 рублей, позднее — 100 рублей и 6 пудов хлеба, живописец и художник по эмали Григорий Мусикийский — 125 рублей и 4 пуда хлеба, гравёр Алексей Ростовцев — 60 рублей. Гофмалеры И.Н. Никитин (с 1721) и А.М. Матвеев (с 1727) получали годовое жалование 200 рублей. Второй из них с 1731 года, по получении (после многомесячной процедуры профессионального освидетельствования) звания «живописного мастера» и по вступлении на службу в Канцелярию от строений в качестве главы «живописной команды», — 400 рублей¹².

¹¹ Первые художники Петербурга / Сост. В.Г. Андреева. Л.: Лениздат, 1984. С. 68.

¹² Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В. Указ. соч. С. 128–129.

Ученик Шхонебека гравёр Алексей Zubov, ведущий художник Оружейной канцелярии, с 1711 года живший в Санкт-Петербурге, был вынужден в 1719 году подать царю нижеследующее прошение: «Державнейший царь Государь Милостивейший. По твоему Великого Государя указу работаю я, нижеименованный раб твой, в Оружейной канцелярии твоей, Великого Государя, тушеванные и гридорованные дела непрестанно: и при своем товарище излишне. А твоего, Великого Государя, денежного содержания дается из Оружейной канцелярии по 195 рублей в год. А товарищу моему того ж дела мастеру-иноземцу Петру Пикарту дается по 330 рублей в год. И будучи я у твоих, Государевых, непрестанных дел одолжал, и оным вышеозначенным жалованием для дороговизны всякого харчу и припасов с домашними моими пропитаться и с долгами расплатиться нечем. Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Величества, да повелит Ваше Государство к оному вышеописанному денежному жалованью прибавить, что тебе, Великому Государю, Бог по сердцу положит...»¹³. Прощение это осталось без ответа, а к концу 1720-х годов, в связи с общим обеднением казны и закрытием Санкт-Петербургской типографии, к которой был приписан художник (в 1727 году печатанье духовных книг передали в Московскую синодальную типографию, а центром светского книгопечатания стала Академия наук), он лишился прежнего сравнительно высокого оклада и последние годы получал всего 36 рублей в год, занимаясь в Москве изготовлением клейм для гербовой бумаги¹⁴.

Приведённые выше денежные выкладки едва ли имеют смысл без хотя бы приблизительной оценки покупательской способности рубля в рассматриваемое время. Избегая полемики с некоторыми экономистами, пытающимися создать общую сравнительную систему пересчёта цен на товары и доходы населения разных эпох и стран, и вывести некий универсальный «индекс», укажем цены на некоторые товары, установившиеся в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века.

Серебряный рубль, введенный Петром I в 1704 году в ходе радикальной денежной реформы, содержал 24,9 г чистого серебра (в отличие от серебряного ефимка — талера, одержавшего в разные годы от 28 до 32 г чистого серебра). После 1718 года серебряное содержание рубля снизилось до 20,8 г, а в 1768 — до 18 г (при этом рыночная стоимость самого серебра была существенно ниже). На один рубль

¹³ Там же. С. 122–123.

¹⁴ Гербовая бумага, введённая в 1699 г., представляла собой особую форму налога: прошения в государственные органы должны были подаваться только на бумаге с отпечатанным гербом, за которую проситель вносил плату в казну.

(при среднегодовых ценах, в пересчёте на килограммы) в Санкт-Петербурге, самом дорогом городе России, можно было купить: до 60 кг ржаной или до 40 кг пшеничной муки, 20–30 кг сдобной выпечки, 12 кг коровьего или 20 кг постного (конопляного) масла, от 20 до 60 кг говядины (в зависимости от качества), от 10 до 20 кг свинины или сала, от 40 до 80 кг сельди, до 10 кг осетрины, сёмги или икры, 2 кг сахара, 1 кг кофе (два последних товара ввозились из-за границы и потому были особенно дороги) или до 500 кг сена. Добавим, что стоимость трудоспособного крепостного определялась тогда в 20–30 рублей. При этом годовой заработок рабочих на казённых и частных мануфактурах лежал в пределах от 12 до 50 рублей, таков же был доход мелких конторских служащих (писарей); в армии годовое жалованье капрала составляло 12 рублей, прапорщика — 50 рублей, капитана — 100 рублей, а полковника — 300 рублей; на содержание военного инвалида в городской богадельне отпускалась из казны 1 копейка, позже 2 копейки в день¹⁵. В дальнейшем на протяжении десятилетий происходило неуклонное снижение покупательской способности рубля, что обуславливалось множеством политико-экономических факторов как внутреннего, так и внешнего характера и, не в последнюю очередь, было следствием введения бумажных денег¹⁶.

Значительное влияние на материальное и социальное положение художника в Санкт-Петербурге оказало строительство художественно-образовательной системы, начатое при Петре I, получившее развитие в годы правления Елизаветы Петровны и прочное организационное оформление при Екатерине II.

Оставляя за рамками данной статьи подробную историю Академии художеств, отметим, что до начала 1770-х годов её преподавательский костяк составляли иностранцы. В штате «Академии трёх знатнейших художеств», основанной по проекту И.И. Шувалова решением Сената от 6 ноября 1757 года, состояли живописцы

¹⁵ См., напр.: Семёнов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговли и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Ч. 3. СПб.: Тип. И.П. Глазунова и К^о, 1859. С. 502; Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма: 1703–1861 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 66, 70; *Беспярых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 179.

¹⁶ По расчётам В.О. Ключевского соотношение одного рубля 1740-х гг. и рубля 1882 г. составляло 1:9. См.: *Ключевской В.О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему: Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам: Материалы для истории цен // *В.О. Ключевский* Опыты и исследования: Первый сборник статей. М.: Тип. Моск. гор. Арнольдо-Третьяковск. училища глухонемых и П.П. Рябушинского, 1912. С. 123–211.

Луи Жозеф Ле Лоррен (Louis-Joseph Le Lorrain; в 1758–1759 годах с жалованьем 1 000 рублей в год, но сверх того — за каждую картину и скульптуру отдельно), Луи-Жан-Франсуа Лагрене Старший (с 1760 года — 2 000 рублей и 350 рублей на дрова, свечи, карету и лошадей), Стефано Торелли (Stefano Torelli с 1763 года — 1 500 рублей), профессор 1-го класса скульптор Никола Франсуа Жилле (Nicolas-François Gillet; с 1758 года — 1 200 рублей в год), архитектор Ж.-Б. Валлен-Деламот (Vallin de la Mothe Jean-Baptiste; с 1759 года — 1 000 рублей, с 1763 года — 1200 рублей, позже — 1 500 рублей), гравёр Георг Фридрих Шмидт (Georg-Friedrich Schmidt; с 1761 года — 750 рублей в год). Содержание приглашённого Шуваловым живописца гр. П.А. Ротари (Pietro Antonio Rotari) было оговорено специальным Высочайшим указом (в качестве придворного художника, вне штата Академии) и, вместе с сопутствующими расходами, оценивалось в 2 000 рублей в год¹⁷.

Достаточно высокое, хотя и существенно меньшее, жалование тогда стали получать и первые русские преподаватели: профессор 2-го класса гравёр Е.П. Чемесов с 1759 года получал годовой оклад 400 рублей, а с 1763 года — 800, К.И. Головачевский и И.С. Саблуков с 1760 года — по 178 рублей, а с 1763 года — по 300 рублей, профессора 3-го класса В.И. Баженов и А.П. Лосенко с 1763 года — по 400 рублей. Архитектор и инспектор Академии художеств А.Ф. Кокоринов, фактически исполнявший должность её директора, получал 700 рублей в год¹⁸.

Согласно «Уставу Императорской Академии трёх знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с Воспитательным при оной Академии училищем в Санкт-Петербурге», дарованному 4 ноября 1764 года Екатериной II, для преподавательского состава и выпускников устанавливались чины в соответствии с Табелью о рангах от 1722 года: президенту Академии присуждался чин IV класса, соответствующий тайному советнику или генерал-майору в армейской иерархии, ректорам — VI (коллежский советник или, по терминологии XVIII века, «советник в коллегиях»), адъюнкт-ректором — VII (надворный советник; соответствовал майору, полковнику-инженеру или капитану 2-го ранга во флоте; изначально давал

¹⁷ Штелин Я. Указ. соч. Т. 2; Брук Я.В. Ротари в России // Советское искусствознание—78. Вып. 2. М.: Искусство, 1980. С. 315–325.

¹⁸ Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. С. 139; Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет её существования / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб.: Академия художеств, 1864. С. 14–21, 70–72; Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. Л.: Academia, 1927. С. 75–76.

потомственное дворянство, с 1856 — только личное), профессорам и секретарю — VIII (коллежский ассессор), адъюнкт-профессорам и инспекторам — IX класса (титулярный советник); «а происходящим из сей Академии художников и мастерам при выпуске их в четвёртый-на-десять класс» (регистратор при коллегиях; низший чин по Табели о рангах). Штат Академии художеств предусматривал должностные оклады: президенту назначалось годовое жалованье 2 200 рублей («ежели из другога места не получает»), трём ректорам — по 1 000 рублей, старшим профессорам — по 700, младшим — по 600, адъюнктам — по 400 рублей, плюс казённые квартиры, дрова и свечи. Эти оклады оставались неизменными вплоть до 1802 года. Примечательно, что по Екатерининскому указу художники, исключая крепостных, выводились из податного сословия, освобождались от любых налогов и получали свободу от выполнения каких-либо государственных обязанностей. «Всех наших подданных, — говорилось в уставе, — как ныне в Академии членов, Адъюнктов, Академиков и учеников обучающихся, так и впредь происходящих из воспитательного при Академии Училища, которые отличат себя честным и похвальным поведением и благонравием (что паче всего прилежно рассматривать), а при том в Художестве и мастерствах окажут изрядные успехи, когда по засвидетельствованию от Собрания получат о том аттестаты, всемилостивейше жалуем и утверждаем с их детьми и потомками в вечны роды быть совершенно свободными и вольными, и никакому правительству ни в военную, ни в штатскую нашу службу их не принуждать, и без добровольного с ними договору ни к какой работе не приневоливать, но во всём непременно поступать с ними, как с вольными и свободными людьми; а в случаях оказывать им всевозможное защищение и вспомоществование во всей нашей Империи»¹⁹.

Важнейшим итогом государственной политики в области искусств, начало которой было положено Петром I, стала фундаментальная реорганизация российской художественной жизни, которая выразилась в уходе от средневековых традиций и византийских канонов, в обретении отечественным искусством светских черт и европеизированного облика, в развитии начал современного художественного образования, наконец, в формировании нового для русского общества представления о художнике как о творческой личности, обладающей высоким призванием и способной занять подобающее место в государственной иерархии.

---

¹⁹ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет её существования. С. 154.

Славнитский Николай Равильевич
(Санкт-Петербург)
*Главный научный сотрудник
Государственного музея истории Санкт-Петербурга*

Коменданты Санкт-Петербургской крепости в царствование Петра I и Екатерины II

Санкт-Петербург с первых дней стал одной из основных резиденций монархов, а крепость занимала в столице центральное положение. Поэтому на её комендантов возлагались всегда дополнительные функции. Первым комендантом строящейся крепости стал Карл Эдвальд Ренне, родившийся в Митаве в 1663 году и происходивший из старинного немецкого рода. В январе 1702 года К.Э. Ренне перешёл на российскую службу полковником в кавалерию. Первоначально он находился в свите Петра I, а в начале 1703 года был назначен командиром драгунского полка. Осенью 1703 он был назначен комендантом в Санкт-Петербург, а в апреле следующего 1704 года его на этом посту сменил Р.В. Брюс.

Роман Вилимович родился в 1668 году во Пскове, военную службу начал в потешных войсках, в 1695 году был произведён в капитаны Преображенского полка, в составе которого участвовал в Азовских походах, в 1700 году уже сам командовал полком, с которым участвовал в нарвском сражении, а позже — в осадах Нотебурга и Ниеншанца.

Уже летом 1704 года именно Р.В. Брюсу пришлось защищать город от шведских войск. В его распоряжении в то время имелось 7 полков, насчитывавших 5 500 человек, и до 2 000 человек иррегулярной конницы¹. 9 июля Роман Вилимович послал на разведку

---

¹ *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704—1705 гг. СПб., 1899. С. 4; *Он же.* Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901.

очередную конную партию, насчитывавшую 2 000 человек «астраханцев и яицких казаков и татар и запорожцев» под командованием Бахметева и Захарского². За рекой Сестрой эта партия наткнулась на шведский передовой отряд, который они разбили, взяв в плен 12 офицеров и несколько рядовых. Увлёкшись погоней, конница наскочила на сам отряд шведского генерала Г.Я. Майделя, насчитывавший 8 или 9 тысяч человек, но сумели после небольшого боя оторваться от неприятеля и вовремя предупредить коменданта о его приближении³. После этого Р.В. Брюс соорудил батареи на Выборгской стороне, поставив на них пушки, взятые, по-видимому, из крепости, и приготовился к отпору врага. Кроме того, шлиссельбургскому коменданту В.И. Порошину было послано указание приготовиться к возможному приходу неприятеля⁴.

12 июля Г.Я. Майдель появился на Выборгской стороне, установив пушки против позиций Р.В. Брюса и открыл артиллерийский огонь. Перестрелка продолжалась 4 часа, после чего шведы вынуждены были отступить⁵. В начале августа он предпринял ещё одну попытку атаковать город, на этот раз со стороны Охты. 6 августа Брюс сообщил А.Д. Меншикову, что накануне неприятельские люди строили мост через Охту «за тем бастионом, который не разорен... а генерал с войски стоит пониже Канец к лесу с версту»⁶. Против них также были установлены батареи. 6 августа Майдель отправил Брюсу письмо, в котором предложил ему сдаться⁷. Санкт-Петербургский комендант на это попросил шведского генерала «в своей земле лежащие крепости и места отойтить... и впредь таким писанием ко мне и прочим меня да пощадить»⁸ (то есть предложил убраться из этих мест). На следующий день завязалась небольшая перестрелка, после которой, в ночь на 9 августа шведы отступили. Р.В. Брюс,

С. 105. Правда, Н.Г. Устрялов считал, что в распоряжении Р.В. Брюса было 6 пехотных полков: *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Том четвёртый. Ч. I. СПб., 1863. С. 255.*

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

³ Там же. Д. 312. Л. 1; Журнал или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадского мира. Ч. I. СПб., 1770 (далее: Журнал Петра Великого). С. 69.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 321. Л. 1.

⁵ *Тимченко-Рубан Г.И. Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. С. 5; Он же. Первые годы Петербурга. С. 108.*

⁶ *Устрялов Н.Г. Указ. соч. Том четвёртый. Ч. II. Прилож. 2. СПб., 1863. № 260. С. 317.*

⁷ Там же. С. 317–318.

⁸ Там же. С. 318.

осмотрев Канцы пришёл к выводу, что «от нашей стрельбы не без урону их людям было»⁹.

В 1705 году шведы предприняли ещё одну попытку захватить Санкт-Петербург. 19 июня тот же генерал Г.Я. Майдель подошёл к Неве. Роман Вилимович Брюс снова приготовил батареи, поставил на них пушки и привёл войска в боевую готовность¹⁰. По берегу реки Невы на Ингерманландской стороне были поставлены батареи, эту линию заняли 3 полка под командованием А. Шарфа и Д. Бильса, усиленные 1 000 человек из гарнизона, 400 драгун и выборной ротой; а майор Дедют и Бахметев с остальными драгунами заняли позицию против Канец¹¹.

23 июня шведский корпус, переправившись на Каменный остров, подошёл к Малой Неве для переправы на Аптекарский остров, но увидел на противоположной стороне окопы. Завязалась артиллерийская и ружейная перестрелка. Шведы попытались переправиться на плотках на другой берег, но были отбиты с большим уроном; после чего отступили к Ниеншанцу¹². Всё, что они смогли сделать на Каменном острове — сожгли две пустые деревни¹³. Затем Г.Я. Майдель оставил часть сил в Канцах, а сам двинулся к Шлиссельбургу¹⁴, но и там успеха не добился. Таким образом, российские войска под командованием Р.В. Брюса успешно отстояли будущую столицу российской империи.

Осенью 1706 года Р.В. Брюс занимался организацией похода российских войск под Выборг и был назначен номинальным главой осадного корпуса (фактическое руководство осуществлял Пётр I). Однако поход закончился неудачей: 22 октября поставили мортиры и начали бомбардировку, продолжавшуюся 4 дня и вызвавшую в крепости 5 пожаров; после чего войско за поздним временем отступило к Санкт-Петербургу¹⁵. Причиной неудачи этой попытки считается отсутствие флота и осадных пушек¹⁶. Кроме того, осень не являлась подходящим временем для осадных операций.

⁹ Там же. С. 320.

¹⁰ Там же. С. 335.

¹¹ Там же. С. 336.

¹² Ведомости времени Петра Великого (В память 200-летия первой русской газеты). Вып. I. М., 1903. С. 267; *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1075 гг. С. 29; *Он же.* Первые годы Петербурга. С. 138.

¹³ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Том четвёртый. Ч. II. С. 337.

¹⁴ *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург петровского времени / Ред. А.В. Предтеченский. Л., 1948. С. 31.

¹⁵ Журнал Петра Великого. С. 150.

¹⁶ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Том четвёртый. Ч. I. С. 520; *Васильев М.В.* Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 29.

Сразу после возвращения из похода он вплотную занялся строительными работами — ещё в мае 1706 года началась перестройка Санкт-Петербургской крепости в камне, и коменданту, естественно, необходимо было уделять этому процессу пристальное внимание. Инструкцией Петра I Р.В. Брюсу от 14 декабря 1706 года предписывалось с началом следующего строительного сезона приступить к перестройке в камне бастионов Головкина и Зотова, а также куртины между бастионами Меншикова и Головкина. Кроме того, следовало поспешить со строительством кронверка и держать артиллерию в «добром порядке»¹⁷. Но постройка куртины шла, по видимому, очень медленно, в связи с чем Пётр I неоднократно высказывал недовольство в письмах к А.В. Кикину и Р.В. Брюсу¹⁸ (куртина была готова, как и фланки бастионов Головкина и Зотова, лишь в сентябре 1708 года¹⁹, хотя работы там продолжались и в следующем году²⁰).

В 1708 году, когда шведы предприняли третью попытку захватить Петербург, Роман Вилимович защищал город уже под общим руководством генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Дело в том, что боевые действия в этом районе предусматривали взаимодействие нескольких родов войск: сухопутного корпуса (состоявшего из 17 пехотных полков численностью до 20 000 человек, а также 4 500 человек конницы, всего 24 500 человек), гарнизонов крепостей (подчинённых губернатору Ингерманландии А.Д. Меншикову), корабельного и галерного флотов. В данном случае возможными кандидатами на этот пост становились А.Д. Меншиков, которому следовало на время подчинить флот, или же Ф.М. Апраксин, которому было необходимо подчинить комендантов крепостей (в частности псковскому обер-коменданту К.А. Нарышкину 3 февраля был послан указ «исправлять» всё по указам адмирала)²¹. Из этих двоих Ф.М. Апраксин отличался гораздо большей осторожностью, кроме того он уже имел опыт управления Азовской областью, очень схожей с Ингерманландией — прибрежная территория, отдалённая от основного театра боевых действий. На данном примере хотелось ещё раз обратить внимание на то, что Пётр I не только умел подбирать себе соратников, но и давать им поручения, наиболее подходившие для них.

Р.В. Брюс, однако, без дела не оставался. В его задачу входило наблюдение за шведскими войсками, находившимися в Финлян-

¹⁷ ПиБ. Т. 4. СПб., 1900. № 1460. С. 481–483.

¹⁸ Там же. Т. 6. СПб., 1912. № 1886. С. 36; № 1913. С. 53.

¹⁹ Там же. Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 581, 578–579.

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3177; Д. 3223. Л. 1–2.

²¹ ПиБ. Т. 7. Вып. 1. Л.; М., 1946. № 2236. С. 58.

дии. Ещё в феврале 1708 года он отправил под Выборг две партии разведчиков на лыжах, которые захватили языков, сообщивших о том, что «конницы у них по сю сторону Выборга ничего нет, и о походе их в нашу сторону ничего не слыхали»²².

Кроме того, он по-прежнему непосредственно наблюдал за работами по перестройке Санкт-Петербургской крепости, главным образом (в тот период) — за строительными работами в Кронверке. 19 февраля Роман Вилимович сообщил Петру I, что «у нас кругом кронверка по куртинам, где землю не отделано, все остальное полисадами накрепко даже до самой реки, где карабли стоят, а от палисад по берегу кругом караблей поставлены рогатки, також от бастиона губернатора (Меншикова. — *Н.С.*) по розломаной куртине и около неотделанных каменных флангов поставлены палисады накрепко, и с наружной стороны около всего кронверка и всякого строения при Санкт Питербурхе оставлено рогатками кругом, и караулы всегда имеем крепкие кругом всей крепости и по рогаткам»²³.

29 августа Р.В. Брюс сообщил царю, что «по роскатам и флангам поставлено 71 пушка чугунные, калибрами 12-, 6- и 3-фунтовые, 5 мортиров, 2 гаубицы, а с сентября месяца станут равелины делать»²⁴. А в начале сентября он писал, что «у Кронверка главный вал совсем отделан и на бастионах, також на верхних и в нижних флангах поставлено 71 пушка да 6 мортиров и 2 гаубицы, да внутри кругом всего валу сделано 86 казарм, ис которых надеемся совершить дней в шесть, и зачем делать два большие равелины, которые во рву перед воротами, також и в прочим земляном строении, сколько возможно, поспешать будем...»²⁵. К октябрю 1708 года Кронверк был уже совсем готов, хотя ряд работ там производился и летом следующего 1709 года²⁶.

Всего же за лето 1708 года (то есть в разгар боевых действий против Г.Ю. Либеккера) под наблюдением Р.В. Брюса, кроме Кронверка, была перестроена в камне эскарповая стена Кронверкской куртины и частично перестроены бастионы Головкина и Зотова, а также подготовлен фундамент для строительства Трубецкого бастиона²⁷.

Летом следующего года он занимался восстановлением Шлисельбургских земляных бастионов, размытых наводнением (работ-

---

²² Там же. С. 316.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Т. 8. Вып. 2. С. 576.

²⁵ Там же. С. 580.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3173. Л. 2.

²⁷ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 580.

ники для этого были выделены из Санкт-Петербурга)²⁸. В 1711 году аналогичные работы пришлось осуществлять на острове Котлине: водой размыло батареи и форт Кроншлот. Кроме того, при непосредственном участии Романа Вилимовича тогда же начались работы по сооружению пристани²⁹.

Таким образом, в ведении Р.В. Брюса находились укрепления Санкт-Петербурга, Котлина (форт Кроншлот, батареи, крепость Святого Александра), Шлиссельбурга, Ямбурга, Копорья а позже Выборга и Кексгольма.

В 1710–1713 годах он принимал участие в наступательных операциях в Финляндии, снова под командование Ф.М. Апраксина — сначала в осадах Выборга и Кексгольма (второй руководил самостоятельно, и после взятия крепости получил чин генерал-лейтенанта), а в 1712–1713 годах — в походах вглубь финской территории.

После окончания похода Роман Вилимович вернулся в Санкт-Петербург, однако сведения о его деятельности в этот период сохранились довольно скудные. В историографии закрепилось мнение, что эти годы он посвятил исключительно устройству Санкт-Петербурга, продолжая оставаться его обер-комендантом³⁰. Однако опубликованные в прошлом десятилетии источники вынуждают нас пересмотреть эту точку зрения. Дело в том, что ещё в 1712 году, в связи с отправлением Р.В. Брюса в действующую армию, комендантом Санкт-Петербурга был назначен М.О. Чемесов³¹, являвшийся с 1706 года плац-майором Санкт-Петербургской крепости. Кроме того, с 1715 года в столичном городе практически постоянно находился его губернатор А.Д. Меншиков. В «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» в основном упоминается М.О. Чемесов, регулярно приезжавший с докладами к светлейшему князю (при этом в его ведении была не только крепость, но и городские дела), а после его смерти в декабре 1717 года (17 декабря он был погребён «в городе»³²) комендантом был назначен Я.Х. Бахмиотов, который также часто появлялся у А.Д. Меншикова. Р.В. Брюс же практически не упоминается. С чем это связано, сказать трудно, можно лишь высказать предположение, что в период отсутствия Р.В. Брюса в управлении

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3261. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Д. 4224. Л. 1.

³⁰ См.: Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1911. С. 126.

³¹ *Мышлаевский А.З.* Пётр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. Приложения. № 7. С. 10–11.

³² Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. Вып. 10. М., 2004. С. 175–176.

Санкт-Петербургом сложилась новая команда, в которой он оказался ненужным.

Занимавшие в следующие десятилетия должность коменданта М.О. Чемесов (1712–1717), Я.Х. Бахмиотов (1727–1725), Г.А. Урусов (1727–1730), В.И. Порошин (1730–1732), Г.Д. Есипов (1732–1734) тоже много внимания уделяли вопросам строительства — на рубеже 1720-х и 1730-х годов шла интенсивная перестройка укреплений в камне, и части гарнизона принимали в этом серьёзное участие.

А во второй половине XVIII столетия, во время царствования Екатерины II, ситуация изменилась. В этот период пост коменданта занимали два человека — Николай Иванович Зиновьев (1764–1773) и Андрей Гаврилович Чернышёв (1773–1797).

А.Г. Чернышёв практически с самого начала своей военной службы стал доверенным лицом Екатерины Алексеевны — он был камер-пажом Петра Фёдоровича и находился при дворе великого князя с начала 1740-х годов. Правда, вскоре его связь с великой княгиней раскрылась, и по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны он был отправлен служить в оренбургский гарнизон, где постепенно поднимался по службе, к 1757 году стал майором.

Его дальнейший путь гладким не назовёшь. В феврале 1762 года Пётр III разрешил ему вернуться в столицу и назначил генерал-адъютантом. Едва приехав в Санкт-Петербург, Андрей Гаврилович оказался втянут в водоворот придворных интриг, причём занял сторону императора, то есть оказался в числе проигравших. Никаких репрессий в отношении него не последовало, но наверняка он уже перестал быть доверенным лицом Екатерины II (собственно, с середины 1740-х годов утекло уже много воды). В 1763 году он был назначен командиром полка, но в том же году подал в отставку и был «уволен от службы генерал-майором с назначением бригадирского жалованья»³³.

На покое он пробыл 10 лет, и лишь в 1773 году решил вернуться на службу. Как раз в этот момент открылась вакансия обер-коменданта крепости (скончался Н.И. Зиновьев), и Андрея Гавриловича решили назначить на этот пост. Формально функции обер-коменданта с тех пор принципиально не изменились — в его ведении по-прежнему находилась не только Санкт-Петербургская крепость, но и другие укрепления вокруг столицы. В то же время сама крепость сильно изменилась, да и времена были несколько иными.

В самом начале царствования Екатерины II была проведена реформа гарнизонов, и они были сильно сокращены, при этом в их составе появились роты мастеровых.

³³ Русский архив. 1865. № 2. Стб. 347–348.

Части гарнизона (в которых некомплект составлял до полутора тысяч человек) коменданту приходилось держать разбросанными в караулах в разных местностях города и окрестностей: «в дальних отлучках и в разных гошпиталях также и в Шлюсельбурге на карауле и для работ ныне командированных по наряду коллегии всех 202, да около Санкт-Петербурга, то есть в Красном и Сарском селе в Сестрбеке и при строении тоснинского канала от вотчинной конторы 78 да в Санкт-Петербурге в разных местах бессменных караулах и для разных казенных работ при военной коллегии в гребцах и в протчих кацеляриях и канторах для посылок 172 в семидневных и месячных караулах которые неотменно сменяемы должны быть 844 при крепости в гребцах в фортификационных и протчих работах тож при смотре казенных подъемных лошадей и у заготовления на топление казенных покоев дров и при батальонах на нужнейших пикетах тож и у штаб и у обер офицеров вместо денщиков для услуг и при разных должностях 648»³⁴. Необходимость в обороне Санкт-Петербурга к тому времени уже отпала, поэтому состоянию воинских частей уже уделяли мало внимания.

Через два года после назначения А.Г. Чернышёву пришлось «принять в своё ведение» таинственную узницу — «княжну Тараканову». 22 марта императрица Екатерина II, совершавшая в том году путешествие по России, предписала А.М. Голицыну, замешавшему её в столице, «буде Грейг в Кронштадт приедет, женщину сию приказали принять и посадить ее в Петропавловской крепости под ответом обер-коменданта, который ее и прокормит до дальнего моего приказания»³⁵. Напомним, что в царствование Петра I в крепости тоже оказался «важный» узник — царевич Алексей Петрович, скончавшийся в 1718 году в Трубецком бастионе. Участь «княжны Таракановой» была аналогичной — 26 мая она была доставлена в крепость (с ней два поляка, входившие в её свиту, и пять человек слуг)³⁶, а 6 декабря А.Г. Чернышёв доложил А.М. Голицыну, что она скончалась 4 числа и на следующий день «тою же командою, которая при карауле в оном равелине определена, глубоко в землю похоронена» (там же, в Алексеевском равелине)³⁷.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаба генерал-фельдцейхмейстера. Д. 2192. Л. 56.

³⁵ Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой // Сб. РИО. Т. 1. СПб., 1867. С. 169.

³⁶ Там же. С. 170.

³⁷ Там же. С. 193.

Два года спустя в Санкт-Петербурге произошло сильное наводнение (и по легенде «княжна Тараканова» погибла именно тогда), и после него пришлось проводить ремонтные работы. В те же годы в крепости проходило восстановление колокольни Петропавловского собора после пожара.

А наиболее масштабным проектом екатерининского царствования в столице империи стало «одевание берегов Невы» гранитом. Это затронуло и крепость. «Облицовка стен крепости гранитом началась со среднего — Екатерининского бастиона, который был «одет камнем» в 1780 году. Государев бастион облицован в 1783 году, Трубецкой — в 1785. Об окончании работ свидетельствуют памятные доски на стенах бастионов. Одновременно облицовывались и куртины. В 1790 году в углах бастионов сооружены из гранита круглые будки для часовых, вынесенные на каменных консолях за пределы стен»³⁸.

В 1789 году возникла угроза нападения шведов на столицу России (и императрица этого очень опасалась), но этого не случилось, а вскоре к городу подтянули дополнительные силы, к тому же флот нанёс неприятелям несколько серьёзных ударов. Так что до обороны крепости дело не дошло.

И можно говорить о том, что стараниями А.Г. Чернышёва при Екатерине II производилась «шлифовка» того, что было сделано Р.В. Брюсом при Петре I.

---

³⁸ Кочеданов В.И. Набережные Невы. Л.; М., 1954. С. 81–83.

Пащинская Ирина Олеговна
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Государственного музея-заповедника «Петергоф»*

Празднование Петрова дня в Петергофе в годы царствования Екатерины Великой

Петергофской традицией первой четверти XIX столетия были публичные маскарады и массовые гуляния по иллюминации. Они устраивались в дни празднования высокаторжественных дней тезоименитства императрицы-матери Марии Фёдоровны и, позже, с 1830 года дней рождения императрицы Александры Фёдоровны¹.

Иллюминации в приморской резиденции являли собой ошеломляющие зрелища мощи и величия. Они задумывались и проводились, чтобы поразить, вызвать восторг и восхищение у российских подданных и иностранцев.

Прогулки по иллюминации в Нижнем парке позволяли огромному числу людей всех сословий почувствовать себя гостями правителя, созерцать монарха в непосредственной близости, наслаждаясь красотой преображённого огнями обширного парка, и, одновременно, церемониальный выход к великому множеству зрителей давал возможность монарху эмоционально ощутить себя повелителем огромной многонациональной империи².

---

¹ Эти праздники приходились на 22 июля и 1 июля соответственно (здесь и далее все даты по старому стилю).

² См. подробнее: *Пащинская И. О.* Петергофские праздники XIX в.: историко-культурологический аспект. Автореферат на соискание учёной степени кандидата культурологии. СПб., 2013.

История возникновения масштабного торжества зародилась в предшествующее столетие. В XVIII веке во время пребывания императорского двора в официальной летней резиденции праздновались высокаторжественные дни государственного календаря, победы русской армии, орденские и церковные праздники. Здесь проходили приёмы высоких гостей и дипломатических представителей. Некоторые из этих торжеств сопровождалось праздничным освещением парка иллюминационными огнями.

В Елизаветинское царствование в Петергофе семь раз проходили торжества в день святых апостолов Петра и Павла 29 июля, когда отмечалось тезоименитство наследника Петра Фёдоровича и его сына Павла. В ходе праздника проходили заутрени и литургические службы, обеды и ужины, иногда балы, трижды устраивалась иллюминация в Нижнем парке — в 1750 году около Монплезира и по аллеям парка, в 1755 году цветными фонарями освещались яхты, в 1758 году — у Большого дворца и вдоль Морского канала³.

В Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века иллюминации обязательно дополняли фейерверки, неременный атрибут важнейших публичных торжеств⁴. Нередко в столице и в загородных резиденциях иллюминации устраивались и без фейерверков. Так без огненных «потех» иллюминационными светильниками украшался петергофский парк в праздничные дни при Екатерине I, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. Именно во второй четверти XVIII столетия сложилась традиция художественного светового оформления парка.

Но, как совершенно справедливо отметила специалист по русской гравюре М.А. Алексеева, характеризуя логику развития российской традиции огненного оформления торжеств XVIII века, в царствование Екатерины II, к концу 1760-х и в 1770-х годах большие государственные зрелища становились редкостью. Пышное декоративное искусство фейерверков постепенно угасало⁵.

В приморской же резиденции при Екатерине II мы видим продолжение и развитие традиции массовых публичных торжеств в оформленном светом парке.

³ Здесь и далее даты и описания событий приводятся в соответствии с опубликованной версией КФЖ: Камер-фурьерские журналы за 1695–1818 гг. СПб., 1855–1917; см. также: факсимильное воспроизведение этого издания в 100 томах (СПб.: Альфарет, 2009). Готовилась, но не состоялась иллюминация в Монплезирском саду в 1747 г. РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 311. Л. 1, 11.

⁴ Для устройства иллюминаций в XVIII веке использовались фонари, глиняные плоски и стеклянные шкалики.

⁵ Алексеева М.А. Театр фейерверков в России XVIII века // Из истории русской гравюры. М., СПб., 2013. С. 280–281.

В многочисленных работах о петергофском ансамбле описательный аспект значительно превалирует над исследовательским. Торжества с иллюминациями упоминаются в форме общих описаний, переходящих с незначительными изменениями из одного труда в другой, дополняемых отдельными выдержками из камер-фурьерских журналов, цитированием мемуаров или публикаций в периодических изданиях⁶. Наиболее подробно описывает петергофские праздники известный историк Е.В. Анисимов⁷.

До настоящего времени единственным монографическим исследованием о Петергофе является труд Н.И. Архипова и А.Г. Раскина, в котором теме праздников с иллюминациями в XVIII столетии посвящён краткий и ёмкий фрагмент⁸. Авторы на основе анализа широкого круга архивных источников описали приёмы устройства иллюминаций: *«Вдоль всех аллей устанавливались различные по рисунку трельяжные конструкции со стеклянными шкаликами, наполненные салом и скипидаром⁹. Зажжёнными шкаликами украшали фасады дворцов и павильонов, а фонтанные бассейны и пруды опоясывали расставленными на земле свинцовыми, жестяными и глиняными плошками с горящими фитилями. На деревьях развешивали слюдяные фонарики различных цветов и форм. По парку и над каскадами ставлялись огромные вензеля и живописные панно, посвящённые празднику»*. Исследователями было выявлено, что *«к устройству иллюминаций и к сочинению программ фейерверков привлекались Академия наук, архитекторы, живописцы, скульпторы и множество мастеров разных специальностей. В 30-х гг. XVIII века оформлением петергофских иллюминаций занимался М. Земцов, живописцы Л. Каравакк,*

⁶ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. 1801–1868. СПб., 1862. С. 30, 46; Измайлов М.М. Путеводитель по Петергофу. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. СПб., 2009. С. 20, 36, 44–46, 48; Шеманский А.В., Гейченко С.С. Историко-бытовой музей XVIII в. Большой дворец. М.; Л., 1931. С. 29, 34–36; Ардикуца В.Е. Петродворец. Парки, фонтаны, дворцы. Л., 1968. С. 17, 22–23, 27–28; Вернова Н.В., Знаменов В.В. Петергоф. Альманах «Сокровища России». Вып. 73. СПб.; Петергоф, 2005. С. 45.

⁷ Анисимов Е.В. Романовы в Петергофе и Ораниенбауме. Петергоф, 2011. С. 108–109, 155, 197, 283–284, 344, 359, 449.

⁸ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. М.; Л., 1961. С. 32–33.

⁹ В XVIII веке для праздничного освещения парка использовались преимущественно фонари и глиняные плошки. Плошки с помощью металлических «плошечных колец» крепились на декорациях и устанавливались на «полках». Стеклянные шкалики с воском поначалу использовали в помещениях, в конце столетия их стали размещать на декорациях в парках, наливая в них сало. Подробнее см.: Пащинская И.О. Осветительные приборы петергофских иллюминаций. XVII–XIX вв. (в печати).

И. Вишняков, Л. Гаврилов, М. Негрубов, Л. Фёдоров. В 70-е гг. XVIII в. в подготовке иллюминаций в Петергофе принимали участие архитекторы Ч. Камерон и Ю. Фельтен».

Авторы исследовали значительный круг документальных источников, но, возможно, по объективным обстоятельствам не смогли сослаться на использованные документы.

В настоящее время отсутствует понимание церемониала и характера торжеств в Петергофе XVIII века, их изменений с течением времени, периодичности, роли заказчика, количества участников и их сословного положения, общих замыслов авторов иллюминационного убранства и технических приёмов оформления парка и т.д. В данной работе автор, не ставя задачей исследование всех этих вопросов, уделяет внимание определению церемониала самого массового петергофского праздника екатерининского царствования и характера иллюминационного убранства парка.

28 июня 1766 года в приморской резиденции впервые праздновался высокаторжественный день восшествия на престол императрицы Екатерины II и 29 июня — день святых апостолов Петра и Павла, день тезоименитства наследника престола её сына Павла. В торжествах этого года был сформирован церемониал, отличавшийся от церемониала праздничных дней предшествующих царствований. Позже, при Павле I, Александре I и Николае I он воспроизводился в официальной летней резиденции в лишь слегка дополняемом виде до середины XIX века.

В преддверии праздника рассылались повестки придворным, а также к Церемониальным делам и главную полицмейстерскую канцелярию. В них объявлялось, что торжества по случаю вступления на престол императрицы Екатерины Алексеевны 28 июня и тезоименитства наследника Павла Петровича 29 июня будут праздноваться в Петергофе, определялся круг приглашённых, время начала церемоний и требуемая форма одежды, также сообщалось, что в день восшествия на престол императрицы вечером будет бал для тех «кто пожелает из знатного дворянства», в день тезоименитства — «маскарад для дворянства и купечества». Частью церемонии маскарада была прогулка по иллюминации.

В елизаветинскую эпоху характерным для фейерверочных спектаклей и иллюминаций стало создание образов садов. На гравюрах, запечатлевших эти зрелища, воспроизведены перголы, аллеи, парковые дорожки, павильоны, фонтаны и другие парковые сооружения, создаваемые огнями¹⁰. Именно виды парков формировали об-

¹⁰ См.: Фейерверки и иллюминации в графике XVIII в.: Каталог выставки. Л.: ГРМ, 1978. № 34, 36, 52, 87, 94, 97, 107, 112, 118 и др.

раз «страны блаженства», расцветающей под мудрым управлением самодержицы.

В приморской резиденции, как убедительно показал исследователь В.Ф. Шилков, Екатерина II в первые годы царствования проводила работы по сбору документов, иллюстрирующих неосуществлённые идеи Петра I по устройству парка. По найденным материалам составлялись проекты и сметы, в ходе которых должны были бы быть осуществлены замыслы основателя Петергофа¹¹. Но в то же время зарождалось увлечение Екатерины пейзажными парками. В 1766 году по её указу начинается посадка свободно расположенных берёз и рябин около Красного пруда¹². Планы императрицы, связанные с регулярными парками Петергофа, видимо, изменяются в конце 1760-х годов. В 1769 году она приказывает вместо цветников перед Большим дворцом устроить газоны, запрещает стрижку деревьев. Через два года, в 1771 году, она предлагает ломать трельяжные решётки и крытые дороги и впредь их не делать¹³. Шилков считает, что память к Петру ограничила дальнейшие шаги в этом направлении. Петергоф не постигла участь Царского Села. Екатерина II постаралась зафик-

---

¹¹ Были выполнены сметы на устройство канала от Петергофа до Петербурга для езды на лодках, буксуемых лошадьми («как в Голландии»), на исправление «ветхостей» отпускаются большие средства. Делается новый проект планировки Петергофа в регулярном стиле, с рядом новых аллей, фонтанов и павильонов. Много нового намечается по проекту сделать в районе Ягд-гартена — летний театр, девять прудов, беседки. В районе Марли — каменный зал на валу напротив каскада, два павильона. По проекту предлагалась перестройка Эрмитажа. Против него проектируется аллея к горе с фонтаном, на месте в настоящее время Львиного каскада и новым каскадом по откосу горы. Немного дальше к востоку от него по проекту намечается устройство ещё одного каскада, который должен закончить идущую от фонтана Ева аллею к откосу горы. На канале проектируются новые подъёмные мосты, чтобы дать возможность подъезда на парусных яхтах прямо к гроту». Исследователь ссылается на «Регистр номерам, назначенным вновь прожектированным плане Ея Императорского Величества Петергофского дворца со всеми строениями и в садах аллеям, каскадам и фонтанам, гротам и прочим принадлежащим постройкам». РГИА. Ф. 467. Оп. 2 (73/187). Д. 102. Л. 9—14. Это «восстановило бы идею Петра I. Частично работы по проекту осуществляются в натуре. Переделывается и углубляется гавань. Устраиваются подъёмные мосты. Сносятся деревянные ограждения. Производится отделка Берёзовой аллеи. По другому проекту вместо Темпля проектируется каменная «дикая гора», но в виду большой стоимости по смете, постройка не осуществляется». *Шилков В.Ф.* Принципиальные предложения по реставрации планировки и зелёных насаждений в Верхнем и Нижнем парках в Петергофе на основании исторического анализа и композиции. Рукопись. 1948. Архив ГМЗ «Петергоф». Р. 18а. Л. 19—20.

¹² *Шилков В.Ф.* Указ. соч. Л. 20.

¹³ Там же.

год	Количество дней	Год	Количество дней	год	Количество дней
1762		1773	37	1784	
1763	20	1774	47	1785	12
1764	1	1775		1786	12
1765	4	1776	30	1787	
1766	18	1777	42	1788	
1767		1778*	32	1789	
1768	57	1779*	31	1790	3
1769	56	1780*	30	1791	7
1770	32	1781	14	1792	
1771	9	1782	11	1793	
1772	45	1783	4	1794	1

Пояснения к таблице: Затемнения выделены годы, когда торжества 29 июня проходили в приморской резиденции. Звёздочками указаны годы, когда праздники с иллюминированием парка устраивались дважды за лето. С 1778 года в Петергофе три раза отмечался день тезоименитства супруги наследника, великой княгини Марии Фёдоровны 22 июля. В 1769–1770 годы во время войны с Турцией церемониал сокращался — не устраивались маскарады и иллюминации, в 1767 и 1775 годах императрица была в Москве; в 1776 году после кончины супруги Павла, великой княгини Натальи Алексеевны был на один день снят траур и устроен бал. В 1772 году 29 июня прошли все церемонии, вечером был маскарад во дворце, но из-за дождя иллюминация не зажигалась, маскарад и иллюминация были устроены 8 июля. Данные таблицы позволяют сделать выводы об определённом угасании традиции праздников с иллюминациями с 1780-х годов.

сировать регулярный Петергоф, поручив исполнить аксонометрический план ансамбля картографу П.А. де Сент-Илеру¹⁴.

Возможно, площадки в первый период екатерининского царствования, как и в предшествующую эпоху, частично размещались именно на трельяжных решётках, а позднее, с 1770-х годов для расстановки огней создавались иллюминационные декорации вдоль аллей парка¹⁵. Этим в день святых апостолов Петра и Павла убранство светом воссоздавало образ регулярного парка петровской резиденции.

¹⁴ Там же.

¹⁵ О том, что у него нет работников разобрать эти иллюминационные конструкции после праздника в 1786 г., через год докладывал в контору Петергофский и Стрельнинский начальник камер-юнкер князь Долгоруков, прилагая к

Данные о празднованиях Петрова дня в годы правления Екатерины II представлены в следующей таблице и дополнены сведениями о количестве дней, которые императрица проводила в Петергофе¹⁶.

День именин наследника начинался с заутрени в комнатах Екатерины, самые близкие придворные приносили свои поздравления императрице и великому князю и его супруге в их покоях. В это время в церкви проходил молебен. Позже наступало время парадного церемониального выхода в церковь. Иногда императрица следовала в церковь святых апостолов Петра и Павла из деревянного флигеля Монплезира, иногда выход осуществлялся из её покоев в Большом дворце. Впереди членов императорской семьи шли кавалеры, сзади генералитет. Дамы собирались прямо в церкви, кавалеры для участия в парадном выходе — в апартаментах дворца или перед церковью в Верхнем саду¹⁷. После литургической службы звучала проповедь, затем начинались поздравления церковнослужителей, членов Синода, и произносилась короткая поздравительная речь от лица церковных особ.

Совпадение церемониала высокаторжественных дней тезоименитств Павла Петровича и Марии Фёдоровны даёт нам возможность воспользоваться описанием петергофского торжества 22 июля 1778 года швейцарским путешественником, астрономом и математиком Иоганном Бернулли. Мы видим праздник глазами современника, иностранца, который тщательно фиксировал происходящее, удивительное для него. Находясь в церкви во время литургии, Бернулли заметил, что священник «не принял поцелую руки от императрицы, когда он ей передавал остатки священного хлеба»¹⁸. Он же

письму список оставшихся иллюминационных декораций и указывая места их расположения в парке («большие ворота против дворца на канаве», две большие колонны, «колоннады», «сияния» «возле канавы», «круглые дощечки наподобие паникадил вокруг французских фонтанов напротив дворца», звёзды на брусках «от герба до статуи Евы» и от церкви к фонтану Адам, «около Марлинского пруда арки вокруг одного», беседка «у земляного вала», «фестоны», «пальмы», «фестоны с кругами», «панели с тумбами», по Марлинской аллее до Монплеzirской аллеи, на Монплеzirской аллее от каскада до Монплезира). РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 804. Л. 153. Иллюминация 1786 г. устраивалась под руководством архитектора И.Е. Старова. РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 804. Л. 10б.

¹⁶ Использованы данные из книги: *Шеманский А.В., Гейченко С.С.* Указ. соч. С. 93.

¹⁷ Если императрица приезжала из Монплезира, она шла пешком в церковь от ворот Верхнего сада, что у церкви, придворные ждали её у входа в храм, куда входили за ней.

¹⁸ [Бернулли И.] Записки астронома Ивана Бернулли о поездке его в Россию в 1777 г. // РА. 1902. № 1. С. 15; Данная публикация — перевод фрагментов книги

обратил внимание на то, что выход из церкви был «на весёлый балкон, где большинство придворных скорее гуляло, чем присутствовало при обедне»¹⁹. Бернулли зафиксировал, что императрица во время службы находилась в алтаре («за иконостасом»), «то колени преклоненная, то стоя у поставца, а за нею у входа были Великий Князь и Великая Княгиня, вместе у поставца. Дамы держались все с левой стороны церкви отчасти на коленях, отчасти стоя; остальное пространство было занято стоявшими мужчинами, между которыми немного было, кто бы не имел одного или многих Русских или Польских лент, что казалось довольно пёстро»²⁰.

Во время поздравления в церкви, по сигналу производились выстрелы из пушек, располагавшихся с востока от церковного корпуса, и с яхт. В разные годы звучали 41, 51, 61 или 71 выстрел. После службы поздравления от знатных персон приносились во время прохода императрицы и членов её семьи на галерею между церковью и дворцом и в парадных комнатах дворца. Тогда же проходили и представления, и прощания. Бернулли указал, что в 1778 году императрице при выходе из церкви представлялось семейство Ремеров, собиравшееся съездить в Берлин и явившееся проститься. Все четыре дамы «поцеловав ей руку, получили от неё по поцелую в лоб, как это обычно; при этом она проявила необыкновенно-привлекательную любезность»²¹. Гвардейцы поздравляли музыкой — игрой на трубах и барабанным боем перед окнами покоев императрицы и великокняжеской четы.

Парадный обед устраивался в первый период царствования в Малиновой комнате, располагавшейся в восточной части дворца со стороны церкви, в последующие годы — «в зале»²². На нём присутствовали особы первых трёх–пяти классов, члены Синода, фрейлины. Для части гостей накрывался ещё один стол — маршальский, обычно в галерее между церковью и дворцом. За обеденным столом обязательно провозглашался тосты за здоровья императрицы и великого князя, которые сопровождались 51 и 31 выстрелами соответственно. Традицией были итальянская вокальная и инструментальная музыка и пение придворных певчих, звучавшие во время обеда.

Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Polen in den Jahren 1777 und 1778. Band 4. Leipzig, 1780. S. 85–106.

¹⁹ [Бернулли И.] Указ. соч. С. 14.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 15.

²² Имеется в виду, по-видимому, зал, сейчас называющийся Тронным, отделка которого была изменена в 1770-х гг. по проекту архитектора Ю. Фельтена.

Вечером членов императорской семьи поздравляли иностранные дипломаты²³, чуть позже, обычно в 6 или 7 часов во дворце начинался маскарад «для знатных персон, дворянства, знатного российского и иностранного купечества», на котором также присутствовали члены дипломатического корпуса.

Один из участников праздника в Петергофе в 1774 году писал, что это был «маскарад домино, или скорее бал домино», имея в виду плащи, которые должны были быть накинуты на плечи²⁴. Бернулли отметил, что они с его спутником «надели наши домино и вмешались в толпу»²⁵, о присутствующих на маскараде он написал: «Большинство были в домино. Между ряжеными другого сорта не было особенно богатых, ничем особенно заметных. Многие были в костюмах отдалённых наций Российской Империи...»²⁶. Придворные дамы были в робронах²⁷. В 1772 году камер-фурьер зафиксировал, что на маскараде «не бывших в маскарадном платье зрителей находилось много число».

В екатеринское царствование ещё не стало правилом записывать в КФЖ точное число присутствовавших на маскараде, как и имена первого и последнего гостя. Только в 1768 году камер-фурьеры отметили, что на маскараде во дворце было более двух тысяч масок.

Маскарад был одной из форм приёма во дворце — с самым широким социальным представительством. Именно здесь императрица выходила к гостям, представлявшим разные сословия. Бернулли отметил, что во время маскарада императрица надела на себя белое домино, маску и пошла прогуливаться, дав руку графу Ивану Чернышёву, через комнаты, где танцевали. Некоторые из её камердинеров также были в масках, чтобы на случай, когда из нахальства или

²³ Они приезжали в Петергоф к вечерним церемониям и возвращались в столицу после окончания маскарада.

²⁴ *Ржоль Н.* Английский турист в Петербурге // Исторический вестник. 1881. № 12. С. 827. Данная публикация — перевод фрагмента из книги *Wraxall N.W.* A Tour Through Some of the Northern Parts of Europe, Particularly Copenhagen, Stockholm, and Petersburg. In a series of Letters by N. Wraxall, Jun. 3d edition, correct. London, 1776. P. 207.

²⁵ [Бернулли И.] Указ. соч. С. 15.

²⁶ Там же. Возможно, часть гостей были в своих национальных костюмах, как это было принято в первой половине XVIII в. — см. подробнее: *Пащинская И. О.* Участники «маскарадов для дворянства и купечества» и гуляний по иллюминации в Нижнем парке Петергофа (1 пол. XIX в.) // Историко-психологические аспекты праздничной культуры. Материалы XXXVIII Межд. науч. конф-ции. Санкт-Петербург. 14.12.2015. СПб., 2015. С. 89–97.

²⁷ Роброн — дамское платье, круглое (на кринолине), с фижмами.

по неосторожности слишком приближались к закрытой богине, таковых отклонять знаками²⁸. Но большую часть праздничного вечера Екатерина посвящала игре в макао, карточную игру, о которой Бернулли заметил, что это «игра, в которую в Петербурге уже несколько лет теряют и выигрывают огромные суммы. Дают всего три карты, как при берлане, и вы должны не переходить известное число очков. Игра эта проще, чем берлан»²⁹. Путешественник также заметил, что играли с императрицей только кавалеры. Самодержица, играя в карты, оставалась на виду у участников маскарада, не удаляясь в недоступные для них комнаты дворца³⁰.

Во время маскарада накрывался стол для ужина императрицы и небольшого круга приглашённых — в Монплезире, или в какой-то из комнат дворца. Камер-фурьеры отмечали: «бывшие все в маскараде трактваны были ужинами». Бернулли свидетельствует: «Около 10 часов для каждого было подано угощение на длинных столах, и так как не в одно время сходились, то было нетрудно найти себе хорошее место или удобство. Угощение блюдами и винами было прекрасно, и угощение вежливое. При этом чудный мёд, разных сортов пунш, чай, оршад и пр., всего в изобилии, ни в чём не было бережливости, всё соответствовало известному блеску этого двора...»³¹

Столы для участников маскарада накрывали в галереях между дворцом, церковью и корпусом под Гербом и на переходе между дворцом и церковью. Знатные российские особы и иностранные дипломаты, дворяне и купцы рассаживались отдельно.

Ещё до начала ужина зажигались огни в парке, куда спускались участники праздника. Они оказывались внутри праздничного пространства, а не наблюдали, как при фейерверках, эффектное зрелище со стороны. Парк, где подсвечивались прямые аллеи, с павильонами, скульптурой и фонтанами в их завершениях, становился пространством, где зрители оказывались внутри огненной картины «страны блаженства». В движении по парку, как в линиях, так и пешком, постоянно изменялись открывающиеся зрителям виды, и смена их тщательно продумывалась и эффектно использовалась создателями иллюминации, как и эффект отражения огней в струях фонтанов, на водной глади канала и прудов. Это зрительно увеличивало его масштаб, усиливало эмоциональное воздействие зрелища на участников праздников в царской резиденции.

²⁸ [Бернулли И.] Указ. соч. С. 16.

²⁹ Там же. Играли и в макао.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 17.

Натаниэль Уильям Рэксо́ль, первый англичанин, посетивший Россию в ходе Гранд-тура, писал: «Иллюминация в Петергофе превосходила все, которые я до сих пор видывал. В устройстве иллюминаций, как и фейерверков всевозможных родов русские перешеголяли все европейские народы»³². Автор подробно описал увиденное им в парке на празднике 29 июня 1774 года: «Две чудесные огненные арки расширялись перед фасадом дворца; канал, впадающий в Финский залив, был иллюминирован по обеим сторонам, и перспектива его оканчивалась скалой, освещённой с внутренней стороны, что производило необыкновенный эффект»³³. С каждой стороны канала шли длинные крытые иллюминированные аллеи³⁴, а за ними по деревьям были развешаны фестонами разноцветные фонари. Все фонтаны были спущены». Он описывает осветительные приборы под ступами каскадов и «огненные храмы и пирамиды», имея в виду фигуры иллюминации, созданные из транспарентных (прозрачных) живописных полотен³⁵.

Бернулли в 1778 году написал об «отличном освещении сада», которое в эту прекрасную ночь производило чудное впечатление; «помню смену огней и кристальную журчащую воду большого каскада, 4 или 5 яркоосвещённые императорские ялики в открытом озере, в конце канала, идущего от дворца и водопада к морю, колоннады двух зданий и увеселительную рощу по сторонам этого канала, так называемый увеселительный дом Петра Великого в отдалении с левой стороны и пр. Я не мог налюбоваться этой картиною»³⁶. Во время иллюминации в парке звучала роговая музыка, производя «особенное впечатление»³⁷. Необыкновенное звучание этой волшебной музыки усиливало эмоциональный подъём участников торжества. Парк становился сценой для церемоний власти, наполняясь дополнительными эмблематическими символами и смыслами.

Образность Петергофа закладывалась его создателем и развивалась его преемниками³⁸. Источником понимания восприятия эмб-

³² Рэксо́ль Н. Указ. соч. С. 827.

³³ Речь идёт о главном шите иллюминации над каналом.

³⁴ Иллюминационные декорации вдоль аллей.

³⁵ См. подробнее: Пащинская И.О. Осветительные приборы петергофских иллюминаций. XVIII–XIX вв. (в печати).

³⁶ [Бернулли И.] Указ. соч. С. 17.

³⁷ Там же.

³⁸ Эмблематический характер носят фонтаны «Адам» и «Ева», фонтан «Сноп» в Монплезира́ском саду, задумывающиеся Петром Руинный каскад и созданный в годы царствования Анны Иоанновны фонтан «Самсон, разрывающий пасть льва». б этом подробнее см.: Архипов Н.И., Раскин А.Г. Указ. соч.;

лематики петергофского праздника служит для нас стихотворение боевого офицера, сочинителя и поэта-любителя Павла Сергеевича Потёмкина³⁹, в котором автор отражал и, возможно, развивал и формировал новые смыслы.

В том же 1772 году, когда Потёмкин написал и издал своё стихотворение, дежурный камер-фурьер подробно описал иллюминированный Нижний парк⁴⁰. Он зафиксировал: «в конце некоторых проспектов представлены фигурные пирамиды; на верху оных изображено под короною вензелевое ее императорского величества имя, с украшением разных же огней в фонарях». Автор оды сравнивает горящий вензель Екатерины с новым солнцем. Стихотворец пишет о радости, рождаемой ярким светом иллюминации и о том, что огни создают «образ дел» самодержицы: «Вдруг солнце новое пред нами возсияло, / И радости в сердцах сугубы пролияло! / ЕКАТЕРИНЫ величаво и священо имя зрим, / Сияющее к нам лучом щедрот Своим. / О мать величия, Российское светило! / Твое Величество Россиян просветило: / Надежды общие и славы всех предметов / ЕКАТЕРИНА ты даешь нам всюду свет!»

Свет этого «солнца» просвещает подданных: «Когда торжественны огни нам возсияли, / То радость паче тем они в сердцах рождали, / И с восхищением наш всюду взор влекли / Что образ дел Твоих мы видеть в них могли.»

Камер-фурьер так описал главный щит: «А против грота, к концу канала, чрез оный сделана была представляющая гора с руиною; на верху оной стоял обелиск, на котором, по пушечному сигналу, изобразилось под короною вензелевое ее императорского величества имя».

Поэт же пишет о главном щите иллюминации: «Пред храмом, где гора с трофеем представлялась / Нам твердость в ней Твоих законов вображалась: / Венчанна множеством одержанных побед, / Которы славя нас, весь удивляют свет.»

Турчин В.С. Петергоф: символы, эмблематы, эстетика воды // Наше наследие. 2003. № 66; Пащинская И.О. Монплезира́нский сад. Объёмно-пространственная структура. Три века истории // Научные чтения памяти Т.Б. Дубяго. Материалы международной конференции. СПб., 2011; Белоусов А.С. Побеждённые враги в семантике аннинского Петергофа // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. Вып. V. СПб., 2015. С. 257–262; Юмангулов В.Я. Петергофский Самсон. Биография памятника. Альбом. СПб., 2015.

³⁹ Потёмкин П.С. Стихи на иллюминацию представленную в Петергофе сего 1772 июля 8 дня. СПб., 1772. В тот год 29 июля прошёл маскарад, из-за дождя иллюминация не состоялась, маскарад с иллюминацией были устроены 8 июля.

⁴⁰ КФЖ за 1772 г. С. 252–253. В 1772 г. иллюминационное убранство парка создавалось под руководством архитектора Ю.М. Фельтена. РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 775. Л. 12.

Гора является образом твёрдости законов, трофеи символизируют одержанные победы, обелиск традиционно — символ славы. Каскады должны были восприниматься как образы текущих к подданным щедрот правительницы: *«Каскады быстрые, к огням что проникали, / Внимание от всех сугубо привлекали; / Казалось всем они плескаючи рекут / ЕКАТЕРИНА так щедроты к нам текут.»*

Жертвенники ассоциировались с пыланием верных сердец подданных: *«Там жертвенник еще различными огнями / Украшен, общу мысль рождает между нами. / Так точно верные сердца пылают в нас / К Тебе Монархия за милость каждый час.»*

Потёмкин видел петергофский парк страной блаженства: *«Повсюду в мыслях мы сравненья обретали. / Огнями дома где украшены блистали / Являли светлость нам Монархини трудов, / Законов доброту, безстрастие судов, / Цветущие на Ней художества, науки: / И словом наконец огни и музыки звуки / Везде нам новое пременое своей / Являли точный вид блаженства наших дней, / К которму теперь Россия возведена. / Красуйся славою, о ты страна блаженна!»*

Поэт сравнивает огонь иллюминации с современным событием — победой при Чесме, с огнём, истребившим флот неверных в Архипелаге: *«Но огонь торжественный, что зрим мы пред собою, / Сей самый огонь в морях разгневанной рукою, / В Архипелаге флот неверных истребил. / К коликой славы Бог престол Ей поручил!»*

Вечером в день праздника иллюминированный сад превращался в удивительное зрелище света, наполненного смыслами и образами, понятными современникам и прославляющими императрицу.

Как отмечает американский исследователь Р. Уортман, зрелищный характер русской монархии требовал постоянных церемониальных подтверждений, такими подтверждениями и были петергофские праздники с иллюминацией.

В царствование Екатерины Великой было создано убранство парадных залов Большого дворца, восславляющее победы России на море. Екатерина продолжила и развила сформированную во второе десятилетие царствования Елизаветы Петровны традицию празднования в Петергофе дня святых Петра и Павла. При ней сложился праздничный церемониал, который отражал идею прославления монархини и создавал атмосферу сияния власти, а также устойчивая традиция многолюдного всесословного приёма правительницей подданных в празднично освещённом приморском парке. Петергофские иллюминации пришли на смену фейерверочным спектаклям в столице, сохраняя их идеологическую насыщенность и мощное эмоциональное воздействие на зрителей — участников торжеств. Характер, дух, принципы художественного оформления парка много-

численными огнями, церемониал главных петергофских торжеств сохранялся преемниками Екатерины. В первой половине XIX столетия в праздничном парке всегда создавалось «сияние» вокруг вензеля виновницы торжества как образ власти — источника света⁴¹. Иллюминации в петергофских парках екатерининского времени в Петров день служили мощным инструментом идеологических посылов власти, художественными средствами создавая у участников чувство необыкновенной приподнятости и восторга, демонстрировали самому широкому кругу подданных и иностранцев образ могучей державы под властью просвещённой правительницы.

Увековечивание побед России на море и превращение петергофской резиденции в место проведения публичных массовых, всесословных праздников в день святых апостолов Петра и Павла стоят в ряду явлений, подтверждающих идею формулы «Петру Первому — Екатерина Вторая».

---

⁴¹ *Pašinskaja I.* Festliche Illuminationen im Unteren Garten von Peterhof in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Die Gartenkunst.* 2013. 25 Jahrgang. Heft 1. S. 181–204.

Пирогов Виталий Михайлович

(Кронштадт)

*Научный сотрудник Центрального военно-морского музея,
Филиал «Кронштадтская крепость»*

Кронштадт в деяниях двух «Великих» — Петра и Екатерины

Кронштадт — интереснейший город с уникальными памятниками и архитектурными комплексами. Уже с самого начала он был задуман Петром I как военно-морская крепость, военно-морская база и в то же время как крупный торговый порт и город. Об этом говорит размах, с которым началось строительство на острове Котлин — строила вся страна. Из этого Петровского периода сохранились — система гаваней, комплекс губернских домов (в т.ч. Итальянский дворец, дворец А.Д. Меншикова), канал-док Петра Великого, форты «Кроншлот», «Цитадель» и другие. Конечно, изменились детали, но город есть.

После смерти Петра Великого значительный подъём во всех сферах жизни государства приходится на царствование Екатерины Великой как продолжательницы славных деяний Петра Великого. Особенно это заметно в градостроительстве на острове Котлин. Хорошо сохранившиеся до нашего времени интереснейшие комплексы — Адмиралтейство с его магазинами (складами), канатно-прядильным, сухарным и литейным заводами, Обводным каналом, офицерскими и служительскими флигелями — образец военно-казарменной архитектуры XVIII века. Несколько изменилась планировка Кронштадта.

В этой работе, не вдаваясь в подробности военных событий, действий флота в сражениях и походах, различных значимых личностей, хотелось бы показать грандиозность строительства города имен-

но двух «ВЕЛИКИХ ПЕТРА И ЕКАТЕРИНЫ». Их планы и мысли дошли до нашего времени в Кронштадте.

Необычность Кронштадта заключается в слиянии в один комплекс пяти частей, составляющих единое пространство города — объектов фортификации, уникальнейших гидротехнических сооружений, комплексов производственных, служебных и жилых построек, величественных храмов различных конфессий.

Но всё это начиналось от Петра. Сам город Кронштадт находится на небольшом острове Котлин (12 км в длину и 2,5 км в самом широком месте) в Финском заливе, около 30 км по воде до устья Невы. По всем дошедшим до нас источникам, он входил в состав земель Великого Новгорода. Здесь были: пост лоцмана («знаток водной струи») — проводник по водному пути «из варяг в греки» и пограничная застава. Но после Столбовского мирного договора 1617 года и остров, и побережье Финского залива, и берега Невы, и Ладога отошли к Швеции. Почти на сто лет Россия была отрезана не только от выхода в Балтийское море, но и от всего мира.

Прорубая «окно в Европу» в 1700 году, Пётр вступает в Северную войну. Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, но и она же заставляла вести дела, тесно с нею связанные. Это реформы военные и государственные, строительство крепостей, флота и гаваней для него, всевозможных предприятий.

Ранней весной 1703 года войска Петра выходят в устье Невы. После взятия Ниеншанца и Ниена в устье Невы закладывается Санкт-Петербург. Но весной и летом 1703 года Пётр не мог подойти к острову Котлину — в заливе стояли шведские боевые корабли. И вот «Октября в первых числах, когда увидели, что вице-адмирал Шведский Нуммерс от устья Невы пошёл с эскадрою своею для зимования к Выборгу, понеже тогда настали уже морозы и лед показался на реке; и тогда по его отходе Государь с одною яхтою и с галиотом ходил на море для осматривания Котлина острова, и вымеряв фарватер и осмотра, положили там делать в море крепость»¹.

По возвращении из этого похода Пётр убывает в Москву, а затем в Воронеж, «... и тамо будучи сделав модель крепости, которую делать в море у Котлина острова, послал с нею Губернатора Меншикова, (понеже оный при вымеривании того места был), который тойже зимы оную и построил, ...»². За одну зиму 1703–1704 годов

¹ Журнал или Поденная Записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч. 1. СПб., 1770. С. 71.

² Там же. Ч. 1. С. 72.

был построен трёхъярусный десятигранный форт, на котором можно было поставить около 50 орудий разных калибров. Фундаментом форта служили ящики-ряжи, рубленные из брёвен и загруженные камнями. Площадь 1-го яруса — 643,9 кв. м, высота — 4,2 м; площадь 2-го яруса — 473,8 кв. м, высота — 4,48 м; площадь 3-го — 474 кв. м, высота — 2,74 м. Общая высота сооружения с флагштоком — 36,57 м³.

7 (18) мая 1704 года «... изволил Великий Государь ийти, со всеми ближними людьми и с новгородским митрополитом и с прочими властями из С.-Петербурга, водою в судах, на взморье к Котлину острову, в новую крепость, которая построена, против того острова на воде, на самом проходе корабельном, зимою, когда лед был, ... мимо которой невозможно без препятствий ни единому кораблю в устье пройти. И в прибытии Его Великого Государя, тогда наречена она крепость Кроншлот, сиречь коронный замок, и торжество в ней было тридневное»⁴. «Кроншлот» — коронный замок, именно замок на дверях к Петербургу да и всей России. Первому коменданту Кроншлота полковнику Трейдену была вручена написанная лично Петром «Инструкция Кроншлотскому коменданту» (1704 мая 3), из 5 пунктов по использованию артиллерии форта, ритуалу встречи кораблей и мер безопасности. Причём пункт 1 предписывал: «Содержать сию ситадель, з Божию помощью, аще случится, хотя до последнего человека»⁵.

Первоначально оборонительные сооружения острова Котлина состояли из форта «Кроншлот» и ряда земляных батарей, построенных на южном побережье и на западной оконечности. Активные боевые действия начались уже в июле 1704 года. Артиллерийские обстрелы со шведских кораблей форта и попытки высадки десанта на остров для шведов закончились безрезультатно. Поздней осенью 1704 года орудия с батареей на острове были сняты и перевезены на «Кроншлот», корабли ушли в Петербург. Гарнизон оставался только на форте. С начала 1705 года начали поступать сведения о подготовке шведов к походу к Котлину и на Петербург. Оборону острова и строительство Балтийского флота Пётр поручает вице-адмиралу К.И. Крюйсу, одному из главнейших сотрудников Петра I по устройству русского флота. На острове восстанавливаются старые и строятся новые батареи, устанавливаются пушки. Подходят корабли русского флота. В начале июня шведский флот подо-

³ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. Л., 1977. С. 138.

⁴ МИРФ. СПб., 1866. С. 3.

⁵ ПиБ. Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893. С. 55.

дит к Котлину. Всё лето велись боевые действия — артобстрелы, высадки десантов. Понесся значительные потери, шведы вынуждены были отойти, так ничего и не добившись. Эти события очень подробно изложены в «Реляции...» вице-адмирала К.И. Крюйса Петру I⁶.

В ноябре пушки с острова снова были увезены в Петербург, туда же ушёл и флот. Как и последующие зимы, до устройства гаваней, он провёл в Петербурге в Кронверкской протоке. Вооружённым с гарнизоном остался только «Кроншлот».

За 1705—1706 годы на острове были построены постоянные укрепления, которые уже не разоружались на зиму, и казармы⁷. На одном из ранних планов острова в Библиотеке РАН сохранился чертёж (1 м х 0,5 м) карандашом и чернилами (к сожалению он слабо просматривается). На этом чертеже даны расположение и названия батарей, показана протяжённость укрепления на всём острове. То есть, остров был значительно укреплен⁸ (илл. 1).

В 1706 году на острове были освящены две церкви — «Преображения Господня» на укреплении «Александр Шанец», место расположения другой церкви, «Святой Троицы», не установлено⁹.

После победного Полтавского сражения с 1709 года повелением Петра «... указано строить на ..., также и на Котлинском острове гавань, пристани и магазейны»¹⁰.

На другой карте, из той же Библиотеки РАН, нанесён план юго-восточной оконечности Котлина. На нём показаны казённые и жилые дома и участки, выделенные разным лицам по приказам: Генерал-майора Чернышёва, Бригадира Порошина и Светлейшего князя Меншикова, а также самовольно взятых, «без отводу». План выполнен в цвете. В левом верхнем углу плана в линейной раме, исполненной тушью, под названием: «Чертеж Котлина острова, в котором значат нижеписанные места и чье на тех местах строение по нумерам»¹¹ (илл. 2). Все обозначения и цифры плана даются на русском языке, масштаб в саженьях. Указаны магазейные амбары (склады) за № 2, 3 — больницы, № 4 — солдатские казармы, большое количество за № 7 — разных чинов, а также — морские лаборатории, морской

⁶ Журнал или Поденная Записка... Ч. 1. С. 101—108.

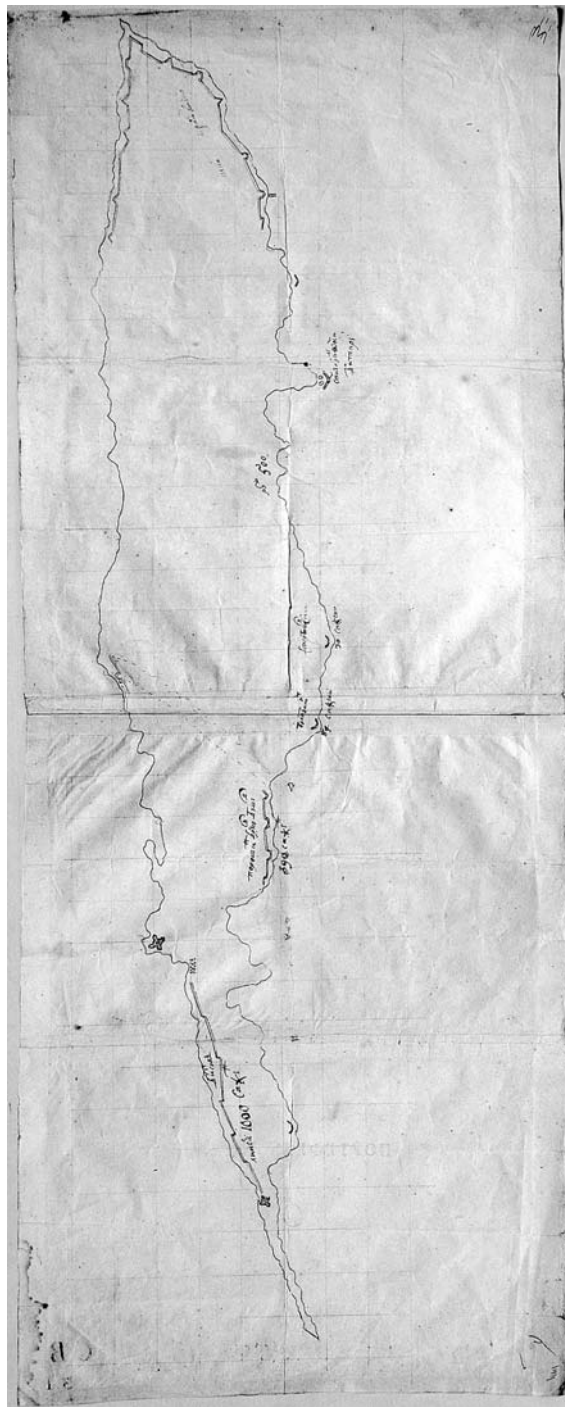
⁷ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Указ. соч. С. 9; ПиБ. Т. 4 (1706). СПб., 1900. С. 472.

⁸ НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Хран. № 749.

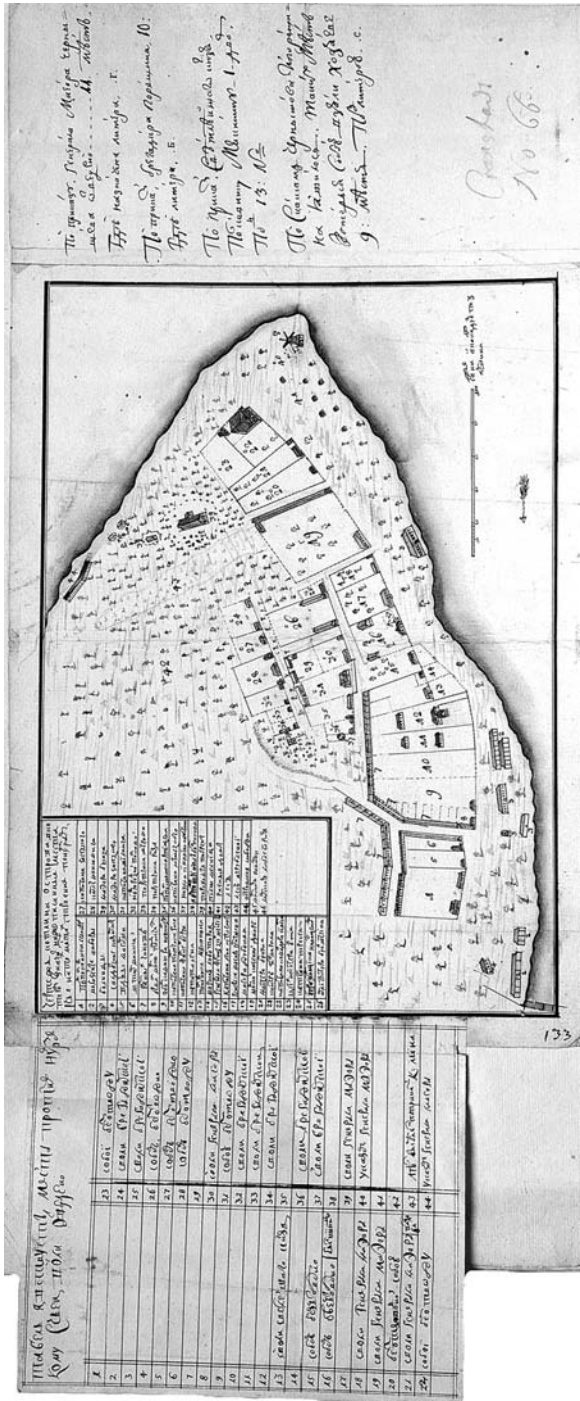
⁹ Исакова Е.В., Шкаровский М.В. Храмы Кронштадта. СПб., 2014. С. 14.

¹⁰ Журнал или Поденная Записка... Ч. 1. С. 252.

¹¹ НИОР БАН. Собрание иностр. рукоп. Fo 266. Т. 3. Л. 10. Чертёж № 133.

Илл. 1. Расположение укреплений на о. Коглин

Илл. 2. «Чертеж Котлина острова, в котором значат нижеписанные места и чье на тех местах строение по нумерам»

казённый двор, пороховые погреба, пильная мельница, лес и лес, вырубленный по приказу Капитана Лейна. Названы фамилии многих владельцев строений на выделенных местах, 34 именных участка. Всё это — преимущественно морские и военные чины. Среди них участки: капитана Э. Лейна, генерал-майора Г.П. Чернышёва, мастера Броуна, капитан-командора Сиверса, цехмейстера Отта, Наума Синявина и др. К плану с правой и левой стороны подклеены листы. На левом из них — «Табель ... кому с чьей воли отведено», на правом — указание общего количества участков с условными обозначениями, отведённых приказами ответственных лиц и самовольно взятых «без отводу».

Этот чертёж-план, пожалуй, является ПЕРВЫМ упоминанием и обозначением крупного поселения на острове Котлин Петровского времени. К сожалению, чёткой датировки этого плана обнаружить не удалось.

В марте 1710 года Пётр I проводит на острове смотр войскам перед походом на Выборг. Шестнадцать полков, около 13 тысяч человек¹².

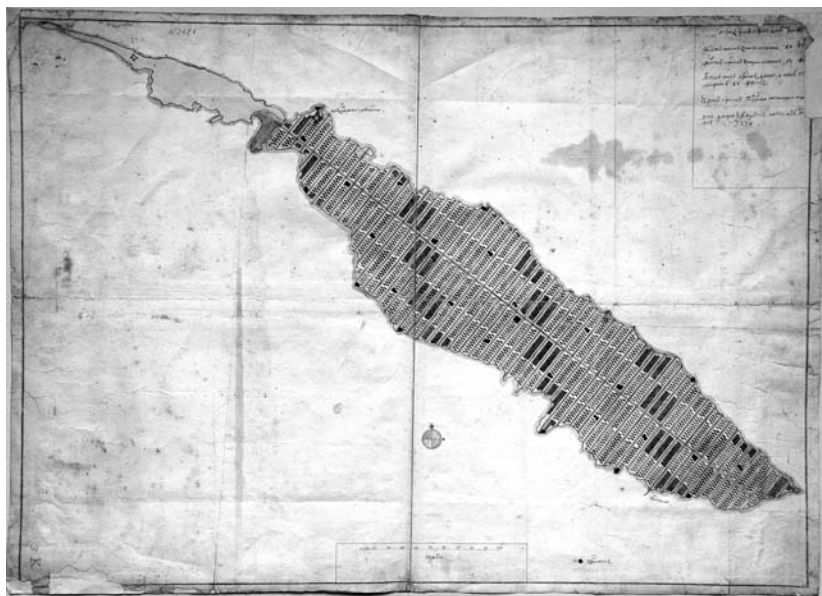
В ноябре 1712 года, в связи с устройством на Котлине Военной гавани, корабельный флот впервые остался на зимнее базирование на нём. На 1715 год на острове было 10 деревянных казарм для нижних чинов и более 80 домов для офицеров¹³.

Другой грандиознейший проект, предусматривающий коренное преобразование всего острова Котлин, с Планом размещения и расположения улиц, площадей, каналов, также можно видеть на чертеже¹⁴ (илл. 3). План дан в цвете. Намечено устройство каналов и улиц определённых размеров, стандартных кварталов и площадей. Разработка проекта велась одновременно с подготовкой мероприятий по заселению будущего города и сбора работников. Указом Петра от 16 января 1712 года предписывалось: «Для строения на Котлине острове фортии и жилья, положить на все губернии ныне 3 000 человек и чтоб Губернаторы здесь держали по 2 человека не переменных надзирателей». В этом же Указе говорилось «Объявить, шляхетским тысячи домам, купетским лучшим пятистам, средним пяти же стам, рукомесленным всяких дел тысячи (из которых половина те которые заводы имеют, яко кожевники и прочие) что им жить на Котлине острове, по скончании сей войны <...> и сей выбор людей надле-

¹² ПиБ. Т. 10 (1710). М., 1956. С. 517, 521.

¹³ *Смуглин Ф.С., Красавкин В.К.* Кронштадтская хроника // Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 54–55.

¹⁴ НИОР БАН. Собрание рукоп. Карт. Хран. № 754.

Илл. 3. План размещения и расположения улиц, площадей, каналов на о. Котлин

жит без поманки выбрать, под потеряннем живота, чести и пожитков, кто недостойных в сей перевод напишет»¹⁵.

Проект создания города на о. Котлин был разработан, но не осуществлён. Основные строительные работы были перенесены в дельту Невы. На самом острове продолжались строительные работы, но уже по новому плану. Сенатским Указом от 8 мая 1714 года даётся распоряжение «О присылке из Губерний на Котлин остров Комиссаров и мастеровых людей, для заготовления материалов на построение домов»¹⁶. С 1714 года все губернии были обязаны вести заготовки строительных материалов и с 1715 года выстроить определённое количество домов от каждой «по долям». Дома предполагалось строить каменные. Построенные дома определялись списком «кому розданы»¹⁷.

Очень интересна ещё одна карта-план большого размера — 1,5 x 2 м. Это план юго-восточной части Котлина. Но на месте рас-

¹⁵ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). № 2467. С. 776–778.

¹⁶ Там же. Т. 5 (1713–1719). № 2808. С. 105.

¹⁷ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. VIII–IX.

положения первого поселения ничего нет, чистое пространство. План исполнен частично контуром, есть изображения в краске. На острове уже показаны губернские дома, жилые кварталы, улицы, церкви, парк, каналы — два параллельных и ТРИ перпендикулярных, док с шестью эллингами, место расположения в гавани дворца Петра. На этом же плане обозначены два островных форта — «Кроншлот» и «Цитадель», показаны западные крепостные укрепления, гавани с сохранившимися до сих пор очертаниями. Скорее всего, это проект 1714 года (чёткой датировки этого плана обнаружить не удалось) или уже план 1724 года¹⁸. По состоянию на 1724 год основная часть этого плана была построена или строилась, и составляет основную часть современного города.

Пётр Великий любил своё детище — Кронштадт, по его повелению город и крепость на острове Котлин с октября 1723 года именно так и стали называться¹⁹ — Коронный, или Державный город. Он много раз бывал на острове. Царь лично принимал важнейшие решения по кронштадтским проектам. Вникал и в детали, и в ход работ на острове. Недалеко от южного берега острова в гавани, на месте нынешней Зимней пристани, на сваях был построен трёхэтажный дворец Петра²⁰. Первый и второй — кирпичные, третий — деревянный. Крыша голландской черепицы, мелкая расстекловка окон. После пожара 1788 года не восстанавливался. На месте современного Летнего сада стоял маленький деревянный домик Петра. В 1888 году он был разобран из-за ветхости. В Итальянском дворце предусматривались покои для размещения императора, но нет никаких сведений о том, что он ими пользовался.

В истории Кронштадта второй период значительного подъёма строительства приходится на период правления Екатерины II.

С 1762 года начинается 34-летнее царствование Екатерины Великой. Большие строительные работы начались в связи с пожаром 13 мая 1783 года в Петербургском Адмиралтействе. Императрица Екатерина II, напуганная и встревоженная близостью Адмиралтейства к Зимнему дворцу и центру города, издаёт Именной Указ от 28 мая 1783 года Адмиралтейской Коллегии «О переводе Адмиралтейства из Столицы в Кронштадт». В нём определяется порядок перевода Интендантской, Артиллерийской, Комиссариатской и прочими Департаментами, «стараясь переводить оныя, как скоро для них

¹⁸ НИОР БАН. Основная опись. С. 114–115. Собрание иностр. рукоп. Fo 266. Т. 3. черт. № 134.

¹⁹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 55.

²⁰ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Указ. соч. С. 18.

строение поспеть может <...> Дабы прядильный двор немедленно в Кронштадт выведен был мог, выбрать место и поспешить сочинением ему плана со сметою»²¹. 17 июня 1783 года комиссия членов Адмиралтейств-коллегии в составе адмирала А.Н. Сенявина, вице-адмирала И.А. Борисова, главного командира кронштадтского порта адмирала С.К. Грейга осмотрела остров и определила местом размещения адмиралтейских зданий территорию вокруг дока Петра Великого. Очевидно, комиссии был известен план 1761 года главного архитектора Адмиралтейств-коллегии С.И. Чевакинского²². 28 января 1785 года Екатериной Великой был издан Именной Указ адмиралу С.К. Грейгу «О построении в городе Кронштадте Адмиралтейства, магазинов, Кадетского корпуса и госпиталей; О вычищении и углублении военной, средней и купеческой гаваней; <...> и о назначении места <...> для строения обывательских домов». В этом же Указе говорилось: «повелеваем приступить тотчас к означенному строительству, производя оное под главным ведением вашим»²³.

Этот план отличался весьма выгодными архитектурными достоинствами, сыграл решающую роль в дальнейшем развитии города. Скорее всего, непосредственным исполнителем проекта был архитектор М.Н. Ветошников, командированный в мае 1784 года в Комиссию адмиралтейского строительства для составления детальных проектов и ведения строительства в Кронштадте²⁴. Согласно этому плану, территория вокруг дока Петра Великого обведена каналом (Обводный канал) общей протяжённостью 3 км 780 м, ширина канала 18,5 м, глубина около 4 метров. Канал выполнял три основные задачи: защита от пожара; водная дорога (для доставки грузов к складам, предприятиям и от них на корабли); охранная (защита от злоумышленников). Берега облицованы гранитом, по внешней стороне металлическая ограда с фонарями. Вдоль ограды ходили часовые.

По внутренней стороне канала удобно и рационально расположился интереснейший комплекс образцов утилитарных зданий екатерининской эпохи.

На южном берегу острова оставалась уже сложившаяся застройка — Итальянский дворец, дом Меншикова, губернские дома, доковое адмиралтейство, гавани и причалы порта. Севернее, вдоль Обводного канала, располагался комплекс офицерских и служеб-

²¹ ПСЗ. Т. 21 (1781–1783). № 15744. С. 931–932.

²² Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Указ. соч. С. 36.

²³ ПСЗ. Т. 22 (1784–1785). № 16138. С. 292–293.

²⁴ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Город, крепость, порт. СПб., 2014. С. 23.

ских флигелей — морские казармы и казённые здания. Ближе к оборонительной стене и вдоль её выделялись места для застройки нижними чинами.

В восточной части острова должны были строиться всевозможные служебные здания, и выделялись участки для частной застройки морским офицерам. Западная часть плана предназначалась для размещения биржи и других построек для обслуживания торгового порта, гостиного двора, обывательских строений. Северо-западный угол плана отводился для застройки «сухопутных служителей».

Значение строительства Адмиралтейства для формирования города трудно переоценить. Части города были распланированы на правильные прямоугольники кварталов, идущих параллельно сторонам Адмиралтейства. Так была продолжена традиционная планировка Кронштадта — регулярная, строго прямоугольная. И в дальнейшем её общий принцип сохранился.

К сожалению, проект полностью осуществлён не был. Наиболее интенсивно строительство велось в 1785—1796 годах.

Пришедшая к власти Екатерина II основное внимание своих политических интересов перенесла на юг страны. Однако она постоянно интересовалась и контролировала состояние Кронштадта, считая его важным звеном в общей системе обороны страны. Именно при ней было окончательно завершено строительство дока Петра Великого, для его осушения была поставлена одна из самых первых больших паровых машин. При Екатерине II был решён вопрос о реконструкции гаваней. Строительство комплекса Адмиралтейства с его Обводным каналом, флотскими магазинами (складами) на нём, канатно-прядельным заводом (долгое время считавшимся одним из лучших не только в России, но и в мире) со смольней и пеньковым сараем, литейным и сухарным заводами, лесным сараем различными мастерскими, служительскими и офицерскими флигелями — всё это продолжение и завершение начинаний Петра Великого на ярком примере Кронштадта.

Протоиерей Александр Берташ
(Санкт-Петербург — Германия)

*Настоятель храма св. Царственных Страстотерпцев в г. Бремене,
научный сотрудник энциклопедического отдела СПбГУ*

От Петровского наследия — к Екатерининскому царствованию: Благовещенская церковь на Васильевском острове и храмостроительство её времени

Благовещенская церковь (совр. адрес: 8-я линия, 67, 71; 7-я линия, 68) — один из старейших и наиболее своеобразных по своей архитектуре храмов Санкт-Петербурга, важная градостроительная доминанта в панораме Васильевского острова, она имела наибольшее из столичных храмов число престолов — семь.

Васильевский остров, предназначавшийся с 1716 года к тому, чтобы стать центром Петербурга в качестве удобного для создания порта, оборонных сооружений и эстетически привлекательного места, как известно, первоначально заселялся наиболее состоятельным населением — дворянством, купечеством, разночинцами, которые «противопоставлялись в какой-то степени населению других частей города»¹. Первоначально застройка велась преимущественно в районе набережной Большой Невы и в районе Стрелки². Освоение

---

¹ Бунин М.С. Стрелка Васильевского острова. М.; Л., 1957. С. 23, 59. См. также: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 36; Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Дома и люди Васильевского острова. М., 2007.

² Бунин М.С. Указ. соч. С. 25–50; Столянский П.Н. Петербург. СПб., 1995. С. 119 (с изд.: Пг., 1918).

Благовещенская церковь.
Вид с запада.
Современная фотография

несколько отдалённой от них будущей церковной территории, строительство деревянного, а затем каменного храма, происходило в переходный период от петровской эпохи к екатерининскому царствованию. Её сооружение было задумано прихожанами, в число которых входили ряд известных деятелей петровского времени, и завершилось вскоре после воцарения Екатерины. Но пере-

стройки здания, вследствие которых оно приобрело свой нынешний облик, велись на протяжении почти всего её правления.

Связь петровского и екатерининского царствований проявилась даже в личностях прихожан. Среди ходатаев о постройке каменного храма в 1749 году были генерал-майор и кавалер А.П. Ганнибал, профессор Императорской Академии наук, поэт В.К. Третьяковский (прихожанин в период не позднее 1741 — не ранее 1749 годов). В 1753 году в приходе упомянут М.В. Ломоносов. Преобладали чиновники и военные: генерал-майор П.М. Шипилев, генерал-лейтенант М.С. Вахрушев, бригадир И. Маслов, офицер-пехотинец А. Шишков, кн. М.И. Щетинин, обер-секретарь Сената П. Севергин, секретари Сената А. Фёдоров и Е. Тишин, секретари военной коллегии С. Тарасов и Д. Муранов, секретарь генерал-берг-директора М. Борисов, секретарь ревизионной коллегии А. Иванов и канцелярист И.Г. Постников, экзекутор Синода С. Тарасов, канцелярист камор-конторы С. Зубков, гравёр Г.Ф. Сребреницкий³. Приход храма в 1762 году составляли 263 лица мужского пола и 398 женского.

³ Он венчался в храме 19 февраля 1772 г. с лютеранкой Дарьей Юрьевой (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8337; Оп. 111. Д. 74. Л. 49).

Благовещенская церковь.
Вид с юго-востока.
Современная фотография

Символом связи времён стали погребения на Благовещенском погосте, основанном в 1738 году на месте «сухом и высоком» по доношению комиссии о Санкт-Петербургских строениях: сподвижника Петра — механика и изобретателя А.К. Нартова, сына петровского солдата-преображенца — географа С.П. Крашенинникова, создателя художественной летописи раннего Санкт-Петербурга М.И. Махаева, прихожанина церкви с начала 1750-х годов. Эпитафия на надгробии Нартова гласила: «Здесь положено тело статского советника Андрея Константиновича Нартова, служившего с честью и славою Государю Петру I, Екатерине I, Петру II, Анне Иоанновне, Елисавете Петровне, оказавшего отечеству многие и важные услуги по различным государственным делам, родившегося в Москве 1680 года марта 28 дня, скончавшегося в Петербурге 1756 года апреля 6 дня». Здесь были погребены также известный литератор и издатель екатерининского времени Фед. А. Эмин (1735–1770), генерал — «рекетмейстер» Н. Гр. Гурьев (1723–1770), ктитор Ив. Ир. Чиркин, предположительно, А.Ф. Кокоринов. В 1747 году «с умножением народонаселения в приходе» кладбище было расширено, но, вероятно, уже в екатерининское время, к 1770-м годам, захоронения прекратились⁴.

Строительная история церкви была достаточно сложной. Вскоре после прокладки в 1730-е годы Малой перспективы на ней был выделен участок под строительство храма. Считалось, что первые прошения о постройке относятся к 1738 году. Однако обнаружен-

Строительная история церкви была достаточно сложной. Вскоре после прокладки в 1730-е годы Малой перспективы на ней был выделен участок под строительство храма. Считалось, что первые прошения о постройке относятся к 1738 году. Однако обнаружен-

⁴ См.: Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. I–IV. СПб., 1912–1913; Исторические кладбища Санкт-Петербурга / Сост., ред. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. М., 2011.

ный Галиной Таболиной документ — ходатайство прихожан, свидетельствует, что церковь «назначена к построению» «по прежним апробованным Блаженныя и вечно достойныя памяти об Их Императорских величествах Государя Императора Петра Первого и Государыни императрицы Екатерины Алексеевны Васильевскому острову планам, подписанным собственными их императорских Величеств руками»⁵. Не исключено, что это апокриф: в петровское время территория храма не была освоена. Но показательно само обращение строителей к авторитету Петра. Инициатором и руководителем строительства как деревянной, так и впоследствии каменной Благовещенской церкви был ктитор, Санкт-Петербургский купец, прибывший в город в петровское время, Иродион Стефанович Чиркин⁶ и его сын, Иван Иродионович.

Согласно выписке из дела Санкт-Петербургского духовного правления, 10 декабря 1740 года по императорскому указу и «по определению Святейшего Правительствующего Синода и по доношению из комиссии о санктпетербурхских строениях с объявлением кабинета Его Императорского Величества резолюции о построении на Васильевском острове за Малою першпективою между 7 и 8 линиями вновь святыя церковей ... на первое время деревянныя, а со временем впредь и каменныя, чего для и под кладбище мертвых человеческих телес и под дворы священникам с причетниками определены. К тому всему сообщен план по которому и строить под присмотром архитектора Осипа Трезина позволено. Велено на оном месте по тому опробованному плану ныне прежде деревянную, а потом и

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 248. Оп. 110. Д. 58. 1740 г. Л. 104. В 1773 г. вышел указ о «строжайшем запрещении священнослужителям производить захоронения при приходских церквях» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8626).

⁶ Род Чиркиных происходил из г. Серпухова, откуда в 1713 г. прибыл в столицу Иродион Стефанович (Степанович) Чиркин (5 апреля 1680 — 27 марта 1754). Как И.С. Чиркин, строитель храма, так и его сын Иван (1710—?), устроивший первую богадельню при церкви, были директорами питейных сборов и владели на Васильевском острове участком земли от 1-й до 6-й л. и от Малого пр. к Малой Неве и Чёрной речке, где у них размещались пивоваренные и солодовенные заводы. Кроме того, купцы владели домами на Б. Морской, М. Подъяческой и др. (*Делицын Н., прот.* Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, что на Васильевском острове // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. шестый. СПб., 1876. С. 118). Известен портрет И.С. Чиркина, гравированный в 1770 г. Г.Ф. Сребреницким с живописного оригинала знаменитого А.П. Антропова, исполненного около 1752 г. Купцы Чиркины пользовались покровительством императрицы Елизаветы Петровны за «приращение питейных сборов». В 1755 г. она пожаловала И.И. Чиркину великолепный серебряный ковш в стиле рококо (ныне в ГЭ) (*Сахарова И.М.* Алексей Антропов. М., 1974. С. 22–23, 138. Воспроизведение портрета: с. 22).

каменную святых церкви строить позволить, и которая, когда построится, убрать святыми иконами и прочим церковным благолепием, как святые правила и церковные уставы повелевают, и к тому что принадлежит на освящение, все изготовят, ктиторм о освящении... церкви требовать указов и освященных антиминов особливыми доношениями с объявлением желанья своего и о наименовании тех храмов, о чем тогда решение учинено будет и указы со антиминов отправятся... Из санктпетербургского духовного правления к построению оных церкви и ктиторм того декабря 14 дня 1740 года указ дан»⁷.

С уверенностью атрибутировать Благовещенскую церковь как произведение того или иного архитектора не представляется возможным. Сомнительным представляется предположение П.Н. Петрова об авторстве Ф. Растрелли или «одного из лучших его учеников, например, С.И. Чевакинского»; или участие в постройке зодчих школы Ухтомского — нет ни документальных подтверждений, ни стилистической общности⁸.

Упоминание о «едином опробованном» плане «деревянной, а впредь каменной» церковей, утверждённом 10 декабря 1740 года императорским указом, «по которому и строить под присмотром архитектора Осипа Трезина позволено» (получен ктиторм 14 декабря 1740 года), позволяет предположить, что проект обустройства всего церковного участка с кладбищем, дворами священнослужителей и не только деревянной, но и каменной церковью, принадлежал Карло Джузеппе Трезини⁹.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 352. Л. 7; Оп. 23. Д. 291. Л. 7. См. также: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXI (1741 г.). СПб., 1913. С. 235.

⁸ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884. С. 530–531. См. также: ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9277. Л. 464 об.: на 1926 г. церковь числится под охраной как памятник школы Растрелли. В архитектурно-реставрационном задании 1951 г. встречаемся с утверждением о том, что «по некоторым данным, авторство приписывается ученикам известного московского архитектора Ухтомского» (Научный архив КГИОП. Пам. 19, переписка. Ч. 2в. Л. 61). Относительно «некоторых данных» не указано, откуда они взяты, во всяком случае, в монографии А.И. Михайлова «Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа» (М., 1954), такой информации нет, тем более что гезель и 6 учеников школы Ухтомского прибыли в столицу только в феврале 1752 г. (Там же. С. 265).

⁹ Карло Джузеппе (Иосиф, Осип Петрович) Трезини (ок. 1700–1768), уроженец Швейцарии, не позже 1722 г. в Петербурге, племянник Доминико Трезини, первоначально его помощник, каменных дел мастер, более 20 лет руководил возведением многочисленных построек, архитектор коллегии иностранных дел,

Джузеппе Трезини после казни П.М. Еропкина хотел покинуть Комиссию о Санкт-Петербургском строении. «Сего октября 21 дня 1740 в поданном доношении Осип Трезин написал, что августа 3 дня 1737 года по Указу Его Императорского Величества Анны велено ему быть причинении плана в помянутой Комиссии, при которой с того времени и делал он чертежи и планы всяким строениям». Об освобождении Трезини от присутствия в Комиссии ходатайствовала и Государственная коммерц-коллегия, поскольку у «Осипа Трезина в коммерц-коллегии много архитектурных дел». В Комиссии о строении было решено, что за Трезини всё же останется присмотр за строениями на Васильевском острове, «где он и сам жительство имеет». Таким образом, участие Дж. Трезини в строительстве Благовещенской церкви было продиктовано и решением Комиссии, и интересами Коммерц-коллегии, поскольку большинство «Васильевского острову обывателей», подписавших прошение о строительстве церкви являлись купцами, и первым подписался вице-президент коллегии Аленин¹⁰. Доныне сохранился (в надстроенном виде) дом Дж. Трезини (№ 42 по 3-й линии В.О.).

17 марта 1741 года состоялось торжество закладки храма, который по желанию ктитора и с благословения Синода, бывший Киевский архиепископ Варлаам (Вонатович) наименовал во имя Благовещения¹¹.

В мае 1741 года в Синод было отправлено ходатайство василеостровских жителей об окончании постройки и хиротонии иподиако-

---

с 1734 по 1755 г. работал в Коммерц-коллегии. Учитель в 1741–1743 гг. А.Ф. Виста, строителя другого наиболее значительного церковного сооружения на В.О. — Андреевского собора (см.: Антонов В.В. Александр Вист — забытый зодчий Петербурга // Невский архив. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 193). С 1743 г. — помощник архитектора при строительстве Царскосельского дворца, с 1745 г. вновь работал на Васильевском острове (Кадетский корпус) (см.: Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. Л., 1988. С. 181–185). В отставке с 1756 г. По вряд ли справедливому замечанию Штелина, «не умел ни писать, ни считать, ни ещё меньше рисовать», граф М.И. Воронцов не находил его способным «для произведения хороших строений», камергер Шувалов — «полным невеждой» (Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Комм. К.В. Малиновского. М., 1990. С. 229, 231). По мнению И.Э. Грабаря, «он был скорее предпринимателем-подрядчиком, чем архитектором, и ни в одной из крупных построек того времени его имя не встречается в качестве руководителя работ», что неверно (*Грабарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 163; с изд.: История русского искусства. М., б/г. Т. 3).

¹⁰ См.: Берташ А.В. Благовещенская церковь на Васильевском острове. СПб., 2000 // Научный архив КГИОП. Пам. 19.

¹¹ См.: Делицын Н., *прот.* Указ. соч. С. 97–120; Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. СПб., 1908 [вып. 3]. С. 35–40; Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 75–76.

на Петропавловского собора Стефана Иванова Лебединского (1711 — после 1756). 10 августа 1741 года он был рукоположен к Благовещенской церкви. В том же году был освящён придел деревянной церкви во имя Московских чудотворцев: святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, главный престол — 28 марта 1742 года бывшим Вологодским епископом Павлом (Васильевым). Можно предположить, что семантика посвящений приделов храма отражает смену царствований и их идеологию: вполне могут быть взаимосвязаны почитание московских святителей в Санкт-Петербурге и предписанная Елизаветой Петровной ориентация в храмостроительстве на Успенский собор Московского Кремля. 30 марта 1742 года из Ямбурга к Благовещенской церкви также по просьбе прихожан был переведён московский уроженец протопоп Димитрий Димитриев Стрельников, служивший по 1762 год. Вероятно, в 1745 году было окончено строительство колокольни.

На «плане Махаева» (1753)¹² можно видеть единственный выявленный вид одноглавой клетского типа деревянной Благовещенской церкви. Она представляла собой трёхчастное сооружение, включающее основной объём храма, увенчанный луковичным пятиглавием, с тремя ярусами окон и двумя — в алтарной апсиде, невысокой трапезной и 4-х ярусной колокольней, значительно превышающей по высоте основной объём. Насколько можно судить по не очень отчётливому изображению, облик колокольни напоминает деревянные ярусные церкви XVIII века (Петровский собор в Петрозаводске, колокольня Валаамского монастыря, деревянная колокольня с шатровым верхом при освящённой в 1760 году Трёхсвятительской церкви в 6-й линии). 40 и 50-пудовые колокола были отлиты в Санкт-Петербурге в 1745 году, 10-пудовый — в Стокгольме в 1746 году.

В 1749 году прихожане ходатайствовали о разрешении «вместо одной деревянной построить каменную церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с приделами московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, да святого великомученика Георгия и святого священномученика Харлампия по приложенному при сем плану». Согласно указу императрицы Елизаветы Петровны от 6 июня 1749 года, было «велено: вместо оныя Благовещения церкви деревянная вновь каменную церковь во оное именование с приделами московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и Фи-

---

¹² План столичного города Санктпетербурга с изображением знатнейших онаго проспектов, изданный трудами Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге. 1753 г. Гравюра. Оригинал в РГА ВМФ.

План участка Благовещенской церкви 1835 года. ЦГИА СПб

липпа, да святого великомученика Георгия и святого священномученика Харлампия по приложенному при том плану на пристойном месте по назначению полицмейстеровой канцелярии пятиглавную строить позволить»¹³. Показательна забота царицы о возведении именно пятиглавого храма¹⁴.

Чиркины начали постройку каменной церкви в два этажа («апартамента») с пятью престоломи, чин закладки состоялся 24 мая 1750 года. Но велось ли строительство по проекту Трезини или иному, сведений нет. Первым, 15 сентября 1762 года, был освящён южный придел нижнего храма во имя святых мучеников и бессребренников Кира и Иоанна (в день памяти этих святых, 28 июня 1762 года, Екатерина II пришла к власти). Чин совершил святитель Тихон Задонский, в 1761–1763 годах — викарный епископ Кексгольмский и Ладожский. 2 марта 1763 года там же протоиереем Петропавловского собора Петром Симеоновым был освящён северный придел в честь Покрова Пресвятой Богородицы¹⁵, 7 сентября 1763 года —

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3343.

¹⁴ См. подробнее: Федотова Т.П. К проблеме пятиглавия в архитектуре барокко первой половины XVIII в. // Русское искусство барокко. М., 1977. С. 70–87.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5321. Разрешено 22 января 1763 г.

главный алтарь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. 15 августа 1763 был освящён ктиторский придел Чиркиных в честь Зачатия св. Предтечи, пророка и крестителя Господня Иоанна на хорах верхней церкви¹⁶.

К 1763 году деревянная церковь была разобрана. В 1767 году были освящены два придела в трапезной нижнего храма — северный во имя Московских святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (4 мая) и южный — святителя Николая Чудотворца (20 июня), 13 сентября 1772 года — главный придел холодного верхнего храма во имя Обновления храма Воскресения Христова.

Колокольня, самая высокая на Васильевском острове, была окончена в 1780-е годы. В самом начале XIX века — вскоре после 1802 года, к ней была пристроена паперть, помещения, где разместились две широкие лестницы; она приобрела элементы классицистического декора. В 1789–1796 годах производились работы по расширению храма: надстройка боковых приделов до уровня 2-го этажа с устройством в нём редко встречающейся обходной наружной галереи. В 1796 году главный придел верхнего храма был переосвящён в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Приделы в трапезной были упразднены, а придел во имя святых Кира и Иоанна переименован во имя святителя Николая: Екатерина II умерла, и нужда в ктиторском посвящении отпала. Взамен усердием надворного советника Г.И. Шарапова были устроены два придела в верхнем храме по обеим сторонам главного престола — южный во имя св. пророка Илии, северный — в честь Покрова Пресвятой Богородицы (окончены и освящены в 1806). Покровский придел в нижней церкви был переименован в честь Сретения Господня.

Главные реликвии храма относились к тому же периоду — от петровского до екатерининского времени: крест с 18 частицами св. мощей и другими святынями; крест на иконе Благовещения с шестью частицами св. мощей, точные копии особо чтимых святынь Новгорода — икона «Знамение» (1706) и Киево-Печерской лавры — икона Успения (1762). К первой половине XVIII века относились образа Вседержителя и Казанской Божией Матери в нижней церкви, в иконостасе южного придела — иконы Спаса Нерукотворного и святителя Николая; к Елизаветинской эпохе — Евангелие 1748 года в серебряном чеканном с бусами окладе (изъято в ГЭ в 1924 году), дарохранильница с финифтяными образками на престоле верхней

¹⁶ Там же. Д. 5797. Указ императрицы об освящении «изготовленного придела» датирован 29 сентября 1764 г. Ктиторство Чиркиных сохранялось до первой половины XIX в. В 1811 г. Александр Иванович Чиркин, титулярный советник, прикупил ещё участок к своим землям на В.О.

церкви, иконы Трёх Святителей в главном иконостасе нижнего храма и Тихвинской Божией Матери в иконостасе южного придела, потир с литургическим прибором 1741 года (экспонировались на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» в 1912 году, украдены в 1923); к Екатерининской эпохе — потир и дискос с черневыми образами и рокайльным орнаментом (1766 год, изъято в ГЭ в 1924), потир с финифтяными образами, напрестольный крест 1793 года с перламутровым Распятием, оклады на трёх иконах деисуса; к концу XVIII века — икона святых Зосимы и Савватия; к рубежу XVIII—XIX веков — образа Покрова в иконостасе северного придела верхней церкви (1790 ?) и святых Архидиакона Стефана, Иоанна Дамаскина и двух святых жён¹⁷.

28 марта 1936 года церковь была «ликвидирована» с полной утратой внутреннего убранства, кроме иконостаса Зачатиевского придела, в 1992—1994 годах поэтапно возвращена приходу¹⁸. В 1998 году освящён главный Крестовоздвиженский придел верхнего храма.

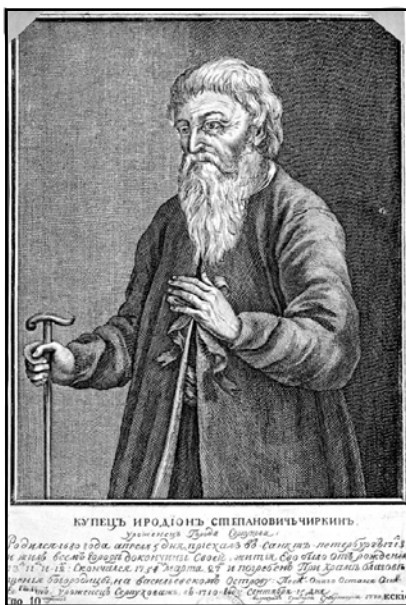
Архитектура Благовещенской церкви запечатлела собой эволюцию русского храмостроительства XVIII века от Петра до Екатерины. Она представляет собой необычный и единственный пример художественно выразительного, но архаичного провинциального храма в новой столице. Это относится не только к существующему каменному храму, но и предшествующей ему деревянной клетской постройке. Такого рода характер здания и отличие его архитектуры от других построек Дж. Трезини (прежде всего, Трёхсвятительской церкви) позволяет предполагать, что план каменной церкви, принадлежащий этому зодчему, не был реализован.

В архитектуре храма сочетаются черты допетровского и консервативного русского провинциального церковного строительства XVIII — начала XIX века, которые воспринимаются в первую очередь (трёхчастная композиция, завершение — луковичное пятиглавие, первоначально окружавшие основной объём храма одноэтажные приделы, наподобие галерей — гульбищ) со стилем церковных построек раннего петербургского барокко (отделка фасадов, тяготение общей композиции к типу базилики), а также классицистические мотивы (отделка западной части здания). В архитектуре колокольни сочетаются классицистическая отделка и барочное заверше-

¹⁷ См.: ГЭ. Архив. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1050; *Делицын Н., прот.* Указ. соч. С. 97—120; Путеводитель по ... выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912; *Берташ А.В.* Указ. соч.; М.В. Ломоносов и Елизаветинское время: Каталог выставки. СПб., 2011.

¹⁸ Подробнее см.: Храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове. 250 лет. СПб., 2012.

Г. Сребреницкий.
Портрет Иродиона Чиркина

ние. Велико градостроительное значение храма в панораме Васильевского острова, особенно с Петроградской стороны — своим завершением он вносит нетрадиционный для города и тем особенно интересный «русский акцент». Елизаветинское барокко, в период расцвета которого возводился храм, не нашло отражение в его внешних формах — кроме древнерусского луковичного пятиглавия (завершение церкви Успения на Покровке — прототип пятиглавия Петропавловской церкви Большого Петергофского дворца, спроектированной Ф. Растрелли). Но именно к этому стилю можно отнести два великолепных иконостаса, сохранившихся до закрытия храма — Крестовоздвиженского и Зачатиевского приделов (последний в большей своей части сохранился в Свято-Троицкой церкви бывшего села Александровского).

Архитектура храма находится в стороне от магистрального пути столичного храмостроительства, представленного в те же годы блестящими памятниками столичного барокко, а несколько раньше, в 1730-е годы — такими храмами, как Симеоновская и Пантелеимоновская церкви, в архитектуре которых уже намечен отход от базиликальной схемы петровских храмов и рецепция традиционных форм. Но если сравнить Благовещенскую церковь, например, с одновременно сооружёнными в столичном регионе бесстолпными пятиглавыми церквями во имя свв. Климента Римского и Петра Александрийского (1743) и Спаса Нерукотворного Образа (1758) в Новой Ладоге¹⁹ с их брутальным аскетизмом отделки, то очевидно, что характеристика её архитектуры нуждается в уточнении.

¹⁹ Берташ А., диакон, Векслер А.Ф. Новая Ладога. СПб., 2004. С. 72–74.

Вошажниково-Троицкая церковь. 1796.
Вид с северо-востока. Современная фотография

Храм считался единственным образцом зодчества московского барокко в Санкт-Петербурге²⁰. Однако в самой Москве нет и не было даже близких по архитектуре храмов, в Подмоскovie видим

²⁰ Данное мнение, однако, неоднократно тиражировалось. В акте от 20 декабря 1943 г. об ущербе, причинённом зданию захватчиками, появляется стилистическая характеристика сооружения как «единственной из старых церквей города, представляющей типичный образец московских барочных церквей» (архитекторы В.Ф. Твелькемейер, Е.Н. Рахманина) (Научный архив КГИОП. Пам. 19, переписка. Ч. 26. Л. 38–41). В паспорте 1940-х гг., составленном Земцовым, содержалась следующая оценка здания: «Класс, вернее, классовая прослойка, каким было купечество, имевшее много раскольничьих тенденций, туго подчинялся новым западным влияниям, придерживается старых канонов в строительстве. Этим и объясняется архаизм в стиле постройки, подражающей московским барочным зданиям XVII в.» (Там же. Ч. 26. Л. 20б.). В архитектурно-реставрационном задании 1951 г. храм именуется пятиглавым собором по образцу московских церквей: «Здание Благовещенской церкви является ценнейшим памятником архитектуры московских барочных церквей XVII в. и единственным в этом роде памятником в Петербурге» (Там же. Ч. 2в. Л. 61). «Своим внешним видом похожа на московские храмы в стиле барокко», — указывал В.В. Антонов (*Антонов В.В., Кобак А.В.* Указ. соч. С. 75). В «Памятниках архитектуры Ленинграда» (Л., 1975. С. 298) внешний облик здания рассматривается как «пример творческого использования композиционных приёмов древнерусского зодчества в архитектуре Петербурга XVIII в.», но одновременно указано на то, что проект разработан «в традициях московского зодчества XVII века».

немногочисленные и достаточно отдалённые аналоги²¹. Ближайшим аналогом Благовещенского храма является Троицкая церковь в Вошажниково, ярославской вотчине Шереметевых²².

Село Вошажниково (ныне — Борисоглебский район Ярославской области) — любимая вотчина фельдмаршала Б.П. Шереметьева (1652—1719), было пожаловано ему с деревнями в 1706 году Петром I. Род Шереметевых владел Вошажниковым вплоть до 1917 года. Расцвет села относится к концу XVIII века, когда им владели сын и внук Б.П. Шереметева. На рубеже XVIII—XIX веков в шереметевских владениях было построено пятнадцать каменных храмов. «Документы подтверждают явную заинтересованность Шереметевых в церковном строительстве. Их деятельное участие отражено в разрешениях строить церкви, вложении средств, надзоре за строительством, пожеланиях о наименовании престолов, хлопотах об освящении. При П.Б. Шереметеве строятся исключительно двухэтажные церкви, здания второго типа возводятся при Н.П. Шереметеве. Этот факт говорит о вероятности целенаправленного заказа владельцев и их определяющей роли в преобладании конкретных архитектурных типов церковных зданий»²³.

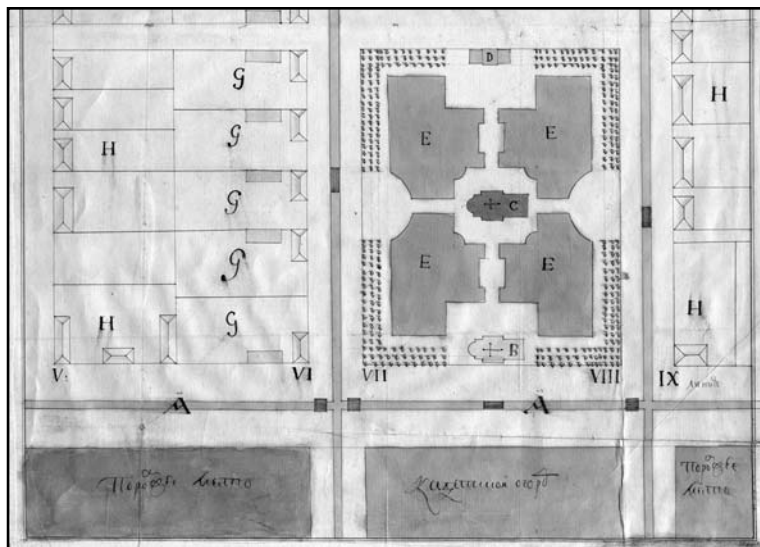
В Вошажниково тогда был перестроен старый храм Рождества Пресвятой Богородицы и построена новая пятиглавая церковь во имя Живоначальной Троицы с нижним тёплым приделом во имя св. Па-

---

²¹ В Подмоскowie (см.: Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1, 2; неоконченное переиздание: Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1. М., 1998; Вып. 2, 3. М., 1999) несколько сохранившихся, преимущественно усадебных, храмов этого времени имеют аналогичную композицию, но лишены боковых приделов и увенчаны восьмериками: Введенская церковь в г. Дмитрове (1766) — аналогичный план и архитектура колокольни 1786 г. (Т. 1. С. 66); две церкви, построенные по заказу гр. И.И. Воронцова — Спаская в Кieve (Лобне) (1769) (Т. 2. С. 28) и Успенская в Свитино (1779) (Т. 2) близкий план и декор наличников, Никольская церковь в усадьбе гр. В.Г. Орлова Отрада (Семёновское) — выстроена Бабакиным в 1776—1778 гг.; и особенно Михаило-Архангельская церковь с. Никольское (между 1748 и 1773 гг.), заказ князя А.В. Долгорукова — совпадает трёхчастная композиция здания и план в целом, включая 2 лестницы по сторонам от колокольни, вид апсиды и декор наличников (Т. 1. С. 16). Покровская церковь с. Палех (1804) имеет сходную композицию и завершение, но колокольня решена в стиле XVII в., а отделка фасадов — классицистическая.

²² Благодарю за заинтересованное обсуждение данного вопроса Л.К. Масиель Санчеса.

²³ Алитова Р.Ф. К истории и типологии церквей конца XVIII — начала XIX вв. в ярославских вотчинах Шереметевых // Сообщения Ростовского Музея. Ростов, 2002. Вып. XII. С. 156—169.

План участка Благовещенской церкви.
ЦГИА СПб. Ф 248. Оп. 160. Д. 1855. Л. 1

раскевы (1782–1796)²⁴. П.Б. Шереметев прислал в Вошажниково для осмотра Рождественской церкви архитектора Алексея Миронова. В его указе в связи со строительством Троицкой церкви (1786) упомянут известный архитектор К.И. Бланк, руководивший у П.Б. Шереметева в 1760–1780-е годы работами в Кусково и Останкино²⁵.

Проекты «шереметевских» храмов пока не обнаружены, однако наличие проекта Троицкой церкви села Вошажникова подтверждает указ П.Б. Шереметева 1782 года: «присланной той церкви план и фасад его сиятельством опробован и послан при сем обратно»²⁶. Окончен храм был при Н.П. Шереметеве.

Троицкая церковь принадлежит к числу немногих сельских храмов Ярославского края в стилистике позднего барокко, к типу двухэтажных церквей с осевой трёхчастной схемой (по одной оси расположены алтарь, основной объём, трапезная и притвор с крыль-

²⁴ См.: *Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885; *Он же.* С. Вошажниково и вошажниковская вотчина в старинном Запурском стану Ростовского уезда. Ярославль, 1903; *Федотова Т.П.* Вокруг Ростова Великого. М., 1987.

²⁵ Зодчие Москвы времени барокко и классицизма / Сост. А.Ф. Крашенинников. М., 2004. С. 36–38.

²⁶ *Алитова Р.Ф.* Указ. соч. С. 156–169.

Благовещенская церковь.
Интерьер верхнего храма. Современная фотография

цом; все объёмы Троицкой церкви, за исключением последнего, двухэтажные). Четверик поставлен на высокий подклет и завершён пятиглавием. К этому типу относятся особенно близкие церкви села Вошажникова храмы в шереметевских вотчинах Фроловское (1787) и Покровское в Юхотской волости (1779). Во всех трёх случаях четверик перекрыт сомкнутым сводом, прорезанным люкарнами. Центральные прясла двухсветного четверика верхнего летнего храма завершены полуглавиями, углы акцентированы сдвоенными пилястрами. Фасады расчленены карнизами сложного профиля с раскреповками. Восьмигранные барабаны, из которых центральный — световой, увенчаны главками «с перехватами». Оконные проёмы оформлены наличниками с ушами и замковыми камнями (зимняя церковь) и с лучковыми фронтонами, бровками и сандриками (летняя церковь). В остальном их архитектура различается в деталях, например, в планах алтаря — полуциркульном (в Вошажникове и Фроловском) и «гранёном» (в Покровском). Над притвором Троицкой церкви — небольшая двухъярусная колокольня, увенчанная главкой (четырёхъярусная колокольня, напоминающая колокольню Благовещенской церкви, была к 1800 году пристроена к соседней Рождественской церкви). Летний храм в 1791–1794 годах был расписан крепостными мастерами графа Н.П. Шереметева, его украшал фрагментарно сохранившийся четырёхъярусный резной иконостас в стиле барокко. К этому архитектурному типу относятся также храмы

Никольский в Слободищах (1781), Климентовский (1779) и Васильевский (1785) в Юхотской волости²⁷.

Разница во времени постройки храмов позволяет думать, что церковь в Вошажниково была сооружена по образцу столичной церкви. Но истоки архитектурной специфики Благовещенской церкви тогда остаются загадочными. Можно осторожно предположить участие Шереметевых в её постройке (им принадлежал участок на 1-й линии В.О.). Дальнейшие изыскания по данному вопросу могут быть основаны на изучении архивных фондов Шереметевых: РГИА, ф. 1088, и РГАДА, ф. 1287, особенно оп. 2 ч. 3 и оп. 3 ч. 1–3 (Вошажниковская вотчинная контора)²⁸.

Архитектура Петровского времени в значительной степени определялась парадигмой выбора: в ней содержался потенциал для становления как русского барокко, так и классицизма, присутствовала в ней и консервативная «эволюционная» линия, которая наследовала древнерусскому храмостроительству, преимущественно в провинции. Продолжение этого направления в середине XVIII века обозначила столичная Благовещенская церковь. На её примере очевидно, что даже в столице в послепетровское время отсутствовала жёсткая регламентация храмостроительства. Она ближе всего стоит к типу вотчинных церквей, приходских храмов, построенных в провинции знатными ктиторами — прежде всего, храмами, сооружёнными во владениях П.Б. Шереметева в Ростовском уезде Ярославской губ., и, возможно, стала для них прототипом. Благовещенская церковь выделяется по своей архитектуре среди других храмов столицы того времени, но в её плановом решении, характере декора, присутствуют и новации, привнесённые в петровское царствование: прежде всего, общая композиция, тяготеющая к базилике, и система декора.

---

²⁷ Алитова Р.Ф. Указ. соч. С. 156–169.

²⁸ Краско А.В. Три века городской усадьбы Шереметевых. М., 2009; Ходякова О.А. Материалы фонда графов Шереметевых Российского государственного исторического архива как источник по истории культурной жизни России первой половины XIX века. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. СПб., 1995.

Ерофеев Алексей Дмитриевич
(Санкт-Петербург)

Педагог дополнительного образования Санкт-Петербургского дворца творчества юных, член топонимической комиссии Санкт-Петербурга

Имена двух Великих на карте Петербурга

Два известнейших петербургских памятника — Петру Первому на Сенатской площади и Екатерине Второй на бывшей Александринской, а ныне площади Островского, связывает между собой не только то, что лишь эти два властителя именуются Великими. Появлению этих монументов в обоих случаях способствовала пресса, а именно газета «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1768 году газета призывала «явиться в Канцелярию строений Ея Императорского Величества домов и садов немедленно» тех, кто знает о местонахождении огромного размера камней для постаментов¹. находка крестьянина Вишнякова вскоре получила название Гром-каменя и оно было официально зафиксировано в 1770 году. Медальер И.К. Егер выполнил «Медаль в память перевозки Гром-каменя для пьедестала памятника Петру I в 1770 г.».

Спустя почти 90 лет газета информировала о начале конкурса «на представление проекта народного памятника в Новгороде»². Это объявление прочёл художник Михаил Микешин, ставший автором памятника тысячелетию России. Тот монумент его прославил, и Микешин стал создателем памятника Екатерине в Петербурге.

¹ *Иванов Г.И.* Камень-гром. СПб., 1994.

² *Смирнов В.Г.* Россия в бронзе (Памятник Тысячелетию России и его герои). Новгород, 1992.

Примечательно, что установка этих памятников послужила поводом к переименованиям. В 1770-е годы, в связи с планом установки памятника Петру I, Исаакиевскую площадь, именовавшуюся так с апреля 1738 года, стали авансом называть Петровской, а 9 августа 1782 года был издан указ именовать её «не Петровскою, но площадью Петра I»³.

Это название не прижилось, более того, в XIX столетии площадь стали в народе называть Сенатской. В связи с этим Александр III издал повторный указ об именовании площади в родительном падеже — площадью Петра Первого! Этот указ датирован 15 августа 1890 года⁴.

А за три года до этого, в апреле 1887, он своим указом переименовал Малую Садовую улицу в Екатерининскую, поскольку она вела к памятнику Екатерине II⁵.

Именно в эпоху правления царя-мироотворца в столице Российской Империи появилось большое число учебных заведений, носящих имена Петра Великого и Екатерины Великой.

- ♦ 1-е Выборгское смешанное с 6-ю классами в память Императора Петра Великого начальное училище (Полюстровская наб., 25)
- ♦ 2-е с 3-мя классами в память Императора Петра I мужское начальное училище (Гагаринская ул., 2/4)
- ♦ 3-е Нарвское в память Императора Петра Великого мужское начальное училище (Рижский пр., 36)
- ♦ 2-е Московское в память Императора Петра Великого мужское начальное училище (Обводный канал, 99)
- ♦ 1-е Петербургское в память Петра I женское начальное училище (Широкая ул., 10, ныне — ул. Ленина)
- ♦ 1-е Петербургское в память Петра I женское начальное училище (Большая Зеленина ул., 31/1)
- ♦ 2-е Петербургское в память Императора Петра I женское начальное училище (Каменноостровский пр., 15/13)
- ♦ 2-е Петербургское в память Императора Петра I мужское начальное училище (Каменноостровский пр., 15/13)
- ♦ 2-е Петербургское в память Петра I женское начальное училище (Б. Пушкарская ул., 20)
- ♦ 1-е Охтинское смешанное высшее начальное (так. — *А.Е*) училище им. Императора Петра Великого.

³ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. 15 000 городских имён / Авт.-сост. А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев, А.Б. Рыжков. СПб., 2013.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Итого 11 учебных заведений. Теперь посчитаем заведения имени Екатерины Великой.

- ♦ 2-е Васильевское смешанное начальное училище в память Екатерины II (8-я линия, 29)
- ♦ 2-е Васильевское память Екатерины II мужское начальное училище (8-я линия, 59/23)
- ♦ 2-е Выборгское для мальчиков и девочек начальное училище в память Екатерины II
- ♦ 1-е Александро-Невское 3-х классное в память Екатерины II мужское начальное училище (Заставская ул., 9)
- ♦ 2-е Александро-Невское 3-х классное в память Екатерины II мужское начальное училище (Тамбовская ул., 66)
- ♦ 1-е Литейное в память Екатерины II женское начальное училище (Кирочная ул., 11)
- ♦ 2-е Литейное в память Екатерины II мужское начальное училище (Надеждинская ул., 42)
- ♦ 1-е Казанское в память Екатерины II мужское начальное училище (Казначейская ул., 1)
- ♦ 5-е Казанское в память Екатерины II женское начальное училище (Офицерская ул., 13)
- ♦ 5-е Коломенское в память Екатерины II мужское начальное училище (Калинкинская пл., 8)
- ♦ 2-е Рождественское в память Екатерины II мужское начальное училище (Слоновая ул., 21)
- ♦ 5-е Спасское в память Екатерины II мужское начальное училище (Забалканский пр., 7)

Итого 12 учебных заведений. Правда, здесь надо вспомнить, что ещё в 1858 году в Петербурге появилась Петровская гимназия, носившая имя основателя города до 1919 года.

В начале XX века количество заведений, названных в честь Петра, продолжало увеличиваться. Появились Санкт-Петербургская торговая школа им. Императора Петра Великого (Б. Посадская ул., 3), 4-е в память Императора Петра Великого городское училище (1904–1918). В честь Петра называлось Петровское училище, училищный дом имени Петра Великого (с 1944 — Нахимовское училище), Политехнический институт (1901–1917), Петроградская торговая школа имени императора Петра Великого (1904–1918), бесплатная городская библиотека и читальня (начало 1910-х–1918), Петровская гимназия (1858–1919)⁶.

⁶ Весь Петербург на [1894–1917] год: Адресная и справочная книга СПб.: А.С. Суворин, 1894–1917. С 1914 место изд. Пг. Заглавие Весь Петроград.

Процесс увековечивания Петра продолжился и при советской власти, в начале 1920-х годов появилась библиотека им. Петра I. Этого не скажешь о Екатерине — в её память уже ничего не называли.

В то же время началось переименование объектов, носивших имена Петра и Екатерины. Екатерининская улица в Петрограде стала называться улицей Пролеткульта, по дворцу Пролеткульта, который 1 мая 1918 года торжественно открылся в бывшем здании Городского собрания на углу с Итальянской улицей⁷. С 1934 года он стал Домом Радио, каковым остаётся и по сей день.

Самое громкое наименование — проспект Императора Петра Великого было также стёрто с карты города. Его власти Красногвардейского района переименовали в проспект Ленина. В январе 1944 года, когда двум десяткам улиц, проспектов, набережных и площадей вернули исторические наименования, проспекту Ленина дали новое — Пискаревский, а улице Пролеткульта вернули не то название, которое существовало в 1917 году, а более раннее — на карту вернулась Малая Садовая. Интересно, что городские власти решили убрать имя вождя с неблагоустроенной дороги — таково было обоснование этого переименования. Имя Петра вернуть также не решились.

В 1903 году, к 200-летию Петербурга, была устроена новая набережная у домика Петра. Ей дали название набережной Петра Великого. В 1930-м, когда в домике открылся музей Петра, название поправили, сделав его более привычным. Набережная стала Петровской.

Все годы советской власти не менял названия Петровский остров, по которому проходил и проходит Петровский проспект и примыкает Петровский переулок.

Более того, в Пскове новый проезд в районе Завеличья назвали в честь Петра Первого Петровским⁸. Интересно отметить, что в ряде городов Екатерининские улицы переименовывались в улицы или проспекты Карла Маркса. В этом была своя логика. Немку-императрицу заменял немец-философ, чья теория была положена в основу нового государственного строя. И всё же Екатерине II в советское время отдавали дань уважения, но в меньшей степени, чем Петру I. Примечательно, что в Петербурге только памятники Петру и Екатерине получили неформальные, слэнговые, названия, прочно вошедшие в обиход⁹. Название «Медный всадник» появилось

⁷ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга.

⁸ *Краснопецев В.* Улицы Пскова. Псков, 1994.

⁹ *Ерофеев А.Д.* Неформальный Петербург. От улицы де Гоголя до Рубинштрассе. СПб., 2015.

более чем через полвека после установки. В октябре 1833 года в Болдине Пушкин написал поэму, или, как он сам её называл, петербургскую повесть «Медный всадник». Николай I не разрешил печатать всё произведение и в 1834-м в «Библиотеке для чтения» появилось лишь её начало, озаглавленное «Петербург. Отрывок из поэмы»¹⁰.

Впервые поэма под своим именем была опубликована уже после смерти поэта в 1837 году. Тогда-то и стали известны строки:

Простёрши руку в вышине,
За ним несётся Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжёлым топотом скакал.

Памятник Екатерине создал художник Михаил Осипович Микешин. Над моделями фигур трудился не один человек. Саму Екатерину ваял Матвей Чижов, а её сподвижников — Александр Опекушин.

Вокруг Екатерины в полный рост стоят девять выдающихся российских деятелей второй половины XVIII столетия: военачальники Пётр Александрович Румянцев-Задунайский, Григорий Александрович Потёмкин, Александр Васильевич Суворов, Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, флотоводец Василий Яковлевич Чичагов, канцлер Александр Андреевич Безбородко, президент Императорской академии художеств Иван Иванович Бецкой, поэт и сенатор Гавриил Романович Державин и председатель Российской академии наук Екатерина Романовна Дашкова.

Все эти деятели прославились в Екатерининскую эпоху. Дашкова была подругой императрицы, Бецкой — личным её секретарём, а Григорий Потёмкин — фаворитом. Вот по этой-то причине памятник называют «У Катьки под юбкой». Примечательно, что вокруг памятника любвеобильной Екатерине Алексеевне с 1960 годов стали собираться, как сейчас говорят, люди нетрадиционной сексуальной ориентации. Ещё одно название памятника — «Печатка». По форме он действительно напоминает печать.

Уже в новейшие времена в Петербурге появился в пару Медному всаднику — Медный сидень. Автора этого названия вряд ли удастся вычислить, а речь идёт о скульптуре работы Михаила Шемякина, которая установлена на территории Петропавловской крепости.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1957.

Активное внедрение имён Петра и Екатерины в топонимику Петербурга началось в постсоветские годы. Ещё в конце 1980-х годов, когда речь зашла о необходимости убрать с карты Ленинграда имя «серого кардинала» КПСС Михаила Андреевича Сулова, на городское радио приходили письма в поддержку названия Екатерининская улица, существовавшее с начала XX века до 1933 года, когда её переименовали в улицу III Интернационала. Практически все были убеждены, что это имя улица носила в честь Екатерины.

В 1990-х годах в топонимическую комиссию начали то и дело поступать предложения об увековечивании имени Петра I. По мнению ходатаев, его имя следовало присвоить нескольким магистралям в городе. Главным образом, в форме проспекта Петра Великого. Это имя в такой форме было возвращено больнице имени Мечникова.

Вернулись некоторые утраченные памятники: Царь-плотник на Адмиралтейской набережной, памятник напротив Сампсониевского собора. Появились новые скульптуры — конная в Стрельне перед Константиновским дворцом, с супругой Екатериной и собакой-ливреткой — тоже в Стрельне. В Сестрорецке имя Петра получил сквер, а недавно Политехнический университет стал вновь высшим учебным заведением имени Петра Великого.

Петербургский археолог Виктор Коренцвит, выпустивший в 2015 году книгу «Летний сад Петра Великого», завершает её предложением официально присвоить имя императора Летнему саду¹¹.

Екатерина II в этом плане Петру I не конкурент. Но зато вензель Екатерины Великой изображён на гербе Эрмитажа. Это, конечно, не наименование в честь императрицы, но дань глубокого к ней уважения.

---

¹¹ *Коренцвит В.А.* Летний сад Петра Великого. СПб., 2015.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Марасанова Виктория Михайловна

(Ярославль)

*Заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова*

Региональное измерение реформ государственного управления Петра I и Екатерины II

Практика государственного управления Российской империи заострила вопросы о соотношении территориального, отраслевого и сословно-корпоративного принципов в региональном управлении, о разумном сочетании интересов центра и регионов, о формировании кадров и эффективной работе чиновничества, реализовавшего решения верховной власти на местах. Все эти аспекты исследования имеют не только научно-теоретическое, но и практическое значение в современных условиях.

Историография Российской империи в XVIII столетии достаточно обширна. Сбор и систематизацию фактического материала по истории правительственных учреждений начали представители государственной школы С.М. Соловьёв¹, Б.Н. Чичерин²,

---

¹ *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 т., 23 кн. М., 1988–2000. Кн. 8: История России с древнейших времён. Т. 15–16. М., 1997.

² *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858.

К.Д. Кавелин³ и др. Систему управления изучали историки государственного права А.Д. Градовский⁴ и Н.М. Коркунов⁵. Весьма развитым в дореволюционный период стало биографическое направление⁶. Выходили работы, посвящённые реформам XVIII столетия⁷. В советский период историографию государственного управления продолжили Ю.В. Готье⁸, Н.П. Ерошкин⁹, С.М. Троицкий¹⁰. В последние десятилетия история государственных учреждений России и реформ государственного управления стала одной из традиционных тем научных исследований и конференций. Необходимо отметить основные труды Н.И. Павленко¹¹, Е.В. Анисимова¹², А.Б. Каменского¹³. Б.Н. Миронова¹⁴ и других авторов, а также многочисленные работы о губернаторском корпусе империи.

Как известно, Пётр I постоянно искал новые, более соответствующие российским условиям, формы организации государственного аппарата в центре и на местах. В 1711 году царь учредил Правительствующий Сенат как высший орган исполнительной и судебной власти, обладавший значительными законодательными функциями-

³ Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897–1900. Т. 1: Монографии по русской истории.

⁴ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: В 3 т. СПб., 1875–1883. Т. 3: Органы местного управления. СПб., 1883; *Он же*. История местного управления в России. СПб., 1868; *Он же*. Обзорение государственных учреждений. СПб.; М., 1881.

⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право: В 2 т. 6-е изд. СПб., 1909.

⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. СПб., 1900. Т. 2; и др.

⁷ Григорьев В.А. Реформа местного управления в России от Петра до Екатерины II: Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910; и др.

⁸ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1; М.; Л., 1941. Т. 2.

⁹ Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

¹⁰ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

¹¹ Павленко Н.И. Пётр Первый. М., 1975; *Он же*. Екатерина Великая. 3-е изд. М., 2003; *Он же*. Пётр I. М., 2000; и др.

¹² Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994; *Он же*. Женщины на российском престоле. СПб., 1998; *Он же*. Императорская Россия. СПб., 2011; и др.

¹³ Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997; *Он же*. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в: Опыт целостного анализа. М., 1999; *Он же*. Российская империя в XVIII в.: Традиции и модернизация. М., 1999; и др.

¹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.

ми. В 1718–1721 годах приказная система была заменена коллегиями. В петровскую эпоху было создано трехуровневое деление страны: губерния — провинция — уезд. 18 декабря 1707 года царь приказал «росписать города частями, кроме тех, которые в 100 верстах от Москвы», между несколькими крупными городами¹⁵. Далее были учреждены 8 губерний: Московская, Ингерманландская (с 1710 — Санкт-Петербургская), Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Архангелогородская и Сибирская. В 1713 году появилась Рижская губерния, с упразднением Смоленской, а в 1714 году — Нижегородская и Астраханская губернии. Проведение губернской реформы нанесло окончательный удар по приказной системе, выведя местные органы из-под её власти, и ускорило процесс реформирования центральных учреждений.

Во главе Петербургской и Азовской губерний стояли генерал-губернаторы князь А.Д. Меншиков и генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. В остальных губерниях появились новые должностные лица — губернаторы, которым принадлежала вся полнота исполнительной и судебной власти в новых административных единицах. Губернатор назначался царём и подчинялся только ему, коллегиям и Сенату. Губернаторы имели административные, полицейские, финансовые и судебные функции, а также командовали всеми войсками на территории своей губернии. Реформа местного управления уничтожила старый принцип назначения на должности как «государево пожалование». Все должностные лица местного управления стали чиновниками абсолютной монархии, действующими по общегосударственным законам и распоряжениям. Принципы комплектования бюрократического аппарата закрепила «Табель о рангах».

В то же время реформы первой четверти XVIII столетия в сфере местного управления носили исключительно бюрократический характер и не смогли широко привлечь в аппарат управления даже провинциальное дворянство. Новые органы управления были вынуждены по большинству вопросов обращаться к главам местной администрации — губернаторам и воеводам. В то же время власть губернаторов не охватывала всей территории новых губерний, а созданными в 1719 году провинциями, как и прежними уездами, управляли воеводы. Однако многие положения, намеченные в петровскую эпоху (попытки разделения властей, стремление к упорядочению управления в центре и на местах, иерархическая система чиновничества), получили дальнейшее развитие в последней четверти столетия при Екатерине II.

---

¹⁵ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 4 (1700–1712). № 2176.

Преемники Петра I ликвидировали многие из созданных в его правление местных учреждений и несколько ослабили сословный элемент в местном управлении. Инструкция от 12 сентября 1728 года ограничила компетенцию губернаторов и воевод задачами по охране «тишины и спокойствия» на вверенной их попечению территории. Инструкция сохранила за губернаторами часть военных функций — комплектование армии, расквартирование войск, командование местными гарнизонами. Единственными главами управления и суда в губернии стали губернаторы, а в провинциях и уездах — воеводы. Они осуществляли свои функции через губернские, провинциальные и воеводские канцелярии.

Новый этап изменений административно-территориального деления и реформ аппарата управления начался при Екатерине II. 7 ноября 1775 года было принято «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи» — один из важнейших законодательных актов XVIII века¹⁶. В предисловии отмечалось, что «по великой обширности некоторых губерний, оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми». Объединение в руках губернаторов и воевод административных, полицейских, судебных и финансово-хозяйственных функций было признано неудобным, поскольку от этого «возрастают своевольство и ябеды общие со многими пороками».

В административном отношении империя разделялась на губернии. Провинции упразднились, и каждая губерния делилась на уезды. Численность населения в каждой губернии определялась в 300–400 тыс. душ мужского пола, чтобы она «могла быть порядочно управляема». Численность населения в уезде устанавливалась в 20–30 тыс. душ мужского пола. Все губернии и уезды получали одинаковые учреждения с единым штатом чиновников. Губернские учреждения основывались на разделении административных, судебных и финансовых функций. Для каждых 2–3 губерний учреждалась должность генерал-губернатора (наместника). Важными шагами в реформах местного управления стали «Устав благочиния или Полицейский» от 8 апреля 1782 года, определивший порядок полицейского аппарата городов, и утверждённые 21 апреля 1785 года «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» или, как её называли, «Жалованная грамота дворянству» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам»).

¹⁶ ПСЗ. Т. 20 (1725–1780). № 14392; см. также: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 295–320.

Установление новой системы местных учреждений сопровождалось изменением административно-территориального деления России. Чтобы ввести новые губернии и уезды с чётко определённым по «Учреждению» 1775 года количеством жителей, необходимо было провести большую подготовительную работу и продумать границы будущего деления. Примерное расписание будущих уездов Московской губернии впервые составлялось в середине 1770-х годов, когда пост генерал-губернатора занимал князь М.Н. Волконский. Прототипом екатерининских губерний стали провинции. Первыми 25 января 1776 года были открыты Тверская и Смоленская губернии. Последние губернии, в состав которых вошли местности, принадлежавшие Российской империи до начала царствования Екатерины, — Архангельская, Олонецкая и Кавказская. Всего за 1775–1785 годы в России появились 25 новых губерний. Новые губернии в южных районах и на землях, полученных в результате трёх разделов Польши, продолжали создаваться до 1796 года. 2 февраля 1784 года была учреждена Таврическая область, с 29 января 1787 она преобразовывалась в Таврическую губернию. Вознесенская губерния открылась 10 мая 1795 года, Минская — 7 ноября 1795, Волынская — 22 сентября 1796 года.

Подготовку открытия новых губерний проводили назначенные наместники и подчинённые им главные чины будущей местной администрации — губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат уголовного и гражданского суда. Открытие новых наместничеств в среднем требовало 6–8 месяцев. Быстрее других смог открыть Смоленскую губернию Д.В. Волков — всего за месяц. Создание Таврической губернии потребовало трёх лет. У генерал-губернатора А.П. Мельгунова на подготовку открытия Ярославского наместничества ушло около восьми месяцев, а на открытие Костромского — около 11 месяцев.

На территории старой Московской губернии возникли новые губернии — Тверская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская и Московская. В период открытия новых губерний старая Московская губерния со своими учреждениями ещё продолжала существовать. Отделение от Московской губернии значительных территорий для вновь созданных административных единиц естественно сужало сферу деятельности старых губернских учреждений в Москве. В результате новая Московская губерния, учреждённая 5 октября 1781 года, в основном совпадала с границами бывшей провинции. Таким образом, процесс преобразования административно-территориального деления и создания новых правительственных учреждений продолжался в бывшей Московской губернии

около семи лет. Он начался с отделения Гжатского уезда к Смоленской губернии и части Угличской провинции к Тверской губернии в 1776 году и продолжался до образования новой Московской губернии с властными структурами по образцу 1775 года.

Важнейшим этапом становилось само торжественное открытие новых наместничеств. Образцом для торжеств по случаю их открытия стало празднование заключения мирного договора с Турцией в Кучук-Кайнарджи, проходившее в Москве в 1775 году. Приехавшая в Москву Екатерина II два раза в неделю устраивала приёмы. За месяц было устроено три маскарада, и в июле прошли главные торжества, закончившиеся фейерверком. В дальнейшем такие праздники проводились в центрах новых наместничеств. А.Т. Болотов описал церемонию открытия наместничества в Туле в декабре 1777 года. Болотов назвал это зрелище «великолепным, пышным, поразительным и приятным». Он писал, что «по отслужении обедни и молебна, и по учинении общей присяги, все отправились в помянутую красную и для общего заседания назначенную палату». В красной палате «сооружён был императорский трон, под богатым балдахинном и со стоящим на нём портретом императрицы, во весь её рост написанный, а на ступенях стоял наместник и говорил краткую приветственную речь всему собранию. По обеим сторонам его стояли на полу все его приближённые, также губернатор и прочие чиновначальники»¹⁷. Дворянские выборы в Туле проходили 18–25 декабря 1777 года. 19 декабря в торжественной обстановке в присутствии наместника и «именитейших чиновников» были открыты наместническое правление, гражданская, уголовная и казённая палаты, верхний земский суд и верхняя расправа, совестной суд и приказ общественного призрения.

Передача широких полномочий и функций от центральных к губернским учреждениям привела к ликвидации коллегий. Децентрализация управления при Екатерине II во многом строилась на личном начале, когда наместники назначались из наиболее приближённых к императрице сановников. Первыми наместниками стали Я.Е. Сиверс в Твери, А.П. Мельгунов в Ярославле, Р.И. Воронцов во Владимире, М.Н. Кречетников в Туле и др. Выдающиеся административные способности первых наместников позволяли успешно реализовывать губернскую реформу 1775 года. Наместники вносили в жизнь российской провинции обычаи и нравы столичного общества. Их резиденции становились настоящими «культурными гнездами» своих наместничеств.

---

¹⁷ Болотов А.Т. Записки. СПб., 1873. Т. 3. Стб. 720–721.

Если первые наместники и губернаторы во вновь образуемые административные единицы присылались из центра, то впоследствии губернаторами могли становиться вице-губернаторы. Новым в организации управления при Екатерине II было отчётливо выраженное стремление к усилению местных органов власти, а также допущение сословных представителей в уездные и губернские учреждения. Первенствующую роль в местном управлении получило российское дворянство. В результате проводимых реформ сословное дворянское самоуправление удачно дополнило местное коронное управление. Одновременно на не престижные для дворян должности приходили выходцы из лиц духовного звания, купцов или даже из отпущенных на волю крестьян. За счёт формирования кадров чиновничества из недворянской среды монархия могла быть более независимой от дворянства, опираясь на всю бюрократию. Комплекс мер, предпринятых при Екатерине II для усиления местного управления и кадров чиновничества как опоры государства, являлся одним из условий успешности данного царствования.

Новым в организации управления на местах при Екатерине II было допущение сословных представителей в уездные и губернские учреждения. В результате проводимых реформ сословное дворянское самоуправление удачно дополнило местное управление и помогло успешнее решать стоящие в каждом регионе задачи. Губернская реформа увеличила количество должностей в местном управлении, которые требовали наличия классных чинов, и, следовательно, расширила возможности для служебной карьеры провинциального дворянства. Наряду с коронной службой расширились возможности деятельности представителей «благородного сословия» в органах сословного управления.

Современники оставили разные точки зрения о проведённых Екатериной II преобразованиях. Большая часть отзывов, несомненно, была положительной. Так, Ф.Н. Голицын считал, что от учреждения губерний «проистекала для империи большая польза. Прежде один воевода с товарищем управлял целой губернией, в делах была большая проволочка и неудобность... Находили только, что в начертании о губерниях излишне учреждены присутственные места первой инстанции»¹⁸. Сенатор П.С. Рунич в своих записках особо подчёркивал, что в результате реформы «разбойничьи шайки и приста-нодержатели оных скоро были истреблены»¹⁹. Однако часть россий-

¹⁸ Голицын Ф.Н. Записки // Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. 285.

¹⁹ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина. СПб., 1870. Кн. 10. С. 368.

ской аристократии была недовольна Екатериной II. Эту точку зрения отразило сочинение М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Он полагал, что при существующем порядке управления на первый план выдвигались не интересы государства, а власть и выгоды фаворитов²⁰. А.Н. Радищев считал, что «Учреждение для управления губерний» было мнимым самоуправлением, полностью подвластным бюрократической машине. Он полагал, что всё управление излишне подчинено Петербургу, и в стихах выразил это так: «Но дале чем источник власти, слабее членов тем союз, между собой все чужды части, всяк тяжесть ощущает уз»²¹.

Таким образом, на протяжении XVIII столетия в сфере местного управления произошли серьёзные перемены. Создание нового губернского аппарата управления явилось важнейшим инструментом проведения правительственной политики на местах. Попытки реформ местных правительственных учреждений и преобразования административно-территориального деления страны начались при Петре I. На карте России впервые появились губернии и провинции. Однако время показало, что система управления на местах оказалась неэффективной и требовала больших финансовых затрат. Нельзя забывать о том, что Россия была возведена в ранг великой европейской державы ценой усиления налогового гнёта и значительной убыли населения. Активная внешняя политика и рост политического значения России опережали её экономическое развитие и, следовательно, возможности для содержания больших по штатам государственных учреждений на местах. Преемники первого императора уделяли гораздо меньшее внимание проблемам местного управления, что вело к его стагнации и упадку.

«Учреждения для управления губерний» Екатерины II не только унифицировали губернии как основные административные единицы Российской империи, но и ввели всё управление в регионах в рамки закона и положили начало действительному разделению властей. Расширение компетенции губернских учреждений сделало ненужными многие коллегии, функции которых передавались на места. Губерния становилась средоточием экономической, политической и культурной жизни, а провинциальная Россия выходила из некоторого прозябания предшествующих десятилетий. Не случайно наместниками в последней четверти XVIII века становились деяте-

---

²⁰ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // Екатерина II и её окружение / сост., примеч. и вступит. статья А.И. Юхта. М., 1996. С. 263, 267–268.

²¹ *Радищев А.Н.* Избранное. М., 1949. С. 19.

ли, облечённые личным доверием императрицы. При Екатерине II можно видеть редкий случай в отечественной истории, когда наиболее способные и деятельные администраторы отправились на службу из столицы в регионы, а не наоборот. Губернские учреждения нового образца содействовали разрешению социальных конфликтов, проводили в жизнь реформы, вносили существенный вклад в социально-экономическое и культурное развитие российской провинции. В результате реформы, начатые Петром I и продолженные Екатериной II, позволили создать чёткую вертикаль административной власти в регионах, в начале XIX столетия удачно дополненную министерской реформой.

Аваков Пётр Ашотович

(Ростов-на-Дону)

*Старший преподаватель Ростовского государственного
экономического университета*

Наследие Петра I в политике Екатерины II в Приазовье – Причерноморье

Когда царь Пётр в 1696 году взял войною от турок и принадлежащей от давних лет России город Азов, тогда при всех бывших при оном взятии генералитете сказал: «Теперь мы, слава Богу, один угол Чернаго моря уже имеем, а со временем может быть и весь его иметь будем». (...) По сему проречению в нынешние времена, счастием Ея императорскаго величества благополучно царствующей, всемилостивейшей государыни нашей Екатерины II, едва ль уже не половиною того моря во владении своем имеем, а далее достигать полагаемся на волю Всевышняго.

Анекдот, записанный А.И. Ригельманом¹

«PETRO primo CATHARINA secunda...» — это посвящение, сочинённое Этьеном Морисом Фальконе² и выбитое в 1782 году на постаменте Медного Всадника, на века утвердило в сознании по-

¹ *Ригельман А.И.* Анекдоты о Петре Великом: (Из собранных г[енерал]-м[айором] Ригельманом, автором Малороссийской истории, и проч., жившим в царствование и[мператрицы] Екатерины II) // Москвитянин: Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1842. № 1. С. 84–85.

² *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 133.

томков убеждение о преемственности между государственной деятельностью Петра I и Екатерины II³. Постепенно это тривиальное умозаключение превратилось в константу, чья очевидность порой мешает историкам проследить эволюцию внешнеполитического курса Екатерины II. Объективному рассмотрению этого процесса немало препятствует и распространённость среди историков той «мании происхождения», о которой писал М. Блок, имевший в виду стремление объяснять поздние явления их давним происхождением «с целью убедительней оправдать или осудить настоящее», в результате чего происходило «смешение преемственной связи с объяснением»⁴.

Мы вправе задаться вопросом: означает ли то, что Екатерина II, задним числом попавшая под магнетическое влияние Петра I и провозгласившая себя продолжательницей его дела, действительно усвоила исповедуемые им политические принципы и переняла их? С этим можно было бы согласиться, но лишь при допущении, что венценосная последовательница «отца Отечества» не привнесла в его интенции ничего оригинального и осталась всего лишь очередным эпигоном первого императора. Такая точка зрения тоже присутствует в отечественной историографии⁵. Сопоставление и анализ политических взглядов, проектов и мероприятий Петра I и Екатерины II позволяет преодолеть эмбриологическое наваждение, происходящее из сферы общественно-политической мысли и созвучное апокрифическому «завещанию Петра Великого»⁶. Одним из наиболее

³ По замечанию Н.Е. Копосова, Екатерина II «сама усилено культивировала» в национальном воображении отношение к себе как к своеобразному «дублеру» и продолжателю Петра I (*Копосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 119). В.Ю. Проскурина отметила, что «наследие Петра» не стало добровольным выбором императрицы, а было навязано ей «в качестве своего рода субституции династического мифа», поскольку в ситуации дворцового переворота 1762 г. петровская парадигма приравнивалась к сакральной и приобщение к ней оказывалось «выше и влиятельней всякой юридической легитимности» (*Проскурина В.Ю.* Указ. соч. С. 110).

⁴ *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С. 20–23.

⁵ *Платонов С.Ф.* Столетие кончины императрицы Екатерины II // *Екатерина Вторая: pro et contra.* СПб., 2006. С. 911.

⁶ Так называемое «завещание Петра Великого» — это политически ангажированная фальсификация, опубликованная в 1812 г., перед вторжением армии Наполеона в Россию, сотрудником Министерства иностранных дел Франции Шарлем-Луи Лезюром (1770–1849) в книге «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия» (*L[esur Ch.L.] Des progrès de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle.* Paris, 1812. P. 177–179). «Завещание» представляет собой резюме долгосрочного стратегического плана действий для преемников Петра I в целях установления

лее ярких материалов для такой компаративистики является внешне-политическая деятельность двух великих монархов.

Накопившийся эмпирический материал позволяет выявить «петровское наследие» в политике Екатерины II в Приазовье и Причерноморье, и отделить его от новаций, привнесённых самой императрицей.

В историографии высказывалось мнение, согласно которому ещё до Азовских походов 1695–1696 годов Пётр I заявил о необходимости завоевания Константинополя, под впечатлением знакомства с летописным рассказом о походе киевского князя Олега на Царьград в 911 году⁷. Мы не располагаем прямыми свидетельствами о подобных замыслах царя⁸, но их реальность представляется весьма веро-

---

мирового господства России. Ко времени его публикации часть «заветов» Петра уже были осуществлены, что придавало убедительность остальным «планам» (См.: *Шубинский С.Н.* Мнимое завещание Петра I // Древняя и новая Россия: Исторический иллюстрированный ежемесячный сб. 1877. № 1. С. 97–106; *Sokolnicki M.* Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un prétendu document historique) // Revue des sciences politiques. Т. 27. 1912. № 1. Р. 88–98; *Subtelny O.* «Peter I's Testament»: A Reassessment // Slavic Review. Vol. 33. 1974. № 4. Р. 663–678; *Blanc S.* Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. 9. № 3–4. Р. 265–293; *Павленко Н.И.* Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 142–144; *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: Сборник статей. М., 1986. С. 213–279; *Мезин С.А.*: 1) Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 168–180; 2) «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27; и др.

⁷ См., например: *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потёмкина. М., 2000. С. 17.

⁸ Сюжет о знакомстве Петра I в юности с «Несторовым летописцем» и о его намерении овладеть Константинополем восходит к окончательной редакции «Достопамятных повествований и речей Петра Великого», якобы записанных А.К. Нартовым (1693–1756) – приближенным к царю токарем (*Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. № 161. С. 104). Это «свидетельство» не заслуживает доверия, поскольку упомянутый сборник анекдотов, как убедительно доказал П.А. Кротов, является плодом литературного творчества сына «царского токаря» – А.А. Нартова (1737–1813), работавшего над ним в 1785–1786 гг. (*Кротов П.А.*: 1) «Рассказы Нартова о Петре Великом»: Исторический источник или памятник литературы? // Меншиковские чтения – 2003: Сборник научных статей. СПб., 2004. С. 109–123; 2) Авторство и достоверность «Рассказов Нартова о Петре Великом» // *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом: (По авторской рукописи). СПб., 2001. С. 7–39). В высшей степени примечательным кажется тот факт, что незадолго до составления А.А. Нартовым этого сборника А.Ф. Бюшинг опубликовал письмо графа Б.К. Миниха Екатерине II от 20 сентября 1762 г., в котором полководец утверждал: «... я в состоянии доказать твёрдо обоснованными доводами, что с 1695 года, когда Пётр Великий впервые

ятной, с учётом того, что политическое мировоззрение Петра складывалось под воздействием антиосманской атмосферы, охватившей правящие и церковные круги России в годы его детства и юношества, и сформировавшей в нём «комплекс будущего героя борьбы с турецкой экспансией»⁹.

Реальные факты рисуют перед нами совсем иную картину, далёкую от религиозно-политических концепций велеречивых московских доктринеров конца XVII века. Примкнув в 1686 году к войне, которую уже третий год вела против Османской империи Священная лига, Россия преследовала исключительно прагматические цели, продиктованные логикой развития международных отношений в последние десятилетия. Не менее чем в защите южных границ страны и в борьбе с османско-крымской агрессией, правительство царевны Софьи Алексеевны было заинтересовано в нормализации отношений с Речью Посполитой. Для России антиосманский военный союз с Польско-Литовским государством, заключённый в рамках Московского договора 1686 года о «вечном мире», стал в некотором роде платой за юридическое закрепление за собой Левобережной Украины и Киева¹⁰.

осадил Азов, и до момента его смерти в 1725 году, в течение 30 лет его главным намерением и желанием было завоевать Константинополь, чтобы изгнать неверных турок и татар из Европы и восстановить таким образом греческую монархию» (Urkunden durch welche die im dritten Teil des Magazins gelieferte Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzt und bestätigt wird // *Magazin für die neue Historie und Geographie*, angelegt von D. Anton Friederich Büsching. Т. 18. Halle, 1782. № 3–19. С. 467). В этой связи есть все основания полагать, что сведения о «Греческом проекте» Петра I восходят к Б.К. Миниху, который сам являлся транслятором аналогичной идеи (см.: Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 509–510; *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика императрицы Анны Иоанновны: (1730–1740). М., 2014. С. 651).

⁹ *Бобылёв В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 20. В 1743 г. бывший епископ Воронежский Лев (Юрлов) вспоминал, что в дни своей юности, в бытность «пажом» царицы Марфы Матвеевны (вдовы царя Фёдора Алексеевича), он слышал высказывания юного царя Петра о необходимости «православных христиан от пленения поганского освободить, и Станбул покорити под ноге его, и православные народы соединити во едино стадо...» (*Майков Л.Н.* Лев Юрлов и его письмо к родственникам // Русский архив. 1868. № 7–8. Стб. 1063–1064). Даже если подобные высказывания юного самодержца и имели место, в них вряд ли можно усматривать далеко идущие планы раздела Османской империи.

¹⁰ *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в борьбе с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 295–302; *Треков И.Б.* Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире» // Советское славяноведение. 1987. № 3. С. 27–28, 40–41; *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая

Первые крупные войсковые операции, проведённые Россией в рамках этой войны против Крымского ханства в 1687 и 1689 годах, окончились безрезультатно — как с военной, так и с политической точки зрения¹¹.

В мае 1689 года Россия впервые официально заявила на международном уровне о своих притязаниях на Крым, низовья Днепра и устья Дона, находившиеся во владении крымского хана и османского султана. Эти претензии были изложены в «статьях», которыми посланный в Варшаву российский резидент дьяк Прокофий Богданович Возницын руководствовался во время переговоров с королём и сенаторами Речи Посполитой, посланником Священной Римской империи и резидентом Венецианской республики¹². Цари Иван и Пётр надеялись, что султан Мустафа II уступит им «места и земли и города в Крыму стоящие», Азов «со всеми принадлежностями и в нём живущими людьми», а также «городки турецкие на Днестре» — Газикерман, Исламкерман, Шагинкерман (он же Мюбареккерман), Мустридкерман, и Очаков в устье Днепро-Бугского лимана. При этом предполагалось переселить крымских татар в Анатолию, а татар, кочевавших около Азова — «на тое сторону Чёрного моря»¹³. Разумеется, озвученные П.Б. Возницыным запросы, никак не соответствовавшие скромным военным успехам России, были неприемлемы для Порты¹⁴. Вероятно, эти требования изначально имели декларативный характер и отнюдь не отражали реальных устремлений российской внешней политики¹⁵.

и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 153–159, 300–370; ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 2 (1676–1688). С. 770–793.

¹¹ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 303–304, 306–307.

¹² Там же. С. 305–306, 325.

¹³ Станіславський В.В. Маловідомі документи щодо планів південнок політики Московськoк держави у другій половині 80-х рр. XVII ст. // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Вип. 7. Київ, 2000. № 1. С. 350; ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 463–464.

¹⁴ В августе 1691 г. российское правительство отказалось от этих требований и направило резиденту в Варшаве дьяку И.М. Волкову новые «статьи» с более умеренными условиями (Станіславський В.В. Указ. соч. С. 352–354).

¹⁵ Нельзя согласиться с В.Е. Возгриным, охарактеризовавшим данный проект (известный ему в изложении М.М. Богословского) как ультиматум и «чисто дипломатический демарш, заранее рассчитанный на отказ», дающий «некое оправдание разрыву Бахчисарайского мира» (Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 232). Исследователь ошибочно полагал, что эта программа была разработана в Москве до прекращения мирных отношений с Константинополем и Бахчисараем. Между тем ещё Н.Г. Устрялов, впервые

Азовские и Казыкерменский походы Петра I 1695–1696 годов были предприняты с целью оживления «тлеющей» на протяжении десяти лет войны с Османской империей¹⁶, и мотивы их организации не имели ничего общего с теми задачами, которые позже историки приписали царю. Судя по дошедшим до нас источникам, Пётр I никак не связывал стремление овладеть Азовом и Казыкерменем со своим намерением превратить Россию в морскую державу. Наоборот, спустя четверть века царь недвусмысленно утверждал, что Азов был осаждён «за обиды татарския»¹⁷. Следовательно, задачей царя при организации походов в низовья Дона и Днепра было нанесение ощутимого удара по противнику. Для этого Азов, Казыкермень и прилегавшие к нему три другие османские крепости представляли собой наиболее удобные и весьма уязвимые цели, расположенные вблизи границ России и к тому же на крупных водных артериях, что значительное облегчало российскому командованию решение логистических проблем. Именно во время второго Азовского похода 1696 года, когда Пётр I «уверовал в силу флота», обеспечившего ему победу¹⁸, у него «совершенно определённо выработался взгляд на будущее значение для России Азовского и Чёрного морей»¹⁹.

Если взятие Казыкерменя в июле 1695 года не обеспечило России выход в Чёрное море по Днепру, запертый османскими крепостями Очаков и Кинбурн в гирле Днепро-Бугского лимана, то овладение Азовом в июле 1696 году предоставило российским кораблям свободный доступ в Азовское море и способствовало установлению контроля над его северо-восточным побережьем. Но в условиях продолжавшейся войны против Османской империи Петру I этого было недостаточно, и он планировал продолжить завоевания в Азово-Черноморском бассейне. Именно для реализации этих экспансионистских планов в 1697 году в верховьях Дона развернулось строительство военно-морского флота²⁰. О грандиозных замыслах царя можно судить по письмам его ближайшего сподвижника Франсуа Лефорта, отправленных в Женеву в декабре 1696 года²¹. Следующей

изложивший содержание полученных П.Б. Возницыным «статей», датировал это событие 22 марта 1689 г. (*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1–3. СПб., 1858. Т. 1. С. 217).

¹⁶ *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы... С. 315–316.

¹⁷ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 400.

¹⁸ *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1998. С. 67.

¹⁹ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб., 1891. С. 65.

²⁰ *Елагин С.И.* История русского флота: Период азовский. СПб, 1864. С. 51–90.

²¹ *Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов.* М., 2006. С. 204, 205, 210, 211.

целью в противоборстве с Османской империей Пётр избрал крепость Керчь, взятие которой открыло бы Керченский пролив для прохода российских кораблей в Чёрное море. Свою позицию по данному вопросу царь высказал на переговорах с чешским канцлером графом Ф.О. Кински, состоявшихся в Вене в июне 1698 года, а также изложил в «статьях», адресованных императору Священной Римской империи Леопольду I²².

Международная обстановка не благоприятствовала усилиям Петра I в этом направлении. Союзники по Священной лиге, в которую Россия вступила в январе 1697 года²³, торопились закончить войну с Османской империей и инициировали мирные переговоры, начавшиеся в октябре 1698 года в сербском городке Карловицы. Представлявший Россию на Карловицком конгрессе великий и полномочный посол думный советник П.Б. Возницын попытался добиться от османских дипломатов уступки Керчи в качестве компенсации за ущерб, нанесённый татарскими набегами, но тщетно. Подписанный 14 января 1699 года договор о двухлетнем перемирии с Османской империей лишь временно закрепил за Россией завоёванные в 1695–1696 годах османские крепости в устьях Дона и низовьях Днепра. Окончательно их судьбу предполагалось решить в ходе последующих переговоров о долгосрочном мире²⁴.

Заключение Карловицкого перемирия позволило Петру I ускорить реализацию грандиозной программы правительственной колонизации Северо-Восточного Приазовья, которое фактически находилось в составе Российского государства с июля 1696 года. Ещё в 1697 году колонизация края вышла за пределы территории Азакского санджака Османской империи в устьях Дона и шагнула на Миусский полуостров. Параллельно с заселением и хозяйственным освоением в крае интенсивно велось фортификационное и гидротехническое строительство. В июне 1699 года началась постройка морского порта у Таган-рога, а в сентябре на этом мысу был заложен новый

²² ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 259, 262–263.

²³ Российское царство стало полноправным членом Священной лиги после того, как 29 января 1697 г. российский посланник К.Н. Нефимов заключил в Вене договор об антиосманском военном наступательном союзе сроком на три года со Священной Римской империей и Венецианской республикой (ПиБ. Т. 1. С. 124–128).

²⁴ *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. Т. 3. Л., 1946. С. 340, 342, 381–434; *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы... С. 319–320; ПДС. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 205, 238, 257–260; ПиБ. Т. 1. С. 271–273.

город-крепость Троицкий²⁵. Пётр I стремился создать в регионе мощный плацдарм для противоборства с Османской империей²⁶.

В связи с переориентацией внешнеполитического курса России на создание антишведского Северного союза, Петру I больше не требовалась победа над Османской империей, теперь он был заинтересован в её нейтралитете. Главной задачей царя на Юге стала смена двухлетнего перемирия многолетним миром, для заключения которого в Константинополь был направлен чрезвычайный посланник — думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев²⁷. 3 июля 1700 года в Константинополе был заключён русско-турецкий договор о мире сроком на тридцать лет. Азов и другие укрепления Северо-Восточного Приазовья вместе с прилегающей к ним территорией закреплялись в составе России. Границей Северо-Восточного Приазовья с Крымской стороны была определена р. Миус, а с Кубанской стороны к России отходила территория на десять часов конной езды от Азова. Казыкермень и три соседние крепости в низовьях Днепра подлежали разрушению, а занимаемая ими территория возвращалась Османской империи. Е.И. Украинцеву не удалось добиться от Порты разрешения России вести морскую торговлю через Чёрное море, развитию которой Пётр I придавал большое значение²⁸. Отказавшись от крепостей в низовьях Днепра, Россия лишилась плацдарма у северных границ Крымского ханства и возможности получить выход в Чёрное море. Зато Пётр I, развязав себе руки на Юге, смог приступить к решению Балтийского вопроса.

Во время Северной войны 1700—1721 годов внимание Петра I к Северо-Восточному Приазовью не ослабло. Регион интересовал его в первую очередь как база для строившегося в Воронежском крае флота, который он планировал использовать на Чёрном море. Офи-

---

²⁵ Некоторые исследователи даже ошибочно полагали, что царь, любивший Троицкий (Таганрог), «видимо, не меньше Санкт-Петербурга», хотел сделать его столицей России (см., например: *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи. СПб., 2013 (Studioium Slavicorum Orbis. Вып 5). С. 401).

²⁶ *Аваков П.А.*: 1) Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 111—170; 2) Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298—311; 3) Город Троицкий на Таганроге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98—101.

²⁷ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 272—273; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 4. С. 48—49.

²⁸ *ПиБ. Т. 1.* С. 368—378; *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 57—60.

циально проводя миролюбивую политику в отношении Османской империи, царь лишь на время приостановил воплощение своих прежних экспансионистских замыслов в регионе, о чем свидетельствует целый ряд действий, предпринятых им или по его приказу в 1702–1709 годах: поиски нового места для строительства порта и верфи за пределами российского Приазовья, рекогносцировка в нейтральных землях и водах Азовского моря на пространстве между реками Миус и Берда, разработка планов переноса верфей на Таган-рог и последующего наращивания в Азовском море линейного флота²⁹.

В ходе реализации губернской реформы 1709–1710 годов Северо-Восточное Приазовье стало частью обширной Азовской губернии, занимавшей (полностью и частично) территорию одиннадцати современных субъектов Российской Федерации³⁰.

Порта расценивала активную колонизационную деятельность России в южном пограничье как угрозу своим интересам в Азово-Черноморском регионе³¹. Как справедливо отметил В.Е. Возгрин, османским политикам и крымскому хану было очевидно, что «продвижение России на юг лишь приостановлено войной со шведами и отсрочка туркам и их вассалам дана лишь до мира на Севере»³². Порта, подстрекаемая французской дипломатией, крымским ханом и шведским королём, решила нанести превентивный удар и в ноябре 1710 года объявила России войну.

Приняв вызов султана Ахмеда III, Пётр I разработал смелый стратегический план, предусматривавший наступательные операции в направлении Балкан, Крыма и Северо-Западного Кавказа, и оборонительные — на Правобережной Украине и в Северо-Восточном Приазовье. Анализ распоряжений царя и дальнейшие действия возглавляемой им армии позволяют сделать вывод о том, что в этой войне он отнюдь не добивался стратегической победы в противостоянии с Османской империей. Пётр I в первую очередь стремился достичь политического успеха: его главной целью было умиротворение Порты и создание той обстановки, при которой он мог бы не

²⁹ *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 190–192, 200–204, 209–215, 234–236, 239–246.

³⁰ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 70–72, 131; *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 13–21; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249. Л. 106 об.; *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 178–180, 182, 185–186.

³¹ *Мышлаевский А.З.* Россия и Турция перед Прутским походом. СПб., 1901. С. 16–19.

³² *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 273.

беспокоиться за южные рубежи России во время продолжения войны со Швецией. Как показал В.А. Артамонов, в источниках отсутствуют сведения о проектах утверждения власти царя на Балканах и его претензиях на «ориентальное цесарство», слухи о которых ходили тогда в европейских столицах. Попытки стимулировать освободительное движение покоренных Османами балканских народов не имели под собой захватнических планов в отношении земель, лежащих к югу от Дуная. Выступление российской главной армии в Молдавию, где концентрировались основные силы противника, обуславливалось стремлением Петра I избавить страну от турецкого нашествия и отдалить театр войны от Польши³³. Предусмотренное царём вторжение в Крым должно было сковать ханское войско, но не обеспечить завоевание полуострова. В планы Петра I входил лишь ограниченный передел сфер влияния на окраинах Османской империи, а именно — установление протектората над Молдавией, Валахией и ногайской Кубанской ордой. Помышлять о включении дунайских княжеств и Прикубанья в состав Российского государства в условиях того времени было бы нереально. Однако гениально задуманные и плохо подготовленные ответные действия царя против Османской империи в силу крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств едва не закончились для него военной катастрофой у р. Прут³⁴.

Неудачный для России исход войны прервал дальнейшее обустройство Северо-Восточного Приазовья. По условиям заключённого 12 июля 1711 года Прутского мирного договора Петру I пришлось вернуть Османской империи Азов со всем Северо-Восточным Приазовьем, а также разрушить Таганрогскую гавань, Троицкий и другие сооружённые в крае укрепления³⁵. Продолжавшаяся пятнадцать

---

³³ Утверждение американского историка С. Шоу о том, что в 1711 г. Пётр I «подготовил поход через Молдавию и Болгарию на Стамбул», голословно и не выдерживает критики (*Shaw S. History of Ottoman Empire and modern Turkey. Vol. 1. Cambridge, 1976. P. 230.*)

³⁴ *Мышлаевский А.З.* Указ. соч. С. 83–84, 86; *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 43–47, 49–55, 61–63; *Артамонов В.А.*: 1) Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 68–70, 81–84; 2) Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. С. 10–76; *Бранденбург Н.Е.* Кубанский поход 1711 года // Военный сборник. Т. 54. СПб., 1867. № 3. Отд. 2. С. 30–42; *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 74–82, 85–87, 369–385.

³⁵ *ПиБ. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 322–323, 328–329; Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 289–293.

лет российская колонизация региона завершилась реставрацией Азакского санджака в январе 1712 года.

Следующая возможность решить Черноморский вопрос в пользу России представилась правительству императрицы Анны Иоанновны во время русско-турецкой войны 1735–1739 годов. Военный конфликт, первоначально замышлявшийся как локальный, превратился в широкомасштабную наступательную войну, в ходе которой российские войска действовали в Подонье, Крыму, Прикубанье, Приднепровье и Приднестровье. В течение четырёх кампаний они взяли Перекоп, Кинбурн, Азов, Очаков, Хотин, разорили Крымский полуостров и Прикубанье, покорили Молдавию³⁶. Но к концу войны Россия смогла удержать за собой лишь Северо-Восточное Приазовье и временно оккупированную Молдавию. Дальнейшую судьбу российских завоеваний решил заключённый в сентябре 1739 года Белградский мирный договор, в соответствии с которым Азов подлежал разрушению, а прилегавшие к нему земли, наряду с частью северного и восточного побережья Азовского моря в междуречье Миуса и Берды, Дона и Еи, получили статус нейтральной и демилитаризованной зоны, служащей «барьерой» между двумя империями. Примечательно, что в декабре 1738 года османские дипломаты, настаивая на разрушении Азова как на непременном условии будущего мира, назвали крепость «яблоком раздора между двумя империями» и сравнили её с куртизанкой, «у которой было слишком много любовников, что не позволяет выдать её замуж». Россия сохранила суверенитет лишь над частью северного побережья Азовского моря от дельты Дона до р. Миус, но на этой территории запрещалось строить крепости и основывать стационарные поселения. Договор прямо запрещал России возобновлять «бывшую крепость Таганрог» и иметь флот в Азовском и Чёрном морях³⁷. Ситуация в регионе стабилизировалась примерно на 30 лет, прежде чем российские власти вернулись к Черноморскому вопросу, но уже по другому поводу.

Именно Екатерине II пришлось продолжить внешнеполитическую линию Петра I, направленную на расширение и усиление России за счёт завоеваний османских владений в Азово-Черноморском

³⁶ Шульман Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сб. Вып. 3. Кишинёв, 1973. С. 18–61; Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. [Т. 1]. СПб., 1906. С. 181–556; [Т. 2]. СПб., 1906. С. 1–5, 137–268.

³⁷ Laugier M.A. Histoire Des Négociations Pour La Paix Conclue A Belgrade, Le 18 Septembre 1739: Entre l'Empereur, L Russie & la Porte Ottomane, par la médiation, & sous la garantie de la France. Т. 1. Paris, 1768. P. 313; ПСЗ. Т. 10 (1737–1739). С. 899–904.

бассейне. Поскольку существовали исторические причины для борьбы России за утверждение в Северо-Восточном Приазовье и Северном Причерноморье, то появление предлогов для её возобновления было лишь вопросом времени. Появлению таких предлогов способствовало настойчивое вмешательство Екатерины II во внутренние дела Речи Посполитой, встревожившее некоторые европейские государства. В ноябре 1768 года правительствам Франции и Священной Римской империи, опасавшимся усилению роли России в мировой политике, в результате сложной дипломатической интриги удалось побудить султана Мустафу III объявить ей войну³⁸.

Вступая в очередное противоборство с давним геополитическим соперником, правительство Екатерины II определило, что основной целью в войне должно быть получение права на свободу мореплавания в Чёрном море, приобретение на его побережье удобного порта и установление безопасных границ с Речью Посполитой³⁹. Размах начавшейся войны превзошёл все предыдущие русско-турецкие конфликты. Боевые действия должны были открыться в 1769 году.

Согласно военному плану, главным театром войны предполагалось сделать Приднестровье, куда решено было направить Первую армию, возложив на неё наступательную задачу. Выбор этого направления основывался на опасении того, что турки попытаются совместно с польскими конфедератами напасть на Россию через Подолию. Аналогичными соображениями руководствовался в 1711 году и Пётр I при организации похода к Дунаю, вошедшего в историю под названием Прутского. Второй армии была поручена оборона южной границы России в междуречье Дона и Днепра, а также захват «барьерных» земель и восстановление прежних российских крепостей в Северо-Восточном Приазовье. Кроме того, два отдельных корпуса должны были действовать в Прикубанье и Грузии, и две эскадры Балтийского флота — в Средиземном море⁴⁰.

---

³⁸ *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами (с 1769–1774 год). Т. 1. СПб., 1866. С. 56–94; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 69–77, 90–91.

³⁹ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1869. Стб. 5–8; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 113–114; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Т. 28 // *Соловьёв С.М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 14. М., 1994. С. 269–270.

⁴⁰ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 1. Стб. 333–337; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 114–126; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 270–273, 282; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 102–104; *Лебедев А.А.* У истоков Черноморского флота России: Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота: (1768–1783). СПб., 2011. С. 374–391.

Первым успехом России стало занятие в марте 1769 года отрядами Второй армии нейтральной территории в устьях Дона и восстановление Азова и Троицкого, который при Екатерине II стали называть Таганрогом⁴¹. Вопреки имеющимся в историографии утверждениям⁴², никакого взятия Азова в 1769 году не произошло, так как бывшая крепость представляла собой необитаемые руины⁴³. Екатерина II не преминула похвастаться новыми приобретениями перед своим именитым корреспондентом Вольтером. 3 июля 1769 года она писала ему: «За время войны я совершила два новых дела: выстроила Азов и Таганрог, где находится порт, основанный и разорённый Петром I. Вот две драгоценности, которые я соединила, что, должно быть, придется не по вкусу Мустафе»⁴⁴. Вскоре началась реконструкция Таганрогской гавани, ставшей базой построенной в Воронежском крае Азовской флотилии⁴⁵.

Если в Северо-Восточном Приазовье Екатерина II выступила прямой продолжательницей Петра I в буквальном смысле этого слова, то на других фронтах войны ей приходилось решать задачи, которые до неё ставило перед собой лишь правительство Анны Иоанновны. Осенью 1769 года Первая армия взяла Хотин, Яссы, Бухарест и освободила от власти османов Молдавию и Валахию — то есть сделала то, чего не сумел добиться в 1711 году Пётр I. Как и в 1711 году, российские войска успешно сражались в Прикубанье и Кабарде. Отправленный в Крым из Второй армии корпус генерал-поручика М.В. Берга дошёл до залива Сиваш, но из-за свирепствовавшей на полуострове эпизоотии и недостатка фуража повернул назад⁴⁶.

Осознавая, какое стратегическое преимущество Османской империи даёт обладание Крымским полуостровом, в октябре 1769 года Екатерина II, по её собственным словам, решила «сделать испытание, не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать

⁴¹ Журнал военных действий армией Ея Императорского величества 1769 года. СПб., [1770–1773]. С. [132, 133]; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 296–297.

⁴² *Скальковский А.А.* Ростов на Дону и торговля Азовского бассейна, 1749–1863 г. // Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Ч. 2. Екатеринослав, 1866. Отд. 1. С. 13; *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 441–442; *Перенечева Л.Б.* Азов — пограничная крепость России к. XVII — н. XIX вв. 2-е изд., доп. Азов, 2006 (Очерки истории Азова. Вып. 11). С. 263.

⁴³ *Штрандман Г.Э., фон.* Записки Густава фон Штрандмана: 1742–1803 // Русская старина. Т. 34. 1882. № 5. С. 296.

⁴⁴ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 346.

⁴⁵ *Лебедев А.А.* Указ. соч. С. 668–692.

⁴⁶ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 157–293, 300, 304–307, 322–332; Т. 2. СПб., 1866. С. 18–21; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 276–284.

в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства», и приказала командующему Второй армией генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Панину отправить в Бахчисарай два письма соответствующего содержания, адресованные хану Девлет-Гирею IV и его подданным⁴⁷. В 1711 году, когда российское правительство посылало свои прокламации в Крым, Буджакскую и Кубанскую ногайские орды, им предлагалось перейти в подданство русского царя и на его стороне участвовать в войне против бывшего суверена⁴⁸. Следовательно, инициированное императрицей агитационное мероприятие отличалось значительной новизной.

Идя по стопам Петра I, в ноябре 1769 года Екатерина II заявила о необходимости овладеть в следующем году Керчью и Таманью, чтобы взять под контроль Керченский пролив. Это позволило бы кораблям Азовской флотилии крейсировать по Чёрному морю до устья Дуная и пролива Босфор, а также обезопасить Азов и Таганрог от османского десанта⁴⁹.

Однако план отторжения Крымского ханства от Османской империи легче было разработать, чем осуществить. Во многом его реализацию затрудняла своеобразная федеративная структура ханства, в состав которого входили пользовавшиеся широкой автономией ногайские орды, занимавшие территорию вне Крымского полуострова. Следуя полученным инструкциям, весной — летом 1770 года граф П.И. Панин неоднократно посылал эмиссаров в Крым, чтобы разжечь там антиосманские настроения, но не добился успеха. Тогда генерал попытался выполнить своё задание при помощи ногайских орд, чьи владения находились вблизи района боевых действий. Вскоре после успешного проведения Первой армией Ларго-Кагульской операции в штаб Второй армии прибыли делегации от Буджакской и Едисанской орд, чтобы подписать с графом П.И. Паниным соглашение о прекращении военных действий между ними и российскими войсками. В сентябре 1770 года обе орды присягнули Екатерине II и были переселены на подконтрольную России терри-

⁴⁷ Соловьёв С.М. Указ. соч. Т. 28. С. 286; Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 12. С. 451—453.

⁴⁸ Война с Турцией 1711 года: (Прутская операция): Материалы, извлечённые из архивов. СПб., 1898 (Сб. военно-исторических материалов. Вып. 12). С. 48; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249. Л. 165 об.; ПиБ. Т. 11. Вып. 1. С. 95—96; Рахаев Дж.Я. Указ. соч. С. 265—367.

⁴⁹ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 1. Стб. 43—46, 338—339; Соловьёв С.М. Указ. соч. Т. 28. С. 352—354; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 109—111.

торию — сначала к югу от укрепленной Днепровской линии, а в 1771–1772 годах — в Прикубанье. Переговоры генерала с новым ханом Капланом-Гиреем II о создании под протекцией России независимого Крымского государства зашли в тупик. По меткому замечанию С.М. Соловьёва, крымские татары «понимали очень хорошо, что им предлагают из турецкой зависимости перейти в русскую», и для них «отторгнуться от своих единоверцев и отдаться под покровительство христианской державы являлось делом греховным»⁵⁰. Тем временем в июне российский флот одержал в Эгейском море победу над османским флотом. В июле — октябре 1770 года российские войска взяли османские крепости Измаил, Килия, Аккерман и Браилов в Придунавье, и Бендеры в Приднестровье⁵¹. Из них лишь Браилов ранее покорялся русскому оружию в 1711 году⁵².

Основным событием кампании 1771 года стало овладение Второй армией ключевыми пунктами Крыма и успешная оккупация полуострова. В течение всего одного месяца, с 12 июня по 11 июля, были взяты Перекоп, Арабат, Кезлев, Судак, Балаклава, Бахчисарай, Керчь, Еникале, Кафа и в придачу Тамань на Таманском острове. Крепость Керчь, давняя мечта Петра I, пала почти без сопротивления. Эти победы были подкреплены успехами Первой армии в Придунавье, овладевшей османскими крепостями Тулча, Исакча, Журжа, Мачин и Гирсова, и разгромившей османские войска при Бухаресте и Бабадаге⁵³.

В кампанию 1772 года боевые действия не велись, потому что в мае воюющие стороны заключили перемирие, после чего начались мирные переговоры. На Фокшанском и Бухарестском конгрессах российские дипломаты пытались добиться от османской делегации

---

⁵⁰ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 274–276, 281–283, 304–306, 322–326, 345–346, 348–359; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 116; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 354–357; *Грибовский В.В.* К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770–1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г.: Дикаревские чтения (13): Материалы Северокавказской научной конференции, Краснодар, 16–18 ноября 2007 г. Краснодар, 2007. С. 446–473.

⁵¹ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 145–169, 171–199, 298–204, 306–315, 323–324, 327–334, 374–385; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 349–352, 363–364; *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Сочинения: в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 40–56; *Лебедев А.А.* Указ. соч. С. 400–424; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 116–117.

⁵² *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 156–159.

⁵³ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 3. СПб., 1874. С. 96–169, 174–192; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 359–363, 427–435.

уступки Очакова или Кинбурна, предоставления независимости Крымскому ханству, укрепления за Россией Азова, Керчи, Еникале и Тамани, и получения права на свободное судоходство в Чёрном море, взамен на возвращение Бендер, Молдавии и Валахии. Поскольку сторонам не удалось достичь компромисса, весной следующего года война продолжилась⁵⁴. В кампании 1773–1774 годов российские войска действовали на правом берегу Дуная, штурмовали Силистрию, Варну и Рушук, а российский флот сражался в Чёрном, Эгейском и Средиземном морях и даже высаживал десант в Сирии, для участия в осаде крепости Бейрут, предпринятой восставшими друзьями⁵⁵. Вряд ли Пётр I мог предвидеть такой размах войны даже в своих самых оптимистических проектах. Однако к 1774 году международная обстановка стала меняться не в пользу России, увязшей в противоборстве с Османской империей.

Итоги войны были подведены в мирном договоре, заключённом 10 июля 1774 года в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи. Центральное место в соглашении занимала 3-я статья, в которой оговаривалась признание суверенитета Крымского ханства, а находящиеся в подданстве крымского хана «все татарские народы» были объявлены «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти». Россия закрепила за собой три бывшие османские крепости — Керчь и Еникале в Крыму и Кинбурн в гирле Днепробугского лимана (последняя не была завоёвана в ходе войны), а также территорию в устьях Дона и в междуречье Днепра и Южного Буга. Российские торговые суда получили право на плавание по Чёрному морю и проход через проливы Босфор и Дарданеллы⁵⁶.

В последней четверти XVIII века колонизация Северо-Восточного Приазовья развернулась с новой силой и в ещё больших, чем в 1696–1711 годах масштабах⁵⁷. При этом правительство императрицы Екатерины II во многом опиралось на опыт, накопленный при

⁵⁴ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 4. СПб., 1874. С. 105–133; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Т. 28. С. 520–526; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 149–250.

⁵⁵ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 4. С. 6–134; Т. 5. СПб., 1874. С. 29–65, 101–113; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 249–251, 266–268; *Кротков А.С.* Русский флот в царствование Императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб., 1889. С. 71–80, 87–97; *Лебедев А.А.* Указ. соч. С. 289–298.

⁵⁶ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 33–34, 282–284, 356.

⁵⁷ *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 48–91; *Чеботарёв Б.В.* Приазовье во II-й половине XVIII – начале XIX в. и его хозяйственное освоение: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1965. С. 126–169, 178–339.

Петре I (и не забытый в царствование Анны Иоанновны). Не случайно в 1774 году Екатерина II разыскивала в архиве Кабинета Петра I «докладные пункты» царю азовского губернатора И.А. Толстого, интересовавшие графа Григория Алексеевича Потёмкина — будущего генерал-губернатора Азовской губернии, учреждённой в феврале 1775 года⁵⁸. Если Пётр I колонизировал регион в целях создания надёжного тыла для будущих военно-морских операций против Османской империи, то Екатерина II своей главной задачей на Юге видела освоение целинных земель и вовлечение обширной территории в хозяйственную жизнь страны, и военный фактор играл в этом второстепенную роль.

Таким образом, Екатерине II удалось реализовать внешнеполитическую программу по продвижению России к Черноморскому побережью, впервые разработанную Петром I на втором этапе русско-турецкой войны 1696–1699 годов. Императрица не только вернула в состав России Северо-Восточное Приазовье, но и овладела Керчью, взяла под контроль Керченский пролив и открыла Чёрное море для российского флота. Примечательно, что возможность осуществления этих грандиозных планов возникла независимо от её воли. Планы Петра I были даже перевыполнены, так как Россия смогла отторгнуть от Османской империи Крымское ханство с его обширными владениями в Причерноморье и Приазовье, и исподволь сделать его своей марионеткой.

Но в новой международной обстановке петровская внешнеполитическая программа-максимум на Юге превратилась в программу-минимум. Не довольствуясь достигнутыми успехами, на рубеже 1770–1780-х годов Екатерина II уже планировала аннексию Крыма, завоевание остальной территории Северного Причерноморья в междуречье Южного Буга и Днестра, и даже раздел европейских владений Османов и реставрацию на этой территории Византийской империи (правда, исследователи до сих пор спорят, относился ли так называемый «Греческий проект» к области реальной политики, или являлся всего лишь «химерой»). Все эти действия императрицы в Приазовье — Причерноморье были оригинальными новациями, не имеющими реальной опоры в виде наследия Петра I.

---

⁵⁸ Екатерина II и Г.А. Потёмкин: Личная переписка: 1769–1791. М., 1997. С. 63, 616; ПСЗ. Т. 20 (1775–1780). С. 55–56.

Пашков Александр Михайлович
(Петрозаводск)

Профессор Петрозаводского государственного университета

Металлургические заводы Олонецкого края при Петре I и при Екатерине II: Две стадии одного процесса

Известно, что и Пётр I и Екатерина II уделяли особое внимание развитию металлургических заводов, производивших, главным образом, оружие для русской армии и флота. Одним из регионов, где уже в конце XVII века возникли такие заводы, был Олонецкий уезд. Для того, чтобы представить общие черты и особенности развития горнодобывающей и металлургической промышленности в России в XVIII веке на примере предприятий Олонецкого края, необходимо выделить его важнейшие характеристики, к которым можно отнести форму собственности и характер инвестиций в создание и деятельность предприятий, роль иностранных и отечественных специалистов и технологий, источники рабочей силы и характер их труда, длительность и успешность деятельности, включая динамику объёмов производства, количества занятых, длительность работы и наконец, взаимоотношения предприятий с местным социумом.

В 1680–1696 годах выходец из Голландии Генрих (Андрей) Бутенант фон Розенбуш (Heinrich Butenant von Rosenbusch) создал в Олонецком уезде 5 небольших частных железоделательных заводов, основанных на применении вольнонаёмного труда¹. Эти предприя-

¹ Подробнее о заводах А. Бутенанта см.: *Коваленко Г.М.* Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1703. Л., 1979. С. 32–66; *Кротов П.А.* Металлургические заводы балтийского флота при Петре I // Меншиковские чтения. Научный альманах. Вып. 6 (15). СПб., 2015. С. 128–131.

тия имели льготы и привилегии от правительства. Средства на их постройку вложил сам А. Бутенант, на заводах использовался наёмный труд («своими деньгами и работными людьми»). Заводы продавали железо и железные изделия в казну и за границу.

Около 1680 года был пущен Спировский доменный и молотовый завод в Фоймогубской волости «на Спировском ручье». В 1681 году возник Усть-Рецкий доменный и молотовый завод в Кижском погосте и около 1685 года — Фоймогубский доменный и молотовый завод на Устьматке у Верхозера. В «рописи» майора А. Юренева 1686 года заводы в Заонежье были описаны так: «3 завода молотовых, 2 печи плавильные, 3 сарая угольных, 2 кузницы, 6 амбаров, 2 двора приказных людей, двор, где живут мастера, 23 избы, где живут мастера ж и подмастерья, и всякие приказные люди, 2 сарая кирпичных, сарай, где сыплют железную руду, 2 избы, где делают к железным заводам мехи»². В конце XVII века Спировский завод был закрыт.

Только за 1682–1684 годы в Архангельск для продажи «за море» с этих заводов было послано более 13 352 пудов железа. Адмирал К. Крюйс, возивший его «на кораблях в дальние государства» свидетельствовал, что оно «пробу свою держало против прямого доброго шведского железа»³, т. е. было не хуже его по качеству.

Азовские походы и строительство военно-морского флота заставили А. Бутенанта расширить производство. Для выполнения возросшего объёма вспомогательных работ к заводам А. Бутенанта в 1694 году был приписан черносошный Кижский погост «со крестьяны и с бобыли» (по переписи 1678 года 1 197 дворов и около 6 000 душ крестьян).

В июне 1696 года Пётр I потребовал, чтобы А. Бутенант сам выехал в Заонежье, чтобы лично контролировать создание там двух новых заводов. В письме Петру I от 26 августа 1696 года с Усть-Рецкого завода, он доложил: «После того я нынешняго месяца август 5 день здесь на моем железном заводе в добром здравии приехал,... а и паче обрадивал мене ваше милостивейше писмо, от июля 20 писание, в котором вы, мой государь и бачка, ко мне изволил писать, что город Азов ваше милость врученно,... Мы здесь из радости из 11 пушки про ваше здоровье стреляли и про ваше здоровье пили с здесным мастером Немецком кузнецами, потому что ины люди здесь нет, и ракеты на верх спустили. Также и велел я памяти послать в Кижской погосте к всем священникам, чтоб все мири собрали, и Богу бы хвалили и за ваше

² КМР. Ч. 2. Олонечские медные и железные заводы. Л., 1931. С. 147–148.

³ Выписка из письма К. Крюйса И.Я. Яковлеву, 1705, июля 1 // МИРФ. Т. 3. Балтийский флот. 1702–1725. СПб., 1866. С. 498.

здоровье молили; а каковы памятей я отпустил, о том послал я к сей писм к вашей милости список...»⁴ (текст дан с сохранением орфографии оригинала. — А.П.).

Важнейшим результатом этой поездки А. Бутенанта в Заонежье летом 1696 года стало создание двух новых заводов: Лижемского доменного и молотового и Кедрозерского молотового.

В процессе руководства заводами А. Бутенанту надо было решать самые разные задачи. Чтобы обеспечить бесперебойный подвоз руды и дров и перевозку готовой продукции, ему приходилось строить дороги и мосты. А. Бутенант привёз на заводы группу иноземных мастеров бергауэров (немецкое слово «*Bergauer*» означает «горняк», местные жители называли их «бергаулы»).

Многие действия А. Бутенанта были непонятны местному населению, о них много говорили, и поэтому они остались в искажённом виде в памяти многих поколений даже спустя много лет. Даже в XIX веке местные жители показывали «Бутмановы мосты» и «Бутмановы дороги» и рассказывали о том, что всё это построил особый древний народ бергаулы. В одном из преданий упоминается слуга Бутмана по имени Бенка, которого народная молва считала сумасшедшим. Интересно, что по документам на заводах А. Бутенанта работал молотовой мастер Ларион Бенк. В другом предании говорится, что Бутман приказал обстрелять царский галиот на Онежском озере из пушек и был за это казнён⁵. В начале XX века на реке Печоре даже была записана былина «Бутман Колыбанович и царь Пётр Алексеевич». Фольклористы считают, что прообразом главного героя этой былины Бутмана Колыбановича был А. Бутенант⁶.

Тот факт, что предприниматель А. Бутенант стал персонажем севернорусского фольклора, говорит о том, что его деятельность по созданию заводов настолько явно, мощно и бесповоротно ломала традиционный жизненный уклад крестьян Заонежья, что ярко запечатлелась в народной памяти, по крайней мере, на 200 лет.

Начало Северной войны в августе 1700 года и поражение русской армии под Нарвой, сопровождавшееся потерей всей артиллерии, привели к активизации деятельности заводов Бутенанта. В 1700 году

⁴ Примечание к письму № 102 // ПиБ. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 585.

⁵ Барсов Е.В. Пётр Великий в народных преданиях Северного края. М., 1872. С. 5–7 (отд. отт.: Беседа. 1872. № 5).

⁶ Бутман Колыбанович и царь Пётр Алексеевич // Ончуков Н.Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. 59–62; Бутман и царь Пётр // Там же. С. 64–66. См. также: Миллер В. Датский комиссар как герой русских былин (к печорской старине о Петре Великом и Бутмане Колыбановиче) // Вестник Европы. 1909. № 10. С. 680–698.

они получили казённый заказ на отливку в январе-марте 1701 года «для швейцарской войны» 41 740 гранат, 20 000 ядер, 2 000 бомб и других железных изделий. Для его выполнения на Усть-рецком заводе были построены две новые печи для литья пушек. На заводы прислали 4 мастеров пушечного литья, и было закуплено 60 лошадей.

Вскоре был получен новый заказ на изготовление в 1701 году 100 12-фунтовых пушек и к каждой пушке по тысяче ядер. Но он был выполнен только в марте 1702 года. Кроме того, из-за трудностей с доставкой удалось отправить на место назначения только 30 пушек и 10 360 ядер. Остальные пушки и ядра были отправлены в Петербург только в 1704 году. Всего за 1700–1703 годы на заводах Бутенанта было отлито около 180 пушек и более 1 000 тысяч бомб, ядер, гранат и других боеприпасов. Не выдержав всех испытаний, в 1701 году А. Бутенант умер, но его заводы продолжали работать. Их возглавил его сын Андрей Бутенант-младший.

В июле 1703 года заводы А. Бутенанта были переданы в казну. Вероятно, это было связано с тем, что новый заводовладелец не смог организовать должным образом выполнение возросшего объёма военных заказов, что приводило к их срывам. Так, уже готовая продукция не доставлялась на место в срок, поскольку заводские прикащики не могли договориться с крестьянами о размере оплаты за перевозку грузов. А. Бутенант-младший не имел такого управленческого опыта, авторитета и связей при дворе, какими обладал его отец. К 1719 году все заводы А. Бутенанта, кроме Усть-рецкого, были закрыты, а оборудование и специалисты с этих заводов использованы для налаживания производства на вновь созданных Олонецких Петровских заводах⁷.

Создателям первых металлургических заводов на территории Олонецкого уезда пришлось преодолеть множество трудностей. Но деятельность заводов А. Бутенанта показала, что успешная деятельность металлургических заводов здесь вполне возможна. Накопленный на этих заводах опыт, подготовленные там кадры и созданная на них материальная база были использованы в начале XVIII века при создании системы Олонецких Петровских заводов.

Мощностей заводов А. Бутенанта явно не хватало для удовлетворения всех военных потребностей. Поэтому было принято решение заложить в Олонецком уезде ещё четыре новых металлургических завода. Новый этап в развитии горной промышленности и металлургии Карелии начался в 1702 году.

---

⁷ Подробнее об этих предприятиях см.: *Глаголева А.П.* Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957; *Кротов П.А.* Указ. соч. С. 131–135.

В 1702 году экспедиция И.Ф. Патрушева и И.Ф. Блюэра нашла подходящее место для строительства нового завода в устье реки Лососинки на западном берегу Онежского озера. В конце августа 1703 года А.Д. Меншиков отправился в ознакомительную поездку по заводам. Он посетил главный из заводов А. Бутенанта — Усть-рецкий завод, а затем прибыл в устье Лососинки, где 31 августа или 1 сентября был заложен новый доменный, молотовый и оружейный завод, получивший название Петровский. Его строительством занимался московский рудознатец Яков Власов, получивший в 1701 году звание мастера горного дела. Заводы строили и обслуживали местные крестьяне. Острая потребность в пушках и корабельном снаряжении заставляла вести строительство ускоренными темпами. Только с 1 сентября по 17 октября на постройке Петровского завода ежедневно в среднем работало по 102 плотника, 15 кузнецов, 166 возчиков с лошадьми и до 900 работников. За это время они бесплатно отработали 48 441 человеко-день на строительстве завода и ещё 7 660 человеко-дней на перевозке грузов. К началу 1704 года на Петровском заводе всё было готово для литья пушек. В декабре 1703 года были задуты первые доменные печи. Первая пушка была отлита уже в январе 1704 года. До конца марта было отлито 45 6-фунтовых и 15 3-фунтовых пушек. Во второй половине 1704 года были созданы все условия для изготовления ручного огнестрельного и холодного оружия (фузей, пистолетов, шпаг, кортиков и т.д.).

Строительство второго казённого железоделательного завода — Повенецкого началось 23 сентября 1703 года. Третий доменный и молотовый завод — Алексеевский — начали строить 29 августа 1705 года в 40 верстах от Повенецкого на реке Телекиной, впадающей в озеро Выг. Из-за неудобного расположения деятельность Алексеевского завода прекратилась в начале 1715 года. Четвёртый и последний из заводов, вошедших в систему Олонецких казённых заводов, был Кончезерский медеплавильный, расположенный в 40 верстах от Петровского на реке Викше между озерами Пертозером и Кончезером. Первоначально Кончезерский завод создавался как медеплавильный. Строительство Кончезерского завода начали 19 августа 1706 года. С 1708 года там началась выплавка кричного железа для Петровского завода и, таким образом, завод стал не только медеплавильным, но и железоделательным.

Основанные в 1703–1707 годах в Олонецком уезде металлургические заводы образовали систему Олонецких Петровских заводов. Их сооружение не потребовало от государства больших вложений, поскольку производилось местным населением в порядке выполнения государственной повинности. Материально-технической базой

для строительства Олонецких Петровских заводов стали заводы А. Бутенанта.

Источниками рабочей силы на Петровских заводах стали мастера и подмастерья, переведённые «по указу» с бывших частных заводов А. Бутенанта (около 40 чел.), иностранные мастера, приглашённые из-за границы (17 чел.), рекруты и приписные крестьяне Олонецкого уезда (около 300 чел.), укладные мастера (специалисты по выплавке стали из местных озёрных и болотных руд) Олонецкого уезда, «добровольно» записавшиеся в казённые кузнецы (33 чел.), тульские казенные оружейники (110 чел.), крепостные оружейники из села Павлово (34 чел.), посадские кузнецы, присланные из 35 городов районов (около 224 чел.), московские подъячие (50 чел.), прочие (17 чел.). Таким образом, в 1702–1710 годах удалось привлечь для работы на Петровских заводах около 825 человек.

Только за 1710–1719 годы на Олонецких Петровских заводах было отлито 1 755 пушек. Кроме пушек на заводах отливались ядра, делались железные доски, наковальни, котлы и различные мелкие железные детали для оснастки кораблей. Также за 1710–1719 годы там был изготовлен 1 801 якорь общим весом 25,8 тысяч пудов.

Своего расцвета Петровские заводы достигли в 1714–1721 годах, когда ими руководил Вилим Иванович Геннин (Georg Wilhelm de Hennin). Помимо производственных и административных задач он успешно занимался подготовкой кадров для горнозаводской промышленности. В 1716 году на Петровском заводе была создана первая в России горнозаводская школа. Адмиралтейская коллегия отправила туда для обучения 20 подростков из бедных дворянских семей. Из Московской школы математических и навигацких наук туда же были присланы 12 воспитанников «из нижних чинов» для обучения доменному, кузнечному и якорному мастерствам. Там же учились и дети жителей Петровской слободы. Одним из выпускников этой школы был Н.Г. Клеопин⁸, впоследствии взятый В.И. Гениным на Урал и руководивший в 1745–1754 и 1756–1758 годах всеми горными заводами Урала.

Для обеспечения Олонецких Петровских заводов вспомогательной рабочей силой к ним были приписаны около 50 тысяч крестьян.

После окончания Северной войны начался упадок Олонецких Петровских заводов. К тому времени их оставалось только четыре (Петровский, Повенецкий, Кончезерский и Усть-рецкий). В июне 1722 года Пётр I направил В.И. Генина на Урал, где вскоре он был

---

⁸ Подробнее о нём см.: *Корепанов Н.С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000.

назначен начальником Уральских заводов. Ему разрешили взять с собой 7 иностранных и 13 русских мастеров, мастеровых и учеников с Олонецких Петровских заводов. В 1724 году в Сестрорецк для работы на оружейной фабрике были переселены с семьями 540 оружейников с Олонецких Петровских заводов. К 1725 году на Петровском заводе оставалось 263 мастеровых, ещё 32 человека были заняты на починке и постройке ботов, а также 22 канцелярских служащих. На Повенецком заводе оставалось 36, на Кончезерском — 24 и на Усть-рецком 9 мастеровых⁹.

Петровский завод был закрыт в 1734 году, Повенецкий — в 1736 году. Точная дата закрытия Усть-рецкого завода неизвестна, вероятно, это произошло вскоре после 1725 года. Причинами закрытия этих заводов были завершение Северной войны, тяжёлый финансовый кризис 1720–1730-х годов, вызвавший ослабление внешнеполитической активности России после смерти Петра I и сокращение государственных военных заказов, а также низкое качество руд и высокая себестоимость продукции на Олонецких Петровских заводах. После 1736 года на территории Карелии действовал только Кончезерский медеплавильный и железоделательный завод.

Анализируя развитие металлургической промышленности на территории Карелии в петровскую эпоху, можно сделать вывод, что в тот период имело место столкновение двух моделей развития металлургических заводов: частных заводов А. Бутенанта и казённых Олонецких Петровских заводов. В этом конфликте заводы А. Бутенанта, действовавшие в рыночных условиях с целью получения прибыли для их владельца, потерпели поражение. В экстремальных условиях войны со Швецией более надёжной для Петра I казалась мобилизационная форма управления заводами, основанная на командно-административной системе и жёсткой вертикали власти. В условиях войны Пётр I стремился обеспечить бесперебойное оперативное управление деятельностью заводов и полный контроль над производимой там продукцией. Кроме того, метод государственного принуждения был более эффективным для наращивания мощностей заводов. Мастеровых на Петровские заводы сгоняли со всей страны, и это позволило уже к 1710 году довести их численность более, чем до 800 человек, тогда как на заводах А. Бутенанта их было около 40. Общей чертой и на заводах А. Бутенанта, и на Петровских заводах было привлечение на руководящие должности иностранцев — носителей западных промышленных технологий и менеджмента.

⁹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 93–95.

Использованная в создании и управлении Олонецкими Петровскими заводами схема жёсткого государственного принуждения была оправдана и показала свою эффективность в условиях Северной войны, но после её победоносного окончания эти заводы по ряду указанных выше причин оказались ненужными, пришли в упадок и были закрыты (за исключением Кончезерского). Новым этапом горнозаводской деятельности в Олонецком крае стало время правления Екатерины II.

Потребности развития страны и не востребованный потенциал региона потребовали восстановления металлургических предприятий. В 1768 году в пойме Лососинки возникли «французские фабрики», основанные предпринимателями из Лиона Пьером-Жаном Барралем (Pierre-Jean Barral) и Дени Шанони (Denis Chanony). В феврале 1765 года они подписали с Берг-коллегией контракт «о заведении на Петровских заводах фабрики для делания разных изделий из белого железа» (так называли тогда жель). По условиям контракта французские предприниматели должны были создать на Онежском озере предприятие по производству жесты и изготовлению из неё кухонной посуды, лужению железных листов, изготовлению кирас для кавалеристов, а также выделке кос, пил, серпов и даже наперстков.

Содержание контракта позволяет сделать вывод, что главной целью правительства Екатерины II в этом случае было устройство в России неизвестного доселе производства на основе привлечения на льготных условиях иностранных специалистов. Чтобы обеспечить новое предприятие рабочей силой удалось вызвать в Россию в 1765–1766 годах около ста семей «мануфактуристов» (60 из Германии и 40 из Франции). Но, вероятно, не все сто семей прибыли в Петровскую слободу.

Французская мануфактура начала действовать в январе 1768 года. Она включала в себя выплавку стали, плющильную, лудильную и лакировальную фабрики, лесопильный завод. Было организовано производство всех видов оговоренной в контракте утвари. В первые годы французские фабрики действовали успешно, но из-за сильной конкуренции со стороны англичан продажа продукции французских фабрик как в России, так и в Европе шла слабо. Постепенно у французских фабрик стали накапливаться долги перед государством. В 1778 году, когда долги достигли значительной суммы в 194 тысячи рублей, предприятие было конфисковано.

История французских фабрик, действовавших в Петровской слободе в 1765–1778 годах, даёт богатую пищу для размышления. Удивительно уже то, что большая группа французских ремесленников переселилась на север России. Созданное ими предприятие было

частной мануфактурой, ориентированной на получение прибыли и использовавшей новейшие по тем временам технологии. Нельзя не отметить мудрость российского правительства, системой льгот стремившегося привлечь иностранных специалистов, закрепить их в России и передать их знания и навыки россиянам. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться. В условиях крепостнической России потребительский рынок был настолько мал, что частное предприятие, зависевшее от получения прибыли, выжить в таких условиях не могло. Тем не менее, пример французских фабрик показывает, что в середине XVIII века Петровская слобода пыталась играть роль промышленного центра, основанного на восприятии и распространении европейских промышленных технологий.

Оживление промышленной деятельности привело к административным преобразованиям. В 1773 году возникла Олонецкая провинция, преобразованная в 1776 году в Олонецкую область, и, наконец, в 1784 году возникла Олонецкая губерния. А в 1777 году Петровская слобода была преобразована в город Петрозаводск.

Крупнейшим металлургическим предприятием Олонецкого края, возникшем при Екатерине II, был Александровский пушечный завод, возникший в 1774 году. Его создателем и первым начальником был прибывший с Урала горный офицер А.С. Ярцов. Он не знал особенностей плавки из болотных и озёрных руд, поэтому в первые годы существования завода большая часть выплавленных пушек была забракована. В 1780 году А.С. Ярцов был отозван с завода.

Для расширения выпуска и улучшения качества пушек в 1786 году на Александровский завод был приглашён известный британский металлург и инженер Чарльз Гаскойн (Charles Gascoigne) (в России его звали Карл Карлович). Он прибыл в Петрозаводск в сопровождении группы британских литейщиков. К.К. Гаскойн провёл полную реконструкцию Александровского завода и значительно усовершенствовал процесс изготовления пушек. Кроме военной продукции Гаскойн наладил выпуск товаров народного потребления, машин и произведений искусства и архитектуры. Важнейшим новшеством, внедрёнными на Александровском заводе при нём, следует признать появление чугунного художественного литья. При К.К. Гаскойне Александровский завод стал центром распространения в России новейших достижений технического прогресса паровых машин. Здесь зимой 1789–1790 годов была изготовлена первая в России паровая машина по системе Д. Уатта.

Благодаря активной деятельности К.К. Гаскойна Александровский завод в Петрозаводске был коренным образом перестроен и стал одним из лучших металлургических заводов не только России,

но и Европы. Опираясь на его мощности, Гаскойн создал или реконструировал ещё три предприятия, вошедшие в систему Олонецких горных заводов (Кончезерский, Кронштадтский и Петербургский) и два самостоятельных предприятия (адмиралтейские Луганский и Ижорский заводы). Такая активная и успешная деятельность стала возможной в результате политики правительства Екатерины II по привлечению в Россию квалифицированных иностранных специалистов. К.К. Гаскойн был заинтересован в непрерывном росте и расширении производства, поскольку от этого зависел размер его личных доходов.

За 1787–1807 годы на Александровском заводе было отлито 9 534 артиллерийских орудия и более 2,5 млн ядер. На этот завод работало около 20 тысяч приписных крестьян. Александровский завод существовал как пушечный до 1880 года.

Сравнивая развитие металлургических предприятий Олонецкого края в петровскую и екатерининскую эпохи, можно отметить как общие черты, так и различия. Общим было использование иностранных технологий и специалистов, а также широкое применение бесплатного труда тысяч приписных крестьян. Ещё одной общей чертой было то, что заводы создавались не на пустом месте, в обоих случаях уже существовали предприятия-предшественники. Отличием было широкое внеэкономическое принуждение и применение чрезвычайных мер в петровскую эпоху и более продуманная и результативная политика, сочетавшая принуждение с моральной и материальной заинтересованностью, а также более высокая управленческая и инженерная культура и, в конечном итоге, более впечатляющие результаты в развитии Олонецких заводов в годы правления Екатерины II. Это отличие проистекало как от личных качеств обоих монархов и их политики, так и от тех условий, в которых они должны были действовать.

Корепанов Николай Семёнович
(Екатеринбург)

Старший научный сотрудник Музея истории Екатеринбурга

Корепанова Светлана Анатольевна
(Екатеринбург)

*Заместитель генерального директора по научной работе
Свердловского областного краеведческого музея*

Особенности территориального управления на горнозаводском Урале при Петре I и Екатерине II

Административно-территориальное устройство и управление в России во все времена имело исключительное значение и выраженные региональные особенности. Объясняется это, очевидно, как масштабами территории, так и разнородностью российских регионов. В новую же и новейшую эпоху фактор административно-территориального управления зачастую становился ключевым, определяющим в общем процессе модернизации, влиял на пути и формы её.

Что касается Уральского региона (в XVIII–XIX веках это горнозаводской Урал), то на протяжении всей новой и новейшей истории России он, наряду со столицами, оставался одним из модернизационных «двигателей», «локомотивов экономики», опережавших развитие многих других территорий. Очевидно, что накопленный 300-летний опыт управления промышленным регионом весьма редок даже по меркам Западной Европы, и требуется сравнительный анализ форм и методов территориального управления в разные исторические эпохи.

Как известно, начало строительства горных заводов на Урале практически совпало с губернской реформой Петра I. По именному указу от 18 декабря 1708 года было образовано 8 губерний, включая Сибирскую, к которой было приписано 30 городов, в т.ч. Тобольск, Тюмень, Сургут, Пелым, Пермь Великая, Чердынь и другие. Из ныне существующих на территории Свердловской области городов в Сибирскую губернию входили Верхотурье, Туринск. В 1775 году в состав Тобольской провинции вошёл Ирбитский уезд. 29 мая 1719 года губерния была разделена на три провинции — Вятскую, Соликамскую и Тобольскую.

Первые уральские заводы (Невьянский, Каменские, Алапаевский и Уктусский) со своими приписными селениями и лесными наделами (впоследствии лесные дачи) также вошли в состав Сибирской губернии. Формально это были Верхотурский уезд (к нему относились Невьянский, Алапаевский, Уктусский заводы) и Тобольский уезд (верхний и нижний Каменские заводы) Тобольской провинции Сибирской губернии.

До 1720 года территориальное управление заводскими землями велось по линии губернской канцелярии в Тобольске и Сибирского приказа (затем Московской канцелярии Сибирской губернии) — за счёт совмещения должностей сибирского губернатора и руководителя Приказа.

По многим оценкам современников, Сибирский приказ уже в то время воспринимался как архаичная структура. Назначаемые им заводские управители являли собой старый тип воеводской администрации и обыкновенно плохо разбирались в своём деле. Профессиональные заводские администраторы (горные офицеры), появившиеся здесь в 1720-е годы, отзывались о них, как правило, иронически.

Ситуация кардинально изменилась после издания в 1719 году Берг-привилегии и учреждения в следующем году Берг-коллегии. Заводы — и казенные и частные, со всеми рудниками, лесами, приписными селениями отошли к ведению нового органа. Уже тогда это означало появление элементов экстерриториальности. Непосредственно для управления уральскими заводами учреждался местный орган Берг-коллегии, который существовал как Канцелярия горных дел (Кунгур, 1720), Сибирское горное начальство (Уктус, 1721), Сибирский Обер-бергамт (с 1723 года в Екатеринбурге).

Масштабное строительство новых заводов, связанное с именем Г.В. де Геннина и начавшееся в 1720-е годы, по-прежнему велось в Сибирской губернии. Следует помнить, что до 1727 года в состав губернии входила и Соликамская провинция, поэтому казённые

пермские заводы (Ягошихинский и Пыскорский), выстроенные в Кунгурском и Соликамском уездах Соликамской провинции, как и заводы по восточному склону Уральского хребта, формально считались «сибирскими».

Однако, повторим, ситуация к тому времени уже кардинально изменилась. Наиболее последовательно это воплотилось в системе управления заводами восточного склона Хребта, прежде административно относившимися к Тобольской провинции Сибирской губернии. В 1723 году одновременно с постройкой Екатеринбурга здесь было учреждено так называемое Екатеринбургское ведомство.

Определить Екатеринбургское ведомство можно как особую административно-территориальную единицу, входившую в состав Сибирской (Тобольской) губернии, но с подчинением не гражданской (губернской), а ведомственной (горнозаводской) администрации. Характеризуем же мы его как принципиально новое территориальное образование, первый опыт территориально-экономического комплекса, прообраз казённых горных округов Урала XIX века. В современной историографии впервые специальное внимание к Екатеринбургскому ведомству привлечено в статьях Н.С. Корепанова¹. В настоящее время процесс формирования Екатеринбургского ведомства, как и в целом история складывания территориально-экономического управления на Урале в XVIII веке исследованы достаточно подробно².

Основой формирования Екатеринбургского ведомства несомненно послужила приписная система. Объектом управления Ведомства являлась Екатеринбургская контора судных и земских дел, подчинённая Сибирскому Обер-бергамту. Это был исполнительный орган воеводского уровня, субординативно приравненный к провинциальным канцеляриям. Функции её определялись следующим образом: «Все приписные к казённым заводам дистрикты, с их землями, угодьями и подушным сбором, наряд крестьян в заводские работы и

¹ *Корепанов Н.С.* Формирование экономического пространства Екатеринбургского ведомства в 20–30-е гг. XVIII в. // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 1998. С. 30–33; *Он же.* Екатеринбургское ведомство — опыт экономического районирования в XVIII в. // Эволюция административного устройства и управления России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 2.

² *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ. Екатеринбург: Волот, 2007. С. 262–314; *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века. Уральское горное управление. М.: Наука, 2008.

расположение оных по подушному сбору, взимание с крестьян доимок, рекрутские наборы в заводские, в горные и другие наборы»³.

Границы Ведомства менялись с течением времени по мере строительства новых заводов и по мере приписки новых селений. Внутренний состав также менялся. Ведомство делилось на дистрикты (по типу деления провинции на уезды). Для управления дистриктами учреждались дистриктные земские конторы, подчинённые Екатеринбургской конторе судебных и земских дел. На момент учреждения ведомства было выделено четыре дистрикта, затем добавлен пятый. В 1737 году произошло их укрупнение — было утверждено три дистрикта. Состав и границы дистриктов также менялся за счёт приписки слобод или перевода их из одного дистрикта в другой. В ведомство входили казённые заводы: Екатеринбургский, Верх-Исетский («цесаревны Анны»), Уктусский, Верхне-Уктусский («цесаревны Елизаветы»), Полевской, Северский, Сысертский («императрицы Анны»), Каменский, Алапаевский, Снячихинский нижний, Сусанский, Кушвинский, Туринские верхний и нижний, Баранчинский нижний, а также казённые Чусовские пристани. При передачах заводов в частное владение они выходили из состава Екатеринбургского ведомства. Частные заводы в границах ведомства строить запрещалось.

Иными словами, принцип формирования Екатеринбургского ведомства имел характер скорее экономического, или социально-экономического, и серьёзно отличался от обычного порядка провинциального или уездного межевания.

Тем же путём шёл в этот период процесс формирования ещё трёх зон заводского управления. Речь идёт о Западном Урале (Пермские заводы), районе богатого рудного месторождения горы Благодать (Гороблагодатские заводы) и Южном Урале.

В каждом случае учреждались подчинённые структуры Сибирского Обер-бергамта в Екатеринбурге (с 1734 года — Канцелярии Главного правления заводов). Это были горные начальства Пермское (учреждено в 1725, до 1734 года — Пермский бергамт), Оренбургское (1752), Гороблагодатское (1763). В их подчинении находились казённые заводы, а под их ведением и заводы частные. Под ведением Пермского горного начальства была учреждена также Пермская контора судебных и земских дел (аналогичная Екатеринбургской). Однако процесс остался не завершённым, до формирования подведомственных административно-территориальных образований дело не дошло.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 248об.—249.

Пермское горное начальство размещалось последовательно в Пыскорском и Ягошихинском заводах и в Кунгуре. Подведомственные ему заводы с приписными селениями и отводными землями (леса и рудники) по-прежнему находились на территории Кунгурского и Соликамского уездов Соликамской провинции Казанской губернии (с 1727). Оренбургское горное начальство — последовательно в Уфе и Оренбурге; зона его ответственности — заводы в Уфимской и Исетской провинциях Оренбургской губернии. В его подчинении находился единственный казённый завод — Вознесенский, все прочие горные заводы были частными. Гороблагодатское начальство находилось в казённом Кушвинском заводе; подчинённые ему заводы — в Верхотурском уезде Тобольской губернии.

Характеризуя систему ведомственного (горнозаводского) территориального управления на Урале, которая в основном сложилась в 1720—1723 годы и просуществовала до 1781, можно сказать следующее:

1. Формирование территориально-экономического управления на Урале было обусловлено приписной системой и приспособлено к ней. Кроме того, можно выделить и способствовавшие его формированию природно-географические факторы: экономико-экологический (необходимость отвода для заводских нужд леса для куреней и рек к заводскому строительству); сырьевой (отвод рудоносных зон), транспортный (ежегодный сплав заводской продукции в Центральную Россию).
2. Екатеринбургское ведомство и процессы территориальной консолидации в других районах Урала можно считать опытом экономического районирования, причём едва ли не самым ранним в России.
3. Мы считаем, что сложившаяся система в целом оправдала себя и явилась примером эффективного территориального управления. Она имела несомненную модернистскую направленность и способствовала объективному процессу формирования промышленного региона.

В 1781 году на горнозаводском Урале была проведена едва ли не самая радикальная в его истории административная реформа.

1. Указом императрицы Екатерины II от 27 января 1781 года из Пермской провинции Казанской губернии и части Тюменской провинции Сибирской губернии было образовано Пермское наместничество⁴. Оно открыто 18 ноября того же года.

⁴ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 1—45. СПб., 1830. Т. 21 (1781—1783). № 15113.

Пермское наместничество состояло из двух областей — Пермской и Екатеринбургской. По ряду признаков они напоминали губернии, прежде всего, по наличию административных органов губернского звена.

2. 20 ноября 1780 года указом Екатерины II объявлено и в 1781 году началось строительство города Перми — центра области и наместничества. По уже упоминавшемуся указу от 27 января 1781 года Екатеринбургский завод был преобразован в город — центр области.

Позднее, 17 июля 1783 года, были учреждены официальные гербы городов Перми и Екатеринбурга. В частности, герб Перми имел описание: «В красном поле серебряный медведь, на котором поставлено в золотом окладе евангелие и над ним серебряный крест, означающий первое — дикость нравов обитавших жителей, а второе — просвещение через принятие христианского закона».

3. Система горного управления в Екатерининский период была кардинально реорганизована. Прежняя Канцелярия Главного правления заводов и должность Главного горного начальника ликвидировались; взамен учреждались структуры подчинённые губернской администрации — экспедиции горных дел при казённых палатах Пермской, Вятской и Уфимской губерний. Естественно, вскоре же прекратила действие и Берг-коллегия.

Реформа административного управления на Урале воплощала основные положения общеимперской губернской реформы 1775 года — разукрупнение губерний, ликвидацию «провинциального звена» в территориальном делении. Но для горнозаводского Урала она означала ещё и изменение путей процесса регионоформирования.

Формально уже в 1727 году после выделения Соликамской провинции из Сибирской в Казанскую губернию формирующийся горнозаводской регион оказался разделён административными границами. Однако в то время административный потенциал горнозаводской администрации Екатеринбурга превосходил (во всяком случае, был равен) потенциалу губернских структур. Механизмом регионоформирования выступала горнозаводская администрация, а Екатеринбург, формально не имея даже городского статуса, на протяжении шестидесяти лет утверждался как мощный централизующий фактор.

Теперь же роль централизующего фактора всецело отводилась губернским органам, и консолидация территории определялась гу-

бернскими границами. Процесс регионоформирования утратил прежнюю специфику, пошёл более традиционным путём. В плане внутреннего развития Екатеринбурга этот же период характеризовался утверждением городских органов (дума, полиция, городской и губернский магистраты), однако централизующая роль его, несомненно, оказалась в большой степени утеряна. Вероятно, это сказывалось и на эффективности управления горнозаводским хозяйством, ибо уже в начале 1790-х годов Экспедиция горных дел при Пермской казенной палате была переведена из Перми в Екатеринбург.

Итак, в XVIII веке на протяжении менее чем ста лет, на закате эпохи Петра I и в эпоху Екатерины II, на горнозаводском Урале были опробованы две различные модели территориального управления.

При Петре утвердилась и получила дальнейшее развитие принципиально новая для России модель ведомственного (горнозаводского) управления территории с элементами экономического районирования. Губернское управление, как и административные (губернские) границы имели в период до 1781 года меньшее, фактически второстепенное, значение. Главный горный командир в Екатеринбурге властными полномочиями превосходил гражданского губернатора в Тобольске и Казани. Губернские канцелярии оставались аппаратными структурами при губернаторах; горнозаводская же администрация в Екатеринбурге (Обер-бергамт, Канцелярия Главного правления), находясь в формально равной иерархии с ними, фактически располагала реальными властными возможностями. В рамках Екатеринбургского ведомства наработан был уникальный опыт территориально-экономического управления.

В период 1781–1796 годов (до смерти Екатерины) вполне сформировавшийся регион оказался разделён на губернии, хотя большая часть горных заводов и вошли в состав Пермского наместничества. Со своего учреждения оно получило выраженную хозяйственную специфику, определившую его дальнейшее развитие (впоследствии уже в виде губернии). В общем, органы ведомственного управления сохранялись, просто произошло переподчинение их от центрального органа губернскому звену. Однако в заводской среде отмена «горной власти» воспринималась достаточно болезненно.

Возвращение к прежней системе определил субъективный момент: смерть Екатерины, восшествие на престол Павла I. Вместо прежнего наместничества в 1796 году учреждалась Пермская губерния, а Пермская и Екатеринбургская области уходили в прошлое. Екатеринбург возвращал свой статус горнозаводского регионального центра, но терял статус областного (фактически губернского) города.

Как известно, вскоре же произошло урегулирование административного и горнозаводского управления. В 1802 году на Урале было учреждено несколько независимых горных начальств, подчинявшихся центральному органу: Горный департамент Министерства финансов. Спустя пять лет на их основе сформированы казённые горные округа. На протяжении всего XIX века и вплоть до 1920-х годов губернско-уездное и горнозаводское деление территории на Урале сосуществовали.

Третьякова Светлана Николаевна
(Северодвинск)

*Доцент кафедры философии и культурологии филиала
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске*

Освоение Северного морского пути в государственных планах российских правителей — от Петра I к Екатерине II

Правления Петра I и Екатерины II характеризуются активной внешней политикой и внутренними преобразованиями. Определённое внимание, конечно же, уделялось исследованию и освоению обширных российских территорий. Рассмотрим, какова была позиция правителей XVIII века в отношении арктического региона, и можно ли говорить о наличии государственной политики в этом направлении.

Выход к Балтийскому морю не снижал для России значимости её северных морских просторов. Напомним, что знакомство молодого Петра с морем состоялось на Русском Севере, во время посещения им Архангельска (1693 и 1694), на тот период единственного морского порта России. Именно здесь любознательный царь мог узнать о плаваниях поморов к Груманту (Шпицбергену) и Новой земле, в Мангазею. Хотя впоследствии Пётр и охладел к Архангельску, перенеся своё внимание на становление молодой столицы, но это не сказалось на его интересе к далеким морям и землям.

Самого названия Северный морской путь в то время, конечно же, ещё не существовало, до начала XX века использовалось понятие северо-восточный проход. Речь идёт об арктической трассе,

огибающей Европу и Азию с севера, и соединяющей Атлантический океан с Тихим. Считается, что возможность плавания по северному пути впервые была высказана ещё пять веков назад Дмитрием Герасимовым, русским посланником в Риме (в 1525), что и записал его итальянский собеседник: «...море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда (от р. Северной Двины. — *С.Т.*) можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли»¹.

К XVIII веку уже был накоплен значительный опыт отечественного полярного мореплавания и определённый уровень знаний, в том числе картографических. Петровские реформы стали толчком для новых открытий. Традиционно главной заслугой Петра в этом вопросе считают отправку экспедиции В. Беринга для выяснения, есть ли пролив между Азией и Америкой. При этом исследователи расходятся в трактовке цели экспедиции — имела ли она чисто научно-географический, экономический или политический характер². Но зная масштаб личности Петра и его деяний можно не сомневаться, что для него важно было всё. И в данном случае во главе стоял не столько личный интерес, сколько государственный.

По мнению исследователя А.В. Ефимова, Пётр вообще не считал необходимым раскрывать свои замыслы, и не надо принимать его заявления на веру. А участники экспедиции прекрасно знали, что она является секретной, и поэтому придерживались официальной «географической» версии. Вообще многое в этом направлении делалось под покровом тайны.

Второй момент, который обсуждается в литературе, связан с тем, что послужило толчком для организации этой экспедиции. Часто можно встретить утверждение, что подобный интерес у Петра I появился под влиянием бесед с немецким учёным Лейбницем, который не раз высказывал царю мысль о проливе между Азией и Америкой и путях в Китай, а также после посещения им Франции в 1717 году и бесед с французскими учёными³. Но есть множество косвенных подтверждений, что царь задумывался об этом гораздо раньше. Кроме того, существовали отечественные проекты.

Один из них, об организации морской торговли с Китаем через р. Обь, был разработан А.А. Курбатовым, в бытность занятия им

¹ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве // *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 262.

² Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 35–40.

³ См.: Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 4. Архангельск, 2002. С. 14.

должности архангельского вице-губернатора (1711–1714). Второй проект принадлежал Ф.С. Салтыкову и назывался «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китая» (1714)⁴. Содержание этих проектов свидетельствовало о серьёзном, можно сказать государственном подходе их авторов к этому вопросу. Предполагалось освоение прибрежных территорий, строительство гаваней, заводов. Более того, Салтыков был убеждён, что освоение северной морской трассы было под силу только России. Многие из его идей позже лягут в основу работы Великой Северной экспедиции.

Ответная прямая реакция Петра на эти проекты неизвестна, но то, что он вынашивал мысль о поисках северного пути в Индию и Китай, бесспорно. Самое известное подтверждение принадлежит механику А.К. Нартову, близко общавшемуся с Петром в течение длительного времени. Он описывал, как царь, предвидя скорую кончину, «спешил сочинить наставление такого важного предприятия» для генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. При этом Пётр вспоминал, что о «дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию» он «мыслил давно», но другие дела предпринять мешали. «На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моём в разговорах слышал я от учёных людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через науки и искусство. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»⁵

Установлено, что воспоминания Нартова были составлены его сыном значительно позже описываемого события. Но если можно сомневаться в точности передаваемых слов Петра, то вряд ли сама суть изложенного была искажена повествователем.

Подтверждается это и записками английского инженера-капитана Дж. Перри, находившегося на русской службе 14 лет. Перри утверждал, что не раз слышал, как царь выражал намерение послать людей с целью снять верную карту страны, чтобы определить, «есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч.». Такой путь

⁴ Более подробно см.: *Визе В.Ю.* Моря советской Арктики. М., 1948. С. 59–60; *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 236–238; *Булатов В.Н.* Указ. соч. С. 11–17.

⁵ *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 322.

был бы удобнее существовавшего на тот период способа торговли между Москвой и Пекином⁶. Перри добавляет, что в этом случае и для европейских кораблей плавание «стали бы незатруднительны». Тут явно прослеживается интерес самих англичан к возможности такого плавания.

Отметим, что сочинение Перри вышло в Лондоне раньше, чем записки Нартова или посещение Петром I Парижа. Таким образом очевидно, что эта идея витала в воздухе, как принято говорить.

Думается, что у Петра пока просто не хватало времени, чтобы заниматься детально этими проектами. Северная война ещё не закончилась, да и других насущных задач хватало. Позволим себе предположить, что Пётр (имевший опыт плавания по северному морю) понимал всю сложность решения этой задачи, даже маловероятность её реализации в тех условиях — суровый климат, расстояния, несовершенные средства передвижения, отсутствие точных сведений. Тот же Перри уточнял, что, хотя царь и предполагал послать разных лиц исследовать «нет ли чрез Ледовитый Океан какого либо пути сообщения», сам он был мнения, что «путь этот не существует, и говорил, что по его соображениям, эта страна (речь идёт о Новой Земле. — С. Т.), вероятно в этом месте соединяется с Америкой».

Но видимо намерения со стороны Франции всё-таки стали толчком для активизации усилий в этом направлении. Речь шла о традиционном соперничестве между морскими державами. Напомним о давнем интересе европейских мореплавателей к поиску морского пути в Китай через Северный Ледовитый океан. Особенно активными были англичане и голландцы, чьи корабли со второй половины XVI века не раз появлялись в северных морях (однако дальше Новой Земли пройти не смогли). Эта активность вызвала опасения у российских властей, что те могут начать контролировать сибирские земли и проложить через них свой путь в Китай и Индию, что привело к решению запретить морской «мангазейкий ход» в XVII веке.

Французская Академия наук предлагала Петру самой совершить экспедицию для исследования пролива и просила разрешения пропустить в Сибирь несколько членов академии, на что Пётр ответил уклончиво, пообещав сделать это силами русских моряков⁷. Поэтому вполне логично, что в 1719 году Пётр I решает отправить геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина для описания Камчатки и выяснения вопроса о соединении северо-восточной Азии и Америки. Царь

⁶ *Пери Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 40–41.

⁷ *Ефимов А.В.* Указ. соч. С. 36; *Белов М.И.* Указ. соч. С. 250.

лично написал инструкцию: «...взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азиєю, что подлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карту исправно поставить...»⁸. Путешествие держалось в секрете. Отчёт экспедиции с картой Сибири, Камчатки и Курильских островов был представлен царю в 1722 году.

Существуют косвенные свидетельства (донесение французского посла 1721 года) об отправке Петром двух кораблей из Архангельска в устье Оби для поиска путей в Китай и Индию⁹. О самой этой экспедиции почти ничего не известно. Но очевидно, что французы продолжали отслеживать вопрос, французский посол в этом донесении рассуждает о возможности использования Северного морского пути и его выгодах для торговли.

В итоге, как нам кажется, у Петра тихоокеанское направление (восточные границы и морские пути в Америку и Японию) перевесило над северным (путь через р. Обь в Китай и Индию). За три дня до смерти царя из Петербурга отправилась экспедиция Беринга (Первая камчатская экспедиция), которая не достигла ожидаемых результатов.

Но надо отдать должное, неудачи не останавливали ни самих мореплавателей, ни правителей, а становились основой для новых экспедиций. Начинания Петра были продолжены его преемниками. Речь идёт о Великой Северной экспедиции (Второй Камчатской) под руководством капитана-командора В. Беринга, которая в течение десяти лет (1733–1743) работала в Северном Ледовитом и Тихом океанах. Она состояла из нескольких экспедиций, занималась, в том числе, и изучением возможности плавания по северо-восточному проходу. Была проделана грандиозная работа по описанию и созданию карты побережья Ледовитого океана, собраны материалы по геологии, этнографии, зоологии и т.д. Россия «официально» достигла берегов Америки и Японии.

Это было поддержано императрицей Анной Иоановной, к правлению которой традиционно относятся весьма скептически. Отметим, что если Пётр I ограничивался очень краткими инструкциями двум экспедициям, скорее даже указаниями, что и вызывает их разные толкования, то Беринг в декабре 1732 года получает очень подробную инструкцию (правила)¹⁰.

⁸ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3266.

⁹ Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 422–423.

¹⁰ ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). № 6291.

Екатерину Великую справедливо можно считать продолжательницей «дела Петра» и в этом вопросе. Хотя личного интереса у неё к Северу не было, но государственный подход в этом вопросе у Екатерины, конечно же, присутствовал. В 1763 году при Адмиралтействе она учреждает Морскую Российских флотов комиссию для приведения в «добрый порядок» этой «знатной части» обороны государства¹¹. Именно здесь обсуждалась возможность и подготовка важных экспедиций, которые поддержала Екатерина II.

Причём связующим «звеном» между двумя правителями и эпохами в этом вопросе, на наш взгляд, выступал не менее значимый представитель XVIII века — М.В. Ломоносов, «продукт петровских преобразований».

Ломоносов, рождённый на Архангельском Севере, имевший в молодости личный опыт полярного плавания, не раз указывал на необходимость развития мореплавания вдоль северных берегов России. Этой теме он посвятил несколько своих трудов, отразил даже в поэтической форме. Образ «Колумба российского», который «меж льдами» спешит на восток, впервые появился в оде 1747 года. А в поэме «Пётр Великий» эти слова были вложены автором в уста самого царя.

Позволим предположить, что если бы не настойчивость Ломоносова, то реализация этого направления государственной политики была бы затруднена, в лучшем случае отдана на откуп и инициативу промышленников, купцов и учёных-энтузиастов. Причём именно с воцарением Екатерины II, выступавшей покровительницей российских муз, Ломоносов связывал надежды на возможный положительный результат. В 1763–1765 годах он несколько раз встречался с императрицей¹².

Своё главное сочинение, в котором обобщались все предыдущие наработки — «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» — Ломоносов посвятил 10-летнему Павлу Петровичу, имевшему чин «генерал-адмирала Российских флотов» и преподнёс ему 20 сентября 1763 года, в день его рождения¹³.

В обращении к наследнику учёный напоминал о его великом прадеде, «неутомимую рукою» которого «выведены корабли военные на Белое, Азовское, Варяжское и Каспийское море и показана

¹¹ Там же. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 11970.

¹² *Перевалов В.А.* Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949. С. 224–226.

¹³ Впервые это сочинение будет опубликовано лишь в 1847 г., т.е. спустя 84 года.

морская российская сила всем окрестным державам в краткое время громкими победами». И далее: «Северный океан есть пространное поле, где ...усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку...»¹⁴.

Ломоносов придавал вопросу исследования Севера большое и политико-экономическое, и географическое значение. Он считал, что при освоении арктических регионов, несмотря на «трудности и опасности», у русских больше возможностей, и они имеют преимущества перед другими народами. Приводя многочисленные примеры как «россияне далеке в оный край на промысел ходили», Ломоносов предлагал распространить мореходство вдоль всего побережья Ледовитого океана, заселить и освоить эти богатые края. Он был уверен, что многие люди с охотой пойдут на это, если им дадут «отменные привилегии и вольности»¹⁵.

А завершается сочинение Ломоносова его пророческими и часто цитируемыми словами о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном». Очевидно, что к вопросу освоения Арктики Ломоносов подходил с государственных позиций, он видел в этом и приумножение славы России, и подъём производительных сил, и укрепление обороноспособности. Очевидно, что все эти доводы могли убедить Екатерину Великую поддерживать начинания учёного.

Смелость и новизна замыслов Ломоносова состояла в его предложении искать дорогу от одного края России к другому не вдоль сибирского побережья, а через высокие широты, считая, что там пространство свободно ото льдов. В декабре 1763 года проект Ломоносова поступил на обсуждение в Морскую российскую флотов комиссию. После этого он написал ещё два «Прибавления», в которых дорабатывает проект. С этими материалами познакомилась Екатерина II.

Отметим и смелый замысел учёного, и смелое решение Екатерины II. Возможно, что свою роль сыграли амбиции молодой императрицы.

Одновременно были получены известия о новых географических открытиях в Тихом океане. И уже в начале мая 1764 года Екатерина II направила указ в Адмиралтейств-коллегию с поручением снарядить экспедицию с целью описи Алеутских островов и Аляски, её возгла-

---

¹⁴ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. VI. М.; Л., 1952. С. 419–420.

¹⁵ Там же. С. 494.

вили капитан-лейтенант П.К. Креницын и лейтенант М.Д. Левашов. По предложению Ломоносова эта экспедиция была связана с экспедицией по изысканию северо-западного прохода¹⁶. Причём истинные цели держались в тайне, знать об этом должны были лишь участники и организаторы. Все делопроизводство велось в секрете. Инструкции также были секретными. Официально экспедицию именовали «Комиссиею, посланною для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в оныя реки»¹⁷. Экспедиция спешно выехала 1 июля 1764 года, она продолжится 7 лет, и в Петербург вернётся только в октябре 1771 года.

Указ о второй экспедиции (точнее было две редакции указа) Екатерина II подписала 14 мая 1764 года. Гласный касался возобновления китового промысла на Шпицбергене, на что выделялось 20 тыс. рублей из адмиралтейской суммы¹⁸. Размер суммы соответствовал расчётам Ломоносова. Во второй секретной редакции (в обход Сената) прямо указывалось, что «для пользы мореплавания и купечества» учинить «поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее». Повелевалось «все сие предприятие содержать тайно». Как и в первом случае, знать об этом должны были немногие, «для прикрытия от иностранных сего походу». Текст этой редакции, скорее всего, был составлен самим Ломоносовым¹⁹. Руководителем был назначен капитан I ранга, впоследствии адмирал В.Я. Чичагов. Ломоносов активное участие принимал в подготовке именно этой экспедиции, на что ушёл целый год. Она отправится в путь в мае 1765 года, через месяц после его смерти.

Однако сохранить подготовку в тайне не удалось. Уже в сентябре 1764 года во французском донесении из Петербурга подробно говорилось о проекте Ломоносова, о двух судах в Коле и выражалось сомнение в успехе этого плавания²⁰, а в октябре 1764 года подобное сообщение был напечатано в Лондоне²¹.

Дважды, в 1765 и 1766 годах экспедиция пыталась пройти от Шпицбергена к Тихому океану в высоких арктических широтах, где, по предположению Ломоносова, должны были находиться про-

¹⁶ Такого названия придерживается В.А. Первалов. Другие же исследователи называют его северо-восточным, указывая на то, что Ломоносов был противником северо-западного прохода (См.: *Белов М.И.* Указ. соч. С. 365–367; *Булатов В.Н.* Указ. соч. С. 60.).

¹⁷ *Первалов В.А.* Указ. соч. С. 294.

¹⁸ ПСЗ. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 12158.

¹⁹ *Первалов В.А.* Указ. соч. С. 306–308.

²⁰ Там же. С. 262.

²¹ *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1722–1799. М., 1991. С. 28.

странства, свободные от тяжёлых льдов, но пробиться на север выше 80 градусов северной широты не удалось.

Отрицательный результат означал только то, что мореплаватели той эпохи не обладали ещё техническими средствами для решения поставленной задачи. Однако совсем от этой идеи не отказались. Екатерина, которая была довольно осторожна в вопросе освоения североамериканских территорий, поддержала ещё несколько экспедиций, что вполне могло быть вызвано тем, что в Беринговом проливе начали появляться английские, испанские и французские суда, в частности известный английский мореплаватель Дж. Кук (1778–1779)²². Поэтому в 1785 году была организована новая экспедиция (И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева) под общим названием «Северо-Восточная», которая должна была, в том числе, обследовать северную часть Берингова пролива, что фактически было продолжением предыдущих плаваний Левашева-Креницына и проекта Ломоносова. Планировалась и кругосветное плавание, но начавшаяся русско-турецкая война помешала.

В завершение надо отметить, что, с одной стороны, арктические проекты не могли быть главными в деятельности Петра I и Екатерины II, но в тоже время они были стратегически важными, о чём говорит их секретность. Было много объективных препятствий для более активного освоения Северного морского пути. С другой стороны, стимулом были экономические интересы, а также соперничество с другими государствами. Помимо первенства открытий, речь шла и о безопасности русских границ на севере и востоке. Можно согласиться с мнением, что российские открытия второй половины XVII–XVIII веков стоят в одном ряду с Великими географическими открытиями. Они были логическим продолжением реформ Петра I и его политики утверждения России на морях. Именно к имени Петра Великого и его деяниям не раз обращались в качестве примера его наследники на российском престоле и исследователи.

---

²² Там же. С. 177.

Акиншин Александр Николаевич
(Воронеж)

*Доцент кафедры истории России
Воронежского государственного университета*

Петровский и екатерининский Воронеж: Поиск вектора направленности реформ

Под петровским Воронежем понимается период кораблестроения, совпадающий с регулярными приездами Петра I и охватывающий время с 1696 по 1711 год. Создание флота в Воронеже было общероссийским делом, выбор места объяснялся в основном географическим фактором (город находится на правом берегу одноимённой реки, являющейся левым притоком Дона), и в меньшей степени — экономическим (наличие минимальной инфраструктуры и почти векового опыта строительства речных стругов). Главная цель деяний Петра и сопутствующие ей реформы были направлены за пределы города. Да и нужен ли был Петру наш город сам по себе, без кораблей и выхода к Азовскому морю? Мне представляется, что Петру была важна ассоциация: Воронеж — флот, Тула — пушки, Петрозаводск — железо и гранит, Петербург — «окно в Европу». Не потому ли в Воронеже менялось только то, что было связано непосредственно со строительством флота: появилась Немецкая слобода, где поселились иноземные мастера, перенесены Успенский мужской и Покровский женский монастыри из района кораблестроения за пределы города, построены верфи, цейхгауз, цитадель, парусный двор и «пильная мельница», деревянные дома для него самого и сподвижников (дворцами их никак не назовёшь). Кратковременное посещение Петром I Воронежа в 1722 году, при возвращении из Каспийского похода, было вызвано ностальгией по делам давно минувших дней.

В 1700 году «кумпанский» период строительства флота исчерпал себя, на смену ему пришло Адмиралтейство. Даже сам город, с 1658 года находившийся в ведении Белгородского разряда и воеводы Белгородского полка, в 1701 году был передан в управление Адмиралтейскому приказу. В одних руках оказалась сосредоточена и гражданская и военная власть. В 1704 году англичанином Джоном Перри была предпринята попытка устроить шлюз на реке Воронеж, чтобы поднять уровень воды, который позволил бы выводить корабли в Азовское море не только в половодье.

Забывший всегда поиск большой воды заставлял Петра переносить центр кораблестроения в крепость Тавров в пяти верстах от Воронежа, затем во вновь основанный Осеред (ныне город Павловск, на Дону). Открытая в Воронеже в 1703 году школа предназначалась для начального обучения будущих морских офицеров из числа местных служилых людей (драгун), то есть опять подчинена общегосударственным задачам. Резкий рост населения города за период с 1696 по 1711 год с десяти до пятидесяти тысяч человек объяснялся нуждой в рабочих руках любой квалификации для строительства кораблей. После окончания работ численность жителей вернулась практически к прежнему уровню.

В 1708–1709 годах, в ходе подготовки административно-территориальной реформы, Пётр I предполагал создать особую управленческую единицу, принадлежащих «к корабельным воронежским делам»¹. Она получала название «Воронежского адмиралтейского ведомства» и должна была состоять из 25 городов. Воронежский историк Н.А. Комолов отметил намерение царя, по сути дела, преобразовать Адмиралтейское ведомство в отдельную Воронежскую губернию. Эта губерния планировалась исключительно для обеспечения строительства, ремонта и базирования военного флота. Однако из-за снижения удельного веса Воронежа и приписанных к нему городов в системе азовского кораблестроения она не была учреждена. Тем не менее, номинально входившая в Азовскую губернию Воронежская обер-комендантская провинция имела особый, полусамостоятельный статус². Попытка создания «корабельной» губернии, как и назначение южного Азова центром громадной центрально-чернозёмной губернии, были показателем преобладания внешнеполитических и военных факторов над внутриэкономическими и административными.

¹ *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 18.

² Там же. С. 26–27.

Неудачный для России Прутский поход 1711 года положил конец Азовскому флоту и военно-морской значимости Воронежа. Воронеж дал Петру в окончательном итоге не военные корабли, а масштабный опыт организации строительства флота с помощью государственной структуры в виде Адмиралтейства и опыт строительства отдельных кораблей иноземными и обучившимися у них русскими мастерами. Всё это было успешно применено в Петербурге. Для самого же Воронежа итогом полутора десятилетий стали масштабная вырубка окрестных лесов, находившихся выше верфей по течению реки, на строительство судов, и одновременно — меры по сохранению отдалённых лесных массивов: Шипова, Теллермановского и Хреновского бора.

Перенос центра губернии, после утраты Азова временно оказавшегося в Тамбове, в 1715 году в Воронеж был обусловлен уже внутренними факторами: более удобным расположением города, его недавней значимой ролью, особым отношением Петра к этому городу. Долговременное значение имело создание в самом конце правления Петра I в пригородной крепости Тавров казённой суконной мануфактуры, купленной и разделённой впоследствии на ряд частных предприятий, которыми владели Сахаровы, Постоваловы, Тулиновы, Гарденины, Веневитиновы. Воронеж до середины 1820-х годов являлся одним из центров производства в России грубошерстного сукна³.

Из всех построек, связанных с кораблестроением, петровскую эпоху пережили только верфь, цитадель и каменный цейхгауз⁴, до нашего же времени не уцелело ничего, кроме трёх каменных храмов (Успенская и Алексеевская монастырские церкви, Никольская приходская церковь⁵), построенных либо до приезда царственного плотника, либо в его время. Да обустроенная при Петре почтовая дорога Москва—Воронеж исправно служила веками. В послепетровскую эпоху, вплоть до середины XVIII века, Воронеж, пережив пору кратковременного экономического, политического и администра-

³ См.: *Проторчина В.М.* Суконная промышленность в Воронеже в XVIII веке // Из истории Воронежского края. [Вып. 1]. Воронеж, 1961. С. 57–77; *Акиншин А.Н.* Суконная промышленность Воронежа первой половины XIX века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 122–143.

⁴ *Вейнберг Л.Б.* Памятники деяний Петра Великого в Воронеже. Исторический очерк. Воронеж, 1889; *Он же.* Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии / Предисл. и рис. Е.Л. Маркова. Воронеж, 1891. С. 75–98.

⁵ См.: *Успенский Ю.И.* Старый Воронеж. Художественно-исторический очерк. Воронеж, 1922. С. 22–36.

тивного взлёта, пребывал в упадке. Резко снизилась интенсивность упоминаний города в царских указах и повелениях. Воронежу потребовалось время, чтобы продолжить развитие, опираясь на собственные, а не общероссийские, силы. О его новом подъёме можно говорить в екатерининскую эпоху.

Под екатерининским Воронежем понимается город 1760-х — первой половины 1790-х годов. Преобразования Екатерины II носили системный характер и имели для города и губернии (в 1779—1796 годах — одноимённого наместничества) долговременное, в некоторых случаях полуторавековое, значение. Громадная Азовская, с 1725 года — Воронежская губерния, уменьшилась в размерах, утратила деление на провинции, доли и дистрикты, и приобрела управляемый характер с разделением на уезды. Если для Петра I было характерно стремление к укреплению абсолютной власти, то Екатерина предпринимает шаги с целью развития сословного и местного самоуправления, хотя бы в минимальной степени возвращаясь к традициям, существовавшим в допетровской Руси.

В 1787 году формируется общая и шестигласная городская дума и избирается городской голова, в ведение которых переходят все хозяйственные вопросы жизни Воронежа. В 1785 году появляется правовая основа для развития дворянского самоуправления на уровне губернии и уезда. Кстати сказать, воронежское дворянство показало свою неготовность к решению даже проблем собственного сословия, избрав губернским предводителем местного губернатора генерал-поручика Ивана Алексеевича Потапова. После неутверждения его императрицей был избран новый предводитель, бригадир Степан Иванович Тевяшов⁶.

Одним из первых опытов привлечения разных сословий к обсуждению проблем государственного управления стала Уложенная комиссия 1767—1769 годов. На мой взгляд, созыв её вызван был не столько желанием Екатерины II, свергнувшей с престола мужа, легитимизировать свою власть (надо иметь в виду, что после этого прошло уже пять лет), сколько стремлением услышать голос сословий о происходящем в стране. Руководствуясь принципами просвещённого абсолютизма, императрица, вполне возможно, хотела создать нечто вроде постоянного совещательного органа при своей особе. И причину прекращения работы Уложенной комиссии можно видеть не только в напугавшем императрицу обсуждении крестьянского вопроса, но и в том, что ведущие сословия, дворянство и

---

⁶ Литвинова Т.Н. Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. Воронеж, 2010. С. 43–44.

купечество в первую очередь, не оправдали надежд Екатерины II, демонстрируя в большинстве случаев не государственный подход к обсуждаемым вопросам, а узкословный, иногда даже групповой интерес. Личное благосостояние волновало их больше, чем проблемы государственного управления.

Это отчётливо видно на примере выступлений депутатов от Воронежской губернии. В первую очередь, каждый из них защищал интересы своего сословия: владеть ли промышленными заведениями только одним «фабриканам» и купцам, но и дворянам тоже, нести ли «фабриканам» общественные службы, как и купечеству, судиться ли им в одном ведомстве или в разных и т.д. Купечество требовало уничтожить железные и стекольные заводы, ибо они основаны владельцами не для государственной, а для личной пользы, чтобы «в ведомстве купеческом не быть и служб наряду не иметь», разрешить покупать им крепостных людей без земли не только для работы на фабриках, но и для «личных служб». Они также требовали изъятия земли у городских однодворцев и передачи её купечеству «для выгона скота и построения загородных домов, тако же для заведения вновь мануфактур и заводов», а в конечном итоге — выселения однодворцев из города⁷. Дворянство, в свою очередь, настаивало на сохранении своего монопольного права владения землёй, а необходимость запрета железных и стекольных заводов аргументировали тем, что «от них пользы нет, только истребление лесов, в которых большая надобность»⁸.

В середине 1780-х годов по повелению Екатерины II создаются главное (в губернском городе) и малые (в уездных городах) народные училища. Наряду с уже давно действовавшей духовной семинарией (1745) было положено начало системе народного просвещения. Губернская реформа 1775 года способствовала появлению в провинции лиц со специальным образованием: инженеров, архитекторов, землемеров, механиков. В условиях изменения административно-территориального деления появляются новые города, становящиеся уездными центрами. По аналогии с петровскими можно говорить о екатерининских городах. Из 15 уездных центров (считая Воронеж) статус городов при Екатерине II приобрели восемь: Беловодск, Старая Калитва, Ливенск и Нижнедевицк, Бобров, Богучар, Задонск, Купянск (кстати сказать, ныне этот статус сохранили последние четыре города). При назначении селений в уездные го-

⁷ Наказ от жителей города Воронежа // Сб. РИО. Т. 144. СПб., 1914. С. 175–194.

⁸ Наказ Воронежского дворянства // Там же. Т. 68. СПб., 1889. С. 355–357.

рода по представлению наместника Е.А. Щербинина учитывался статус населения (должны жить однодворцы или государственные крестьяне), удобство расположения, наличие путей сообщения, ремёсел и торговли⁹.

В екатерининскую эпоху пребывание иностранцев в Воронежском крае стало явлением обыденным. В 1766 году близ уездного Острогожска была основана колония Рибенсдорф, куда переселились 72 семейства из Вюртемберга, Пфальца и Пруссии¹⁰. В самом Воронеже среди врачей, педагогов, архитекторов, чиновников появляются немцы и поляки¹¹. Менталитет православных от Петра до Екатерины изменился настолько, что их более не смущало проживание рядом с лютеранами и католиками.

В Воронеже в конце XVIII века среди чиновников и педагогов уже имелись выпускники Московского университета и Славяно-греко-латинской академии. На примере сложившегося в 1790-е годы кружка Е.А. Болховитинова (будущего митрополита Киевского и Галицкого Евгения) можно говорить о появлении провинциальной интеллигенции¹². В сферу интересов членов кружка входили перевод и издание книг и исторические изыскания. В 1800 году увидел свет первый краеведческий труд — книга Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний». Книга была отпечатана в местной типографии, открытой в 1798 году.

Воронежский наместник Василий Алексеевич Чертков не был театроманом, но следуя моде, поддержанной императрицей, в 1787 году организовал в своём доме театральные представления, в которых принимали участие «благородные» актёры-любители, включая его собственных детей и внуков¹³. Посещать спектакли могли горо-

⁹ РГАДА. Ф. XVI. Оп. 1. Д. 654. Л. 95–98; Воронежский край в XVIII веке: Документы и материалы по истории края / Сост. В.М. Проторчина. Воронеж, 1980. С. 156–160.

¹⁰ Адлер Б.Ф. Рибенсдорф // Русский антропологический журнал. 1904. № 3–4. С. 67–93.

¹¹ См.: Акинъшин А.Н. Выходцы из немецких земель в Воронежском крае // Германия и Россия: События. Образы. Люди. Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 22–34; Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г. Инонациональная прослойка провинциального общества и её роль в развитии местной культуры // Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 202–211.

¹² Акинъшин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 44–56.

¹³ Анциполовский З.Я. Старый театр. Воронеж 1787–1917. Воронеж, 1996. С. 13–34.

жане всех сословий бесплатно. Не потому ли так легко утвердился в городе в 1801 году «вольный» профессиональный театр, что ему предшествовала самодеятельная труппа?

Город в XVIII веке не раз горел (1703, 1748 годы), но лишь после масштабного пожара 1773 года запрещается восстанавливать его в прежнем виде и Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы велено разработать генеральный план Воронежа. Нельзя не поразиться той скорости, с которой это было осуществлено: пожар случился 10 августа, в ноябре направлен в столицу фиксационный план местного архитектора Н.Н. Иевского «с показанием погоревших мест» и предложениями по перепланировке, 11 марта следующего, 1774 года, императрица начертала на генплане знаменитое «Быть по сему. Екатерина»¹⁴. При этом автор, столичный архитектор Иван Егорович Старов, в Воронеж не приезжал. По генеральному плану 1774 года, разработанному в стиле классицизма с широкими площадями и сеткой пересекающихся под прямым углом улиц, за четверть века сложилась планировка, в значительной мере сохраняемая сейчас. При многократно возросшем с тех пор потоке транспорта не изменилась даже ширина центральных улиц.

Кардинально меняется внешний облик города. Строительство обывательских домов ведётся по «образцовым» проектам. Архиерейское подворье на месте старой крепости перестроено на новомодный манер с возведением трёхъярусной колокольни и корпуса для певчих по проекту знаменитого зодчего Джакомо Кваренги¹⁵. С именем Кваренги был связан и проект губернских присутственных мест, который в полном объёме не был реализован из-за начавшейся русско-турецкой войны 1787–1791 годов, а также из-за того, что уступал по монументальности и торжественности ансамблю Архиерейского двора¹⁶.

Город в последней четверти XVIII века приобретает устойчивое экономическое развитие, не зависящее от колебаний внутренней и внешней политики. Россия, как и в петровское время, стремится создать флот на юге, только теперь не Азовский, а Черноморский. Воронежу отводится теперь не ведущая, а второстепенная роль в этом процессе. Периодически возобновляемое в губернии строительство небольших судов выполняло на начальном этапе этого процесса вспомогательные функции. На Икорецкой и Тавровской вер-

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 2845.

¹⁵ С 1836 г. на этой территории разместились Митрофановский мужской Благовещенский монастырь, в котором находилась резиденция архиерея.

¹⁶ См.: Чесноков Г.А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство. Т. 1. Воронеж, 2011. С. 47–63.

фях в 1768–1769, Новохоперской верфи в 1768–1774, Павловской верфи в 1768–1778 годах строили небольшие суда для Донской флотилии¹⁷. На реках Дон и Хопер начиналась военная служба адмирала Ф.Ф. Ушакова.

С завоеванием выхода в Чёрное море для города Воронежа вторично появляется возможность вести торговлю через южные порты. В 1772–1773 годах здесь предпринимается попытка создать компанию для торговли с Крымом и другими «татарскими местами». Тридцать пять представителей богатейших купеческих семей (Гарденины, Нечаевы, Савостьяновы, Сахаровы, Титовы, Тулиновы и др.) добивались монопольного права на торговлю зерном с Крымом, а возможные убытки стремились переложить на государство. Императрице был чужд такой местечковый протекционизм, что отразилось в её собственноручных замечаниях на проект устава¹⁸. На предложенных конкурентных условиях компания свою деятельность так и не развернула, хотя купцы в оправдание своего бездействия дипломатично ссылались на «продолжающуюся в крепостях св. Димитрия и Таганрогской болезнью»¹⁹.

Екатерина не бывала в Воронеже и не намеревалась посетить его, хотя легенда для этого даже «Путевой дворец» наметила (на крайний случай — для её фаворита светлейшего князя Г.А. Потёмкина)²⁰, но город был определён местом почётной ссылки в 1784–1786 годах последнего крымского хана Шагин-Гирея, и одна из легенд местом его проживания предполагала тот же «Путевой дворец»²¹ (на самом деле — частный дом губернатора И.А. Потапова, построенный в стиле барокко в 1777–1779 годах и проданный в казну в 1803 году).

¹⁷ См.: *Лебедев А.А.* Создание и действие Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2009. 31 с.

¹⁸ [1772]. Октября 18. Именной [указ], данный воронежскому губернатору Маслову. О учреждении Воронежской торговой компании // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 19 (1770–1774). № 13886. Переписку А.М. Маслова с императрицей по этому поводу см.: РГАДА. Ф. XVI. Оп. 1. Д. 650. Л. 88–106.

¹⁹ *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982. С. 220; *Акиншин А.Н.* Воронежское купечество в начале правления Екатерины II (1760-е—1770-е гг.) // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск, 1994. С. 73–75.

²⁰ *Акиншин А.Н., Комолов Н.А.* Династия Романовых и Воронежский край. 1696–1916. Воронеж, 2014. С. 101–110.

²¹ Воронежская беседа на 1861-й год. СПб.: изд. М.Ф. Де-Пуле и П.П. Глотова, 1861. [Отд. II]. С. 34–35; *Коссецкий А.О.* Последние годы последнего крымского хана Шагин-Гирея, в связи с пребыванием его в Воронеже. Воронеж, 1915. 11 с.

Екатерина вела не менее интенсивную внешнюю политику, чем Пётр, но столь непосредственно, как прежде, Воронеж эта политика не затрагивала. Ареал её реализации сместился далеко на юг и на запад. Воронеж из эпицентра событий превратился в типичный губернский город, подверженный законам внутривосполнительского экономического и культурного развития и долгое время замыкавший вторую десятку крупных городов России.

В целом перемены при Петре и Екатерине сопоставимы по масштабам, но в людской памяти и в городском сквере увековечен именно Пётр, давший толчок тем реформам, которые при Екатерине приобрели планомерный, завершённый и необратимый характер. Давно уже характер банальности приобрело утверждение о том, что без Петра I не было бы Екатерины II.

Аристов Вадим Владимирович
(Кингисепп)

Президент Исторического общества Ямбурга – Кингисеппа

Ямбург: От «новопостроенного города» Петра I к «возобновлённому городу» Екатерины II

«НОВОПОСТРОЕННЫЙ ГОРОД»

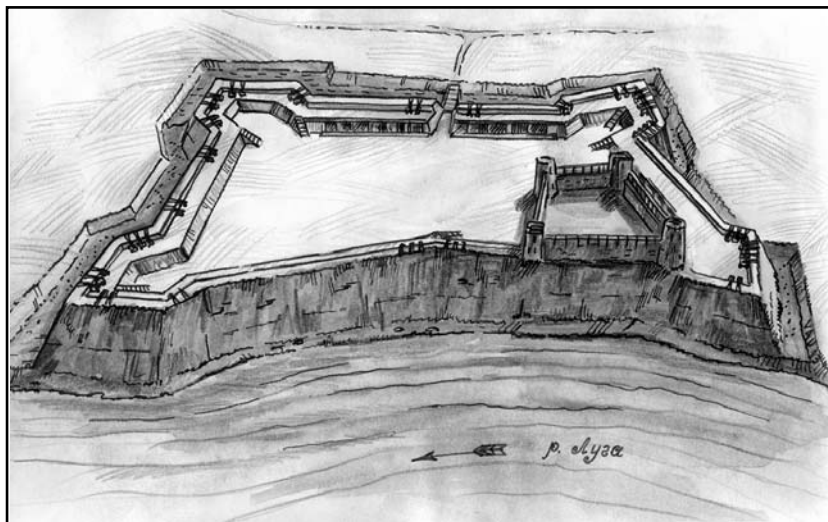
Ямбург, современный Кингисепп, был построен в 1384 году на реке Луге как крепость и пограничный город Новгородской республики Ям (в летописях — «Яма» и «Ямы»). Он стоял на сухопутной дороге в Новгород из Нарвы и являлся противовесом этому немецкому городу на русско-ливонской границе. С конца XV века такую же роль стал исполнять Ивангород, поставленный Москвой прямо напротив Нарвы. В начале XVII века все три города оказались в составе Швеции. В 1640-х годах шведские власти присоединили Ивангород к Нарве, и он на 300 лет потерял статус самостоятельного города¹. Ям же при шведах стал пограничным городом Шведского королевства².

В 1700 году, во время первого похода царя Петра на Нарву, Ям стал первым городом, взятым русскими войсками в Северной войне. Тогда и состоялось знакомство Петра с этим небольшим горо-

---

¹ Подробнее об этом см.: *Кюнг Э.* Русские купцы и граждане Нарвы во второй половине XVII-го века // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2002.

² См.: *Аристов В.* Страницы Яма – Ямбурга – Кингисеппа в истории России и Европы. СПб.; Кингисепп, 2009. С. 73–87.

Общий вид земляной бастионной крепости Ямбурга в 1703 году с входящим в неё каменным детинцем средневековой крепости.
Реконструкция. Худ. В. Ухин

дом. Потом было поражение под Нарвой и отступление русских войск, которые уходили через Ям к Новгороду.

В мае 1703 года, сразу после закладки Петропавловской крепости, Пётр посылает к Яму войска, которые после двух дней осады берут этот город³. По приказу Петра здесь в срочном порядке строится новая земляная бастионная крепость, включившая в себя 4-башенный детинец старой Ямгородской крепости. Как гласит документ того времени, в Ямгороде стали делать *«как наискорее всеми солдатскими полками около каменная земляную крепость против чертежу, каков дан от царского величества генералу квартирмейстеру Аргамакову в Шлюселбургах»*⁴.

Строительство шло ускоренными темпами. К нему были привлечены до 22 тысячи солдат, стрельцов, казаков, башкир и татар. Руководил строительством фельдмаршал Борис Шереметев⁵. В августе 1703-го новая крепость была готова. Она вполне могла носить имя Петра I, так как, вероятно, была построена по собственноручному

³ Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1. М., 1811. С. 491.

⁴ ПиБ. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889. С. 195.

⁵ См.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. II. СПб., 1863. С. 277–278.

Вид с северо-западного бастиона земляной крепости Петра I на дома-пропиеи, построенные по плану возобновления Ямбура при Екатерине II

плану царя⁶. Одновременно был отстроен и сам Ям. При шведах он был небольшим городком, имевшим в середине XVII века всего 60 домов. Теперь же здесь появились новые дома, казармы и фактически был возведён новый деревянный город. В документах он назывался «новопостроенным городом» и был завершён вместе с крепостью. Пётр переименовал его в Ямбург, хотя в своих письмах даже в 1704 году зачастую по-прежнему называл его «Ямы»⁷.

Осенью 1703 года Пётр решил наглядно показать населению Москвы значение для России отвоёванных им у Швеции Ямбура, Копорья и Ниена, переименованного царём в Шлотбург. По возвращении Петра с войсками в «первопрестольную» здесь были устроены особые торжества. Они проходили на европейский манер. Как сообщала 16 ноября 1703 года первая русская печатная газета «Ведомости», «в пришествии его царского величества великий был на Москве триумф, и устроены были трои врата триумфальные со мно-

⁶ Основная часть земляной бастионной крепости, построенной по приказу Петра в Ямбурге, в современном Кингисеппе сохранилась. Однако петербургские историки и музейщики о её существовании зачастую не знают. Это видно по издаваемым в Петербурге книгам, посвящённым фортификационным сооружениям в Ленинградской области и в соседних регионах. Примером может служить издание «Крепости Северо-Запада России». СПб., 2006.

⁷ См.: ПиБ. Т. 2 (1702–1703); Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893.

Ямбургский стеклянный завод. Кубок с изображением корабля «Предистанция» и надписью «ВИВАТ ШАУТ-БЕНАХТУ ОТ РОССИЙСКИХ ФЛОТОВ». 1709–1714 гг.

гим украшением»⁸. Украшения представляли собой картины мифологического содержания, приуроченные «к происходившим тогда военным событиям»⁹. На торжественных вратах имелось изображение «Геркулеса, держащего на цепи льва шведского побежденного». Геркулес, конечно, символизировал царя Петра. Пётр преподносился жителям Москвы как «крепких градов Шлютелборга, Шлотборга, Ямбурга и прочих сокрушитель, Покоритель». При этом подчёркивалось, что возвращения этих городов он

добился «не коварством и хитростию, но явным боем быша»¹⁰. То есть в честном бою, как истинный воин. Таким образом, Ям-Ямбург стал одним из первых городов, чьё возвращение в состав России отмечалось Петром I как большой общегосударственный праздник. Причём в новых, малоизвестных русскому населению, традициях.

Благодаря вниманию царя значение «новопостроенного» Ямбурга резко возросло. В 1703–1704 годах ему предстояло выполнять 5 важных задач: прикрывать строительство Петербурга от возможного наступления шведов из Нарвы; контролировать судоходство по реке Луге; быть базой для походов русских войск в Эстляндию, стать плацдармом для нового похода на Нарву, а также давать защиту войскам, действовавшим в районе реки Наровы и Луги¹¹.

⁸ Ведомости. 16 августа 1703 г.

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 723.

¹⁰ Торжественные врата. М., 1703. См. также: Очерки истории СССР. С. 723.

¹¹ См., напр.: Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1. М., 1811. С. 20–25.; ПиБ. Т. 3 (1704–1705). С. 580–581; 584–585, 594.

Как видим, эти задачи носили военный характер. И надо сказать, что все они петровским Ямбургом были выполнены успешно.

Но, вероятно, уже с 1704 года, в год взятия Нарвы с Ивангородом и Дерпта, Ямбург Петра I стал выполнять и важную промышленную задачу. Здесь начинает работать первый Ямбургский стекольный завод. По всей видимости, он существовал ещё при шведах¹² и был возрождён после окончательного взятия Яма русскими. Указом Петра на этот завод была переведена часть мастеров с Московского зеркального завода¹³. Второй Ямбургский стекольный завод был построен, вероятно, около 1711 года в деревне Жабино, расположенной недалеко от города ниже по течению Луги¹⁴.

Ямбургские стекольные заводы в петровское время были широко известны. Изготавливаемое на них оконное стекло шло во дворцы и дома Петербурга, а стёкла повышенной прочности — на корабли и суда петровского Балтийского флота. Во дворцы русской знати и самого царя с Ямбургских заводов поставлялись также зеркала и стеклянная посуда¹⁵.

Уникальной продукцией стекольных заводов Ямбура были хрустальные колокола для музыкальных фонтанов Петергофа — загородной морской резиденции Петра I. Один из таких колоколов хранится в Русском музее. Он был отлит в 1723 году. На нём, рядом с вензелем Петра I, выгравировано название Ямбургского стекольного завода. Настроенный на определённый лад, этот колокол был частью своеобразного хрустального органа, установленного у петергофских фонтанов. Вал, вращаемый водой, приводил в движение механизм, заставлявший хрустальные колокола играть музыкальные мелодии.

Один из самых красивых образцов продукции Ямбургского стекольного завода, хранящихся в Эрмитаже, это кубок с изображением корабля «Предистинация». На нём нанесена надпись: «Виват шаут-бенахту от российских флотов». Этот кубок принадлежал са-

---

¹² См.: Берк К.Р. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 222.

¹³ «Просил нас Англицкий купец». Документы из архива России и Англии // Исторически архив. 1994. № 3. С. 189–190.

¹⁴ Известная исследовательница русского стекольного производства Н. Ашарина пишет о Ямбургских стекольных заводах, что «о времени их основания приходится только догадываться, так как на этот счёт нет никаких официальных данных». См.: *Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII — начала XX века. М., 1998.

¹⁵ *Назарова И.* Свидетель. Санкт-Петербургская губерния. XVIII век. Новые материалы. СПб., 2005. С. 93–94.

тому Петру I¹⁶, который, как известно, имел звание шаут-бенахта (контр-адмирала).

В 1708 году Пётр I решил «для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним приписать города». Вскоре после этого он пожаловал Ямбург (вместе с Копорьем) во владение Александру Меншикову¹⁷. Теперь город на Луге, значение которого как крепости к тому времени уменьшилось, стал частной собственностью любимца царя. В марте 1713 года Пётр посетил Ямбургские заводы. Увиденным здесь он остался доволен. «*В Ямбурхе на заводах был, — писал царь Меншикову, — zelo изрядны и велики, а наипаче, что стеклы делают... Ежели оныя в добром смотреении будут, великая польза людем и вам прибыль будет*»¹⁸.

Стекольные заводы Ямбурга действительно приносили Меншикову немалую прибыль, хотя до 1717 года они были казёнными и только после этого перешли в собственность «Данилыча». Через них князь брал государственные заказы. Кроме того, заводы выполняли заказы и от него лично¹⁹. В Эрмитаже сохранился стеклянный кубок Меншикова. На нём выгравирован герб и нанесена надпись: «*Виват князь Александр Данилович*»²⁰.

В том же 1717 году, возвращаясь из своего второго заграничного путешествия, Пётр вместе с Екатериной посетил другой Ямбургский завод, расположенный в деревне Жабино. «Поденная записка» сообщает, что 7 октября царь из Нарвы «прибыл на стеклянные заводы в Жабино, и там изволил ночевать»²¹.

На следующий год Пётр приказал осветить улицы Петербурга фонарями. Их проект был разработан архитектором Жаном-Батистом Леблоном. Первые уличные фонари установили на набережной Невы возле Зимнего дворца Петра I. Известно, что они были изготовлены на Ямбургском стекольном заводе²².

¹⁶ *Малинина Т.А.* Императорский стеклянный завод. XVIII — начало XX века. СПб., 2009. С. 39.

¹⁷ Очерки истории СССР. С. 322.

¹⁸ Цит. по: *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков — строитель России. СПб., 2005. С. 118–119.

¹⁹ См.: *Троцкий С.М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 266.

²⁰ Памятники русской культуры XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.; М., 1966. С. 96.

²¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). В 2-х выпусках. Вып. 1. М., 2004. С. 625.

²² История уличных фонарей Санкт-Петербурга. Электронный ресурс: https://vk.com/pages?oid=-14951450&p=ИСТОРИЯ_УЛИЧНЫХ_ФОНАРЕЙ_САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (дата обращения 9.01.2017).

В 1727 году, после опалы Меншикова, Ямбургский и Жабинский заводы были у него конфискованы и стали государственной собственностью. Первое время после этого «заводы со многим числом мастеровых из русских и иностранных людей»²³ продолжали успешно работать. Однако Пётр II перенёс столицу из Петербурга в Москву, и количество заказов на Ямбургском и Жабинском заводах сократилось.

В 1730 году в деятельности этих заводов начался новый подъём. С воцарением Анны Иоанновны столица вновь была перенесена в Петербург, директором Ямбургского и Жабинского заводов был назначен будущий первый член-корреспондент Российской Академии наук Пётр Рычков, а сами заводы отданы в аренду английскому предпринимателю Вилиму Эльмзелю. В это время на них трудились более 90 человек разных профессий, национальностей и вероисповеданий. Мастерами были англичане и русские²⁴.

Жалованье на заводах Ямбурга по тем временам, похоже, было относительно неплохим. Дневной заработок рабочих составлял от шести с половиной до восьми копеек, а месячный — около двух рублей. Кроме того, рабочим выдавали в год от ста до двухсот килограммов ржи и несколько кг круп²⁵. Конечно, это было не так много, но в целом позволяло рабочему люду Ямбурга жить достаточно сносно²⁶. Значительно больше зарабатывали мастера стекольных заводов. В конечном счёте, работа этих предприятий положительно сказывалась на общем благосостоянии маленького Ямбурга и его округи. Период работы здесь стекольных заводов стал для этого города временем относительного расцвета и особой значимости как промышленного города, обслуживавшего потребности новой российской столицы.

По оценке исследовательницы истории русского стекольного дела Н. Ашариной, стиль ямбургского стекла окончательно оформился к середине 1730-х годов. Тогда были найдены формы посуды со специфическими пропорциями и определилась манера гравировки²⁷. Дру-

²³ *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С. 5.

²⁴ *Назарова И.* Указ. соч. С. 92.

²⁵ Подсчитано по данным таблицы заработков рабочих Жабинских стекольных заводов, опубликованной в книге: *Назарова И.* Указ. соч. С. 137. Количество ржи и крупы в таблице дано в русских дореволюционных мерах и переведено в килограммы автором статьи.

²⁶ В то время на 1 копейку можно было купить примерно полтора килограмма хлеба и около полкило мяса.

²⁷ *Ашарина Н.* Указ. соч. С. 56.

гие исследователи утверждают, что изделия Ямбургских заводов «отличались большой чистотой стекла, тщательностью отделки и гравировки. Прямоугольный штоф с гербом и стакан, хранящиеся в Павловском дворце-музее, относятся к этому времени. На стакане, украшенном росписью цветными эмалями, надпись: «Вивать царь Петръ Алексеевичъ». Подобных образцов до нашего времени дошли единицы»²⁸.

И всё же через несколько лет английский арендатор Ямбургских заводов Вилим Эльмзен разорился. В конце 1730-х эти заводы были переведены в Старую Ладугу, а затем в Петербург. Таким образом, Ямбург лишился своих главных промышленных предприятий, и для «новопостроенного города» Петра I началось время упадка.

В период правления Анны Иоанновны Ямбург был исключён из списка российских крепостей. Город стал просто проезжей почтовой станцией на Ревельском тракте. Из всех петровских начинаний и объектов, построенных при Петре, наиболее важными в Ямбурге оставался сам тракт, наплавной мост через Лугу и деревянный Михайловский собор, стоявший в пределах бастионной крепости.

В марте 1755 года, в период правления Елизаветы Петровны, Правительствующий Сенат во исполнение указа этой императрицы принял решение «стеклянные заводы перевесть по-прежнему в Ямбург»²⁹. Но это распоряжение так и не было выполнено. Знаменитые прежде Ямбургские заводы, переведённые сначала на Ладугу, а затем и в саму столицу, так и остались в Петербурге, выступив основой Императорского фарфорового завода.

При преемниках Петра внимание уделялось только Ревельскому, или Нарвскому тракту и мосту. Никакого строительства в городе на Луге не велось. Здесь даже не появилось ни одной школы или училища. Сам Пётр I, ратовавший за образование и просвещение, почему-то упустил этот вопрос в Ямбурге из вида. Поэтому по распоряжению духовного ведомства детей ямбургских священнослужителей отправляли на учёбу в школу при Александро-Невской лавре³⁰.

Периодом нового расцвета Ямбурга стало время правления императрицы Екатерины II.

²⁸ Кучумов А.М. Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея. Л., 1981. С. 177.

²⁹ Цит. по: Назарова И. Указ. соч. С. 155.

³⁰ Подробнее см.: Аристов В. Указ. соч. С. 95–101.

«ВОЗОБНОВЛЁННЫЙ ГОРОД»

Екатерина II впервые посетила Ямбург зимой 1744 года в качестве невесты будущего императора Петра III, когда следовала в Петербург из германского Штеттина. Как следует из «Записок» Екатерины, это была первая в её жизни поездка на санях (в действительности она ехала в карете, поставленной на полозья, которую тянули десять лошадей). Будущая Екатерина Великая, а тогда ещё София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская, ехала вместе со своей матерью, Иоанной-Елизаветой. В конспиративных целях ей было указано именоваться до Риги графиней Рейнбек, а после ехать уже под своим именем. От Риги до Петербурга будущая русская императрица и её мать путешествовали в сопровождении эскорта под командованием князя Семёна Кирилловича Нарышкина. Через Ямбург кортеж проследовал 3 (14) февраля, двигаясь из Нарвы, где у Софии Августы Фредерики и сопровождавших её лиц была ночёвка³¹.

Второй и третий приезды в Ямбург Софии Августы Фредерики, принявшей в России православие и ставшей после брака с наследником российского трона Петром Фёдоровичем великой княгиней Екатериной Алексеевной, пришлось на неприятную для неё поездку лета 1746 года, когда она вместе с мужем сопровождала императрицу Елизавету Петровну во время её путешествия в Остзейский край. Став после свержения Петра III самодержавной государыней, Екатерина II ещё несколько раз посетила Ямбург и Ямбургский уезд.

В 1764 году по примеру Елизаветы Петровны она тоже совершила большую поездку в Эстляндию и Лифляндию. Путешествие началось 20 июня выездом императорского кортежа из Петербурга в Красное Село. Вечером следующего дня императрица отправилась в сторону Ямбурага.

«В город Ямбург Ея Императорское Величество изволила прибыть пополуночи в 4-м часу, то есть 22-го числа (июня. — В.А.)», — сообщает «Журнал путешествия императрицы Екатерины II». В Ямбурге Екатерина остановилась в путевом дворце, где «изволила быть... в покоях и кушать чай». В это время произошла новая смена лошадей. Когда кортеж был готов к отъезду, царица «от дворца чрез лежащий

---

³¹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907; *Иоанна-Елизавета Анхальт-Цербстская*. Известия, писанные княгиней Иоанной-Елизаветой Анхальт-Цербстской, матерью императрицы Екатерины, о прибытии её с дочерью в Россию и о торжествах по случаю присоединения к православию и бракосочетания последней. 1744–1745 годы // Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 8, 18, 19.

на реке Луге мост, за неспособным спуском с горы, изволила переходить пешком на другую сторону реки»³². Отсюда рано утром царский кортеж двинулся в сторону Нарвы.

21 июля того же года, возвращаясь из Прибалтики в Петербург, Екатерина II вновь прибыла в Ямбург. Здесь она была встречена губернатором Санкт-Петербургской губернии Степаном Ушаковым и советником Волковым. В Ямбурге императрица осталась ночевать, остановившись в «состоящем там Дворце». Днём в этом дворце был дан обед на 17 персон, а в 2 часа дня Екатерина II продолжила свой путь в сторону Петербурга³³.

Двойное посещение Ямбура за время путешествия императрицы по Прибалтике в 1764 году пошло этому городу на пользу. Маленький Ямбург, стоящий на столь важной государственной трассе и явно уступающий в своём развитии более крупной и богатой Нарве, похоже, чем-то понравился Екатерине II. Возможно, как раз во время остановки в Ямбурге при возвращении из того путешествия Екатерина II решила создать из него образцовый город русской провинции. Ямбург находился на пути в столицу Российской империи из Европы, а роль военного центра и оборонительного пункта на пути к Петербургу, которую исполнял этот город при Петре Великом, оставалась в прошлом. Построенные при Петре деревянные дома и казармы наверняка уже покосились, а часть их сгорела при пожарах.

Когда Екатерина II вернулась из путешествия, был разработан план превращения Ямбура в крупный промышленный центр и современное по тому времени городское поселение. И хотя не все замыслы оказались претворены в жизнь, самые впечатляющие и красивые здания Ямбура были построены или заложены именно в эпоху Екатерины. В первую очередь — Екатерининский собор, ставший гордостью и символом Ямбура и современного Кингисеппа.

Началом нового переустройства Ямбура стал тот же 1764 год. По возвращении в Царское Село «*собственной Ея императорского Величества рукою было подписано тако: Дворцовая канцелярия построить имеет в Ямбурге каменную церковь, чему сделав план Нам представить с показанием, во что она обойдётся*»³⁴.

Фактически это было доведением до конца решения, принятого незадолго до смерти императрицей Елизаветой Петровной. Осенью 1761 года она тоже озаботилась отсутствием у Ямбура достойного

³² Журналы камер-фурьерские, 1764 года. СПб., 1856. С. 263–264.

³³ Там же. С. 347.

³⁴ Цит. по: Назарова И. Указ. соч. С. 110.

Архитектор Антонио Ринальди,
автор проекта Екатерининского
собора в Ямбурге

храма и распорядилась: «...*Понеже через оный город лежит большая проезжая дорога, да при оном стоит дворец... чего ради Божию церковь построить должно от Дворцовой канцелярии*»³⁵.

Так началась история создания Екатерининского собора, архитектором которого стал знаменитый Антонио Ринальди, автор Мраморного дворца в Петербурге, дворца в Гатчине, зданий в Ораниенбауме. В своих записках Екатерина II писала: «*Я велела (строить храм в Ямбурге. — В.А.)... итальянскому архитектору, который тогда у меня был, Антонио Ринальди...*»³⁶.

В 1765 году для проверки сметы строительства, стоимость которого изначально определялась суммой около 15 400 рублей, из Петербурга был прислан архитектор Андрей Мыльников. Он осуществлял строительство собора в Ямбурге в течение двух лет и сумел добиться сокращения сметы более чем на 1 600 руб.³⁷ По всей видимости, с согласия императрицы на строительство собора пошла часть плитняка из стен и башен детинца бастионной крепости Петра Великого. Это как раз и должно было удешевить строительство Екатерининского собора, возводимого непосредственно у крепости.

Вероятно, именно Мыльников стал автором проекта каменной Михайловской церкви в ябургском пригороде, селе Новопятницком. В ту же поездку 1764 года Екатерина II обратила внимание на развалины имевшегося здесь древнего монастыря и решила построить на этом месте ещё один новый храм. Его назвали Михайловским — взамен упразднённого собора, стоявшего в крепости Ямбурга. Указ о строительстве храма в Новопятницком был подписан императрицей тогда же, когда увидел свет указ о создании Екатери-

³⁵ Цит. по: Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисеппский район. СПб., 2003. С. 34.

³⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 416.

³⁷ См.: Назарова И. Указ. соч. С. 110–111.

нинского собора³⁸. Начав такое большое строительство в Ямбурге и вблизи него, Екатерина выступала в роли продолжательницы дела Петра Великого и исполнительницы решения его дочери Елизаветы.

В апреле 1766 года Екатерина II приказала приступить к «*возобновлению всего города Ямбурга*»³⁹. Такое поручение было дано гофмейстеру, сенатору и кавалеру Главной Дворцовой канцелярии Ивану Елагину. Он также занимался созданием собора и заказывал иконы для иконостаса художнику Гавриилу Козлову, профессору Академии художеств. «Елагин предложил создать в Ямбурге громадную мануфактуру, где должны были выделывать сукна, шёлковые материи, батист, чулки, зеркала и прочее, — писал автор первой книги по истории Ямбурга-Кингисеппа Пётр Жулёв. — При мануфактуре должен был быть не менее великолепный гостиный двор с 44 магазинами и крытой галереей. Соответственно этому должен быть построен новый город с каменными зданиями, аллеями, каналом, проведённым от Луги»⁴⁰.

Библиограф и краевед Ирина Назарова, много потрудившаяся над воссозданием истории Ямбурга XVIII века, добавляет: «*В 60-е годы Ямбурге считался погорельцем. Возможно, это и стало причиной того, что молодая Екатерина бросила сюда свой благосклонный взгляд, решив сделать из маленького городка с ветхой старинной крепостью передовой промышленный центр. Елагин, “главный директор при строении всего города”, потрудился на славу, и уже летом 1770 года в Ямбурге на берегу Луги работала новенькая суконная мануфактура. Царица захотела взглянуть на неё. Это был единственный случай за все годы царствования, когда она ехала специально в Ямбург, не проездом по важным дипломатическим делам, не мимоходом на час-другой, чтобы сменить лошадей*»⁴¹.

Как свидетельствуют документы, 6 июля 1770-го Екатерина отправилась в «*путешествие из Петергофа в Ямбург, отстоящий... в 107 верстах, для осмотра в оном городе вновь заведенной суконной фабрики, також и вновь строящегося каменного строения*»⁴².

На сей раз императрицу, без преувеличения выступавшую в роли благотельницы Ямбурга, за две версты до города встречали

³⁸ Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Указ. соч. С. 34–35.

³⁹ Назарова И. Указ. соч. С. 111.

⁴⁰ Жулёв П. Очерк истории Кингисеппского уезда и города Кингисеппа (бывшего Яма-Ямбурга). Отдел. народ. образ. Кингисеппского исполкома. (1924). С. 22.

⁴¹ Назарова И. Указ. соч. С. 112.

⁴² Церемониальный камер-фурьерский журнал 1770 года. СПб., 1857. С. 145.

Портрет Ивана Елагина

её 15-летний сын, великий князь Павел Петрович, и ямбургский полицмейстер майор Строев. Сам город приветствовал государыню 101-м выстрелом из 11 орудий. *«И соизволила она прибыть в новопостроенный каменный дом, у которого на крыльце встретил Ея Величество при строении всего города Главный директор, Сенатор и кавалер Его Превосходительство Иван Перфильевич Елагин».* Рядом стояли ямбургские чиновники и купцы, которые поднесли императрице хлеб и соль *«с серебряною солонкою»*⁴³.

«Новопостроенный каменный дом» заменил собой прежний деревянный дворец. Отдохнув в нём, Екатерина отправилась осматривать суконную фабрику. Там всё было готово к прибытию царицы. Полы в помещениях были усыпаны белым песком и ельником. Изготавливаемое сукно разостлано для показа. Мастерские и рабочие люди находились на своих местах. Екатерина осталась довольна и *«соизволила повелеть раздать денежную сумму»* работникам фабрики. В ответ те неоднократно прокричали: «Виват Екатерине Второй!»⁴⁴ После этого сопровождаемая свитой и толпой жителей города императрица вернулась в новый гостевой дом Ямбурга, где под музыку кларнетов до вечера играла в карты.

Вечером у «новопостроенного дома» был зажжён фейерверк и фонари. Они освещали три большие картины, посвящённые «возобновлённому» Ямбургу, и надписи: *«Да будет таков в пользу Отечества»*, «Ямбург в младенчестве Матери своей и Матери Отечества Екатерине II, первую приносит жертву, июля 6 дня, 1770 года» и *«Рече и бысть повелел и создашася»*. Над средней из картин было помещено «вензелевое имя» императрицы, «под короною»⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 146.

⁴⁴ Там же. С. 147.

⁴⁵ Там же. С. 148.

В городе были иллюминированы все дома. Такого яркого и большого праздника Ямбург ещё никогда не видел. И хотя запланированная в центре города восьмиугольная площадь с обелиском в центре не была готова, за праздничным ужином в «новопостроенном доме» Елагин и члены свиты поднимали бокалы в честь «возобновления всего города Ямбурга», восклицая: «*Да будет таков в пользу Отечества!*»⁴⁶

Следующее посещение Екатериной II Ямбурга состоялось в мае 1780 года, во время её второго большого путешествия через Прибалтику в Могилёв. Тогда в Ямбурге были установлены двое триумфальных ворот: одни — перед городом, другие — в самом городе. Возле вторых ворот Екатерину II встречали «содержатели имеющих в том городе разных фабрик и прочие того города жители обоего пола». Собравшиеся на встречу с императрицей ямбуржцы кричали: «Виват!»⁴⁷.

Во время этого приезда Екатерина могла видеть, насколько изменился Ямбург после начала её преобразований, напрямую коснувшихся этого города. Правда, за прошедшие к тому времени 14 лет «возобновление» Ямбурга ещё не было закончено. Оно оказалось долгим и в конечном итоге значительно урезанным по сравнению с первоначальным планом. Согласно ему вся центральная улица этого уездного города должна была быть застроена монументальными зданиями с колоннами и скульптурами и фактически стать похожей на центр Санкт-Петербурга. Это грандиозное строительство до конца так и не довели. И всё-таки город постепенно преображался.

Изменения в жизни Ямбурга носили не только архитектурно-градостроительный и промышленный характер, но и национальный. Летом 1780 года на въезде в город Екатерину II встречали немецкие колонисты Ямбурга. Это были переселенцы из Германии, появившиеся здесь после Манифеста императрицы 1762 года с призывом к иностранцам разных сословий селиться в России (за исключением евреев)⁴⁸.

Первые 96 семей немецких колонистов — католики из Пфальца — приехали в Ямбург в 1766-м. Им дали казённые земли на берегу Луги вблизи города (ныне это территория Кингисеппа). Здесь появились три колонии — Луцкая, Порховская и Франкфуртская⁴⁹. В ре-

⁴⁶ См.: Там же. С. 150–151.

⁴⁷ Камер-фурьерский журнал за 1780 г. СПб., 1888. С. 278–279.

⁴⁸ ПСЗ. Собрание 1-е (далее: ПСЗ). Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 16 (28 июня 1762–1764). № 11720. С. 126.

⁴⁹ См.: *Бахмутская Е.В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы. Сб. ст. СПб., 1999. С. 237–238.

зультате численность населения ближайших пригородов выросла примерно на 600 человек, что по тем временам для небольшого города было довольно много. С тех пор немецкая речь на окраинах городах, как и в нём самом, стала обычным явлением. Этим Ямбург теперь походил на соседнюю — исторически немецкую — Нарву. Отличие было в том, что там немецкое население являлось исключительно городским, а здесь — в основном сельским.

Появление в Ямбурге переселенцев из Германии стало ярким моментом в жизни этого города времён Екатерины Великой. Немцы находились и среди городских жителей Ямбурга. Это было традицией, появившейся тут ещё во времена шведов и продолженной Петром I. Немецкие фамилии, только уже вместе с русскими именами, постоянно встречаются в списках городского и уездного управления Ямбурга.

В том же 1780 году, во время возвращения Екатерины II из путешествия в Могилёв, состоялось её последнее — краткое — посещение Ямбурга. Но этот город она, похоже, не забывала и гордилась начатым в нём большим строительством. В одном из своих полемических сочинений Екатерина писала: «*Друг-читатель, вот имена городов, возрождающихся из пепла: кроме Твери, Ямбург, Старая Русса, Дерпт, Каргополь, Казань...*»⁵⁰ Как видим, перечисляя целый ряд городов, Екатерина Великая назвала Ямбург вторым. И это при том, что из всех них он был самым маленьким.

В 1780 году Екатерина II закрепила за Ямбургом статус уездного центра Санкт-Петербургской губернии и даровала ему герб. Он представлял собой изображение сидящего на камне чёрного орла в зелёном поле, взирающего на солнце. По преданию, такой герб был задуман ещё Меншиковым. Солнце означало Петра I, а орёл — самого Меншикова (в 1990-х годах этот герб был принят в качестве официального символа современного города Кингисеппа — правопреемника древнего Ямбурга).

Благодаря заботам Екатерины Великой в апреле 1782 года, после долгого строительства и отделки, в Ямбурге был открыт Екатерининский собор. Спустя ровно год его освятили.

Через восемь лет в двух километрах от собора, на берегу Луги, появилось новое городское кладбище. Заботясь о благоустройстве Ямбурга и его санитарном состоянии, Екатерина II запретила делать захоронения в городской черте, на старом ямгородском погосте, располагавшемся вблизи крепости у древней дороги на Копорье (ныне улица Жукова). За год до открытия Екатерининского

⁵⁰ Цит. по: Назарова И. Указ. соч. С. 122.

Екатерининский собор,
в Кингисеппе (Ямбурге)
построенный по проекту
Антонио Ринальди.
Фото 2015 г.

собора она же приказала разобрать остатки каменной Ямгородской крепости⁵¹.

В 1784 году Екатериной был утверждён генеральный план Ямбурга⁵². Согласно ему город должен был иметь чёткую правильную планировку улиц и окружной обводной канал по своей границе, примыкающий к реке Луге. К сожалению, этот

план тоже не был полностью выполнен. Но основные каменные здания, сформировавшие монументальный центр Ямбурга с восьмиугольной площадью, в правление Екатерины Великой были возведены.

Когда в 1789 году историк и писатель Николай Карамзин проезжал Ямбург, он заметил: «*В Ямбурге, маленьком городке, известном по своим суконным фабрикам, есть изрядное каменное строение*»⁵³. Это краткое сообщение свидетельствует, что основное строительство в городе было успешно выполнено. Площадь, которую окружали каменные здания Гостиного двора, была достроена, Екатерининский собор был возведён и украшал парадный въезд в город со стороны реки. А фабрики успешно работали и были уже широко известны.

В 1786 году в Ямбурге было открыто двухклассное училище. Специально для него в городе построили новое здание. В училище принимались дети обоих полов. Обучение было бесплатным. Дети изучали «Пространный катехизис», «Священную Историю», «Книгу о Должностях человека и Гражданина», «Руководство к чистописа-

⁵¹ Ямбург // Словарь Брокгауза и Ефрона. Электронный ресурс: <http://www.vchi.net/brokgauz/> (дата обращения 06.01.2017).

⁵² ПСЗ. Т. 27 (1802–1803). С. 5.

⁵³ Карамзин Н.М. Записки русского путешественника. С. 87. Электронный ресурс: http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol1/01prp/01.htm (дата обращения 06.01.2017).

нию», «Прописи», «Первую часть Арифметики». Их учили рисованию. Из девяти уездных училищ Санкт-Петербургской губернии Ямбургское было четвёртым (после Кронштадтского, Нарвского и Ораниенбаумского) по количеству учеников. В августе 1786 года их насчитывалось 44 при одном учителе⁵⁴.

К концу правления Екатерины II у некоторых жителей Ямбура появились свои каменные дома, хотя сам город по численности населения продолжал оставаться небольшим. По данным на 1780 год, здесь было учтено всего 250 человек. Эту цифру современные краеведы обычно приводят в качестве всей численности населения города⁵⁵. Однако, вероятно, речь идёт только о взрослых мужчинах, которые обычно и учитывались в России того времени в переписях. Если это так, то общее количество жителей Ямбура было в несколько раз больше и приближалось к полутора тысячам.

Что касается открытой при Екатерине II в Ямбурге фабрики, то она работала долго и успешно. Кроме сукна здесь производили ещё байку. В 1802 году минеролог и химик Василий Севергин писал: *«В городе Ямбурге, между прочим, достойна примечаний находящаяся в оном ныне баешная фабрика, коей содержатель родом немец, имеет также и постоялый двор для проезжих. Байка в ней делаемая отличается перед многими другими не токмо своею мягкостью и нежностью, но также яркостью и приятною пестротой цветов... Обыкновенной величины одеяло стоит здесь пять рублей, а аршин байки пятьдесят копеек. Заведение сие достойно, кажется, дальнейшего внимания и подражания»*⁵⁶.

Как видим, благодаря императрице Екатерине Великой Ямбург получил и новый центр из красивых каменных зданий, и красивый собор, спроектированный придворным архитектором, и новое направление своего развития. Этот «возобновлённый город» внешне преобразился и вновь стал заметным промышленным центром Санкт-Петербургской губернии, снабжая столицу империи высококачественной материей.

В 1845 году в своём «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» Пушкарёв сообщал читателям: *«В царствование Екатерины II город Ямбург был превосходно*

⁵⁴ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С. 32.

⁵⁵ Краевед И. Назарова утверждает, что в городе тогда проживало «немногим более 200 человек». См.: Назарова И. Указ. соч. С. 120.

⁵⁶ Севергин В.М. Записки путешествия по Западным провинциям Российского государства. Т. 1. СПб., 1803. С. 5–6.

устроен. Прямая и широкая улица, ведущая в город при въезде, была тогда даже застроена по обе стороны каменными домами. Улица эта оканчивалась осьмиугольной площадью, вокруг которой находился гостинный двор с галереею. Посреди площади поставлен был обелиск, далее, на так называемом Угорке, воздвигнута великолепная каменная церковь. Далее к реке Луге раскинуто было Ямбургское селение с деревянным строением и церковью»⁵⁷.

А одно из энциклопедических изданий XIX века утверждало: «Счастливейшей эпохой для Ямбура было царствование Екатерины II, —, — из бедного местечка он превратился в красивый город, населённый иностранными колонистами. Императрице очень нравилось местоположение Ямбура, и она часто приезжала сюда летом»⁵⁸.

Это, конечно, красивое преувеличение. По сравнению с Петром I Екатерина II в Ямбурге была немного. Только 8 раз, из них 7 раз проездом, в том числе один — в статусе невесты будущего императора Петра III и два — в статусе его жены и великой княгини в свите императрицы Елизаветы Петровны. В то же время Пётр Великий бывал в Ямбурге 19 раз, причём как минимум 6 визитов Царя-Преобразователя в этот город носили специальный характер⁵⁹.

Специальный же приезд в Ямбург Екатерины Великой известен только один — в 1770 году, когда императрица приезжала посмотреть на открывшуюся в Ямбурге ситцевую фабрику и на ход строительства «возобновлённого города».

Если сравнивать число посещений Екатериной Великой маленького Ямбура с соседней Нарвой, более крупной, известной и всегда намного больше привлекавшей российских императоров, то можно констатировать парадокс, которым екатерининское правление для Ямбура отличается от всех остальных. Он в том, что немка Екатерина II уделяла этому городу больше внимания, чем немецкой Нарве, всегда смотревшей на маленький русский Ямбург свысока.

Внимание к Ямбургу, к его благоустройству и развитию у Екатерины II было не меньшим, чем у Петра I. А наглядные результаты этого внимания до сегодняшнего дня сохранились больше.

Наследием Петра Великого в современном Кингисеппе остаются бастионы земляной крепости Ямбура и городской герб. На-

⁵⁷ Пушкарёв И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1845. С. 84.

⁵⁸ См.: Аристов В. Указ. соч. С. 104.

⁵⁹ Эти подсчёты сделаны автором данной статьи на основе анализа опубликованных документов эпохи Петра I и Екатерины II, в которых отражены их передвижения по стране.

следуем Екатерины Великой — чёткая планировка старой части города, оформленный в него въезд в виде домов-пропилеев и бывший гостиный двор, перестроенный при Николае I в военные казармы. Ну и, конечно, Екатерининский собор, до сих пор являющийся самым красивым зданием и визитной карточкой Ямбурга — Кингисеппа.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Академии наук
ВИМАИВиВС	— Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВООПИиК	— Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАПК	— Государственный архив Пермского края
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГМЗ «Петергоф»	— Государственный музей-заповедник «Петергоф»
ГМИ СПб	— Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГРМ	— Государственный русский музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖЗЛ	— Жизнь замечательных людей (серия изданий)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП	— Журнал Московской Патриархии
КГИОП	— Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
КМР	— Крепостная мануфактура в России
КФЖ	— Камер-фурьерский журнал
МАРХИ	— Московский Архитектурный институт (государственная академия)
МГОМЗ	— Московский государственный объединённый музей-заповедник
МИРФ	— Материалы для Истории русского флота
НИИТИАГ	— Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР	— Отдел рукописей
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
ПДС	— Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
РАН	— Российская академия наук
РАНХиГС	— Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	— Российская национальная библиотека
Сб. РИО	— Сборник Русского Исторического Общества
СПбГУ	— Санкт-Петербургский Государственный университет
СПбИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ЦГАНТД СПб	— Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Указатель имён¹

- Aldridge D.D.* — 160
Alexander J.T. — см. Александр Джон Торндайк
Alfieri V. — см. Альфьери Витторио
Alter Franz Karl — 177
Anderson R.C. — 163
- Barral Pierre-Jean** — см. Барраль Пьер-Жан
Bartlett Roger — 120
Baumann Martin Nicolaus — 172
Beaumont Jeanne-Marie Leprince de — 173
Becattini F. — см. Бекаттини Франческо
Beccaria C. — см. Бекария Чезаре
Beckenstein Johann Simon — см. Бекенштейн Иоганн Симон
Behrens C.B. — 29
Benczur J. — 177
Benedetto A. di — 322
Berkov P. — 317
Blanc S. — 458
Blondel J.-F. — см. Блондель Жак-Франсуа
Bob Franz Joseph — 176
Borghi E. — 322
Boscovich Rugerius — 172
Bougainville Louis-Antoine de — 172
Bourguière André — 18
Brabeck Moritz von — 177
Bredekamp H. — 228
Bukovinska B. — 226
Büsching D. Anton Friederich von — см. Бюшинг Антон Фридрих
- Butenant von Rosenbusch, Heinrich** — см. Бутенант фон Розенбуш Андрей
- Calinger R.* — 193, 196
Camós E.C. — 165
Capobianco G. — 201
Carburi de Ceffalone — см. Карбури-Ласкари
Cardoso A.M. — 293
Catherine II — см. Екатерина II
Catherine the Great — см. Екатерина II
Chanony Denis — см. Шанони Дени
Chrissidis Nikolaos — 74
Cizova T. — 317
Colpani G. — см. Кольпани Джузеппе
Condorcet N. De — 201
Coudray A.-J. du. — 102
- Daudet E.* — 290
Del Vento C. — 326
Delamare N. — см. Деламер Николая
Delshams A. — 200–201
Denina C. — см. Денина Карло
Descargues P. — 232
Diderot D. — см. Дидро Дени
Distelberger R. — 226
Dixon S. — 46, 47
- Enea M.R.* — 201
Euler Leonhard — см. Эйлер Леонард
- Fant E.M** — см. Фант Эрик Микаэль
Fauken Johann P. — 171
Ferraro G. — 199, 201

¹ Курсивом выделены авторы публикаций, чьи имена не встречаются в самом тексте, только в ссылках.

- Ficher L.* — 176
Findlen P. — 226
Forneron H. — 290
 Fortis A. — см. Фортис Альберто
Francioni G. — 324
Fraser C. — 199
- Gascoigne Charles — см. Гаскойн Карл Карлович
Gherbezza E. — 117
Gillispie C.C. — 193
Gordin M.D. — 190
Gottsched Johann Christoph — 171
 Gouzévitch D. — см. Гузевич Дмитрий Юрьевич
 Gouzévitch I. — см. Гузевич Ирина Давидовна
 Granelli Carlo — 177
Gray J. — 199
Grimm Gerald — 205
Gruber G. — 230
- Haen Anton de* — 171
 Hartley Janet M. — 120
Haumant A. — 290
Hautecoeur L. — 243
Helander H. — 295
 Hennin, de Georg Wilhelm — см. Геннин Вилим Иванович
Hornpeck Anton — 172
Hughes L. — 227, 228, 232
- Jacquet Ludwig Sebastian* — 177
- Klein Jacob Theodor* — см. Клейн Иакоб Теодор
Klemm Christian Gottlob — 173
 Klimentko J. — см. Клименко Юлия Гавриловна
Kotilaine J.T. — 181
Kugler G. — 231
- Lafuente A. — 293
Laugier M.A. — 466
Lënnroth E. — 298
Linné Carl — см. Линней Карл
Locher Maximillian — 170
 Lomonosov Michail Vasilievich — см. Ломоносов Михаил Васильевич
- Mare Franz Xaver von* — 171
 Maria Theresia — см. Мария Терезия
 Massa-Esteve M.R. — см. Масса-Эсте-ве Мария Роса
 Mauri A. — 317
 Mézin A. — см. Мезин Сергей Алексеевич
 Minzloff R. — см. Минцлов Р.
Model Johann Georg — см. Модель Иоганн Георг
Musschenbroek Petrus van — 173
- Noverre Jean George* — 174
- Olausson M.* — 296
- Pallucci Natale Giuseppe* — 171
 Parini G. — см. Парини Джузеппе
 Pašinskaja I. — см. Пашинская Ирина Олеговна
Pernin des Chavanettes — 173
Pichorner F. — 225, 227, 230
 Pierre Le Grand — см. Пётр I
Pierron Nicolas — 171
Plenciz Markus Anton von — 172
- Raeff Mark — см. Раев Марк
Rainer P. Wissen — 224
 Rasmussen K.M. — см. Расмуссен К.
Raynal G.T. — 85
Renée E. — 228
 Riasanovsky N. — см. Рязановский Николай Валентинович
Ricaldone L. — 322
 Ricuperati G. — 322
 Rjéoutski V. — см. Ржеуцкий Владислав Станиславович
 Robson E. — 190
 Roche D. — см. Рош Дени
Romagnoli S. — 324
- Salchow Ulrich Christophor* — см. Сальхов
- Saraiva T. — 293
Scheyb F.C. von — 176
 Schulze L. — 190
 Secco Suardo Grismondi P. — см. Секко Суардо Гризмонди Паолина
Shaw D.J.B. — 191
 Shaw S. — см. Шоу С.

- Sinigaglia R.* — 308
Sokolnicki M. — 458
Sprenger J. — 177
Stedall J. — 190
Stieda W. — см. Штида Вильгельм
Stockhausen Johann Christoph — 171
Störck, Anton von — 171
Subtelny O. — 458
- Tejero J.L.A.* — 165
Tissot S.A. — 171
Torre-Scheuch Fr. Del — 230
Trattner — см. Траттнер Иоганн Томас
- Venturi F.* — 317
Verri P. — см. Верри Пьетро
Voltaire — см. Вольтер
Vries J. de — 180
- Weidler Johann Friedrich* — 173
Wernischek Jakob — 173
Weynants A. — см. Вейнантс Аахье
Wiegand Johann — 172
Woude A. van der — 180
Wraxall N.W. — см. Рэксоль Н.
- Yckenberg P.* — см. Юкенберг Петер
Youschkevitch A.P. — 193
- Zachariae Justus Friedrich Wilhelm* — 173
Zannovich S. — см. Занович Стефан
- Älf E.P.* — 299
- Аваков Пётр Ашотович, историк — 456, 463–465
 Авриль-старший Жан Жак, французский гравёр — 115
 Агеева Ольга Гениевна, историк — 14, 106
Адлер Бруно Фридрихович, историк — 505
 Адольский (Одольский) Иван Николаевич, живописец и гравёр — 386
 Адриан, патриарх Московский — 39, 70
 Айгунян Г., студент архитектурного института — 249
 Акинъшин Александр Николаевич, историк — 500, 502, 505, 507
 Акулов Семён, приказчик — 184
 Александер Джон Торндайк, историк — 120
 Александр I Павлович, цесаревич, затем российский император — 67, 98, 212, 260, 281–282, 287, 321, 403
 Александр II, российский император — 58, 282
 Александр III, российский император — 442
 Александр Петрович, царевич — 93
 Александр Ярославич Невский, князь, канонизирован в лике чудотворцев — 41
 Александра Фёдоровна, российская императрица, супруга Николая I — 400
 Александрова Марина Андреевна, актриса — 275
 Алексеев М., фурьер — 375
 Алексеева М.А. — 401
 Алексей Михайлович, русский царь — 39, 40, 87, 108, 119, 180, 227, 254, 256, 380
 Алексей Петрович, царевич — 59, 87, 93–96, 100, 268, 398
 Алексиано Антон Павлович, вице-адмирал — 337
 Алексиано Панаиоти Павлович, контр-адмирал — 337
 Аленин Иван, вице-президент Коммерц-коллегии — 430

- Алитова Р.Ф.* — 437, 438, 440
- Алпатов Михаил Александрович — 18
- Альгаротти Франческо, итальянский путешественник, писатель — 310, 313, 323, 326
- Альфьери Витторио, итальянский поэт — 322, 326
- Амвросий (в миру Андрей Антипович Орнатский), архимандрит, с 1819 г. епископ — 38
- Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков), иеромонах, канонизирован в лике преподобных — 44
- Аморетти Мария Пеллегринна, итальянский юрист — 321
- Ангальт Фёдор Евстафьевич, граф, генерал-адъютант — 377
- Анджолони Гаспаре, балетмейстер, хореограф, композитор — 317
- Андреева Вера Григорьевна, искусствовед — 386
- Андреева Екатерина Александровна, историк — 369, 372
- Андреева Ольга Станиславовна* — 376, 377, 378
- Анисимов Евгений Викторович, историк — 30, 33, 35, 62, 73, 137, 402, 448
- Анна Иоанновна, российская императрица — 42, 55–57, 72, 90, 107–108, 123, 185, 311, 359–360, 374, 375–376, 381, 385, 401, 410, 427, 459, 466, 472, 495, 513, 515–516
- Анна Леопольдовна, правительница-регентша Российской империи — 107, 195, 237, 360
- Антоний (в миру Николай Иванович Знаменский), архимандрит, архиепископ с 1806 г. — 222
- Антонов Виктор Васильевич, искусствовед, историк церкви, историк архитектуры — 430, 436
- Антропов Алексей Петрович, живописец — 428
- Анциферов Николай Павлович, культуролог, историк, краевед — 340
- Анчиполовский Зиновий Яковлевич, театральный и литературный критик* — 505
- Апраксин Фёдор Матвеевич, граф, генерал-адмирал — 394, 396, 449, 493, 512
- Аргамаков Михаил Михайлович, стольник — 510
- Ардикуца Василий Ефимович, краевед* — 402
- Арескин Роберт Карлович, лейб-медик Петра I — 229, 234
- Аристов Вадим Владимирович, историк — 509, 516, 526
- Арифулина Алина Мансуровна — 320
- Армстронг Адам — 287
- Арднт Иоганн, немецкий богослов, религиозный писатель — 239
- Арсений (в миру Василий Иванович Верещагин), архиепископ — 237
- Арсеньева Варвара Михайловна, свояченица А.Д. Меншикова — 371
- Артамонов Владимир Алексеевич, историк* — 459–462, 465
- Артамонова Людмила Михайловна, историк* — 35
- Артемяева Татьяна Владимировна* — 16
- Арф Иван Николаевич, датский контр-адмирал на русской службе — 336
- Архангельский М., священник* — 218
- Архипов Николай Ильич, историк искусства — 402, 410
- Афанасий (в миру Пётр Вольховский), епископ — 237
- Афонин А., студент архитектурного института — 249
- Ахиезер Александр Самойлович, историк* — 121
- Ахмед III, султан Османской империи — 464
- Ачаркан Дмитрий-Мирон Исаакович, историк, археолог* — 256, 259
- Ашарина Нина Александровна, искусствовед — 513, 515
- Бааш Эрнст Теодор, немецкий историк, публицист — 179
- Бадхен Марина Викторовна, переводчик — 190, 224
- Баженины, купцы — 161
- Баженов Василий Иванович, архитектор, художник, теоретик архитектуры — 247, 261, 264–265, 389

- Базедов Иоганн Бернгард, немецкий педагог — 205
- Байер Теофил Сигфрид, профессор Академии наук — 218
- Байов Алексей Константинович, историк — 466*
- Баканов В.П., студент архитектурного института — 245
- Бакарев Алексей Никитич, архитектор, художник — 255
- Бакланова Н.А. — 181
- Бакман фон Иван Яковлевич, капитан-лейтенант — 339
- Балуев Александр Николаевич, актёр — 271
- Баранова Светлана Измайловна, историк архитектуры — 254, 259
- Барбот де Марни Егор Егорович, горный советник — 67
- Баренц Виллем, голландский мореплаватель — 179
- Барраль Пьер-Жан, французский предприниматель — 480
- Барсков Яков Лазаревич, историк — 119
- Барсов Елпидифор Васильевич, историк литературы, этнограф, фольклорист — 475*
- Бартенев Пётр Иванович, историк, литературовед, издатель — 83
- Бартоломео делла Наве, коллекционер живописи — 230
- Барышникова (Станюкович-Денисова) Екатерина Юрьевна, историк искусства — 351
- Бауэр Фридрих Вильгельм, инженер-гидротехник, архитектор — 288
- Бахметев — 392–393
- Бахмиотов Яков Хрисанфович, комедант Петербурга — 396–397
- Бахмутская Елена Вячеславовна, историк — 522*
- Бегаль Жан-Филипп, французский шпалерный мастер — 382
- Бегаль Филипп, французский шпалерный мастер — 382
- Безбородко Александр Андреевич, граф, затем светл. князь, государственный деятель — 445
- Бекаттини Франческо, итальянский поэт — 320, 323, 326, 329
- Бекенштейн Иоганн Симон — 175*
- Беккария Чезаре, итальянский мыслитель, публицист, правовед — 314, 316–319
- Бек-Назаров Амо Иванович, режиссёр — 269
- Белов Михаил Иванович, историк географических исследований — 493, 498*
- Белосельский Андрей Михайлович, князь, дипломат — 306
- Белоусов Александр Сергеевич, литературовед — 411*
- Белявский Михаил Тимофеевич, историк, краевед — 212
- Беляева И.М. — 167
- Белякова Елена Владимировна, историк — 72*
- Бембо Пьетро, итальянский гуманист, кардинал, учёный — 326
- Бенк Ларион, молотовой мастер — 475
- Бенуа Александр Николаевич, художник, историк искусства — 242
- Берг Максим Васильевич, генерал-поручик — 468
- Берд Чарльз (Карл Николаевич), инженер, заводчик — 287
- Беринг Витус Ионассен — 492, 495
- Берк Карл Рейнгольд, историк — 513*
- Бернулли Даниил, швейцарский физик, механик, математик — 192–194, 200–201
- Бернулли Иоганн, швейцарский путешественник, астроном, математик — 193, 406–410
- Бернулли Якоб, швейцарский математик — 193
- Берташ Александр Витальевич, протоиерей — 425, 430, 434–435
- Беспярых Юрий Николаевич, историк — 14, 15, 141, 160, 286, 357, 372–373, 388, 513
- Бессарабова Нина Вячеславовна, историк — 112*
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф, государственный деятель, дипломат — 186

- Бецкой Иван Иванович, президент Императорской Академии художеств — 90, 203, 275, 350–351, 377, 445
- Бибиков Александр Ильич, государственный и военный деятель — 84
- Билибин Иван Иванович, купец — 155
- Биллингс Иосиф Иосифович, английский и российский мореплаватель, капитан-командор, гидрограф, картограф — 333, 499
- Бильбасов Василий Алексеевич, историк и публицист — 87*
- Бильс Д. — 393
- Бильфингер Георг Бернгард, немецкий физик, философ, математик, педагог — 193
- Бирон Эрнст Иоганн, фаворит императрицы Анны Иоанновны — 121–123
- Бланк Иван Яковлевич, архитектор — 375
- Бланк Карл Иванович, архитектор — 438
- Бланк Карл Иванович, архитектор, инженер-строитель — 254
- Блок Марк, французский историк — 457
- Блондель Жак-Франсуа, французский архитектор, теоретик искусства и архитектуры — 251
- Блэкстон Уильям, английский политик, юрист — 150
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич, лейб-медик — 193, 229
- Блюэр Иоганн Фридрих, один из основателей горного дела в России — 477
- Бобринский Алексей Григорьевич, граф с 1796 г., генерал-майор — 377
- Боброва Е.И., филолог — 167
- Бобылёв Владимир Сергеевич, историк — 459*
- Бовыкин Дмитрий Юрьевич, историк — 291*
- Богданов Андрей Иванович, историк Петербурга, книговед — 141, 360, 369, 370
- Богданов Михаил — 219
- Богданов Никифор, служитель при царевиче Алексее — 59
- Богословский Михаил Михайлович, историк — 51, 460, 462–463
- Бодиско Борис Андреевич, морской офицер — 336
- Бодиско Михаил Андреевич, морской офицер — 336
- Болотина Наталья Юрьевна, историк — 116, 121–122
- Болотов Андрей Тимофеевич, писатель, мемуарист — 452
- Болтин Иван Никитич — 16
- Болтон Мэттью, английский промышленник — 293
- Болховитинов Е.А. — см. Евгений, митрополит
- Болховитинов Николай Николаевич, историк — 498*
- Бон фон, поручик — 375
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич, историк — 119
- Борисов Андрей Иванович, купец — 151
- Борисов Иван Антонович, вице-адмирал — 423
- Борисов М., секретарь генерал-берг-директора — 426
- Боровой Саул Яковлевич, экономист, историк — 144*
- Бородина Елена Васильевна — 45, 50
- Бортко Владимир Владимирович, режиссёр — 271
- Ботвиди Юхан, шведский богослов — 295
- Бранденбург Н.Е. — 465*
- Брандт Кристофер — 232
- Браун Кларенс, американский режиссёр — 276
- Бриассон Клод, поставщик книг из Парижа — 167
- Бродель Фернан, французский историк — 189*
- Брокгауз Фридрих Арнольд, немецкий издатель — 129
- Бронияр Т., французский архитектор — 250
- Бронштейн С.С. — 347, 350*

- Броун Ричард, корабельный мастер — 420
- Брук Яков Владимирович, искусствовед — 389*
- Брыкин К.Д., смотритель дворца в Коломенском — 260
- Брюн де Сен-Катерин Яков Яковлевич (Жозеф Бальтазар), генерал-майор, кораблестроитель — 291
- Брюн де Сент-Ипполит Франц Яковлевич (Франсуа Ипполит), генерал-майор, кораблестроитель — 291
- Брюс Роман Вилимович, обер-комендант Петербурга — 391–396, 399
- Брюс Яков Вилимович, граф, государственный деятель, дипломат — 166–167, 234, 237
- Будри Давид Иванович де (Давид Марат), профессор французской словесности — 293
- Булатов Владимир Николаевич, историк — 492, 493, 498*
- Булгаковский Дмитрий Гаврилович, историк — 115*
- Бунин Михаил Самойлович, архитектор, историк архитектуры — 363, 425*
- Буркхард И., каменных дел мастер — 376
- Бутенант Андрей (младший) — 476
- Бутенант фон Розенбуш, Генрих (Андрей) — 473–479
- Бутман, Бутман Колыбанович — см. Бутенант фон Розенбуш
- Буховецкий Дмитрий, режиссёр — 272
- Бюшинг Антон Фридрих, немецкий теолог, географ, педагог — 458–459
- Вавилов Иван Саввич, купец, судовладелец — 143*
- Вагеманс Эммануэль — 101, 279
- Вайи Шарль де (Девальи), французский архитектор — 247–249
- Валентино Рудольфо, американский актёр итальянского происхождения — 276
- Валлен-Деламот Жан-Батист-Мишель, архитектор — 248–249, 265, 389
- Варлаам (в миру Вонатович или Ванатович, в схиме Василий), архиепископ — 430
- Вартичан Иосиф Константинович, филолог — 286*
- Василий III Иванович, великий князь Московский — 96
- Васильев Б.Л. — 352*
- Васильев Михаил В. — 393*
- Васильев Фёдор, живописец — 386
- Ватейшвили Джуаншер Леванович, историк — 286*
- Вахрушев М.С., генерал-лейтенант — 426
- Вашкау Нина Эмельевна, историк — 289*
- Вдовина Людмила Николаевна, историк — 152
- Вебер Фридрих Христиан, ганноверский резидент при русском дворе — 13, 280
- Ведекинд Иоганн Генрих, немецкий портретист — 382
- Ведерников Виталий Валерьевич, историк — 67*
- Вейдемейер Александр Иванович, историк — 89*
- Вейерштрасс Карл Вильгельм, немецкий математик — 201
- Вейнантс Аахье, историк — 101
- Вейнберг Леонид Борисович, историк-археолог — 502*
- Векслер Аркадий Файвишевич, историк, краевед, педагог — 435*
- Велижев Михаил Брониславович, историк — 303*
- Великанова Светлана Семёновна, педагог — 52
- Велувенкамп Ян Виллем — 180–181*
- Веневитиновы, купцы — 502
- Вентури Франко, итальянский историк и журналист — 319
- Вернизовер Соломон — 184
- Вернова Нина Валентиновна, музейный деятель — 401*
- Верри Алессандро, итальянский поэт и писатель — 313–314, 316–318
- Верри Пьетро, итальянский философ, экономист, историк, писатель — 312–318

- Ветошников Михаил Николаевич, архитектор — 423
- Видекинд Юхан, шведский историк — 295
- Виет Франсуа, французский математик — 199
- Визе Владимир Юльевич, полярный исследователь, океанолог — 493*
- Викторов Алексей Егорович, археолог, библиограф — 384*
- Вилинбахов Георгий Вадимович, государственный герольдмейстер — 15, 167
- Вильбуа (Вильбоа) Франц (Никита Петрович), вице-адмирал — 374
- Вильсон Александр — 287
- Виниус Андрей Андреевич, государственный деятель — 65, 167, 234, 269
- Виргинский Виктор Семёнович, историк — 294
- Вист Александр Францевич, архитектор — 430
- Витте Сергей Юльевич, граф, государственный деятель — 133
- Витте Якоб де, военный инженер, гидравлик — 287
- Вишняков Иван Яковлевич, живописец-портретист — 384, 403
- Вишняков Семён Григорьевич, крестьянин — 441
- Владимир Святославич, князь Новгородский, князь Киевский — 87
- Владимирович Алексей Григорьевич, краевед — 442
- Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович, историк — 34
- Власов Яко, мастер горного дела — 477
- Водарский Ярослав Евгеньевич, историк — 465, 470*
- Возгрин Валерий Евгеньевич, историк — 460, 464
- Возницын Прокофий Богданович, дьяк, дипломат — 303, 460–462
- Волков Дмитрий Васильевич, государственный деятель и драматург — 451
- Волков И.М., дьяк — 460
- Волков Фёдор Иванович, архитектор — 247
- Волков, советник — 518
- Волковский В.Э., переводчик — 234
- Волконская Софья Семёновна, княгиня — 77
- Волконский Михаил Никитич, князь, государственный и военный деятель — 259, 451
- Володьков Олег Павлович, историк — 121
- Вольтер (Аруз Франсуа-Мари), французский философ-просветитель — 12, 20, 75, 85–86, 88–91, 111, 239, 280–281, 297, 300, 310, 320, 323
- Вольф Христиан (Кристиан) фон, немецкий учёный-энциклопедист — 29, 191–194, 292, 312
- Воронихин Андрей Никифорович, архитектор и живописец — 247
- Воронов Андрей Степанович, педагогический деятель — 525*
- Воронцов Александр Романович, граф, государственный деятель — 147, 180
- Воронцов Иван Илларионович, граф с 1760 г., государственный деятель — 437
- Воронцов Михаил Илларионович, граф с 1744 г., государственный деятель, дипломат — 430
- Воронцов Роман Илларионович, граф, государственный деятель — 452
- Воронцов Семён Романович, граф с 1797 г., государственный деятель, дипломат — 306, 459
- Воронцова-Дашкова Е.Р. — см. Дашкова Екатерина Романовна
- Воропанов Виталий Александрович, историк — 47, 51*
- Вортман Христиан Карл Альбрехт, саксонский гравёр — 385
- Воскресенский Николай Алексеевич, историк — 46, 140
- Врангель Николай Николаевич, барон, искусствовед — 242
- Вухтерс Даниил, голландский художник — 380
- Вьюнов Юрий Андреевич, историк — 122

- Вяземский Александр Алексеевич, князь, государственный деятель — 110, 147
- Вяземский Никифор Кондратьевич, учитель царевича Алексея Петровича — 94
- Вяземский Пётр Андреевич, князь, поэт, литературный критик, историк — 178
- Габсбурги, монаршая династия Европы — 224–226, 228, 230–231, 317, 327
- Гавриил (в миру Гавриил Фёдорович Бужинский), иеромонах, епископ с 1726 г. — 219
- Гавриил (в миру Пётр Петрович Петров-Шапошников), митрополит — 221–223
- Гаврилов Л., живописец — 403
- Гаккерт Якоб Филипп, немецкий художник — 308
- Гакман Иоганн Фридрих, историк, географ — 207
- Галайда, участник Полтавской битвы — 112
- Галл Роман (Роберт) Романович, адмирал — 333
- Галочкий В.К.* — 369
- Гальцин Дмитрий Дмитриевич, историк — 167, 238
- Гамильтон — 230
- Гандон Этьен, аббат — 291
- Ганнибал Абрам Петрович, военный инженер, генерал-аншеф — 274, 426
- Ганнибал Иван Абрамович, военачальник, главнокомандующий Черноморским флотом — 312
- Ганцен Наталья Фёдоровна, педагог — 52
- Гарденины, купцы — 502, 507
- Гаскойн Чарльз (Карл Карлович), британский металлург, инженер, архитектор, механик, оружейник — 287, 481–482
- Гауде Амброзий, поставщик книг из Берлина — 167
- Гаусс Карл Фридрих, немецкий математик, механик, физик, астроном — 201
- Гедеон (Вишне夫斯基), епископ Смоленский — 236
- Гейден Александр Логинович, граф, морской офицер — 335
- Гейден Александр Фёдорович, граф, вице-адмирал — 335
- Гейден Логин Логинович, граф, адмирал — 335
- Гейден Логин Петрович (Людвиг Сигизмунд Винсент Густав граф Хейденский), граф, адмирал — 335
- Гейрот Александр Фёдорович, генерал, издатель* — 402
- Гейченко Семён Степанович, музейный деятель* — 402, 406
- Гелен Петер ван, типограф — 168
- Геннин Вилим Иванович, военный инженер, генерал-лейтенант — 478
- Георги Иван Иванович (Иоганн Готлиб), историк* — 144
- Герасимов Дмитрий, русский посланник в Риме — 492
- Герасимов Сергей Аполлинариевич, режиссёр, сценарист — 270
- Герберштейн Сигизмунд, барон* — 492
- Герман А.А.* — 289
- Герман Юрий Павлович, писатель — 270
- Герман Якоб, швейцарский математик, механик — 193–194, 201
- Герн Ж.-Ж., архитектор — 245
- Герцен Александр Иванович, публицист, писатель, философ — 26
- Гесте Вильям (Василий Иванович), архитектор, инженер — 287
- Гёте Иоганн Вольфганг фон, немецкий поэт, государственный деятель — 299
- Гёц Ш., историк* — 293
- Гзель (Гзель) Георг, швейцарский живописец — 195, 382, 385
- Гзель (Гзель) Доротея, нидерландская художница — 282, 385
- Глаголева А.П.* — 476
- Глюк Эрнст, пастор — 286
- Говальд, врач, собиратель коллекции камней, минералов, раковин — 228
- Гоголь Николай Васильевич, писатель — 27, 274

- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович, граф с 1811 г., светл. князь с 1812 г., полководец — 112
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович, граф с 1811 г., светл. князь с 1812 г. — 377
- Голиков Иван Иванович, историк — 141
- Голицын Александр Михайлович, князь, генерал-фельдмаршал — 114, 398
- Голицын Василий Васильевич, князь, государственный деятель — 283
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737), князь, государственный и политический деятель — 166
- Голицын Дмитрий Михайлович (1721–1793), посол в Вене — 169
- Голицын Фёдор Николаевич, князь, поэт-любитель, мемуарист — 453
- Голицыны, семья — 245
- Головачевский Кирилл Иванович, художник — 389
- Головин Михаил Евсеевич, физик и математик — 207
- Головин Николай Фёдорович, граф, адмирал, государственный деятель — 348
- Головин Фёдор Алексеевич, граф, канцлер — 383
- Головкин Михаил Гаврилович, граф, государственный деятель — 347
- Головкин Фёдор Гаврилович, граф, литератор, мемуарист, посланник в Неаполе — 305
- Головцын Егор Андреевич, Архангельский губернатор, генерал-майор — 186
- Голубинский Евгений Евсигнеевич, историк Русской Церкви и историк архитектуры — 38, 39
- Гольдбах Кристиан, немецкий математик — 193–195, 201
- Гомер, древнегреческий поэт-сказитель — 322
- Горбатенко Сергей Борисович, историк — 370*
- Горгидзе М. — 289*
- Гордон Александр Владимирович, историк — 11, 13, 17–18
- Готье Юрий Владимирович, историк — 448
- Грабарь Игорь Эммануилович, искусствовед, музейный деятель, педагог — 242, 430
- Градовский Александр Дмитриевич, историк, правовед — 448
- Гран Пётр Карлович, государственный деятель — 68
- Гранин Даниил Александрович, писатель — 271
- Графф Доротея Мария Генриетта — см. Гзель Доротея
- Грейг Алексей Самуилович, адмирал — 333
- Грейг Самуил Карлович, адмирал — 287, 332–333, 423
- Греков Игорь Борисович, историк — 459*
- Греппи Антонио, граф — 318
- Грибовский Адриан Моисеевич, подполковник, государственный деятель — 87, 88, 90
- Грибовский В.В. — 470
- Грибоедов, Александр Сергеевич, дипломат, поэт, драматург, композитор — 341
- Григорьев Владимир Александрович, историк — 49, 98, 448
- Григорьев Иван — 182
- Гримм Фридрих Мельхиор, барон, немецкий публицист, критик, дипломат — 75, 204, 255, 304
- Гроо Ю.Ф. — 289*
- Гузевич Дмитрий Юрьевич — 184, 190, 202, 283, 285, 293–294
- Гузевич Ирина Давидовна — 190, 202, 283, 285, 287, 293–294
- Гурин Илья Яковлевич, режиссёр, сценарист — 270
- Гурьев Н. Гр., генерал — 427
- Густав III, король Швеции — 296–301, 315
- Густав IV Адольф, король Швеции — 296, 299
- Гюйссен Генрих фон, учитель царевича Алексея Петровича — 93

- Дадыкина Маргарита Михайловна, историк — 178, 179, 183
- Д'Аламбер Жан Лерон, французский философ, математик, механик — 78, 200, 313, 318
- Дальберг Карл фон, архиепископ — 204
- Данилова Е.Н., историк — 458*
- Данте Алигьери, итальянский поэт, мыслитель — 322
- Дарвин Чарльз, английский эволюционист — 293
- Дарвин Эразм, английский врач, натуралист — 293
- Дашков Михаил Иванович, князь, дипломат — 350
- Дашкова Екатерина Романовна (урожд. Воронцова), княгиня, председатель Академии наук — 16, 111, 209, 350, 445
- Де-Богдан К., капитан — 375
- Девлет-Гирей IV, крымский хан — 469
- Деволант Франц Павлович, военный инженер — 287
- Дедют, майор — 393
- Декарт Рене, французский учёный — 194, 199
- Деламар Николя, французский полицейский, администратор, писатель — 246
- Делиль Жозеф-Никола (Де Лиль), французский астроном, картограф — 193, 195, 201
- Делицын Николай Никитич, протоиерей — 428, 430, 434*
- Демидов Никита (Никита Демидович Антуфьев), промышленник — 269
- Демченко Павел Михайлович, историк — 157
- Денина Карло, итальянский историк, императорский библиотекарь в Париже — 321–322, 326–327
- Державин Гавриил Романович, поэт и сенатор — 445
- Джонс Пол (Павел), контр-адмирал — 288, 332, 339
- Джустиниани Джироламо-Асканио, итальянский государственный деятель — 306
- Дидро Дени, французский писатель, философ-просветитель — 81–82, 85–86, 92, 111, 113, 204, 238–239, 241, 319
- Дизендорф Виктор Фридрихович, экономист, историк, переводчик — 289
- Дильтей Филипп Генрих, первый профессор права Московского университета — 204
- Димитрий (в миру Даниил Андреевич Сеченов), архиепископ, митрополит с 1762 — 109
- Димсдейл Томас, барон, английский врач — 312
- Дитерсон Ганс, голландский художник — 380
- Дмитриева Зоя Васильевна, историк — 136*
- Дмитрий I (Лжедмитрий I) Иванович, царевич — 379
- Дмитрий Иванович Внук, великий князь-соправитель Москвы, старший внук Ивана III — 96
- Добротинский Александр Павлович, историк церкви — 222*
- Довженко Вячеслав, актёр — 273
- Долгова С.Р. — 285, 371*
- Долгоруков А.В., князь — 437
- Долгоруков Юрий Владимирович, князь, генерал-аншеф — 63, 112
- Долгоруков, князь — 405
- Дорофеева Людмила П. — 369*
- Достоевский Фёдор Михайлович, писатель — 27
- Дрессер Луиза, американская актриса — 276, 277
- Дружинина Елена Иосафовна, историк — 467, 469–471*
- Дубяго Татьяна Борисовна, ландшафтный архитектор — 356, 359–361, 411
- Дюмареск Даниэль, пастор — 204
- Дюпон де Немур Пьер Самюэль, французский экономист и политический деятель — 128
- Евгений (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов), митрополит —

- Евдокимов И.* — 235
- Евреинов Иван Михайлович, геодезист — 494
- Евреинов Матвей Григорьевич, купец — 183, 185
- Евреинов Яков Матвеевич, купец — 186
- Евреиновы, сыновья Еврейнова Матвея Григорьевича — 185
- Егер Иоганн Каспар Готлиб, медальер — 441
- Егоров Пётр М., архитектор — 361
- Егорычев В.* — 277
- Екатерина I, российская императрица — 42, 96, 107–108, 193, 216, 311, 313, 324, 358–359, 365, 401, 427–428
- Екатерина II, российская императрица — 11, 16–24, 26, 28–31, 34–38, 42–43, 45–51, 54–55, 57, 64–65, 67, 72–93, 97–101, 104, 106, 108–115, 118–120, 122–126, 128–130, 133–134, 139–140, 143, 145, 147, 149–150, 153, 157, 164, 166, 168, 170, 176–179, 186–190, 196, 202–209, 212–213, 219–224, 229–233, 238–243, 246–247, 249–251, 254–257, 259–260, 266, 273–282, 286–291, 293–294, 296–305, 307, 309–313, 315–332, 334, 336, 339, 350, 354–355, 361–363, 368–369, 377–378, 381, 388–389, 391, 397–400, 403–404, 406, 409, 411–415, 422–424, 427, 432–434, 441–447, 449–450, 452–458, 466–469, 471–473, 480–483, 487–489, 491, 496–499, 503–504, 506–509, 511, 516–527
- Елагин Иван Перфильевич, государственный деятель, историк, поэт — 316, 318, 520–522
- Елагин Сергей Иванович, историк* — 461
- Елизавета Анхальт-Цербстская — см.: Иоанна Елизавета Гольштейн-Готторпская
- Елизавета Петровна, российская императрица — 42, 44, 55, 57, 62, 66, 72–74, 77–79, 82, 90, 96, 107–109, 119, 186, 237, 276, 286, 289–290, 311, 350, 359–360, 376, 381, 388, 397, 401, 412, 427–428, 431, 516–518, 526
- Елисеева Ольга Игоревна, историк* — 458
- Елица С.Е., студент архитектурного института — 248
- Еремина Л.* — 277
- Еропкин Пётр Михайлович, архитектор — 347–348, 350, 354, 384, 430
- Ерофеев Алексей Дмитриевич, педагог, краевед, журналист — 441–442, 444
- Ерошкин Николай Петрович, историк — 133, 448
- Ершов Владимир Львович, актёр — 269
- Есипов Григорий Васильевич — 14
- Есипов Григорий Данилович, комендант Петропавловской крепости — 397
- Ефимов Алексей Владимирович, историк — 492
- Ефрон Илья Абрамович, издатель — 129
- Ефросинья Фёдоровна, любовница царевича Алексея Петровича — 95
- Жаров** Михаил Иванович, актёр — 268
- Жид Шарль, французский экономист, историк* — 128
- Жилле Никола Франсуа, скульптор — 389
- Жувене Франсуа, французский живописец — 382
- Жуков Н.Н., историк, бывший узник Нерчинской каторги* — 67
- Жулёв Пётр Николаевич, краевед, педагог — 520
- Заборовский Иван Александрович, генерал-поручик — 294
- Забьлин Михаил М., историк, этнограф — 380
- Завадовский Пётр Васильевич, государственный деятель — 206
- Зажарский — 392
- Зазулина Наталия Николаевна, историк — 103
- Занович Стефан, черногорский поэт — 329
- Захаров Александр Иванович, живо-

- писец — 384
- Захаров Виктор Николаевич, историк — 136*
- Захарын Пётр Михайлович, писатель, поэт — 209
- Зверева Г.Ф. — 374
- Зелёный Фёдор, секретарь походной канцелярии А.Д. Меншикова — 59, 62
- Земцов Михаил Григорьевич, архитектор — 348–350, 358, 365, 375, 402
- Зигхейм (Зихгейм) Иоганн Беньяминович фон, генерал-поручик — 348
- Зимин Александр Александрович, историк — 267, 268
- Зиновьев Николай Иванович, комендант Петропавловской крепости — 397
- Знаменов Вадим Валентинович, музейный деятель — 402*
- Золотухин Дмитрий Львович, актёр — 270
- Зонненфельс Йозеф, австрийский писатель, юрист — 319
- Зорин Андрей Леонидович — 21*
- Зорин Леонид Генрихович, писатель драматург — 2724
- Зубков Константин И., историк — 485*
- Зубков С., канцелярист камор-конторы — 426
- Зубов Алексей Фёдорович. гравёр — 357–358, 387
- Зубов Платон Александрович, граф с 1793 г., светл. князь с 1796 г., генерал-фельдцейхмейстер, генерал от инфантерии — 123
- Зуев Василий Фёдорович, учёный-биолог, путешественник — 207
- Зульцер Иоанн Георг, немецкий философ, эстетик, педагог — 205
- Ибнеева** Гузель Вазыховна, историк — 28, 37, 45
- Ибрагим** — см. Ганнибал Абрам Петрович
- Иван III** Васильевич, великий князь Московский — 96
- Иван V** — см. Иоанн V Алексеевич
- Иванов А.**, секретарь ревизионной коллегии — 426
- Иванов Г.И. — 441*
- Ивченко** Алёна Владимировна, актриса — 275
- Игнатий** (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов), епископ, канонизирована в лике святителей — 44
- Игнатьева Е.И. — 372*
- Иевский** Николай Никитович, архитектор — 506
- Изабелла**, королева Кастилии и Лео-на — 301
- Измайлов Лев Васильевич**, генерал-поручик — 347
- Измайлов Михаил Михайлович**, историк, краевед — 402
- Иконников Андрей Владимирович**, историк, теоретик архитектуры — 342–343
- Иконников Владимир Степанович**, историк — 81
- Ильенко Юрий Герасимович**, режиссёр — 273
- Ильина Татьяна Валерьевна**, искусствовед — 385, 386
- Иннокентий (Добровицкий)**, архимандрит — 222
- Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычёр)**, митрополит — 44
- Иоанн (Иоганн) Шлезвиг-Гольштейнский**, принц, датский герцог — 379
- Иоанн IV (Грозный)**, русский царь — 39, 295
- Иоанн V Алексеевич**, русский царь — 22, 108, 284, 460
- Иоанн VI Антонович**, российский император — 83
- Иоанн Кронштадтский** (в миру Иван Ильич Сергиев), протоиерей, канонизирован в лике праведных — 44
- Иоанна (Иоганна) Елизавета Гольштейн-Готторпская**, принцесса — 351, 517
- Иоаннесян Ашот Гарегинович**, политический деятель, историк — 286
- Иосиф II**, эрцгерцог Австрии, император Священной Римской импе-

- рии — 205, 315–316, 328
- Иосиф Волоцкий (в миру Иоанн Санин), канонизирован в лике преподобных — 41
- Исаков Фёдор Моисеевич, помощник архитектора — 375, 384
- Исакова Елена Валентиновна, историк — 417*
- Истомина Энецца Георгиевна, историк — 507*
- Йоли (Джоли, Жоли) Антонио, художник — 306
- Кабузан В.М. — 289*
- Кавелин Константин Дмитриевич, историк, правовед — 448
- Каган Моисей Самойлович, советский и российский философ и культуролог — 27, 28
- Каганович Авраам Львович, историк — 113–114*
- Казakov Матвей Фёдорович, архитектор — 259
- Кальтемарк Габриель — 224
- Калязин Евгений Андреевич — 346, 514*
- Калязина Нинель Васильевна — 346, 369, 514*
- Каменский Александр Борисович, историк — 32–34, 81, 88, 120, 448
- Камерон Чарльз, архитектор — 287, 403
- Каналетто (Джовани Антонио Каналь), художник — 305
- Кант Иммануил, философ — 293
- Кантемир Антиох Дмитриевич, поэт-сатирик, дипломат — 240
- Кантемир Дмитрий Константинович, государственный деятель, учёный — 286
- Капитонов А.П. — 286*
- Каплан-Гирей II, крымский хан — 470
- Каплуновский Владимир Павлович, режиссёр — 274
- Каравакк Луи, французский живописец — 382, 384–385, 402
- Карамзин Николай Михайлович, историк, литератор — 13, 16, 19, 118, 240, 267, 524
- Карбури-Ласкари Марен, граф, греческий инженер, капитан — 113, 288, 327
- Карелин Алексей Маркович, режиссёр — 274
- Карл I, король Англии, Шотландии и Ирландии — 229
- Карл VI, император Священной Римской империи — 95
- Карл X (граф Артуа), король Франции — 290
- Карл XII, шведский король — 113, 235, 297–298
- Карл Зюдерманландский, герцог, позже Карл XIII, король Швеции и Норвегии — 297–298
- Карначёв Александр Евгеньевич, историк — 167
- Карно Лазарь, французский государственный и военный деятель — 294
- Каррер д'Анкокс Элен, постоянный секретарь Французской академии, историк, политолог — 17, 87*
- Карташёв Антон Владимирович, государственный деятель, богослов, церковный историк — 42, 44, 218
- Касты Джанбаттиста, аббат, итальянский поэт — 311, 321
- Каулен Мария Елисеевна — 260*
- Кауниц Венцель Антон, граф, затем князь, австрийский государственный деятель — 311, 318
- Кафенгауз Бернгард Борисович, историк — 127*
- Кацонис Ламброс, полковник — 338, 339
- Кашкин Евгений Петрович, государственный деятель — 50
- Кваренги (Гваренги) Джакомо, архитектор — 146–147, 247, 288, 506
- Квасов Алексей Васильевич, архитектор — 340, 351–354
- Кёнинг Клаус, немецкий режиссёр — 276
- Кенэ Франсуа, французский экономист — 128, 132
- Кеосаян Эдмонд Гарегинович, режис-

- сёр — 270
- Кессиди Феохарий Харлампиевич, философ* — 106
- Кикин Александр Васильевич, государственный деятель — 94, 394
- Кильбургер Иоганн Филипп, дипломат, участник шведского посольства — 180
- Ким Юлий Черсанович, поэт, композитор, драматург* — 287
- Кинсберген ван Иоган Генрих, граф, адмирал — 334
- Кински Франтишек Ольдржих, граф, чешский канцлер — 462
- Киприанов Василий Ануфриевич, книгоиздатель — 167
- Кирилов Иван Кириллович, государственный деятель, географ, картограф, историк, правовед* — 479
- Кишук Алла Афанасьевна, историк* — 360
- Кларк Матвей — 287
- Клейн Иакоб Теодор* — 175
- Клеопин Никифор Герасимович, организатор горного дела — 478
- Клещева Л.С.* — 416–417, 422–423
- Клименко Сергей Васильевич, историк архитектуры* — 247
- Клименко Юлия Гавриловна, историк архитектуры — 242, 245, 246–247, 248–249, 250–251, 255, 259
- Климент XIV, Папа Римский — 320
- Клингштет Тимофей Иванович фон — вице-президент юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел — 204
- Ключевский Василий Осипович, историк — 118, 138, 139, 181, 341, 388
- Князев Иван Иванович, военный инженер — 67
- Кобак Александр Валерьевич, историк архитектуры — 427, 430, 436
- Кобеко Дмитрий Фомич, историк* — 104
- Коваленко Геннадий Михайлович, историк* — 286, 473
- Ковальчук Г.И.* — 240
- Козинцева Руфь Иосифовна, историк* — 136
- Козицкий Георгий Васильевич, писатель, журналист — 319
- Козлов Гавриил Игнатьевич, художник — 520
- Козлов С.А., историк* — 136
- Козлова Наталия Вадимовна, историк — 3, 149, 150, 152, 154–155
- Койет Карл Фридрих, чертёжник — 285
- Кокоринов Александр Филиппович, архитектор — 264–265, 389, 427
- Колло Мари Анн, французский скульптор — 113, 288
- Колотов Марк Григорьевич, реставратор — 372
- Колчин Борис Александрович, археолог, историк* — 343
- Кольчев Пётр, архитектор — 384
- Кольпани Джузеппе, итальянский писатель, поэт — 313, 323–325
- Комолов Николай Анатольевич, историк, краевед — 464, 501, 507
- Конде Людовик-Жозеф де Бурбон, принц — 291
- Кондратенко Р.В.* — 339
- Константин XI Палеолог, византийский император — 329
- Константин Павлович, великий князь — 98, 281
- Константинов Алексей Алексеевич, личный библиотекарь Екатерины II, переводчик, педагог — 241
- Копанев Александр Ильич, историк — 167
- Копелев Дмитрий Николаевич, историк* — 165
- Копосов Николай Евгеньевич, историк, философ — 457
- Копьев Степан С. — 182–183
- Коренцит Виктор Абрамович, археолог, историк — 364–365, 446
- Корепанов Николай Семёнович, историк — 478, 483–484, 485
- Корепанова Светлана Анатольевна, историк — 483
- Коркунов Николай Михайлович, историк, правовед — 448
- Кормильцева Ольга Михайловна, историк* — 360

- Корн Вильгельм Готлиб, поставщик книг из Бреслау — 167
- Коробов Иван Кузьмич, архитектор — 348, 350, 384
- Коровин Степан Михайлович, гравёр — 384
- Королёв Сергей Викторович — 176
- Корчагин Павел Анатольевич, историк — 49*
- Коссецкий А.О., историк — 507*
- Котельников С.Н., математик — 219
- Котт Ж.-Р. де, директор королевской мануфактуры Гобелен — 244
- Котт Робер де, французский архитектор — 244
- Кочегаров Кирилл Александрович, историк — 459*
- Коши Огюстен Луи, французский математик, механик — 201
- Крадин Н.П., историк — 67*
- Крайковский Алексей Викторович, историк — 178, 179, 183
- Кракауэр Зигфрид, немецкий эстетик, социолог, искусствовед — 272*
- Красавкин В.К. — 420*
- Краско Алла В. — 440*
- Краснопевцев В. — 444*
- Крафт Вольфганг Людвиг, астроном, физик — 198
- Крафт Георг Вольфганг, физик, математик — 175*
- Крашенинников Аркадий Фёдорович, историк архитектуры — 438
- Крашенинников Степан Петрович, ботаник, географ, этнограф, путешественник — 427
- Креницын Пётр Кузьмич, капитан-лейтенант, исследователь Камчатки и Алеутских островов — 498–499
- Кречетников Михаил Никитич, граф, государственный деятель — 452
- Кристиан I, курфюрст Саксонии — 224
- Кристина, королева Швеции — 296, 301
- Кристоф Фредерик — 193
- Кротков Аполлон Семёнович, историк — 471*
- Кротов Павел Александрович, историк — 14, 160, 458, 473, 476
- Кроун Роман (Роберт) Васильевич, адмирал — 333
- Крылов Никита, купец — 184
- Крюйс Корнелиус, адмирал — 416–417, 474
- Ксения Борисовна Годунова, царица — 379
- Ксения Петербургская (в миру Ксения Григорьевна Петрова), юроридическая, канонизирована в лике блаженных — 44
- Кугорн Менно ван, голландский фортификатор — 292
- Кузнецов Фёдор Данилович, историк — 361*
- Кузнецова-Рыцк Эльвира Фёдоровна, историк — 361*
- Кук Джеймс, английский мореплаватель — 499
- Кукушкина Е.Д. — 296*
- Кулишер Иосиф Михайлович, экономист — 145*
- Кумани Михаил Николаевич, адмирал — 338
- Кумани Николай Петрович, контр-адмирал — 338
- Куракин Александр Борисович, князь, дипломат — 103, 296–297
- Курбатов Алексей Александрович, советник Петра I по вопросам финансов — 492
- Курукин Игорь Николаевич, историк — 122–123
- Курц Б.Г. — 180
- Кучумов Анатолий Михайлович, искусствовед — 516*
- Кюнг Энн, историк — 509*
- Лавали де, аристократический род (маркизы и герцоги) — 290
- Лаврентиус Петри Готус, архиепископ — 295
- Лавринович Майя Борисовна, историк — 34–35, 150*
- Лавров Александр Сергеевич, историк — 71*
- Лавровский А.И. — 235*
- Лагранж Жозеф Луи, французский математик, астроном — 200

- Лагрене Луи-Жан-Франсуа (старший), живописец — 389
- Лазарев Александр Сергеевич, актёр — 272
- Лазарев Михаил Петрович, адмирал — 339*
- Лайус Юлия Александровна, историк — 179*
- Ланжерон Александр Фёдорович де, граф, военачальник, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии — 291
- Ланской Александр Дмитриевич, генерал-поручик — 239
- Лаплас Пьер-Симон, французский математик, механик, физик, астроном — 200
- Лаптева Татьяна Александровна, историк — 93, 371
- Лапшин Ярополк Леонидович, режиссёр — 271
- Ласунский Олег Григорьевич, литературовед, филолог — 505*
- Латкин Василий Николаевич, правовед — 48–49, 52*
- Лафайет Жильбер, французский политический деятель — 294
- Лебедев Алексей Анатольевич, историк — 467–468, 470–471, 507*
- Лебедев К., студент архитектурного института — 249
- Лебединский Стефан Иванович, иподиакон — 431
- Леблон Жан-Батист Александр, архитектор — 146, 244, 246, 340, 345–346, 357, 360, 383, 514
- Лев (в миру Лаврентий Михайлович Юрлов), епископ — 459
- Леванидов Я.Г., секретарь инженерной конторы — 347
- Левашов Михаил Дмитриевич, мореплаватель, исследователь Аляски и Алеутских островов — 498–499
- Левин Исаак Осипович, историк — 290, 291
- Левицкий Дмитрий Григорьевич, художник — 151, 155
- Легран Николая, архитектор — 248–251, 261
- Легрен Иоганн, шведский живописец — 382
- Легрен Карл, шведский живописец — 382
- Лезюр Шарль-Луи, французский писатель, публицист — 457
- Лейбниц Готфрид Вильгельм, учёный, первый президент Берлинской Академии наук — 12, 191, 194, 199, 227, 268, 280, 292, 492
- Лейн Эдвард, капитан — 420
- Лексель Андрей Иванович, русский астроном, математик, физик шведского происхождения — 196, 198
- Ленин Владимир Ильич — 119
- Леопольд I, император Священной Римской империи — 462
- Леопольд Вильгельм, эрцгерцог Австрийский — 229–230, 232
- Леопольд Карл, поэт — 297
- Лефорт Франц Яковлевич, государственный и военный деятель — 123, 461
- Лёхтманс Самюэль, поставщик книг из Лейдена — 167
- Либеккер Г.И. — 395
- Либталь Е.Э. — 373
- Лизунов Павел Владимирович, философ, культуролог — 140
- Линней Карл — 174–175*
- Линь Шарль-Жозеф, австрийский фельдмаршал и дипломат — 87, 103, 112
- Литвинова Татьяна Николаевна, историк — 503*
- Лихачёв Дмитрий Сергеевич, филолог, культуролог, искусствовед — 167
- Ло Джон, генеральный контролёр финансов Франции — 292
- Ломбард Джулиано, лейтенант — 337
- Ломоносов Михаил Васильевич, учёный, естествоиспытатель — 16, 88, 174, 207, 241, 275, 426, 496–499
- Лопухин Степан Иванович, государственный деятель — 62
- Лопухин Фёдор Иванович, государственный деятель — 58
- Лопухин Яков Иванович, царедворец — 58, 59

- Лопуцкий Станислав Антонович, польский художник — 380
- Лоррен Луи Жозеф Ле, живописец — 389
- Лосенко Антон Павлович, живописец — 389
- Лоски Лодовико-Антонио, итальянский драматург, поэт — 320
- Лотман Юрий Михайлович, литературовед, культуролог, семиотик — 12, 15*
- Луазо Жан-Рене, адвокат — 318
- Лужецкая Нина Леонидовна, переводчик — 234
- Лужин Фёдор Фёдорович, геодезист — 494
- Лузанов Пётр Фёдорович, военный юрист — 375*
- Луиза Генриетта Нассау-Оранская, прусская королева — 370
- Луппов Сергей Павлович, историк, библиограф — 234–235, 373, 425
- Лучинский П.К. — 286*
- Львов Николай Александрович, архитектор, график, поэт, переводчик — 244
- Львова Елизавета Николаевна — 87
- Людвик IV, французский король — 243, 245, 247
- Людвик XIV, французский король — 18
- Людвик XVI, французский король — 291–292, 294
- Людвик XVIII (граф Прованский), французский король — 290
- Люстров Михаил Юрьевич, историк — 295, 297–298
- Мадариага Исабель де, славист, историк — 49, 54, 79
- Мазур Тамара Петровна, историк — 331
- Майдель Г.Я., шведский генерал — 392–393
- Майков Леонид Николаевич, исследователь истории литературы — 459*
- Майр Вольфганг — 225
- Макаров Борис Сергеевич, физик, краевед — 285
- Макарова Александра Константиновна, философ — 52
- Макграт Грехем, американский актёр — 273
- Максиель Санчес Лев Карлосович, историк — 430
- Максимилиан II, император Священной Римской империи — 225
- Максимов И.С., студент архитектурного института — 248
- Макулов Пётр Васильевич, князь, архитектор — 255, 259–261
- Малинина Т.А. — 514*
- Малиновский Константин В., историк искусства — 104, 347, 361, 370, 379, 384, 385
- Мансфельд И.Э., гравёр — 169
- Манько Александр Васильевич, историк — 122
- Марасанова Виктория Михайловна, историк — 447
- Марасинова Елена Нигметовна, историк — 69, 121
- Марат Давид — см. Будри Давид Иванович де
- Марат Жан Поль, политический деятель, врач — 293–294
- Марголис Александр Давидович, историк — 65, 66
- Мардефельд Г., барон, прусский посланник — 374
- Мария I Браганца, королева Португалии — 311, 321
- Мария Каролина Австрийская, королева обеих Сицилий — 324
- Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии, императрица Священной Римской империи — 168–169, 176, 205, 311, 315, 321, 327
- Мария Фёдоровна, великая княгиня, затем российская императрица, супруга Павла I — 101–102, 400, 405–406
- Маркетти Алессандро, итальянский поэт и переводчик — 330
- Маркина Людмила Алексеевна, искусствовед — 382*
- Марков Евгений Львович, писатель-путешественник, этнограф — 502

- Маркс Карл, немецкий философ — 282
- Мармонтель Жан Франсуа, французский писатель — 319
- Марселиус Христофор, датский архитектор, художник — 382
- Мартынов Иван Иванович, филолог и ботаник — 223
- Маруцци Пано (Павел), маркиз, государственный деятель, дипломат — 306, 318
- Марфа Матвеевна, царица, вторая жена царя Фёдора Алексеевича — 459
- Маслов А.М. — 507
- Маслов И., бригадир — 426
- Масловский Дмитрий Фёдорович, генерал-майор, военный историк — 461*
- Масса-Эстеве Мария Роса, математик — 190, 200–201
- Масси Роберт К., американский историк, писатель — 234, 273
- Матвеев Андрей Матвеевич, живописец-портретист — 218, 382, 386
- Матвеев Владимир Юрьевич, искусствовед — 12*
- Матвеева И.Г. — 220
- Маттарнови Георг Иоганн, немецкий архитектор, скульптор — 357
- Махаев Михаил Иванович, художник — 62–63, 347, 427, 431
- Медведкова Ольга Анатольевна, искусствовед, историк архитектуры — 248, 382*
- Мезин Сергей Алексеевич, историк — 81, 82, 245, 458
- Мейер Герман, купец, банкир — 141
- Мейс Фердинанд де, художник — 115
- Мельгунов Алексей Петрович, государственный деятель — 451–452
- Мельников Виталий Вячеславович, режиссёр, сценарист — 271, 274
- Меншиков Александр Данилович, светл. князь — 59, 94, 96, 121–123, 182–184, 217, 234, 268, 369–377, 392, 394–396, 414, 417, 423, 449, 477, 514–515
- Мережковский Дмитрий Сергеевич, писатель, поэт, критик — 271
- Мериан Мария Сибилла, немецкая акварелистка — 382
- Мерсье де ла Ривьер Пьер-Поль, французский экономист — 128
- Метастазио Пьетро, итальянский поэт — 329–330
- Меттерних Клеменс фон, князь, австрийский государственный деятель, мемуарист — 309
- Мещеряков В.В. — 372*
- Микешин Михаил Осипович, художник, скульптор — 441, 445
- Микишатъев Михаил Николаевич, историк архитектуры — 340, 343, 354
- Миллер Всеволод Фёдорович, фольклорист, этнограф — 475*
- Миллер Герард Фридрих, российский историограф немецкого происхождения — 175, 204
- Миллер Карл Карлович, историк — 290, 291, 293–294
- Милов Леонид Васильевич, историк, академик РАН — 37
- Милорадович Андрей Степанович, государственный деятель, генерал-поручик — 112
- Милославские, род — 93
- Милюков Павел Николаевич, политический деятель, историк, публицист — 129, 134, 138, 139, 212
- Миних Бурхард Христофор (Кристоф) фон, граф, генерал-фельдмаршал, государственный деятель — 346, 375, 458–459
- Миних Христиан Вильгельм, барон, государственный деятель — 346–347
- Минути Р. — 82*
- Минцлов Рудольф Иванович, библиограф, педагог, переводчик — 284
- Мирабо Виктор Рикети де (старший), французский экономист — 128
- Мирович Василий Яковлевич, поручик — 74
- Миронов Алексей Фёдорович, крепостной архитектор графов Шереметевых — 438
- Миронов Борис Николаевич, историк — 148, 162, 448
- Михаил Фёдорович, русский царь — 43

- Михайлов А.И. — 429
Михайлов Григорий В. — 369
 Мичурин Иван Фёдорович, архитектор — 254
Модель Иоганн Георг — 175
 Моллнер Петер, архитектор — 169
 Монтескье (Монтескьё) Шарль Луи Секонда де, французский писатель, философ — 17, 18, 34, 78, 82, 84–85, 314, 319
 Мординов Александр Семёнович, государственный деятель, дипломат — 308
 Мординов Николай Семёнович, контр-адмирал — 337
 Морелле Андре, французский переводчик — 317, 318
 Мотрэ Обри де ла, французский путешественник, писатель — 372, 373
 Мотунов А.И., студент архитектурного института — 248
 Моцарт Вольфганг Амадей, композитор — 169
 Муранов Д., секретарь военной коллегии — 426
Муратиди Фотис Иванович, историк — 339
Мурашова Нонна Васильевна, историк — 519–520
 Муסיкийский Григорий Семёнович, художник по эмали — 386
 Мусин-Пушкин Алексей Семёнович, граф, российский посланник — 293
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, граф, государственный деятель — 40
 Мустафа II, султан Османской империи — 460
 Мустафа III, султан Османской империи — 467–468
 Мыльников Андрей, архитектор — 519
Мыслина Лина Петровна, историк — 519–520
Мышлаевский Александр Захарьевич, военный деятель, историк — 396, 464–465
 Мюкс Самойла, гоф-маклер — 142
Мюллер Александра Петровна, искусствовед — 379, 383, 389
- Мясникова Варвара Сергеевна, актриса — 274
- Назарова Ирина Николаевна, историк, библиограф* — 513, 515–516, 518–520, 523, 525
 Наполеон I Бонапарт, император французов — 282, 294
 Нартов Андрей Андреевич, писатель, переводчик — 458
 Нартов Андрей Константинович, механик, изобретатель — 427, 458, 493
 Нарышкин Александр Львович, государственный деятель — 347
 Нарышкин Алексей Васильевич, государственный деятель, дипломат, писатель — 319
 Нарышкин Кирилл Алексеевич, обер-комендант — 394
 Нарышкин Семён Кириллович, генерал-аншеф, дипломат — 517
 Нарышкины, семья — 353
 Нассау-Зиген Карл Генрих (Николай Отто), принц, адмирал — 336
 Наталья Алексеевна, царевна — 93
 Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), царица — 56, 93
 Натье Жан-Марк, французский художник — 292
 Небель Бенедикт — 181–182, 185
 Негрубов М., живописец — 403
 Нейгебауэр Мартин, учитель царевича Алексея Петровича — 93
 Неклюдов Я. — 183–184
 Немиров Григорий Александрович, историк-краевед — 146
 Нестор Летописец, канонизирован в лике преподобных — 42
 Нефимонов Козма Никитич, дьяк, посланник — 462
Нечаев В.Н. — 374
 Нечаевы, купцы — 507
 Нидерштетер Ф., сержант — 375
Никитенко Галина Юрьевна, историк — 425
 Никитин Иван Никитич, живописец-портретист — 384, 386
 Никитин Роман Никитич, живописец — 384

- Никифоров А.А. — 374
 Никлас Ян, американский актёр — 273
Николаев С.И. — 235
 Николай I, российский император — 260, 403, 445, 527
 Николай II, российский император — 277
 Николь Шарль Доминик, аббат — 291
 Никон (в миру Никита Минин, Минов), московский патриарх — 380
 Нил Сорский (в миру Николай Майков), канонизирован в лике преподобных — 41
Новик Виталий Константинович, историк — 205
 Новиков Николай Иванович, журналист, издатель, общественный деятель — 241
Новиков Ю.В. — 363
 Новосёлов Николай Валентинович, историк — 355, 356, 365, 367
 Новосильцев Николай Николаевич, граф, государственный деятель — 58
Нольде Борис Эммануилович, юрист — 463, 468
 Ноульс Чарльз, адмирал — 334
 Нуман Карл, генерал-майор — 339
 Нуммерс Гидеон фон, шведский вице-адмирал — 415
 Ньютон Исаак, английский учёный — 194, 199

 Оберкирх Г.Л., баронесса — 103
Овсянников Юрий Максимилианович, искусствовед — 430
Огородников Степан Фёдорович, офицер, историк — 184, 186
 Одольский (Адольский) Григорий Николаевич, живописец — 372
 Одольский Иван Николаевич — см. Адольский Иван Николаевич
Ожегов Сергей Сергеевич, художник, архитектор — 349–350
 Ольга, княгиня, правившая Киевской Русью — 301
Омельченко Олег Анатольевич, историк, правовед — 88, 97
Ончуков Николай Евгеньевич, фольклорист — 475

 Опекушин Александр Михайлович, скульптор — 445
 Орлов Алексей Григорьевич, граф с 1762 г., военный и государственный деятель — 304, 307, 324–325, 336–338, 445
 Орлов Владимир Григорьевич, граф, генерал-поручик, директор Академии наук — 437
 Орлов Григорий Григорьевич, светл. князь с 1772 г., генерал-фельдцейхмейстер — 123, 240
 Орлов Семён, секретарь — 62
 Орлов Фёдор Григорьевич, граф, военный и государственный деятель — 304
 Орловы, род — 118
 Ортелий Абрахам, фламандский картограф — 226
 Осипова А., студент архитектурного института — 249
 Остерман Андрей Иванович, барон с 1721 г., граф с 1730 г., вице-канцлер, первый кабинет-министр — 121, 185
 Откёр Луи, французский историк искусства — 243
 Отто Христиан Григорьевич, цехмейстер — 420

 Павел (в миру Васильев), епископ — 431
 Павел I Петрович, великий князь, затем российский император — 42, 87, 97–103, 105, 248, 251, 291, 305–306, 309, 312, 324, 377, 401, 403, 406, 489, 496, 521
Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио), епископ, придворный врач римских пап, историк, географ, коллекционер — 492
 Павленко Николай Иванович, историк — 120, 121, 374, 448, 458, 461
 Павлова Ж.К. — 239
Павловский Иван Францевич, историк — 113
 Паисий (в миру Пётр Иванович Величковский), архимандрит, канонизирован в лике преподобных — 44, 239

- Пайчадзе Георгий Георгиевич, историк — 286
- Палладио Андреа, архитектор позднего Возрождения — 244, 247
- Панин Никита Иванович, граф, государственный деятель, дипломат, наставник великого князя Павла Петровича — 99
- Панин Пётр Иванович, граф, генерал — 469*
- Панин Пётр Иванович, граф, генерал-аншеф — 99
- Парелла, сардинский маркиз — 305
- Парини Джузеппе, итальянский литератор, поэт — 311–312, 321
- Пастухов Пётр Иванович, государственный деятель — 206
- Паткуль Иоганн Рейнгольд фон, дипломат — 381
- Патрушев Иван Фёдорович — 477
- Пашков А.И. — 127*
- Пашков Александр Михайлович, историк — 473
- Пашинская Ирина Олеговна, историк — 400, 402, 408, 410–411, 413
- Пекарский Пётр Петрович, историк, библиограф — 286, 515*
- Первалов В.А. — 496, 498
- Перепечаева Людмила Борисовна, историк — 468
- Пермякова Алёна Николаевна, историк — 55, 61
- Перри Джон, английский капитан, писатель — 280, 493–494, 501
- Перфильева Людмила Александровна, историк архитектуры — 244*
- Песков Алексей Михайлович, филолог, историк — 104*
- Пётр (Смелич), архимандрит, архиепископ с 1736 г. — 216
- Пётр I, российский император — 11–16, 19–20, 22–24, 26, 28–33, 37–42, 44–46, 49–51, 54–57, 59–60, 62, 65–66, 68, 71–73, 79, 81–96, 100–102, 104–115, 122–127, 129–130, 134, 136–139–141, 143, 145–146, 148, 157–158, 160, 162–163, 166–167, 177–179, 181–183, 185, 188–192, 196, 201–203, 213–214, 216–219, 223–224, 227–229, 232–236, 239, 241–247, 250–251, 266–274, 277–281, 284–287, 289, 292, 296–303, 310, 312–316, 321–324, 326–327, 331–332, 340–341, 345–346, 352, 354–355, 357, 359, 365, 369, 371, 373, 380–384, 386, 388, 390, 404, 410, 413–417, 420, 422–424, 427–428, 434, 441–444, 446–448, 450, 454–459, 461–475, 478–479, 483–484, 489, 491–496, 499–503, 508–514, 516, 518–519, 523, 526
- Пётр II, российский император — 59, 62, 107, 162, 359, 374, 391, 393–395, 398–399, 427, 515
- Пётр III Фёдорович, российский император, 23, 42, 83, 103, 275, 293, 322, 351, 397, 401, 517, 526
- Пётр Петрович, великий князь — 95–96
- Петров Андрей Николаевич, историк — 371, 376–378, 467–468, 470–471*
- Петров Владимир Михайлович, режиссёр — 267, 268, 269, 270
- Петров Пётр Николаевич, историк, искусствовед — 347–348, 374, 389, 429
- Петров Юрий Александрович, историк — 136*
- Петрова Ольга Валентиновна, искусствовед — 251*
- Петрухинцев Николай Николаевич, историк — 459*
- Печис Джузеппе, итальянский поэт — 327–329
- Пикарт Питер, голландский художник — 382, 384, 387
- Пикуль Валентин Саввич, писатель — 274
- Пильман Филипп, французский художник-декоратор — 372, 382
- Пино Николо, французский скульптор и резчик — 382
- Пирогов Виталий Михайлович, музейный деятель — 414
- Пирютко Юрий Минаевич, искусствовед — 427
- Писарькова Любовь Фёдоровна, историк — 49*

- Питулько Галина Николаевна, историк — 167, 233, 238–239
- Плате Алисе, историк — 45, 52
- Платон (в миру Пётр Георгиевич Левшин), архиепископ, с 1787 г. митрополит — 89, 109, 111, 237–238
- Платонов Дмитрий Николаевич, экономист — 127*
- Платонов Сергей Фёдорович, историк — 457
- Плеханов Георгий Валентинович, теоретик марксизма, философ — 81
- Побережников Игорь Васильевич, историк — 485*
- Погодин Михаил Петрович, историк, журналист, издатель — 456
- Подосянов О.П., историк — 66*
- Покровский Михаил Николаевич, историк — 119
- Покровский Фёдор Иванович, хранитель Рукописного отдела БАН — 240
- Полиньяки де, аристократический род (маркизы, затем герцоги) — 290
- Полозов Кирилл Игнатъев, крестьянин, отставной сержант — 377
- Полонская-Василенко Наталья Дмитриевна, историк — 290*
- Польской Сергей Викторович, историк — 29*
- Попов Тихон Дмитриевич, священник — 239*
- Порошин Василий Иванович, бригадир и комендант о. Котлин, комендант Петропавловской крепости — 392, 397, 417
- Посошков Иван Тихонович, купец, первый русский экономист-теоретик — 127, 152, 156
- Постников И.Г., канцелярист — 426
- Постоваловы, купцы — 502
- Потапов Иван Алексеевич, генерал-поручик, государственный деятель — 503, 507
- Потёмкин Григорий Александрович, светл. кн. (с 1776), государственный деятель — 20, 86, 88–89, 112, 114, 119–124, 275, 328–329, 445, 458, 472, 507
- Потёмкин Павел Сергеевич, поэт-любитель — 411–412
- Предтеченский Анатолий Васильевич, историк — 14, 393
- Приймак Юрий Владимирович, историк — 463*
- Прилежаев Евгений Михайлович, краевед, историограф — 215*
- Проскурина В.Ю., литературовед — 298, 456–457
- Протасов Алексей Протасьевич, анатом — 219
- Проторчина Вера Михайловна, историк, краевед — 502, 505*
- Птицын Андрей Николаевич, историк — 290*
- Пугачёв Емельян Иванович, донской казак — 74–75
- Пузырёв Виктор Павлович, историк — 158, 161, 163–164*
- Пуфендорф Сэмюэль, немецкий юрист — 29
- Пушкарёв Иван Ильич, историк, краевед, статистик — 526*
- Пушкин Александр Сергеевич, поэт, драматург, прозаик — 27, 87, 178, 274, 276, 278, 293, 340, 354, 445
- Пфaffenбихлер Маттиас, искусствовед — 224
- Пыпин Александр Николаевич, историк — 81
- Радишев Александр Николаевич, прозаик, поэт, философ — 72–73, 279, 454
- Раев Марк — 29, 34, 239
- Раздолгин А.А. — 422*
- Разумов А.М. — 175
- Разумовские, род — 118
- Разумовский Алексей Григорьевич, граф, фаворит и тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны — 122, 186
- Разумовский Андрей Кириллович, дипломат — 305
- Разумовский Кирилл Григорьевич, граф, гетман Войска Запорожского — 89
- Раскин Абрам Григорьевич, историк искусства — 402, 410

- Раскин Давид Иосифович, историк — 125, 126, 128, 133
- Расмуссен К. — 81, 84, 87
- Растрелли Бартоломео Карло, итальянский скульптор — 104, 382
- Растрелли Франческо, архитектор — 263, 288, 359, 367, 429, 435
- Рафаэль Санти, итальянский живописец — 326
- Рахаев Дж. Я. — 465, 469*
- Рахманин Е.Н., архитектор — 436
- Рахматуллин Морган Абдулович, историк — 81
- Реброва Роксана Викторовна, историк — 38
- Редин Дмитрий Алексеевич, историк — 32, 485*
- Резимон Жан, генерал-майор — 291
- Рей Марк Мишель, поставщик книг из Амстердама — 167
- Ремеры, семья — 407
- Ренне Карл Эдвальд, барон, генерал — 391
- Рёрриксон Ингварь, конунг в Древней Руси — 295
- Решилье Эммануил Осипович де, герцог, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии — 291
- Ржеуцкий Владислав Станиславович, историк — 242, 285
- Рибопьер Александр Иванович, граф, русский придворный, дипломат швейцарского происхождения — 91, 291
- Ривароль Стефано, маркиз, итальянский дипломат — 308
- Ривьер Пьер де ля, экономист — 318
- Ригельман Александр Иванович, военный инженер, историк — 456
- Римская-Корсакова Светлана Викторовна, искусствовед — 385–386*
- Ринальди Антонио, архитектор — 263–265, 288, 519, 524
- Ровинский Дмитрий Александрович, юрист, историк искусства — 383*
- Родес Иоганн де, торговый представитель Швеции в Москве — 180
- Рождественский Сергей Васильевич, историк — 210*
- Розадеев Б.А. — 416–417, 422–423*
- Розанов Николай Петрович, историк церкви, богослов, писатель — 238*
- Рока-Роселл Антони, историк — 202
- Романова А.А. — 240
- Романовы, династия русских царей — 233, 240–241
- Ромашов Роман Анатольевич, юрист — 128
- Ромм Шарль-Жильбер, политический деятель, математик — 293–294
- Ромодановский Фёдор Юрьевич, князь, государственный деятель — 66, 272
- Роозен Ян, голландский садовник — 357
- Росси Джованни Франческо, итальянский скульптор — 382
- Росси Карл Иванович, архитектор — 288, 352
- Ростовцев Алексей Иванович, гравёр — 386
- Ростопчин Фёдор Васильевич, граф, государственный деятель — 294
- Ротари Пьетро Антонио, граф, итальянский живописец — 389
- Роте Иоганн Готтлоб, поставщик книг из Копенгагена — 167
- Рош Дени, французский историк искусства — 243
- Рудольф II, император Священной Римской империи — 225–228
- Румянцев Николай Петрович, граф, государственный деятель — 144
- Румянцев-Задунайский Пётр Александрович, граф, полководец и военный теоретик — 89, 212, 445
- Рунич Павел Степанович, государственный деятель — 453
- Рункевич Стефан Григорьевич, церковный писатель-историк — 214–215, 217, 220–221, 223*
- Руссо Жан-Жак, французский философ, писатель — 19, 281, 314, 319
- Руссо Пьер, французский архитектор — 250
- Рух Андрей, инженер-капитан — 347
- Рыжков Андрей Борисович, краевед — 442

- Рычков Пётр Иванович, чиновник, историк, географ, краевед — 515
- Рэксль Н. — 408, 410
- Рюйш Фредерик, нидерландский анатом — 228
- Рязановский Николай Валентинович, историк — 81, 92
- Рясков Олег Станиславович, режиссёр — 272
- Саблуков Иван Семёнович, художник-портретист — 389
- Савельева Елена Алексеевна, историк — 167, 234
- Саверкина Ирина Витальевна, музейный работник, педагог — 167, 372
- Савостьяновы, купцы — 507
- Садуль Жорж, французский историк, кинокритик — 272, 276
- Сазонов Фёдор, поручик — 62
- Саитов Владимир Иванович, библиограф, историк литературы — 427*
- Саличети Аурелио, итальянский поэт, переводчик — 327
- Салтыков Пётр Семёнович, граф, генерал-фельдмаршал — 255, 257, 259
- Салтыков Фёдор Степанович, комнатный столяр, спальник, морской агент в Лондоне — 152, 493
- Сальваде Анна Мария, литературовед — 320
- Сальников Виктор Петрович, юрист — 128
- Сальхов Ульрих Христофор — 174*
- Самойлов Александр Николаевич, граф, государственный деятель — 68
- Сапега Ян Казимир, граф, польский военный и государственный деятель — 371
- Сарычев Гавриил Андреевич, полярный исследователь, гидрограф — 499
- Сафронова Юлия, историк — 58
- Сахарова И.М., искусствовед — 428*
- Сахаровы, купцы — 502, 507
- Свитен Герарда ван, врач — 168–169
- Себа Альберт, аптекарь, натуралист и собиратель коллекций — 228
- Севастьянов Александр Николаевич — 212
- Севергин Василий Михайлович, минеролог, химик — 525
- Севергин П., обер-секретарь Сената — 426
- Северный, граф — см. Павел I Петрович
- Северюхин Дмитрий Яковлевич, искусствовед — 379
- Сегюр Луи Филипп де, граф, французский историк, дипломат — 89, 90, 112, 113
- Секко Суардо Гризмонди Паолина, итальянская поэтесса — 325–326
- Селлий Адам, датский богослов — 218
- Семёнов А. — 388*
- Семёнова Л.Е. — 286*
- Семенов Сергей Владимирович, историк архитектуры — 342, 346, 348, 350*
- Сенак де Мельян, французский эссеист, философ — 91
- Сен-При Эммануил Францевич, граф, генерал-лейтенант — 290
- Сент-Илер Пьер Антоний де, французский картограф, математик — 405
- Сенявин Алексей Наумович, адмирал — 423
- Серракаприола Никола Мареска Доннорсо ди, герцог, неаполитанский государственный деятель и дипломат — 305
- Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин), иеромонах, канонизирован в лике преподобных — 44
- Серафим, иеромонах — 307
- Сергеев В.И., историк — 104*
- Серёжников Виктор Константинович, философ — 128
- Серов Дмитрий Олегович — 45, 47
- Сибирева Галина Алексеевна, историк — 304*
- Сиверс Пётр Иванович, капитан-командор — 420
- Сиверс Яков Ефимович, граф, государственный деятель — 452
- Симеонов Пётр, протоиерей — 432

- Симонов Николай Константинович, актёр — 267, 268
- Синдаловский Наум Александрович, писатель-историк — 104*
- Синявин (Сенявин) Наум Акимович, капитан — 420
- Сиренов А.Ю. — 240
- Сироткин Владлен Георгиевич, историк — 294*
- Скавронский Павел Мартынович, граф, русский посланник при неаполитанском дворе — 305
- Скальковский Аполлон Александрович, историк, экономист, публицист — 468*
- Скиннерус Эрикус Якоби, священнослужитель — 295
- Скляда Афанасий, преподаватель древних языков — 217
- Скориков Ю.А. — 422
- Славнитский Николай Равильевич, историк — 391
- Смагина Галина Ивановна, историк — 203, 204–205, 207, 289
- Смилянская Елена Борисовна, историк — 303*
- Смилянская Ирина Михайловна, историк — 303*
- Смирнов В.Г. — 441*
- Смирнов Д.И., студент архитектурного института — 245
- Смит Адам, шотландский экономист, философ — 132
- Смуглин Ф.С. — 420*
- Снигирь Юлия Викторовна, актриса — 275
- Соболь Виталий Дмитриевич, журналист — 425*
- Соймонов Фёдор Иванович, навигатор, гидрограф, государственный деятель — 347
- Соколов Александр Ростиславович, историк — 133
- Соловьёв Д.А. — 183
- Соловьёв Сергей Михайлович, историк — 77, 79, 267, 447, 467–469, 470
- Сомина Р.А. — 416–417, 422–423*
- Сомова Светлана Яковлевна — 310, 311, 321
- Сорокин Пётр Егорович, археолог — 355, 356, 360–361, 364
- Соснин Иван, преподаватель арифметики и геометрии — 217
- София Магдалена Датская, королева Швеции, супруга Густава III — 299
- Софья Алексеевна, царица, регентша при братьях Петре I и Иоанне V — 283
- Софья Палеолог, великая княгиня Московская — 329
- Спаджари Уильям, филолог — 310, 321
- Сперанский Михаил Михайлович, граф, общественный и государственный деятель — 223
- Спиридов Григорий Андреевич, адмирал — 332–333, 336–337, 339
- Спиридонова Евгения Васильевна, историк — 136*
- Сребреницкая Дарья Юрьевна — 426
- Сребреницкий Григорий Фёдорович, гравёр — 426, 428, 435
- Сталин Иосиф Виссарионович — 269
- Станіславський Владислав Володимирович, историк — 460*
- Станислав Август Понятовский, польский король — 315, 328
- Старов Иван Егорович, архитектор — 247, 249–250, 406, 506
- Степанов Валерий Леонидович, историк — 134
- Степанов Виктор Фёдорович, актёр — 271
- Степанов С.Д. — 265*
- Стефан (в миру Симеон Иванович Яворский), епископ — 236, 239
- Столянский Пётр Николаевич, историк, журналист, краевед, библиограф — 341–342, 425
- Столыпин Пётр Аркадьевич, государственный деятель — 133
- Стрельников Димитрий Димитриевич, протопоп — 431
- Строганов Павел Александрович, граф, генерал-лейтенант — 293
- Строгановы, графы, семья — 293
- Строев Александр Фёдорович, историк — 121

- Строев, полицмейстер, майор — 521
Струве Пётр Бернгардович, общественный и политический деятель, экономист, историк, философ — 136
- Суворов Александр Васильевич, граф с 1789 г., князь с 1799 г., полководец — 112, 445
- Суворов Василий Иванович, генерал-майор — 67
- Суздаев Владимир Е., специалист по древнерусскому искусству, краевед — 254, 260*
- Суковкин Акинфий Петрович, государственный деятель — 133
- Сулема, капитан — 377
- Сумароков Александр Петрович, поэт, драматург, литературный критик — 241
- Суслов Михаил Андреевич, советский партийный и государственный деятель — 446
- Сухов Андрей Михайлович, актёр — 272
- Сухомлинов Михаил Иванович, филолог, литературовед — 191
- Сухтелен Питер (Пётр Корнилович) фон, граф, военный инженер — 287
- Сыромятников Борис Иванович, юрист — 126*
- Табolina Галина — 428
- Таганцев Николай Степанович, криминалист — 66
- Талалай Михаил Григорьевич, историк — 301, 309, 310, 311, 320–321, 323
- Тамара (Томара) Василий Степанович, дипломат — 294
- Таннауэр Иоганн Готфрид, немецкий живописец — 382, 384
- Тараканова (Елизавета Владимировская), княжна — 307, 398–399
- Тарановский Фёдор Васильевич, историк права — 34, 85*
- Тарасов С., секретарь военной коллегии — 426
- Тарле Евгений Викторович, историк — 470
- Тарсиа Бартоломео, венецианский живописец — 382
- Твелькмейер Виктор Фёдорович, архитектор — 436
- Тверской Лев Михайлович, архитектор — 344, 345, 346
- Тевяшов Степан Иванович, государственный деятель — 503
- Теллов Григорий Николаевич, философ-энциклопедист, писатель, поэт, статс-секретарь Екатерины II — 204, 219
- Тет Георг (Егор Егорович), адмирал — 333
- Тимофеева М.Ю., историк — 67*
- Тимченко-Рубан Георгий Иванович, генерал-лейтенант — 391–393
- Тинторетто (Якопо Робусти), живописец — 231
- Титов Андрей Александрович, археолог, этнограф, палеограф — 438*
- Титовы, купцы — 507
- Тихомиров Павел Васильевич, богослов, философ, историк — 38, 39
- Тихон Задонский (в миру Тимофей Савельевич Соколов, при рождении Кириллов), епископ, канонизирован в лике святителей — 44, 239, 432
- Тихонов Иродион, подьяк — 214–217
- Тихонова И., студентка архитектурного института — 249
- Тишин Андрей, преподаватель — 214
- Тишин Е., секретарь Сената — 426
- Токарева Евгения Сергеевна, историк — 311, 321
- Толдонова Екатерина Викторовна, режиссёр — 274
- Толстой Алексей Николаевич, писатель — 267, 268
- Толстой Дмитрий Андреевич, граф, историк — 205*
- Толстой Иван Андреевич, первый губернатор города Азова — 472
- Толстой Михаил Владимирович, граф, историк церкви — 41*
- Толстой Пётр Андреевич, граф, государственный деятель, дипломат — 61, 96, 302
- Тома Антуан Леонард, французский писатель — 321

- Томазий Христиан, немецкий юрист — 29
- Томон Тома де, архитектор — 146
- Топорков Ю., историк — 294
- Топоров Владимир Николаевич — 15
- Торелли Стефано, живописец — 389
- Тотомианц В.В. — 128
- Травен Бруно (Травен Торсван Кровс), немецкий писатель — 159
- Траверсе Иван Иванович де, маркиз, адмирал — 291, 336
- Траттнер Иоганн Томас, поставщик книг из Вены — 167–174, 176–177
- Траттнер Мария Тереза фон — 169
- ТрEDIAKОВский Василий Кириллович, поэт, переводчик, филолог — 426
- Трезин Осип — см. Трезини Джузеппе (Осип Петрович)
- Трезини Доменико Андреа, швейцарский архитектор итальянского происхождения — 146, 285, 370, 383, 384, 429–430
- Трезини Карло Джузеппе (Осип Петрович), архитектор — 428–430, 432, 434
- Трезини Пьетро Антонио, архитектор — 43
- Трейден Тимофей, полковник — 416
- Третьякова Светлана Николаевна, историк — 491
- Троицкий Сергей Мартинович, историк — 119, 138, 153, 448, 514
- Трубинов Юрий Викторович, искусствовед — 369, 371–372, 376*
- Трубников Александр Александрович, историк искусства, искусствовед — 242
- Трузсон Христиан Иванович, генерал-лейтенант — 287
- Трускотт Иван Фомич, географ, картограф — 347*
- Тулиновы, купцы — 502, 507
- Тулисов Евгений С., историк — 485*
- Тулуз Лотрек Монтфа де, аристократический род (графы и виконты) — 290
- Тульчинский Григорий Львович, политолог, философ — 22
- Турко Джованни Дель, аббат — 319
- Туробойский Иосиф, писатель, преподаватель, архимандрит — 235
- Турчин Валерий Стефанович, искусствовед — 411*
- Тюрго Анн Робер Жак, французский экономист, философ, государственный деятель — 128
- Тюрин Евграф Дмитриевич, архитектор — 260
- Уатт Джеймс, шотландский инженер — 293–294, 481
- Удри Жан-Батист, французский художник — 292
- Украинцев Емельян Игнатьевич, дипломат, думный дьяк — 463
- Унковский И., советник артиллерии — 347
- Уолцер Майкл, американский политический философ — 24
- Уортман Ричард Стюарт, американский историк — 12, 46, 48, 51, 412
- Урусов Василий Алексеевич, князь, генерал-лейтенант — 79
- Урусов Григорий Алексеевич, комендант Петербурга — 397
- Усов Тимофей Никитич, архитектор — 384
- Успенский Борис Андреевич, филолог, лингвист, семиотик — 12, 15*
- Успенский Юрий Иванович, инженер путей сообщения — 502*
- Устинов Иван, архитектор — 384
- Устрялов Николай Васильевич, историк — 510
- Устрялов Николай Герасимович, историк, археограф — 392, 393, 460, 461, 463
- Ухин Владимир, художник — 510
- Ухналёв Андрей Евгеньевич, историк архитектуры — 254
- Ухтомский Дмитрий Васильевич, архитектор — 429
- Ушаков Степан Фёдорович, чиновник, писатель — 518
- Ушаков Фёдор Фёдорович, адмирал — 335, 338, 339, 507

- Фаизова Ирина Викторовна, историк** — 121
- Фальконе Этьен Морис, французский скульптор** — 81, 87, 104–105, 113–114, 288, 456
- Фант Эрик Микаэль, филолог, историк** — 296
- Фарварсон Генри (Андрей Данилович), преподаватель Навигационной школы** — 166
- Фаррентрапп Франц, поставщик книг из Франкфурта на Майне** — 167
- Фафурин Геннадий Александрович, историк** — 166
- Фёдор I Иоаннович, русский царь** — 87
- Фёдор III Алексеевич, русский царь, старший брат Петра I и Ивана V** — 87, 459
- Фёдоров А., секретарь Сената** — 426
- Фёдоров Л., живописец** — 403
- Фёдоров Степан, канцелярист** — 62
- Федорович Георгий Фридрих** — 218
- Федотова Т.П.** — 432, 438
- Фельбигер Иоганн Игнаций, австрийский учёный, пастор и педагог** — 205, 238
- Фельтен Юрий Матвеевич, архитектор** — 114, 265, 363, 378, 403, 407, 411
- Феодосий (в миру Фёдор Михайлович Яновский), архиепископ** — 213–214, 216–217
- Феодосия Иоанновна, царевна, дочь Иоанна V** — 56
- Феофан (в миру Елисей Прокопович), архиепископ** — 12, 108, 166, 215, 217–219, 236
- Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров), епископ, канонизирован в лике святителей** — 44
- Феофилакт (в миру Фёдор Гаврилович Русанов), экзарх Грузии** — 223
- Феофилакт (в миру Фёдор Леонтьевич Лопатинский), архиепископ** — 167, 235–239
- Фердинанд II, эрцгерцог Австрийский** — 225
- Фердинанд III, император Священной Римской империи** — 229
- Фердинанд, король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя** — 301
- Ферма Пьер, французский математик** — 199
- Ферри Клод-Жозеф, французский политический деятель, военный инженер, поэт и композитор** — 294
- Филарет, патриарх Московский** — 40
- Филибер Клод, поставщик книг из Копенгагена** — 167
- Филиппи Пепе Франческо, итальянский поэт** — 327
- Филофей, инок** — 21
- Фойницкий Иван Яковлевич, юрист, криминолог** — 68
- Фомин Александр Иванович, купец** — 156
- Фомин Иван Александрович, архитектор, преподаватель, историк архитектуры** — 242
- Фонвизин Денис Иванович, литератор** — 99
- Фонвизин Михаил Александрович, генерал-майор, декабрист** — 99
- Фонсека Пиментель Элеонора (Лесбия Сидония), итальянская поэтесса португальского происхождения** — 324
- Фонтана Франческо (Джовани Мария), архитектор** — 370, 372
- Фонтенель Бернар ле Бовье де, французский мыслитель** — 280
- Фортис Альберто, итальянский поэт, аббат** — 329–330
- Фоскари Фериго, итальянский государственный деятель, дипломат** — 306
- Фоскари Франческо, итальянский государственный деятель** — 306
- Фрёшл, антиквар** — 227
- Фридрих II, прусский король** — 195, 293, 315, 322–323, 326
- Фридрих Вильгельм I, прусский король** — 374
- Фуко Мишель** — 73
- Фусс Николай Иванович, русский математик швейцарского происхождения** — 196, 198

- Хакеборд Лоуренс, голландский археолог* — 179
- Хег Авраам, сенатский секретарь — 347
- Хеен Якоб де, голландский живописец — 379
- Хикель И., художник — 169
- Хмелевских Ирина Васильевна, искусствовед — 167
- Ходякова О.А.* — 440
- Хондзинский Павел Владимирович, священник* — 239
- Храповицкий Александр Васильевич, государственный деятель — 87, 298
- Цверева Грант Константинович, историк* — 293
- Чаплич И., чрезвычайный прусский посол — 284
- Чеботарёв Б.В.* — 471
- Чевакинский Савва Иванович, архитектор — 423, 429
- Чемесов Евграф Петрович, гравёр — 389
- Чемесов Михаил Осипович, комендант Санкт-Петербурга — 396–397
- Череповский Евдоким, канцелярист — 237
- Черкасов Николай Константинович, актёр — 268
- Черкасов Фёдор, гравёр — 384
- Черковец Виктор Никитич, экономист — 126
- Чернышёв Александр Иванович, светл. князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии — 133
- Чернышёв Андрей Гаврилович, комендант Петропавловской крепости — 397–399
- Чернышёв Григорий Петрович, генерал-майор — 417, 420
- Чернышёв Захар Григорьевич, граф, генерал-фельдмаршал — 350
- Чернышёв Иван, граф — 408
- Чертков Василий Алексеевич, воронежский наместник — 505
- Чесноков Геннадий Анатольевич, архитектор. Педагог, историк архитектуры* — 506
- Чечулин Николай Дмитриевич, историк, археограф — 17, 73, 130, 132, 139, 319
- Чижов Матвей Афанасьевич, скульптор — 445
- Чиркин Александр Иванович, титулярный советник — 433
- Чиркин Иван Иродионович., ктитор — 427–428, 433
- Чиркин Иродион Стефанович, купец — 428, 435
- Чистович Иларион Алексеевич, писатель, церковный историк* — 213–219, 221, 223, 236
- Чичагов Василий Яковлевич, адмирал, флотоводец екатерининской эпохи — 498, 445
- Чичерин Борис Николаевич, правовед, философ, историк — 447
- Чичерин Николай Иванович, государственный деятель — 354
- Чомски Марвин Дж., американский режиссёр — 272, 273
- Чулков В. — 186
- Чулков Михаил Дмитриевич, историк* — 141, 145
- Шагин-Гирей, крымский хан — 507
- Шанони Дени, французский предприниматель — 480
- Шапп д'Отрош (д'Отерош) Жан, французский астроном и путешественник — 17, 86–87
- Шарапов Г.И., надворный советник — 433
- Шарлотта Христина София, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская — 94
- Шарф А. — 393
- Шафиров Исаяа Петрович, барон — 186
- Шафиров Павел — 182
- Шафиров Пётр Павлович, барон, дипломат, вице-канцлер — 182–186, 234
- Шаховской Яков Петрович, князь, государственный деятель — 153
- Шаццлло Михаил Корнельевич, историк* — 136

- Швертфегер Леонард Теодор, архитектор — 250
- Шебалина Галина Викторовна, историк — 285*
- Шевалье Николая, нумизмат — 228
- Шедель Иоганн Готфрид, архитектор — 370, 376
- Шелл Максимилиан, американский актёр, сценарист, режиссёр — 273
- Шелов Александр Васильевич, подполковник — 421*
- Шеманский А.В. — 402, 406*
- Шемберг Курт Александр фон, генерал-берг-директор — 185
- Шемякин Михаил Михайлович, скульптор — 445
- Шенкер Александр, историк — 81
- Шепелев Леонид Ефимович, историк — 121*
- Шереметев Борис Петрович, граф с 1706 г., фельдмаршал — 302, 437, 510
- Шереметев Николай Петрович, граф, покровитель искусств, меценат, государственный деятель — 437–439
- Шереметев Пётр Борисович, граф, государственный деятель — 437–438, 440
- Шереметевы, род — 437, 440
- Шилков В.Ф. — 404
- Шиллер Лоуренс, американский фотограф, режиссёр, сценарист — 272, 273
- Шильдер Николай Карлович, военный деятель, историк — 88, 104*
- Шипилев П.М., генерал-майор — 426
- Шишков А., офицер-пехотинец — 426
- Шкаровский Михаил Витальевич, историк — 213, 417
- Шкловский Виктор Борисович, писатель, литературовед, киновед — 274
- Шлёцер Август Людвиг, российский и германский историк — 212
- Шлиппенбах Вольмар Антон фон, генерал — 285
- Шлютер Андреас, немецкий скульптор, архитектор — 382
- Шмеман Александр Дмитриевич, протоиерей Православной церкви в Америке — 39
- Шмидт Георг Фридрих, гравёр — 389
- Шмурло Евгений Францевич, историк — 81
- Шоу С., американский историк — 465
- Шпенер Иоганн, поставщик книг из Берлина — 167
- Штакеншнейдер, Андрей Иванович, архитектор — 260
- Штелин Яков (Якоб), государственный деятель, гравёр, картограф, медальер, мемуарист — 141, 361, 379, 385, 389, 430
- Штида Вильгельм, немецкий экономист, статистик — 126
- Штрэндман Густав Эрнст фон, генерал — 468*
- Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих, российский учёный немецкого происхождения — 82
- Шуазэль-Гуфье Гавриил Августович (Огюст) де, дипломат — 290
- Шубинский Сергей Николаевич, историк — 458*
- Шувалов Иван Иванович, государственный деятель, генерал-адъютант — 121–122, 388, 389, 430
- Шувалов Пётр Иванович, граф, генерал-фельдмаршал, камергер, сенатор — 186
- Шуваловы, род — 118
- Шуйский Валерий Константинович, искусствовед — 255*
- Шульман Ефрем Борисович, историк — 466*
- Шульц Сергей Сергеевич, историк — 217*
- Шумахер Иоганн Даниэль, библиотекарь Петра I — 384
- Шумахер Иоганн Якоб, эльзасский архитектор — 376, 383
- Шхонебек Адриан, нидерландский художник — 383, 384, 387
- Щербатов Михаил Михайлович, князь, историк, публицист — 16, 72, 73, 90–91, 118, 239, 319, 454
- Щербатов Семён Иванович, князь, коллежский советник — 62
- Щербинин Евдоким Алексеевич, государственный деятель — 505
- Щетинин М.И., князь — 426

- Эйдельман Натан Яковлевич, историк* — 99
- Эйзенштейн Сергей Михайлович, режиссёр — 268
- Эйлер Альбрехт Иоганн, секретарь Императорской Академии наук — 196, 198
- Эйлер Катарина (урожд. Гзель) — 195
- Эйлер Леонард, швейцарский, немецкий и российский математик и механик — 174–175, 190, 192–202
- Эйлер Пауль, пастор — 193
- Эльмзель Вилим, английский предприниматель — 515–516
- Эльмо Анджело, итальянский государственный деятель — 306
- Эльф Эрик Петер, шведский поэт — 299–301
- Эльфинстон Джон, контр-адмирал — 333
- Эмин Фёдор Александрович, литератор, издатель — 427
- Эпинус Франц Ульрих Теодор, российский и немецкий физик, математик, астроном — 175, 205, 206
- Эстергази Валентин, граф — 290
- Эстергази, граф — 290
- Юкенберг Петер**, шведский историк — 296
- Юмангулов Виль Якубович, хранитель скульптуры Петергофа* — 411
- Юниус Иоганн Фридрих, поставщик книг из Лейпцига — 167
- Юрнев Алимпий, майор — 474
- Юркин Игорь Николаевич, историк — 266, 286
- Юсти Иоганн Генрих Готлиб фон, немецкий экономист — 34, 150
- Юсупов Николай Борисович, князь, государственный деятель, дипломат — 305
- Юхт Александр Исаевич, историк — 183, 454
- Яковлев Александр**, секретарь в Придворной конторе — 62
- Яковлев Иван Яковлевич**, один из первых организаторов судостроения — 474
- Янгфельдт Бенгт, шведский славист* — 286
- Янин Валентин Лаврентьевич, историк* — 343
- Янкович де Мириево Фёдор Иванович, сербский и российский педагог — 206–207
- Яннингс Эмиль, немецкий актёр — 272
- Ярцов Аникита Сергеевич, горный офицер — 481

VIII Международный петровский конгресс
Санкт-Петербург
10–11 июня 2016 года

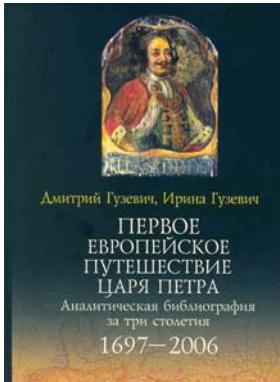

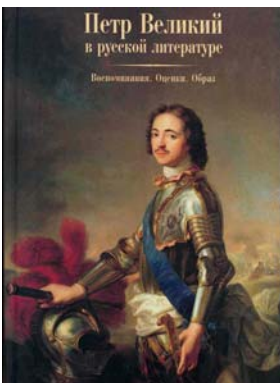
ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. Рождение Петербурга. СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

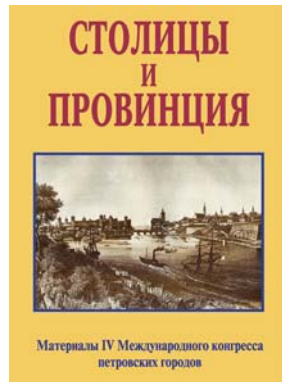

Юркин И.Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

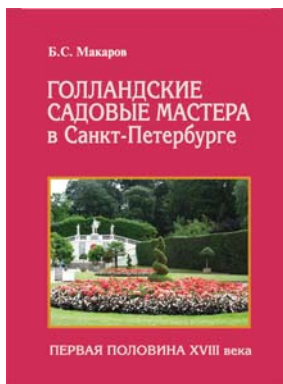

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

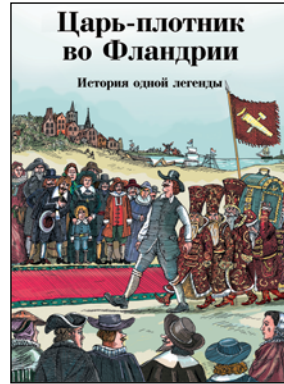

Макаров Б. Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века. СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

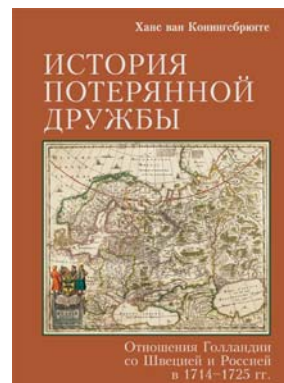
Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

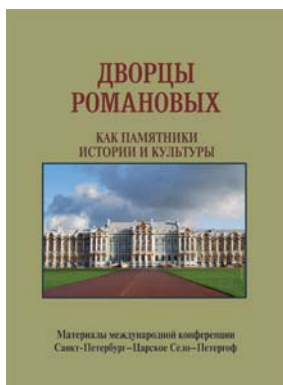

Ханс ван Конингсбрюгге. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

Сергей Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

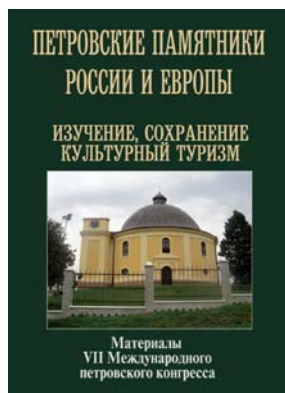

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. *Санки-Петербург—Царское Село—Петергоф, 7–9 октября 2013 года.* Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

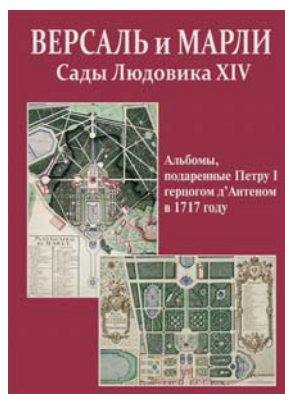

Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.* Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

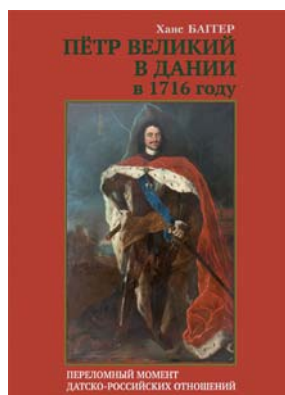
Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года. Сост. А.В. Кобак, О.В. Кувалдина СПб.: Европейский Дом, 2016. 696 с., илл.

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Европейский Дом, 2017. 396 с., илл.

Баггер Ханс. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датского Борис Жаров. СПб.: Европейский Дом, 2017. 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda

Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы

Материалы
VIII Международного петровского конгресса

*Санкт-Петербург
10–11 июня 2016 года*

Директор издательства
Е.Н. Кальщикова
Оформление, оригинал-макет
Т.Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 36.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru